

*ОКТЯБРЬ
В СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ*

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

✱

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

✱

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ь

**ОКТЯБРЬ
В СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ**

(1917 – 1987)

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1987

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Н. М. Грибачев, Р. Г. Гамзатов, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

Вступительная статья

Г. В. ФИЛИПОВА

Составление, подготовка текста,

примечания и биографические справки

И. В. КУДРОВОЙ, Н. И. КУЗНЕЦОВОЙ, Л. Г. ЧАЩИНОЙ

Редактор В. С. Киселев

ТЕМА ОКТЯБРЯ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Октябрьская тема в советской поэзии необъятно широка и многоаспектна. Когда мы говорим о ней, то подразумеваем не только события 1917 года, отображенные в художественных произведениях. Длительный период перестройки общественной жизни, сказавшийся на судьбе многих поколений, невольно воскресает в нашем сознании. Здесь и драматизм гражданской войны, и энтузиазм первых пятилеток, и героика Великой Отечественной. Здесь же и наши годы, трудные годы научно-технического переустройства, когда тоже продолжается революционное обновление действительности.

В глубинном смысле тема эта может быть обозначена так: открытие и мире и в человеке реальной перспективы социального и духовного расцвета, — а она как раз и была предопределена завоеванием в 1917 году народовластия, власти Советов.

По сути своей такая тема высоко поэтична. Октябрь по-новому высветил творчество А. Блока, Демьяна Бедного, В. Маяковского и других мастеров слова, прошедших в предреволюционные годы уже достаточно сложный путь художественных исканий. Другие же поэты именно с Великого Октября начинали вести свою творческую биографию.

Вот признание Николая Тихонова, бывшего в годы первой мировой войны бойцом гусарского полка: «Я, как и многие поэты нашего времени, могу сказать, что меня сделала поэтом Октябрьская революция. Она открыла мне глаза на мир и воспитала во мне чувство того великого интернационализма, которое соединяет народы и дает им силу в борьбе за будущее...»¹

Как бы вторя ему, но с романтической приподнятостью о своем духовном раскрепощении революцией рассказал украинец Владимир Сосюра, выходец из шахтерской среды: «Крылатые багряные кони революции принесли меня, как и тысячи таких, как я, на таинственные вершины, к которым сквозь огонь и дым невиданных битв на земле жадно стремились наши души.»²

¹ Тихоно в Н. Вместо предисловия // Избранные произведения: В 2-х т. М., 1955. Т. 1. С. 14.

² Со с ю р а В. Автобиография // Стихотворения и поэмы. Л., 1982. с. 43 (Б-ка поэта, БС).

Уже искушенный к тому времени новациями модернизма, выдающийся поэт Грузии Тициан Табидзе заявлял впоследствии: «Нас, как и русских футуристов, спасла Октябрьская революция, совершенно перестроив всю нашу жизнь и в перестройке изменив сущность поэзии». ¹ А Владимир Луговской, встретивший Октябрьский переворот шестнадцатилетним юношей, с наибольшей полнотой воссоздал его величие уже в конце своей жизни, в середине нашего века, но и тогда истоком своего вдохновения он продолжал считать 1917 год: «Октябрь повернул и перевернул все мои мысли, заставил почти задохнуться ветром времени, и с тех пор слово «ветер» в моих стихах стало для меня синонимом революции, вечного движения вперед, неуспокоенности, бодрой и радостной силы». ²

Подобные высказывания можно приводить еще долго. Ясно одно: когда советские поэты, уже признанные или начинающие, обращались к теме Октября, то для них это была не тема — они писали о своей жизни, озаренной революцией. Каждый шел к истине через постижение объективных законов истории, внутреннюю борьбу и духовное прозрение. На этом пути и созидалась великая советская поэзия.

1

Через несколько месяцев после Октябрьского вооруженного восстания Владимир Ильич Ленин дал емкую характеристику происходящих перемен: «...кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое». ³

Тяжелейшее время переживала наша страна в 1917—1921 годы. Бушует гражданская война. Развертывается империалистическая интервенция. Остановлены многие заводы, запущены пашни. И как следствие всего этого — разруха и голод. Все силы только что родившегося Советского государства отдавались тогда достижению одной цели — победить в бескомпромиссной классовой борьбе.

Но Октябрьская революция высвободила громадный запас творческой энергии народа. Восставший народ не только приступил к активному отпору врагам на фронтах боевых сражений. Он заговорил. И как!

Об этом выразительно рассказал Александр Серафимович, организовавший в ту пору работу одного из первых советских журналов:

«Восемнадцатый год. Здание Моссовета. Неуютно. Я и товарищ сидим в шапках, пальто и калошах — ноги мерзнут...

¹ Табидзе Т. Из автобиографии // Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1964. С. 50 (Б-ка поэта, БС).

² Советские писатели: Автобиографии в двух томах. М., 1959. Т. I. С. 685.

³ Ленин В. И. Главная задача наших дней // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 78.

А они все идут, и идут, и идут...

Они кладут на стол грязные бумажные огрызки, смятые, неведь где подобранные клочки оберточной бумаги, какие-то канцелярские счета, и все это покрыто невыразимыми каракулями.

Стихи! В подавляющем случае — стихи, и редко-редко рассказ, и еще реже пьеска или сценка...

О чем же писалось? О том, что разразилось невиданной громадой несчастий и новизны; писали об ужасах нечеловеческой войны, о революции, все перевернувшей; о земле, которая глянула на них просящими глазами; о помещиках-сосунах; об остановившихся фабриках — обо всем, что невиданной громадой совершалось вокруг.¹

В другом очерке с красноречивым названием «Откуда повелись советские писатели» Серафимович впечатляюще передал эмоциональный эффект, вызванный небывалым «поэтическим шквалом»: «Я ахнул. Да ведь это же не стихи! Это — неудержимый, неостанавливающийся вопль... Неугасимый голос слез, отчаяния, ужаса и вместе радости, счастья, безмерности надвигающегося. Это — радостный крик людей, блинувших из сырой задыхающей могилы, — и вдруг блеснул просвет чуть приоткрывшейся судьбы».²

Этот стихийный порыв к духовному творчеству, еще не получивший искусного художественного воплощения, необходимо было регулировать и направлять. И многие из первых постановлений Советской власти, появившихся вслед за эпохальными декретами о мире и земле, были посвящены сохранению культурных ценностей: об издании русских классиков, о постановке памятников выдающимся деятелям литературы, искусства и науки, об охране библиотек и книгохранилищ. В 1919 году был принят Декрет о ликвидации неграмотности.

Велась и повседневная работа по художественному воспитанию масс. В отделе газеты «Правда» «Почтовый ящик» начинающие поэты получали регулярные рекомендации и конкретного, и общего свойства. Например: «Вслушайтесь, всматривайтесь в жизнь, принимайте в ней какое-либо участие, и ясно будет, о чем писать»; или иного характера: «...писать стихи нужно учиться у мастеров стиха, у великих наших поэтов: Пушкина, Лермонтова, Некрасова...», «внешнему мастерству, форме стиха небесполезно поучиться у... Брюсова, Блока и Ивана Бунина». Один из призывов «Правды» хотелось бы выделить особо: искусство предназначено «для народа, для изменения жизни».³

Вот эта задача искусства — не просто изображение и даже постижение жизни, а именно *изменение* ее посредством слова и другихобрази-

¹ Серафимович А. Стихи // Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1948. Т. 10. С. 396—397.

² Серафимович А. Собр. соч.: В 7-ми т. М., 1960. Т. 7. С. 279.

³ Цит. по: История русской советской поэзии. 1917—1941. Л., 1983. С. 36—37.

тельных форм — и явилась одной из важнейших в ходе развития нашей поэзии периода революции и гражданской войны. Действенность искусства выдвигалась на первый план.

Ощувив свое творческое бессилие в борьбе с новым укладом жизни, некоторые из представителей интеллигенции с озлоблением сразу же покинули Советскую Россию (Д. Мережковский, З. Гиппиус), другие трагически осмысливали происходящее, связывая тем не менее свою судьбу с судьбой отчизны (А. Ахматова, М. Волошин). Но были и те, кто всецело отдал себя революционно-практическому переустройству действительности.

«Для поэта...— излагал свою программу Демьян Бедный,— приятнее, полезнее и почетнее своими стихами участвовать в революции, нежели писать стихи о революции. Участвовать в революции — это значит: выполнять любое задание революции, не брезгуя никакой темой и формой, варясь, так сказать, в творческом соку революционной жизни, шагая нога в ногу рядом со своим читателем, революционным пролетарием и крестьянином, а не пребывая от него на дальнем расстоянии, „на горе“, у „алтаря“». ¹

Литературная деятельность Демьяна Бедного революционных лет сполна соответствовала этому принципу. Часто поэт писал непосредственно на фронтах, общаясь с рядовыми бойцами. Под грохот артиллерии, к примеру, он передал по телефону в Петроград текст песни «Танька-Ванька», помогшей преодолеть красноармейцам страх перед танками — неведомой им до того военной техникой. Его «Проводы» пели в отдаленных уголках российской провинции, распространявшиеся в виде листовок агитстихи читали тысячи воинов и мирных жителей. Об особой популярности и действенности произведений Демьяна Бедного этих лет говорит тот факт, что они разошлись тиражом в 5 миллионов экземпляров — подобного еще в России не случалось.

Воздавая должное неутомимой работе поэта-труженика, поэта-гражданина, критик Александр Воронский впоследствии подвел итог: «Поэзия должна была спуститься со своих высот, «пойти в народ», в избу, в рабочую околицу, в красноармейскую казарму, в окопы. И здесь на первом месте стоят песни, частушки, сказания, сказки, поэмы, басни, эпиграммы, фельетоны Демьяна Бедного. Простые, нередко грубоватые, но всегда написанные живым, превосходным народным языком, хлесткие и меткие, со смешным, хитроватым мужицким юмором, они пришлись как нельзя более вовремя... Демьяна Бедного создали революционные рабочие, крестьяне, красноармейцы, он пришелся им «по духу», только ихняя среда и смогла его выдвинуть и никакая иная». ²

¹ Бедный Демьян. Очередное. М., 1935. С. 215—216.

² Воронский А. Наша литература // Октябрь в искусстве и литературе: 1917—1927. Л., С. 22—23.

Величайший пример нерасторжимости слова и дела являет творчество Маяковского первых революционных лет.

Утверждению идеи социализма была посвящена вся послеоктябрьская поэзия Маяковского, но следует выделить особо его работу в «Окнах РОСТА», когда за ночь он создавал до пятидесяти плакатов со стихотворным текстом на злободневные темы, и его попытки активизировать радио, кино и развить жанр устной газеты в провинции, создать агитационные сатирические игрушки, и многие другие формы нового прикладного искусства.

Такие эксперименты были в духе времени. Авторы и режиссеры нередко призывали читателей или зрителей к сотворчеству: в грандиозных театральных представлениях, где подчас участвовали тысячи человек, зритель становился действующим лицом, а издание «Мистерии-буфф» (1918) Маяковского сопровождалось таким авторским указанием: «В будущем все играющие, ставящие, читающие, печатающие «Мистерию-буфф», меняйте содержание,— делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным».¹

Встречное движение двух сил — творчества массового и профессионального — продолжалось и после окончания гражданской войны. В 1927 году известный библиограф И. Владиславлев констатировал: «Из народных низин течет сейчас в литературу неудержимым потоком творческая энергия!..»

Мы не можем здесь даже перечислить всех тех имен, которые творят современную литературу. По нашим приблизительным подсчетам, за эти десять лет выпускали свои произведения отдельными изданиями около 1000 человек. Среди них едва ли и сотня наберется таких, которые делали это и до революции».²

Многие из ныне признанных мастеров слова с оружием в руках защищали советскую власть. Многие из них в первые революционные годы начинали с работы в провинциальной периодике, еще не будучи профессиональными литераторами: М. Исаковский и С. Щипачев, В. Лебедев-Кумач и А. Сурков, М. Светлов и А. Прокофьев... Причем и авторы, получившие впоследствии известность как прозаики, писали и публиковали тогда стихи: Д. Фурманов и А. Малышкин, Л. Леонов и А. Платонов, Б. Лавренев и И. Катаев... Но подлинными художниками они стали не сразу — им предстояло решить немало проблем как идейного, так и собственно художнического порядка. Ведь новое искусство лишь только зарождалось.

¹ Предисловие к «Мистерии-буфф» // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1956. Т. 2. С. 245. Далее: Маяковский В. В., с указанием тома и страницы.

² «На литературном посту». 1927, № 21. С. 20.

Контрастность — вот отличительная особенность поэзии первых лет революции.

Идейно-эстетическое размежевание многих писателей нашло отражение даже в названиях их произведений: в 1918 году, к примеру, появились книга Зинаиды Гиппиус «Последние песни» — и поэма Андрея Белого «Христос воскрес»; «Молитва о России» Ильи Эренбурга — и «Ода революции» Владимира Маяковского. Оценка Великого Октября была у них совершенно различной — от громадного энтузиазма притяия (Маяковский) до безоглядного отвержения (Гиппиус).

Однако если мы сравним произведения соратников по борьбе за новый общественный порядок, то и в них обнаружим контрастность, правда контрастность эстетического плана: агитационные «Проводы» Демьяна Бедного и «Левый марш» Маяковского создавались в одном и том же 1918 году, но оба поэта по-разному решали свою задачу: один путем объективного раскрытия пробуждающегося сознания народных масс, а другой — через волевое утверждение революционного идеала, почти через команду («Разворачивайтесь в марше!»).

Наконец, даже в пределах сознания одного поэта проступает контрастность, формирующая и ритмику, и лексику, и цветовую палитру стихов:

Черный вечер.

Белый снег...—

это Александр Блок, поэма «Двенадцать». ¹

Из мелких фактов будничной тины
выявился факт один:

вдруг

уничтожились все середины —
нет на земле никаких средин.

Ни цветов,

ни оттенков,

ничего нет —

кроме

цвета, красящего в *белый* цвет,
и *красного*,

кровавящего цветом крови... —

это Владимир Маяковский в поэме «150 000 000».

Всё расхищено, предано, продано,

Черной смерти мелькало крыло,

Всё голодной тоскою изглодано.

Отчего же нам стало *светло?*..—

¹ В приводимых на этой странице цитатах курсив мой.— Г. Ф.

то Анна Ахматова, начало ее стихотворения 1921 года.

Один прием цветового контраста, но соответствует он разным и во всех трех случаях индивидуальным трактовкам происходящего.

Может показаться, что Блок символизирует два несовместимых начала жизни — старое («черное») и новое («белое»). Но дело обстояло сложнее: в той же поэме «Черная злоба» названа святой злобой, а в написанной вслед за поэмой статье «Катилина» утверждается: «...революция, как все великие события, подчеркивает черноту». ¹ И «черное», и «белое» совмещались в душе поэта, ощутившего расколотость мира.

Иначе у Маяковского — в его стихах действительно воплощено столкновение двух враждебных миров резко, как на плакате, — это прежде всего столкновение противоборствующих классов.

А у Анны Ахматовой трагедийная сущность великих перемен выражена глубоко интимно — как процесс обновления жизни, мучительный, но тоже благословенный:

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Каждый из подлинных поэтов того времени, принявший революцию, мог сказать: «Моя революция», ибо каждый искал себя в революции, постигая ее смысл. Для одних этот процесс оказался бесплодным, для других открыл неведомую до того перспективу духовного роста. Однако было и нечто объединяющее: признание небывалой масштабности происходящих перемен. Позднее Валерий Брюсов скажет об этом так:

Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властей века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.

(«Ленин», 1924)

Впрочем, еще в 1918 году о максимализме поставленных «новой эрой» задач Александр Блок в статье «Интеллигенция и революция» писал: «Что же задумано? *Переделать все*. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». ² Он же призывал в той статье: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию». ³

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 85. Далее: Блок А. А. с указанием тома и страницы.

² Блок А. А. Т. 6. С. 12.

³ Блок А. А. Т. 6. С. 20.

Многое зависело от того, кто был более других способен революцию «слушать». И не только «слушать», но «слышать» и действовать в ней.

В русской поэзии к тому времени уже сложилась богатая традиция, непосредственно связанная с народно-освободительным и революционным движением. Вольнолюбивые стихи Пушкина и декабристов, лирика Лермонтова и Огарева, многоохватный эпос Некрасова и едкая сатира поэтов «Искры», гражданская поэзия народовольцев («Отречемся от старого мира...» было написано П. Л. Лавровым еще в 1875 году!) подсказывали средства к прямому разговору с эпохой тем, кто претворял в стихах дух революции. На третьем этапе освободительного движения в России Максим Горький с поразительной отзывчивостью воплотил в своем творчестве мироощущение русского пролетариата. «Песня о соколе» (1895), «Песня о буреви́стнике» (1901), «Человек» (1903) — эти поэмы сконцентрировали силу народного протеста и уверенность в достижении своего счастливого будущего, правда пока еще в отвлеченно-романтической форме. Но обрисовались уже и конкретные черты литературы нового типа, прежде всего в горьковском романе «Мать», повествующем о росте самосознания рабочих и крестьянства.

К тому времени получили широкую известность песни на слова Л. Радина («Смело, товарищи, в ногу», 1897), Г. Кржижановского («Варшавянка», 1897), Ф. Шкулева («Мы кузнецы, и дух наш молод...», 1906); в поэзии стали раздаваться голоса и непосредственных участников революционных событий 1905—1907 годов.

Естественно, что в условиях диктатуры пролетариата особенно активизировались те поэты, которые своим жизненным опытом выстрадали предысторию Октября, были кровно связаны с революционным движением начала века и которых так и называли — пролетарские.

Это Владимир Кириллов, в мальчишестве сапожный подмастерье, а затем принимавший участие как агитатор и дружинник в революционной борьбе 1905 года в Одессе; Михаил Герасимов, с девяти лет начавший работать на железной дороге, после вступления в РСДРП попавший в тюрьму и живший потом несколько лет политическим эмигрантом за границей, а в 1917 году командовавший отрядами Красной гвардии на Оренбургском фронте; Василий Александровский, рабочий кожевенного предприятия, познавший ужасы первой мировой войны; опытный большевик-подпольщик Алексей Гастев, делегат IV (Стокгольмского) съезда РСДРП; сменивший множество рабочих профессий Алексей Маширов-Самобытник... По-разному, но в общих чертах схоже сложилась судьба Николая Полетаева, Ильи Садофьева, Сергея Обродовича и многих их сподвижников, приобщившихся к литературной деятельности еще в предреволюционные годы, но только после Октября заговоривших во весь голос. Объединенные Пролеткультом, а затем «Кузницей», все они ощущали общность человеческой и литературной судьбы, ибо изначально вкусили горечь буржуазной эксплуатации и в новых

условиях жизни увидели реальную возможность претворения своих идеалов. «Революция 1917 года,— писал, в частности, В. Кириллов,— явилась для наших поэтов величайшим праздником. Мы снова запели, восторженно, поступленно...»¹ В этом легко убедиться на примере таких стихотворений, как «Гимн коммунаров» старейшины «пролетарского цеха» Ф. Шкулева, «Песня Коммуны» В. Князева, «Матросам» В. Кириллова, где похвалились «хвала труду и каплям пота, хвала мозолистым рукам», прославлялись союз «сына фабрик и вольного плуга», «открытые лица, широкие плечи, стальные винтовки в бесстрашных руках». Причем, как правило, во всемирном масштабе:

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже Коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

(«Матросам», 1918)

То, что коллективное начало возобладало в их лирике над интимно-личностным, было естественным велением времени. Ведь и Блок занес в свой дневник 1918 года знаменательную запись: «Революция — это: и — не один, а мы. Реакция — одиночество, бездарность, мять глину».²

Пафосом всеобщего единения и примечательны стихи поэтов-пролетариев. Для И. Садофьева, например, «я» — «всемирный товарищ», который правит «перестройкой мира», уничтожая все черное «в битве классовых пожарищ», и это декларативное суммарное «я», поглощает отдельную личность, к финалу переходит в обобщающее «мы» («Всемирный товарищ», 1917—1918). Вторят И. Садофьеву и В. Кириллов («Мы — во власти мятежного, страстного хмеля...»), и В. Александровский («Мы временно смерть призвали Гниющее прошлое сжечь...»), и А. Гастев («Мы растем из железа», «Мы посягнули», «Мы вместе») и другие.

В таких стихах, говоря словами Маяковского, действительно дышали «громада-любовь» и «громада-ненависть». Если любовь — то вселенская, если ненависть — то испепеляющая дотла. Это были реальные переживания людей, создающих небывалую в истории человечества эпоху, когда рушились вековые обычаи и открывался поистине космический простор. Героическое напряжение, в котором жили борцы за народное счастье, требовало от них аскетического самоограничения, отказа от личных благ, и даже такие чувства, как доброта или сострадание, они зачастую сознательно заглушали в своих сердцах.

Показательны строки из «Красного евангелия» Василия Князева (1918):

¹ Цит. по: Зелинский К. О Владимире Кириллове // Стихотворения. М., 1958. С. 10.

² Блок А. А. Т. 7. С. 328.

Мы будем добрыми, товарищ,
Но не во дни,
Когда лишь зарева пожараищ
Кругом одни.

Мы пощадить злодея рады,
Но не сейчас,
Когда повсюду без пощады
Враг душит нас.

В условиях жестокой борьбы народа с угнетателями молодая советская поэзия в первую очередь воспитывала мужество, уверенность в силах освобожденных масс, в правоте избранного пути.

Вместе с тем в такую решимость и уверенность вторгались и интонации боли, сопереживания близким, голос чуткого и отзывчивого сердца.

Когда Сергей Обрадович в стихотворении «На фронт» (1920) восклицал: «Знамя! Над боевой дорогой Красной вестью вейся!» и дополнял свой призыв словами: «Мать!.. Не тумань тревогой Сердце красноармейца!» — ощущалось, ценой каких душевных усилий достигалась революционная стойкость. Тот же Обрадович, пережив потерю отца, матери и сына, умерших от голода в Москве в 1918—1919 годах, нашел в себе силы написать цикл «Стихи о голоде» (1921) как о всенародном бедствии, обрисовать затихшую столицу, где двери домов сорваны с петель, окна безмолвно черны, неподвижен ржавый кран над корпусом завода,— и все-таки услышать, как за стеной «по складам читающие губы Разучивают „Интернационал“». ¹

Драматическое противоборство чувств открыто проступало и в стихотворении В. Александровского «Мать» (1919):

...Я, поэт огневых баррикад,
Сын твой
И брат твоих сыновей...
...Я знаю, как ты
Ненавидишь меня,
Проклинаешь меня
За то, что своими гимнами
Я гнев зажигал в бою,
За то, что днями дымными
Ранил любовь твою.

Оказывается, сын, как и его мать, тоскует о ласке, о нежности, глаза его ищут весенних улыбок, радости, солнца. А время требует непреклонной беспощадности к врагу:

Святая!
Когда твое сердце
Раненой птицей

¹ Примечательно, что цикл этот был издан Московской губернской комиссией помощи голодающим Поволжья в 1921 г.

Бьется в крови,
Знай: и мне,
Поэту битв,
Огневых баррикад,
Как никогда тяжело...
Тяжело!
Но снова и снова,
Стиснув зубы от боли,
Пою и кричу:
«В бой!»
«Вперед!»
Так надо,
Так суждено.

Впрочем, обнажение подобной психологической коллизии в творчестве пролетарских поэтов встречалось нечасто. В своей основе лирика большинства из них величаво-торжественная, и многообразие чувств реального борца революции редко получало адекватное воплощение.

Отчасти это объяснялось недостаточной профессионально-художественной выучкой тех, кто долгие годы был захвачен прежде всего заботой о социальном переустройстве общества. Ведь тот же В. Кириллов, вспоминая, как он и его соратники после Октября «запели... кто как умел», тут же чистосердечно признался: «...а умели мы плохо, но петь, кроме нас, было некому, а надо было петь во что бы то ни стало».¹

Все же причины их творческих неудач коренились глубже. Дело в том, что большинство из упомянутых авторов поддавалось влиянию ложных представлений теоретиков Пролеткульта об особой «психологии пролетариата», требовавшей будто бы полного отказа от классических литературных традиций. Отсюда противопоставление нового зарождавшегося искусства гуманистическим ценностям прошлых веков, упрощенные представления о форме художественного произведения. На деле это привело к тому, что пролетарские поэты подчас оказывались в плену самых разных стилевых тенденций.

Действительно, в пределах творчества одного поэта, к примеру Владимира Кириллова, прихотливо уживались интонации, заимствованные из романсной лирики начала века («Я подслушал эти песни близких радостных веков...»), из Маяковского («Железный Мессия»), из К. Бальмонта и И. Северянина («Матросам»). В результате такие произведения и силу новизны своей тематики и привычности художественных средств быстро входили в новый революционный быт, взбудораженный историей,² но в дальнейшем уже не звучали.

И все-таки, несмотря на художественную обедненность поэзии

¹ Цит. по: З е л и н с к и й К. О Владимире Кириллове. С. 11.

² В. Кириллов констатировал: «Многие мои стихи, положенные на музыку и зафиксированные на граммофонных пластинках, широко распространялись по всей стране» (цит. по: З е л и н с к и й К. О Владимире Кириллове. С. 11).

пролетарских поэтов, им удалось выразить главное веление времени — передать жизнеутверждающий пафос Октября. Тем самым они вписали в историю литературы одну из примечательных страниц новой зарождающейся культуры.

Размышляя о ней, В. Брюсов в 1920 году писал: «...не так важно, кто выступает первыми строителями новой культуры, — пролетарии, еще продолжающие жить в тех условиях, которые были характерны для пролетария при старом укладе жизни (напр., фабричные рабочие), или пролетарии, уже от этих условий освободившиеся и уже всецело посвятившие себя культурной работе (напр., иные из наших пролетарских поэтов), или, наконец, люди, вышедшие из иного класса, но отдающие свои знания и способности на дело нового строительства. Только совокупными усилиями всех таких деятелей, непременно пролетариев и непролетариев, могут быть заложены первые основы новой, искомой культуры».¹

Свой вклад в становление советской поэзии внесли и те поэты, которых называют новокрестьянскими. Это Н. Клюев, С. Есенин, С. Жычков, А. Ширияевец, П. Орешин и другие. Для них, как и для пролетарских поэтов, Октябрь открыл новую эру жизни. «В годы революции был всецело на стороне Октября...»² — скажет впоследствии Сергей Есенин. В 1918 году вступает в большевистскую партию Николай Клюев и активно участвует в революционной пропаганде в родной Олонии. Петр Орешин становится заведующим литературным отделом газеты «Голос трудового крестьянства», органа ВЦИКа. Но, разумеется, «крестьянский уклон» в их творчестве бросался в глаза.

Знаменательны слова Александра Ширияевца: «Старинное перевернулось с новым» («Кремль», 1918). А воспроизведение нового давалось с трудом. Не случайно в стихах о революции того же Ширияевца преобладали традиционные образы, идущие из фольклора: Илья Муромец, Егорий, разящий «черных гадов», Микула Селянинович...

Пожалуй, с наибольшей отчетливостью трудности в преодолении старокрестьянских идеалов и иллюзий проявились в творчестве Николая Клюева. Уже в 1917 году в «Песне Солнценосца» и в «Красной песне» он воспевает народ, освобождающийся от оков угнетения:

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

(«Красная песня»)

В его стихах той поры прославлялась вся необъятная Россия, восставшая против деспотии («Хлеб да соль, Костромич и Волынец, Олончанин, Москвич, Сибиряк!»; «Здравствуйте, Волхов-гуслиар, Степи

¹ Брюсов В. Пролетарская поэзия // Собр. соч.: В 7-ми т. М., 1975. Т. 6. С. 463.

² Есенин С. О себе // Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1968. Т. 5. С. 22.

Великих Бухар, Синий моздокский туман, Волга и Стенькин курган!)). Подчас он открыто перекликается с пролетарскими поэтами: «Мир хижинам, война дворцам, Цветы побед и честь борцам!» («Гимн Великой Красной Армии», 1918 или 1919).

Однако, будучи приверженцем патриархальных устоев русского Севера, Клюев трактовал совершающийся исторический перелом прежде всего как возрождение старозаветной мужицкой Руси и вожделенным, родным «избяным» раем провозглашал «Китеж-град, ладан Саровских сосен». В его мифологической концепции властвовал «Мужицкий Спас», в чини которого причащаются все народы и племена — «Китай и Европа и Север и Юг».

Религиозные убеждения Клюева, конечно же, мешали ему воплотить реальный ход общественных событий, но в целом его стихотворения 1917—1919 годов — красноречивое свидетельство широты проникновения революционных идей в народные крестьянские массы и сложности их усвоения.

В творчестве других крестьянских поэтов трактовка Октября была менее скована патриархальной идеологией деревни. Так, обширный цикл стихов создает в это время Петр Орешин. В них — дух обновления, принесенный революцией на село:

Ходит звоном по околицам
Светлой воли грозный клич.
Рожь нескошенная клонится
Слово новое постичь.

Гей вы, птахи бездомовые,
Гей вы, соколы без крыл,
Буйных ветров крылья новые
День вам новый подарил!

Камни золота тяжелого,
Спесь царя у ваших ног.
Я кладу на ваши головы
Снятый с месяца венок!

(«Венок», 1918)

И вот что примечательно: в сознании Орешина, кровно сращенного с родной землей, союз крестьянства с рабочим классом представляется естественным и необходимым. Подобно Н. Тихомирову, торжественно заявившему: «Мы с тобой родные братья: Я — рабочий, ты — мужик» («Братья», 1917), певец поволжских полей и нив от лица пролетария бросает в глубины мужицкой массы свой клич о единении («Клич», 1918).

И освобожденный труд у «поэта села» Орешина уже не мыслился без господства машин: «Долой наши сохи и косы. Да здравствуют гулы машин! Кто первым все прошлое сбросит — Тот верный Республике сын!»

Призыв к созидательному труду объединял всех приверженцев Октября, независимо от их социального происхождения и эстетических

пристрастий. Так, в стихотворении Н. Клюева «Труд» (1918) восхваляются «батрак, погонщик, плотник и кузнец», В. Каменский публикует цикл «Паровоз Октября» (1919), где победное шествие революции реализуется в сотворении тракторов, паровозов, морских кораблей; узбекский поэт Хамза Хаким-заде Ниязи в стихотворении «Да здравствуют Советы» (1918) призывает: «Трудись и счастье приумножь, Теперь бездействие — позор!»

Проступают объединяющие черты и в художественной системе: напряженная экспрессия, волевой напор, гиперболическая символика. Не случайно в стиле того же Орешина, родственном отчасти есенинскому, есть черты, близкие и поэтам Пролеткульта («Красные зори обняли темную землю, Русь подняла миру свой солнечный стяг»; «Наши крылья — красный стяг»; «Мечтою огненной, как стяг, Мы землю опояшем» и т. п.).

Такое созвучие образов объяснялось во многом не только близостью социальной ориентации пролетарских и крестьянских поэтов во время революционного перелома (знаменательно, что в 1918 году «Кантату», посвященную борцам за Советы, создавали сообща С. Есенин, М. Герасимов и С. Клычков, а в 1920 году они же вместе с П. Орешиним, А. Шириевцем и другими предприняли попытку образовать крестьянскую секцию в рамках Пролеткульта), но и более общей эстетической особенностью искусства тех лет.

При всей обнаженной контрастности (о чем было сказано выше) оно тяготело и к монолитности: к лаконичному художественному отображению сущности времени.

В языке этой поэзии с ее тяготением к художественному абстрагированию получили широкое распространение универсалии, выражающие грандиозность Октябрьских перемен. Это: Солнце, Вселенная, Шар Земной, над которым властвует Пролетарий, Серп и Молот. Симптоматично и воскрешение библейской образности (с чем еще тогда могли сравнить «новую эру», как не с мифическими событиями тысячелетней давности?), русских исторических и былинных фигур — Стеньки Разина, Пугачева, Святогора-богатыря и других. Использовался этот арсенал образов поэтами самых разных творческих манер — и пролеткультовцами, и Маяковским, и Есениным, и Блоком, и Брюсовым, и Демьяном Бедным.

В этом ряду образов, пожалуй, наиболее распространенным стал образ красного знамени и даже шире — символическое значение красного цвета. Уже в «Двенадцати» Блока он проблеснул на фоне «черного» и «белого». А стихов и сборников, где он доминирует, не перечеть.¹ Во

¹ Назовем лишь «Красную Русь» Н. Тихомирова (1918), «Красный цветок» А. Маширова-Самобытника (1918), «Красную звезду» М. Герасимова (1919), «Красный локомотив» И. Ионова (1919), «Красный Кремль» В. Кириллова (1920), стихотворения П. Орешина «Красный стяг» (1919), «Красная мельница» (1919), «Красный поезд» (1919).

многих случаях такой эпитет даже не был рассчитан на вызов конкретного цветового ощущения, выступая лишь как синоним революции, но часто он выразил и индивидуальное понимание художником эпохи.

«Красный цветок» А. Маширова-Самобытника — это «нежно-пурпурный цветок баррикад», пламень народных страданий; у М. Герасимова «красная звезда» — красноармейская, раскрывшая пять крыл над пробужденным миром; у В. Александровского «Октябрь наездником красным Пролетел на стальном скакуне». Здесь всюду значения «красного» определены и однозначны.

А в стихотворении Николая Полетаева «Красная площадь» (1918) тот же цвет вписывается в богатую цветовую гамму: «Знамен кровавых колыханье На бледно-синих небесах, Их слов серебряных блистанье В холодных и косых лучах». Восторженность уступает место суровой сосредоточенности, внушенной «строгостью бледно-серых лиц» и тревожным гудением аэропланов над площадью. Это уже наметки психологического подхода к теме.

В стихотворении Николая Асеева «Кумач» (1921) слову «красное» придается собирательное значение, в том числе, конечно, прямое и переносное:

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот
и красный — на площади Красной —
народ.

«Красное» может означать и «красивое» — старое значение слова оживает, и в финале стихотворения площадь, прежде окрашенная кровью угнетенного народа, предстает во всей красе его освобождения:

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот,

красуйся над миром,
мой красный народ!

Ощущение бесповоротного краха старого режима у ряда поэтов вызывало углубленные раздумья о судьбе родной страны, ее национальных традиций. Появляется много стихотворений, в названиях которых звучат слова «Россия», «русский», «Родина». В них и тревожное переживание небывалого катаклизма («Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение? Была ли ты? Есть или нет?» — М. Волошин), и жертвенное самоотречение («Россия, Россия, Россия — Безумствуй, сжигая меня...» — Андрей Белый), и осознание особой исторической миссии русского народа («Скифы» А. Блока).

В этих стихах властвовали и романтическая приподнятость, как, например, в «России» (1918) В. Нарбута («Россия Разина и Ленина, Россия огненных столбов!»), и натуралистическая метафоричность, как у И. Эренбурга в стихотворении «России» (1920), уподобившего революционную страну рожающей в муках женщине. Но общая особенность патриотического чувства этих лет заключалась в том, что оно обрело интернациональный размах: освобождение русского народа от оков многовекового угнетения мыслилось как начало мирового революционного процесса.

Это понимали и видные деятели культуры других народов нашей многонациональной страны.

«Имейте в виду, — писал крупнейший армянский поэт Ованес Туманян в 1920 году, — что происшедшие события не случайны. Таков прямой ход истории: наше будущее, как я и говорил всегда, связано с Россией, и чем свободнее будет Россия, тем лучше для всего мира». ¹ А Тициан Табидзе отметил впоследствии: «Стоять на стороне поколения, создающего Октябрь, считалось тогда геройством в искусстве». ²

Передовые художники многих национальностей этот героизм проявили.

Несмотря на то что к 1917 году разные народы и нации, которые затем вошли в состав СССР, достигли различного общественного и культурного развития — одни уже встали на путь капиталистической цивилизации, другие еще жили во власти феодальных обычаев, а в некоторых районах Севера и Дальнего Востока сохранялся и первобытно-общинный строй; одни наследовали богатые литературно-художественные традиции, а иные даже не обладали письменностью, — социалистические идеи уже распространились в начале века повсеместно. Октябрьская революция активизировала их и в сознании народных сказителей — акынов, ашугов, шаирав — и профессиональных литераторов. Многие из них принимали непосредственное участие в революционном движении.

Украинский поэт Василь Чумак, ведший подпольную борьбу, в 1919 году был расстрелян деникинской контрразведкой. Через год в шинель красноармейца облекся Владимир Сосюра. В 1918 году вступил в коммунистическую партию армянский поэт Егише Чаренц, которому довелось защищать Советскую власть в Ереване от дашнакского мятежа. В печатных органах красных латышских стрелков сотрудничал Ян Судрабкалн, в правительство Советской Эстонии (1918—1919) вошел переводчик «Интернационала» на родной язык Ханс Пегельман. Страстный певец Октябрьской революции в Казахстане Сакен Сейфуллин был заключен в «вагон смерти» контрреволюционного атамана Анненкова.

¹ Советские писатели: Автобиографии. М., 1966. Т. 3. С. 695.

² Цит. по: Ц у р и к о в а Г. Поэзия Тициана Табидзе // Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1964. С. 28 (Б-ка поэта, БС).

Основоположника таджикской литературы Садриддина Айни, по приказу бухарского эмира заточенного в тюрьму, освободили революционные солдаты... Таких страниц история насчитывает множество.

Конечно, говорить о четких социально-политических воззрениях всех поэтов, славивших Октябрь, еще было рано: большинством из них владел стихийный пафос народного освобождения, приобщения к «музыке революции». Примечательна история создания Садриддином Айни «Марша свободы» (1918) на мотив «Марсельезы». По свидетельству современников, «Айни в то время еще слабо владел русским языком; он не мог еще сам прочесть где-нибудь текст «Марсельезы», как не мог и понять всех ее слов, услышав, как она поется на улице. Поэт внимал песне, видел, какой подъем она вызывает у поющих ее солдат и рабочих и у слушателей... Так было создано им совершенно новое, оригинальное, но в то же время теснейшим образом связанное с русским текстом «Марсельезы» стихотворение».¹ Подобным образом возникали и стихи Абулькасима Лахути — «Красная Армия» (на мотив песни «Белая армия, черный барон...»), «Мы — дети трудящихся» (на мотив «Смело, товарищи, в ногу...»), «О, люди труда...» (на мотив «Варшавянки»).

Хотя в первые революционные годы поэты следовали разным национальным традициям, в их творчестве произвольно проступали общие черты, обусловленные переломной эпохой. Отказ от личного интереса во имя освобождения и счастья миллионов угнетенных наблюдается повсеместно. «Личное сейчас помеха. Общих дел сегодня день!» — восклицал Химза Хаким-заде Ниязи. «Всё — от тебя, всё — для тебя», — вторил ему в «Гимне революции» (1919) эстонец Ханс Пегельман. А латыш Андрей Унит вкладывал в уста любимой такие слова: «Пусть наша нежность, счастье наше В бою не расслабляют нас».

Уникальная ситуация сложилась в поэзии первых лет революции. Все дышало чувством свободы, раскрепощения личности, а сама идея личного отвергалась. Мысль поэтов всецело была обращена в будущее — и будущее уже оказывалось претворенным сейчас. «Будущее наступило! Будущее победитель!» — эти слова Маяковского — ведущий мотив той поры.

3

Сам характер лирического мироощущения поэтов в 1917—1921 годы нес в себе монументальное, эпическое начало, что обусловило и возникновение поэм нового типа. Их отличительная формальная особенность — малый объем: «Двенадцать» Блока — 335 строк, «Июния» Есенина (самая обширная из его «маленьких поэм») — 212, «Восстание» Василия

¹ История советской многонациональной литературы: В 6-ти т. М., 1970. Т. 1. С. 38.

Александровского — 208, «Главная улица» Демьяна Бедного (создавалась, в основном, в этот период, хотя завершена в 1922 году) — 191 строка. А символически озаглавленная «Поэма из поэм» Ильи Садофьева (1917—1918) была самой лаконичной: всего 16 строк! В сущности, это даже не поэма, а как бы сгусток массовых переживаний: «Восстанием, революцией, волей окрыленной Коллективно создана поэма из поэм».

Содержание лучших из этих произведений было действительно эпохальным, и большинство их заключало в себе особую «модель мира». В свершающемся ныне отчетливо проступали контуры желанного грядущего, которое каждый мыслил по-своему.

Александр Блок в ходе сотворения своего «романа в стихах» («трилогии вочеловечения» — три тома его стихотворений и поэм) проникался тем состоянием души, при котором стихия интимных переживаний должна была слиться со стихией общенародной жизни. Очищающий шквал Октября подтвердил прозрения поэта. Его «Двенадцать» особенно значительны тем, что поэт попытался осмыслить происходящее во всемирно-историческом масштабе (в соответствии со своей субъективной концепцией культуры и цивилизации), открыть новое содержание в традиционном понятии гуманизма. Поэт воспринял Октябрь как поворотный момент в истории, высвободивший народную стихию, — и в ней расслышал музыкальный ритм, враждебный основам прогнившей буржуазной цивилизации и знаменующий создание новой культуры. В революционной стихии он распознал диалектическое единство разрушения и созидания. И прежде всего — созидание нового человека, нового типа личности, способного *«жадно жить и действовать* в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество». ¹ В сознании такого человека не будет существовать противоречия между политическими, этическими и эстетическими представлениями, ибо он пройдет путь духовного пересоздания — через жертвы, через возмездие — и не только социального, но и психологического (переживания Петрухи не случайно выглядят как психологическая кульминация «Двенадцати»). Фигура Христа, завершающая поэму, символически указывала направление пути восставших — к духовной цельности и полноте. ²

Вспомним, что сам автор относился к этому образу противоречиво: и отстаивал необходимость его появления, и осознавал его условность, ибо вкладывал в этот старинный символ смысл, не совпадающий с церковной доктриной. Но если в массовом восприятии «Двенадцати» финал поэмы остался непонятым и даже неприемлемым, то широкий резонанс

¹ Блок А. А. Крушение гуманизма // Блок А. А. Т. 6. С. 115.

² В этом плане симптоматична связь трактовки Христа с блоковской концепцией нового типа личности — «человека-артиста». См.: Долгополов Л. К. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Л., 1979. С. 69—70.

получили саркастические зарисовки представителей старого мира, прищипанные интонации стихов, где авторский голос сливается с народным: «Мы на горе всем буржуям Мировой пожар раздуем»; «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!».

Гораздо большей условностью отличалась поэма Андрея Белого «Христос воскрес» (1918). В ней исторически конкретный план, который прорисован в «Двенадцати», отсутствует начисто. И хотя основная идея — через страдание к воскресению — не противоречит блоковской, ее художественное воплощение при всех формальных новациях оказалось прищипанным. Поэма разворачивается как бы вне времени и пространства («Есть. Было. Будет»), и страдания ее героя оказываются самоценными, вне реальных социальных конфликтов. Свое «да» революции Андрей Белый произнес, но слияния с народным сознанием, как у Блока, у него не получилось.

Отзвуки символистской поэтики слышались и у некоторых пролетарских поэтов, пытавшихся создать эпос революции.

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, цепки.
Что-то растет.
Кто-то огромный идет,—

Так начинается поэма Василия Александровского «Восстание» (1918). В ней конкретные и чувственно воспринимаемые детали («Выстрелы. Пороха запах. Стоны короткие. Резкие крики. Пожар») тонут в атмосфере необычайного, невыразимого («Ширится тайна. Растет. Небо краснеет. В муках Великое зреет, Идет»), а почти натуралистические подробности («Зубы вдруг заскрежетали, Точно ржавое железо... Окровавленное тело, Как пружина, Снова ринулось в туман») входят в символическую сцену борьбы «тьмы» и «рассвета», на которой и строится архитектура произведения.

Поэзию 1917—1921 годов принято называть в основе своей романтической. Это неоспоримо и объяснимо: романтические тенденции в искусстве активизируются во времена решительных исторических переломов. Но относительно романтического характера литературы Октября если и стоит говорить, то подразумевая не романтизм, а романтику. Не мечта о золотом веке, не разрыв идеала с реальностью, а твердая уверенность в его близком материальном воплощении питала творческое воображение поэтов. Прежде казавшееся утопическим ныне представлялось реальным. Грядущее свершается сейчас — вот лейтмотив поэзии революционной поры.

Когда Михаил Герасимов, например, восторженно писал о том, как «мы проведем на кратер лунный Стальные стрелы красных рельс, В лучисто-млечные лагуны Вонзится наш победный рейс», — он выдавал желаемое за уже достигнутое. В этом же стихотворении читаем:

Мы рук мозолистых спаянем
Меридианы облегли,
Солнц электрических сияньем
Полярность неба обожгли.

Взрастили под полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

(«Мы победим, клокочет сила...», 1918)

А в произведениях Алексея Гастева, вошедших в его книгу «Поэзия рабочего удара» (1918), пользовавшуюся тогда особой популярностью, цивилизация будущего предстала в своей вещественной яви: стеклянные города, плодоносные земли Севера, искусственные водоемы, подземные вокзалы, лаборатории, осваивающие лаву в центре Земли, механический мозг и многое другое, что осуществляется лишь в наши дни.

Эта технократическая концепция, однако, имела и оппонентов. Сергей Есенин в своей «Инонии» (1918), являющейся центром его «маленьких поэм» 1917—1919 годов (от «Товарища» до «Пантократора»), нарисовал иную картину родной страны, возрожденной Октябрьской революцией. Там возникал «вселенский вертоград», где место отринутого бога заняло «божество живых», где сельская Россия вошла в органическое и гармоничное единство с природой. Таким путем, по мысли поэта, только и возможно восстановить свое родство с космосом и в конце концов овладеть им. В трактате «Ключи Марии», созданном в том же, что и «Инония», году, Есенин пророчествовал: «Пространство будет побеждено... Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет переключаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности».¹

Чувством необъятности мира пронизаны и другие есенинские поэмы, в частности «Иорданская голубица» (1918). Библейские мотивы играют здесь роль метафор, не более, а торжествует здоровое «языческое» начало: и космос, и Млечный Путь ощутимы, осязаемы. И любимая Есениным Родина, «отчалившая Русь», входит в великое «вселенское братство людей».

Две тенденции в предвидении будущего — урбанистическая и природно-крестьянская — уживались в сознании Велимира Хлебникова. Еще в юности поставив перед собой грандиозную задачу — разгадать основной закон времени и изначальной человеческой речи, он в своей «сверхповести» «Зангези» (1922) изложил проект «звездного языка», способного соединить все космические цивилизации. А в поэме «Ладомир» (1920), где рисуется ладная, то есть счастливая, страна, город украшен «Лобачев-

¹ Есенин С. Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1962. Т. 5. С. 44.

свого кривыми», море окружено чехлом холмообразного стекла, а озими выверены уравнениями. И там же торжествует свобода природной жизни:

Опять волны мычат в пещере,
И козье вымя пьет младенец,
И идут люди, идут звери
На богороды современниц.
Я вижу конские свободы
И равноправие коров.
Былиной снов сольются годы,
С глаз человека спал засов.

Научное смыкалось с мифологическим, космическое — с национальным. У Хлебникова в освобожденном Людостане «умный череп Гайаваты» украшает «голову Монблана», божества Древнего Рима и народа майя — Юнона и Цинтекуатель — восхищаются картинами Корреджо и Мурильо, а Ункулункулу и Тор (из мифологии Африки и Скандинавии) мирно играют в шашки. И опять-таки: будущее представало как настоящее. А путь к нему признавался один — через революционный переворот: «Это будет последняя драка Раба голодного с рублем, Славься, дружба пшеничного злака В рабочей руке с молотком!»¹

Подобное насыщение современности мифологическими, фольклорными и географическими реалиями — отнюдь не показатель историзма: чаще всего они метафорически воплощали идею всемирного значения Октября, отменяющего социальные, национальные дистанции и, как видим, даже природные различия.

У Хлебникова концепция всеединства была связана с натурфилософскими проблемами, у Маяковского — с социальными («Мистерия-буфф», «150 000 000»), у Клюева она выросла из его патриархальных верований.

Что же касается пролетарских поэтов, то их интеллектуальная «всеохватность» определялась прежде всего интернационалистическим характером миропонимания, также, впрочем, лишенного исторической конкретности. В Кириллову, например, слышался под куполами Кремля «израненный Индии стон И вопли несметных раскосых рабов»; при этом, сравнивая происходящее с мировым потопом, он восклицал: «О Новая Мекка, о Ноев ковчег!» («Красный Кремль», 1920). А М. Герасимов предысторию Октября увидел «в кристаллах мрамора Анджемо» (Микеланджело), в Иудее, «когда любви учил Христос», в труде создателей «Парфенона И исполинских пирамид, Всех сфинксов, храмов, пантеонов...» («Мы всё возьмем, мы всё познаем...», 1917).

¹ Аналогичный вселенский подход к революционной теме отличал и других поэтов. Например, у Клюева: «в ракетах ветер-Алконост Поет о Мекке и арабе, Прозревших лик карельских звезд»; у него «все племена в едином слиты. Алжир, оранжевый Бомбей», «как гость в зырянское зимовье Приходит пестрый Эрзерум», «Китай за чайником мурлычет, Чикаго смотрит чугуном» («Я — посвященный от народа...», 1918).

Особенно часто поэты обращались и к образам вождей народных восстаний, что легко объяснимо, но и этот факт еще не говорит об историзме мышления, которое предполагает воссоздание индивидуальной неповторимости изображаемой эпохи и социальную определенность в обрисовке героев. Ведь поэмы П. Орешина «Стенька Разин» (1917), «Емельян разбойник» (1917), А. Ширяевца «Разин» (1920), В. Хлебникова «Уструг Разина» (1922) и другие лишь выражали пафос сегодняшней народно-освободительной борьбы без объективного проникновения в минувшую эпоху. Так, В. Каменский, закончивший в 1918 году поэму «Сердце народное — Стенька Разин», построил ее как свободный монтаж лирических миниатюр, завершив их ликующим восклицанием:

Весело. Вольно. И молодо.
Все мир новый рожаем...

Прошлое оказывалось лишь средством для утверждения будущего.

Как мгновенный прорыв в грядущее строилась и поэма Маяковского «150 000 000», первоначально имевшая название «Иван» с подзаголовком «Былина»: после решающей схватки богатыря Ивана с президентом США Вильсоном, олицетворявшим власть капитала, сразу наступал «год с нескончаемыми нулями».

Наиболее показательным и в своем роде итоговым произведением советской поэзии периода революции и гражданской войны явилась поэма Демьяна Бедного «Главная улица».

Уже в его повести «Про землю, про волю, про рабочую долю» (1917—1920), завершавшейся главой «Большевистский Октябрь», главным героем стала сама бурно развивающаяся История. Правда, попытка совместить ее ход с конкретной судьбой персонажей не увенчалась успехом: характеры Ивана, Маши, Климка оказались схематичными.

А вот в «Главной улице» (1917—1922) Демьян Бедный вовсе отказался от психологической обрисовки персонажей, и это сообщило его замыслу художественную цельность. По внешним композиционным признакам поэма несколько напоминает и «Двенадцать», и «150 000 000». Сначала в ней обрисованы представители старого мира, затем возникает аллегорическая фигура Нового Хозяина, олицетворяющего восставший народ; происходит столкновение враждебных сил, наступает победа восставших — и в финале звучит призыв ко всемирному освобождению.

Но если в поэме Блока важнейшую роль играл сюжетный узел, связанный с гибелью Катюшки, автор «Главной улицы» и не помышляет о введении подобного эпизода. Если фигуры, представляющие старый мир в первой главе «Двенадцати», — социально-психологические образы, хотя и предельно лаконичные, но метко запечатленные, то под пером Демьяна Бедного возникают именно социальные *маски*, и акцент делается на их *классовой* принадлежности: перед нами не просто портной, но «модный

партийной», не просто меховщик, но «туз-меховщик», не просто ювелир, но ювелир *патентованный*.

«Главная улица» — сама история в ее революционном движении, воссозданная участником решающих битв. И интонационно поэма строится на едином мотиве, вобравшем голоса разные, но подчиненные неутомимой воле дирижера: революции. От блоковского полифонизма Демьян Бедный весьма далек. Зато однозначные характеристики друзей и пригов революции позволяют ему создать произведение с повышенным агитационным эффектом и с безупречно четкой гражданской позицией.

В освоении эпических форм такая тенденция была свойственна и поэтам других национальностей.

Егише Чаренц летом 1918 года написал две символические поэмы — «Сома» и «Неистовые толпы», где на предельно высоком эмоциональном накале личные переживания сливались с общенародными. В «Сома» даже интимное в своей основе чувство — любовь — породнилось со страстями борющихся масс. Две стихии сталкиваются в этой поэме — огонь и камень. Огонь — это солнце, «радость духа», опьянение любовью — одолевает «каменный огнеупорный мир», испепеляя его дотла. В «Неистовых толпах» тоже потребовалась космическая масштабность: сметая преграды на пути к «исполинскому сфинксу» — городу, воплощению бездушной буржуазной цивилизации, народные массы идут затем к солнцу, в край обетованной свободы. Черты символистской поэтики здесь очевидны.

Однако вслед за этим Чаренц создает радиопозему «Всем, всем, всем...» (1921), агитпозему «Песнь о народе» (1920—1921), где в популярной форме изображает ход освободительного движения в России начиная от Разина и Пугачева, наконец, монументальную «Всепоэму» (1920—1921), родственную «150 000 000» Маяковского.

При всей типологической общности поэм Чаренца и русских поэтов (от Блока до Маяковского и Демьяна Бедного) в них явственно ощущим особый национальный колорит — солнечной горной Армении.

А вот у Владимира Сосюры в его «Красной зиме» (1921), лирической хронике о великой битве за Советы, проступают приметы родной автору Донетчины. В небольших эпизодах о буднях солдат революции воскресают лица реальных тружеников-шахтеров, девчат и хлопцев. Конкретные бытовые детали не приглушают здесь патетики революционного обновления жизни:

Зима сняла с земли унылые уборы
для нас, для нас одних... И всё вокруг в цвету...
И звездные мосты в Грядущего просторы
победные года для нас одних прядут.

Неповторимым национальным своеобразием отличались и поэмы Янки Купалы «На смерть Степана Булата» (1921) о руководителе парти-

занского движения, Михася Чарота «Босые на пожарище» (1921) о гражданской войне в Белоруссии и многие стихи поэтов Кавказа, Средней Азии, народностей Урала и Сибири.

4

Пятилетний юбилей Республики Советов пришелся на очень сложный исторический момент. С одной стороны, страна приступила к мирному строительству, и введение новой экономической политики потребовало от деятелей культуры трудной психологической перестройки. В то же время победа в гражданской войне, в условиях, когда гибель Республики казалась ее врагам неизбежной, вселяла уверенность в правоте избранного пути и позволяла осмыслить прошедшие события если еще не в исторической ретроспекции, то, по крайней мере, уже подытоженными.

Примечательно в этом плане стихотворение Георгия Шенгели «Пять лет» (1922) — лаконичный, но емкий рассказ об основных вехах революционной битвы — от появления мятежной «Авроры» в синеве невских волн до «взятия Владивостока Под сень советского герба»; или «Освобождение» (1921—1923) Эдуарда Багрицкого, где автор попытался запечатлеть Октябрьское восстание в многообразии конкретных подробностей, не отрекаясь и от монументальной символики. Оба произведения завершались ставшей уже привычной эмблемой — образом красного знамени, «предвестья будущих побед».

Вместе с тем переход страны от политики военного коммунизма к нэпу, когда, по словам Ленина, потребовалась «не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады»,¹ породил у многих поэтов чувство растерянности, а порой и пессимизма. Возможность претворения в жизнь идеала стала отодвигаться. Трудно было смириться с оживлением мелкобуржуазных отношений в экономике и торговле, с проявлением потребительской психологии. Дошло до того, что из-за неприятия нэпа М. Герасимов и В. Кириллов выходят из рядов РКП.

Понял я, что бессильны слова,
Рано петь о полной победе...
Черт возьми! Да кто ж виноват
В этой страшной и злой комедии? —

с горечью восклицал В. Александровский в цикле «Будни» (1921).

И все-таки замешательство было временным. Тот же Александровский, например, одно из стихотворений 1922 года начал так: «Верю я — мы грядущее выныччим На своем трудовом горбу», но он же обронил и такие трезвые слова: «...солнце не нынче Запоет в золотую трубу».

¹ Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике 29 октября // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.

А. В. Кириллов, в обращении «Товарищу» (1922) провозгласивший: «Закон вещей — закон людей: Расцвет, отцвет, прилив, отлив» и предупредивший об опасности покоя и мещанского уюта, все-таки завершил свое послание мажорной нотой: «Знай, переменчив лик судьбы, Но не изменчив стиг борьбы».

Борьба теперь протекала в новых условиях: повседневного напряжении трудовых будней. Оттого-то декларативность и планетарность «космистов» уже потеряли под собой почву. Больше внимание стали привлекать стихи, лишенные космической обобщенности, но сохранившие романтическую тональность. Таковы две поэтические книги Николая Тихонова — «Орда» и «Брага», появившиеся как раз в 1922 году. И хотя многие стихотворения, их составившие, создавались еще в разгар гражданской войны, как значительное литературное явление они были восприняты именно в это время.

По сути своей позиции большинство из пролетарских поэтов могло бы подписаться под программными тихоновскими строками:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждой творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Решительная перестановка местами «земного» и «небесного», которые на длительном пути развития романтизма означали непримиримость реального и идеала, причем в этой альтернативе предпочтение отдавалось как раз «небесному», — такая перестановка, в принципе, уже имела место и у предшествующих певцов революции с их «гиперболизированным чувством реальности». Но теперь, в 1920 году, выдвигалась и другая, параллельная задача: «каждое желание простое Осветить неповторимым днем», то есть выявить идеальное в реальном. Это был шаг вперед, ибо раньше новые идейные и нравственные устои декларировались нередко в очень отвлеченной форме. Иными словами, о «земном» говорилось через «небесное».

Тихонов строго себя ограничил. Пространным эмоциональным декларациям он противопоставил динамичный сюжет, восторженной патетики — зримый жест и скупой рисунок. Его герои — прежде всего люди действия, самоотверженного поступка. Не случайно он обратился к жанру баллады («Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях», «Перекоп» и другие): ведь баллада представляет собой сюжетное стихотворение легендарного содержания. Сам жизненный материал подсказывал обращение к этой художественной форме: легендарны были подвиги бойцов, а в действии-то, в разгар небывалого сражения за свободу, люди раскрывались сполна. «Но мертвые, прежде чем упасть, Делают шаг вперед» — эти слова из тихоновского «Перекопа» афористично выражают суть его революционной романтики.

«Три четверти стихов Н. Тихонова — о порохе, сечах, о свинце, ветрах, степях, о шашках, огне, перекрестках, о конях, ночлегах на перепутьях, об одном ведомом законе: «ковыли топчи», о душе человеческой, получившей закал стали,— писал А. Воронский, плененный энергией тихоновских стихов.— ...Об этом быте, где люди стали просты как гвозди, где подвиг — не подвиг, а повседневное дело, где в ночах половецких всюду враг,— слагает свои баллады и песни поэт. О тех, кто везет синие пакеты в Кремль, где люди никогда не спят, и, измордованный, искалеченный в дороге, опаздывает на полчаса; о тех, кто гибнет в пучинах морских просто и без лишних, ненужных слов; об отпуском солдате, который встал и пошел домой после смерти в бою; о тех, кто возвращается, хрипит от злобы и крови, и сестры узнают их только по согнутым пальцам и дрогнувшей брови; о тех, кто, оросив кровями Перекоп, первый раз за 4 года легли отдохнуть под деревьями, под камни, в траву; кто лил на голову Шкуро «черную кремлевскую смолу»; о «веселом» часовом у моста, поющем про свою «злую молодость»,— об этих простых, ловких и отважных, незаметных, об этой безымянной красной Руси — песни и баллады Н. Тихонова».¹

Что же касается идеального «завтра», то здесь поэт проявлял осторожность, понимая, что в обновленном будущем все будет зависеть от тех, кто придет на смену отцам и дедам.

В середине двадцатых годов активизировались молодые поэты, юность которых пришлось как раз на годы Октября и которых называли то «комсомольские», то «молодогвардейские», ибо группировались они вокруг журнала «Молодая гвардия».

Видя свое предназначение в том, чтобы быть связующим звеном между непосредственными участниками революции и их наследниками, кому придется жить в коммунистическом обществе, «молодогвардейцы» создали ряд произведений, где открыто агитационным стихом стремились воздействовать на сознание подрастающих поколений. Таковы «Молодая гвардия» А. Безыменского («Вперед, заре навстречу, Товарищи в борьбе!..», 1922), «Марш юных пионеров» А. Жарова («Взвейтесь кострами, Синие ночи! Мы пионеры — Дети рабочих...», 1922).

Но сложности переходного периода ставили перед поэтами и вполне конкретные вопросы текущего дня, и предельно общие — эстетического порядка. Проблема романтики и быта оказалась одной из важнейших. По словам того же Александра Безыменского, необходимостью стало «за каждой мелочью Революцию мировую найти». Воспоминание о полученной по ордеру в голодном 1919 году шапке позволило поэту выразить страстное ожидание им торжества социализма над частнособственническим лагерем:

¹ Воронский А. Литературные портреты. 1929. М., Т. 2. С. 98, 100.

Пусть катается нэпман на «форде»,
Проживает в десятках квартир...
Будет день:
Мы предъявим
Ордер
Не на шапку —
На мир.

(«О шапке», 1923)

Публицистическая острота этого стихотворения несомненна, как и целого ряда других — «О валенках», «О знамени и поросенке» и т. п., которые вошли в книгу Безыменского «Так пахнет жизнь» (1925). А вот многомерного осознания современности автору явно не хватало. Романтика и быт все-таки сходились с большим трудом.

В этом плане заслуживает особого внимания лирика другого «молодогвардейца» — Михаила Светлова.

Его стихотворение «Двое» (1924), где в скупых, сдержанных строках воссоздавался подвиг красных пулеметчиков, было по духу своему очень близко балладам Тихонова с их апофеозом беззаветной преданности революции: даже гибель ради нее дарует жуткое «счастье двоих». Вслед за этим стихотворением появился цикл «Ночные встречи» (1924—1925), посвященный памяти друга, поэта Николая Кузнецова, в годы нэпа покончившего жизнь самоубийством. В цикле пронзительно выражено чувство несовместимости революционного идеала с тлетворностью консервативных пережитков прошлого. Герои остались прежними, возвышенно-романтическими, а обступавший быт зажимал их в тиски.

Однако в 1925 году тот же Светлов пишет и стихотворение «Рабфаквке». О чем оно? О революции? О современном быте? И о том, и о другом. Переключка разнотемных строф стихотворения несет одну мысль, пластически осязаемую: что было в годы гражданской войны, то есть и сейчас. Первая тема — Жанны д'Арк (тема народного подвига), вторая — революции («Гильотины веселый нож Ищет шею Антуанетты»), а третья — незаметного подвига девушки, готовящейся после тяжелой работы к сдаче зачета. И патетические строки финала («Наши девушки, ремешком Подпоясывая шинели, С песней падали под ножом, На высоких кострах горели») гармонично уравниваются заключительными:

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

Тем самым снималось противопоставление героинки фронтовых сражений героинке будней.

И знаменитая светловская «Гренада» (1926) оказалась столь долговечной вследствие эмоциональной насыщенности: финал преисполнен и чувства высокого торжества революционной интернациональной идеи, и чувства скорби, вызванного гибелью рядового бойца революции.

Вообще в середине двадцатых годов значительно изменяется трактовка советскими поэтами проблемы личного и общего. Переход от полного слияния личности с массой к их сложному психологическому единению, при котором лирическое «я» или «мы» теряют условность и начинают представлять в социально-психологической конкретности, был сопряжен с мучительным переосмыслением многих нравственно-философских проблем, обнажившихся на заре революции.

Сергею Есенину, открыто заявившему в поэмах 1917 — 1919 годов о своем мессианском предназначении («Пророк Есенин Сергей»), пришлось пройти через «Москву кабацкую», увидеть воочию «железный Миргород» буржуазной цивилизации, чтобы заново ощутить смысл Октября в героической и драматической его сути, осознать свою судьбу в конкретной исторической ситуации.

Владимир Маяковский после «150 000 000», в которых попытался говорить устами восставшего народа («150 000 000 мастера этой поэмы имя»), углубился в проблемы интимной жизни, создавая «Про это» (1923) — поэму «по личным мотивам об общем быте», а затем уже воспел Октябрь в крупных поэмах нового типа — «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!».

Николай Асеев перед созданием «Семена Просакаова» тоже написал произведение о любви, названное симптоматично: «Лирическое отступление» (1924).

«Теперь октябрь не тот», — заявил в своем «Воспоминании» Сергей Есенин. И речь там шла не о сегодняшней действительности («Воспоминание» написано в январе 1925 года в Батуми), а об ином восприятии уже прошедшего. Не случайно пронзает стихотворение эпитет «железный»: «железная тень», «железная заря», вставшая над «дымом *пламенной* „Авроры“». Прежде в есенинской лирике «железное» являлось синонимом «черного», «скверного», машинного, несущего гибель родной его сердцу русской деревне. Теперь же оно уравнивается в правах с «пламенным» (это слово поэт сам выделил!), то есть и сжигающим, и несущим созидательный свет. Да, Есенин еще не мог разрешить конфликт, всегда его мучивший, — конфликт природы и цивилизации, но наряду с природным, органическим рядом он уже стал четко прозревать второй — ряд *исторической* органики. «Здесь жизнь сестер, Сестер, а не моя», — скажет он в «Возвращении на родину» (1924), но в таком горьком признании прозвучит и исторический оптимизм: ведь «новый свет горит Другого поколения у хижин» («Русь советская», 1924), и поэт убежден, что жизнь при новом укладе обновляется, становится чище, светлее. Появляются у него поэмы и на историческую тему: «Поэма о 36» (1924), «Песнь о великом походе» (1924), в которой «подземный гул», идущий со времен Петра, выходит на поверхность «в снеговой октябрь» города на Неве.

Знаменательная особенность: ритмически и интонационно оба эти произведения разительно непохожи на есенинскую лирику тех лет — их

строки рубленные, ударные. Поэт как бы заново приобщается к народному сознанию на новой, эпической основе. Зато его «Анна Снегина» (1925) явилась образцом поэмы лироэпической, где личное и эпохальное проступили отчетливо, но в их органической взаимосвязи. Вот уж где лирическая проникновенность, психологическая сложность и историческая конкретность в обрисовке человеческих образов достигли гармонического равновесия!

«О времени и о себе» — это уже лозунг середины двадцатых годов.

Важнейшее значение для развития советской поэзии тех лет имела поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», существенно обогатившая представления о гуманистической и героической сущности революции. Она создавалась в 1924 году под непосредственным воздействием чувства скорби, потрясшего Страну Советов при известии о смерти вождя.

К тому времени уже неоднократно делались попытки раскрыть ленинский образ в свете новых исторических и эстетических воззрений. Как правило, первые опыты отличались романтической условностью — достаточно перечислить их названия: «Борцу» (Л. Котомка, 1917), «Плыл могучий орел в голубой вышине...» (А. Соловьев-Нелюдим, 1918), «Стальное имя мир зажгло...» (В. Александровский, 1920), «Красный кормчий» (И. Ионов, 1920) и т. п. На этом фоне выделялись непритязательные, но преисполненные непосредственности чувства стихотворения Демьяна Бедного «Вождю» (1918), Н. Полетаева «Портретов Ленина не видно...» (1923). В свете идей пролетарского интернационализма ленинская тема раскрывалась в поэме Н. Тихонова «Сами» (1920), в творчестве поэтов разных национальностей (П. Тычины, Г. Табидзе, А. Акопяна, Е. Чаренца и многих других).

Все это были произведения достаточно разнообразные, но в самом общем плане разногласия их создателей сводились к одному: следует ли (да и возможно ли) воспроизводить художественными средствами личность великого Ленина как неповторимую индивидуальность или же он должен навсегда оставаться обобщенным символом революции, как своего рода эмблема «новой эры».

Этот вопрос волновал и Маяковского. Неспроста уже в начале поэмы он предавался раздумьям о самой сути творческого подхода к теме и вступил в полемику с абстрактной идеализацией образа вождя.

В результате глубоких раздумий о роли личности в истории, подкрепленных изучением ленинских трудов, поэт и пришел к созданию цельного образа, в котором личное и историческое оказываются неразделимыми, а сквозные метафоры — Ленин-солнце, Ленин — штурман корабля, преодолевающего бурное море, — дополняются словами о «самом человеческом», «самом земном из всех прошедших по земле людей».

Заметим, что к подобной трактовке приближался тогда и С. Есенин в своем «Капитане земли» (1925), где на первый план выдвинул историче-

ское значение вождя, а в отрывке из поэмы «Гуляй-поле» (1924) раскрыл скромное обаяние и человечность Ленина. Но есть различие в гуманистической программе двух поэтов:

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, кто в черных масках,
А он с сопливой детворой
Зимой катался на салазках...
...Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс... —

так писал Есенин и под видом вопроса давал ответ: потому Ленин велик, потому он подлинный герой, что был «скромней из самых скромных», «застенчивый, простой и милый». Иными словами, Ленин — самый человечный человек и оттого не мог не быть революционером.

Акценты в концепции Маяковского переставлены: Ленин — истинный революционер, и потому-то он самый человечный человек. Ведь сюжет поэмы охватывает развитие мирового революционного процесса, на что указывает ее композиция: первая часть — предыстория Ленина, связанная с народно-освободительным движением (ее финал: «в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик Ленин» — не Ульянов); вторая — о деятельности Ленина как революционера, в которой и раскрывается его высшая человечность; третья — о том, как история продолжает реализацию его идей.

Давно было замечено, что поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» открываются одним словом: «время». Но это уже не то время, которое представляло в первых пооктябрьских стихах поэта («клячу-историю загоним!»). Время обоих монументальных творений Маяковского заполнено многовековым опытом народа и напряженными духовными исканиями автора, ищущего и находящего себя в историческом творчестве народных масс («Время — вещь необычайно длинная»). Пожалуй, самые сильные в эмоциональном отношении строки поэмы «Владимир Ильич Ленин» — именно те, где горестное потрясение, вызванное смертью вождя, парадоксально приводит к духовному просветлению, ибо горе-то и объединяет индивидуальное сознание с массовым, а не подменяет одно другим: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз...»

Если поэма «Владимир Ильич Ленин» в основе своей монологична, то в «Хорошо!» звучат голос революционного народа, реплики лиц, обреченных историей; ритм стихов здесь чрезвычайно разнообразен — от маршевого до частушечного, от медитативно-размеренного до повышенно-экспрессивного. Шестая глава «Хорошо!», в которой описываются события Октябрьского восстания, возвышенно-патетична, но в ней услов-

по-гиперболические образы («Две тени встало. Огромных и шатких...» и т. д.) сочетаются с конкретно-бытовыми деталями, лаконичными портретами участников переворота, меткими штрихами в обрисовке персонажей (Ленин, рабочий-путиловец, председатель Реввоенсовета Антонов-Овсеенко и другие). Исполдволь подготавливается и появление автора уже не как повествователя, а как действующего лица. Причем в реальной бытовой обстановке: в «комнатенке-лодочке», в заботах о возлюбленной («две морковинки несу за зеленый хвостик»). Герой и слит с массой, и подчеркнута индивидуален. Даже и голос его отличается от других, избудораженных революционным переломом. Поэт не подавляет эти голоса, но всегда вступает с ними в спор, чтобы одержать победу в открытой борьбе (в 9-й главе — над националистами, в 15-й — над обывателями).

Особое значение имеет полемика Маяковского с Блоком. В 7-й главе, идущей сразу вслед за словами об утре 26 октября («уже при социализме»), два поэта предстают выразителями двух позитивных, но принципиально несхожих оценок происходящего. Вспомним неоднозначную фигуру Христа, завершающую поэму «Двенадцать». Маяковский 1927 года трактует ее как иллюзию. Ей противостоят в «Хорошо!» «живые, с песней вместо Христа, люди из-за угла». Более того, в финале главы, которую по идейной направленности можно назвать анти-«Двенадцать», возникает иной образ, указывающий на подлинную движущую силу истории:

Этот вихрь,
 от мысли до курка,
и постройку,
 и пожара дым
прибирала
 партия
 к рукам,
направляла,
 строила в ряды.

И тем не менее как художник Маяковский многое наследует у Блока. Не случайно же именно в этой главе содержится явная интонационная перекличка с ним, когда поэт прислушивается к голосу народной стихии и как бы прямо указывает на предшественника («Но-жич-ком на месте чик лю-то-го помещика» и «Уж я ножичком полосну, полосну»¹). Не случайно и то, что интонационно-жанровый принцип обеих поэм — полифония — совпадает. В идейном плане Маяковский полемизирует с Бло-

¹ Укажем и на первоисточник этих стихов — на народные песни, с которыми познакомил Блока Н. Клюев еще в 1908 г. («Мы без ножичков не ходим...», «У нас ножички литые...» и др.). Об этом см.: Б а з а н о в В. Г. Поэзия Николая Клюева // Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 16—18 (Б-ка поэта, МС).

ком, но в художественном оказывается его прямым продолжателем, творчески развивающим его традицию.

Правда, и идейное сближение наметилось. Уместно вспомнить неоправленное письмо Блока к Маяковскому от 30 (17) декабря 1918 года по поводу его стихотворения «Радоваться рано», содержащего призывы искоренить все старое искусство: «Не так, товарищ! Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо, как строительство, и так же *традиционно*, как оно... Разрушая, мы все те же еще рабы старого мира: нарушение традиций — та же традиция... Одни будут строить, другие разрушать, ибо «всеу свое время под солнцем», но все будут рабами, пока не явится третье, равно не похожее на строительство и на разрушение». ¹ Финал поэмы «Хорошо!» как раз и утверждал пришествие новой эпохи, где не человек-масса, а «человек просто» осознает себя личностью, «способной жадно жить и действовать», и где утопическая метафизика полностью оттеснена реальными конкретными задачами созидательного труда и утверждения новых законов человечности. В чем-то Маяковский остался верен «реалистическому утопизму» периода революции и гражданской войны: ведь в заключительной, 19-й главе он изображал не подлинный быт современности («Сидят папаша, Каждый хитр. Землю попашет, попишет стихи» и т. п.), а будущее, поданное в форме свершившегося, то есть он опять-таки воплощал желаемое в реальном. Но эти картины социальной гармонии были уже подготовлены постижением подлинного драматизма истории, ее диалектических противоречий, через которые и пролагался путь в «коммунистическое далеко».

В целом поэтический эпос середины двадцатых годов, где октябрьская тема в ее широком понимании осталась ведущей, раскрыл новые возможности в художественном разрешении проблемы «человек и история».

Борис Пастернак, воссоздавший в книге стихов «Сестра моя жизнь» (1922) грозное лето 1917 года в сугубо субъективном ключе (как цепь причудливых ассоциаций интимного с социальным, духовного с природным), в поэме «Высокая болезнь» (1923) на первый план выдвинул уже само историческое движение революционных лет, ничуть, правда, не отрекаясь от многообразия противоречивых впечатлений, отложившихся в его душе:

Теперь из некоторой дали
Не видишь пошлых мелочей.
Забылся трафарет речей,
И время сгладило детали,
А мелочи преобладали.

Начиная с «Высокой болезни», увенчанной образом Ленина, который был обрисован и в портретных подробностях («Он гнул свое, пиджак

¹ Блок А. А. Т. 7. С. 350.

топыря И пеля передки штиблет»), и в «полете голой сути» («Он управлял течением мысли И только потому — страной»), Пастернак вошел еще глубже в историю.

Примечательны в этом смысле его поэмы «Девятьсот пятый год» (1925—1926) и «Лейтенант Шмидт» (1926—1927), посвященные предьстории Октября — первому революционному взрыву в России.

По признанию самого Пастернака, он поставил перед собой такую задачу: «Революционную тему... взять исторически, как главу меж глав, как событие меж событий, и возвести в какую-то пластическую, несектантскую, общерусскую ступень».¹ Действительно, «Девятьсот пятый год» — как бы главы меж глав, имеющие продолжение уже за пределами событий, которые воспроизведены через воскрешение субъективного детского восприятия; это как бы фрагмент революционной эпохи и одновременно личного бытия. В «Лейтенанте Шмидте» гражданская самоотверженность героя предстает в трагическом конфликте с чувством его неутоленной любви... В сущности, революционные потрясения и катаклизмы для Пастернака — лишь проявления единого потока жизни, в котором судьба человека и детерминирована социальным процессом, и автономна и нем. Уже не только в суммарных логических выводах видит поэт «существо истории», но и в «толпящихся подробностях», «в химическом перерождении каждого ее мига».²

Воспроизведение острой классовой борьбы теперь не мыслится без введения конкретных персонажей, зримо воплощающих ее сложность. На помощь приходит и хроникальный материал.

Свою поэму «Выра» (1927), в стилевом отношении созданную под явным воздействием Пастернака, Николай Тихонов сопроводил примечанием, где давалась сухая справка о герое и документальной основе произведения. Из нее читатель узнавал, что главный персонаж, комиссар рбочей бригады Алексей Раков, по профессии официант, что он являлся председателем Профсоюза служащих трактирного промысла, был арестован, а после революции принимал активное участие в гражданской войне в Финляндии. Объяснялось и название поэмы: «Выра — деревня около Гатчины, где 29/V 1919 г. бывший Семеновский полк перешел на сторону белых». Там и погиб Раков из-за измены командиров полка.

И социальный облик героя (официант!), и сюжетная кульминация (измена!) были нетрадиционными для повествования о гражданской войне. Но избрал их автор преднамеренно. На первый план он выдвинул не ту ситуацию, когда самопожертвование ведет к успеху военной операции или наглядно демонстрирует негибаемую волю бойца революции.

¹ Горький и советские писатели: Неизданная переписка // «Лит. наследство». М., 1963. Т. 70. С. 297—298.

² Там же. С. 304.

Героизм раскрывался прежде всего в человечности Ракова, который в поэме действовал, размышляя, постигая души вверенных ему солдат и бывших офицеров. Но доверие Ракова стоило ему жизни из-за коварства замаскированных врагов. Впоследствии автор разъяснял смысл своей поэмы так: «Я выделил в ней не тот «любовой» героизм, который так часто звучал в нашей ранней поэзии на заре революции, а именно тему доверия... Доверие обернулось для Ракова трагедией... Но, повторяю, Раков не мог поступить иначе, не мог изменить своим принципам».¹

В финальной главе, «Улица имени Ракова», поэт открыто обозначил конфликт поэмы как трагический: ведь идея, во имя которой погиб герой, торжествует:

Партиец, может, вспомнит имя,
Школяр, сомнение задержав,
Заснет над строками седыми,
И есть в музеях сторожа...

Над Вырой вечность дует в перья
Легенд на мельнице времен —
И всё же в мире есть доверье,
Да будет лозунг повторен.

Многомерное отображение революционной героики во второй половине двадцатых годов не могло осуществляться только на основе личного опыта поэтов, без проникновения в сокровенную суть действующих лиц истории, которым нет числа. А для этого потребовалось привлечение обильного документального материала.

Жанр своей поэмы «Семен Проскаков» (1927—1928) Николай Асеев определил как «стихотворные примечания к материалам по истории гражданской войны». Но каковы документы, отобранные в архивах и вынесенные в эпиграфы глав? Помимо четкого определения социальных и партийных позиций персонажей они отражают и самобытность характеров. Партизан Семен Проскаков, например, делится мельчайшими подробностями недовершенной над ним расправы, изливая ненависть к врагам и не замечая своего геройства. Из допроса Колчака почему-то выбрано лишь его признание о подготовке южнополярной экспедиции и юношеской мечте — «найти Южный полюс». А «черный атаман» Анненков тоже подан в противоречиях — в своеобразном сочетании целомудренности с садизмом. В столкновении реальных противоречивых лиц и прозревает автор логику истории, ее революционную правду как правду гуманизма.

В этом направлении шли и поэты, следующие народно-поэтическим и литературно-фольклорным традициям. Интонационный рисунок Тараса

¹ Тихонов Н. Простор жизни, простор творчества // «Вопросы литературы». 1967, № 4. С. 22.

Шевченко и украинских песен ожил в «Думе про Опанаса» (1926) Эдуарда Багрицкого. Слышны в ней и отзвуки «Слова о полку Игореве». Как уже указывалось, использование фольклорных мотивов и образов было широко распространено в 1917—1921 годах, когда поэты сливались с народом в общем порыве к переделке старого мира. Но куда богаче стало теперь смысловое наполнение этих образов! Верша суд над своим героем, Багрицкий тем не менее испытывает к крестьянину, пытавшемуся найти «стретий путь» в революционной схватке, и сострадание, проникаясь его растерянностью и еще смутным, но пробуждающимся в глубине души чувством вины. И это нисколько не помешало тому, что в финале прозвучала неколебимая уверенность в правоте Октябрьских идей.

В двадцатые годы имели место и другие попытки создания чисто эпического произведения — например, «Улялаевщина» (1924, опубл. в 1927) Ильи Сельвинского, которую автор назвал «эпопеей». В ней сошлись разные стилевые тенденции: и использование народно-песенных мотивов («Ехали казаки...»), и смелое введение в стихотворный текст резолюций, телефонограмм, статистических сводок, и стремление к речевой характеристике персонажей. Но эпопеи в истинном значении этого слова не получилось: причина тому — отсутствие монументального героя, образ которого воплотил бы в себе судьбу целого народа.

Середина двадцатых годов стала в какой-то мере подведением итогов развития советской поэзии в свете гуманистического идеала революции. При этом агитационная активность лирики не ослабевала. «Она продолжается» — название стихотворения Асеева, написанного к десятилетнему юбилею Октября (1927), весьма показательно. А продолжение революции видится поэту в переключении социальной энергии масс в сферу хозяйственного обновления страны:

На плечи навьючив
тяжелые выюки
 госпланов,
госзаймов,
заданий
и дел,
 идем,
как в семнадцатом
шли по выюге,
 века подпирая
тяжестью тел.

5

На рубеже двадцатых — тридцатых годов происходили такие крутые изменения в социально-экономической жизни страны, которые не могли не сказаться на развитии культуры. Индустриализация, коллективизация на селе, коренным образом менявшие основы быта, приковывали внимание поэтов к новым революционным процессам действительности.

На живых примерах они убедились, что «революция продолжается», что массовый энтузиазм не ослабевает на очередном этапе решительной перестройки общества. Многочисленные писательские бригады, направленные в разнообразные районы Страны Советов, вплоть до самых отдаленных, где велась работа по социалистическому строительству, помогали писателям не только осмыслить грандиозность происходящего, но и активно формировать сознание трудового народа. Появилось множество публицистических стихов, вдохновляющих участниковстроек, например: сборники А. Безыменского «Стихи делают сталь» (1930) о Сталинградском тракторном заводе, А. Жарова «Стихи и уголь» (1931) о труде шахтеров, «Строки стройки» (1930), «Ударный квартал» (1931), «Стихи в строю» (1932) С. Кирсанова и многие агитпоэмы о крупнейших хозяйственных начинаниях: «Шайтан-Арба» Демьяна Бедного о строительстве Турксиба (1931), «УКК» К. Митрейкина (1932) о планировании Урало-Кузнецкого комбината, «Амударья» Б. Кербабаева (1931), «Варзобстрой» Мирзо Турсун-заде (1932). О революционных преобразованиях в Средней Азии писали Н. Тихонов в сборнике стихов «Юрга» (1926—1930), В. Луговской в двух стихотворных книгах «Большевикам пустыни и весны» (1930, 1933).

Призыв Маяковского «Время, вперед!», прозвучавший в стремительном ритме пятилетки, выражал тот же волевой порыв масс, который восторжествовал в годы гражданской войны. Воспоминания о революции возникали произвольно.

В 1927 году на столбцах «Комсомольской правды» появились «Песни о Ладогe», явившие читателю новое яркое имя — Александр Прокофьев.

Выходец из крестьянских низов, юношей вступивший в партию большевиков, участник борьбы с Юденичем, а затем на протяжении восьми лет работник ВЧК — ОГПУ, он еще в 1919—1920 годах опубликовал ряд стихотворений в газете «Новоладожская коммуна». По своему характеру они мало чем отличались от распространенной тогда поэзии пролеткультовцев и некоторых крестьянских лириков: те же декларативность, абстрактность, избыточная аффектация при отсутствии самобытной художественной основы. Потребовалось несколько лет напряженной творческой работы, прежде чем революционная тема обрела под пером Прокофьева подлинно эстетическое и неповторимо индивидуальное претворение.¹

Цикл «Песни о Ладогe» вроде бы написан от лица уже традиционно — «человека массы», вобравшего в себя коллективную мощь пробую-

¹ Примечательно, что подобный процесс наблюдался и в творческом развитии Михаила Исаковского: свои ранние стихи периода революции и гражданской войны, изданные даже отдельными книгами в Смоленске («По ступеням времени», 1921; «Взлеты», 1921; «Четыреста миллионов», 1921), он потом не переиздавал, а истинным началом своей деятельности как поэта считал сборник «Провода в соломе» (1927).

длинного народа и соизмеряющего свои дела с мировым революционным процессом:

Мы, рядовые парни
(Сосновые кряжи),
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь...

Мы по местам нездешним
И по местам моим,
Мы — солнцем в Будапеште
Стояли и стоим!

Эти строфы интонационно близки пафосным стихами Клюева из его «Гимна Великой Красной Армии».

Однако Прокофьев наполняет знакомый интонационный строй новым смыслом. Его «мы» определялось испытанным лично — в боях за родную землю. «Рядовые парни» — не отвлеченное понятие, с ними будущий поэт грелся у одного костра, скудный паек делил по правилу: «тебе — половина и мне — половина». Отправляясь, как и Н. Клюев, от фольклорных триптичей, Прокофьев полностью отвергал его религиозные иллюзии и резко бросал: «Проваливай, Микола И милостивый Спас!» Ему куда дороже, что из народных глубин «поднимался Стенька И вышел Пугачев». Народ богатырской силы, ставший вершителем своей судьбы, — вот герой «Песен о Ладогe». Народ-хозяин. Как точно подметил тогда один из критиков, «Прокофьев живет в своей стране, как в уже обжитом, знакомом и потому столь близком ему доме. Обжитость, освоенность мира — самая характерная черта его поэзии. Он — лирик потому, что чувствует себя *хозяином* в мире, и *по-хозяйски* относится к окружающему».¹

В то же время массовое сознание, которое воплощает в себе герой Прокофьева, индивидуализировано: в трех завершающих песнях цикла он свободно говорит от лица своего «я», и лирика его тонка, проникновенна:

Когда же строил кровлю
Для действенных стихов —
Я сам готовил бревна
И уходил за мхом.

И, прибывая дранку
Над каждую строкой,
Я слышал плач тальянки
Над тихою рекой.

¹ Селивановский А. Александр Прокофьев // Селивановский А. В литературных боях. М., 1963. С. 579.

И в жанре революционно-романтической баллады, которым стал овладевать Прокофьев, чувствовались как ретроспектива прошедших лет, укрупнение исторического взгляда, так и обобщение личного опыта. Если в балладах Николая Тихонова из «Орды» и «Браги» героиня борьбы раскрывалась по преимуществу через конкретный сюжет или монолог героя, то у Александра Прокофьева она воплощалась в форме экспрессивной медитации, рассказа о судьбе своего поколения, его биографии, причем эти стихи подразумевали сочувственного слушателя или собеседника. Одно из стихотворений так и называлось — «Разговор по душам» (1930):

Такое нельзя не вспомнить. Встань, девятнадцатый год!
Не армии, скажем прямо, — народы ведут поход!
Земля — по моря в окопах, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Везде по земле железной железная шла страда...
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видели мы тогда.

В стихах Прокофьева все предельно гиперболизировано: бойцы проводят «Эпоху среди черноземной тьмы», «Земля — по моря в окопах», «на тысячу тысяч верст знамена»... Но в эту величественную панораму органично входят и метко схваченные подробности военного быта именно тех лет: «Каждый безусым пошел на фронт, а там бородой оброс»; «У нас выпадали зубы с полуторного пайка»; «Мы перебили всех ворон, всех галок на кустах»; «Я сам отправил четверых прямой дорогой в рай» («Мы», «Разговор по душам»); в торжественное повествование введены обороты, не только жившие в народе веками, но и подсказанные современностью: строка «огонь и воду и медные трубы каждый из нас прошел» сочетается с фразой «вечер отправлен на гауптвахту», молодая эпоха «становится в первый ранжир», стан белогвардейцев — это «голь, шмоль и компания». Столкновение времен, разнородных культур и противостоящих сил ощущается даже на лексическом уровне.

Наряду со стремлением воплотить многообразие и сложность Октябрьской эпохи в форме лирического самораскрытия в поэзии, с начала тридцатых годов упрочилась и другая тенденция — проникновения в характеры рядовых бойцов революции.

«Слово пристрастных» — так назвал свой сборник Михаил Голодный (1934). Не на полях фронтовых сражений действуют его герои, но классовое чувство определяет все их поступки, будь то судья ревтрибунала, приговаривающий к расстрелу своего брата-provokатора («Судья Горба»), или командир партизанского отряда, сурово наказывающий адъютанта за задержку в выполнении приказа («Партизан Григорий Грач и его адъютант Фрейман»), или молодая женщина из низов, получившая права свободного человека, но не сумевшая найти достойный путь и безжалостно казнящая себя («Верка Вольная»). Все они действуют по

закону революционной морали. Но справедливо сказал тогда А. Селивановский, что в этих стихах «внимание устремлено сейчас уже не на жертвенный героизм революции и не на стихийность ее размаха», а «на формирование в революции... характеров». ¹

В не меньшей степени отказ от поэтизации «жертвенного героизма» отличал и творчество Николая Ушакова. «Герой» — так называется его стихотворение 1933 года. Кто же этот герой? Скромный счетовод, в годы гражданской войны, рискуя жизнью и преодолевая боязнь, укрывший в своем доме шахтера, участника боев за социализм. Через несколько лет спасенный им человек, теперь уже краском, вызывает его на Октябрьские торжества в Москву и с почетом приглашает в президиум заседания. Но счетовод себя героем не считает. Он возвращается домой, где продолжает честно трудиться и где ждут его старость и смерть («Счетовод ушел», 1934). Зато сам поэт различает в такой жизни приметы подлинного героизма:

Знамя нашей веры — наша правда —
сутки, уплотненные вдвойне,
каждый месяц нам считают за два —
как героям
на большой войне.

Но, как бы в сраженье, хмурая брови,
от побед суровые почти, —
на секунду время остановим,
квартиранта старого почтив.

Ведь героем можно быть и не совершая эффектных подвигов — такова мысль поэта.

Стихотворение Николая Дементьева «Мать» было опубликовано в 1933 году в газете «Правда». «„Мать“ была для нас — Багрицкого, Голодного, Уткина и других моих сверстников — настоящим праздником. — утверждал впоследствии М. Светлов. — „Мать“ Дементьева — это явление». ²

В этом стихотворении вроде бы встречаются люди двух разных миров: начальник крупного строительства, участник гражданской войны, большевик — и его мать, все еще ходящая в церковь, пугающаяся городской жизни. Можно было бы развести их как несовместимые крайности: вспомним исполненное боли одноименное стихотворение 1919 года В. Александровского, в котором осознанно рвались кровные связи во имя борьбы за победу социализма. Но теперь между этими мирами нет непреодолимой стены: воспоминания детства воскрешают в душе инженера

¹ Селивановский А. Предисловие // Голодный М. Избранные стихи. М., 1935. С. 9.

² Светлов М. Николай Дементьев // Дементьев Н. Стихотворения. М., 1959. С. 7.

близкое и дорогое, а кончину его матери читатель воспринимает как смерть человека по-своему героического, многолетним терпением и трудом бессознательно помогавшего свершениям сына — «инженера, начальника, большевика». Оттого и звучат над могилой «темной матери неимущих» два гимна — «Замучен тяжелой неволей» и «Интернационал». Не только ответственность настоящего за будущее утверждал в этом стихотворном рассказе поэт, но и ответственность настоящего за сохранение нравственных ценностей прошлого.

К середине тридцатых годов все чаще обрисовываются ситуации, когда результаты революционных перемен поверяются мнением народным: что дала рядовому труженику советская власть, ради утверждения которой приходилось идти на жертвы, страдания и лишения?

Свыше семи лет работал Михаил Исаковский над небольшой поэмой «Четыре желания» (1928—1936) — о судьбе батрака Степана Тимофеевича. Юношеские желания героя поэмы были просты и бесхитростны: жениться на девушке Наташе, купить сапоги с подковками, выучиться грамоте, чтобы прочесть «справедливую книгу», прокатиться по железной дороге. Эти скромные мечты, неосуществимые до революции, в финальной главе претворялись в жизнь. Однако реальность оказалась шире и значительнее бедняцких грез. Любая частность колхозной нови связывает человека со всей страной («Тебе на Ивановской фабрике соткали рубашку чудесную. Тебе сапоги приготовили московские мастера»), для него распахнуты просторы родной страны, и распахивается его душа.

Еще подробнее, психологически детализированно раскрыл Александр Твардовский в «Стране Муравии» (1934—1936) переживания своего героя, его душевное преображение. Сложен, многогранен характер Никиты Моргунка. Это не только собственник и не только труженик, «средняк», — это личность, способная сама разобраться в революционной действительности. А решающим моментом на его пути в «страну обетованную» оказалась встреча с коммунистом Фроловым, который «шесть ран принес с гражданской», «свято линию берег, Что Ленин указал», и до сих пор готов «на баррикадах пасть» «за нашу власть и жизнь!».

Начинается проверка завоеваний Октября и теми поэтами, кто не мог стать участником коренного исторического перелома: ведь он пришелся на их детские и отроческие годы, а гражданскую закалку это поколение получило уже в условиях мирной борьбы за социализм.

Многие из молодых поэтов искренне тосковали, что «опоздали родиться», и старались наверстать упущенное путем постижения опыта старших и самоопределиться в ретроспекции уже отошедших дней. На этом пути дело не обошлось без сугубо декларативных откликов на Октябрьскую тему, когда осознание преемственности поколений диктовало

повторение уже сказанного прежде. Нужны были большие таланты, таланты такого масштаба, как Борис Корнилов или Павел Васильев, для того чтобы историко-революционное прошлое заговорило свежим поэтическим языком.

Когда Борис Корнилов создавал поэму о гражданской войне, он не случайно положил в ее основу эпизоды борьбы комсомольцев с бандой атамана Зеленого: с детских лет поэту была знакома страшная сила кубанских устоев. Но большое временное расстояние от изображаемого свалилось на архитектонику корниловского «Триполья» (1933). С таким подлинным художником событийный материал поэмы Борис Корнилов передает сжатой, стремительной лирической речью. А в лирических раздумьях о жизни и смерти, о свободе и верности долгу, о трагическом величии эпохи получают полнокровное воплощение образы, лишь пунктирно обозначенные в сюжете.

Павел Васильев, следуя народному творчеству, предстал в своей поэме «Песня о гибели казачьего войска» (1932) как вдохновенный певец-сказитель, превращающий будто бы случайно услышанные им песни, заговоры, частушки, сказки, да и просто говор толпы, в повествование о трагической судьбе сибирских казаков в революционные годы. В следующей же поэме, «Соляной бунт» (1934), он попытался осмыслить историю родного края аналитически, совершив экскурс в XIX век, а во вводящей главе — во времена Ермака. И эта предыстория, и перипетии рассказа об усмирении казаками бесправных киргизов по велению «владельца соленых озер» Дерова тянутся к эпилогу, где звучит «боевое слово, прекрасное слово, лучшее слово... РЕВОЛЮЦИЯ!».

В тридцатые годы революционная тема действительно оказалась укрепляющей и разные поколения, и разные жанры.

Интересен такой факт. В 1935 году редакция газеты «Правда», Союз советских писателей и Союз советских композиторов объявили конкурс на лучшую песню. Множество произведений было представлено на конкурс. А премий были удостоены только две: «Партизан Железняк» Михаила Голодного и «Конармейская песня» Алексея Суркова («По военной дороге...»), то есть связанные с революционной тематикой. Тогда же всенародную известность получили «Прощание» Михаила Исаковского («Дан приказ: ему — на запад...»), «Каховка» Михаила Светлова.

Действительно, память о героических днях вооружала для будущего. После прихода к власти в Германии фашизма стало очевидным, что впереди страну ждут новые суровые испытания.

Яркий и цельный образ современника — хранителя фронтовых традиций революции — создает Алексей Сурков. Если его предшественники (Н. Тихоновым, М. Светловым, Э. Багрицким) боец революции рисовался в романтическом освещении, то Сурков подчеркивал будничность своего героя. Тем не менее совершенно лишенный экзотики «безыменный гвардеец восставшего класса» монументален: он «плечом подпи-

рал боевую эпоху», а ныне, строя заводы, орудя планами, держит наготове винтовку:

И совсем не беда, что густая романтика
Не жила в этом жестком, натруженном теле.
Он мне дорог от сердца до красного бантика,
До помятой звезды на армейской шинели.

(«Герой»)

Эти строки были написаны Сурковым в 1929 году, но и в контексте тридцатых они звучали актуально. И как раз потому, что романтика-то в стихах поэта оставалась, хотя и лишалась традиционных условных атрибутов.

А то поколение, которое накануне Великой Отечественной еще испытывало свой голос, а затем уйдет в безжалостное пекло войны «недолюбив, недокурив последней папиросы» (Н. Майоров), без романтики жить не могло. Причем романтическая приподнятость сочеталась в их сознании с пониманием конкретной политической реальности. В «Бригантине» Павла Когана действовали условно-литературные «флибустьеры» и «авантюристы», но ему же принадлежало «Лирическое отступление (1940—1941), где «мальчишки иных веков, Наверно, будут плакать ночью О времени большевиков». «Я романтик!» — восклицал Михаил Кульчицкий, но тут же уточнял: «Не рома, не мантий, не так. Я романтик разнаиспоследних атак!» В его поэме «Самое такое» (1941) прямо утверждалось: «...работа в степени романтики — вот что такое коммунизм!», а желанное счастливое будущее ощущалось в тревоге предвоенных дней:

Уже опять к границам сизым
составы тайные идут,
и коммунизм опять так близок,
как в девятнадцатом году.

Для Михаила Кульчицкого вроде бы существовала одна нация — «Только советская нация». Его дополнял Павел Коган, отвечая возможным толкователям из будущего, склонным к идеализации, в какой-то степени даже схематизации его поколения:

И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.

(«Лирическое отступление»)

В 1932 году, к десятилетию образования СССР, многие поэты разных национальностей поведали о судьбе их родины, соотнося провозглашенную революцией идею всеобщего единения народов с ее претворением в реальности мирных будней. «Нынче курд с армянином не в ссоре, Тюрк в грузинах не видит врагов», — писал Тициан Табидзе, размышляя над судьбой народов Кавказа («Здравница»). Акоп Акопян создает «Ленинградскую поэму», начатую еще в 1929 году, где орудийный гул с «Авроры» звучит «на радость людям всей земли». Валериан Гаприндашвили славит трудовой энтузиазм создающей социализм Грузии («Октябрьские строки»).

При всем том национальная специфика у этих поэтов отнюдь не сглаживалась. Так, Петрусь Бровка в стихотворении «Земля» (1932), отвлечаясь мыслить в планетарных масштабах, вспоминает беды родной Белоруссии, где в недавнем прошлом мельчайший участок плодородной почвы рвали на клочки и делянки, «хлеб пекли с лебедой пополам», а в пустых амбарах играл на цимбалах декабрьский вихрь. Перец Маркиш, напротив, уходит в глубины истории, читая «слепую клинопись тысячелетий», философски постигая «материю язык И мудрые законы воплощений» («Воплощение», 1932). А Егише Чаренц, рассказывая о командире длиннакского бронепоезда, присоединившегося в 1920 году к восставшим массам, напоминает о многовековых традициях освободительной борьбы в Армении («Бронепоезд „Вардан Зоравар“», 1933). «Чувство семьи единой» — эти слова Павло Тычины точно выражают интернациональный пафос тридцатых годов, сплоченность всего многонационального советского народа.

Это чувство распространяется и на отдаленное будущее, но мерилом нравственной оценки жизни по-прежнему остается верность духу революционного Октября. Вот почему Максим Рыльский в своем послании «Правнуку» (1932), мечтая о времени, когда тот «полетит из Киева На Ямайку Поговорить с товарищем», подробно рассказывает ему о суровой године, когда «горели ночью и днем Огненные рубиновые буквы: „Соединитесь, пролетарии Всех стран!“» Не должна, убежден поэт, погаснуть память о грозной поре, когда мы «изо всех Цветов радуги Выбрали один Красный»: ведь это делалось во имя всех цветов радуги!

6

Великая Отечественная война явилась испытанием как многовековых народных законов нравственности, так и новых устоев жизни, утвержденных Октябрем и внедрившихся в сознание масс. Защита Отечества означала и защиту революционных идей: ведь фашисты стремились не только уничтожить Страну Советов, многие народы и нации, но и покончить с идеологией коммунизма.

Как и в годы революции, писатели-патриоты взяли в руки оружие. Свыше 1200 членов писательской организации (почти половина ее) ушли на фронт. С полей сражений из них не вернулся каждый третий. И, как прежде, слово стало оружием — оперативно-действенной силой. Возродилась традиция Окна РОСТА — в виде Окна ТАСС, объединивших видных сатириков и публицистов (Демьян Бедный, С. Маршак, С. Михалков и другие). Активизировалась работа на радио, в газетах, в жанре массовой песни. Публичные чтения в войсковых частях, на кораблях, в госпиталях, агитационные стихи в многотиражках, на плакатах, листовках и почтовых открытках; создание крохотных брошюр, умещавшихся в нагрудном кармане бойца и вселявших в его сердце ненависть к врагу и уверенность в победе, — не перечислить всех форм творческой работы поэтов в трагические и героические годы. Широкий доступ на страницы газет и сборников получили и поэты-непрофессионалы — краснофлотцы и летчики, солдаты и офицеры. ¹ Защищая свою страну, советские писатели чувствовали ответственность как за судьбу своего народа, так и за судьбу мира, за судьбу революции.

В стихотворении Ольги Берггольц «Первый день», написанном 22 июня 1941 года, развитие лирического сюжета демонстративно определялось ленинскими словами, произнесенными у Финляндского вокзала в апреле 1917-го (они вынесены в эпиграф); — «...И да здравствует социалистическая революция во всем мире!»:

...И вновь Литейный — зона фронтовая.
Идут войска, идут — в который раз! —
туда, где Ленин, руку простирая,
на грозный подвиг призывает нас...

...Так шли в Семнадцатом — к тому ж вокзалу,
в предчувствии страданий и побед.
Так вновь идут. И блещет с пьедестала
неукротимый ленинский завет.

В дальнейшем лирика Ольги Берггольц, ставшая голосом блокадного Ленинграда, не потеряет величественной торжественности, а только наполнится драматизмом и богатством эмоциональных оттенков. И хотя блокадные стихи поэтессы не будут непосредственно посвящены Октябрьской теме, она всегда подразумевается там, где «в свои права вступило бытие».

И Николай Тихонов начал свою «военную летопись» со стихотворений, где утверждал прямую связь двух главнейших испытаний народа. Одно из них называлось «1919—1941». Воспоминания очевидца придавали стихотворению особую достоверность:

¹ Многие стихи этих авторов изданы в сборнике «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Л., 1965 (Б-ка поэта, БС).

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке огни баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград...

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженьи сражаться
За свой боевой Ленинград.

Вскоре он напишет поэму «Киров с нами» (1941), где переключка времен предстанет в более сложной — не только прямой, но и опосредованной форме. Тихонов использует знакомый романтический сюжет: герой, воскрешенный воображением поэта, обходит посты и убеждается в бессмертии своего дела. Само обращение к жанру баллады оказалось знаменательным: мы знаем, что после «Орды» и «Браги» Тихонов редко прибегал к нему, видимо считая его пройденным этапом поэтического развития. Здесь же он вновь возрождает балладу (точнее — поэмубалладу), тем самым указывая на созвучие двух исторических событий: Октябрьской революции и Великой Отечественной войны.

Та же мысль прочерчивается и в стихотворении Степана Щипачева «Двадцать пятая годовщина» (1942), состоящем из двух строф: в первой поэт делится воспоминаниями об «Октябрьском громе», а во второй слышит его отзвуки у стен героического Сталинграда.

Незримое присутствие Октября в поэзии тех лет сказывалось в синонимичной близости, а нередко в отождествлении двух понятий — «русское» и «советское». Как ярко был национальный колорит в поэме Александра Прокофьева «Россия» (1943—1944)! Здесь тонкие пейзажные зарисовки: «белонogie пуши берез», «розовая пена» черемух; соловьиные трели сменяются разудальными переборами гармоник... «Да здравствует Россия, Красивая страна!» — этот возглас восхищения достойно печатает начальные фрагменты поэмы. Затем появляются эпитеты: «воинная страна», «железная страна». Однако исходным, главенствующим окажется определение «советская»: «Война, товарищи, война, Ударила война. Вставай, Россия, вся вольна, Советская страна!» А строка зачина «Сколько звезд голубых, сколько синих» дополняется образом иной звезды: «Стоит страна высокая Под красною звездой».

И Михаил Исаковский свое «Слово о России» (1944) открывает и завершает словами: «Советская Россия, Родная наша мать». И «Пулковский меридиан» (1941—1944) Веры Инбер заканчивается строкой: «Да здравствует советский человек!»

Вместе с тем усиливается внимание к национальным истокам социализма. Об этом писали и О. Берггольц, и К. Симонов, и А. Твардовский. А в октябре 1941 года латышский поэт Ян Судрабкалн создает послание «Русскому народу», где прославляет «могучий дуб славянства», величие «русской души», впервые в истории человечества сбросившей бремя гнета

с народных плеч и ныне принявшей на себя коварный удар фашизма. «Сыну русской земли» (1944) посвящает стихи и литовец Андрей Балодис, вспоминая об уроках истории: «Мы вместе с русскими и встарь тевтонов били».

«Чувство семьи единой» во время Отечественной войны окрепло перед лицом общего врага. Когда Муса Джалиль в моабитском застенке создавал свои исповедальные стихи и заверял в них: «Песни всегда посвящал я Отчизне, Ныне Отчизне я жизнь отдаю» («Мои песни», 1943) — под Отчизной он подразумевал не только родную Татарию, но и всю Советскую страну. «Я древний армянин! — восклицал Геворк Эмин в поэтическом повествовании об истории Армении и продолжал тотчас же: — Я — сын могучего Советского Союза» («Я — армянин», 1942). А Людас Гира в поэме «Литва Грюнвальда» (1942) воплотил идею единения славян и прибалтийских народов.

Сама действительность диктовала такие сюжеты. В «Слове о 28 гвардейцах» (1942) Н. Тихонова воссоздавались реальные события — подвиг панфиловцев, ценою жизни защитивших Москву на решающем участке фронта. Плечом к плечу встали в смертном бою и украинец Петренко, и казах Кужебергенев, и Василий Ключков. «Советский богатырский парень» — это определение равно относилось ко всем героям поэмы независимо от их национальности. Эта же мысль пронизывала и «Двадцать восемь» (1942) М. Светлова, где тот же Петренко, глядя на склонившегося к его плечу Сенгирбаева, размышляет: «Я никак не пойму, почему Воевали с Россией татары!» Знаменательно, что в том же 1942 году подвигу двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев посвятил свою поэму и таджикский поэт А. Лахути, что в поэме Г. Сарьяна «Трое» бок о бок сражаются с фашистами сыны трех народов Кавказа: Ара, Шота и Абдулла, а в первом послевоенном году появилось стихотворение Н. Ушакова «Четверка», символизирующее братскую сплоченность разных наций в отпоре гитлеровским ордам (в стихотворении бойцы разных братских народов носят сходно звучащие фамилии: Иваненко, Иванбаев, Иванидзе, Иванов).

Еще одна черта лирики периода Великой Отечественной войны: стихи были обращены ко всему народу и в то же время обладали эффектом чуть ли не интимной доверительности. Одинаково действенными оказывались и «Жди меня» (1941) К. Симонова, и «Священная война» (1941) В. Лебедева-Кумача. А «Октябрьская звезда» (1942) того же автора, преисполненная высокой патетики, неожиданно вобрала в себя интонацию известного романа:

Гремит война, отчизну потрясая,
Суровый мрак окутал города.
Но ты горишь, горишь, не угасая,
Великая Октябрьская звезда...

Звезда земли, любимой и свободной,
Ты нас ведешь на грозный, правый бой,
Везде нам светит знак твой благородный,
И каждый воин осенен тобой.

Пусть «Октябрьская звезда» не стала творческой удачей Лебедева-Кумача, но примечательно само направление его художнического поиска — стремление соединить масштабность государственного мышления с лирической проникновенностью.

А вот Борис Пастернак, раздумывая в ноябре 1942 года о прошедшем двадцатипятилетии Октября, исходил из утаенных, быть может, интимных биографических фактов («Заколдованное число! Ты со мной при любой перемене...»), ассоциируемых в сознании поэта с омраченным праздником народа в годовину великой битвы с врагом:

Предо мною твоя правота.
Ты ни в чем предо мной неповинно,
И война с духом тьмы неспроста
Омрачает твою годовщину.

(«1917—1942»)

«Война с духом тьмы» — это уже философский подход к теме, тоже весьма характерный для поэзии периода Великой Отечественной войны.

Павел Антокольский еще в тридцатые годы включал в свой творческий диапазон опыт всемирной истории, главным узлом которой ему представлялась Октябрьская революция. Были предтечи — Парижская коммуна, диктатура якобинцев. Но подлинное возвышение над тысячелетиями, как полагал поэт, дал человечеству Октябрь 1917 года: именно тогда «вырос над миром живой человек», именно тогда началась новая эра его развития («Изображение века»). Однако «живой человек» представлялся в ту пору под пером Антокольского лишь в самых общих контурах. Иное дело — поэма «Сын» (1943), посвященная «памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, павшего смертью храбрых 6 июля 1942». Чувство отцовской боли пронизывает поэму. Но перед нами произведение, основывающееся прежде всего на философском постижении произошедшей трагедии. Рисуя в своем воображении встречу с отцом убийцы, Антокольский, по сути дела, сталкивает два понимания смысла жизни — фашистское и советское:

Мы на поле с тобой остались чистом,—
Как ни вывертывайся, как ни плачь!
Мой сын был комсомольцем. Твой — фашистом.
Мой мальчик — человек. А твой — палач.

Все же не в этих словах заключено разрешение проблемы, а в самом исполнении понятия «человек», которое по ходу горестного монолога поэта раскрывает всю глубину его содержания. Человек — прежде всего

индивидуальность, потеря которой невозможна. Оттого-то и вспоминает автор «Сына» все увлечения мальчика, вызванные многоцветным богатством жизни и стремлением творить доброе. Хотя об Октябрьской революции в поэме не говорится, ее гуманистический идеал налицо.

Выдающимся событием поэзии Великой Отечественной войны явилась «книга про бойца» Александра Твардовского «Василий Теркин» (1941—1945). Истинно народная книга, берущая истоки в фольклоре. Ничего подобного на долгом пути развития русской литературы не было. И не случайно возникла она в годы Отечественной войны, когда народное самосознание проявило себя сполна. Подобный феномен нельзя понять вне контекста Октябрьских идей, которые воспламеняли духовные силы народа. Василий Теркин — солдат-труженик. А как справедливо подметил современный исследователь, «образы солдат-тружеников находятся в родстве с образами бойцов революции, рядовых и начальников строек, бригадиров, которые обрели поэтическую жизнь в 30-е годы в стихах Багрицкого, Светлова, Луговского, Дементьева, Суркова, Твардовского. Образы поэзии 30-х годов не раз оживали в лирической исповеди бойцов Великой Отечественной войны... Через головы «механиков, чекистов, рыбоводов» («Человек предместья» Э. Багрицкого), «матроса-партизана Железняк» («Партизан Железняк» М. Голодного), «рядового революции» («Герой» А. Суркова), бойца, стоящего «на дальнем пограничье» («Катюша» М. Исаковского), поэзия периода войны перекликалась с красноармейцами, моряками, первыми литейщиками и строителями из произведений Маяковского и Демьяна Бедного».¹

Живая связь времен не прерывалась...

Своеобразное развитие в военные годы получила и ленинская тема. Естественно, что образ Ленина тогда воссоздавался чаще всего как символ бессмертия революционных идей, которые отстаивал народ в борьбе с фашизмом. Оттого, видимо, неоднократно возникал в стихах образ не самого Ленина, а памятника, воздвигнутого в его честь. Например, в стихотворении Степана Шипачева «Ленин» (1941) гитлеровцы низвергают бронзовую фигуру вождя на площади захваченного ими городка России, а наутро в него победоносно вступают партизаны, «и вел их Ленин». В «Балладе о ленинизме» (1942) Ильи Сельвинского молодой политрук, захваченный фашистами и казненный на обнаженном цоколе ленинского монумента, в последние мгновения жизни имитирует призывный жест Ильича, демонстрируя духовное превосходство над врагом. Подобное раскрытие ленинской темы имело место и в «Балладе о памятнике» С. Маршака, и в стихах В. Инбер, А. Прокофьева и многих других поэтов. А латыш Ян Судрабкалн, углубившись в историю родного края, так воспел интернационализм ленинских деяний:

¹ Абрамов А. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. М., 1972. С. 8—9.

Обман владел миллионами сердец,
Учили нас: смирись, кто слаб и мал.
Великий Ленин, друг наш и отец,
О силе единенья нам сказал...

Вот он на пьедестале, как живой,
Каким его мы помним в Октябре,
Когда он вел стрелков латышских в бой
Навстречу расцветающей заре.

(«Ленин», 1944)

Особое место в трактовке ленинской темы заняла поэма Степана Щипачева «Домик в Шушенском». Приметы войны проступают в ней только в финальных строках (а написана-то поэма в 1944 году!) — раздумьях автора в тишине сибирского музея:

Но эта тишина не для молитвы,
а для присяги. В этой тишине
еще слышнее грохот битвы
и поступь времени еще слышней.

«Поступь времени» — вот что самое главное для поэта. Та поступь, которую предугадала гениальная ленинская мысль и которая была устремлена к высокой человеческой цели. Воспоминания о детстве совмещаются у Щипачева с проникновением в «биографию века», где главнейшее событие — Октябрь 1917 года. «Еще пушки те, что будут на «Авроре», железную рудой лежат в горе», «чапаевцы — еще в пеленках спят», ничего еще не знает о своем жизненном пути «приютский мальчик Костриков Сережа», а уже предопределен ход истории, ведущий к освобождению трудового народа:

Прошло вихрастое, босое детство,
и после, в день великий Октября,
не двор — страну я получил в наследство:
поля и реки, горы и моря.

В годы Отечественной войны образ Ленина вселял в души поэтов горделивое чувство хозяина своей страны и своей судьбы, укреплявшее веру в победу над могущественным врагом.

7

В послевоенное десятилетие одним из преобладающих видов поэзии становится лирическая публицистика, что обусловлено во многом обострением международной обстановки в период «холодной войны». Империализм во главе с США не сдавал своих позиций в наращивании ядерного потенциала. Понесшая самые многочисленные жертвы в ходе второй мировой войны, спасшая человечество от фашистского ада, Со-

ветская страна была вынуждена одновременно решать две сложнейшие задачи: залечивать неисчислимые раны, нанесенные ей гитлеровской Германией, и укреплять обороноспособность государства уже в условиях наличия на планете новейшего смертоносного оружия.

Миролюбивая политика СССР, его курс на интернациональное единение народов утверждались в форме решительной и бескомпромиссной. Симптоматичны названия сборника А. Суркова «Миру — мир» (1950), цикла Н. Тихонова «На втором Всемирном конгрессе мира» (1950—1951). Особенно показательна перемена, произошедшая в поэзии Константина Симонова. После создания в годы войны интимно-патриотической лирики он стал все чаще обращаться к средствам плакатной изобразительности. Книгу своих новых стихов поэт назвал «Друзья и враги» (1948), а одно из вошедших в нее стихотворений — «Красное и белое». Аналогия с поэтикой Маяковского (поэма «150 000 000», зарубежные циклы, прием цветового контраста в них) напрашивалась сама собой. К тому же обстоятельный рассказ о проявлении расовой ненависти в Америке завершался сентенцией универсального значения («Мир неделим на черных, смуглых, желтых. А лишь на красных — нас и белых — их»), а торжество революционно-освободительной идеи распространялось повсеместно:

На белых — тех, что в Африке ль, в Европе,
Мы, красные, в пороховом дыму
В последний раз прорвем на Перекопе
И сбросим в море с берега в Крыму!

В отличие от лирической публицистики Симонова, в стихах многих других поэтов, непосредственно посвященных Октябрю, стали преобладать восторженные, однако шаблонные поэтические формулы. Популярность темы, спрос на нее порождали вторичность, подражательность.

В середине пятидесятых годов заговорили о «втором рождении» известных мастеров слова, до того переживавших спад творческой энергии. Ими оказались преимущественно поэты романтического мироощущения — В. Луговской, М. Светлов, Н. Асеев... Тогда развернулась дискуссия о «самовыражении», начатая статьей Ольги Берггольц «Разговор о лирике» (1953). Хотя были возражения против этого термина (лирика как самовыражение), стало очевидным, что пришла пора «могучего самораскрытия общественной личности, проводящей через себя мир»,¹ — так пояснила свою позицию Ольга Берггольц.

Вот почему в пору создания одной из своих последних книг, «Синяя весна» (1957), Владимир Луговской подчеркнул, что в ней он «задался целью... рассказать о том лучшем, что у нас было на протяжении нашей

¹ Берггольц О. Против ликвидации лирики // «Лит. газета», 1954, 28 окт.

истории — лирически, без грома, без маршей». ¹ То есть воспроизвести великие события, первым из которых он назвал Октябрь, через личностное восприятие. Так возникли стихотворения «Синяя весна», «Ночной патруль», «Баллада о новом годе».

Опять баллада! Опять «скорость голая, романтики откос» — как когда-то сказал об этом жанре Николай Тихонов. Вновь, как у Александры Прокофьева начала тридцатых годов, этой «скоростью» управляет ведение истории: «Разгромлена Германия, Европа в стылой мгле. Но трубы Революции гремят по всей земле» («Баллада о новом годе»). При всем том баллада Луговского более усложняется в психологическом плане, ибо это баллада-воспоминание — и об эпизоде личной жизни (встреча 1919 года в холодном музейном зале), и о своей юношеской любви, которой необходимо пожертвовать — правда, только на время, до скорого окончания мировой революции («Зачем любить, копить добро, других опережать, Когда приходит коммунизм, вот он — рукой подать»). Баллада Луговского и торжественна, и драматична, и грустна. Она построена не на локальном сюжете (как у Н. Тихонова), не на общеисторическом (как у А. Прокофьева), а на их синтезе. Здесь и Ленин, зажигающий свечи на елке детского праздника, и Черчилль, кующий интервенцию, и Дзержинский, и Вильгельм II; здесь же девушка Наташа, ждущая своего суженого, и сам он, рядовой боец революции, только что преодолевший тифозный недуг. Тут и всемирная масштабность (звучат имена Микеланджело, Давида, Верхарна), и грубая реальность быта (морозный круст полов, догорающая коптилка, пробегающие крысы «величиной с кота»). И за всем этим чувствуется общеполитический план. Ведь уходящий год восемнадцатый — «молекула в земной судьбе» и одновременно «коLOSS для всех людей». А в стихотворении «Ночной патруль», тоже балладного типа, перекликаются две звезды — одна из красной жести на дощатом пьедестале и другая — блестящая хрусталем в небе, всевечная, отрешенная от людских страданий. Тема Октября снова включается не только в русло всемирной истории, но соотносится со смыслом человеческого деяния вообще.

В такой трактовке она входит и в книгу поэм Луговского «Середина века» (1943—1957) — книгу «о судьбах времени, о судьбах революции». ² Здесь духовная эволюция его героя сопряжена с важнейшей проблемой, которая четко обозначилась в предпоследней поэме «Москва»:

О город мой, ты знаешь силу века,
Ты знаешь тяжесть государства.
Знаешь,

¹ Луговской В. Раздумье о поэзии. М., 1960. С. 55.

² Там же. С. 25—26.

Как в Петербурге грозный Медный всадник
Мятушуюся душу раздавил?
Скажи, чем будет кончен вечный спор
Между одной на свете единицей
И государством...
...Между личной волей
И государством?
Между личной правдой
И государством?..

Весь ход разнообразных сюжетных линий «Середины века» сводится именно к этому узлу. Сквозь книгу проходят три ключевых образа. Это образы Одиссея (народ существует во имя личности, сохраняющей его опыт), Петра I, который в интерпретации Луговского олицетворяет самоценность государственного интереса, и Ленина. Вот в чьем облике находит поэт разрешение социальных противоречий: служение народу не во имя абстрактной идеи, а во имя счастья каждого человека, а следовательно, и счастья всех. Вот почему процитированным выше строкам предшествовали такие:

...Спешите
Туда, куда вас звал в поэме Ленин,—
В бессмертье, в чистый ветер Октября.

И в финале вершинного произведения пятидесятих годов — поэмы Александра Твардовского «За далью — даль» (1950—1960) — возникает подобный же образ:

За годом — год, за вехой — веха.
За полосой — полоса.
Нелегко путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса...

И здесь он тоже связывается автором с величием ленинских идей: поэт призывает «в большом и малом быть, как Ленин, Свой ясный разум видеть в нем».

Вообще в пятидесятые годы образ вождя революции все чаще раскрывается в этико-философском аспекте, как воплощение народной нравственности, а тем самым и высшей гуманности Октября. Таким предстает Ленин в стихотворении Владимира Солоухина «Это было в двадцатом» (1950) — Ленин, мечтающий о расцвете родной страны и претворяющий мечту в реальность; в стихотворении Николая Заболоцкого «Ходки» (1954), где хозяин смольнинского кабинета располагает к себе сердца крестьян не столько обещаниями материальных благ, сколько обнажившейся в беседе духовной общностью с ними, чертой, «присущей народу»: нераздельностью ума и сердца. Та же мысль положена и в основу стихотворения Расула Гамзатова «Горцы у Ленина» (1957).

Пятидесятые годы отмечены также углубленными и расширенными курсами в предысторию революции, причем не только с целью художественного воссоздания, но и проблемно-философского осмысления. Олицетворением вечно прекрасной жизни предстает «Октябрьский вихрь» (1957) в одноименных стихах Павла Антокольского; у Леонида Мартынова революция вызревает в бытовых контрастах многовековой Руси («Я знаю, чем была Ты в нимбе старой славы...», 1957); для Константина Ваншенкина Октябрь — это «философия Земли Сегодня и тем более в грядущем» («Октябрь», 1957). А для Евгения Винокурова залп «Авроры» — следствие длительной борьбы за человечность, которую вели русский народ, и русская интеллигенция:

О состраданье! Нет грознее силы!
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость! Он хватает вилы
Спасать несчастных!

Он топор берет.

Кто жалости мучительный напиток
Хотя бы раз испил — уже тому
Не страшно откровенье страшных пыток.
На каторгу пойдет,
пойдет в тюрьму.

«Авроры» залп!

Встают с дрекольем села.

Но это началось в минуту ту,
Когда Радишев обшлагом камзола
Утер слезу,
увидев сироту.

(«О состраданье! Нет грознее силы!...» 1959)

Заметим, что Ваншенкин и Винокуров — представители уже нового поколения поэтов — тех, личность которых формировалась в условиях Великой Отечественной войны, на полях сражений. И сохранить свои души нежесточенными им помогло как раз ощущение связи с «исходным семнадцатым годом» (К. Ваншенкин), с эпохой, начавшейся «после залпа» (Е. Винокуров): именно оттуда вели они свою творческую биографию, как и многие их сверстники.

Сергей Наровчатов, например, спустя десятилетия поведал о знаменательных обстоятельствах своего крещения в 1919 году, когда из рук священника он был взят руками женщины «в жесткой шинели» и ощутил «огненное дыхание», идущее от ее ласковых губ. Став уже закаленным воином, прошедшим с боями четырехлетний путь Великой Отечественной, он воспроизвел этот эпизод и как «крещение» Октябрьской революцией:

И я, на путях ее крестных
Не зная иного креста,
Влюблен, долгопамятный крестник,
В ее огневые уста.

На свежих путях поколений,
Обдумав жите и бытѣ,
Шепчу: «Революция, Ленин,
Россия —
Крещение мое!»

(«Рожденье», 1967)

Так в нашей поэзии накапливалась историческая память — через лично пережитое и передававшееся из поколения в поколение. А испытания, выпавшие на долю поэтов фронтового призыва, были родственны тем, которые пришлось претерпеть юным бойцам Октября.

8

Иной психологический настрой отличал поэтов послевоенного поколения, громко заявивших о себе во второй половине пятидесятых — начале шестидесятых годов. Для них ближайшей исторической вехой формирующего значения была Великая Отечественная война.

Знаменательно название стихотворения Евгения Евтушенко — «Разговор с революцией» (1955). Оно построено на встречном движении двух голосов. Лирический монолог автора основан не на жизненных воспоминаниях, а на том, что навеяно поэтами-предшественниками; здесь «перед бандитами комсомольцы Триполья поют», «голоса краснодонские откликаются из-под земли». А жажда продолжения их подвигов как бы пробуждает и голос самой революции: «Собирайся, товарищ, в путь. Только ты не проси оружия — ты оружие сам добудь».

Начинается трудный путь самоопределения и переосмысления пройденного другими. С одной стороны, клятвенное заверение: «Революцию я не продам!» — а с другой — стремление к новому постижению ее сути. Характерная сторона дарования Евтушенко — сочетание бытовой достоверности с публицистичностью. И к теме Октября он подошел через обнажение острых конфликтов современности. Уже в ранней его поэме «Станция Зима» (1955) наблюдения над жизнью родного края, сложной и противоречивой, вызывающие и гордость и тревогу, порождали в душе молодого поэта раздумья об острых социальных проблемах, об ответственности перед историей, а воспоминания о судьбе прадеда, сосланного за участие в крестьянском бунте из Украины в Сибирь, связывались с мыслью об исторической оправданности и неизбежности революции.

Скромная надпись на обелиске, привлекая внимание поэта на таежной поляне, — «Погибли смертью храбрых за марксизм» — внушала чувство преданности тем, кто утверждал марксизм, не читая Маркса («Партизанские могилы», 1957), а люди в кожаных куртках, пригрезившиеся в биллиардной писательского Дома творчества, усиливали чувство вины за несовершенство современного мира: «...идут комиссары строгие,

погибшие за меня»; «...идут они, как трагедия собственная и моя» («Комиссары», 1961).

Будучи обостренно чутким к духовным исканиям современников, Гитушенко попытался заново осмыслить проблему социального равенства и свободы. Так возникла поэма «Братская ГЭС» (1964), композиционную основу которой составил диалог двух аллегорических фигур — египетской пирамиды и Братской ГЭС, олицетворяющих полярные представления об истории и человеке — пессимистическое и преисполненное веры в прогресс. И решающее событие, решающий аргумент в этом споре — Октябрь 1917 года («глядит пирамида, как тяжело, огромно, сопя, разнорачивается „Аврора“», «как прут на Зимний орущие тысячи...»).

Кажется, неверие в созидательную мощь народа в этом диалоге сокрушено. Но у носителя пессимистической идеи есть контрдовод: «Чтобы понять человека, его надо представить у власти». Вот тут-то и располагается ключевая глава поэмы — «Идут ходоки к Ленину», в финале которой утверждается нерасторжимое единство вождя революции с народом, его демократизм, отсутствие властолюбия («И за советом к селянам, к горестям и болящим идет ходоком Ленин, идет ходоком Ленин»). Сущность Октябрьского переворота обозначается тем самым как торжество народного самосознания, не подавляющего личность, а возвышающего ее. И вторая часть поэмы с тонкой психологической конкретизацией раскрывает реализацию этой идеи в современной жизни. В ней нет идеализации минувшего и совершающегося, зато историческая перспектива открывается уже не в абстрактных декларациях (этим грешила первая часть произведения), а в душах и думах, даже в характерах неприметных на первый взгляд людей из народа — подлинных творцов истории.

Примечательно, что в конце поэмы появляется глава «Маяковский»: через его творчество молодые писатели приобщались к революционной жизни, стремясь развить традиции поэта и дополнить летопись новой эпохи своим новым словом. О самой революции в ее документально-историческом содержании они писали мало, но в их творческом сознании она постоянно присутствовала (часто в подтексте), соотносясь с двумя именами: в эстетике — Маяковский, в жизни — Ленин.

Первую книгу стихов Андрея Вознесенского «Мозаика» (1960) открывало стихотворение «Ленин на трибуне 18-го года». Затем он напишет стихотворения «Секвойя Ленина», «Я в Шушенском. В лесу слоняюсь...», поэму «Лонжюмо» (1962—1963). Ориентация на Маяковского в этих произведениях несомненна. Но современный поэт значительно расширяет историческую генеалогию Октября. В поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин» появлению ее героя предшествовал рассказ о важнейших, этапных событиях освободительной борьбы угнетенного народа, но за их рамки поэт намеренно не выходил. Такой подход был продиктован временем.

У Вознесенского предыстория ленинского дела подана иначе:

Уходят имена и числа.

 Меняет гений свой покров.

Он — дух народа.

В этом смысле

Был Лениным — Андрей Рублев.

Как по архангелам келейным,

 порхал огонь неукрошен.

И, может, на секунду Лениным

Был Лермонтов и Пугачев.

 (*«Я в Шушенском. В лесу слоняюсь...»*)

Андрей Рублев, Лермонтов, Пугачев, Ленин... Странное на первый взгляд сближение. Конечно, перед нами романтическая концепция истории. Но в ней сказалось настоящее веление современности: постичь в свершениях Великого Октября не только его социальный смысл, но и величие духовного преображения России. Разумеется, и у Маяковского это было, однако акценты в стихах Вознесенского, в его поэме «Лонжюмо» существенно изменены. Причем в своем стремлении к глобальной масштабности изображения жизни Вознесенский подчеркивает национальную специфику истории (по наблюдению М. Пьяных, бытовая подробность у Маяковского — Ленин, играющий в шахматы; у Вознесенского — «Ленин режется в городки»).¹

Появляется и другая новая черта в ленинском образе. Напомним, что в финале первой части поэмы Маяковского, где сказано: «родился обыкновенный мальчик Ленин», автор намеренно не остановился на жизни Владимира Ульянова. Для поэтов нового времени проблема самосоздания личности оказалась чрезвычайно важной.

И часто от бессонных планов,

 упав лицом на кулаки,

Устало говорил Ульянов:

«Мне трудно, Ленин. Помогите!» —

так пишет Вознесенский (в уже цитированном стихотворении) о том, как человек, включенный в могучий ток истории, преодолевает минутные слабости и сомнения.

Ему вторит и Евтушенко:

А ночью ему не спится

под штопаным одеялом.

Метель ворожит:

 «Не сбывься

великим твоим идеалам!»

...«Не сбывься! — скрежещет разруха.—

¹ См.: Пьяных М. Лениниана Андрея Вознесенского // Сб. «В. И. Ленин и литература». Л., 1971. С. 119.

Я всё проглочу бесследно!»
— «Не сбыться! —
как старая шлюха,
неправда гнусит.—
Я бессмертна!»
(«Братская ГЭС»)

Но величие личности, живущей революционным идеалом, убеждает оба поэта, в том и состоит, что она способна преодолеть косную инерцию.

9

Ощущению связи личности с жизнью всей планеты, которое нашло выражение в творчестве поэтов шестидесятых — семидесятых годов, способствовали и вполне конкретные исторические события. В апреле 1961 года человек впервые проник в космос. И это был советский человек — Юрий Гагарин. Подвиг его у многих поэтов вызвал раздумья о связи научно-технического преобразования жизни с традициями Октября.

Например, Николай Трякин, особо почитавший А. Кольцова и И. Ключева, чье творчество изначально было связано с фольклором и с древней мифологией, написал «Песнь о красных чайках» (1961), где в стихах «живых ракет» проступает величественный силуэт крейсера «Аврора», вписывающийся в созвездие Млечного Пути, в сияние Огненного Лебедя, Ковша, Ориона. И не случайно эпиграфом к своим стихам поэт предпослал строки В. Кириллова — одного из зачинателей пролетарской лирики: «Трактором разума взроем Райских душ целину, Звезды в ряды построим, В вожжи впряжем луну». Прозрения своего предтечи поэт шестидесятых годов увидел реально претворяемыми.

Тогда же, в апреле 1961 года, казахский поэт Олжас Сулейменов создал на русском языке поэму «Земля, поклонись человеку», основная идея которой воплощена в словах: «Я люблю тебя, Гордая жизнь, Потому что Ты — революция!» Эдуардас Межелайтис, решавший в книге стихов «Человек» (1961) стародавний спор Фауста с дьяволом и увидевший свободного Человека в космических просторах, в сокрушении сковывавших его оков ощутил «революции волны». А Леонид Вышеславский, живущий в столице Советской Украины Киеве, размышляя в своих «Звездных сонетах» (1962) об истоках гагаринского подвига, посвятил один из них событиям 1917 года:

Когда в семнадцатом глухой подземный гул
вдруг превратился в шторм и вздрогнула планета,
Октябрь такую мощь в сердца людей вдохнул,
глаза им озарил таким потоком света,

что показалось нам: из орудийных дул
рванулась в небеса межзвездная ракета,
и за предел людских забот переклестнул
порыв народных масс, а с ним — порыв поэта...

Романтический пафос преображения нашей жизни властвовал и в поэме Михаила Дудина «Зерна» (1968), в которой раздумья автора об истории на «площади Жертв Революции — Марсовом поле» связывались с личными воспоминаниями о прошедшей Отечественной войне, с прославлением гагаринского подвига и одновременно — с предвидением будущего, когда сполна осуществится творческая свобода человека.

За последние два десятилетия в нашей литературе наметился сдвиг в сторону углубления исторического сознания. Применительно к Октябрьской теме этот процесс можно обозначить так: от философски обобщенного собственного жизненного опыта к хроникально-аналитическому и документальному воспроизведению революции и предреволюционной эпохи.

Павел Антокольский, представитель старшего поколения поэтов, свою «Повесть временных лет» (1967) открыл словами: «Как ни бейся, а эти строки С биографией не дружат». На самом же деле перед нами именно биография, но не отдельной личности, а поколения, имеющего глубинные корни. И судьба его раскрывается прежде всего в интеллектуальном аспекте. От болезненного брожения художнической мысли на рубеже двух эпох («В небе Черный плывет монах. Болен Чехов. Безумен Врубель»), сквозь нарастание народного протеста (в ответ на Ходынку и на Цусиму «где-то Красный поет Петух») к первым выступлениям пролетариата («Полыхают на Пресне Красной Кумачи рабочих знамен») пролегал путь страны и формируется сознание героя поэмы. В его восприятии мира, испытывавшем влияние Блока, воздействие идей только лишь зародившегося века («То Архангел, то Хулиган» — так обозначены его приметы), назревает предощущение катаклизма — и в третьей главе «Повести» столкновение прошлого и будущего предстало в исторической определенности:

Это есть разлом и разлад,
И восторженность восхожденья,
И зачатие и рожденье
Полстолетья тому назад.
Полстолетья назад Москва
В серых сумерках перед рассветом
Подхватила: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!» —
Молодые эти слова.

Предыстория Октября была раскрыта Антокольским на основе его личной памяти и богатого духовного опыта. Он обладал широким знанием историко-культурных фактов не только отечественных, но и зарубежных, свободно воскрешал в стихах приметы минувшего быта. Из этого единения лично пережитого и социального опыта народа, утвержденного

объективным ходом времени, выросло ощущение длительной исторической перспективы:

Полстолетья прошло. Гляди —
У всего свое продолженье.
Всё в движенье, в жженье, в броженье,
Полстолетия — впереди.

Естественно, что те, кто встречал полусотлетний юбилей Октября молодыми, для достоверного отражения его сути были вынуждены все чаще обращаться к документам былых времен, воспоминаниям очевидцев. Но обращение это не было самоцельным. Как сказал один из поэтов нового поколения, Илья Фояков, «чтоб в сегодняшнем был я точен — День Тогдашний, мне помоги» («Путешествие к истоку», 1968).

Поэма «Казанский университет» Евгения Евтушенко (1970) стала своеобразным поэтическим исследованием предыстории Октябрьской революции на материале, связанном с крупнейшим учебным заведением России. Кажется, что она построена по канону этой несложной декларации:

Фантазия моя весьма слаба.
Я верю только фактам. Я не мистик.
История России есть борьба
свободной мысли с удушением мысли.

Действительно, в поэме выведены, с одной стороны, мракобесы — М. Магницкий, К. Победоносцев, Д. Толстой, с другой — светочи науки и культуры, деятели освободительного движения — Н. Лобачевский, Л. Толстой, П. Лесгафт, В. Фигнер, Ульяновы... Но основная линия поэтического текста — поступательный ход прогрессивной мысли: главы поэмы посвящены именно тем, кто двигал историю по пути прогресса. Сложность исторического движения помогают ощутить документальные эпиграфы, предваряющие главы: освоенный поэтом хроникальный материал в общей конструкции поэмы играет чрезвычайно активную роль. Доклады, донесения, рапорты, записи, фрагменты речей и т. д. — это не просто фон, на котором поданы портреты исторических лиц, это равноправная часть художественного текста, оттеняющая героизм русской передовой интеллигенции и народа.¹

Как и в «Братской ГЭС», Евтушенко и здесь остался верен публицистическому пафосу, постоянно соотнося напрямую прошедшее с современностью, открыто выражая свои симпатии и антипатии, которые подтверждались объективными, почерпнутыми из документов свидетельствами.

¹ Напомним, что такой художественный принцип уже находил применение в советской поэзии середины двадцатых годов («Улялаевщина» И. Сельвинского, «Семен Проскаков» Н. Асеева, «Выра» Н. Тихонова), но не в столь последовательном и широком выражении.

ствами. А достоверно переданные эпизоды из жизни героев, в частности Александра и Владимира Ульяновых, естественно связывались с острой политической борьбой современности, с мировым национально-освободительным движением.

Поэма Роберта Рождественского «Двести десять шагов», создавшаяся во второй половине семидесятых годов, лишена пристального внимания к документально-историческим подробностям. Она открыто публицистична, но историческая память тоже вызывает в сознании автора образы революционеров прошедших лет (Ф. Дзержинский, В. Куйбышев); воскрешает неостывшее пламя Отечественной войны (маршал Г. Жуков); наполняет гордостью за тех, кто прорвался в космос (Юрий Гагарин), и за тех борцов за свободу, что остались безвестными:

Последнюю зависть к живым затая,
лежат,
как во мгле полыньи,
твои,
 Революция,
 сыновья —
любимые дети твои.

Разумеется, историческая память не обязательно требует в художественном произведении использования документальных источников, которые для широкого эпического полотна необходимы. Она может черпать материал и в разговорах с ветеранами революции, как, например, у кумыцкого поэта Анвара Анжиева («Песня давних лет», 1977), где старец рассказывает о том, как в годы молодости он променял две нажитые овцы для борьбы с врагами революции: одну — на двустволку, а другую — на фото Ленина; или раскрыться в народной легенде, как у Анатолия Чепурова в «Бакенщике» (1976) — о моряке с Амура, про которого ходит молва, что он служил на «Авроре»; или в раздумьях над мемориальными досками и монументами. Наглядным подтверждением сказанному могут служить стихотворения «Мемориальные доски» (1977) белоруса Пимена Панченко, «Сад Двадцати шести» (1977) азербайджанца Али Тудэ, «Площадь Красных латышских стрелков» (1974) Зиновия Вольшонка. Историческая память может сработать ассоциативно, при виде безмолвных «свидетелей» прошлого, например обрывка старой газеты («Коммуна» Анатолия Жигулина), или на интимно-лирической основе («Октябрь» Леонида Мартынова). Память эта поистине безгранична, и проявляться она может в разных формах. Но всегдашняя почва ее — память народная.

Поэму «Даль памяти» Егор Исаев писал более десяти лет, с 1965-го по 1977 год. Будучи продолжением другой поэмы — «Суд памяти» (1956—1962), посвященной второй мировой войне, она существенно раздвинула тематические рамки первого произведения дилогии, причем на авансцену повествования выдвинулся образ автора. В одной из завер-

шающих глав — о патриотическом подъеме народа в сорок первом году — звучат торжественные слова: «Вставай, народ! Да будут твои небесными Октябри!» — в этом призыве многое от личной судьбы героя, юность которого была опалена войной, и неумолимой логики истории, которая творится людьми во имя мира. И хотя поэма строится как воспоминания автора о детстве, о первых жизненных и отроческих впечатлениях, главное в ее сюжете — мысль о народной судьбе.

Глава «Кремень-слеза» не случайно оказалась композиционным центром произведения. Революция вроде бы свершилась, но куда девать память о тех неизбывных страданиях, которые претерпел народ прежде, — эту «окаменевшую слезу»? Да, Октябрь дал свободу поработенным. Гармонист несет «слезу» «перед лицом народа, как негасимый жертвенный огонь, На самый верх семнадцатого года». Землемер, воспринимающий Азию с Европой как единое целое, призывает к полному равноправию всех наций «по главному закону Октября». Учитель провозглашает «звезду добра и мудрого совета», указывая на пример Ленина.

Но куда же деть «кремень-слезу»? В казну? В школу? В музей для наставления потомкам?

Вывод один: хранить ее надо в своем сердце, а тем самым и в памяти народной. Только тогда Революция реализует себя сполна, ибо цель ее — самый свободный и самый человечный человек.

Утверждению этой идеи и посвящены лучшие произведения советской поэзии последних лет, связанные с темой Октября.

* * *

Прошло уже семьдесят лет со дня величайшего события в истории человечества. Многое пришлось испытать нашей стране за эти годы. «Чем дальше отходит от нас этот великий день, — говорил В. И. Ленин, — тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом». ¹ Эти слова полностью применимы и к художественному творчеству. Мы видим, что тема Октября и поныне остается в советском искусстве ключевой и определяющей. Ведь Октябрьская революция утвердила главные идеи, которые вдохновляли и вдохновляют народ на пути к реальному осуществлению мечты трудящихся всей планеты — мечты о коммунизме.

Ответственность личности за ход истории — и людского содружества за судьбу личности, активный, действенный гуманизм, чувство интернационализма, сращенное с чувством национальной гордости, обретение духовной свободы в борьбе за общенародные интересы — эти и многие,

¹ Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144.

многие другие нравственные основы человека, освобожденного от оков социального угнетения, были предопределены свершениями Октября.

Они-то и способствовали творческому росту наших выдающихся поэтов. Владимир Маяковский и Сергей Есенин, Египше Чаренц и Павло Тычина, Тициан Табидзе и Садриддин Айни... Каждый из них к 1917 году уже обрел художественную неповторимость. И все-таки наиболее значительные произведения они создали под воздействием великого исторического перелома. А идущие вслед за ними не потеряли этот ориентир. Поэты двадцатых — тридцатых годов и те, кому довелось быть участниками Великой Отечественной, как и представители послевоенного поколения, отсчет своей духовной жизни вели от Октября 1917 года.

И сегодня, в наше тревожное время, когда решается судьба человечества и идет коренная перестройка в жизни Советской страны, революционные традиции обретают особо важное значение.

Еще в 1927 году соратник Маяковского по литературной борьбе Николай Асеев написал о революции стихотворение со знаменательным названием: «Она продолжается». «Она не кончается», — подтвердил вслед за ним армянский поэт Ашот Граши. А другой наш современник, Евгений Евтушенко, так определил ее сущность:

Ты —
 мужество решений,
 направленность судьбы,
 и празднества свершений,
 и будничность борьбы.
Ты —
 чувств и мыслей зрелость,
ты — знамя, и рычаг,
и смелость,
 смелость,
 смелость
в поступках и речах.
 («Октябрь», 1956)

Весь опыт нашей истории, в том числе и многонациональной советской поэзии, подтверждает справедливость этих слов.

Герман Филиппов

Владимир Маяковский

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭМЫ

- 1. Смерть поэта
- 2. Маяковский
- 3. Маяковский
- 4. Маяковский
- 5. Маяковский
- 6. Маяковский
- 7. Маяковский
- 8. Маяковский
- 9. Маяковский
- 10. Маяковский
- 11. Маяковский
- 12. Маяковский
- 13. Маяковский
- 14. Маяковский
- 15. Маяковский
- 16. Маяковский
- 17. Маяковский
- 18. Маяковский
- 19. Маяковский
- 20. Маяковский
- 21. Маяковский
- 22. Маяковский
- 23. Маяковский
- 24. Маяковский
- 25. Маяковский
- 26. Маяковский
- 27. Маяковский
- 28. Маяковский
- 29. Маяковский
- 30. Маяковский
- 31. Маяковский
- 32. Маяковский
- 33. Маяковский
- 34. Маяковский
- 35. Маяковский
- 36. Маяковский
- 37. Маяковский
- 38. Маяковский
- 39. Маяковский
- 40. Маяковский
- 41. Маяковский
- 42. Маяковский
- 43. Маяковский
- 44. Маяковский
- 45. Маяковский
- 46. Маяковский
- 47. Маяковский
- 48. Маяковский
- 49. Маяковский
- 50. Маяковский
- 51. Маяковский
- 52. Маяковский
- 53. Маяковский
- 54. Маяковский
- 55. Маяковский
- 56. Маяковский
- 57. Маяковский
- 58. Маяковский
- 59. Маяковский
- 60. Маяковский
- 61. Маяковский
- 62. Маяковский
- 63. Маяковский
- 64. Маяковский
- 65. Маяковский
- 66. Маяковский
- 67. Маяковский
- 68. Маяковский
- 69. Маяковский
- 70. Маяковский
- 71. Маяковский
- 72. Маяковский
- 73. Маяковский
- 74. Маяковский
- 75. Маяковский
- 76. Маяковский
- 77. Маяковский
- 78. Маяковский
- 79. Маяковский
- 80. Маяковский
- 81. Маяковский
- 82. Маяковский
- 83. Маяковский
- 84. Маяковский
- 85. Маяковский
- 86. Маяковский
- 87. Маяковский
- 88. Маяковский
- 89. Маяковский
- 90. Маяковский
- 91. Маяковский
- 92. Маяковский
- 93. Маяковский
- 94. Маяковский
- 95. Маяковский
- 96. Маяковский
- 97. Маяковский
- 98. Маяковский
- 99. Маяковский
- 100. Маяковский

Владимир Маяковский

1. ОДА РЕВОЛЮЦИИ

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъязвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!
О, звериная!
О, детская!
О, копеечная!
О, великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
Стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеянному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,
кадишь благоговейно,
славишь человеческий труд.
А завтра
Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля,—
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.

«Слава»

хрипит в предсмертном рейсе.

Визг сирен придушено тонок.

Ты шлешь моряков

на тонущий крейсер,

туда,

где забытый

мяукал котенок.

А после!

Пьяной толпой орала.

Ус залихватский закручен в форсе.

Прикладами гонишь седых адмиралов

вниз головой

с моста в Гельсингфорсе.

Вчерашние раны лижет и лижет,

и снова вижу вскрытые вены я.

Тебе обывательское:

«О, будь ты проклята трижды!»

и мое,

поэтово:

«О, четырежды славься, благословенная!»

1917 или 1918

Тициан Табидзе

2. ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.

Бомбой взорван воровской притон,

Женщины бредут, дрожа от стужи.

Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.

Мокрый пар шинелей потных. Мгла.

Медный всадник опускает руки.

Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,

И исход сраженья предрешен.

Ночь запомнит только имя «Ленин»

И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

В ночь на 25 октября 1917
Кутаиси

Перевод с грузинского

Василий Каменский

3. ЧУДО-РЕСПУБЛИКА — РОССИЯ

Настало заветное:
На улицах публика,
Флаги как маки горят.
И я рвусь.
Да строится новая Русь,
Человеческая Чудо-Республика.

Я, весенний, кую
И весенне пою:
Звени, весенняя Россия,
Цвети, венчальная страна,
Цвети, встречальная свобода,
Звени, звучальная струна.

Как ярко-радостные дети,
Мы все ликуем и зовем,
И торжествуем марсельезно,
И революцию куюм.

Мы стали вдруг навек друзьями,
И каждый волен и здоров,
И каждый творчески настроен,
Семья одна — единый кров.

Какое счастье быть Поэтом,
И сердцем чутать солнцевсход,
И слышать, как цветет расцветом
Освобожденный наш Народ.

Какое счастье быть Поэтом
И Гражданином в эти дни,
Когда на улицах приветом
Горят рубинами огни.

Живи, Народ. И песни пой,
И грудь открой заставой.
Краснознаменную Судьбу
Покрой на счастье славой.

Ведь настало заветное:
На улицах публика,
Флаги как маки горят,
И я рвусь.
Да строится новая Русь —
Человеческая Чудо-Республика.

1917

Алексей Крайский

4. ДЕКРЕТЫ

По лужам, по грязи смешная девчонка
Бежит, предлагая газеты.
Как воробей, заливается звонко:
«Декреты! Декреты! Декреты!»

Вся власть Советам — декрет номер первый,
Мир всему миру — декрет номер два...
От крика — у барынь мигрени и нервы,
У генералов — кругом голова.

У генералов дрожат эполеты,
От страха? от смеха? — никак не понять.
Фыркают франты: «Собачьи Советы» —
И уверяют, что на три дня.

Девчонке нет дела, базарит газеты
Налево, направо... Смешная, постой!
Ты прочитай и пойми, что декреты,
Эти декреты — для нас с тобой.

Отец — на войне, задыхаясь от газов,
Мать — на табачной, чахоткой дыша,
Слышат твою равнодушную фразу
И за газеты приняться спешат.

The illustration is a powerful statement on the struggle between the working class and the ruling elite. It depicts a scene of social and industrial conflict, with a large, stylized figure of a man in a suit and hat being pushed or pulled by a group of people. To the left, a crowd of workers carries a flag, symbolizing the labor movement. In the background, there are industrial buildings with smokestacks and a classical building with columns, representing the different facets of society. The style is graphic and expressive, with strong lines and a high-contrast, halftone texture.

Читая, подумают оба, что станет
Их дочка наркомом страны трудовой...
Пойми же, девчонка, пойми же, смешная,
Что эти декреты для нас с тобой.

1917

Сулейман Стальский

5. ПОГИБНИ, СТАРЫЙ, МЕРТВЫЙ МИР!

Нам помыслы твои видны,—
Погибни, старый, мертвый мир!
С тобой мы не были дружны,—
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты мучил нас: за каждый стон
Платили мы тебе прогон.
Будь проклят подлый твой закон!
Будь в прах и пепел превращен,—
Погибни, старый, мертвый мир!

Мы помним каждый час и год:
Ты слал на нас орду невзгод,
Ты на кострах сжигал народ...
Довольно кровь сосать, урод,—
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты был к отверженным суров,
В ярме держал нас, как волков!
С богатыми, среди пиров,
Делил сокровища миров,—
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты в темноте держал сердца,
Ты презирал и серп жнеца,
И тяжкий молот кузнеца,
И ненавидел ты борца,—
Погибни, старый, мертвый мир!

Ты наставлял нас, обобрав,
Лишив людских последних прав.

Мы поняли твой лживый нрав,
Испили мы твоих отрав,—
Погибни, старый, мертвый мир!

Мы не забыли дни скорбей,
Мы помним слезы матерей,
Сестер и милых дочерей.
Сгори, проклятый мир, скорей!
Погибни, старый, мертвый мир!

Почуяв смерть, жесток и дик,
Ты в грудь вонзал мне острый клык.
Сталь-Сулейман тебя постиг:
Будь проклят твой звериный лик!
Погибни, старый, мертвый мир!

1917

Перевод с лезгинского

Никифор Тихомиров

6. БРАТЯ

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятя —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой доле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь,
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снесь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат,
Наши очи мезтью пышут,
Постоим за брата брат!

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятья —
Смерть и гибель для владык.

1917

Илья Садофьев

7. ВСЕМИРНЫЙ ТОВАРИЩ

Люди-братья! Я пришел к вам,
Развевая алым шелком,
Эхом, звоном новой речи
Взвихрить радостные вести...
Люди-братья, всех наречий,
Всех племен и всех предместий,
Городов-гигантов, башен,
Улиц-склепов и туннелей,
Ветхих хижин, мирных пашен,
Всех высот, равнин, ущелий,
Юга, Запада, Востока, —
Мы на Севере далеком,
В царстве мрака, льда, тумана,
Бурь, метелей и морозов
Пробудились, встали рано,
Как смертельная угроза
Миру черному и злому,
Дряхло-старому, гнилому...
Мы разбили зла оковы,
И познали битвы сладость,
И вселенной новым словом
Возвещаем нашу радость!
Раздробили трон позорный
В наглой сытости дворцов,
Зануздали сытых, черных,
Долгогривых жеребцов.
Пусть враги кольцом железным
Окружают нас, теснят...
Но их гибель неизбежна...
Гибель тронов и палат!
На Октябрьском развороте,
В битве классовых пожарищ,

Трактом ленинским идете
Вы — всемирный наш товарищ!
Гордо шаг чеканьте, смело, —
С вами мы непобедимы!
Мы и Вы — едино тело.
Вы и Мы — неразделимы.
Нас, товарищ, много, много,
Целью спаянных одной...
Мы пойдем по всем дорогам,
Уничтожив черных рой.
Мы — крылатое стремленье,
Мы всеильны, мы всё можем,
Разрушенья, достиженья —
И усилим и умножим...
Всё отжившее, гнилое,
Всё гнетущее и злое —
Страсти творческим огнем
И расплавим и сождем!
Все устои, все святыни
Дней насилья, угнетенья
Потревожим, с места сдвинем
И растопчем с наслажденьем...
Плугом мысли коллективной
Новь поднимем, новь распашем,
Расцветим восторгом дивным —
Лучше рая, солнца краше...

.
Бег на плаху остановлен,
Глум насилья прекращен,
Евнух фальши обескровлен,
Круг былого завершен.
Красоту и вдохновенья
Евнух фальши оскопил,
Вырожденьем и растленьем
Все музеи омертвил...
Мы — огонь освобожденья
Полнокровной красоты,
Мы несем ей дар бесценный —
Наши гордые мечты...
Мы свергаем, строим, ищем...
Путь в грядущем — впереди —
Бесконечней, шире, чище,
Ярче Млечного Пути.
Посмотри на путь закатный,

Удлиняя ленту чисел,—
Только нам одним понятны
Жизни цель и жизни смысл.
На дороге длинной рабства,
Непрерывного труда —
Мы создали все богатства,
Мы воздвигли города...
В звучно-стройном, слитном хоре
Торжествующих гудков
Слышим гимны алым зорям
Ярких, радостных веков...
Через реки и каналы
Перекинули мосты:
Крепи — кружево металла,
Вязь — узорнее мечты...
Мрак сверканием сжигаем
Электрических огней,
По вселенной мчим, гоняем
Огнедышащих коней...
Мы бессмертны, мы могучи,
Мы гигантскою рукой
Сетью нерв стальных певучих
Обмотали шар земной.
Пробуждая дебри, горы,
Побеждаем и творим.
Мы на суше, мы на море,
Мы и в воздухе парим...
Достиженья умножая,
Небывалое мы явим,
Темный хаос побеждая,
Перестройкой мира правим.

Ноябрь 1917 — февраль 1918

Александр Блок

8. ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!

На погах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы,
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как, бывало,
Брюхом шел вперед
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...—
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — сигарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В Красной гвардии служить —
В Красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови, —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катюшкой летит —
Электрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад «Миньон» жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Вводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гугу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шею —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Уж я времечко
Проведу, проведу...

Уж я темечко
Почешу, почешу...

Уж я семечки
Полущу, полущу...

Уж я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоя...

Скучно!

9

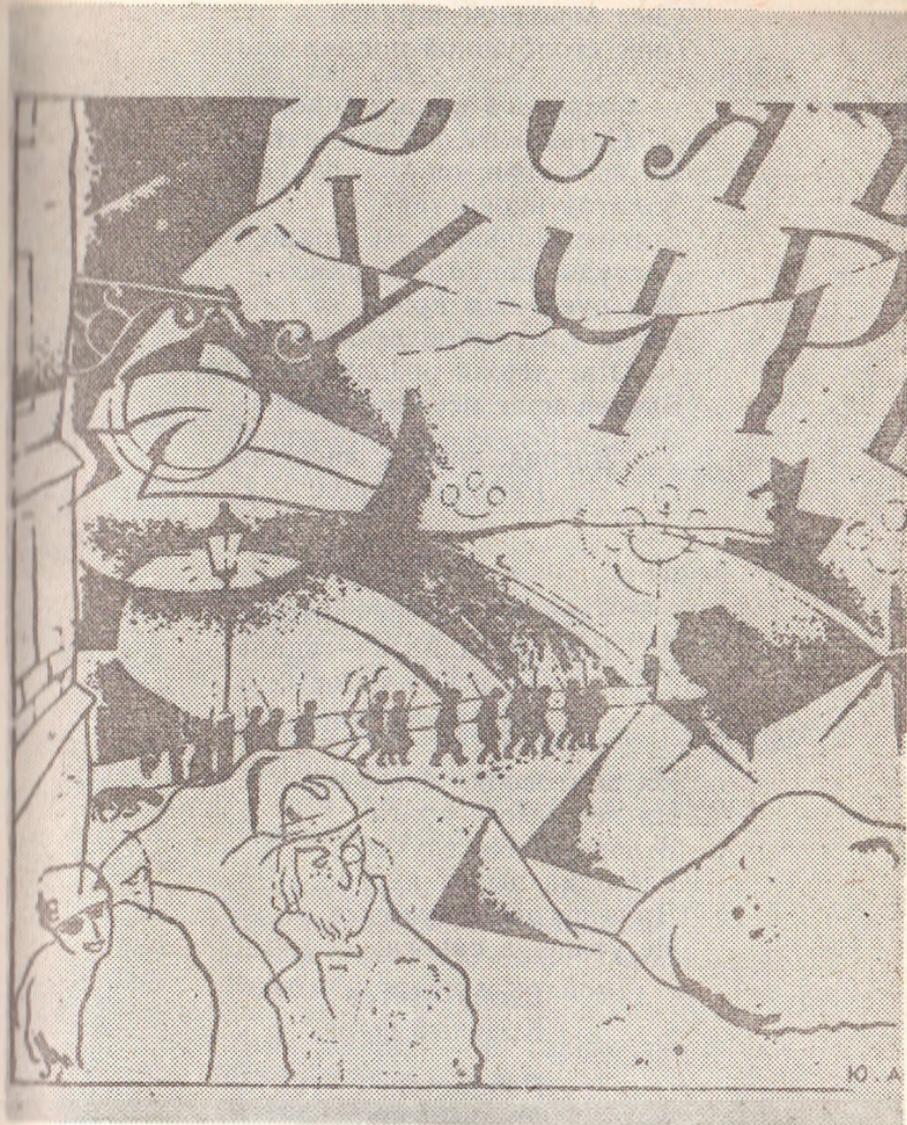
Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметесь шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

10. A

1. The first - 1911
2. The second - 1912

3. The third - 1913
4. The fourth - 1914

5. The fifth - 1915
6. The sixth - 1916

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

||

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

...Вдаль идут державным шагом...
 — Кто еще там? Выходи! —
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
 — Кто в сугробе — выходи!..—
 Только нищий пес голодный
 Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
 Я штыком пощечочу!
 Старый мир, как пес паршивый,
 Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
 Хвост поджал — не отстает —
 Пес холодный — пес безродный...
 — Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
 — Приглядишь-ка, эка тьма!
 — Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
 Лучше сдайся мне живьем!
 — Эй, товарищ, будет худо,
 Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
 Откликается в домах...
 Только вьюга долгим смехом
 Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
 Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Январь 1918

9. СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал громá лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

29—30 января 1918

Андрей Белый

10. СОВРЕМЕННОКАМ

Туда, во мглу Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И словно облак обволоок
Порядок строя мирового,
И прозирающий зрачок,
И прорастающее слово.

Толчками рухнувших Мессин,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приподымался смысл великий.

Развили грозные огни —
Всё беспокойней, всё нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие бойни...

И я к груди земли приник
И понял: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Гений.

Он — Справедливый Судия, —
Мерцая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим прозором.

И видел там, за громом битв,
Восстанье Светлого Завета
В волне рыданий, и молитв,
И набегающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений
Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как Гений, —

И громовая полоса,
Огнем палящая глазницы, —
Далекий грохот колеса
Золотордяной колесницы.

Январь 1918
Москва

Владимир Кириллов

11. ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали — явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет — оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый — символ борьбы,
Угнетенных маяк спасительный;
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

Апрель или май 1918

Сергей Есенин

12. ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА

Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бойся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

2

Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.

Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.

Братья миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

3

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланных коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла.

4

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

Не жалеете же ушедших,
Уходящих каждый час,—
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви — судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец —
Завтра нищий человек.

5

О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

20—23 июня 1918

Василий Александровский

13. ВОССТАНИЕ

1

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, цепки.
Что-то растет.
Кто-то огромный идет.

Черные куртки и кепки
Плавают в сером тумане.
Втиснуты сжатые руки
В карманы.
В темных углах —
Страх.
Мрут и рождаются звуки.
Там, на крутых поворотах,
Гаснут огни.
Плотно закрыли ворота
Грязные пасти домов.
Чу!.. Шепот шагов.
Это — они...
Зовы во мгле задрожали:
«Братья!.. Братья!..»
Лязг беспорядочный стали,
Злые проклятья...

Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет.
В муках Великое зреет,
Идет.

Выстрелы гулкие, четкие.
Стекла посыпались на тротуар.
Пороха запах.
Стены короткие.
Резкие крики. Пожар.
Прошрое будущим стиснуто в лапах,
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились,
Вспыхнула твердь.

2

Беспощадна смерть была
В ярком зареве восстанья,
Здесь
Сквозь злую боль страданья
Жизнь борьбой сердца зажгла.
В гуще серого тумана,
С свежей раной,
Перевязанной небрежно,
У ворот стоит рабочий,
Чутко вслушиваясь в мглу.
Завязался жаркий бой
Вновь,
И мятежно
Всколыхнулся воздух ночи.
В нижнем этаже к стеклу
Чья-то голова прильнула
И отпрянула: там кровь.
Зубы вдруг заскрежетали,
Точно ржавое железо,
Вспыхнул местью взгляд.
Волны гула
Трепетали
То усиленно, то реже,
Звали смелых
На защиту баррикад.
Окровавленное тело,
Как пружина,
Снова ринулось в туман,—
Цепи там рвались стальные
Молодого исполина,

Там тиран,
Что гнет ковал,
Умирал.

Золотые,
Огневые
Змеи жалили дома.
Тени таяли ночные,
Гасла тьма.

3

Рассвет.
В людей превращаются тени.
И тайны в глазах уже нет,
В них светится жажда сражений,
Побед.
Справляет свой праздник Борьба.

Откуда-то звонко
Горниста труба
Запела во вражеском стане.
И тотчас же тонко
Свистнули пули
В тумане.
Как улей,
Народ всколыхнулся.
Мускулы рук задрожали.
Рванулся
Вверх окровавленный флаг.
Ждали:
Подступит ли враг?
Нет.
Не идет.
Так развернутым строем,
Братья, вперед!
На гребни побед!
Мы старое сроем,
Раздавим,
И в этой борьбе
О себе
Мы вечную память оставим.

Враг сломлен. Разбит.
Сквозь полог туманный и дымный
Лучи свои солнце струит,
А толпы — восторги и гимны.

4

Знамена. Плакаты.
И лозунги, бурей рожденные:
«Вся власть Советам!»,
«Долой соглашателей!»
Гимны. Оркестров раскаты.
В солнце влюбленные
Жизни ваятели
Розовым, утренним светом
Хмельны.
Кружатся в воздухе песни
Как птицы,
Счастьем они рождены;
В улицах узких им тесно —
К небу взвиваются.
Радость,
Великая радость на лицах,—
Праздник труда,
Красные флаги
Виснут с домов.
Машут из окон руками.
Дышат отвагой
Лица стрелков.
Красная арка
Цветами
Украшена,
Злоба, горевшая ярко,
Погашена.
Ныне крылаты
Души борцов.

Реют знамена, плакаты,
Гимны из солнечных слов.

Июль 1918

14. КАНТАТА

Сквозь туман кровавой смерти,
Чрез страданье и печаль
Мы провидим — верьте, верьте —
Золотую высь и даль.

Всех, кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.

Пусть последней будет данью
Наша жизнь и тяжкий труд.
Верьте, верьте, там, за гранью,
Зори новые цветут.

Спите, любимые братья!
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Солнце златую печатью
Стражем стоит у ворот...
Спите, любимые братья,
Мимо вас движется ратью
К зорям вселенским народ.

Сойди с креста, народ распятый,
Преобразись,— проклятый враг
Тебе грозит, судьба расплатой
За каждый твой неверный шаг.

В бою последнем нет пощады,
Но там, за гранями побед,
Мы вас принять в объятья рады,
Против неволю долгих лет.

Ревя, земля, последней бурей,
Сзывай на бой, скликай на пир.
Пусть светит новый день в лазури,
Преображая старый мир.

Осень 1918

Николай Тихонов

15. ПЕРЕКРЕСТОК УТОПИЙ

Мир строится по новому масштабу.
В крови, в пыли, под пушки и набат
Возводим мы, отталкивая слабых,
Утопий град — заветных мыслей град.

Мы не должны, не можем и не смеем
Оставить труд, заплакать и устать:
Мы призваны великим чародеем
Печальный век грядущим обновлять.

Забыли петь, плясать и веселиться,—
О нас потом и спляшут и споют,
О нас потом научатся молиться,
Благословят в крови начатый труд.

Забыть нельзя — враги стеною сжали,
Ты, пахарь, встань с оружием к полям,
Рабочий, встань сильнее всякой стали,
Все, кто за нас,— к зовущим знаменам.

И впереди мы видим град утопий,
Позор и смерть мы видим позади,
В изверившейся, немощной Европе
Мы — первые строители-вожди.

Мы — первые апостолы дерзання,
И с нами всё: начало и конец.
Не бросим недостроенного зданья
И не дадим сгореть ему в огне.

Здесь перекресток — веруйте, поймите,
Решенье нам одним принадлежит,
И гений бурь начертит на граните —
Свобода или рабство победит.

Утопия — светило мирозданья,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь,—
Иль новый день в невиданном сиянье,
Иль новая, невиданная ночь!

20 ноября 1918

Садриддин Айни

16. МАРШ СВОБОДЫ

(На мотив «Марсельезы»)

1

О рабы! Подымайтесь из праха,
Красным знаменем мир озаря!
Сбросьте иго покорства и страха —
Засияла свободы заря.

Мы рассеем унынье и горе,
Мы неправду развеем как дым.
Во всемирном безмерном просторе
Справедливость навек утвердим.

Отныне свобода свободна от пут.
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Свободный труд!

2

Венценосцам проклятым в угоду
Мы гремели цепями века.
Нашу кровь проливали, как воду,
Нашим потом кипела река.

Так пускай же погибнут тираны!
Пусть исчезнет насилье и гнет!
Пусть отныне изведают страны
Единения братского мед.

Отныне свобода свободна от пут.
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Великий труд!

3

Угнетатель в почете и славе
Наслаждение чашами пил.
Угнетенный во мраке бесправья
Только горе да горе копил.

Но взвивается песня восстанья
Над полночною тьмой бедняков.
Перестроим же вновь мирозданье —
Без цепей, кандалов и оков!

Отныне свобода свободна от пут.
Отмщенье царям и эмирам!
Отныне да властвует миром
Лишь труд! Священный труд!

1918

Перевод с таджикского

Демьян Бедный

17. ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся,
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!»
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
«Не скулите вы по мне,
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Всё пошло б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю.

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс,
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом,

Что с попом, что с кулаком —
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский —
Русь родная, вольный край,
Край советский!»

1918
Свияжск

Михаил Герасимов

18

Мы победим, клокочет сила
В нас — пролетариях всех стран.
Веками скрыто что бурлило —
Воспламенилось, как вулкан.

Мы, огнемечающая Этна,
Сорвали пыльный шлак оков.
Душа рабочая бессмертна,
Воскресла из гробниц веков.

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно взлетим,
Громокипящею кометой
Прорежем Млечные Пути.

Космические миллионы,
Вонзимся в старый мир Стожар,
В созвездьях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар.

Мы проведем на кратер лунный
Стальные стрелы красных рельс,
В лучисто-млечные лагуны
Вонзится наш победный рейс.

Мы — рук мозолистых спаяньем
Меридианы облегли,
Солнц электрических сияньем
Полярность неба обожгли.

Взрастили под полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять, как гейзер огневой.

Мы победим ударом взрыва
Рабочей армии всех стран,
Мы — вихрь невиданного взвива —
Воспламенились, как вулкан!

1918

Владимир Кириллов

19. МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,—
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы — солнце, вы — свежесть стихии соленой,
Вы — вольные ветры, вы — рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность — морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские волны и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках
Всегда наготове для вражеской встречи —
Таковыми бывали вы в красных боях.

Подобно утесам вы встали, титаны,
На страже Коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков!

1918

Николай Клюев

20

Солнце Осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, дерзновенные кудри!
Славяно-персидская природа
Взрастила злаки и розы в тундре.

Солнце Пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и угли, кровинки,
Как у старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном суглинке!

Солнце Ослепительного века,
Не забудь Праздника великой коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые Гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня?.. О солнце, скажи!..
В багряном заводе и в красных казармах
Роятся созвучья-стрижи.

Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запрячь в корабли...
Мы — кормчие мира, мы — боги и дети,
В пурпурный Октябрь повернули рули.

Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить;
Суровая пряжа — бессмертных судьбина
Вручает лишь солнцу горящую нить.

1918

Василий Князев

21. ПЕСНЬ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда!
Коммунары не будут рабами.

Всё в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга;
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга!

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами,—

Никогда, никогда,
Никогда, никогда!
Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
Жив свободный народ,—
Все идут под знамена Коммуны.
Гей, враги у ворот!
Коммунары — вперед!
Не страшны нам лихие буруны!

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда!
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат,
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться,
Всяк боец рядовой,
Сын семьи трудовой —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда!
Коммунары не будут рабами!!!

1918

22. ЗВОН ПЕРЕД БУРЕЙ

С вышки, вышки поднебесной,
Распахнув чугуны дверей,
Выпускаю в мир окрестный
Стаю медных голубей.
Разлетайтесь, брызги меди,
Теша сердце звонаря,
Унесите о победе

Весть за синие моря:
Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых
И обнимутся народы
На гнилых обломках их.

Жизнь несется ураганом,
Как упущенный экспресс,—
Каждый день дарит неожиданным,
Каждый час — родник чудес.
Что вчера душило, ныне —
Таёт воском на глазах;
Неприступные твердыни
Рассыпаются во прах.
Где вы, замыслы титанов?
Потеряв терпенье, люд
В карлов жалких великанов
Превращает в пять минут!

Где незыблемые троны
И покорный им народ —
С каждым днем сильней короны
Вихрь с голов венчаных рвет!
Где державные палаты,
Мол, спасающий залив,—
Волны яростью объаты,
Без конца растет прилив!
Ночь висит над синим морем...
Правьте к западу смелей!
«Будет буря, мы поспорим
И поборемся мы с ней!»
С вышки, вышки поднебесной,
Распахнув чугун дверей,
Выпускаю в мир окрестный
Стаи медных голубей.
Разлетайтесь, брызги меди,
Теша сердце звонаря,
И несите о победе
Весть за синие моря:
Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых
И обнимутся народы
На гнилых обломках их!

23. КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

О, солнечно-бурный
Октябрьский набат!
О, нежно-пурпурный
Цветок баррикад!
В раскатах восстаний
Твой пламень могуч.
Народных страданий
Серебряный ключ.
Он солнечным светом
Звенит, как живой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

Взращенный в невзгодах
В приволье родном,
На гневных заводах,
В подполье глухом,
В кровавые ночи
На бранных полях,
В призывах рабочих,
В солдатских сердцах,
Он вспыхнул с расцветом
Зари огневой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

И светлым зигзагом
Сверкнули штыки,
Уверенным шагом
Проходят полки
На север, восток
И на запад и юг,
Чтоб красный цветок
Взять под огненный круг.
Несется приветом
Их клич боевой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

1918

24. РОССИЯ

Щедроты сердца не разменяны,
и хлеб — всё те же пять хлебов.
Россия Разина и Ленина,
Россия огненных столбов!
Бредя тропами незнакомыми
и ранами кровотока,
лелеешь волю исполкомами
и колесуешь палача.
Здесь, в меркнувшей фабричной копоти,
сквозь гул машин вопит одно:
«И улюлюкайте и хлопайте
за то, что мне свершить дано!»
А там — зеленая и синяя,
туманно-алая дуга
восходит над твоею скинией,
где — что ни капля, то серьга.
Бесслезная и безответная!
Колдунья рек, трущоб, полей!
Как медленно, но всепобедная
точится мощь от мозолей.
И день грядет, и — молний трепетных
распластанные веера
на труп укажут за Совдепами,
на околешее Вчера.
И Завтра... веки чуть приподняты,
но мглюю даль заметена.
Ах, с розой девушка — Сегодня!
Ты —
обетованная страна.

1918
Воронеж

Николай Полетаев

25. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликование,
Не смехом брызжащий восторг,—
Во всем холодное сознание,
Железный, непреложный долг.

1918

Ян Судрабкалн

26. ПОХОДНАЯ ПЕСНЬ ПРОЛЕТАРИАТА

Хранимый утренней звездой,
Надежд исполненный, я с гор спустился,
И новый мир навстречу мне раскрылся,
И сквозь метель повеяло весной!

Остался позади удел раба.
О, сколько раз отчаянье терзало,
И падал я, и начинал сначала —
Мне придавала сил борьба.

Всё ополчилось на меня:
Насилье, подлость, ненависть, измена.
Но не смирить им дух мой дерзновенный —
Из племени бессмертных я.

Мой разум в битвах закален,
Держу я Землю на плечах могучих,
Мой дух пылает болью жгучей
С давнишних, канувших времен.

Кто пролетарию не верит, пусть тот
Коснется шрамов, нажитых веками.
Они огнем и кровью осиянны,
И радуга на них цветет!

Хранимый утренней звездой,
Надежд исполненный, я с гор спустился,
И новый мир навстречу мне раскрылся,—
Сияет он чудесной красотой!

Ее, как солнце, подниму в зенит
Я над планетой, вылепленной мною,
Когда замрет последний грохот боя,
Та красота весь мир объединит.

К желанным дням я устремляю взор,
Лишь к ним сквозь мятежи и войны
Мой дух стремится в песне вольной,
Как звездно-синий утренний простор.

1918

Перевод с латышского

Николай Тихонов

27. О РОССИИ

Не плачьте о мертвой России —
Живая Россия встает,—
Ее не увидят слепые,
И жалкий ее не поймет.

О ней горевали иначе,
Была ли та горесть чиста?
Она возродится не в плаче,
Не в сладостной ласке кнута.

Не к морю пойдет за варягом,
Не к княжьей броне припадет,—
По нивам, лесам и оврагам
Весенняя сила пройдет.

Не будет пропита в кружале,
Как прежде, святая душа
Под песни, что цепи слагали
На белых камнях Иртыша.

От Каспия к Мурману строго
Поднимется вешний народ,
Не скованный именем бога,
Не схваченный ложью тенёт.

Умрет горевая Россия
Под камнем, седым горюном,
Где каркали вороны злые
О хищников пире ночном.

Мы радости снова добудем,
Как пчелы — меда по весне,
Поверим и солнцу, и людям,
И песням, рожденным в огне.

1918

28. БАНКИР

Он для себя построил небоскребы,
Дворцы, музеи, театры, алтари,
К нему пришли священники и снобы,
Ученые, артисты и цари.

И он поставил пушки против пушек,
Купил умы, дома и корабли,
Судьбу одних предательски разрушил,
Судьбу других победно окрылил.

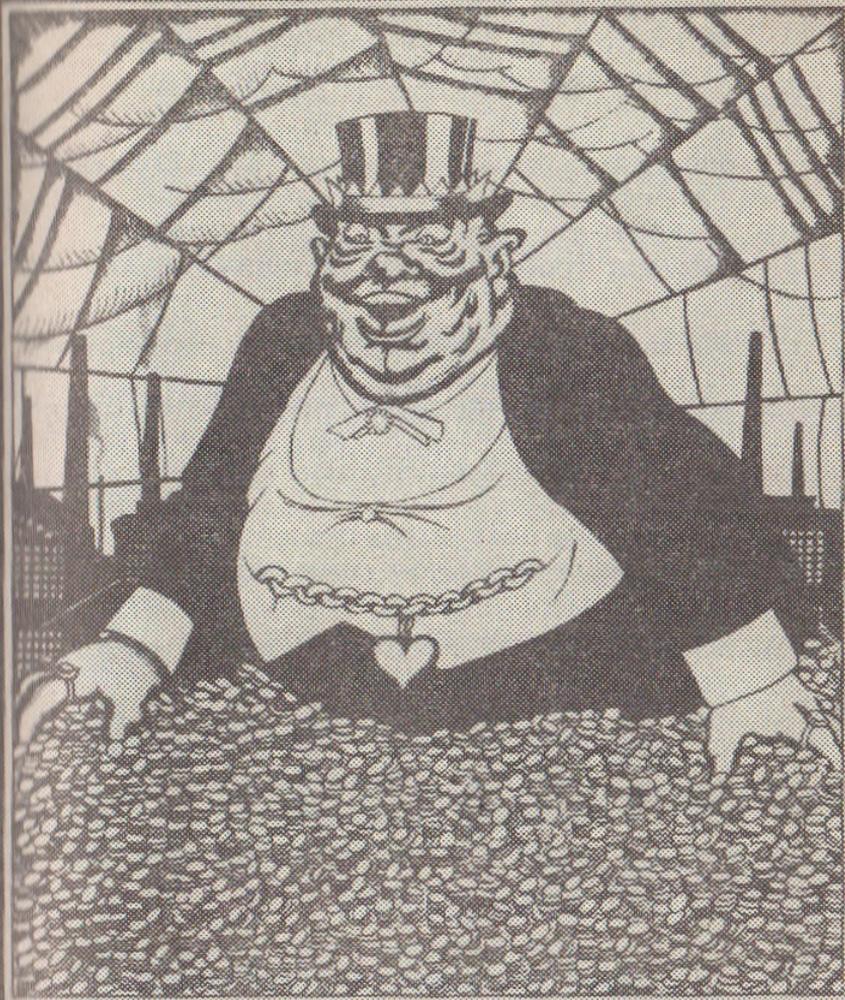
Его собакам, слугам — преклоненье,
Его цилиндр поэтами воспет,
Он, снисходя, приходит слушать пенье
Певцов и див, которым равных нет.

У ног его несметный полк рабочих,
И силу рук, и силу их умов
Он взял себе, свободу дня и ночи,
Приставив к ним своих надежных псов.

От юношей — желанья и расцветы,
От стариков — надежду отдохнуть, —
Он отнял всё. Пылало зноем лето,
В тисках труда пылала кровью грудь!

Вихрь ледяной носился по кварталам,
Стучал озноб, синели кулаки,
Нужда как тень за их спиной стояла,
И голод бил в холодные виски.

А он, как бог всеведущ и незнаем,
Незримо всюду: в небе, в рудниках,
В своем дворце, для всех недосыгаем,
Он блеск и тьма, надежда, счастье, страх.

КАПИТАЛ.

Форты и рынки, пастбища и троны
В его руках — и власти нет конца,
И смотрит он надменно, благосклонно,
С презрительной усмешкой хитреца.

Но близок день, но близок час возмездья —
Сгорит дворец и рухнет небоскреб,—
Рабочих звезд великие созвездья
Осветят гроб, банкира страшный гроб.

На всех путях преграды вихрь поставит —
И в городах, и в небе, и в воде,
К какой тогда неведомой отраве
Он прибежит в последней череде?

И доллары покатаются, как кости,
И отзвенят в окаменевшем рту,
И смерть, как тюк, его костяк подбросит
И, засмеявшись, кинет в пустоту.

1918

Велимир Хлебников

29. О СВОБОДЕ

Вихрем разумным, вихрем единым
Все за богиней — туда!
Люди крылом лебединым
Знамя проносят труда.

Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод!
Пусть на земле образа!
Новых построит их голод.

Двинемся, дружные, к песням!
Все за свободой — вперед!
Станем землю — воскреснем,
Каждый потом оживет!

Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам!

Ноябрь 1918

Александр Ширяевец

30. КРЕМЛЬ

Старинное перевенчалось с новым,
Иное всё: и веси, и поля.
Недоуменно смотрят на багровый,
Призывный флаг глаза твердынь Кремля.

Не льет лучей порфира самодержца,
Ушло былое под певучий звон.
Чуть бьется в страхе каменное сердце,
Всё ярче маяки стальных имен.

Откуда вырос, темный, многоликий,
Куда идет, вскипая и грозя?
И потемнел от дум Иван Великий,
Слезятся многолетние глаза.

Линяет свет пожара золотого,
Неслышно тает древняя тоска.
Недаром всё перевенчалось с новым —
Грядут, рокочут новые века!

1918

Филипп Шкулев

31. ГИМН КОММУНАРОВ

Мы, дети сильные Коммуны,
На свете любим правду, труд,
В душе и сердце вечно юном
Порывы светлые живут.
Поля, леса, луга и нивы

Наш дружный труд благословят,
Трудом мы рук своих счастливы,
В труде мы видим жизни клад!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

У нас у всех одна забота,
Одной мечтою мы горим:
Гнилые тундры и болота
Мы в сад цветущий превратим...
И голод нам тогда не страшен
Средь сел и красных городов,
Когда заблещут ленты пашен
Червонным золотом хлебов...

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Расти, цветы, Коммуна, краше
Под ярким пурпуром знамен,
На страх врагам, на счастье наше,
Во благо будущих времен!
Мы за Коммуну все стеною
Пойдем от плугов и станков
И силой рати трудовой
Во прах сотрем своих врагов!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Хвала труду и каплям пота,
Хвала мозолистым рукам,
Хвала всем любящим работу,
Хвала восставшим беднякам.

Хвала и пашням и заводам,
Взрастившим храбрых сыновей,
Хвала погибшим за свободу
В объятых тюрем и цепей!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

1918

**32. ПАМЯТИ БОРЦОВ,
ПАВШИХ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ 1917 г.**

Шли они шумной столицей
Дружно и ночью и днем,
Были отважны их лица,
Очи пылали огнем.

Шли они стройно рядами
Смело и гордо вперед,
Храбро сражаться с врагами
За пролетарский народ.

Шли, не смыкаячи вежды,
Кровь молодую пролить,
С полною в сердце надеждой
Злого врага победить,

Зная, на алой их крови
Солнце свободы взойдет
И на распаханной нови
Бедный воспрянет народ...

Думы, мечты их свершились
Год лишь один миновал,
Слуги Ваала свалились,
Рухнул злодей-капитал.

Сила буржуев, как гуннов,
Рушится, гибнет, гниет,
Царство Великой Коммуны
Всюду со славой грядет.

Пахарь-бедняк и рабочий,
Славной Коммуны оплот,
Гордо вперяючи очи,
Соколом смотрят вперед.

Смелы их смуглые лица,
Дышит отвагою грудь,
Счастьем свобода-зарница
Их озаряет весь путь.

1918

Владимир Маяковский

33. ЛЕВЫЙ МАРШ

Матросам

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу-историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Развлекайтесь в парше!
Словесной по месту клаузе.
Тихо, ораторы!

МАРШ

НАШ МАРШ

МОЙ МАЙ

СОСКОЧЕ

ИМТЕР-
НАЦИОНАЛ

АРМИИ
НЕКРОСОТ

ПОВЕДЕНИЕ

А ВЫ ?

НАДЕТ

КУРЯ

НИКОГДА

И ЛЕШАДЕН

СОМНЕ

Там,
за горами гóря,
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нáнятой,
стальной изливаются леевой,—
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед браво́й!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает право́й?
Левой!
Левой!
Левой!

Декабрь 1918

Николай Клюев

34. ГИМН ВЕЛИКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Мы — красные солдаты,
Священные штыки,
За трудовые хаты
Сомкнулися в полки.
От Ладоги до Волги
Взывает львиный гром...
Товарищи, недолго
Нам мериться с врагом!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Низвергнуты короны,
Стоглавый капитал.

Рабочей обороны
Бурлит железный вал.
Он сокрушает скалы,
Пристанище акул...
Мы молоды и алы
За изгородью дул!

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Да здравствует Коммуны
Багряная звезда:
Не оборвутся струны
Певучего труда!
Да здравствуют Советы —
Социализма строй!
Орлиные рассветы
Трепещут над землей.

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
С нуждой проклятой споря,
Зовет поденщик нас;
Вращают жернов горя
С Архангельском Кавказ.
Пшеница же — суставы
Да рабы черепа...
Приводит в лагерь славы
Возмездия тропа.

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
За праведные раны,
За ливень кровяной
Расплатятся тираны
Презренной головой.
Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых морях, на суше
Погибель злая вам!

Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Мы — красные солдаты,
Всемирных бурь гонцы,
Приносим радость в хаты
И трепет во дворцы.
В пылающих заводах
Нас славят горн и пар...

Товарищи, в походах
Будь каждый смел и яр!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
Под огненное знамя
Скликайте земляков,
Кивач гуторит Каме,
Олонцу вторит Псков:
«За Землю и за Волю
Идет бесстрашных рать...»
Пускай не клянет долю
Красноармейца мать.
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
На золотом пороге
Немеркнувших времен
Отпрянет ли в тревоге
Бессмертный легион?
За поединок краткий
Мы вечность обретем,
Знамен палящих складки
До солнца доплеснем!
Мир хижинам, война дворцам,
Цветы побед и честь борцам!
1918 или 1919

Егор Нечаев

35. СВОБОДА

После грозного ненастья,
После скорби долгих лет —
Полный братского участия,
Неизведанного счастья,
Засиял свободы свет.

Стихли ропот, голос стона,
Гнев молчание хранит.
У поверженного трона
Драгоценная корона
Смятым чепчиком лежит.

Потряслися тюрем своды,
Двери сорваны с петель,
Где поборники свободы
Выносили стойко годы
Пытки диких палачей.

Льются радостные звуки,
Не смолкая, там и тут.
Это дети слез и муки
В отворенный храм науки
Беспрепятственно идут.

Всех зовет их светоч знанья
С лаской матери родной;
Всюду праздник, ликование.
Краше нет переживанья
Дней свободы дорогой!

1918 или 1919

Ханс Пегельман

36. ГИМН РЕВОЛЮЦИИ

Отрывок

Света и солнца прекрасного,
неба высокого, ясного,
тяжкой неволи, гнета и боли
детище,—
революция,
ты, ненавидящая рабство,
жаждущая братства;
ты, что во имя правды
гневно восстала
против самого «всесильного»;
ты, что зажгла в сердцах миллионов
пламенем ярким и жарким
стремленье к свободе;
ты, что в себе воплотила
скорбь глубочайшую, боль горчайшую,
жажду любви и счастья исконную,
жертвы, за братство людей принесенные,—

всё, что высокого было и есть
в душе человека,—
мчись ураганом вперед
дорогой борьбы, что к свободе ведет,
в прах преврати, сметая с пути,
здание рабства, что расшатала поступь истории,
грязь и порок,
низость и тьму
изгони навек из души человека,
выкорчуй пни вражды и расчисти поля для посева
новых, здоровых семян.
И в плодотворном труде на развалинах встанет —
ослепительным светом залитый,
полный добра, и жизни, и счастья —
дворец трудового народа.

Мчись ураганом вперед,
дорогой борьбы, что к свободе ведет,—
революция!
К твоим ногам приношу я
последнюю лепту в борьбе сгорающей жизни:
всё — от тебя,
всё — для тебя!
В борьбе за идеи высокие
славится пусть твое
освященное кровью имя!

13 мая 1919
Луга

Перевод с эстонского

Павло Тычина

37. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГИМН

Эй, за работу все разом: спит непочатая степь.
Сноп за снопом валит наземь солнца взлетающий цеп.
Знамя деяний и знаний, знамя энергий и воля —
грозно-веселое знамя — вот наш всемирный пароль.
Всё сумеем, одолеем,
тьму проклятую развеем!
Кто рабом был — будь нам братом,
вместе с пролетариатом
от оков избавим свет —
вот наш лозунг и завет!

Хватит нести нам повинность — молотом выкуем плуг!
В каждом — решимость, пружинность, каждый —

товарищ и друг!

В землю вгрызаемся сталью, полем пройдет борозда.

Жизнь — не пустые мечтанья, жизнь — это поступь труда.

Без задержек — смело в дали,
старые разбей скрижали.

Кто рабом был — будь нам братом,
вместе с пролетариатом
от оков избавим свет —
вот наш лозунг и завет.

Нас не сломить капиталу, — что нам шипение змей?

Всюду мы кривду встречали — встретим же правду смелей.

Будим, разбудим, пробудим — кузница, шахта, завод.

Были мы, есть и пребудем, — вечен, как солнце, наш род!

Мы свой подвиг совершаем —
старый мир мы разрушаем.

Кто рабом был — будь нам братом,
вместе с пролетариатом
от оков избавим свет —
вот наш лозунг и завет.

Видим мы горы и волны, чащи, излучины рек,
счастьем вселенную полни, ты, богатырь человек.

Слышим мы отклик ответный из-за фиордов и дюн:

станут семьею всесветной тысячи тысяч коммун.

Руки братьям мы протянем,
песню нашу гордо грянем:

«Кто рабом был — будь нам братом,
вместе с пролетариатом
от оков избавим свет —
вот наш лозунг и завет!»

19 июня 1919

Перевод с украинского

Валерий Брюсов

38. ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жутью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты,

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть,—
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Мы пугаем. Да, мы — дики,
Тесан грубо наш народ:
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет.

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик —
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь — простор надежде,
В нем — свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневной
Шум ее, и гул, и гам,
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

Михаил Герасимов

39. КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Как ярко угли-звезды тлеют
И неба синего слюда!
Но всех чудесней, всех светлее
Красноармейская звезда.

Она над миром пятикрыло
Нам новым сердцем расцвела,
Сколько бодрости и силы
В рабочие сердца влила!

Над снежной степью заблистала,
Вонзая стрелы в белый стан,
От Мюнхена и до Байкала
Взвихрила красный ураган.

Мечети Турции облиты
Ее грозовой красотой,
Египетские пирамиды
Венчались красною звездой.

Свой свет в подземные глубины
Вливает в рурских рудниках,
Винтовки, бомбы, карабины
В шахтерских вспыхнули руках.

Всё светозарнее и выше
Мерцают красные крыла,
На башне Эйфеля в Париже
Вдруг вспыхнула и зацвела,

Горящим молотом и плугом
Альпийские дробила льды,
Над Роной, Рейном и над Бугом
Звезды рубиновой следы.

Звенит в международной песне
Над синей армией труда,
Всех звезд ясней и всех чудесней,
Красноармейская звезда.

1919

Алексей Маширов-Салобитник

40. РОССИЯ

Страна родная! В грозный год
На грани, кровью разогретой,
И ты сверкнула в свой черед
Новорожденною кометой.

В твоём крещенье огнём
Гремят серебряные трубы,
И разбудил машинный гром
В полях бревенчатые срубы...

Советов кованая власть
Горит, как солнце, горделиво.
Страна громов, тебе ли пасть
Под гнетом злобного порыва?

О нет! Твое призванье — жить
И в грустных сумерках Европы
К любви и братству проложить
Неумирающие тропы.

Напрасно бешенством врагов
Куется злобная стихия —
Горит среди северных снегов
Воспламенённая Россия.

1919

Сакен Сейфуллин

41. «МАРСЕЛЬЕЗА» КАЗАХСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Вступай в ряды свободных граждан,
Пойдем дружнее на врага,
На бой мы выйдем вместе с каждым,
Кому свобода дорога.
Отмстим злодеям-мироодам
За годы тьмы, за годы зла,
Отныне нам пора пришла
Идти к решительным победам.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Нам царь в несчастье не подмога,
Защита взяточнику он.

Простой народ живет убого,
Забит, унижен, оскорблен.
Мы — как бездомные собаки,
Нас ненавидят всё сильней,
Нас не считают за людей,
Нарочно держат нас во мраке.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Народ, правами обделенный,
Мерзавцы грабят без стыда,
Страданья терпит угнетенный
И от властей и от суда.
Они выказывают норов,
И кровь чиновники сосут,
Зато всегда и власть и суд
Стоят на страже живодеров.

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Хоть кровожадных мироедов
У нас еще хоть отбавляй,
Но, тиранию их изведав,
Мы от нее очистим край.
А проходимцев мы проучим,
Чтоб неповадно было им,
И всех, кто борется, сплотим
Под нашим знаменем могучим!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Пускай бы дольше тьма не длилась,
Воспрянул духом бедный люд!
Отныне свет и справедливость
Дорогу к радости пробьют.

Введем свои установленья
И учредим порядок свой!
Вовек да будет проклят строй
Самодержавного правленья!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Да обретут права народы,
От века ведавшие гнет!
Во имя братства и свободы
Пушкой насилие падет!
Страной мы сами править будем,
Верша свой каждодневный труд.
Знамена красные несут
Свободу всем на свете людям!

Идемте, граждане,
Своим путем!
Наш красный флаг — вот наш вожатый!
Тесней ряды сомкнем!

Август 1919
Арка

Перевод с казахского

Андрей Унит

42. КОММУНАРЫ

Блестят штыки, шаги грохочут,
Бойцы идут, ровняя строй,—
То, вырвавшись из плена ночи,
Наш красный полк шагает в бой!

Над нами пламенеет знамя,
И льется песня, сердцу в лад,—
Кто для борьбы рожден, тот с нами!
Туда, где пушки бьют в набат!

Любимый, встань со мною рядом!..
Чтоб сохранить любовь свою,
За долю светлую нам надо
Иль победить, иль пасть в бою!

Пусть наша нежность, счастье наше
В борьбе не расслабляет нас,
Чтоб злобный враг нам не был страшен,
Чтоб гнев священный не угас!

Тебе всю душу отдала я,—
В дни радостей и в дни тревог
В душе поет не умолкая
Любви стремительный поток.

Пусть ныне огненною лавой
Кипит любовь у нас в груди,—
Шагаем мы на подвиг правый,
Бушует буря впереди!

Рокошет гром, дымят пожары —
Но нас вовек не разлучить.
Так в бой вступают коммунары,
Чтоб умереть иль победить!

1919

Перевод с латышского

Леонид Мартынов

43

Бегут вассалы Колчака,
В звериные одеты шкуры,
И дезертир из кабака
Глядит на гибель диктатуры.

А ты, Пьеро, манерный плакса,
Ты слышишь орудийный гром,
Ты слышишь, бьет тревожный «ма́ксим»
Там, на холмах за Иртышом!

Неяркий свет лежал в равнинах,
А в городе он был багров,
И, путаясь в одеждах длинных,
Толпа крикливых Арлекинов
Выматывалась со дворов.

И лес лилов, и снег стал розов,
И розовая ночь была,
И с отступающих обозов
Валились мертвые тела.

За взрывом взрыв над полем боя
Взлетал соперником луне,
И этот бой покрыл былое.
И день настал
В другой стране.

1919 или 1920

Илья Эренбург

44. РОССИИ

Смердишь, распухла с голоду, сочатся кровь и гной
из ран отверстых.
Вопя и корчась, к матери-земле припала ты.
Россия, твой родильный бред они сочли за смертный,
Гнушаются тобой, разумны, сыты и чисты.
Бесплодно чрево их, пустые груди каменеют.
Кто древнее наследие возьмет?
Кто разожжет и дальше понесет
Полупогасший факел Прометея?
Суровы роды, час высок и страшен.
Не в пене моря, не в небесной синеве —
На темном гноище, омытый кровью нашей,
Рождается иной, великий век.
Уверуйте! Его из наших рук примите!
Он наш и ваш — сотрет он все межи.
Забывтая, в полунощной столице,
Под саваном снегов таилась жизнь.
На краткий срок народ бывает призван

Своею кровью напоить земные борозды,—
Гонители к тебе придут, Отчизна,
Целуя на снегу кровавые следы.

Январь—март 1920
Коктебель

Демьян Бедный

45. ИЗ ПОВЕСТИ «ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

1

Ванин взвод пошел в наряд:
Целый где-то там отряд
Большевицкий арестован,
Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?
Точно молния, по нервам
Пронизала Ваню дрожь:
«Клим!.. Голубчик!.. Узнаешь?..»
— «Узнаю». — «Теперь я понял! —
Пот холодный Ваню пронял. —
Так о «Правде» воронье
Нам накаркало вранье?!»
Клим Ванюшку глазом смерил:
«Что же ты? Ужель поверил?»
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: «Никогда!»
Клим Ванюшке подал руку:
«Вот, прочти-ка эту штуку!»
— «Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!»

РАЗРЫВ - ТРАВА

Большевицкая сказка, переданная Климом Ване

Батрак Лука не спал ночей,
Одoleвали парня думы:

«Люд бедный, городской,— в когтях у богачей,
Деревней правят толстосумы.

Куда ни кинешься, всё нет для голытьбы
Иной судьбы:

Какой-то черт ее трудом и сыт и гладок,
А ей — на всё запрет и ко всему заслон.

Что ж это за такой закон?

И кто завел такой порядок?

По праздникам не раз, положим, поп Ипат
Увещевал народ с амвона
Словами божьего закона:

Не зарытесь, мол, на тех, кто в мире сем богат,
Не ополчайтесь брат на брата!

В загробной жизни ждет всех богачей расплата.

Слеза в глазах, и крест в руках,

И голос — с этакою дрожью,

А явно отдает от проповеди ложью.

У самого попа порыться в сундуках —

Поди-кася, не всё там по закону божью!

Вот батрака возьми — к примеру, хоть меня:

И руки будто есть, и голова на месте,

А в жизни я меж тем не знал такого дня,

Когда бы не был я рад смерти, что невесте.

К работе ль я ленив? Работа ль мне невмочь?

Нет, я б работал день и ночь

И вынес всякую б работу.

Но если б строиться я возымел охоту —

Замок-то есть, да нет ключа!

И камни и леса — всё в лапах богача!

На пашне бы своей не пожалел я поту,

Да пашни-то и нет.

Явившись на свет,

Все лучшие угодя

Нашел я где? В руках дворянского отродья!

Иль почему бы мне не сделаться ткачом?

Но лен ли, конопля ль, овечье ли то стадо —

Всё, всё присвоено проклятым богачом!

Что ж остается мне? За что мне братья надо?

И одному ли мне?

Один ли я пойду к грабителям с поклоном?

Под гнетом богачей в родимой стороне

Весь люд убогий стонет стоном.

Так это божьим, что ль, утверждено законом?!»

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.

В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.

«Жив, — порешил он так, — не буду, —
Для счастья общего не жаль мне головы! —

А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!»

В ночную темь по рвам, по кочкам, по бурьяну

Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.

Там, место выискав под старую сосной,

Три круга очертил и с верою живую

Платочек разостлал перед разрыв-травую.

Покрылся у Луки холодным потом лоб,

То в жар его всего кидало, то в озноб, —

Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,

Он ждал чудесного цветенья.

Ждал, твердо веруя, что есть,

Есть сила дивная в волшебном, тайном цвете!

О, если бы ему с собой тот цвет унести —

Перевернул он всё б на свете!

Прибравши клады все к рукам,

Он их бы роздал беднякам —

Всем, кто морит себя работой подневольной,

Кто множит прихотью чужой число калек,

Кто к счастью весь свой скорбный век

Бредет, кряхтя, тропой окольной.

И крикнул бы Лука: «Гей, горе-голытьба!

В твоих руках твоя судьба.

Злой власти богачей ты не потерпишь боле.

В запряжке каторжной уж не согнешь горба:

Под небом всё — твое: вода, и лес, и поле!

Избавясь от нужды проклятой, вековой,

Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,

В трудах и в радостях друг с другом в общей доле

Жить на своей на полной воле!»

Упал в слезах Лука перед разрыв-травой —

На сердце стало парню худо,

От духоты ночной кружилась голова.

Тут — ровно ополночь — в лесу свершилось чудо:

В короткий миг разрыв-травы

Пред парнем бледным и безгласным

Вся расцвела цветеньем ясным —

И, словно звездочки, стал за цветком цветок
Роняться тихо на платок.

Крест сотворивши троекратный
И завязавши цвет заветный в узелок,
Батрак пустился в путь обратный.
Идет. А сердце ёк да ёк.

И вот — отколь взялось и где всё раньше было? —
Лес грозно зашумел, зверье вокруг завывло,
Вверху закаркало лихое воронье,
Внизу заползали и зашипели гады:
«Брось узел!» — «Брось!» — «Оставь нам прежнее
житье!»

— «Зальются кровью наши клады!»
Сжимая узелок дрожащею рукой,
Лука всё шел, а за Лукой
Неслися вихрем ведьмы, черти:
«Брось узел!» — «Чьей ты хочешь смерти?»
— «Прольется кровь!» — «Народ восстанет на народ!»
— «На сыновей пойдут отцы, на братьев братья!»
Творя молитвы и заклатья,
Лука всё шел с узлом вперед
А вой всё рос: «Куда ты?»
— «Куда ты?»

И стали обгонять тут батрака солдаты:
«Прощай! За клады нас всех гонят умирать!»
Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь. В тела вонзились пики.
Покрылось поле всё кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья, стоны, крики:
«Ты нашей гибели виной!»

Тут наважденье всё вмиг как рукой убрало.
Глядит Лука: никак, уж солнце заиграло
Над деревушкою родной!

Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке как стеганет с размаху!

Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.

Опомнившись, батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит, перед ним нет ни врага, ни цвета:
Всё тот же темный лес, и никого кругом;
Всё та ж глухая ночь, и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья! В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой — клеветою,
Ужели дрогнем мы, отступим хоть на шаг?

Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?

Пусть заклеимила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон на нас враги насели,—
Что ж! Мы покажем им, что наша мощь жива,
Что всё еще в руках у нас разрыв-трава —
Вожжами нашими указанные цели,

Что, наподобие Луки,

Мы духом не падем, надежд не похороним,
Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.

Пусть всё решит борьба!..

2

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слышать.

В деревушке — сход за сходом:
«Долго ль будут над народом
Измываться господа?»
— «Не толкнуться ль нам куда?»
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
«Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем как след,
Что нам в пользу, что — во вред.
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсеры —
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон
И что надо гнать их вон?»

Три недели ждали Тита.
 «Вот, поди ж ты, волокита!»
 Толковали так и сяк:
 «Тоже дело не пустяк —
 В день не справишься, понятно!»
 Как вернулся Тит обратно,
 То-то был переполох!
 Бедный Тит чуть не оглох.
 В нетерпении великом
 Все кругом кричали криком.
 Рвали Тита за бока,
 Торопили мужика:
 «Не томи ты, ради бога!»
 — «Нас брала уже тревога!»
 — «Чуть не месяц пропадал!»
 — «Где ты был и что видал?»

«Ошалели все вы, право! —
 Усмехнулся Тит лукаво. —
 Дайте узел развязать,
 Есть тут что вам показать.
 Вот газеты. Вот книжонки.
 Не на ваши всё деньжонки,
 Не эсеры дали, нет.
 Большевицкий Комитет!
 Об эсерах что калякать —
 Не народ, а просто слякоть!
 Говорят да говорят
 Восемь месяцев подряд,
 Подпевают живоглотам,
 Всё выходит как по нотам,
 Иль, сказать верней всего:
 Не выходит ничего!

Был я в ихнем совещанье,
 Даже плюнул на прощанье!
 Всё про ленинцев орут,
 Что в Советы больно прут.

Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:
Дисциплины никакой,
Хоть на всё махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой:
Грабят барские пожитки,
Разбирают всё до нитки,
Жгут помещичьи дома,—
Вот она, какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Всё спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы:
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!»

6

«Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло.—
Рвань там всякая мутит!»
— «Ладно. Спрячься! — молвил Тит.—
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От эсеров этих нам:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью съякшались,
На «порядке» помешались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То бишь «рвань», чтоб не «мутила»,
По указочке ходила,
По указочке б жила,
Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,

Слушать бредни надоело,
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

7

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре,
Тут при батюшке-царе
Обучалась наукам,
Благородным всяким штукам
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц —
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши гляжу.
До чего всё это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
«Кто такой? Зачем? Откеда?»
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда,—
Чуда, бунта — всё равно:
Бунтовать бы нам давно!

8

«Ну, пора и возвращаться».
Стал со Смольным я прощаться,
Отдал низкий всем поклон:
«Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.
Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.

Как деревня ни темна —
Мужичок душою чувствует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!»
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получают,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

9

Дальше шло как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде все — своя родня,
И родня, сказать не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень неглупа.
Не видал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходит, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речи полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!
Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода.
Дел партийных — миллион,
То ж Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про «массу»,
Про рабочие «низы»
И «предчувствие грозы».

Мне не очень-то понятно,
Слушать все-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!

10

Прямо диву я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:
«Вот-де, я не раскусил,
Хоть кой-что смекаю смутно,—
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж всё народ каков?
Не под стать ли он, к примеру,
Толстозадаму эсеру?..»
— «Как сказать, голубчик Тит?
У эсеров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет «порядка».
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь:
Им подай такой «порядок»,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить.
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так — в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!
Дай ей жить иль душу вон,
Но чтоб был на всё закон!»
— «Так. Закон. Оно сподручно
Драть не оптом, так поштучно,
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?»

11

«Меньшевик — иное дело,
Он орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,

Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост —
Остается только хвост,
Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконоом,
Доказал-де очень ясно,
Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Всё придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд,
Скорь, нужда, болезни, муки,
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет
И... без бою всё возьмет,
Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй — холодный труп:
Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок.
Ну, какой отсель урок?»

12

«Шутишь, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так примерно. —
Ждать, чтоб этот Капитал,
Как пельмени, нас глотал

До своей до самой смерти,—
Пусть его глотают черти!
Это что ж? На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать,—
И задержка, мыслью, в малом!
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет прока,
Коль подохнет он до срока!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!»
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
«Верно, Тит! Чего ясней!»
— «В бок ножом, и вся недолга!»
— «Вот она, родная Волга!»
Кто-то даже так вскипел:
«Стеньку Разина» запел!

13

Дали тут мне книг три пуда.
Маша...»

— «Дрянъ она! Паскуда! —
Рявкнул Пров на всю избу. —
Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здесь!»
И, поклона не отвеся,
Взором злым окинув всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
«Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!»
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
«Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.

Мил не будет свет нам белый...»
Поп глядел, как очумелый:
«Что стряслось, говори?»
— «То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы,—
Небылицы — ерунда! —
Нет, всё правда, вот беда:
Говорит, подлец, такое...
Дня нельзя провесть в покое:
Жди несчастья каждый час.
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит.
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку».
Поп, воззрившись на «лампадку»
(Не с елеем, а с винцом),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к «лампадке» прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:
Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти:
«Знамо, надо донести!»

14

ПОХОРОНЫ

У буржуев шумный пир,—
Ну и пир.
Всех повесить, кто за мир! —
Кто за мир?
Поднялся веселый крик,—
Ну и крик:
Умер, умер большевик! —
Большевик?
Со святыми упокой! —
Упокой?

Шевелит мертвец рукой! —
Ох, рукой!
Большевик открыл глаза! —
Ой, глаза!
Неужель опять гроза? —
Да, гроза!

БАРСКИЕ СЛЕЗЫ

Побывальщина

Как во славном было городе во Питере,
Как на славной было улице Суворовской,
Против дому ли того да против Смольного,
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
«Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,
Навсегда, мое житье, ты миновалось.
Все богатства мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины,
По рукам пойдут мужицким, по мозолистым,
Беднотою неумытою поделаются.
Ох ты, горюшко мое, ты, горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилось,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное, навеки трижды проклято!
Чтоб ты в землю без остатку провалилось!
Что пригрело ты смутьяна неумемного,
Главаря всей чернокостной буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что рабочего Совета да солдатского!
Как пойду я помолюсь всем святителям:
Милюкову — Сладкопевцу Дарданелльскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконой чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
«Вы, отцы мои, святители-угоднички,

Уж вы сжаьтесь над нашей барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
«Всё пойдет по-стародавнему, по-прежнему:
Не владеть крестьянам пахотью помещицей,
Не видать голодной рвани вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!»

15

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между нами,
Стих марать их именами.
Но, чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался.
Но откуда он взялся?
От эсеров, вот откуда!
Легковеры ждали чуда:
Адвокат, мол, говорлив,
Говорлив, да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит, станет за народ.
Вышло ж всё наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богачи ж — не знал холоп —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:

«Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудить хочу я сам!»
Адвокатик, взыввши матом,
С просьбой слезною к солдатам:
«Помогите! Караул!»
Поднялся в казармах гул:
«Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!»

16

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
«Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство немило,
Бунтарей недогромило.
Канитель неча зря.
Погуляли без царя!»
Отвечали тут солдаты:
«Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!»

17

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат
После доброй их подмоги,
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
«Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный
И что вас я под беду

Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!»

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
«Коемуждо поделом!»
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,
Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*

Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо,
Видел Ваню я и Клима,
Может быть, в последний раз.

ПРОЩАНИЕ

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну — что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У основного креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

25 октября (7 ноября) 1917
Петроград

В дни октябрьской славной схватки
 Мы простилися, ребятки;
 Я, готовясь пасть в бою,
 Сам оплакал смерть свою.
 Есть в том чудо, нет ли чуда,
 Но... я жив еще покуда
 И, буржую на беду,
 С вами речь опять веду.

Да, на чем я кончил, кстати?
 Пров Кузьмич скулил у бати,
 Поминая бабкин квас:
 «Жди несчастья каждый час!»
 «Жди несчастья». Ненароком
 Оказался Пров пророком:
 Скоро впрямь стряслась беда,
 Вроде Страшного суда.
 В день Косьмы и Дамиана
 Вышло солнце из тумана,
 Сквозь узорное стекло
 В церковь луч свой навело.
 В церкви уймища народу.
 Поп кропило тычет в воду.
 Окропивши всех водой,
 Батя, бледный и худой
 И приметно спавши с тона,
 «Братья! — речь повел с амвона.—
 Сообщу вам злую весть:
 Дней тому примерно шесть,
 К нашей общей всех досаде,
 Приключился в Петрограде
 Вновь большой переворот:
 Большевистский всякий сброд,
 Мразь фабричная, матросы —
 Словом, всякие отбросы
 (Чтоб им, иродам, пропасть!)
 Захватили в руки власть.
 Первым подлым их декретом
 То, что было под запретом
 И в веках освящено,
 Всё как есть отменено.
 Все помещичьи именья,

Монастырские владенья
И церковные равно —
Всё теперь уравнено,
Всё, по божью попущенью,
Предаётся расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!»
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, тряхнув, промолвил: «Вон!»
Тит взобрался на амвон!..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ — на перевале,
На великой на горе —
Большевицском Октябре.
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда,
И по этому пути
Я и думаю идти.
Расскажу открыто, честно
Всё, что дальше мне известно
О бедняге батраке,
Об Иване-дураке;
Как и где он подвизался,
Как — на деле — оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!

Про Ивана сказ народный:
Дескать, он дурак природный,
Потому дурак большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит —
Не боярам, не царям,—
Что всегда он смел и прям.

Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных «дураков» —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.

Но иное повелось:
«Умных» много развелось —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:
«То бы можно, это б можно,
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ.
Что мы стоим без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный совет:
Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это — так намедни

Говорил отец Фома —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То бишь с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.

Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар, что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки.
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не всё ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинёт
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу,
Но... помещичью землю,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,
Пусть как хочет нами правит
Нам — землю! А права...
Это всё нам трын-трава!»
Так судачат дока с докой,

Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.
У него — назад оглядка.
Он устал от «беспорядка»:
Не дают ему жевать
То, что он успел урвать;

Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — Иван-дурак!

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы,—
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа,
Потрясите-ка соседа,
Поспросайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
«Дураков» всех обуздать?
А не время ль вам, ребята,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?

Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.

Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,

С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.

Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче,—
И могуче и живуче,—
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон,
И жрецы, и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалось оно,
Нынче спаяны в одно:
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужаящий молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик —
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,
Канцелярский воротила,
Промотававшийся кутила,
Золотушный князь, барон,—

Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская,
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,
А все пакости ее:
Оголтелое вранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли «герой»,
То — у тли такое свойство! —
В том всё тлиное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Всё равно — японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,
С чертом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля «геройски» рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою,
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб идти на нас войной.
С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?

Деревенский живоглот!
Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,

Настоящий лютый змей —
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.
Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерема ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
«Моего не трожь амбара!»
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез.
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти,
Люд рабочий, батраки,
Все повыкрошим клыки?!

Октябрь 1920
Москва

46. ПАРКИ В МОСКВЕ

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в Октябре?
Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

То — народными пирожницами,
То — крестьянками в лаптях,
Пробегали всюду — с ножницами
В дряхлых, скорченных руках.

Их толкали, грубо стискивали,
Им пришлось и брань испить,
Но они в толпе выискивали
Всей народной жизни нить.

И на площади, мне сказывали,
Там, где Кремль стоял как цель,
Нить разрезав, цепко связывали
К пряже — свежую кудель:

Чтоб страна, борьбой измученная,
Встать могла, бодра, легка,
И тянулась нить рассученная
Вновь на долгие века!

1920

47. ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ

(1917—1920)

Вой, ветер осени третьей,
Просторы России мети,
Пустые обшаривай клетки,
Нищих вали по пути;

Догоняй поезда на уклонах,
Где в теплушках люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонут,
Дрожа на мешках с крупой;

Насмехайся горестным плачем,
Глядя, как голод, твой брат,
То зерно в подземельях прячет,
То душит грудных ребят;

В городах, бесфонарных, беззаборных,
Где пляшет нужда в домах,
Покрутись в безлюдии черном,
Когда-то шумном, в огнях;

А там, на погнутых фронтах,
Куда толпы пришли на убой,
Дым расстилай к горизонтам,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, ветер с горячих взморий,
Где спит в олеандрах рай,—
Развевай наше русское горе,
Наши язвы огнем опаляй!

Но вслушайся: в гуле орудий,
Под проклятья, под вопли, под гром,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поем?

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!

Над нашим нищенским пиром
Свет небывалый зажжен,
Торопя над встревоженным миром
Золотую зарю времен.

Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрях, в тоске, в нищете
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;

Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой всё властней, всё державней
Земные ведет племена!

1920

48. К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ломая кольцо блокады,
Бросая обломки ввысь,
Всё вперед, за грань, за преграды
Алым всадником — мчись!

Сквозь жалобы, вопли и ропот
Трубным призывом встает
Твой торжествующий топот,
Над простертым миром полет.

Ты дронишь тяжелым копытом
Обветшалые стены веков,
И жуток по треснувшим плитам
Стук беспощадных подков.

Отважный! яростно прынув,
Ты взвил потревоженный прах.
Оседают гряда туманов,
Кругозор в заревых янтарях.

И все — и пророк и незоркий, —
Глаза обратив на восток,
В Берлине, в Париже, в Нью-Йорке
Видят твой огненный скок.

Там, взыграв, там, кляня свой жребий,
Встречает в смятенье земля
На рассветном пылающем небе
Красный призрак Кремля.

1920

49. ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ!..

У тебя рука в мозолях,
Для страны металл ты варишь,
Протяни свою мне руку —
Я пожму ее, товарищ!

Дай мне руку, что кирпичной
Пропиталась пылью красной!
Дай мне руку, что у горна
Сталь щипцами сжала властно!

Дай мне руку, ту, что в поле
От работы загубела!
Дай мне руку, что винтовкой
Может действовать умело!

Дай мне руку, из которой
Кровь лилась во время боя!
Дай мне руку, что разбила
Угнетенье вековое!

У тебя рука в мозолях,
И когда ты засыпаешь,
То под голову кладешь ты
Руку жесткую, товарищ.

Ты, Царицын отстоявший,
Целовавший стяг крылатый,—
Дай мне руку, мой товарищ,
Руку честную солдата!

Дай мне руку, мой товарищ,
Трудовую, золотую!
Как в уста целуют друга,
Эту руку поцелую.

1920

Перевод с башкирского

50. ЛАДОМИР

Отрывок из поэмы

И замки мирового торга,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторга
Ты обратишь однажды в пепел.
Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
И где ночуют барыши,
В чехле стекла, где царский замок,
Приемы взрыва хороши
И даже козни умных самок.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
О девушка, души косою
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босою
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачьею походкой,
От нежной полночи чиста.
Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.
И ежели в руке желез нет —
Иди к цепному псу,
Целуй его слюну,
Целуй врага, пока он не исчезнет.
Холоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета,
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.

Высокой раною боля,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.
Это шествуют творяне,
Заменивши Д на Т.
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок, от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят «ять».
В день смерти зим и раннею весной
Нам руку подали венгерцы.
Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
И, чокаясь с созвездьем Девы,
Он вспомнит умные напевы
И голос древних силачей
И выйдет к говору мечей.
И будет липа посылать
Своих послов в совет верховный,
И будет некому желать
Событий радости греховной.
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костыли.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?

Вперед, колодники земли,
Вперед, добыча голодовки,
Кто трудится в пыли,
А урожай снимает ловкий.
Вперед, колодники земли,
Вперед, свобода голодать,
А вам, продажи короли,
Глаза оставлены — рыдать.
Туда, к мировому здоровью,
Наполните солнцем глаголы,
Перуном плывут по Днепровью,
Как падшие боги, престолы.
Лети, созвездье человечье,
Всё дальше, далее в простор
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.

1920

Василий Александровский

51. БУДНИ

Отрывок из поэмы

Горе тем, кто ослепли в огне
И завязли в будничной склоке,—
Никогда не забыть им о звонкой весне,
О звенящей весне на Востоке...

И когда на шумящие улицы
Робко падает день голубой,
Как мне хочется к ним вернуться
И тащить их вперед за собой...

Чтоб враги бубенцами не брякали,
Улюлюкать не смели на них,
Я хочу быть солнечным якорем
В эти новые, трудные дни.

Пусть всё старое злобой шерится,
С них довольно кровавых причуд,
Я свое истощенное сердце
Им, как факел зажженный, вручу...

Каждый камень кричит громогласно,
Что он видел в предутреннем сне,
Как Октябрь наездником красным
Пролетел на стальном скакуне...

Будут дни, беззакатное солнце
Нас напоит горячим вином,
Ведь недаром прошлое гонится
За умчавшимся вдаль скакуном!

Ведь недаром костлявые пальцы
Простирает над нами Вчера,
Всё надеясь, что замертво свалится
Красный всадник у солнечных врат!

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею,
Никогда не умрет Революция,
Не окончив работу свою.

Я хочу вам сегодня сказать:
Не пора ль из-под маски испуга
Посмотреть хорошенько в глаза
Без обмана и лжи друг другу?

Не пора ль перестать скулить
На огни из своих подворотен?
Мы из мглистых туманов пришли
Для великой и трудной работы!..

Верьте мне — близок праздничный час,
Льется солнце по нашим дорогам;
Эта жизнь будет храмом для нас,
Труд — веселым и солнечным богом.

1921

52. КУМАЧ

Красные зори,
красный восход,
красные речи
у Красных ворот
и красный — на площади Красной —
народ.

У нас пирогами
изба красна,
у нас над лугами
горит весна.

И красный кумач
на клиньях рубах,
и сходим с ума
о красных губах.

И в красном лесу
бродит красный зверь...
И в эту красу
прошумела смерть.

Нас толпами сбили,
согнали в ряды,
мы красные в небо
врубили следы.

За дулами дула,
за рядом ряд —
и полымем сдуло
царей и царят.

Не прежнюю спесью
наш разум строг,
но новые песни
все — с красных строк.

Гляди ж, дозируя,
веков Калита:
вся площадь до края
огнем налита!

Краснейте же, зори,
закат и восход,
краснейте же, души,
у Красных ворот,

красуйся над миром,
мой красный народ!

1921

Анатолий Мариенгоф

53. ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА

Отрывок из поэмы

Не туча — вороньи перья
Черным огнем твердь пламяют.
Знаете ли почему? Потому что: Октябрь сразил
Смертями каркающую птицу.

Где ты, Великая Российская империя,
Что жадными губами сосала Европу и Азию,
Как два белых покорных вымени?..

Из ветрового лука пущенная стрела
Распростерла
Прекрасную хищницу.

Неужели не грустно вам?
Я не знаю — кто вы, откуда, чьи?
Это люди другие, новые,—
Они не любили ее величья.

Нет, не приложу ума,
Как воедино сольются
Вытекшие пространства.

Смиренно на Запад побрело с сумой
Русское столбовое дворянство.

Многая лета,
Многая лета,
Многая лета
Здравствовать тебе — Революция.

1921

54. ОКТЯБРЬ

(1917—1921)

Четырехлетье голода и пыток,
Под улюлюканье, и свист, и вой...
Лохмотьями и язвами покрытый,
Октябрь с винтовкой и киркой.

Горланьте, дни, кричите, будни, шалым
Базаром пошлости и лжи!
Как змеи, вейтесь и острите жало
На солнечные рубежи,—

Рожденное в огне, не тлеет слово...
Несметны мы! Мы вечны, как огонь!
Мы, выкорчевывая пни былого,
Громовым трактором взрываем сонь...

И каркайте, и каркайте над нами,—
Не потускнеет в смутные года
Пропитанное потом знамя
Труда!

1921

Елизавета Полонская

55. ОКТЯБРЬ

Была ли злоба больше, чем любовь,—
Не знаю, но сильнее была обида:
Она копилась тысячи веков,
И каждый день был в месяц эвменидам.

Сын говорил отцу: мы завтра отомстим!
И пела мать: настанет час расплаты...
Счастливым — горе! Горе золотым!
Серебряным! И трижды смерть — богатым!

И в напряженье распростертых крыл,
Покинув землю меда, слез и млека,
Корабль Октябрьский мужественно вплыл
В свинцовый воздух будущего века.

2

Торжественные дни. От ночи до утра,
От утра до ночи колеблются знамена.
То Революции веселая игра,
То фейерверк Ее, бумажная корона!

Но будничный Ее угрюм и страшен лик,
В крови Ее рука, и в копоти, и в поте.
Она работница, и каждый с Нею привык
К необходимейшей и тягостной работе.

Прославим же, друзья, бесхитростную рать
Тех, что трудились с Нею и тяжело устали,
И с Марсовых полей уже не могут встать,
Тех, кто убит, и тех, что убивали.

1921

Владимир Сосюра

56. КРАСНАЯ ЗИМА

1

Как Лисичанск забыть!.. Донец, и дым завода,
и музыка в саду, и поезд ровно в семь...
Как позабыть тебя, родная Третья Рота!..
О вас под бег минут рассказываю всем.

Работать к Сущенку на щебень мы ходили,—
случалось четвертак добыть нам в день иной.
А в клунях по ночам мы девушек любили...
О, поцелуев вкус, о, свежий дух степной!..

Так просто нам жилось в той стороне, где зори
горят над шахтами и где гудки кричат!
Учились мы писать, конечно, на заборе
и с лисичанами дрались из-за девчат.

Ну как же Белую я позабуду гору,
траву в росе, глаза, что изменили мне?
В прозрачности ночной по ясному простору
там вихрем я летал на добром скакуне...

А волны всё журчат, холодные такие,
завод не устает со мною говорить,
всё вороток скрипит про времена былые,
когда восстали мы и шли Петлюру бить...

Как Лисичанск забыть!.. Донец, и дым завода,
и музыка в саду, и поезд ровно в семь...
Как позабыть тебя, родная Третья Рота!..
О вас под бег минут рассказываю всем.

2

Зима. На фронт, на фронт!.. А на перроне люди...
Мы возле поезда запели «Чумака»...
И дышат радостно и вольно наши груди.
Борьба сплотила нас на долгие века.

Лохматых шапок строй, штыков блестит щетина.
На станции сестра печальная стоит.
А вот родная мать не провожает сына,
и сердце оттого и ноет и болит.

Проходит это всё, как сон, перед глазами...
Нам враг из-за Донца привет из пушек шлет...
И смело мы идем сражаться с юнкерами —
уже немало их пустили мы под лед...

Зима. На фронт, на фронт!.. А на перроне люди...
Мы возле поезда запели «Чумака»...
И дышат радостно и вольно наши груди.
Борьба сплотила нас на долгие века.

3

Вновь перестук колес... На стыках — перебои...
Уж мост через Донец давным-давно затих...
Я у дверей стою... И дышит даль сосною,
и ветер мне поет о вешних днях моих...

Рубежная... потом Володино... Кабанье...
Ну вот и Сватово, и поезд крикнул: «Стойте!»
Сходили на базар и побывали в бане,—
я стал писать стихи в тот вечер золотой...

Писал про снег и кровь... Как будто знал, что ночью
вновь пули в темноте начнут свой путь чертить...
И вновь мы в бой пойдем за класс родной, рабочий.
Ту зиму Красную немислимо забыть!..

4

Мы вдоль и поперек страну прошли с боями...
И таял красный снег в пожарах баррикад...
«За власть Советов в бой!» — катился клич над нами.
Умножен гром его в просторах был стократ.

Куда б мы ни пришли, с восторгом нас встречали,
дорог не заносил пред нами ветер злой.
Девчата красный бант к шинели пришивали,
а хлопцы, ружья взяв, к нам становились в строй...

5

И вновь Донетчина... Ракиты, ветер в поле...
Не верится, что вновь увижу я село,
оставленное мной, любимое до боли...
Ведь сколько нас домой уж больше не пришло!

Так мягко снег скрипит... Иду, иду в тревоге...
Знакомый с детства путь лежит передо мной:
здесь ягоды с кустов срывал я у дороги,
цветы любви срывал осеннею порой...

Вот станция... завод... И рельсы заблистали
от тысячи огней... Вот и рабочий клуб...
И в небо поднялись, его разрисовали
спокойные ряды высокодымных труб.

Спектакль окончился... идут из клуба люди...
О, сколько, сколько тут знакомых, милых лиц!
Что ж мне сжимает грудь, что слезы в сердце будит
и почему печаль те встречи принесли?..

О, где ты, милый брат?.. Приди хоть на мгновенье...
 Ты ждал меня, так ждал, а я не знал, что ты
 давно уже сменил донецкое селенье
 на старенький погост, на ветхие кресты.

Ты ждал меня, так ждал... Всё говорил ты: «Скоро
 Володька привезет мне с фронта галифе...»
 С тобой на Белую мы не пойдем уж гору,
 и галифе теперь не надобно тебе...

Вновь перестук колес... На стыках — перебои...
 Уж мост через Донец давным-давно затих...
 Я у дверей стою... И дышит даль сосною,
 и ветер мне поет о вешних днях моих...

А город всё не спит, а город всё грохочет...
 Доносит ветер к нам дыханье волн морских...
 Еще недавно здесь бесстыжи были ночи,
 стоящие в огнях, как в бусах золотых...

Идем по городу... каштаны слева, справа...
 Сдавили зданья нас, но быстро мы идем.
 Недавно были здесь и греки, и зуавы,—
 тут правил капитал, кипел его содом...

Мы держим четкий шаг, волнующимся строем
 идем по улицам... Я полон дивных сил...
 Я есть, и нет меня,— с народною судьбою,
 с общенародным «мы» свою судьбу я слил.

Мы держим четкий шаг, широкими рядами
 идем вперед — туда, где стали слышен звон...
 И красными у нас цветут сердца цветами,
 горячие цветы качаются знамен.

Всё круче в гору путь... Гудит бетон в долинах...
 Вся светится душа — озарена мечтой...
 Под звон серебряный источников глубинных
 в даль золотистую день смотрит молодой.

Зима сняла с земли унылые уборы
 для нас, для нас одних... И всё вокруг в цвету...
 И звездные мосты в Грядущего просторы
 победные года для нас одних прядут.

1921

Перевод с украинского

Галактион Табидзе

57. АРГОНАВТЫ НОВОЙ ЭПОХИ

Над изумрудными теми долинами
 Лды голубые встали на страже.
 Любо оттуда оку орлиному
 Вмиг охватить низины и кряжи.

Фазис ревет под нагорьями старыми
 С грустью и бешенством попеременно.
 Словно он, поработанный чарами,
 Рвется к иной судьбе, современной.

Некогда в залежах руд ископаемых
 Было руно золотое нетленно.
 Ныне на светлый путь вступаем мы
 Как аргонавты новой вселенной.

1921

Перевод с грузинского

Николай Тихонов

58. БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
 Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан». —
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не всё ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Между 1919 и 1922

Демьян Бедный

59. ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917—7/XI—1922

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз меховщик, ювелир патентованный,—
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными;
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы —
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры:
«Эй, опускайте железные шторы!»

— «Скорей!»

— «Скорей!»

— «Скорей!»

— «Скорей!»

— «Вот их проучат, проклятых зверей,

Чтоб бунтовать зареклися навеки!»

С грохотом падают тяжкие веки

Окон зеркальных, дубовых дверей.

«Скорей!»

— «Скорей!»

— «Что же вы топчетесь, будто калеки?

Или измена таится и тут?

Духом одним с этой сволочью дышите?»

— «Слышите?..»

— «Слышите?..»

— «Слышите?..»

— «Слышите?..»

— «Вот они... Видите? Вот они, тут!..»

— «Идут!»

— «Идут!»

С силами, зревшими в нем, необъятными,

С волей единой и сердцем одним,

С общею болью, с кровавыми пятнами

Алых знамен, полыхавших над ним,

Из закоулков,

Из переулков,

Темных, размытых, разрытых, извилистых,

Гневно взметнув свои тысячи жилистых,

Черных, корявых, мозолистых рук,

Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и всё изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье,—
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:

«Это — мое!!

Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье —
Это — мое!!

Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье —
Это — мое!!»

Воем ответила Улица Главная.

Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ошестинясь штыками и пиками,
Главная Улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканием конским и дробью копыт.
Прыснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:

«Рысью... в атаку!»

— «Бери их в нагайки!»

— «Бей их прикладом!»

— «Гони их назад!»

— «Шашкою, шашкой, которые с флагами,

Чтобы вперед не собирались ватагами,

Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,

Так их! Так!!»

— «В мире подобного нет безобразия!»

— «Темная масса!..»

— «Татарщина!..»

— «Азия!..»

— «Хамы!..»

— «Мерзавцы!..»

— «Скоты!..»

— «Подлецы!..»

- «Вышла на Главную рожа суконная!»
- «Всыпала им жандармерия конная!»
- «Славно работали тоже донцы!»
- «Видели лозунги?»
- «Да, ядовитые!»
- «Чернь отступала, заметьте, грозя».
- «Правда ль, что есть среди рабочих убитые?»
- «Жертвы... Без жертв, моя прелесть, нельзя!»
- «Впрок ли пойдут им уроки печальные?»
- «Что же, дорвутся до горшей беды!»

Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибор!

Снова...

Снова.

Бьет роковая волна...

Гнется гнилая основа...

Падает грузно стена.

«На!..»

— «На!..»

— «Раз-два,

Сильно!..»

— «Раз-два,

Дружно!..»

— «Раз-два,

В ход!!»

Грянул семнадцатый год.

«Кто там?»

Кто там

Хнычет испуганно: «Стой!»?
— «Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?»
— «Кто там виляет умильно?
К черту господских пролаз!»
— «Раз-два,
Сильно!..»
— «Е-ще
Раз!..»
— «Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!»
— «Раз-два,
Дружно!»
— «Раз-два,
В ход!!»
— «Кто нас отсюда тронет?
Силы не сыщется той!»
.
Главная Улица стонет
Под пролетарской пятой!!

эпилог

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью лъстивому:
«Вы победители! Падаем ниц».
Хныканью также не верьте трусливому:
«Нашим скитаньям не видно границ!»

Пусть нашу Улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже неживым?!

Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катились вспять?
Но, отступая пред силой неравной,
Мы наступали. Опять и опять.

Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть неровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрими звуками,
Гроном живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1917—7 ноября 1922

Василий Александровский

60

Верю я — мы грядущее вынынчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов,—
Скоро к черту слетят перекладкины
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет за плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом!

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденною ночью на нас? —
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется Весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым.

Мы возьмемся за труд не со стенами,—
В каждом есть сокровенное масс;
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к Весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней...

Верю я — мы грядущее вынынчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

1922

Эдуард Багрицкий

61. ОКТЯБРЬ

Неведомо о чем кричали ночью
Ушастые нахохленные совы;
Заржавленной листвы сухие клочья
В пустую темень ветер мчал суровый,
И волчья осень по сырым задворкам
Скулила жалобно, дрожмя дрожала;
Где круто вымешенным хлебом, горько
Гудя, труба печная полыхала
И дни червивые и ночи злые
Листвой кружились над землей убогой;
Там, где могилы стыли полевые,
Где нищий крест схилился над дорогой,
Шатался ливень, реял над избою,
Плевал на стекла, голосил устало
И жизнь, картофельною шелухою
Гниющая, под лавкою лежала.
Вставай, вставай! Сидел ты сиднем много,
Иль кровь по жилам потекла водою,
Иль вековая тяготит берлога,
Или топор тебе не удержать рукою?
Уж предрассветные запели певни
На тынах, по сараям и оврагам.
Вставай! Родные обойди деревни
Тяжеловесным и широким шагом.
И встал Октябрь. Нагольную овчину
Накинул он и за кушак широкий
На камне выправленный нож задвинул —

И в путь пошел, дождливый и жестокий.
В дожди и ветры, в орудийном гуле,
Ты шел вперед, веселый и корявый,
Вокруг тебя пчелой звенели пули,
Горели нивы, пажити, дубравы!
Ты шел вперед, колокола встречали
По городам тебя распевным хором,
Твой шаг заслышав, бешеные, ржали
Степные кони по пустым просторам,
Твой шаг заслышав, туже и упрямей
Ладонь винтовку верную сжимала,
Тебе навстречу дикими путями
Орда голодная, крича, вставала!
Вперед, вперед! Свершился час урочный,
Всё задрожало перед новым клиром,
Когда, поднявшись над страной полночной,
Октябрьский пламень загудел над миром.

1922

Александр Безыменский

62. МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Ведь сами испытали
Мы подневольный труд.
Мы юности не знали
В тенетах рабских пут.

На душах цепь носили мы —
Наследье непроглядной тьмы.
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

И, обливаясь потом,
У горнов став своих,
Творили мы работой
Богатство для других.

Но этот труд в конце концов
Из нас же выковал борцов,
Нас — молодую гвардию
Рабочих и крестьян.

Мы поднимаем знамя!
Товарищи, сюда!
Идите строить с нами
Республику Труда!

Чтоб Труд владыкой мира стал
И всех в одну семью спаял —
В бой, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

1922

Леонид Мартынов

63

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Бронемашина движется.

Душки трепещут за шторами,—
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер — Революция.

Руки у ней в бензине,
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней синие-синие,
Синие, как у России.

1922

64. ПЕСНЯ СВОБОДЫ

В набатные, грозные дни
Призыв наш гремит неустанно:
Свободу себе обретем,
Низвергнем насилье тирана.

В тревожные, бурные дни
Мы смело идем в наступленье,
С пути богатеев сметем
И сбросим ярмо угнетенья.

В мятежные, яркие дни
Наш голос подобен прибою,
Якутский народ мы ведем
К победе дорогой прямою.

В застывшие, трудные дни
Быть каждый обязан героем,
Устроим усилья свои,
Темницы и тюрьмы откроем.

В ненастные, темные дни
Расправим могучие плечи
И выйдем в едином строю
Весеннему солнцу навстречу.

В кипящие радостью дни
Сверкнет нам заря молодая.
Мы счастье свое откуем,
Над миром наш молот вздымая.

В неистово-гулкие дни,
Бурля, словно вешние реки,
Врага одолеем в борьбе
И с прошлым покончим навеки.

Рассвета лучи горячи.
За нами великое право
На счастье, на светлую жизнь.
Грядущему нашему — слава!

1922

Перевод с якутского

65. ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь?»

Без тебя винтовкой меньше одной,
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

...Пулемет задышался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат!»

Рукою острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван,
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан —
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, бежал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа,
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

1922

66. БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга.
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля,

Но не птица сердце коня — не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал,

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо»,— прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу — колесо к колесу,

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост,

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударило в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла,

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет,
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я всё уже знаю сам».

1922

Георгий Шенгели

67. ПЯТЬ ЛЕТ

Пять лет! Пять черепах железных!
О, танки времени — их строй
Прополз в безумствующих безднах,
В разгуле бури мировой.
И укатал в поля тугие
Набухший кровью чернозем, —
И освеженную Россию
Теперь мы плугом прогрызем...

Что видели! Какие были
Катились бредом над землей
Со дня, когда гудки провыли
Как бы архангельской трубой,
Когда спокойно и нескоро,
Винтом взрезая синеву,
Вошла мятежная «Аврора»
В порабощенную Неву!

Шел бой в Москве и в Петербурге;
Страна в жару хрипела — вновь,
Все вновь сермяжные хирурги
Штыком ей отворяли кровь.
Ей предвещали гибель злую
Крахмаленные лекаря, —
Но пела про судьбу иную
За мглой всходявшая заря.

Ее — кто чуял? Лишь рабочий,
Вставать привыкший на заре,
Бродяга, знавший эти ночи
На баррикадах в октябре.
Салютовал ей треск мгновенный
Винтовок, взятых на прицел,
И Александр Благословенный
Нам о «Двенадцати» пропел.

Немногие певцу внимали
Из тех, кто внемлет звуку слов:
Иные на Урал бежали
В сень охранительных штыков
И там бессильно ожидали,
Что обратятся вспять века,
И, точно божий крест, лобзали
Кровавый кортик Колчака;

Иные, позабыв заветы
Патриотической тоски,
Вели на русские Советы
Иноязычные полки;
Иные, сбившись тесным рядом
И в канцеляриях засева,
Обрызгивали трупным ядом
Чуть зеленеющий посев.

Так старой жизни лжи бывалой
Пришел великий листопад,
И мертвых листьев покрывала
На робкой озими лежат,
И грянули зима и холод.
О, да! мы знаем этот сон:
Морозный мрак и грозный голод
В пурпурном трепете знамен.

Мы не забудем, как грозила
Нам гетманская булава;
Как на Дону крепчала сила
Под жадным лозунгом «Москва»,
Как шла она, послушна зову,
Детей вздымая на штыки,
Хватая в пьяную подкову
Красноармейские полки;

Как шаек рой в лесах скитался,
Как хлеб шел дымом в глубь небес
И на коммуну поднимался
Бандита яростный обрез;
Как, сея смерть зерном каленым,
Губя и нас и тех равно,
Метался меж Днепром и Доном,
Весь в пене бешенства, Махно.

Мы помним страшные вокзалы,
Их ярость хриплую, когда
Толпою брались одичалой
Изглоданные поезда;
Когда, во тьме таясь полночной,
Повиснувши на буферах,
Великий промысел мешочный
Страну развеивал, как прах;

Когда шагал в простор по шпалам
И полз в щелях пятнистый тиф,
Как груды дров под снегом талым
Тела разбухшие сокрыв;
Когда чумой томил и маял
Клейменный трупами откос
И панихиды сыто лаял
На пустырях бродячий пес...

Всё видели, всё пережили:
Кровь, голод, мрак, измену, мор,—
Но ни винтовок не сложили,
Не прекратили гневный спор.
И ныне радостно, широко
Гремит весенняя труба
О взятии Владивостока
Под сень Советского герба.

И ныне у границ суровых,
У обгаренных рубежей
Стоят полки в надеждах новых,
В железной твердости своей,—
Теперь восходы и закаты,
Горя багряно над землей,
Нам освещают шлем крылатый
С пятиконечною звездой.

А там, на Волхове, в Кашире,
Уже клокочет строй турбин
И скоро-скоро кинет в шири
Безумье силовых лавин;
Там тяжело создает рабочий
Громады новых пирамид
И глубь над миром легшей ночи
Великолепно озарит...

Так вспомним, вспомним в день великий,
В день Двадцать пятый октября,
И пушек рев, и стук мотыги,
И стон последнего царя,
И дрожь голодную, и пламя
Пожаров ярких — все пять лет,
И красное подыдем знамя,
Предвестье будущих побед.

1922

Эдуард Багрицкий

68. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Отрывки из поэмы

За топотом шагов неведом
Случайной конницы налет,
За мглой и пылью —
Следом, следом —
Уже стрекочет пулемет.

Где стрекозиную повадку
Он, разгулявшийся, нашел?
Осенний день,
Сырой и краткий,
По улицам идет, как вол...

Осенний день
Тропой заклётой
Медлительно бредет туда,
Где под защитою Кронштадта
Дымят военные суда.

Матрос не встанет, как бывало,
И не возьмет под козырек.
На блузе бант пылает алый,
Напруженный взведен курок.

И силою пятизарядной
Оттуда вырвется удар,
Оттуда, яростный и жадный,
На город ринется пожар.

Матрос подымет руку к глазу
(Прицел ему упорный дан),
Нажмет курок —
И сразу, сразу
Зальется тенором наган.

А на плацдармах —
Дождь и ветер,
Колеса, пушки и штыки,
Сюда собрались на рассвете
К огню готовые полки.

Здесь:
Галуны кавалериста,
Папаха и казачий кант,
Сюда идут дорогой мгливой
Сапер,
Матрос
И музыкант.

Сюда путиловцы с работы
Спешат с винтовками в руках,
Здесь притаились пулеметы
На затуманенных углах.

Октябрь!
Взнесен удар упорный
И ждет падения руки.
Готово всё:
И сумрак черный,
И телефоны, и полки.

Всё ждет его:
Деревьев тени,

Дрожанье звезд и волн разбег,
А там, под Гатчиной осенней,
Худой и бритый человек.

Октябрь!

Ночные гаснут звуки,
Но Смольный пламенем одет,
Оттуда в мир скорбей и скуки
Шарахнет пушкой декрет.

А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,
В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг.

2

Он струсил!

Английский костюм
И кепи не волнуют боле
Солдатской бунтовщицкой воли
И пленный не тревожат ум.
И только кучка юнкеров,
В шинелях путаясь широких,
Осталась верной.

Путь готов —

Для крепких, страстных и жестоких.

«Стой, кто идет?!»

Осенний дождь

И мрак, овеванный туманом,
Страшны, как смерть:
«Я — новый вождь!»
И мимо шагом неустанным,
В пустую ночь и в талый снег,
Сквозь блеск штыков и говор злобы,
Спеша, идет высоколобий,
Широкоплечий человек.

О вы, рожденные трудом,
О вас пройдет из рода в роды
Хвала! Вы пулей и штыком
Ковчег построили свободы.
Куда низринулся удар

Руки рабочих?
Пробегая
Через торцовый тротуар,
Кто восклицает, умирая:
«Коммуна близко!..»?

На стенах,
Пропахших краскою газетной,
Декреты плещут...
Смерть и страх

По подворотням, незаметно,
Толкутся, как биржевики,
Бормочут, ссорятся и ноют.
Торцы трещат.

Броневики
Сокрытою сиреной воют.
Там закипает и гудит
Случайный бой.

Матрос огромный
В огне и грохоте стоит
Среди камней, под пушкой темной.
Литейщик приложил щеку,
Целясь, к морозному прикладу.
И, защищая баррикаду,—
Трамвай разбитый на боку.
Гремя доспехами стальными,
Весь в саже, копоти и дыме,
Катится броневик!

Пора
Игру окончить...
Нет пощады
Всем слабым духом...

До утра

Огнем гремели баррикады...
А в небе над толпой военной,
С высокой крыши, в дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и плещет красный флаг.

1921—1923

69. МАРШ-ПЛАКАТ

Каждая хата!
Каждый завод!
Глаза — на запад!
Кулак — на взвод!

В молоте-серпе
Огни скользят.
Больше терпеть
Рабочим нельзя.

Европе впротемь
Звенит в ушах
Рабочих сотен
Тяжелый шаг.

Заводы наши
Ревут, пыхтя!
Товарищ немец,
Даешь Октябрь!

Довольно биться
В тугих когтях.
Эгей, берлинцы,
Даешь Октябрь!

В баварский карцер
Идти ль, кряхтя?
Эгей, баварцы,
Даешь Октябрь!

Сегодня солнце
У нас в гостях.
Эгей, саксонцы,
Даешь Октябрь!

Вставай в железе,
Лицо коптя.
Эгей, Силезия,
Даешь Октябрь!

Быть нашей буре
На всех путях.
Эгей, на Руре,
Даешь Октябрь!

Пора. Виднеется
Простор уже.
Красноармейцы
Настороже.

К стене банкиров!
Долой растяп!
Рабочий мира,
Даешь Октябрь!

1923

Николай Ушаков

70. БРОНЕПОЕЗД

Октябрь,
и по утрам вода
затянута
непрочною корою,
и каплет дождь,
и лист, и, как всегда,
проходят бронепоезда,
на стыках грохоты утра.
Площадкой броневой вперед,
к реке,
к обрыву,
к бездорожью!
И тучи очередь порвет,
и вздрогнет мостовой пролет
тяжелой
и зловещей дрожью...
Не перейти реки врагу
ни на плотях,
ни в брод,
бредя в воде по пояс,
когда на этом берегу

в осеннюю
седеющую згу
железом пышет бронепоезд.

1923

Николай Асеев

71. ПОЭМА

Стоящие возле,
идущие рядом
плечом
к моему плечу,
сносимые этим
огромным снарядом,
с которым и я лечу!
Давайте отметим
и местность и скорость
среди ледяных широт,
и общую горечь,
и общую кобысть,
и общий порыв вперед.
Пора,
разложивши по полкам вещи,
взглянуть в пролет,
за стекло,
увидеть,
как пенится, свищет и блещет
то время,
что нас обтекло.
Смотрите,
как этот крутой отрезок
нас выкрутил
в высоту!
Следите,
как ветер —
и свеж и резок —
от севера
в тыл задул!
Ты, холод,
сильней семилетьем
шурши нам:

поднявшиеся на локтях,
сегодня

мы вновь

огибаем вершину,
название которой —

Октябрь!

Суровое время!

Любимое время!

Тебе не страшна вражда.

Горой ты встаешь

за тех из-за теми,

кто новое звал и ждал.

Ты помнишь,

как страшно,

мертво и тупо

бульвар грохотал листвою?!

Ты помнишь,

как сумрачно из-за уступа

нагретый мотался ствол?!

Озлобленно-зорко

мы брали на мушку —

кто не был

по-нашему рад,

и ночи не спали,

и хлеба осьмушку

ценили в алмазный карат.

Семь лет

провело не одну морщину,

немало

сломало чувств,

и юношу

превращало в мужчину,

как поросль

в ветвистый куст.

Семь лет

не одни подогнуло колени.

За эти

семь лет —

качнуло Японию,

умер Ленин,

Марс подходил к Земле.

Он вновь поднялся,

Октябрём разбитый,

копейками дней звеня...

(Товарищ критик,
не я против быта,
а быт —
против меня!)
Но нас
Октября приучили были,
бои у Никитских ворот, —
прильнувши
к подножкам автомобилей,
сквозь быт
продираться вперед.
Суровое время!
Огромное время!
Тебе не страшна вражда.
Горой ты встаешь
за тех из-за теми,
кто выучил твой масштаб.
Ты, холод,
сильней семилетьем
шурши нам:
поднявшиеся на локтях,
сегодня
мы снова
увидим вершину,
название которой —
Октябрь!

1924

Сергей Есенин

72. ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

Отрывок из поэмы

И пушки бьют,
И колокола плачут.
Вы, конечно, понимаете,
Что это значит?
Много было роз,
Много было маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплавав.

И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьез рыдал,
А кто глаза слюнил,
Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам царям
Прямо счету нет.
И все двести лет
Шел подземный гуд:
«Мы придем, придем!
Мы возьмем свой труд.
Мы сгребем дворян
Да по плечи им,
На фонарных столбах
Перевешаем!»

Через двести лет,
В снеговой октябрь,
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать.
Ай да славный люд!
Ай да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют-палят?
Бьют за городом,
Бьют из-за моря,
Понимай как хошь
Ты, душа моя!
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.

Веселись, душа
Молодецкая.
Нынче наша власть,
Власть советская.
Офицерика
Да голубчика

ГРУДЬЮ НА ЗАЩИТУ ПЕТРОГРАДА!

Ваша задача — защитить
Петроград от врагов
и поддержать революцию.
Будьте готовы к любой
ситуации.

Прикокошили
Вчера в Губчека

.
.
.
.

Гаркнул «Яблочко»
Молодой матрос:
«Мы не так еще
Подотрем вам нос!»

А за Явором,
Под Украиною,
Услыхали мужики
Весть печальную.

Власть советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться.
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на по́мог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы, крестьянские ребята,
Подросточки.
Ни нога́той вас не взять,
Ни реза́нами,
Вы гольем пошли гулять
С партизанами.
Красной Армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сынком
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей

Да весь век пахать,
Чтоб шумела рожь
И овес звенел,
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

1924

Александр Жаров

73. СЕДЬМОЙ ОКТЯБРЬ

В этот день, в этот час, в этот миг,
Когда землю знамена тревожат,
Когда вдумчивый ленинский лик
Светит в лицах живых молодежи,—
В этот день, в этот час, в этот миг
Я хотел бы
Быть на год моложе!

Не затем, чтоб вернуться назад,
К дням вчерашних бодрящих волнений.
Их и нынче несет на парад
Стройный строй молодых поколений:
Октябrevичей, Октябrevят —
Всех вписавших в сердца свои: «Ленин».

Всех пришедших сегодня спаять
Сердце с сердцем, шаг с шагом теснее,
Чтоб под ленинским знаком отдать
Жизнь заводам, полям и траншеям!..
В этот день хорошо бы не знать,
Что Ильич, наш Ильич — в Мавзолее...

В этот миг, в этот час, в этот день,
День, который вождем заложен,—
Есть ли мысль, чем мысль о вожде,
Вдохновенней, острей и дороже?!
В этот миг, в этот час, в этот день
Я хотел бы
Быть на год моложе!

1924

74. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Отрывок из поэмы

Уже
Ильичем поведенные в битвы,
еще не зная его по портретам,
толкались, орали,
острее бритвы
солдаты друг друга
крыли при этом.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто даже заспанный,
шагал, становился
и глаз, сощурия,
вонзал, заложивши
руки за спину.
В какого-то парня,
в обмотках, лохматого,
уоставил
без промаха бьющий глаз,
как будто сердце
с-под слов выматывал,
как будто душу тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё раскрыто и понято
и этим глазом
наверное выловится —

и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.

Он
в черепе
людей сотней губерний ворочал,
носил
до миллиардов полутора.

Он
взвешивал
мир
в течение ночи,

а утром:
«Всем!
Всем!
Всем это! —

фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным.

Власть Советам!
Земля крестьянам!

Мир народам!
Хлеб голодным!»

Буржуи
прочли
— погодите,
выловим,—

животики пятят
доводом веским —
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
Гучков с Керенским.

Но фронт
без боя
деревня
слова эти взяли —

и город
декретами зальит

и даже
 безграмотным
 сердце прожег.

Мы знаем,
 не нам,
 а им показали,
какое такое бывает
 «ужо».

Переходило
 от близких к ближним,
от ближних
 дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
 война,
 война дворцам!»

Дрались
 в любом заводе и цехе,
горохом
 из городов вытряхали,
 а сзади
шаганье октябрьское
 метило вехи
пылающих
 дворянских усадеб.

Земля —
 подстилка под ихними порками,
и вдруг
 ее,
 как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
 и пригорками
крестьянин взял
 и зажал, закорузел.

В очках
 манжетщики,
 злостью похаркав,
ползли туда,
 где царство да графство.
Дорожка скатерью!
 Мы и кухарку
каждую
 выучим
 управлять государством!

Мы жили
 пока
 производством ротаций.
 С окопов
 летело
 в немецкие уши:
 «Пора кончать!
 Выходите брататься!»
 И фронт
 расползлся
 в улитки теплушек.
 Таковую ли
 течь
 загородите горстью?
 Казалось —
 наша лодчонка кренится —
 Вильгельмов сапог,
 Николаева шпористой,
 сотрет
 Советской страны границы.
 Пошли эсеры
 в плащах распашонкой,
 ловили бегущих
 в свое словоблудьище,
 тащили
 по-рыцарски
 глупой шпажонкой
 красиво
 сразить
 броневые чудища!
 Ильич
 петушившимся
 крикнул:
 «Ни с места!»
 Пусть партия
 взвалит
 и это бремя.
 Возьмем
 передышку похабного Бреста.
 Потеря — пространство,
 выигрыш — время».

Чтоб не передохнуть
 нам
 в передышку,

чтоб знал —
запомнят удары мои,
себя
не муштровкой —
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.
Историки
с гидрой плакаты выдерут,
— чи эта гидра была,
чи нет? —
а мы
знавали
вот эту гидру
в ее
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов
и как один умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночевка — болотце,
но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый

врага
в подворотнях берег,
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят сплеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.
Эсеры
целят
не очень верно —
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьверных
осада голода,
осада тифов.
Смотрите —
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году, —
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,
хотите травите, —
завод за картошку —
кому он не жалок!
И десятикорпусный
судостроитель
пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.
А у кулаков
и масло и пышки.

Расчет кулаков
простой и верненький —
запрячь хлеба́
да зарой в кубышки
николаевки
да кёренки.
Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска,
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этокое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре.
Мы победили,
но мы
в пробоинах:
машина стала,
обшивка —
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!
Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет —
на правом борту

в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются, воя,
но так
лишь Ильич умел и мог —
он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
дивящая даже;
крестьяне
подвозят
к пристани хлеб.
Обычные вывески
— купля-
продажа —
нэп.
Прищурился Ленин:
«Чинитесь пока чего,
аршину учишь,
не научишься —
плох».

Команду
усталую
берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
что за подвох?
Залив
Ильичем
указан глубокий
и точка
смычки-причала
найдена,
и плавно
в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина.
И Ленин
сам
где железо,

носил где дерево
чинить пробитое место.
Стальными листами
вздымал и примеривал
кооперативы, лавки
и тресты.
И снова становится
Ленин штурман,
огни по бортам,
впереди и сзади.
Теперь от абордажей и штурма
мы перейдем
к трудовой осаде.
Мы отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился —
на́ берег
за вóрот.
Теперь вперед!
Отступление окончено.
РКП,
команду на борт!
Апрель—октябрь 1924

Илья Сельвинский

75. УЛЯЛАЕВЩИНА

Отрывок из эпоса

Рушился мир из «сакса» и «севра».

День

вставал

мглист.

Уже погодка серая от севера

Сыпала красный октябрьский лист,

Он шел домой. Он деревню разбудит.
Держися теперча, орлена казна!
Лучше ли станет? Кто его зна...
А только того, что было,— не будет.
Так хлынь с фронтов, шинельное море,—
Эх-ма!

Все, кто мерзли, все, кто мерли,
Безвинные смертники — тьмушая тьма!
Астрахань,

Тула,

Рязань,

Самара,

Старая Руза,

Красный Кут,

Слегка отдуваясь облачком пара,

Идут, идут, идут, идут...

Если бы весь этот пар от дыханья

Сжать горизонту в тиски —

Встал бы туман человечьей тоски,

Солнце одурманя.

Если бы каждый солдатский вздох

Спустить на доли и воды —

От урагана бы мир оглох,

Согнулись громоотводы.

Если б из каждого нерва могли

Высечь по искре хотя бы —

Ахнуло бы извержение Земли!

Так

и родился

Октябрь.

Как бочка, где бродят хмель и вода,
Вспучась от газов, взрывает обруч,
Россия во чреве растила удар,
Разнесший ее стародавний образ.
И дедкой за репку по пене по той —
Айда!.. — катится на ширмах «Петрушка»:

Паук-протопоп,

Крича про потоп,

Мешок-буржуй на пушке,

Да в Крым, да в Кемь, да на Урал

На палочке генерал...

Эй, яблочко,
Куды ж ты котися?
К нам в ревком попадешь —
Не воротися.

1924

Сергей Есенин

76. ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь октябрь не тот.
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года.
Я помню жуткий
Снежный день.
Его я видел мутным взглядом.
Железная витала тень
Над омраченным Петроградом.
Уже все чуяли грозу,
Уже все знали что-то,
Знали,
Что не напрасно, зная, везут
Солдаты черепах из стали.
Рассыпались...
Уселись в ряд...
У публики дрожат поджилки...
И кто-то вдруг сорвал плакат
Со стен трусливой Учредилки.
И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданской горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет рабочих депутатов».

Январь 1925

77. ПЕСНЯ БОЙЦА

Бойцы выезжали, и лошади ржали
(В стремени нестройно сталь звенит),
А поле в терпкой дымке, а поле в дымке ржавой,
Слюна из конских губ — как травяная нить.

Дубрава зашумела над бойцами,
Подков печати на земле свежи,
Лязг сабель и ножен бряцанье
Слышны в ночной тиши.

И, на лбы надвигая папахи,
Глотали поля крепкий, сладкий дух.
Руки рабочие порохом пахнут,
От крови почернел засаленный кожух.

Ты понурился. Знаю я: в памяти дышат
Твои дети, жена твоя... Пусть!
Полюби же, боец, полюби же ты
В барабане семь медных пуль!

Бойцу ли спать, на страже стоя,
Чтоб взяли голою рукой?
Чего ж он будет стоять,
Боец такой?

Вы мстители теперь за них —
Так бей врага в упор! —
За детей растерзанных,
Замученных сестер!

Гулом славы овеванный, бейся,
Гордый званьем суровым своим,
Гордый званьем красногвардейца
И знаменем боевым!

И если вражий услышишь выстрел —
Винтовку, и на коня!
Глянь вперед и навстречу быстро
Погоняй!

Сквозь смерть и засады
Коня пускай!
Считай заряды,
Ран не считай!

Не бросай в ту пору
Безвестный путь!
Сердце пришпорив,
Патроны — на грудь!

В жестокой сече
Умри — не стой!
При каждой встрече
Встречаем бой.

Кто стал — убейте!
Приказ суров.
Кромсают ветер
Сотни клинков.

И мы — все сгорели в огне б
За черный уголь, за черный хлеб;
За черные руки рабочие
Мы дважды сгорели в огне б!

1925

Перевод с украинского

Сергей Городецкий

78. ДЕЛЕГАТКА

Бабка ей над колыбелью
Пела тихий плач обид.
Под японскую шрапнелью
Был отец ее убит.

Брат ее таскал солому
Жечь усадьбы в Пятый год.
Труп его в кровавый омут
Уволок казачий взвод.

Нищета была ей школой,
Горе было букварем,
Гнула к одури тяжелой
Церковь богом и царем.

И когда на немцев гнали
Молодежь ее села,
Не по воле, а с печали
За седого замуж шла.

Жизнь ее сомкнулась клеткой,
Нет ей выхода нигде.
И хотелось ей нередко
Утопить себя в пруде.

Билась, маялась три года,
Смертью веяло с полей.
И когда пришла свобода,
Не поверила и ей.

Но с околицы в окошко
Песня новая земли
К ней рвалась, когда с гармошкой
С фронта рваные пришли.

И пошла большая склока...
Свет пошел от темноты.
Забрался голяк высоко
В комитетах бедноты.

Усмехалась, не поверив,
Вспоминала Пятый год.
Налетят опять, как звери,
И затопчут алый всход.

Звери вправду налетели,
Но деревня в лес ушла.
Спят на огненной постели
Белых черные тела.

И она пошла со стайкой
Одичалою крестьян
И была в лесу хозяйкой
У отважных партизан.

Шаг за шагом гнали белых,
Стало строиться село.
С лавок изб осиротелых
Племя новое пошло.

Лютый спор занялся в хатах:
Есть букварь, а бога нет,
Загорелся на девчатах
Комсомола маков цвет.

Ильича сбылась догадка,
Озимь буйно в рост пошла:
На трибуне — делегатка,
Выборная от села.

Робко ей, но в сердце буря.
Ни жива и ни мертва,
Собирает, лоб нахмуря,
Непокорные слова.

Но за каждым словом опыт,
Сельской правды зоркий глаз
И веков счастливых топот,
Что летят уже на нас.

1925

Михаил Зенкевич

79. МАТРОС С «ПОТЕМКИНА»

Гулко об остров Березань
Штормами Черное море шумит.
Лунная плещется бирюза —
Где лейтенант Шмидт?

И севастопольской белой стене
В зное пригрезилось, как умирал,
В саване тенью метнувшись по ней,
Матюшенко, красный адмирал.

В площадках цистерн загорелась нефть,
Иллюминирован пожаром порт.
Волны багровые, помутнев,
С молом вступили в тяжбу и спор.

С пушечным выстрелом, как вестовой,
Прибыл с «Потемкина» мертвый матрос.
Что развалился на мостовой,
Эй, матрос, не горюй, не трусь!

Зарево не догорело дотла,
Черные волны еще теплы, —
Ночью, спасаясь от петли,
Можешь в Румынию уплыть.

Только через двенадцать лет
Будет твоя услышана весть,
Гулко в октябрьском тумане в ответ
Грянет с «Авроры» матросское: «Есть!»

1925

Иосиф Уткин

80. ОКТАБРЬ

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побои бешеного ливня.

И думалось — будут дуть
Печаль и ветер бесконечно
В его березовую грудь,
В его развинченную печку.

Но этот день
Совсем иной,
Еще невиданный доньше,
Он сделал осень нам — весной
И холод сделал нам теплыню!

В сыром углу,
Сырой стеной,
Где только мыши были прежде,
Величественно предо мной
Прошли возможные надежды.

И в этот день
Больная мать
Впервые, кажется, забыла
Чужих и близких проклинать,
Чужим и нам
Просить могилы.

Наш старый дом, что мог он ждать?
Что видел он, мой терем дивный?
Покой снегов,
Тоску дождя,
Побой бешеного ливня.

В перчатках — счастье не берут.
Закрытым ртом — не пообедать.
Был путь мой строг,
Был путь мой крут,
И тяжела была победа.

Но в прошлом рытвины преград.
И слышал я,
Соседки ныне
Моей старушке говорят
Об умном и хорошем сыне.

1925

Николай Ушаков

81. НОЧЬ НА 25-е

Дождь дымился в эту ночь
пересевом пыли.
Толкачи скользили прочь,
путались
и выли.
А депо кипело.

Там —
в паровозном зале —
растревоженным цехам
ружья раздавали.

Шли цеха за счастье в бой,
разливаясь наспех,
как прорвавшийся прибор,
захлестнувший насыпь.

И над миром грянул гром!..
К утру подморозило,
небо глянуло серо —
как стальное озеро.

Утром шли на тихий Дон
папах лохматые.

Выпал снег,
и таял он.

Было 25-е.

1925

Николай Клюев

82. БОГАТЫРКА

Моя родная богатырка —
Сестра в досуге и в борьбе,
Недаром огненная стирка
Прошла булатом по тебе!

Стирал тебя Колчак в Сибири
Братоубийственным штыком
И голод на поволжской шири
Костлявым гладил утюгом.

Старуха — мурманская вьюга,
Ворча, крахмалила испод,
Чтоб от Алтая и до Буга
Взыграл железный ледоход.

Ты мой чумазый осьмилеток,
Пропахший потом боевым,
Тебе венок из лучших веток
Плетут Вайгач и теплый Крым.

Мне двадцать пять, крут подбородок
И бровь моздокских ямщиков,
Гнездится красный зимородок
Под карим бархатом усов.

В лихом бою, над зыбкой в хате,
За яровою бороздой
Я помню о суконном брате
С неодолимою звездой.

В груди, в виске ли будет дырка —
Ее напевом не заткнешь...
Моя родная богатырка,
С тобой и в смерти я пригож!

Лишь станут пасмурнее брови,
Суровее твоя звезда...
У богатырских изголовий
Шумит степная лебеда.

И улыбаются курганы
Из-под отеческих усов
На ослепительные раны
Прекрасных внуков и сынов.

Декабрь 1925

Александр Прокофьев

83. ТРЕТЬЯ ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Мы крыли в хвост и в гриву
Обжаренную медь —
Нельзя неодолимой
Грозою не греметь!

По Ладоге и Каме
И по другим рекам
Мы грохотали камнем
Рабочих баррикад.

Мы, рядовые парни
(Сосновые кряжи),
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь.

И, клятвенную мудрость
Запятав под виски,
Мы добывали Мурман,
Каспийские пески.

Мы по местам нездешним
И по местам моим,
Мы — солнцем в Будапеште
Стояли и стоим!

И кашу дней заваривать
Пора. Не угорим.
Мы — солнцем над Баварией
Стояли и стоим!

За это солнце парни
(Сосновые кряжи)
Ломали в Красной Армии
Отчаянную жизнь.

14 октября 1926

Владимир Маяковский

84. ОКТЯБРЬ

1917—1926

Если
стих
сердечный раж,
если
в сердце
задор смолк,
голосами его будоражь
комсомольцев
и комсомолок.
Дней шоферы
и кучера
гонят
пулей
время свое,
а как будто
лишь вчера

были
бури
этих боев.
В шинелях,
в поддевах идут...
Весть:
«Победа!»
За Смольный порог.
Там Ильич и речь,
а тут
пулеметный говорок.
Мир
другими людьми оброс;
пионеры
лет десяти
задают про Октябрь вопрос,
как про дело
глубоких седин.
Вырастает
времени мол,
день — волна,
не в силах противиться;
в смоль-усы
оброс комсомол,
из юнцов
перерос в партийцев.
И партийцы
в годах борьбы
против всех
буржуазных лис
натрудили
себе
горбы,
многий
стал
и выросл,
и лыс.
А у стен,
с Кремля под уклон,
спят вожди
от трудов,
от ран.

Лишь колышет
камни
поклон
ото ста
подневольных стран.
На стене,
пропылен
и нем,
календарь как календарь,
но в сегодняшнем
красном дне
воскресает
годов легендарь.
Будет знамя,
а не хоругвь,
будут
пули свистеть над ним,
и «Вставай, проклятьем...»
в хору
будет бой
и марш,
а не гимн.
Век промчится
в седой бороде,
но и десять
пройдет хотя б,
мы
не можем
не молодеть,
выходя
на праздник — Октябрь.
Чтоб не стих
сердечный раж,
не дряхлел,
не стыл
и не смолк,
голосами
его
будоражь
комсомольцев
и комсомолок.

Октябрь 1926

85. ДУМА ПРО ОПАНАСА

Посіяли гайдамаки
В Україні жито,
Та не вони його жали.
Що мусим робити? ¹

Т. Шевченко («Гайдамаки»)

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз ему дорогу
Оглоблями кажет.
Звездный Воз дорогу кажет
В поднебесье чистом —
На дебелие хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядишь толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
«Ты откуда, человече,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?»
— «Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,

¹ Посіяли гайдамаки
На Украйне жито.

Только жито вражьим коням
Легло под копыта.

(Перевод А. Твардовского).— Ред.

Крепкая обида!
Я бежал из продотряда
От Когана-жида...
По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота,—
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милость
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?»
— «Штоль? Который, человече?
Рыжий и щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты...
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой далече,
От края до края!..»
У Махна по самы плечи
Волосня густая...

Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне,—
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла
Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

2

Зашумело Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса.
Опанас глядит картиной
В папахе косматой,
Шуба с мертвого раввина
Под Гомелем снята.
Шуба — платье меховое —
Распахнута — жарко!
Френч английского покроя
Добыт за Вапняркой.
На руке с нагайкой крепкой
Жеребьячье мыло,
Револьвер висит на цепке
От паникадила.
Опанасе, наша доля
Туманом повита,—
Хлеборобом хочешь в поле,
А идешь — бандитом!
Полетишь дорогой чистой —
Залетишь в ворота,
Бить жидов и коммунистов —
Легкая работа!
А Махно спешит в тумане
По шляхам просторным,
В монастырском шарабане,
Под знаменем черным.

Стоном стонет Гуляй-Поле
От страшного пляса —
Ходит гоголем по воле
Скакун Опанаса...

3

Хлеба собрано немного —
Не скрипеть подводам.
В хате ужинает Коган
Житняком и медом.
В хате ужинает Коган,
Молоко хлебает,
Большевицким разговором
Мужиков смущает:
«Я прошу ответить честно,
Прямо, без уклona:
Сколько в волости окрестной
Варят самогона?
Что посевы? Как налоги?
Падают ли овцы?»
В это время по дороге
Топают махновцы...
По дороге пляшут кони,
В землю бьют копыта.
Опанас из-под ладони
Озирает жито.
Полночь сизая, степная
Встала пред бойцами,
Издали темь ночная
Тлеет каганцами.
Брешут псы сторожевые,
Запевают певни.
Холодком передовые
Въехали в деревню.
За церковною оградой
Лязгнуло железо:
«Не разыщешь продотряда:
В доску перерезан!»
Хуторские псы, пляшите
На гремучей стали:
Словно перепела в жите,
Когана поймали.
Повели его дорогой

Сизою, степною,—
Встретился Иосиф Коган
С Нестором Махною!
Поглядел Махно сурово,
Покачал башкою,
Не сказал Махно ни слова,
А махнул рукою!
Ой, дожил Иосиф Коган
До смертного часа,
Коль сошлась его дорога
С путем Опанаса!..
Опанас отставил ногу,
Стоит и гордится:
«Здравствуйте, товарищ Коган,
Пожалуйте бриться!»

4

Тополей седая стая,
Воздух тополиный...
Украина, мать родная,
Песня-Украина!..
На твоём степном раздолье
Сыромаха скачет,
Свищет перекати-поле
Да ворона кричит...
Всходит солнце боевое
Над степной дорогой,
На дороге нынче двое —
Опанас и Коган.
Над пылающим порогом
Зной дымит и тает;
Комиссар, товарищ Коган,
Барахло скидает...
Растеклось на белом теле
Солнце молодое.
«На, Панько, когда застрелишь,
Возьмешь остальное!
Пары брюк не пожалею,
Пригодятся дома,—
Всё же бывший продармеец,
Хороший знакомый!..»
Всходит солнце боевое,

Кукурузу сушит,
В кукурузе ветер воет
Опанасу в уши:
«За волами шел когда-то,
Воевал солдатом.
Ты ли в сахарное утро
В степь выходишь катом?»
И раскинутая в плясе
Голосит округа:
«Опанасе! Опанасе!
Катюга! Катюга!»
Верещит бездомный копец
Под облаком белым:
«С безоружным биться, хлопец
Последнее дело!»
И равнина волком воет —
От Днестра до Буга,
Зверем, камнем и травой:
«Катюга! Катюга!..»
Не гляди же, солнце злое,
Опанасу в очи:
Он грустит, как с перепоя,
Убивать не хочет...
То ль от зноя, то ль от стона
Подошла усталость,
Повернулся:
«Три патрона
В обойме осталось...
Кровь — постылая обуза
Мужицкому сыну...
Утекай же в кукурузу —
Я выстрелю в спину!
Не свалю тебя ударом,
Разгуливай с богом!..»
Поправляет окуляры,
Улыбаясь, Коган:
«Опанас, работай чисто,
Мушкой не моргая.
Неудобно коммунисту
Бегать, как борзая!
Прямо кинешься — в тумане
Омуты речные,
Вправо — немцы-хуторяне,
Влево — часовые!

Лучше я погибну в поле
От пули бесчестной!..»

Тишина в степном раздолье,—
Только выстрел треснул,
Только Коган дрогнул слабо,
Только ахнул Коган,
Начал сваливаться набок,
Падать понемногу...
От железного удара
Над бровями сгусток,
Поглядишь за окуляры:
Холодно и пусто...

.
С Черноморья по дорогам
Пыль несется плясом,
Носом в пыль зарылся Коган
Перед Опанасом...

5

Где широкая дорога,
Вольный плес днестровский,
Кличет у Попова лога
Командир Котовский.
Он долину озирает
Командирским взглядом,
Жеребец под ним сверкает
Белым рафинадом.
Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадроны
Прямо на дорогу...
От приварка рожи гладки,
Поступь удалая,
Амуниция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю.

.
Не шумит над берегами
Молодое жито —
За чумацкими возами
Прячутся бандиты.
Там, за жбаном самогона,
В палатке дерюжной,
С атаманом забубенным
Толкует бунчужный:
«Надобно с большевиками
Нам принять сраженье,—
Покрутись перед полками,
Дай распоряженье!..»
Как батько с размаху двинул
По столу рукою,
Как батько с размаху грянул
По земле ногою:
«Ну-ка, выдай перед боем
Пожирнее пищу,
Ну-ка, выбей перед боем
Ты из бочек днища,
Чтобы руки к пулеметам
Сами прикипели,
Чтобы хлопцы из-под шапок
Коршуньем глядели!
Чтобы порох задымился
Над водой днестровской,
Чтобы с горя удавился
Командир Котовский!..»
.

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы,
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим —
Смутно изголовье;
Див сулит полночным кличем
Гибель Приднестровью.
А за темными возами,
За чумацкой сонью,
За ковыльными чубами,
За крылом вороньим,
Омываясь горькой тенью,

Встало над землею
Солнце нового сраженья —
Солнце боевое...

6

Ну и взялися ладони
За сабли кривые,
На дыбы взлетают кони,
Как вихри степные.
Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
«Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,
Саблей, пульей или пикой
Добудем комбрига!..»
Налетели и столкнулись,
Сдвинулись конями,
Сабли враз перехлестнулись
Кривыми ручьями...
У комбрига боевая
Душа занялася,
Он с налета разрубает
Саблю Опанаса.
Рубанув, откинул шашку,
Грозится глазами:
«Покажи свою замашку
Теперь кулаками!»
У комбрига мах ядреный,
Тяжелей свинчатки,

Развернулся — и с разгону
Хлобысть по сопатке!..

Опанасе, что с тобою?
Поник головою...
Повернулся, покачнулся,
В траву скovyрнулся...
Глаз над левою скулою
Затек синевою...
Молча падает на спину,
Ладони раскинул...
Опанасе, наша доля
Развеяна в поле!..

7

Балта — городок приличный,
Городок что надо.
Нет нигде румяней вишни,
Слаще винограда.
В брынзе, в кавунах, в укропе
Звонк день базарный;
Голубей гоняет хлопец
С каланчи пожарной...
Опанасе, не гадал ты
В ковыле раздольном,
Что поедешь через в Балту
Трактом малахольным,
Что тебе вдогонку бабы
Затоскуют взглядом,
Что пихнет тебя у штаба
Часовой прикладом...
Ой, чумацкие просторы —
Горькая потеря!..
Коридоры в коридоры,
В коридорах — двери.
И по коридорной пыли,
По глухому дому
Опанаса проводили
На допрос к штабному.
А штабной имел к допросу
Старую привычку —
Предлагает папиросу,
Зажигает спичку:

«Гражданин, прошу по чести
Говорить со мною.
Долго ль вы шатались вместе
С Нестором Махною?
Отвечайте без обмана,
Не испуга ради,—
Сколько сабель и тачанок
У него в отряде?
Отвечайте, но не сразу,
А подумав малость,—
Сколько в основную базу
Фуража вмещалось?
Вам знакома ли округа,
Где он банду водит?..»
— «Что я знал: коня, подпругу,
Саблю да поводья!
Как дрожала даль степная,
Не сказать словами:
Украина — мать родная —
Билась под конями!
Как мы шли в колесном громе,
Так что небу жарко,
Помнят Гайсин и Житомир,
Балта и Вапнярка!..
Наворачивала удаль
В дым, в жестянку, в бога!..
...Одного не позабуду —
Как скончался Коган...
Разлюбезною дорогой
Не пройдутся ноги,
Если вытянулся Коган
Поперек дороги...
Ну, штабной, мотай башкою,
Придвигай чернила:
Этой самою рукою
Когана убило!..
Погибай же, Гуляй-Поле,
Молодое жито!..»

Опанасе, наша доля
Туманом повита!..

Опанас, шагай смелее,
 Гляди веселее!
 Ой, не гикнешь, ой, не топнешь,
 В ладоши не хлопнешь!
 Пальцы дружные ослабли,
 Не вытащат сабли.
 Наступил последний вечер,
 Покрыть тебе нечем!
 Опанас, твоя дорога —
 Не дальше порога.
 Что ты видишь? Что ты слышишь?
 Что знаешь? Чем дышишь?
 Ночь горячая, сухая,
 Да темень сарая.
 Тлеет лампочка под крышей,—
 Эй, голову выше!..
 А навстречу над порогом —
 Загубленный Коган.
 Аккуратная прическа,
 И щеки из воска.
 Улыбается сурово:
 «Приятель, здорово!
 Где нам суждено судьбою
 Столкнуться с тобою!..»
 Опанас, твоя дорога —
 Не дальше порога...

эпилог

Протекли над Украиной
 Боевые годы.
 Отшумели, отгудели
 Молодые воды...
 Я не знаю, где зарыты
 Опанаса кости:
 Может, под кустом ракиты,
 Может, на погосте...
 Плещет крыжень сизокрылый
 Над водой днестровской;
 Ходит слава над могилой,
 Где лежит Котовский...
 За бандитскими степями

Не гремят копыта:
Над горячими костями
Зацветает жито.
Над костями голубеет
Непроглядный омут
Да идет красноармеец
На побывку к дому...
Остановится и глянет
Синими глазами —
На бездомный круглый камень,
Вымытый дождями.
И нагнется, и подымет
Одинокий камень:
На ладони — белый череп
С дыркой над глазами.
И промолвит он, почувяв
Мертвую прохладу:
«Ты глядел в глаза винтовке,
Ты погиб как надо!..»
И пойдет через равнину,
Через омут зноя,
В молодую Украину,
В жито молодое...

Так пускай и я погибну
У Попова лога,
Той же славною кончиной,
Как Иосиф Коган!..

1926

Владимир Луговской

86. ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски плачет,
Казачьим свистом по степи скачет
И строем бьет из московских дверей
От самой тайги до британских морей.

Тайга говорит,
Главари говорят,—
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стукочат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Лунь. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты.
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.
Дозоры — в норы, связь — за бугры,—
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нарезка меня ранила.

Ты прости, прости-прощай!
Прощевай пока,
А покуда обещаю
Не беречь бока.
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,

Пулеметные дорожки расстеливать,
Беляков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
ругает вагоны,
Волокет Колчаку
тысячу погонов.

Он идет впереди,
атаман удалый,

У него на груди —
фонари-медали.
Командир-паровоз
мучает одышка,
Впереди откос —
Паровозу крышка!

А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют:

«Россия ты, Россия, российская страна,
Соха тебя пахала, боронила борона.
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда.

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть.
Ах, сукин сын, машина, сибирский паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат завез?

Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь.

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?!
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда».

...Радио... говорят...
(Флагов вскипела ярь):
«Восьмого января
Армией пятой
Взят Красноярск!»

Слушайте крик протяжный —
Эй, Россия, Советы, деникинцы! —
День этот белый, просторный,
в мороз наряженный,
Червонными флагами выкинулся.

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.

Эй, партизан!

Поднимай сельчан:

Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снеге волкам приманка:
Пять офицеров, консервов банка.

«Эх, шарабан мой, американка!
А я девчонка да шарлатанка!»
Стой!

Кто идет?
Кончено. Залп!!

1926

Владимир Маяковский

87. НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют,—
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?

Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубб...»
Нет,
в такую ерунду
не рассказёньте
боевую
революцию — любовь.

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знаменá.
Будут глотки греметь,
за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое: юбилей.
Юбилей — это пепел,
песок и дым;
Юбилей —
это радость седым;
юбилей —
это край
кладбищенских ям;
это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей —
пот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».
А для нас
юбилей —
ремонт в пути:

постоял —
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас —
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный заряд,
поражающий вражеский ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей—
а для нас —
это сплавы лей.
Разобьет
врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас —
подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
в графиках
довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измельчал:
«Глаз на мелочь!» —
приказ Ильича.
Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
не будь рассеянной!
Будет:
под ногами
заколеблется почва

почище японских землетрясений.

Молчит

перед боем,

топки глуша,

Англия бастующих шахт.

Пусть

китайский язык

мудрен и велик —

знает каждый и так,

что Кантон

тот же бой ведет,

что в Октябрь вели

наш рязанский

Иван да Антон.

И в сердце Союза

война.

И даже

киты батарей

и полки.

Воры

с дураками засели в блиндажи

растрат

и волокит.

И каждая вывеска:

«Рабкооп» —

коммунизма тяжелый окоп.

Война в отчетах,

в газетных листах,—

рассчитывай,

режь и крой.

Не наша ли кровь

продолжает хлестать

из красных чернил РКИ?!

И как ни тушили огонь —

нас трое!

Мы

трое

охапки в огонь кидаем:

растет революция

в огнях Волховстроя,

в молчании Лондона,

в пулях Китая.

Нам

девятый Октябрь —

не покой,
не причал.
Сквозь десятки таких девяти,
мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!

1926

Михаил Светлов

88. ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?
Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко

Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель хохол:
«Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
„Гренада, Гренада,
Гренада моя!“»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?

Пробитое тело
Наземь сползло,

Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

1926

Павел Васильев

89. ОКТЯБРЬ

Новым звоном, слышите, слышите,
Прокатилась наша весна!
Полотнищами алыми вышиты
Этот город и вся страна.

От Ташкента до снежного Севера
И от Балтики до Китая
Сыпет, сыпет солнечным клевером,
Яркой сказкой быть расцветает.

Средь пустыни безводной, знойной,
Где лежит караванный путь
И ступает верблюд спокойный
На бархана желтую грудь,

И у Каспия, у Астрахани,
Где мутнее и шире вода,
Новь горит в размахе желаний
По деревьям и городам.

Даже там, где тундрой холодной
Улеглась родная земля,
Машет алое знамя свободно,
Как махало б со стен Кремля.

И толпой могуче охвачен
Этим утром на грани лет
Край наш вольный станков и пашен,
Край, которому равного нет!

Эти толпы считают силы,
Эти песни поют о том,
Как последние цепи разбили
Десятилетним своим Октябрем!

Так шуми и взвевай знаменами
И свое от жизни бери.
Мы стальными пришли батальонами
На пороги новой зари!

Новым звоном, слышите, слышите,
Прокатилась наша весна!
Полотнищами алыми вышиты
Этот город и вся страна.

1927

90. ОСЕННЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

А. В. Луначарскому

Я почти не знал
Поры неволи,
Ей в лицо
Проклятьем не гремел.
Я — из тех,
Кто опоздал в подполье
И в тюрьму немного не успел.

Я, друзья мои,
Из той породы,
У которой в грозные часы,
В Октябре семнадцатого года,
Не было
Намека на усы.

Но и я
С неукротимым пылом
Нес свои тринадцать с чем-то лет
Так, чтобы скорее можно было
Возложить их
На алтарь побед.

Не один
Такой вот шустрый мальчик
Поднимался юнгой на корабль...
Я — из тех,
Которых нежно нянчил
И растил
В своих боях Октябрь.

Он носил нас
По своим невздам
И купал нас в радостях своих...
Из друзей, прошедших путь походов,
Многих нет
Теперь уже в живых...

А у тех,
Кого десятилетье
Сохранило на своей заре,
Есть уже
Малюсенькие дети,
Говорящие... об Октябре.

Знают все они,
Что значит — Ленин...
Знают:
С ним пришла земли весна.
Неразрывной
Цепью поколений
Жизнь страны моей
Укреплена.

Ну и что ж,
Что в грозную погоду
У теперешней,
Как говорят, «комсы»
Осенью семнадцатого года
Не было намека на усы?..

Стали мы
Надежным мостом к новым
Людам, подрастающим гурьбой...
Мы за них
Теперь пойдём на бой
И за вас,
Обласканных суровой
И благословенною судьбой!

1927

Якуб Колас

91. БОРЦАМ ЗА ОКТЯБРЬ

Буря дол и небо застилала дымом,
Вы навстречу буре шли неудержимо.

Бушевало море, волны рокотали,
Вы вперед шагали, вас манили дали.

Раскалялись пушки, грохотали громы,
Вы их не слышали, шли сквозь буреломы.

Разрывали цепи, вековые путы,
А за каждой кочкой — враг жестокий, лютый.

Города горели, полыхали хаты,
Не хотел сдаваться старый мир проклятый.

Каледин, Корнилов, Колчак и Деникин
Вас сломить пытались в ненависти дикой.

Суда и десанты слала за граница,
Не прошли убийцы, не смогли пробиться.

Ваша сила вражий натиск тот сломала,
На дорогах трудных вас легло немало.

А дороги ваши — горы, перевалы,
Вы их одолели, смерть вас не пугала.

Пройден путь почетный, пройден путь заметный,
Пусть враги грозятся, их потуги тщетны!

Пусть войну готовит Чемберлен за морем,
Брошено по свету много наших зерен.

Зерна правды, света проросли не втуне,
Стали близкой явью думы о Коммуне.

1927

Перевод с белорусского

Владимир Маяковский

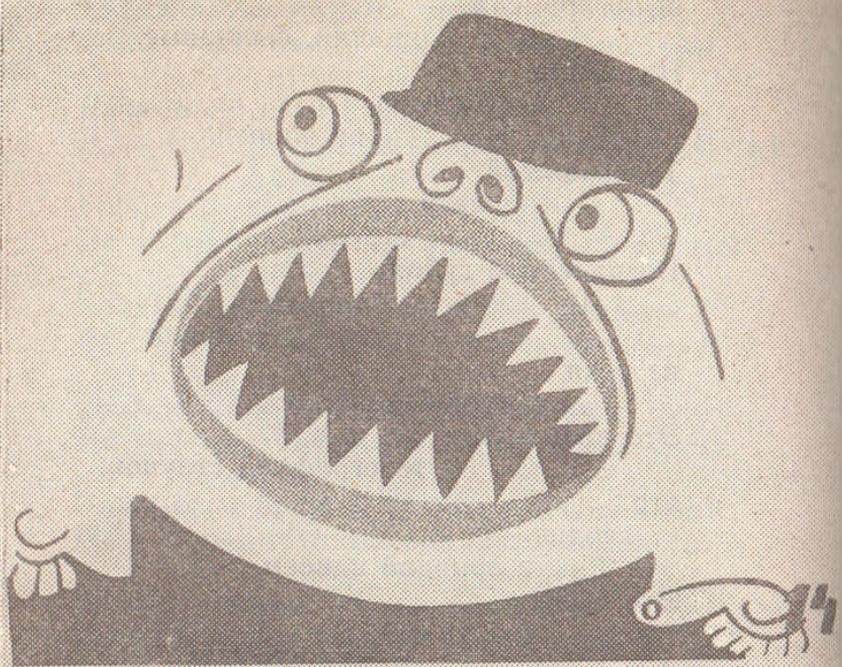
92. ХОРОШО!

Октябрьская поэма

1

Время —
вещь
необычайно длинная,

были времена —
 прошли, былинные.
 Ни былин,
 ни эпосов,
 ни эпопей.
 Телеграммой
 лети,
 строфа!
 Воспаленной губой
 припади
 и попей
 из реки
 по имени — «Факт».
 Это время гудит
 телеграфной струной,
 это
 сердце
 с правдой вдвоем.
 Это было
 с бойцами,
 или страной,
 или
 в сердце
 было
 в моем.
 Я хочу,
 чтобы, с этою
 книгой побыв,
 из квартирною
 мирка
 шел опять
 на плечах
 пулеметной пальбы,
 как штыком,
 строкой
 просверкав.
 Чтоб из книги,
 через радость глаз,
 от свидетеля
 счастливого —
 в мускулы
 усталые
 лилась
 строящая

14) Товарищи ! бойтесь попасть
в такую пасть
чтобы с нами никогда
не случилось это
Сплотимся
Власть укрепим советов !

Гласполитпросвет № 146.

и бунтующая сила.
Этот день
воспевать
никого не найдем.

Мы
распнем
карандаш на листе,
чтобы шелест страниц,
надо лбами
годов
шелестел.

2

«Кончайте войну!
Довольно!
Будет!
В этом
голодном году —

неимоготу.

Врали:

«народа —
свобода,
вперед,
эпоха,
заря...» —

и зря.

Где

земля

и где

закон,

чтобы землю

выдать

к лету? —

Нету!

Что же

дают

за февраль,

за работу,

за то,

что с фронтов

не бежишь? —

Ищи.

На шее

кучей
Гучковы,
черти,
министры,
Родзянки...

Мать их за́ ноги!
Власть
к богатым
рыло
воротит —
чего
подчиняться
ей?!

Бей!!»

То громом,
то шепотом
этот ропот
сползал
из Керенской
тюрьмы-решета,

в деревни
шел
по травам и тропам,
в заводах
сталью зубов скрежетал.

Чужие
партии
бросали швырком.

«На что им
сбор
болтунов
дался?!»

И отдавали
большевикам
гроши,
и силы,
и голоса.

До самой
мужичьей
земляной башки
докатывалась слава,—
лилась
и слы́бла,

что есть
за мужиков
какие-то
«большаки» —
у — у — у!
Сила!

з

Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертявом постреле,
не гадал,
что в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный.
От орлов,
от власти,
одеял
и кру́жевца
голова
присяжного поверенного
кружится.
Забывши
и классы
и партии,
идет
на дежурную речь.
Глаза
у него
бонапартьи
и цвета
защитного
френч.
Слова и слова.
Огнесловая лава.

Болтает
 сорокой радостной.
Он сам
 опьянен
 своею славой
пьяней,
 чем сорокаградусной.
Слушайте,
 пока не устанете,
как щебечет
 иной адъютантик:
«Такие случаи были —
он едет
 в автомобиле.
Узнавши,
 кто
 и который,—
толпа
 распрягла моторы!
Взамен
 лошадиной силы
сама
 на руках носила!»
В аплодисментном
 плеске
премьер
 проплывает
 над Невским,
и дамы
 и дети-пузанчики
кидают
 цветы и розанчики.
Если ж
 с безработы
 загрустится,
сам
 себя
 уверенно и быстро
назначает —
 то военным,
 то юстиции,
то каким-нибудь
 еще
 министром.

И вновь
возвращается,
сказанув,
ворочать дела
и вертеть казну.
Подмахивает подписи
достойно
и старательно.

«Аграрные?»
Беспорядки?
Ряд?

Пошлите,
этот,
как его,—
карательный
отряд!
Ленин?
Большевики?
Арестуйте и выловите!

Что?
Не дают?
Не слышу без очков.

Кстати...
об его превосходительстве...
Корнилове.

Нельзя ли
сговориться
сюда
казачков?!

Их величество?
Знаю.
Ну да!..

И руку жал.
Какая ерунда!

Императора?
На воду?
И черную корку?

При чем тут Совет?
Приказываю
туда,
в Лондон,
к королю Георгу».

Пришит к истории,
пронумерован

и скреплен.

И его

рисуют —

и Бродский и Репин.

4

Петербургские окна.

Синё и темно.

Город

сном

и покоем скован.

НО

не спит

мадам Кускова.

Любовь

и страсть вернулись к старушке.

Кровать

и мечты

розоватит восток.

Ее

волос

пожелтелые стружки

причудливо

склеил

слезливый восторг.

С чего это

девушка

сохнет и вянет?

Молчит...

но чувство,

видать, велико.

Ее

утешает

усастая няня,

видавшая виды, —

Пе Эн Милюков.

«Не спится, няня...

Здесь так душно...

Открой окно

да сядь ко мне».

— «Кускова,

что с тобой?»

— «Мне скушно...

Поговорим о старине». — «О чем, Кускова?»
 Я,
 бывало,
 хранила
 в памяти
 немало
 старинных былей,
 небылиц —
 и про царей
 и про цариц.
 И я б,
 с моим умишкой хилым, —
 короновала б
 Михаила.
 Чем брать
 династию
 чужую...
 Да ты
 не слушаешь меня?!»
 — «Ах, няня, няня,
 я тоскую.
 Мне тошно, милая моя.
 Я плакать,
 я рыдать готова...»
 — «Господь помилуй
 и спаси...
 Чего ты хочешь?
 Попроси.
 Чтобы тебе
 на нас
 не дуться,
 дадим свобод
 и конституций...
 Дай
 окроплю
 речей водою
 горящий бунт...» — «Я не больна,
 Я...
 знаешь, няня...
 влюблена...»
 — «Дитя мое,
 господь с тобою! —

И Милюков
ее
с мольбой
крестил
профессорской рукой.—
Оставь, Кускова,
в наши лета
любить задаром
смысла нету».
— «Я влюблена»,—
шептала
в ушко профессору снова
она.
«Сердечный друг,
ты нездорова».
— «Оставь меня,
я влюблена».
— «Кускова,
нервы,—
полечись ты...»
— «Ах, няня,
он
такой речистый...
Ах, няня-няня!
Няня!
Ах!
Его же ж
носят на руках.
А как поет он
про свободу...
Я с ним хочу,—
не с ним,
так в воду».
Старушка
тычется в подушку,
и только слышно:
«Саша! —
Душка!»
Смахнувши
слезы
рукавом,
взревел усастый нянь:
«В кого?»

Да говори ты нараспашку!»

— «В Керенского...»

— «В какого?»

В Сашку?»

И от признания

такого

лицо

расплылось

Милюкова.

От счастья

профессор ожил:

«Ну, это что ж —

одно и то же!

При Николае

и при Саше

мы

сохраним доходы наши».

Быть может,

на берегах Невы

подобных

дам

видали вы?

5

Звякая

шпорами

довоенной выковки,

аксельбантами

увешанные до пупов,

говорили —

адъютант

(в «Селекте» на Лиговке)

и штабс-капитан

Попов.

«Господин адъютант,

не возражайте,

не дам, —

скажите,

чего еще

поджидаем мы?

Россию

жиды

продают жидам,

и кадровое
офицерство
уже под жидами!

Вы, конечно,
профессор,
либерал,
но казачество,
пожалуйста,
оставьте в покое.

Например,
мое положенье беря,
это...
черт его знает, что это такое!

Сегодня с денщиком:
ору ему:
«Эй,
наваксь
щиблетицу,
чтоб видеть рыло в ней!»

И конечно —
к матушке,
а он *меня*
к *моей*,
к матушке,
к свет
к Елизавете Кирилловне!»

— «Нет,
я не за монархию
с коронами,
с орлами,

НО
для социализма
нужен базис.

Сначала демократия,
потом
парламент.

Культура нужна.
А мы —
Азия-с!

Я даже —
социалист.
Но не граблю,
не жгу.

Разве можно сразу?

Конечно, нет!
 Постепенно,
 понемногу,
 по вершочку,
 по шажку,
 сегодня,
 завтра,
 через двадцать лет.
 А эти?
 От Вильгельма кресты да ленты.
 В Берлине
 выходили
 с билетом перронным.
 Деньги
 штаба —
 шпионы и агенты.
 В Кресты бы
 тех,
 кто ездит в plombированном!»
 — «С этим согласен,
 это конечно,
 этой сволочи
 мало повешено».
 — «Ленина,
 который
 смуту сеет,
 председателем,
 што ли,
 совета министров?
 Что ты?!
 Рехнулась, старушка Рассея?
 Касторки прими!
 Поправься!
 Выздоровь!
 Офицерам —
 Суворова,
 Голенищева-Кутузова,
 благодаря
 политикам ловким,
 быть
 под началом
 Бронштейна бескартузого,
 какого-то
 бесштанного

Дудки! Лёвки?!
 С казачеством
 шутики плохи —
 повыпускаем
 им
 потроха...»
 И всё адъютант
 — ха да хи,
 Попов
 — хи да ха.
 «Будьте дважды прокляты
 и трижды поколейте!
 Господин адъютант,
 позвольте ухо:
 их
 ...ревосходительство
 ...ерал
 Каледин,
 с Дону,
 с плеточкой,
 извольте понюхать!
 Его превосходительство...
 Да разве он один?!
 Казачество кубанское,
 Днепр,
 Дон...»
 И всё стаканами —
 дон и динь,
 и шпорами —
 динь и дон.
 Капитан
 упился, как сова.
 Челядь
 чайники
 бесшумно подавала.
 А в конце у Лиговки
 другие слова
 подымались
 из подвалов.
 «Я,
 товарищи,—
 из военной бюры.
 Кончили заседание —

то́ка-то́ка.
Вот тебе,
к маузеру,
двести бери,
а это —
сто патронов
к винтовкам.
Пока
соглашатели
замазывали рты,
подходит
казатчина
и самокатчина.
Приказано
питерцам
идти на фронты,
а сюда
направляют
с Гатчины.
Вам,
которые
с Выборгской стороны,
вам
заходить
с моста Литейного.
В сумерках
тоньше
дискантовой струны
не галдеть
и не делать
заведенья питейного.
Я
за Лашевичем
беру телефон,—
не задушим,
так нас задушат.
Или
возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу.
Сам
приехал,
в пальтишке рваном,—

ходит,
 никем не опознан.
Сегодня,
 говорит,
 подыматься рано.
А послезавтра —
 поздно.
Завтра, значит.
 Ну, не сдобровать им!
Быть
 Керёнскому
 биту и ободрану!
Уж мы
 подыдем
 с царицею кровати
эту
 самую
 Александрю Федоровну».

6

Дул,
 как всегда,
 октябрь
 ветрами,
как дуют
 при капитализме.
За Троицкий
 дули
 авто и трамы,
обычные
 рельсы
 вызменв.
Под мостом
 Нева-река,
по Неве
 плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
 скоро
 Зимнему шататься.
В бешеном автомобиле,
 покрышки сбивши,
тихий,
 вроде

упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший —
«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»

Видят
редких звезд глаза:
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!

Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.
Отряды рабочих,
матросов,
голи —

дошли,
штыком домерцав,

как будто
руки
сошлись на горле,
холеном
горле
дворца.
Две тени
встало.
Огромных и шатких.
Сдвинулись.
Лоб о лоб.
И двор
дворцовый
руками решетки
стиснул
торс
толп.
Качались
две огромных тени
от ветра
и пуль скоростей,—
да пулеметы,
будто
хрустенье
ломаемых костей.
Серчают стоящие павловцы:
«В политику...
начали...
бáловаться...
Куда
против нас
бочкаревским дурам?!
Приказывали б
на штурм».
Но тень
боролась,
спулав лапы,—
и лап
никто
не разнимал и не рвал.
Не выдержав
молчания,
сдавался слабый —
уходил

от испуга,
от нерва́.
Первым,
боязнью одолен,
снялся
бабий батальон.
Ушли с батарей
к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...
А Керенский —
спрятался,
попробуй,
вымань его!
Задумывалась
казачья башка.
И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.
И долго
длилось
это молчанье,
молчанье надежд
и молчанье отчаянья.
А в Зимнем,
в мягких мебелиях
с бронзовыми выкрутами,
сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их

потрясут.
 Голос — редок.
 Шепотом,
 знаками.
 «Керенский где-то?»
 — «Он?
 За казаками».
 И снова молча.
 И только
 под вечер:
 «Где Прокопович?»
 — «Нет Прокоповича».
 А из-за Николаевского
 чугунного моста,
 как смерть,
 глядит
 неласковая
 Аврорьих
 башен
 сталь.
 И вот
 высоко
 над воротником
 поднялось
 лицо Коновалова.
 Шум,
 который
 тек родником,
 теперь
 прибоем наваливал.
 Кто длинный такой?..
 Дотянуться смог!
 По каждому
 из стекол
 удары палки.
 Это —
 из трехдюймовок
 шарахнули
 форты Петропавловки.
 А поверху
 город
 как будто взорван:
 бабахнула
 шестидюймовка Авророва.

И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна,—
над Петропавловской
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак.
«Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ!»
Ворвались.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.
Как будто
водою
комнаты полня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня
за каждым диваном,
у каждой портьеры.
По этой
анфиладе,
приветствиями бранной
монархам,
несущим
короны-клады,—
бархатными залами,
раскатистыми коридорами
гремели,
бились
сапоги и приклады.

Какой-то
 смущенный
 сукин сын,
а над ним
 путиловец —
 нежней папаши:
«Ты,
 парнишка,
 выкладывай
 ворованные часы —
часы
 теперича
 наши!»
Топот рос
 и тех
 тринадцать
сгреб,
 забил,
 зашиб,
 затыркал.
Забились
 под галстук —
 за что им приняться?
Как будто
 топор
 навис над затылком.
За двести шагов...
 за тридцать...
 за двадцать...
Вбегает
 юнкер:
 «Драться глупо!»
Тринадцать визгов:
 «Сдаваться!
 Сдаваться!»
А в двери —
 бушлаты,
 шинели,
 тулупы...
И в эту
 тишину
 раскатившийся всласть
бас,
 окрепший

над ряями рея:
«Которые тут временные?» Слазь!
Кончилось ваше время.
И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как об чем-то простом
и несложном:
«Я,
председатель Реввоёнкомитета Антонов,
Временное правительство
объявляю низложенным».
А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
«И это будет...» —
пели:
«И это есть
наш последний...»
До рассвета
осталось
не больше аршина,—
руки
лучей
с востока взмолены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил, толков.
Умолкнул
пуль
звонящий улей.
Горели,

как звезды,
 границы штыков,
 бледнели
 звезды небес
 в карауле.
 Дул,
 как всегда,
 октябрь
 ветрами.

Рельсы
 по мосту вызмеив,
 гонку
 свою
 продолжали трамы
 уже —
 при социализме.

7

В такие ночи,
 в такие дни,
 в часы
 такой поры
 на улицах
 разве что
 одни
 поэты
 и воры.
 Сумрак
 на мир
 океан катнул.
 Синь.
 Над кострами —
 бур.

Подводной
 лодкой
 пошел ко дну
 взорванный
 Петербург.
 И лишь
 когда
 от горящих вихров
 шатался
 сумрак бурый,
 опять вспоминалось:

с боков
и с верхов
непрерывная буря.
На воду
сумрак
похож и так —
бездонна
синяя прорва.
А тут
еще
и виденьем кита
туша
Авророва.
Огонь
пулеметный
площадь остриг.
Набережные —
пусты.
И лишь
хорохорятся
костры
в сумерках
густых.
И здесь,
где земля
от жары вязка,
с испугу
или со льда,
ладони
держат
у огня в языках,
греется
солдат.
Солдату
упал
огонь на глаза,
на клок
волос лег.
Я узнал,
удивился,
сказал:
«Здравствуйте,
Александр Блок.
Лафа футуристам,

фраг старья
разлазится
каждым швом». Блок посмотрел —
костры горят —
«Очень хорошо».
Кругом
тонула
Россия Блока...
Незнакомки,
дымки севера
шли
на дно,
как идут
обломки
и жестянки
консервов.
И сразу
лицо
скупее менял,
мрачнее,
чем смерть на свадьбе:
«Пишут...
из деревни...
сожгли...
у меня...
библиотеку в усадьбе».
Уставился Блок —
и Блокова тень
глазее,
на стенке привстав...
Как будто
оба
ждут по воде
шагающего Христа.
Но Блоку
Христос
являться не стал.
У Блока
тоска у глаз.
Живые,
с песней
вместо Христа,
люди

из-за угла.
Вставайте!
Вставайте!
Вставайте!

Работники
и батраки.
Зажмите,
косарь и кователь,
винтовку
в железо руки!

Вверх —
флаг!
Рвань —
встань!

Враг —
ляг!
День —
дрянь.
За хлебом!
За миром!
За волей!

Бери
у буржуев
завод!

Бери
у помещика поле!

Братайся,
дерущийся взвод!

Сгинь —
стар.

В пух,
в прах.

Бей —
бар!

Трах!
тах!

Довольно,
довольно,
довольно

покорность
нести
на горбах.

Дрожи,
капиталова дворяня!

Тряситесь,
 короны,
 на лбах!

Жир
 ёжь,
страх
 плах!

Трах!

тах!

Тах!

тах!

Эта песня,

 перепетая по-своему,
доходила

 до глухих крестьян —
и вставали села,

 содрогая воем,
по дороге

 топоры крестя,

Но-

жи-

чком

на

месте чик

лю-

то-

го

по-

мещика.

Гос-

по-

дин

по-

мещичек,

со-

би-

райте

вещи-ка!

До-

шло

до поры,

вы-

хо-

ди,

босы,
вос-
три
топоры,
подымай косы.
Чем
хуже
моя Нина?!
Ба-
рыни сами.
Тащъ
в хату
пианино,
граммофон с часами!
Под-
хо-
ди-
те, орлы!
Будя —
пограбили,
Встречай в колы,
провожай
в грабли!
Дело
Стеньки
с Пугачевым,
разгорайся жарчи-ка!
Все
поместья
богачевы
разметем пожарчиком.
Под-
пусть
петуха!
Подымай вилы!
Эх,
не потухай,
пет-
тух милый!
Черт
ему
теперь
родня!
Головы —

кочаном.
Пулеметов трескотня
сыпется с тачанок.
«Эх, яблочко,
цвета ясного.

Бей
справа
белаво,
слева краснова».
Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

8

Холод большой.
Зима здоровá.
Но блузы
прилипли к потненьким.
Под блузой коммунисты.
Грузят дрова.
На трудовом субботнике.
Мы не уйдем,
хотя
уйти
имеем
все права.
В *наши* вагоны,
на *нашем* пути,
наши
грузим
дрова.
Можно
уйти
часа в два,
но *мы* —
уйдем поздно.
Нашим товарищам

наши дрова
нужны:
товарищи мерзнут.
Работа трудна,
работа
томит.
За нее —
никаких копеек.
Но мы
работаем,
будто мы
делаем
величайшую эпопею.
Мы будем работать,
всё стерпя,
чтоб жизнь,
колёса дней торопя,
бежала
в железном марше
в наших вагонах,
по нашим степям,
в города
промерзшие
наши.

«Дяденька,
что вы делаете тут,
столько больших дядей?»
— «Что?
Социализм:
свободный труд
свободно
собранных людей».

9

Перед нашею
республикой
стоят богатые.
Но как постичь ее?
И вопросам
разнедоуменным
нет числа:
что это
за нация такая

СРЕДА, 26
ОКТАБРА

ВЫСТУПАТ

ВЛАДИМИР

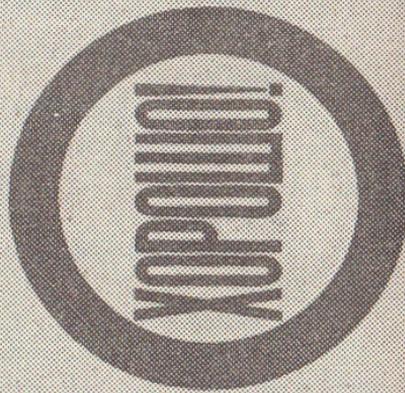
КАПЕЛЛЫ
ГОС. АК.
МОРКА. 28

МДЯНЬОВСЬКІ

1. Што гэта значыць...
2. Будзь!
3. Слова прыгожага мядзведзя.
4. Хвацць аго.
5. Малыя дзяткі!
6. Я, тэперы, з акавай бары.
7. Якія тут вяршыні? Сянь!
8. Знакстваце, Аляксандр Сянь!
9. Мор гэты сцяг павя.
10. Госпадыня паняціцца, саборнае вачы-ка?
11. Дарэчы, хто вы дэмані тут?

||

12. Два стачаста.
13. С Лявонька в бланке и с баганом в руп.
14. Трансаль, Трансаль, страна моя.
15. Есть революция, а я тут несл.
16. Куд жэш? — Я верну ку, не урочае!
17. Дзе морганам нскр за шавель лавіць.
18. Мы только морш, вы жадн моршанца.
19. Скелы акач и укач, скелы!
20. Пав мэр стачаста, дэпартаву мэр.
21. Насте лавель дла гоня умель-мудрыба.
22. Курш!

Купіць і ў адзін.

и ОТВЕТ НА ЗАПИСКИ и ВОПРОСЫ.

Ваше почтение

и что это за
«соци-
алистическое отечество»?
«Мы
восторги
ваши
понять бессильны.
Чем восторгаются?
Про что поют?
Какие такие
фрукты-апельсины
растут
в большевицком вашем
раю?
Что вы знали,
кроме хлеба и воды,—
с трудом
перебиваясь
со дня на день?
Такого отечества
такой дым
разве уж
настолько приятен?
За что вы
идете,
если велят —
«воюй»?
Можно
быть разорванным бомбищей,
можно
умереть
за землю за *свою*,
но как
умирать
за общую?
Приятно
русскому
с русским обняться,—
но у вас
и имя
«Россия»
утеряно.
Что это за

отечество
у забывших об нации?
Какая нация у вас?
Коминтерина?

Жена,
да квартира,
да счет текущий —
вот это —
отечество,
райские кущи.

Ради бы
вот
такого отечества
мы понимали б
и смерть
и молодечество».

Слушайте,
национальный трутень,—
день наш
тем и хорош, что труден.

Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

10

Политика —
проста.
Как воды глоток.

Понимают
ощерившие
сытую пасть,
что, если
в Россиях
увязнет коготок,
всей
буржуазной птичке —
пропасть.

Из «сюртэ женерáль»,
из «интélлидженс сёрвис»
«дефензйвы»
и «сигуранцы»
выходит

разная
 шьет сволочь и стерва,
 шинели
 цвета серого,
 бомбы
 кладет
 в ранцы.
 Набились в трюмы,
 палубы обсели
 на деньги
 вербовочного агентства.
 В Новороссийск
 плывут из Марселя,
 из Дувра
 плывут к Архангельску.
 С песней,
 с виски,
 сыты по-свински.
 Килями
 вскопаны
 воды холодные.
 Смотрят
 перископами
 лодки подводные.
 Плывут крейсера,
 снаряды соря.
 И
 миноносцы
 с минами носятся.
 А
 поверх
 всех
 с пушками
 чудовищной длинноты
 сверх-
 дредноуты.
 Разными
 газами
 воняя гадко,
 тучи
 пропеллерами выдрав,
 с авиамамки
 на авиамамку

пе-
ре- пархивают «гидро».
Послал капитал капитанов ученых.
Горло нащупали и стискивают.
Ткнешься в Белое, ткнешься в Черное,
в Каспийское, в Балтийское,—
куда корабль ни тычется,
конец катаниям.
Стоит морей владычица,
бульдожья Британия.
Со всех концов блокады кольцо
и пушки смотрят в лицо.
«Красным не нравится?!
Им голодно?!
Рыбкой наедитесь,
пойдя на дно».
А кому на суше грабить охота,
те с кораблей сходили пехотой.
«На море потопим,
на суше потопаем».

Чужими
руками жар гребя,
дым
отечества пускают
выставляют пострелины —
впереди
одураченных ребят,
баронов
и князей недорасстрелянных.
Могилы копайте,
гроба копите —
Юденича
рати
прут
на Питер.
В обозах
еды вкуснятся,
консервы —
пуд.
Танков
гусеницы
на Питер
прут.
От севера
идет
адмирал Колчак,
сибирский
хлеб
сапогом толча.
Рабочим на расстрел,
поповнам на утеху
с ним
идут
голубые чехи.
Траншеи,
машинами выбранные,
саперами
Крым
перекопан, —
Врангель
крупнокалиберными

орудует
с Перекопа.
Любят
полковников
сантиментальные леди.
Полковники
любят
поговорить на обеде.
«Я
иду, мол
(прихлебывает виски),
а на меня
десяток
чудовищ
большевицких.
Раз — одного,
другого —
рраз,—
кстати,
как денди,
и девушку спас».
Леди,
спросите
у мерина сивого —
он
как Мурманск
разизнасилвал.
Спросите,
как —
Двина-река,
кровью
крашенная,
трупы
вытая,
с кладью
страшную
шла в Ледовитый.
Как храбрецы
расстреливали кучей
коммуниста
одного,
да и тот скручен.
Как офицера
его

величества
 бежали
 от выстрелов,
 берег вычистя.
 Как над серыми
 хатами
 огненные перья
 и руки
 холеные
 туго
 у горл.
 Но...
 «итс э лонг уэй
 ту Типерери,
 итс э лонг уэй
 ту го!»
 На первую
 республику
 рабочих и крестьян,
 сверкая
 выстрелами,
 штыками блестя,
 гнали
 армии,
 флоты катили
 богатые мира,
 и эти
 и те...
 Будьте вы прокляты,
 прогнившие
 королевства и демократии,
 со своими
 подмоченными
 «фратэрнитэ» и «эгалитэ»!
 Свинцовый
 льется
 на нас
 кипяток.
 Одни мы —
 и спрятаться негде.
 «Янки
 дудль
 кип ит об,
 Янки дудль денди».

Посреди
винтовок
и орудий голосища
Москва —
островком,
и мы на островке.
Мы —
голодные,
мы —
нищие,
с Лениным в башке
и с наганом в руке.

11

Несется
жизнь,
овеивая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Веэсэнха.
Свезли,
винтовкой звякая,
богатых
и кассы.
Теперь здесь
всякие
и люди
и классы.
Зимой
в печурку-пчелку
суют
тома Шекспирьи.
Зубами
щелкают,—
картошка —
пир им.
А летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:

«Трансваль,
Трансваль,
страна моя,

ты вся
горишь
в огне!»

Я в этом
каменном котле
варюсь,
и эта жизнь —
и бег, и бой,
и сон,
и тлен —

в домовьи
этажи
отражена
от пят
до лба,
грозою
омываемая,
как отражается толпа
идушими
трамваями.

В пальбу
присев
на корточки,
в покой
глазами к форточке,
чтоб было
видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
три тыщи дней.

12

Ходят
спекулянты
вокруг Главтопа.
Обнимут,
зацелуют,
убьют за руп.
Секретарши

ответственные
валенками топают
За хлебными
карточками
стоят лесорубы.

Много
дела,
мало
горя им,
фунт
— целый! —
первой категории.

Рубят,
липовый
чай
выкушав.

«Мы
не Филипповы,
мы —
привыкши».

Будет
обед,
будет
ужин, —

белых бы
вон
отбить от ворот.

Есть захотелось,
пояс —
потуже,

в руки винтовку
и
на фронт. —

А
мимо —
незаменимый.
Стуча
сапогом,
идет за пайком —
Правление
выдало
урюк
и повидло.
Богатые —

ловче,
едят
у Зунделовича.
Ни щей,
ни каш —
бифштекс
с бульоном,
хлеб
ваш,
полтора миллиона.
Ученому
хуже:
фосфор
нужен,
масло
на блюде.
Но,
как на́зло,
есть революция,
а нету
масла.
Они научные.
Напишут —
вылечат.
Мандат, собственноручный,
Анатолий Васильича.
Где
хлеб
да мя́са,
придут
на час к вам.
Читает
комиссар
мандат Луначарского:
«Так...
сахар...
так...
жирок вам.
Дров...
березовых...
посуше поленья...
и шубу
широкого
потребленья.

Я вас,
товарищ,
спрашиваю в упор.
Хотите —
берите
головной убор.
Приходит
каждый
с разной блажью.
Берите
пока што
ногу
лошажью!»
Мех
на глаза,
как баба-яга,
идут
назад
на трех ногах.

13

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник.
Шапчонку
взял
оборванную
и вытащил салазки.
«Куда идешь?»
— «В уборную
иду.
На Ярославский».
Как парус,
шуба
на весу,
воняет
козлом она.

В санях
 полено везу,
забрал
 забор разломанный.
Полено —
 тушею,
тверже камня.
Как будто
 вспухшее
колено
 великанье.
Вхожу
 с бревном в обнимку.
Запотел,
 вымок.
Важно
 и чинно
строгаю перочинным.
Нож —
 ржа.
Режу.
 Радуюсь.
В голове жар
подымает градус.
Зацветают луга,
май
 поет
 в уши —
это
 тянется угар
из-под черных вьюшек.
Четверо сосулек
свернулись,
 уснули.
Приходят люди,
ходят,
 будят.
Добудились еле —
с углей
 угорели.
В окно —
 сугроб.
 Глядит, горбат.
Не вымерзли покамест?

Морозы
в ночь
идут, скрипят
снегами-сапогами.
Небосвод,
наклонившийся
на комнату мою,
морем
заката
облйт.
По розовой
глади
моря,
на юг —
тучи-корабли.
За гладь,
за розовую,
бросать якоря,
туда,
где березовые
дрова горят.
Я
много
в теплых странах плутал.
Но только
в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота
любовей,
дружб
и семей.
Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами
вместе
проляскав —
поймешь:
нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.
Землю,

где воздух
как сладкий морс,
бросишь
и мчишь, колеся,—
по землю,
с которую
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

14

Скрыла
та зима,
худа и строга,
всех,
кто навек
ушел ко сну.
Где уж тут словам!
И в этих
строках
боли
волжской
я не коснусь.
Я
дни беру
из ряда дней,
что с тыщей
дней
в родне.
Из серой
полосы деньки,
их гнали
годы-
водники —
не очень
сытенькие,
не очень голодненькие.
Если
я
чего написал,
если
чего
сказал —

тому виной
 глаза-небеса,
любимой
 моей
 глаза.
Круглые
 да карие,
горячие
 до гари.
Телефон
 взбесился шалый,
в ухо
 грохнул обухом:
карие
 глазища
 сжала
голода
 опухоль.
Врач наболтал —
чтоб глаза
 глазели,
нужна
 теплота,
нужна
 зелень.
Не домой,
 не на суп,
а к любимой
 в гости
две
 морковинки
 несу
за зеленый хвостик.
Я
 много дарил
 конфет да букетов,
но больше
 всех
 дорогих даров
я помню
 морковь драгоценную эту
и пол-
 полена
 березовых дров.

Мокрые,
 тощие
под мышкой
 дровинки,
чуть
 потолще
средней бровинки.
Вспухли щеки.
Глазки —
 щелки.
Зелень
 и ласки
выходили глазки.
Больше
 блюдца,
смотрят
 революцию.

Мне легче, чем всем, —
я
 Маяковский.
Сижусь
 и ем
кусочек
 конский.
Скрипка —
 дверь,
 плача.

Сестра
 младшая.
«Здравствуй, Володя!»
— «Здравствуй, Оля!»
— «Завтра новогодие —
нет ли
 соли?»
Делю,
 в ладонях вешаю
шепотку
 отсыревшую.
Одолевая
 снег
 и страх,
скользит сестра,
 идет сестра,

бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.
Рядом
мороз
шел
и рос.
Затевал
щекотку —
отдай
щепотку.
Пришла,
а соль
не вáлится —
примерзла
к пальцам.
За стенкой
шарк:
«Иди, жена,
продай
пиджак,
купи пшена».
Окно,—
с него
идут
снега,
мягка
снегов,
тиха
нога.
Бела,
гола
столиц
скала.
Прилип
к скале
лесов
скелет.
И вот
из-за леса
небу в шаль
вползает
солнца

Декабрьский вша.
рассвет,
изможденный
и поздний,
встает
над Москвой
горячкой тифозной.
Ушли
тучи
к странам
тучным.
За тучей
берегом
лежит
Америка.
Лежала,
лакала
кофе,
какао.
В лицо вам,
толще
свиных причуд,
круглей
ресторанных блюд,
из нищей
нашей
земли
кричу:
Я
землю
эту
люблю.
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал,—
нельзя
никогда
забыть!

Под ухом
 самым
 лестница
 ступенек на двести,—
 несут
 минуты-вестницы
 по лестнице
 вести.
 Дни пришли
 и топали:
 «Дожили,
 вот вам,—
 нету
 топлив
 брюхам
 заводовым».
 Дымом
 небесный
 лак помутив,
 до самой трубы,
 до носа
 локомотив
 стоит
 в заносах.
 Положив
 на валенки
 цветные заплаты,
 из ворот,
 из железного зёва,
 снова
 шли,
 ухватясь за лопаты,
 все,
 кто мобилизован.
 Вышли
 за лес,
 вместе
 взялись.
 Я ли,
 вы ли,
 откопали,
 вырыли.
 И снова

поезд
кáтит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело
без ед
и питья,
посилки сделали,
руки сплетя.
Теперь
запевай,
и домой можно —
да на руки
положено
пять обмороженных.
Сегодня
на лестнице,
копались
грязной и тусклой,
обывательские
слухи-свиньи.
Деникин
подходит
к сáмой,
к тульской,
к пороховой
сердцевине.
Обулись
обыватели,
по пыли печатают
шепотоголосые
кухарочьи хоры:
«Будет...
крупчатая!..
пуды непочатые...
ручьи — чай,
сухари,
сахары.
Бли-и-и-зко беленькие,
береги кёренки!»
Но город
проснулся,

в плакаты кадрованный,
это
партия звала:
«Пролетарий, на коня!»
И красные
скачут
на юг
эскадроны —
Мамонтова
нагонять.
Сегодня
день
вбежал второпях,
криком
тишь
порвав,
простреленным
легким
часто хрипя,
упал
и кончался,
кравав.
Кровь
по ступенькам
стекала на пол,
стыла
с пылью пополам
и снова
на пол
каплями
капала
из-под пули
Каплан.
Четверолапые
зашагали,
визг
шел
шакалий.
Салоп
говорит чуйке,
чуйка
салопу:
«Заерзали
длинноносые шуки!

Скоро
 всех
 слопают!»
 А потом
 топырили
 глаза-тарёлины
 в длинную
 фамилий
 и званий тропу.
 Ветер
 сдирает
 списки расстрелянных,
 рвет,
 закручивает
 и пускает в трубу.
 Лапа
 класса
 лежит на хищнике —
 Лубянская
 лапа
 Че-ка.
 «Замрите, враги!
 Отойдите, лишненькие!
 Обыватели!
 Смирно!
 У очага!»
 Миллионный
 класс
 вставал за Ильича
 против
 белого
 чудовища клыкастого,
 и вливалось
 в Ленина,
 леча,
 этой воли
 лучшее лекарство.
 Хоронились
 обыватели
 за кухни,
 за пеленки.
 «Нас не трогайте —
 мы
 цыпленки.

Мы только мошки,
Мы ждем кормежки.
Закройте,
 время,
 вашу пасть!

Мы обыватели —
нас обувайте вы,
и мы
 уже
 за вашу власть».

А утром
 небо —
 веча звонница!

Вчерашний
 день
 виня во лжи,
расколоколивали
 птицы и солнце:

жив,
 жив,
 жив,
 жив!

И снова
 дни
 чередой заводной
сбегались
 и просили:

«Идем
 за нами —
 „еще
 одно
усилье“».

От боя к труду —
 от труда
 до атак,

в голоде,
 в холоде
 и нагоде

держали
 взятое,
 да так,
что кровь
 выступала из-под ногтей.

Я видел
 места,
 где инжир с айвой
росли
 без труда
 у рта моего,—
к таким
 относишься
 иначе.
Но землю,
 которую
 завоевал
и полуживую
 вынянчил,
где с пулей встань,
 с винтовкой ложись,
где каплей
 льешься с массами,—
с такую
 землею
 пойдешь
 на жизнь,
на труд,
 на праздник
 и на смерть!

16

Мне
 рассказывал
 тихий еврей,
Павел Ильич Лавут:
«Только что
 вышел я
 из дверей,
вижу —
 они плывут...»
Бегут
 по Севастополю
к дымящим пароходам.
За день
 подметок стопали,
как за год похода.
На рейде
 транспорты

и транспорточки,
драки,
крики,
ругня,
мотня,—
бегут добровольцы,
задрав порточки,—
чистая публика и солдатня.
У кого —
канарейка,
у кого —
роялина,
кто со шкафом,
кто
с утюгом.
Кадеты —
на что уж
люди лояльные —
толкались локтями,
крыли матюгом.
Забыли приличия,
бросили моду,
кто —
без юбки,
а кто — без носков.
Бьет
мужчина
даму
в морду,
солдат полковника
сбивает с мостков.
Наши наседали,
крыли по трапам,
кашей
грузился
последний эшелон.
Хлопнув
дверью,
сухой, как рапорт,
из штаба
опустевшего
вышел он.

Глядя
на ноги,
шагом
резким
шел
Врангель
в черной черкеске.
Город росили.
На молу —
гло.
Лодка
шестивесельная
стоит
у мола.
И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.
Под пули
в лодку прыгнул...
«Ваше
превосходительство,
грести?»
—«Грести!»
Убрали весло.
Мотор
заторкал.
Пошла веселó
к «Алмазу»
моторка.
Пулей
пролетела
штандартная яхта.
А в транспортах-галошинах
далеко
сзади
тащились

оторванные
от станка и пахот,
узлов
полтора
накручивая за́ день.
От родины
в лапы турецкой полиции,
к туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
Впе-
реди
година на године.
Каждого
трясись,
который в каске.
Будешь
доить
коров в Аргентине,
будешь
мереть
по ямам африканским.
Чужие
волны
качали транспорты,
флаги
с полумесяцем
бросались в очи,
и с транспортов
за яхтой
гналось:
«Аспиды,
сперли казну
и удрали,
сволочи».
Уже
экипажам
оберегаться
пули
шальной
надо.

Два
миноносца-американца
стояли
на рейде
рядом.
Адмирал
трубой обвел
стреляющих
гор край:
«Ол
райт».
И ушли
в хвосте отступающих свор, —
орудия на город,
курс на Босфор.
В духовках солнца
горы
жаркоё.
Воздух
цветы рассиропили.
Наши
с песней
идут от Джанкоя,
сыпятся
с Симферополя.
Перебивая
пуль разговор,
знаменами
бой
овевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.
Не гнулась,
когда
пулеметом крошило,
вставала,
бесстрашная,
в дожде-свинце:
«И с нами
Ворошилов,
первый красный офицер».

Слушают
пушки,
морские ведьмы,
у-
ле-
петывая
во винты во все,
как сыпется
с гор:
«Готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!»
Начштаба
морщит лоб.
Пальцы
корявой руки
буквы
непослушные гнут:
«Врангель
оп-
раки-
нут
в море.
Пленных нет».
Покамест —
точка
и телеграмме
и войне.
Вспомнили —
недопахано,
недожато у кого,
у кого
доменные
топки да зори.
И пошли,
отирая пот рукавом,
расставив
на вышках
дозоры.

17

Хвалить
не заставят
ни долг,

всего,
что делаем мы.
Я
пол-отечества мог бы
снести,
а пол —
отстроить, умыв.
Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.
Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет.
где только земля простая —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам
с унылым
пудом сенца,
и поворачиваются
к тракторам

крестьян
заскорузлые сердца.
И планы,
что раньше
на станциях лбов
задерживал
нищенства тормоз,
сегодня
встают
из дня голубого,
железом
и камнем формясь.
И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

18

На девять
сюда
октябрей и маёв,
под красными
флагами
праздничных шествий,
носил
с миллионами
сердце мое,
уверен
и весел,
горд
и торжествен.
Сюда,
под траур
и плеск чернофлажий,
пока
убитого
кровь горяча,
бежал,
от тревоги,
на выстрелы вражьи,

молчать
и мрачнеть,
кричать
и рычать.

Я
здесь
бывал
в барабанах стучащих
и в мертвом
холоде
слез и льдин,
а чаще еще —
просто
один.
Солдаты башен
стражей стоят,
подняв
свои
островерхие шлемы,
и, злобу
в башках куполов
тая,
притворствуют
церкви,
монашьи шельмы.

Ночь —
и на головы нам
луна.
Она
идет
оттуда откуда-то...

Оттуда,
где
Совнарком и ЦИК.
Кремля
кусок
от ночи откутав,
переползает
через зубцы.
Вползает
на гладкий
валун,
на секунду
склоняет

голову,
и вновь
 голова-лунь
уносится
 с камня
 гололого.
Место лобное —
для голов
 ужасно неудобное.
И лунным
 пламенем
 озарена мне
площадь
 в сиянье,
 в яви
 в денной...
Стена —
 и женщина со знаменем
склонилась
 над теми,
 кто лег под стеной.
Облил
 булыжники
 лунный никель,
штыки
 от луны
 и тверже
 и злей,
и,
 как нагроможденные книги,—
его Мавзолей.
Но в эту
 дверь
 никакая тоска
не втянет
 меня,
 черна и вязка,—
души
 не смущу
 мертвизной,—
он бьется,
 как бился
 в сердцах
 и висках,

живой
 человечьей весной.
Но могилы
 не пускают,—
 и меня
останавливают имена.
Читаю угрюмо:
 «товарищ Красин».
И вижу —
 Париж,
 и из окон Дорно...
И Красин
 едет,
 сед и прекрасен,
сквозь радость рабочих,
 шумящую морево.
Вот с этим
 виделся,
 чуть не за час.
Смеялся.
 Снимался около...
И падает
 Войков,
 кровью сочась,—
и кровью
 газета
 намокла.
За ним
 предо мной
 на мгновенье короткое
такой,
 с каким
 портретами сжились,—
в шинели измятой,
 с острой бородкой,
прошел
 человек,
 железен и жилист.
Юноше,
 обдумывающему
 житье,
решающему —
 сделать бы жизнь с кого,
скажу

не задумываясь: «Делай ее
с товарища Дзержинского».
Кто костями, кто пеплом
стенам под стопу
улеглись...
А то и пепла нет.
От трудов, от каторг
и от пуль,
и никто почти —
от долгих лет.
И чудится мне, что на красном погосте
товарищей мучит
тревоги отравы.
По пеплам идет, сочится по кости,
выходит на свет
по цветам
и по травам.
И травы с цветами
шуршат в беспокойстве.
«Скажите — вы здесь?
Скажите — не сдали?»
Идут ли вперед? Не стоят ли? —
Скажите.
Достроит коммуны
из света и стали
республики
вашей
сегодняшний житель?»
Тише, товарищи, спите...

Ваша подросток-страна
с каждой весной
крепнет, ослепительней,
сильна и стройна.
И снова шорох
в пепельной вазе,
лепечут венки
языками лент:
«А в ихних черных
Европах и Азиях
боязнь, дремота и цепи?»
Нет!
В мире насилья и денег,
тюрем и петель витья —
ваши великие тени
ходят, будя
и ведя.
«А вас не тянет
всевластная тина?
Чиновность в мозгах
паутину
не свила?
Скажите —
цела? Скажите —
едина?
Готова ли к бою
партийная сила?»
Спите,
товарищи, тише...

Кто
ваш покой отберет?
Встанем,
штыки ощетинивши,
с первым
приказом:
«Вперед!»

19

Я
земной шар
чуть не весь
обошел,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей,—
и того лучше.
Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома — мои.
Окна
разинув,
стоят
магазины.
В окнах
продукты:
вина,
фрукты.
От мух кисея.
Сыры
не засижены.
Лампы
сияют.
«Цены
снижены».
Стала
оперяться

моя кооперация.
Бьем
 грошом.
Очень хорошо.
Грудью
 у витринных
 книжных груд.
Моя
 фамилия
 в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
 это
 мой труд
вливается
 в труд
 моей республики.
Пыль
 взбили
шиной губатой —
в моем
 автомобиле
мои депутаты.
В красное здание
на заседание.
Сидите,
 не совете
в моем
 Моссовете.
Розовые лица.
Револьвер
 желт.
Моя
 милиция
меня
 бережет.
Жезлом
 правит,
чтоб вправо
 шел.
Пойду
 направо.
Очень хорошо.
Надо мною
 небо.

Синий
шелк!
Никогда
не было
так
хорошо!
Тучи-
кочки
переплыли летчики.
Это
летчики мои.
Встал,
словно дерево, я.
Всыпят,
как пойдут в бой,
по число
по первое.
В газету
глаза:
молодцы — вѣнцы!
Буржуям
под зад
наддают
коленцем.
Суд
жгут.
Зер
гут.
Идет
пожар
сквозь бумажный шорох.
Прокуроры
дрожат.
Как хорошо!
Пестрит
передовица
угроз паршой.
Чтоб им подавиться.
Грозят?
Хорошо.
Полки
идут
у меня на виду.

Барабану
в бока
бьют
войска.
Нога
крепка,
голова
высока.
Пушки
ввозятся,—
идут
краснозвездцы.
Приспособил
к маршу
такт ноги:
вра-
ги
ва-
ши —
мо-
и
вра-
ги.
Лезут?
Хорошо.
Сотрем
в порошок.
Дымовой
дых
тяг.
Воздуха береги.
Пых-дых,
пых-
тят
мои фабрики.
Пыши,
машина,
шибче-ка,
вовек чтоб
не смолкла,—
побольше
ситчика
моим
комсомолкам.

Ветер
 подул
в соседнем саду.
В ду-
 хах
 про-
 шел.
Как хо-
 рошо!
За городом —
 поле.
В полях —
 деревеньки.
В деревнях —
 крестьяне.
Бороды —
 веники,
Сидят
 папаши.
Каждый
 хитр.
Землю попашет,
попишет
 стихи.
Что ни хутор,
от ранних утр
работа любá.
Сеют,
 пекут
мне
 хлебá.
Доят,
 пашут,
ловят рыбицу.
Республика наша
строится,
 дыбится.
Другим
 странам
 по сто.
История —
 пастью гроба.
А моя
 страна —

подросток, —
твори,
 выдумывай,
 пробуй!
Радость прет.
 Не для вас
 уделить ли нам?!
Жизнь прекрасна
 и удивительна.
Лет до ста́
 расти
нам
 без старости.
Год от года
 расти
нашей бодрости.
Славьте,
 молот
 и стих,
землю молодости.

1927

Борис Пастернак

93. К ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ

Редчал разговор оживленный.
Шинель становилась в черед.
Растягивались в эшелоны
Телятники маршевых рот.

Десятого чувства верхушкой
Подхватывали ковыли,
Что этот будильник с кукушкой
Лет на сто вперед завели.

Бессрочно и тысячеверстно
Шли дни под бризантным дождем.
Их вырвавшееся упорство
Не ставило нас ни во что.

Всегда-то их шумную груду
Несло неизвестно куда.
Теперь неизвестно откуда
Их двигало на города.

И были престранные ночи
И род вечеров в сентябре,
Что требовали полномочий
Обширней еще, чем допрежь.

В их августовское убранство
Вошли уже корпия, креп,
Досрочный призыв новобранцев,
Неубранный беженцев хлеб.

Могло ли им вообразиться,
Что под боком, невдалеке,
Окликнутые с позиций
Жилища стоят в столбняке?

Но, правда, ни в слухах нависших,
Ни в стойке их сторожевой,
Ни в низко надвинутых крышах
Не чувствовалось ничего.

2

Под спудом пыльных садов,
На дне летнего дня —
Нева, и нефти пятном
Расплывшаяся солдатня.

Вечерние выпуска
Газет рвут нарасхват.
Асфальты. Названья судов.
Аптеки. Торцы. Якоря.

Заря, и под ней, в западне
Инженерного замка, подобный
Равномерно-несметной, как лес, топотне
Удаляющейся кавалерии, — плеск
Литейного, лентой рулетки
Раскатывающего на роликах плит
Во всё запустенье проспекта
Штиблетную бурю толпы.

Остатки чугунных оград
Местами целеют под кипой
Событий и прахом попыток
Уйти из киргизской степи.

Но, тучи черней, аппарат
Ревет в типографском безумье,—
И тонут копыта и скрилы кибиток
В сыпучем самуме бумажной стопы.

Семь месяцев мусор и плесень, как шерсть,
На лестницах министерств.
Одинокий, как перст,—
Таков Петроград,
Еще с Государственной думы
Ночами и днями кочующий в чумах
И утром по юртам бесчувственный к шуму
Гольтепы.

Он всё еще не искупил
Провинностей скипетра и ошибок
Противного стереотипа
И сослан на взморье, топить, как Сизиф,
Утопии по затонам,
И, чуть погрузив, подымать эти тонны
Картона и несть на себе в неметенный
Семь месяцев сряду пыльный тупик.

И осень подходит с обычной рутинной
Крутящихся листьев и мокрых куртин.

3

Густая слякоть клейковиной
Полощет улиц колею:
К виновному прилип невинный,
И день, и дождь, и даль в клею.

Ненастье настигает скаты,
Гремит железо пласт о пласт,
Свергает власти, рвет плакаты,
Натравливает класс на класс.

Костры. Пикеты. Мгла. Поэты
Уже печатают тюки
Стихов потомкам на пакеты
И нам под кету и пайки.

Тогда, как вечная случайность,
Подкрадывается зима
Под окна прачечных и чайных
И прячет хлеб по закромам.

Коротким днем, как коркой сыра,
Играют крысы на софе
И, протаскив по всей квартире,
Укатывают за буфет.

На смену спорам оборонцев —
Как север, ровный Совнарком,
Безбрежный снег и ночь, и солнце,
С утра глядящее сморчком.

Пониклый день, серье и быдло,
Обидных выдач жалкий цикл,
По виду — жизнь для мотоциклов
И обданных повидлой игл.

Для галок и красногвардейцев,
Под черной кожи мокрый хром,
Какой еще заре зардеться
При взгляде на такой разгром?

На самом деле ж это — небо
Намыкавшей всласть зимы,
По всем окопам и совдепам
За хлеб восставшей и за мир.

На самом деле это где-то
Задетый ветром с моря рой
Горящих глаз Петросовета,
Вперенных в небывалый строй.

Да, это то, за что боролись.
У них в руках — метеорит.
И будь он даже пуст, как полюс,
Спасибо им, что он открыт.

Однажды мы гостили в сфере
Преданий. Нас перевели
На четверть круга против зверя.
Мы — первая любовь земли.

1927

Всеволод Рождественский

94. РАССТАВАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Ну что ж! Простимся. Так и быть.
Минута на пути.
Я не умел тебя любить,
Веселая, — прости!

Пора быть суше и умней...
Я терпелив и скуп
И той, кто всех подруг нежней,
Не дам ни рук, ни губ.

За что ж мы чокнемся с тобой?
За прошлые года?
Раскрой рояль, вздохни и пой,
Как пела мне тогда.

Я в жарких пальцах скрыл лицо,
Я волю дал слезам
И слышу — катится кольцо,
Звеня, к твоим ногам.

Припомним всё! Семнадцать лет.
Нева. Сирень. И Блок.
В кудрях у яблонь лунный свет,
Со взморья ветерок.

Любовь, экзамены, апрель
И наш последний бал,
Где в вальсе плыл, кружа метель,
Белоколонный зал.

Припомни дюны, дачный бор,
Сквозистый Летний сад,

Университетский коридор,
Куда упал закат.

Здесь юность кончилась, и вот
Ударила война.
Мир вовлечен в водоворот,
Вскипающий до дна.

В грозе и буре рухнул век,
Насилья ночь кляня.
Родился новый человек
Из пепла и огня.

Ты в эти дни была сестрой
В косынке до бровей,
И ты склонялась надо мной,
Быть может, всех родней.

А в Октябре на братский зов,
Накинув мой бушлат,
Ты шла с отрядом моряков
В голодный Петроград.

И там, у Зимнего дворца,
Сквозь пушек торжество,
Я не видал еще лица
Прекрасней твоего!

Я отдаю рукам твоим
Штурвал простого дня.
Простимся, милая! С другим
Не позабудь меня.

Во имя правды до конца
На вечные века
Вошли, как жизнь, как свет, в сердца
Слова с броневика.

В судьбу вплелась отныне нить
Сурового пути.
Мне не тебя, а жизнь любить!
Ты, легкая, прости.

1927

95. БОЕВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ

Гуди над батальоном,
Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба.
Опять передо мною
Огонь и свинец,
Весь мир передо мною,
Как Зимний дворец...
Время свершает
Десятый полет,—
К британскому флоту
«Аврора» плывет.
Скоро над миром
Запляшет картечь,
Двенадцатидюймовая
Наша речь.
Снова встал у пушки
Старый канонир.
Что ты будешь делать,
Старый мир?

Снова ли затрубишь
В боевой рог
Или покорно
Ляжешь у ног?
Лошадям не терпится
Перейти вброд
Новый, тяжелый
Одиннадцатый год.
Ну, а мне не терпится —
В боевом огне
Пролететь, как песня,
На лихом коне.
Я пока тихонько
Сижусь и пою,
Я пока готовлю
Песню мою...
Гуди над батальоном,

Знакомая пальба,
Труби над батальоном,
Десятая труба!

1927

Хамза Хаким-заде Ниязи

96. ПЕСНЯ СВОБОДНЫХ ЖЕНЩИН

Подруги-женщины, идите к нам скорей,
Когда все вместе мы, то песня веселей.

В пылающий костер бросайте паранджу,
И станет мир вокруг нарядней и светлей.

Мы прославляем власть, что вызволила нас,
Давайте будем петь и танцевать смелей.

Свободы крылья нас вперед и в небо мчат,
В садах поем мы, как весенний соловей.

Веселый музыкант, настрой тамбур скорей,
Мы к радости пришли, мы на пиру у ней.

Мы — яркие цветы, расцветшие в саду,
Не пряча красоты, мы расцветем пышней.

Советская страна дала свободу нам,
Шагаем к цели мы сияющей своей.

Молчали сотни лет, как бессловесный скот,
А ныне обрели мы звание людей.

Желанный день настал: тюремщиков своих
Всех выбросили мы из наших светлых дней.

Попробуй только муж к свободе путь закрыть —
Свободны мы уйти — ведь нет былых цепей.

Теперь открыто мы сверкаем красотой,
Ревнивцам всем назло — пора им быть умней.

А если оскорбит презреньем кто-нибудь,
Сумею отомстить — мы нынче всех сильней.

Чтоб миру подарить цветенье всех искусств,
Мы к знаниям идем, и нет пути верней.

Мы овладеть хотим всей мудростью наук,
И счастьем быть тогда во много раз полней.

Раскрой свои глаза, ты ныне — человек,
В сиянии зари свет радости твоей.

1927

Перевод с узбекского

Хамид Алимджан

97. ВОСТОК

В горе, дервишей бедней,
Дни брели, понутив очи;
С минаретов, с тополей
Не спеша стекали ночи.

Под покровом снеговым
Великаны горы спали,
И века к богам глухим
Тщетно смертные зывали.

Угнетала тишина
Улиц, жаждущих, как чуда,
Громкой речи, хоть спьяна,
И шагов беспечных люда.

Звук тамбура уплывал,
Словно стон, в немые дали,
Голос сердца обнимал
Целый мир волной печали.

На ходу твердя Коран
Четок нить перебирая,
Вереницы мусульман
Шли, тюбанами качая.

Без конца песок, песок...
Раскаленный вихрь кружится...
Боль в глазах, а путь далек,
Караван без сил ложится.

Встав с рассветною звездой,
В паранджах, походкой сонной
Выходили за водой
Молча девушки и жены.

Иногда, как боль назрев,
Песнь из хижин доносилась —
Да не радовал напев,
Где о боге лишь твердилось.

Так, отвержен, слеп от слез,
Влек Восток ярмо неволи,
А поэт средь вин и роз
Для тиранов музу холил.

Жизнь была как дикий лес,
Полный чудищ многоглавых —
Всюду глаз их страшный блеск,
Всюду стук когтей кровавых.

Радость кто тогда обрел?
Кто с бедою злой не знался?
Счастья бархатный подол
В руки бедным не давался.

Гнева огненным мечом
Труд рассек оковы плена —
Октября весенний гром
Прогредел по всей вселенной.

И Востока тяжкий сон
Был развеян тем порывом,
Солнцем дружбы озарен,
День настал в краю счастливом.

Сердцу кажется милей
И луны, и звезд сиянье:
В глубине родных степей
Слышно трактора урчанье.

Став свободным навсегда,
Человек в борьбе суровой
Мудрой силою труда
Мир творит большой и новый.

Ныне блещут в небесах
Ночью зори золотые,
В электрических лучах
Горы, рощи молодые.

Ветры вольные поют:
«Будь в одном ряду с бойцами,
Славь упорство, смелость, труд,
Зажигай сердца стихами».

Счастья молодость не ждет
От аллаха иль пророка,
А сама его кует
На своей земле широкой.

Но восстаний алый стяг
Полыхает нам всё чаще,
И дворцы колеблет страх
Перед силой той бурлящей.

Нашей жизни яркий свет
Беднякам и всем бездельным,
Всем рабам — прямой ответ,
Как пробиться к высям вольным.

Этот день уже встает,
День всемирный, всемогущий,
И планету обоймет
Коммунизма сад цветущий.

1928

Перевод с узбекского

СССР! Он весь растет,
Летит за ленинской звездой.
Не удержать его полет
Былого рваною уздой.

Лохмотья прочь! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Неслыханных противоречий.

Взгляни на карту. Как медведь,
Ломая клеть меридианов,
Союз на полюс поглядеть
Прилег к седому океану.

И, словно горсть посевной ржи,
Рассыпанная в пустошь мира,
Тысчонка городов лежит,
Кой-где рассеянная сиром.

Кругом бегут леса стремглав,
И воют реки по безлюдью.
Земля глядит из диких трав
Кой-где распаханную грудью.

В просторах дикой тишины
Глощают бешеные ветры
Едва родившейся страны
Несчитанные километры.

Тираны знали с давних лет:
Для трона крепче нет подножья,
Дороги к рабству лучше нет,
Чем тьмы народной бездорожье.

Но загорались очаги,
И горны молнии ковали.
Тиранства дерзкие враги
Рождались, падали и звали.

В подполье каждая доска,
В Сибири каждая тропинка
Потела кровью бедняка
Перед Октябрьским поединком.

И вот, под заревом невзгод,
Мечта и месть, огонь и злоба,
Сметая всё, что жизнь гнетет,
Россию вынули из гроба.

Взгляни на карту! Не узнать
Смиренной родины Толстого!
Бушует юная весна,
Снося развалины былого.

Слепых губерний темнота
Восстала радугами наций.
Пустынь иссохшие уста
Уже с каналами роднятся.

Сверкают дали всё густей
Огнями домны алозвездой.
И тонет в стройке областей
Тоска заплеванных уездов.

Руками врубовых машин
И жалом бурова стального
Тепло мы тянем из глубин
На стройку счастья мирового.

Мы человечество ведем
На волю из позорной клетки.
И смотрит будущим вождем
Питомец каждой семилетки.

Дружней напор! Смелей порыв!
Пусть от работы ноют плечи,
Мы одолеть должны наплыв
Неслыханных противоречий.

1928

99. СТАРОЕ НЕ ВЕРНЕТСЯ!

Злое старое время,
С чем ты можешь сравниться?
Только с черною тучей,
Только с мраком темницы!

Но однажды великий
Гром на севере грянул,
Стрелы молний блеснули —
И народ мой воспрянул!

Освежающий ливень
Хлынул с облачной кручи.
Резкий ветер повеял —
И рассеялись тучи.

Разлилась по просторам
Животворная влага.
Слава светлому чуду,
Чуду красного флага!

О сверкающем солнце
В новых песнях поется.
Злое старое время
Никогда не вернется!

1928

Перевод с туркменского

Всеволод Рождественский

100. ОКТЯБРЬСКАЯ ПОГОДА

Мне не спится. На Неве смятенье,
Медь волны и рваная заря.
Мне не спится — это наводнение,
Это кашель пушек, вой завода,
И такая, как тогда, погода —
Двадцать пятый вечер Октября.

Знаю, завтра толпы и знамена,
Ровный марш, взметающий сердца,
В песне — за колонною колонна...
Гордый день! И, глядя в очи году,
Я хочу октябрьскую погоду
Провести сквозь песню до конца!

Было так: Нева как зверь стонала,
Серые ломая гребешки,
Колыхались баржи у причала,
И царапал стынувшие щеки
Острый дождь, ложась, как плащ широкий,
Над гранитным логовом реки.

Пулеметы пели. Клювоносый
Рвал орел живую плоть страны,
В бой пошли балтийские матросы
Черным ливнем на мосту Дворцовом,
И была в их облике суровом
Соль и горечь штормовой волны.

Во дворце дрожали адвокаты,
И штыки точили юнкера,
Но висел над ними час расплаты.
И сквозь дождь октябрьской непогоды
Завывали черные заводы
У застав, на Выборгской — пора!

Так об Октябре узнают дети.
Мы расскажем каждому из них,
Что на новом рубеже столетий
Не было тревожнее напева,
Что в поэме пламени и гнева
Этот стих был самый лучший стих!

1928

101. ОКТЯБРЬ

Кривой забастовок,
Штандартом войны,
Зарубками в памяти
Крепкие даты.
На шатких границах
Усталой страны
Солдаты! Солдаты!
Солдаты! Солдаты!
Сквозь стужу,
Сквозь строй офицерской толпы,
Сквозь ропот теплушек,
Сквозь гул одичалый
Рабочий призыв
Прозвучал как начало,
Начало великой Октябрьской борьбы!

Назад повернулся
Мерцающий штык,
Размыты пустые
Ложбины окопов.
На север! На север!
Мерлушковым скопом
На Питер!
Потопом
Попер фронтовик.
Решимость — в глазах
И в подсумках — свинец.

В нахмуренном Смольном
Огни и дозоры,
И вот бронированный корпус «Авроры»
Наводит орудья
На Зимний дворец!

Так буря рождалась,
Чтоб стать ураганом,
Так миг становился
Огромным, как век,

Так с волей железной
И черным наганом
К великой победе
Прошел человек!

Пусть муки Поволжья!
Пусть выжженный хутор!
Седых матерей
Неутешная грусть.
И крики голодных,
Раздетых, разутых,
И мертвое тело товарища — пусть.
Над миром —
Огонь пятикрылого знака!
Вскипает прибой
Молодых голосов
И длится металла и мысли
Атака
В громадах сверкающих корпусов.
В аулах, в глухих кишлаках
И селеньях
И клубы и школы
Народа полны!
Мы бьемся с отвагой
И прежним терпением
На этих
Иных Перекопах страны!

Республика!
В край буревой непогоды,
С равнин Беломорья
До горных озер,
Идут закаленные
Нужные годы,
Встает молодой
Удивленный простор.

1928

102. КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Нам выпало счастье — в нелегкие годы,
Решая оружием судьбы веков,
Сорвать навсегда с трудового народа
Омытое кровью железо оков.

Мы в пламени грозном прозрели недаром,
Мы яркие искры бросаем во тьму,
Чтоб мир, озаренный Октябрьским пожаром,
Дорогу нашел к торжеству своему.

Пусть ярче пылает победное пламя
И ширятся песни борьбы и труда,—
Зловещие совы своими крылами
Рассветных лучей не затмят никогда.

По пыльным дорогам летят эскадроны,
Напрасно оружием враги нам грозят,—
Над нами багряные реют знамена.
Товарищи, к бою! Ни шагу назад!

1929

Перевод с узбекского

Николай Асеев

103. ОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Революцию сравнивают —
кто с любимой,
кто с вихрем,
кто с тканью,
кто с валом девятым,
кто с бурей,
плывущим
кто с дымом,
над взметывающимся
костром.

Костер отгорит,
и любимая бросит,
умолкнут валы,
и выцветет ткань,
и будет волос
одинокая проседь,
как пепел, горька
и, как дымы, едка.
Октябрьская ж песня,
без фальши,
без лени,
таких
не выдерживает сравнений.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать.
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им.
Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Ревели враги:
куда уцелеть им,
вшивым,
безграмотным,
пьяным
да нищим,—
а мы обернулись
десятилетьем,
нам — торжеством,
а им — кладбищем.
В притупленной злобе,
в звериной обиде
их тени бледнеют,
оружие ржавится,
но даже они
понимают и видят:
она продолжается.
Сердцам миллионов
с громадою биться:

кто лень отбивает,
делам Октября
кто с грязью сражается,
ни на миг не забытья:
они продолжают.
На плечи навьючив
тяжелые выюки
госпланов,
госзаймов,
заданий
и дел,
идем,
как в семнадцатом
шли во вьюге,
века подпирая
тяжестью тел.
Идем
и не верим,
что где-то воздастся:
за путь нам награда —
тревоги годá;
и новое в мире
растим государство,
не виданное
нигде
никогда.
И дальние взоры
и давние страны
усилие наше
влечет и томит;
их нашими
ломит тяжелыми ранами
и радует
нашими радостями.
И мы,
замощая ухабы и ямы,
подмог не торопим,
не требуем жалости;
в одно призываем
мы верить упрямо:
она продолжается.
Кò дну оседает
тревоги осадок.
Расти,

наша сила,
на день со дня,
чтоб нынешний
первый
сочтенный десяток
окреп и возрос
и считался на сотни.
Года
не идут вспять,
с годами
нельзя спать.
Года
не горят в дым,
нельзя
угасать им.
Годов
не сгасить пыл,
в них вечен
запас сил.
Идти заодно
с годами всегда,
где руки не слабнут,
глаза не смежаются.
И знать,
и помнить,
и верить в одно:
она — продолжается!

1929

Переу Маркиш

104. ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

Путь — в гору! Ввысь! Прямее переходы!
День ото дня увереннее шаг!
Мы с лампами на лбах раскалываем годы,
Как антрацит в седых глубинах шахт!..

И даль шумит, день ото дня огромней,
И в каждом шаге — родовая боль.
Как уголь, глыбами мы катим время к домне,
Переплавляющей всемирную юдоль.

Сплетаются пути, как руки человечьи,
И дали ширятся, день от дня светлей,
И движется грядущее навстречу
Стогами золотистыми с полей...

Песчинка слабая и исполинский камень
Стать молотом хотят, и молят об одном,
И алчут одного: «Возьмите нас руками
И киньте в горн, и мы смешаемся с огнем!»

Дорога — в гору! Ввысь! Прямее переходы!
И горькой кровью битв разит от кирпича...
Мы с лампами на лбах крушим и колем годы
Как в шахтах уголь колется сплеча.

Наш пульс гремит, как толпы на рассвете,
И сердце пенится, как океанский вал,
Как телеграфные столбы, стоят столетья...
Эй, в гору, в гору, ввысь — и через перевал!

Мелькают города, и даль лежит — огромна.
Взывает к полночи рожок грузовика...
И уголь глыбистый проглатывает домна,
Переплавливающая ржавые века.

Мы — молодость страны, мы — в силе и расцвете,
И чувствуем себя день ото дня бодрей,
И, стоя на горе в развернутой заре,
Встречаем первое Октябрьское столетье!

1929

Перевод с еврейск

Виссарион Саянов

105

Семнадцатилетние мальчики,
Вы запомнили пули и топот,
Те дороги, которые юность,
Как дружную песню, вели,
В полуночных разведках,
В перестрелках накопленный опыт

*

*Д*рожит земля победным гимном:
«Аврора» гордый шлет снаряд —
И падает надменный Зимний
К ногам рабочих и солдат.

*

*Г*ремят мятежные раскаты,
Гудит набата красный звон,
Мир угнетенья, мир проклятый
До основанья потрясен!..

*

*Ж*естокий враг над юною свободой
Занес булат.
На вольный край опять идут невзгоды.
Гудит набат.

*

*Б*ылое не вернуть. Кровавый,
мутный взгляд
Погаснет навсегда под дуновеньем
бури,
Найдён борцами путь
к немеркнущей лазури.
Знамена зорь пленительно горят.

*

*Ф*лаг кумачовый на скудном шесте,
Поступь упруга, не гнутся колени.
Каждое сердце в палящей мечте
Лелеет весеннее слово «Ленин»!

*

*П*ришла пора. И в эту пору
К иной заре сердца пришли —
Иную мы зажгли Аврору
Для всех людей, для всей земли!

ВРАГ У ВОРОТ!!!

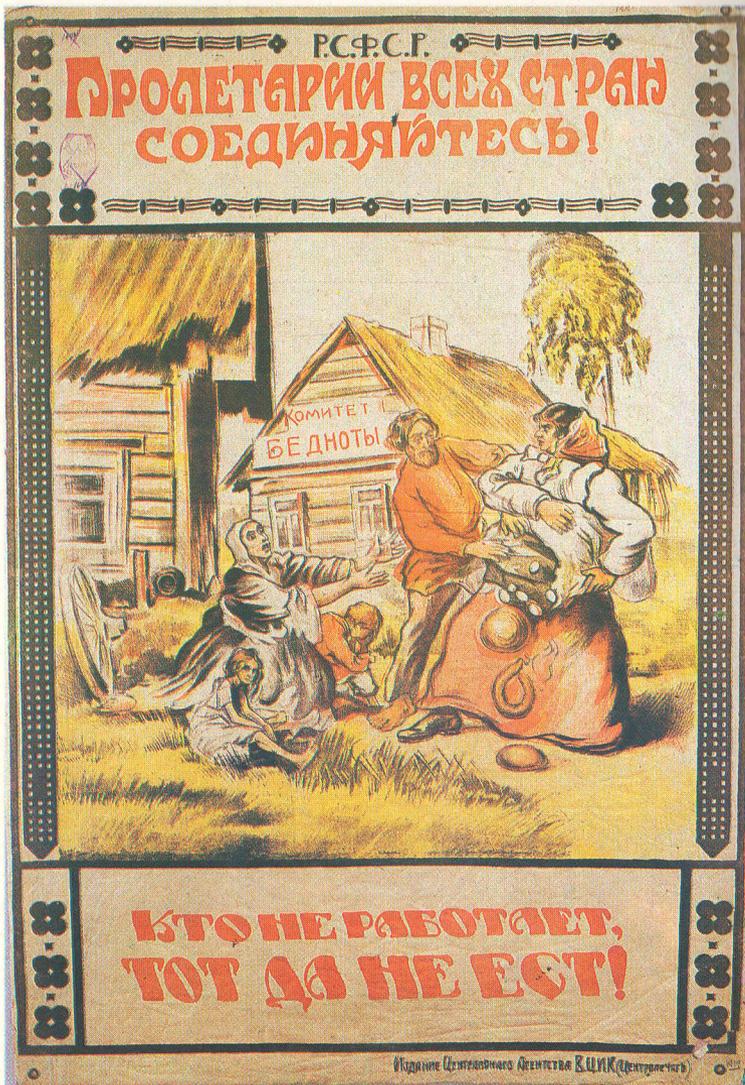
ВСЕ НА ЗАЩИТУ ПЕТРОГРАДА

СХЕМА УЧАСТИЯ В ВОЙНЕ ВОД. МАШИНЫ
ИЛИ ТАКЖЕ ЗАЩИТУ ВОД. МАШИНЫ. В.А.

ТЫ

ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?

Р.С.Ф.С.Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

1) СЫ ИСТОРИЯ БЫЛА
В ИЕНСЕЙ РЕСПУБЛИКЕ.
БАБА НА БИЗАР ПОДЫЛА
А У БАБЫ БУБЛИКИ.

2) СЛЫШИТ ТЕНУТ БЛИЗБЕ.
МУЗЫКОВОЙ ВЕЕТСЯ
БИТЬ НА ФРОНТЕ ПЛАВОВЕ
МЫНТ ПРАСНОДРУМЕРЦЫ.

ИСТОРИЯ ПРО БУБЛИКИ И
ПРО БАБУ НЕ ПРИЗНАЮЩУЮ
РЕСПУБЛИКИ

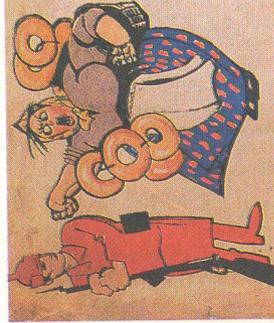
3) УКАЗЬ ХОДЯ ОДНУЮ
ГОВОРЯТЬ ЕНТЕТА -
БЫВАЮТ ДАЙ ПОЛОДНОУ!
ВЫЖ НА ФРОНТ НЕДЕТЕТЬ?

4) КОЛЬ БЕЗ ДЕЛАВКАЕТ РОГ-
БУД СЛАБ КАК ТРОЦЦ

5) ПАН РЕСПУБЛИКУ СОВЕЕТ-
ЕСИИ БУДЕТ ТОЦЦ

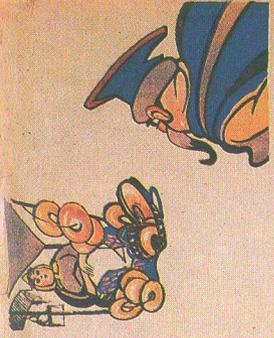
6) БАБА РОЛЫВАЮН В ЖИТЬ
НЕОСТАЮТ БУБЛИКИ!

ПРОЧЬ СЛУЖИВЫЙ ОТВЯНИС
ЧУРТА ЛЮННЕ В РЕСПУБЛИКЕ ?!

7) ШЕЛ ПАНУ ПОКА И ХИИ ТРОЦ
ПОНАЖИДЕ СОВЕРШЕНЕ.

ИКС СМЕЛА ПАНОВА ТУШ
В ДЕРВОУ ЛЕ СРАЖЕШИИ.

8) УМЧИТСЯ ПАН И ДОТЯРА
СЧЕТЕТЬ ПЕСА РАБОНИ?

К ЛУДЛОИ БАБЕ НА БИЗАР
ВЫЕС ОН МЕЖКУ ЛЮЧИИ.

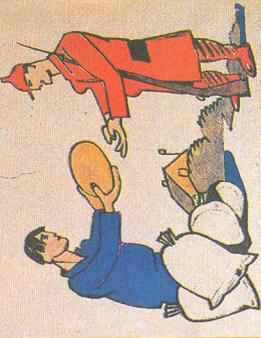
9) ВИДЕУТ ПАН БЕЛАЖИРИИ
БАБА МЕЖКУ ЛУБЛИКИ.

МИГ-И СЕДЕИ ОНА.
И ОНА И БУБЛИКИ.

10) ПОСРОСТИ НА ПОДНАВЬ ВАРОВА
НА КРЕСТЯН НА СУПНИКА

НАСО ВОВРЕГЯ КОРМИТЬ
КРАСНОГО ЗАМЧИТНИКА!

11) ТАК КОРМИТЕ-И НОРСКИХ РЫБ
ХУБ НЕИ БЕИ ДНО

ГРИБЫ ЖЕБЕ ПОДБИТЬ
ВРЕСТЕ С ПОЛОДОИ!

ВЛАДЫКОЙ МИРА БУДЕТ ТРУД

НАМ СТРОИТЬ КОММУНИЗМ • НАМ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ

И вечерние дали
Завещанной вьюгам земли.

Знаю, в Смольном тогда
Вы стояли в ночном карауле,
И Ильич, улыбаясь,
Встречал из-за Нарвской ребят.
Наша юность прошла,
Эти годы давно промелькнули,
Но они посейчас
В нашем сердце немолчно гудят.

Вместе с нами росли
И деревья высокого сада,
Мы не знали тоски,
Но кипело волнение в крови...
Вечерами теснятся дожди,
На рассвете приходит прохлада.
Поколение наше,
Ты меня трубачом назови.

Барабанщиком ставь
В ряд большого пехотного строя.
Я учу тебя песням,
Выдай на руки нынче ж ружье,
Чтобы вместе с тобой
На просторы грядущего боя
На октябрьской заре
Пробивалось сердце мое.

То — совсем поутру,
То — в двенадцать часов пополуночи,
Проходя по путям,
Под раскаты грохочущих труб,
Я опять узнаю
Тех, которые больше не юноши —
Мужская упрямая складка
Легла возле губ.

Я их вновь узнаю
Среди сабель и пик эскадронов,
В тихом дне типографий
И в сумраке угольных шахт,
Прохожу торопясь,

Только за́ плечи запросто тронув,
Как в походном строю,
По команде равняя свой шаг.

Сразу буря берет нас
И снова выносит на берег
Пятилетки труда
И заводских ударных бригад.
Поколение наше
Берет все барьеры Америк.
Сто дорог впереди,
Ни одной не осталось назад.

Но, ровесники бури,
Сыновья трудового народа,
Если грянет война
И в полях заклубится метель,
Мы готовы опять
К перестрелкам большого похода,
Мы начистим штыки
И привычно скатаем шинель.

1929

Египше Чаренц

106. 25—26 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Отрывок

Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые...

А. Пушкин

И тучи и Нева темна,
Нева колотится в гранит,
и над дворцами пелена
дымообразная висит.
Как бы незримая рука
сегодня угрожает им.
По беспредельным мостовым
поток движется сплошным
встающий на борьбу народ:
он без конца идет, идет...

И тучи. Серая река, взволнована и широка, качает волны. Вдалеке — грузно сидящая в реке «Аврора». Зимний, словно пес, застыл и смотрит пред собой. Страх всё растёт. И страх двойной в безликий ужас перерос, любой минутою сгущен, всё тяжелей и резче он. Страх всё растёт. И там, вдали, за Зимним, близко от Невы, там, где неукротимы львы, которые в стихи вошли великого поэта, — там на улице орудий ряд. ...И пальцы тонкие дрожат у женщины. Стоит она, тревогою поражена. Ей страшно — и она бледна. Не удержать ее рукам винтовки, чей приклад — как лед, и холод давит и гнетет. Дыханье вихрей и дождей пронизывает до костей. Всё ищет женщина врага, — так где ж он? Пусты берега. Страх всё растёт.

Но почему здесь эта женщина? И страх зачем застыл в ее глазах и на лице? В туман и в тьму, в неповторимый ход минут кто женщину поставил тут? Страх всё растёт.

Страх всё сильнее, хотя едва не рядом с ней — ведь до него подать рукой — ее знакомец дорогой, ее возлюбленный. Она его так любит. Так нежна она к нему. И, как герой, она сражается с «ордой» большевиков по целым дням, —

и страх гнетет. Хотя вон там
ее любимый трубадур,
но страшно ей вдвойне, втройне.
Дворцы в какой-то пелене:
туман на них глядит в упор.

Так обрати сюда свой взор —
на профиль, нежный, как фарфор,
и тонкий, словно медальон,
на эти руки, что дрожат.
Вот эта женщина — солдат,
чей амазонский батальон
от бедствий защищать готов
глухие комнаты дворцов,
где некогда царил устав
екатерининских забав...

И страх всё возрастает...

Там,
поближе к разъяренным львам,
где точит медленная мгла
Сената стену, где скала,
как бы сорвавшаяся с гор,
на смутной площади легла,
и высока и тяжела,
и руку с высоты простер
великий царь в сырой простор,—
там, недалеко от столпа,
стоит с оружием в руках
и смотрит на дворцы толпа.
Растет, как испытанье, страх.
Ты сможешь ли воспеть в стихах
величье мглы и этот вал,
который троны расшатал...

Страх всё растет. И, словно в дым,
предсмертный миг в туман ушел,—
и Медный всадник так тяжел,
что конь шатается под ним...

Страх всё растет.

И, где река

туманом скрыта, широка,
волну вздымает за волной,—
там высится совсем иной,
тяжелый, непрístupный дом.
Был монастырь когда-то в нем,
потом учились в доме том,
кадриль водили, вновь и вновь
играли в ревность и любовь.

И был любой аристократ
взять в жены институтку рад...

А нынче здесь как будто бой,
весь дом за гранями оград,
все переулки, площадь, сад
суровой заняты толпой.

Здесь нынче встали в свой черед
машины бомбометных рот
и пулеметов виден строй.

Здесь армия в гнезде своем,—
такую где еще найдем?

Страх всё растет.

И здесь сейчас
в одной из комнат небольших
подвижный человек затих.

Он, улыбаясь, шурит глаз.

И сразу вдруг, взглянув назад,
весь повернулся. И опять
работает прилежно он.

По одному, чтоб не мешать,
к нему идут. За ним стоят
в дверях два красных часовых.

Не в тезисы ли погружен,
работает прилежно он?

Но только звякнул телефон,
со стулом вместе, сразу, вдруг,
он повернулся. Он из рук
не выпускает трубки. Строг
и озабочен человек.

И вдруг как будто бы толчок
потряс его: «„Аврора“?.. Да...

Все держатся?.. Ну, что ж...» Тогда
минута обратилась в век.

Он думает. Он онемел
всего на миг один. Потом
он дышит в трубку жарким ртом.

Приказ он кратко отдает,
его приказ:

«Начать обстрел!»

Страх всё растет.

1929

Перевод с армянского

Павел Васильев

107. ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Сквозь тусклые окна
В рассветную рань,
Под кухонный марш
Примусов желтолицых,
Приученным цветом бледнеет герань
И фикусы чахнут в домашних теплицах.
Вдыхая прогорклый
И медленный чад,
На стеклах скучают
Тяжелые мухи.
Здесь сонные стены потупили взгляд,
Ржавая в обойной глухой золотухе...
Костлявые лестницы
Робко ведут,
Раскинув руками
Крутые перила,
Туда, где, проснувшись, постельный уют
Пропых ароматами пудры и мыла.
Качаясь в седых
Гамаках паутин,
Старела тяжелая
Ночь непробудней,—
Над флюсом подушек,
В удушье перин
Надсаженно кашляют скудные будни.
Предутренний рынок,
Врываясь сюда,
Сочится густым
Окровавленным мясом,

Литавры тарелок гремят, и вода
В набухнувших трубах гудит контрабасом.
Среди тупиков
На восьмом этаже
Опять заблудилась
Худая простуда,—
Девичьи мечты о флаконах ТЭЖЭ
Томятся в усталом бреду «ундервуда»...
Чахоточный день,
Надломившись, поник
Под грузными арками
Сгорбленных сводов,
И мерная скука бухгалтерских книг
Хранится в влюбленной тоске счетоводов.
В надежно укрытой от бурь тишине
Здесь время плывет допотопной неделей,
И дремлют на выцветшем синем сукне
Отвисшие шеи бульдожных портфелей.
В угодливых масках
Пергаментных лиц
Питомник мещан
Захлебнулся в корыте:
Он стаями вкрадчивых, жадных мокриц
Внимает сквозь узкую щель общежитий.
Пускай обывательский
ЦИК уцелел,—
Индустрия зорко
К врагу повернула
Задымленных труб
Орудийные дула
И комнаты эти взяла на прицел.
Булыжную поступью
Роты домов
Вскипающим митингом
Вышли на площадь,
Где полдень тугие знамена полощет
Горячим разливом багровых ветров.
Сквозь вялую пыль
Неживого старья
Мерцающей пылью
На мертвой портьере
Стремительно-свежий сквозняк Октября
Упрямо ворвется в закрытые двери.
Под солнечным ливнем,

Нахлынув в упор
Под мелкую дрожь
Шепелявых акаций,
Подбитые крылья раскинет у штор
И примет кремлевский салют демонстраций

(1930)

108. ПЕСНЯ О ГИБЕЛИ КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Отрывки из поэмы

*

Красная Армия!
Бои, бои!
В цоканье сабель, пуль и копыт
Песни поют командиры твои,
Ветер знамен над тобою шумит.
Стелется низко тревожный шум,
Смолкли станицы по Иртышу.
Слушайте песню, песню о том,
Как по бурьяну, что черен и ржав,
Смерть пробегала с горячим штыком,
Рыжие зубы по-волчьи сжав.
В степь погляди — ни звездьы, ни огня,
Слушай, товарищ, штык наклоня,
Кони подвешены на удила.
Слушайте, конники,
Стук сердец.
Чтобы республика зацвела,
Щедрой рукой посеем свинец.
Звезды погаснули и огни,
Саблею небо располосни.

Песня, как молодость, горяча,
Целятся в небо зубы коней,
Саблею небо руби сплеча,
Чтобы заря потекла по ней!

Гудок паровозный иль волчий вой?
Видишь, уже светло, часовой.
Видишь, уже над тобой рассвет,
Ветренный и огневой.

Видишь, рассвет над тобой, и нет
Лучше в мире его!
Утренний ветер в лицо подул.
Смирно, товарищ! На караул!

Через пески в золотой пыли
Красноармейские роты шли —
В ясные ночи, в синей пыли
Краснознаменные
Роты шли.

Голод, и смерть, и сон поборов,
Пели товарищи у костров:

«Вейся, пташка-вольница,
Птица-воробей.
Бей казачью конницу,
Анненковцев бей!

Кожана рубашечка,
«Мáксим»-пулемет.
Канарейка-пташечка
Жалобно поет.

Полымя-пожарище,
Гола степь и лес,
Мы прошли, товарищи,
Штык наперевес».

Голод, и смерть, и сон укротив,
Через пожары, снега и тиф,
Через пески в золотой пыли
Люди, как призраки, пели и шли.
В ясные ночи, в синей пыли
Падали, пели и снова шли.

Зла, весела и игрива
Смерть на ветру. Туман.
Морда коня и грива,
И над ней барабан.

Что́ ты задумал, ротный,
Что́ ты к земле прирос?
Лентою пулеметной
Перекрестись, матрос.

Видишь, в походной кружке
Брага темным-темна.
Будут еще подружки,
«Яблочко» и веснушки,
Яблони и весна!

Красная Армия!
Бои, бои!
В цоканье сабель, пуль и копыт
Песни поют командиры твои.
Ветер знамен над тобою шумит.
Голод, и смерть, и сон поборов,
Пели товарищи у костров.
Песня тогда приходила, как мать,
Через заставы к нам на привал,
Гладить ладонями и обнимать,
Долго глядеть в глаза запевал,
Голод, и сон, и смерть укротив,
Через пожары, снега и тиф.

«Как летела пава
Через сини моря,
Уронила пава
С крыла перышко.

Мне не жалко крыла,
Жалко перышка.
Мне не жалко мать-отца,
Жалко молодца...»

*

Белоперый, чалый, быстрый буран,
Черные знамена бегут на Зайсан.
А буран их крутит и так и сяк,
Клыкастый отбитый волчий косяк.
Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Атаманша-сабля вся в седине?
Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?
Атаман, откликнись, по чьей вине
Коршуном горбатым сидишь на коне?
Белогрудый, чалый, быстрый буран,
Черные знамена бегут на Зайсан.

Впереди вороны в тринадцать стай,
Синие хребтины, желтый Китай.
Позади, как пики, торчат камыши.
Полк Степана Разина и латыши.
Настигают пули волчий косяк,
Что же ты нахмурился, молчишь, казак?
Поздно коня свертывать, поди, казак,
Рассвет как помешанный пляшет в глазах.
Обступает темень со всех сторон,
Что побитых воронов — черных знамен.

*

Круг по воде и косая трава,
Выпущен селезень из рукава.
Крылья сложив, за каменья одна
Птичьей ногой уцепилась сосна,
Клен в сапожки расписные обут,
Падают листья и рыбой плывут.
В степи волчище выводит волчат,
Кружатся совы, и выпы кричат.

В красные отсветы, в пламень костра
Лебедем входит и пляшет сестра.
Дарены бусы каким молодцом?
Кованы брови каким кузнецом?
В пламень сестра моя входит и вот
Голосом чистым и звонким поет.
Чьим повеленьем, скажи, не таи,
Заколосилися косы твои?
Кто в два ручья их тебе заплетал,
Кто для них мед со цветов собирал?

Кончились, кончились вьюжные дни.
Кто над рекой зажигает огни?
В плещущем лиственном неводе сад.
Тихо. И слышно, как гуси летят,
Слышно веселую поступь весны.
Чьи тут теперь подрастают сыны?
Чья поднимается твердая статья?
Им ли страну теперь володать,
Им ли теперь на ветру молодом
Песней гореть и идти напролом?

Синь солончак и звездою разбит,
Ветер в пустую костяшку свистит,
Дыры глазниц проколола трава,
Белая кость, а была голова,
Саженная на саженных плечах.
Пали ресницы, и кудерь зачах,
Свяли ресницы, и кудерь зачах.
Кто ее нес на саженных плечах?
Он, поди, тоже сигарку крутил,
Он, поди, гоголем тоже ходил.
Может быть, часом, и тот человек
Не поступился бы ею вовек,
И, как другие, умела она
Сладко шуметь от любви и вина.
Чара — башка позабытых пиров —
Пеной зеленой полна до краев!

Песня моя, не грусти, подожди.
Там, где копыта прошли, как дожди,
Там, где пожары прошли, как орда,
В свежей траве не отыщешь следа.
Что же нам делать? Мы прокляли тех,
Кто для опавших, что вишни, утех
Кости в полынях седых растерял,
В красные звезды, не целясь, стрелял,
Кроясь в осоку и выцветший ил,
Молодость нашу топтал и рубил.
Пусть он отец твой, и пусть он твой брат,
Не береги для другого заряд.
Если же вспомнишь его седину,
Если же вспомнишь большую луну,
Если припомнишь, как, горько любя,
В зыбке старухи качали тебя,
Если припомнишь, что пел коростель,
Крепче бери стариков на прицел,
Голову напрочь — и брат и отец.
Песне о войске казачьем конец.
Руки протянем над бурей-огнем.
Песню, как водку, из чашки допьем,
Чтобы та память стгорела дотла,
Чтобы республика наша цвела,
Чтобы свистал и гремел соловей
В радостных глотках ее сыновей!

1929—1930

109. ОКТЯБРЬСКИЕ СТРОКИ

Иной поэт мне кажется Бетховеном,
Что слушал бурю, мысленно ей внемля.
Сказав «прости» заоблачным диковинам,
В противность им спустились мы на землю.

Мы высыпали из дому на улицу,
Где ходят массы световой завесой.
Затянем гимн, по-новому разгулистый,
Мы, выросшие по часам Загэса.

Мы жидкой стали пропитались тяжестью,
И наши песни возмужали с нами.
Уже луна нам знаменем не кажется,
А общность темпов — ныне наше знамя.

Волшебную-новую возводят Грузию.
Послужим ей всей нашей правдой новой.
Чем наши руки будут заскорузлее,
Тем полновесней всколосится слово.

Как никогда, зовут гудки фабричные.
В ряды со мной, друзья и однолетки!
Поэзию живит одно сверхличное,
И тем же дышат люди пятилетки.

Найдем слова, рожденные строительством.
Бессонность сроков изберем размером
И нормы прежних выработок вытесним,
Одушевляясь партии примером.

1930

Перевод с грузинского

Гафур Гулям

110. НА ПУТЯХ ТУРКСИБА

Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Здесь Руми Искандар,

кровопийца Чингис,
и Джучи-ягуар,
и Тимур,
всё живое губя,
крови требуя,
крови требуя,
как буран горячи,
поднимая мечи,
пронеслись,
нанося за ударом удар.
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Здесь народ-каландар,
миллионы рабов и сирот,
открывая со стоном
почерневший от горя и голода рот,
обреченные,
немошные и униженные,
через выжженные
просторы земли,
спотыкаясь, в оковах прошли,
насекомым подобно, в пыли проползли,
хлеба требуя,
хлеба требуя,
как за муки единственный дар.
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Сколько вер,
провозя свой товар,
Кон-Фу-цзы,
толпы лам и ислам,
караванами
по солонцам и барханам,
воскликая во славу бурханам
и в бубны бряцая,
жертвы требуя,
жертвы требуя,
здесь, вот именно
здесь прошли с обещанием рая
и с угрозой неслыханных кар.
Здесь поставил один
на оплечьях

гор окраинных
башен убор.
А другой — вывел свода шатер
не из камня,
а из черепов чело­вечьих.
Третий, бешено яр,
пожирая простор,
как пожар или мор,
пролетел
и полмира кладбищем простер
от волны Далай-Нора
по далекий Памир.
Власти ради своей,
славы ради неистовствуя,
все они,
все они
здесь прошли вереницами хмар...
Очень стар,
неза­памятно стар
этот путь...
Порождение древнего мрака,
хищник,
окровав­лён­ной короной
венчан­ный,—
по единому знаку
руки его
страны
дыханьем сжигал аждыхар,—
от Пекина и Ханки до Рума и Киева
и от Ганга до камских булгар,
поднимая знамена,
гремя в барабаны,
здесь прошел
и пропал,
сгинул, как наваждение чар.
Очень стар,
неза­памятно стар
этот путь...
Даль безмолвней лазурных озер,
над которыми спит ветерок, как чабан
близ пасущихся мирно отар.
Ведь не каждое утро
хро­мая собака
или бешеный волк

будут лаять и выть,
и в ответ —
барабаны греметь среди мрака
и свирепую конницу в битву будить.
Эту ширь самый грозный подход,
словно в озеро брошенный
камень,
всплеснет
и на миг горизонт всколыхнет...
И уснет,
смолкнет
тех берегов крутояр...
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
И теперь некий новый батыр,
но не царь,
ужасающий зверствами мир,
не грабитель земель,
не губитель культур,
а строитель,
разбивший насилья скрижаль,
сокрушивший владычество ханов и бар,
тот, что вывел народы из тюрем и нор
на свободный цветущий простор,
на которого смотрит с надеждой весь мир,
весь земной
им разбуженный шар,
здесь со славой прошел,
символ освобожденья —
серп и молот
подняв над землей...
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Но отныне на нем лишь один властелин —
богатырь,
тот, что слил воедино
Туркестан и Сибирь
и бескрайнюю ширь —
от далекого Улан-Батора
до Москвы и бухарских чинар —
в пашни, в пастбища и в сады превратил.
Очень стар этот путь...

Но теперь по нему,
 грохоча во сто пар
своих победоносных колес,
мчится зычноголосый
 колосс паровоз,
извергая дыханием пламя и пар,
 как скакун легендарный тулпар,
вместо шпал
 суеверий каноны топча,
вдаль вонзая, как два огневые меча,
 два могучих луча
 своих фар.
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...

Но теперь по нему —
 от людей обездоленных
Индостана и Афганистана —
поздравления и пожеланья побед,
 вдохновенный привет
от миллионов
 наших друзей
вслед стальным караванам
 к нам летят
из-за океанов
и пустынь, что мертвее

Сахар...

И теперь по нему,
 по пути, что так стар,
где усталый навьюченный нар
сквозь жару, и снега, и степной ураган,
 через марева фата-морган,
от колодца к колодцу
 под звон бубенца
по пустыне,
 качаясь, шагал месяца,
вереницей летят эшелоны,
 мчатся хлеб, и железо, и лес, и руда
днем и ночью, как неотвратимый,
 бессонный,
в грудь врага устремленный удар,
чтоб скорее покончить с врагом
 навсегда,
чтоб исчезла беда навсегда без следа,

Айда, бойцы,
заряди наганы,
во все концы
шевели ногами...»

Так летели вдаль они,
через все мосты,
нарядив медалями
конские хвосты.

Нарядив погонями
собачьи зады,
хвастая погонями
на всякие лады.

Лошадей не пятили,
падая в дыму,
все мои приятели —
один к одному.

Ну — скажу вам — публика!
Ей ли тужить?
За спиной Республика
продолжает жить...

1930

Александр Прокофьев

112. МЫ

Мы — это воля людей, устремленных
только вперед, вперед!

От Белого моря до Сан-Диего слава о нас идет.
Огромные наши знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.
В семнадцатом (глохни, романтика мира!) мы бились,
как черти, в лоск.
Каждый безусым пошел на фронт, а там бородой оброс.
В окопах выла стоймя вода, суглинок встал на песок.
Снайперы брали офицеров прицелом под левый сосок.
И вся страна была в огне — и мы по всем фронтам.
Шпиг и солдатский английский френч мы добывали
там...

Земля, война, леса, война... Земля была пуста.
Мы перебили всех ворон, всех галок на крестах!
Мы взяли вновь свою страну, мы в громе битв клялись,
Мы били белых под Орлом, под Жмеринкой дрались,
За этот бой, где пала сплошь кровавая роса,
Нас всех, оставшихся в живых, берут на небеса!
Но нам, ребята, не к лицу благословенный край...
Я сам отправил четверых прямой дорогой в рай.
Тут арифметика проста — гудит свинцовый рык.
Четыре порции свинца — в обрез на четверых.
Таков закон моей страны, ее крутая речь.

Мы все обязаны ее, Высокую, беречь...
Мы — миллионы людей бесстрашных, те, что разрушили

По всем иноземным морям и странам слава о нас идет
На тысячу верст знамена — красный бархат и шелк,
Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.

1930

113. ОКТЯБРЬ

День вовсю раскрылся при пушечном раскате.
Министры заседали,
Стояли патрули.
Мы сказали прямо:
«Покняжили и хватит!»
По имени и отчеству прикладом провели.

Мы взяли их за шиворот,
За рукава с кистями.
Ударницы у Зимнего разбрасывали крик.
Мы запросто приехали
Незваными гостями
И дважды два ударили гранатой в половик.
И развернули плечи, и не хватало времени
Дать исповедь и отповедь скорерженным дубам...
И мы приноровились:
От подбородка к темени,
И прямым по сердцу,
И снова по зубам!

Мы грохнули ударниц до чертиков потешных,
Мы гнали кровь и воду до самой Костромы.
И Смольный нас запрашивал.
«По малости чешем!» —
Отплевающая зубы, ответствовали мы.

И щелкали обоймами.
И кровь вертелась пряжей,
Строчили пулеметами по перехватам рам.
Мы делали проборы от головы до ляжек —
Самым настоящим отборным юнкерам!

И всё это — начало развернутого спора,
Хотя в такое время взгремело много слов,
Хотя шестидюймовкой бабахнула «Аврора»
По всем орлам и решкам,
По чехарде ветров.

Хотя кричали вслед нам:
«Да что это?..
Да что вы?»
И всюду шло железо рискованной зимы...
Но мы уже летели
 На скорых
 И почтовых —
Советскую Республику приветствовали мы.

1930

Петрусь Бровка

114. ЗЕМЛЯ

Надрывалась земля
В своей муке исконной,
Человеческим голосом
Умоляла ты нас:
«Засевайте меня,
Убирайте любовно,
Чтобы жар в груди моей
Не погас».

Мы же рвали ее
На клочки,
На делянки,
На полоски худые
Межой раскроив.
Подрастали
Сымоны, Рыгоры да Янки
И делили полоску
Одну на троих.

А декабрь приходил,
Посиневший от стужи,
Вихрь в амбарах пустых
На цимбалах играл,
Мы же только, ремень подтянув,
Да потуже,
Хлеб свой горький пекли
С лебедой пополам.

Из мякины тот хлеб
Был и горек и жёсток,
Застривал
На распухшей цинготной десне.
Выходили
Под стать мертвецам на погостах
И недолю встречали свою
По весне.

Много бед мы узнали
В нашей длинной дороге
И голодной тоски
За порожним столом,
Черный ветер бил в стекла,
И днем на пороге
Часто смерть появлялась
С холодным челом.

Но пришел наш черед,
Расквитались мы с ней,
Мы прогнали царя,
И жандармов, и пристава,
Чтобы ты нам,
Земля,
Расцвела покрасней,

Чтоб хватало для всех
Хлеба чистого.

А теперь мы избавим тебя
От невзгод,
С новым плугом идем,
Кормим калием,
Чтоб дарила ты нас
Каждый год,
Каждый год
Не одним,
А тремя урожаями.

1931

Перевод с белорусского

Виктор Гусев

115. ОКТЯБРЬСКИЙ СМОТР

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов,
И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.
И кажется мне —
начиная
пятнадцатый свой год,
Октябрьская революция
совершает ночной обход,
Она проверяет оружие,
она проверяет людей.
И прежде всего она спрашивает
каждого из нас:
«Под знаменем партии Ленина
идет ли рабочий класс?»

И мы отвечаем —
впрочем,
надо сказать точнее:

Автомобили АМО
за нас отвечают ей,
Молодые кузнечные домны
чугуном отвечают ей,
И ясли ей отвечают
ровным дыханьем детей.
Ее приветствуют школы
каракулями ребят,
Ей орденом салютуют
герои ударных бригад.
И хоть работы немало
и некогда им присесть,
«Вперед!» —

говорит Революция.

И они отвечают:

«Есть...»

Она проходит дальше,
и спрашивает она:
«А что моя Красная Армия,
по-прежнему ли сильна?»
Вопрос ее затихает,
встреченный тишиной.
Нельзя говорить часовому,
а армия — часовой.
И это лучше ответа,
недаром вопят в ночи
Французские генералы,
бухарские басмачи.
Недаром сжимается злобно
в расшитых шевронах рука.
Овладевают техникой
дивизии РККА.
Умножь ее на соревнование
и силы попробуй учесть.
«Готовьсь», —

говорит Революция.

И бойцы отвечают:

«Есть!»

Она проходит дальше,
и хочет она узнать:
«Быть может, сошла на Европу

Гуверова благодать?
Но полицейские залпы
оттуда гремят в ответ.
Глодает газ безработный —
самый дешевый обед.
С грохотом рушатся биржи,
пылает банкиров закат.
«Рот фронт»,— говорят ей компартии
на сорока языках.
Миллионы угрюмых рабочих
они ведут за собой.
«В бой»,—
говорит Революция.
И они отвечают:

«В бой!»

И дальше идет Революция.
И рапорт ей отдает
Мой девятьсот девятый,
довольно отважный год.
Он в призывных комиссиях
стоит, к обороне готов.
Его врачи выслушивают,
и он говорит: «Здоров».
И нам дают назначение
и круглую ставят печать.
Наша приходит очередь
Республику защищать.
Мы, конечно, молоды,
но поступь у нас тверда.
«Вперед»,—
говорит Революция.

И мы отвечаем:

«Да!»

Не глядя на непогоду,
презирая протесты дождей,
Идут молодые художники
к полотнищам площадей.
Они не жалеют красок,
они не жалеют трудов.
И вспыхивают плакаты
на улицах городов.
И вот выплывает в небо
холодная луна.
Осталась до годовщины
короткая ночь одна.

116. БОЛЬШАЯ МОЛОДОСТЬ МОЯ

Большая молодость моя,
Челом тебе, челом!

Большая молодость моя,
Ты рвалась напролом!

Большая молодость моя,
Лети, звени крылом!

Я вижу вновь тебя. Твой шум
Я слышу — это ты

Прошла в кругу заветных дум
Железные мосты.

Большая молодость моя —
Улыбка теплых губ!

Большая молодость моя —
Мой комсомольский клуб!

Большая молодость моя,
Зеленолистный дуб!

За счастье и печаль в борьбе
Я кланяюсь тебе,

За всех земной поклон тебе,
С кем встретился в борьбе.

Большая молодость моя,
Нет, не расстаться нам!

Большая молодость моя
С бедою пополам!

Большая молодость моя,
Ты сгнуть не могла!

Кого любил, кого забыл,
Кого не смог любить,

За всё, за всё, чем счастлив был,
Что стало в песне жить.

Большая молодость моя,
Идем в одном ряду!

Большая молодость моя,
С тобой не пропаду!

Большая молодость моя,
На радость, на беду.

1931

Перевод с украинского

Максим Рыльский

117. ТЕНЬ ВОЖДЯ

Замолкнет день, работа отгремит,
Строения оденутся туманом,
И тень, синяя, ляжет на гранит
И поплывет пятном, густым и странным.

С толпой друзей, сквозь строгий лес колонн,
И ты войдешь в покой аудиторий,
И точных цифр незыблемый закон
Откроет вам невиданные зори.

Прозрачные узоры диаграмм
Покажут мир, который мог лишь сниться,
И ваше слово: это *нужно* нам —
Возможного перешагнет границы.

А если злых сомнений западня,
Как лживый бред, возникнут за тобою,—
Не бойся их, не верь им, но взгляни
На тень вождя с простертою рукою.

1931

Перевод с украинского

118. ПЕСНЯ

Н. Асееву

Ночь стоит у взорванного моста,
Конница запуталась во мгле...
Парень, презирающий удобства,
Умирает на сырой земле.

Теплая полтавская погода
Стынет на запекшихся губах,
Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах.

Он еще вздохнет, застонет еле,
Повернется на бок и умрет,
И к нему в простреленной шинели
Тихая пехота подойдет.

Юношу стального поколения
Похоронят посреди дорог,
Чтоб в Москве еще живущий Ленин
На него рассчитывать не мог.

Чтобы шла по далям живописным
Молодость в единственном числе...
Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по земле.

1931

Павел Васильев

119. СТРОИТСЯ НОВЫЙ ГОРОД

Город, косно задуманный, помнит еще,
Как лобастые плотники из-под Тары
Проверяли ладонью шершавый расчет,
Срубы наспех сбивали и воздвигали амбары.
Он еще не забыл, как в харчевнях кумыс
Основатели пили. Седой, многоокий,
Он еще подсчитал, сколько пламенных лис

Уходило на старый закат над протокой,
Сколько шло по кабаньим загравкам осок
Табунов лошадиных,
Верблюжьего рева, буранов,
Как блестел под откормленным облаком
Рыжий песок,
Кто торгует на ярмарке
Облачной шерстью баранов.
Город косо задуман, как скупость и лень.
Зажигались огни пароходов, горели и тухли,
И купеческой дочкой росла в палисадах сирень,
Оправляя багровые, чуть поседелые букли.
Голубиные стаи клубились в пыли площадей,
Он бросал им пшеницы, он тешился властью.
Он еще не забыл, сколько шло лебедей
На перины, разбухшие от сладострастья.
Пух на крепких дрожжах, а его повара
Бочки с медом катили, ступая по-бычьи,
И пластали ножами разнеженный жир осетра,
Розоватый и тонкий, как нежные пальцы девичьи.
Так стоял он сто лет, разминая свои
Тяжелевшие ноги, не зная преграды,
На рабочей, рыбацкой, на человеческой крови,
Охраняемый каменной бабой форштадта.
Мы врага в нем узнали, и залп батарей
Грянул в хитрую морду, рябую, что соты.
Он раскинулся цепью тогда
В лебеде пустырей
И расставил кулацкие пулеметы.
В черной оспе рубли его были, и шли
Самой звонкой монетой за то, чтобы снова
Тишина устоялась. Но мы на него пронесли
Все штыки нашей злобы, не веря на слово
Увереньям улыбчивым. Он притворялся: «Сдаюсь!»
Революции пулеметное сердцебиенье
Мы, восставшие, знали тогда наизусть,
Гулким сабельным фронтом ведя наступленье.
И теперь, пусть разбитый,
Но не добитый еще
Наступлением нашим — прибоем высоким,
Он неверной рукой проверяет расчет,
Шарит в небе глазами трахомными окон.
Но лабазы купецкие снесены,
Встали твердо литые хребты комбината,

В ослепительном свете электролуны
Запевают в бригадах
Советские песни ребята.
Новый город всё явственней и веселей,
Всё быстрее поднимается в небо сырое,
И красавицы сосны плывут по реке без ветвей,
Чтоб стропилами встать
Вкруг огней новостроек.
Так удержим равнение на бегу —
Все пространства распахнуты перед нами.
Ни пощады, ни передышки врагу,—
Мы добьем его с песней
Горячей, как пламя!
Новый город построим мы, превратив
В самый жаркий рассвет
Безрассветные ночи.
И гремят экскаваторы, в щебень зарыв
Свои жесткие руки чернорабочих.

<1932>

Янка Купала

120. ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Россия царских дней была
Тюрьмой, а дни ночами были.
И гнет, и барщина, и мгла
Трудящихся душили.

Паны, купцы торги вели,
Рабочим людом помыкали.
Холмы могильные росли,
Попы молебны завывали.

Над краем казней и бесправья
Торжествовал венчанный кат...
Так было в дни самодержавья,
Пятнадцать лет тому назад.

«Вставай, проклятьем заклейменный!»
И вот, хозяева судьбы,
Кандальные забыли звоны
И цепи сбросили рабы!

И пролетарий встал могучий —
Алело знамя, как заря,—
И двинулся мятежной тучей
На бой с сатрапами царя.

Восстал судья всего бывшего
Ярмо низринуть самовластья,
На месте гнета векового
Всеобщее построить счастье.

Страна Советов — наша сила!
И знают пять материков
Про то, как внешних ты теснила
И била внутренних врагов!

Чье счастье глубже, ярче, шире?
Красуйся ж в радости крылатой,
Пока единственная в мире,
Отчизна пролетариата!

Словами ленинскими вспенен
Всемирный пролетариат.
Рабочие, чье знамя — Ленин,
Пути в коммуну проторят.

1932

Перевод с белорусского

Акоп Акопян

121. ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЭМА

Фрагмент 4

В ТУ НОЧЬ

В ту ночь винтовок мощный хор, свободу славя,
грохотал.
Весь Питер песнями звенел, гремел разбуженный металл.
И пулеметы на валах не умолкали до утра.
И, как симфония борьбы, крепчало гулкое «ура!».

Мортиры речь свою вели, штыки щетинились, остры,
И полыхали на углах красногвардейские костры.
«Аврора» подала сигнал, зарокотал могучий бас,
«Эх, ухнем!» — грянула она, и наступил восстанья час.

«Эх, ухнем!» — подхватили все, сигналом тем окрыленные,
На правый бой, на грозный бой идут рабочие сыны.
С винтовками наперевес идут в атаку и поют:
«Вся власть Советам!» Их девиз: «Владыкой мира будет труд!»

Орудий ухали стволы, гранаты меткие рвались.
Все выстрелы, все голоса в одну симфонию слились.
«За власть Советов! — хор гремел. — Кто против нас
с дороги прочь!
Рабочей диктатуре путь мы расчищали в эту ночь.

И, как гадюки, во дворце свернулись недруги в клубок.
Засели в Зимнем юнкера, но всё равно их срок истек.
На запад Керенский бежал, в отрепье женское одет,
С «Авроры» орудийный гул катился беглецу вослед.

Был златокудрый пионер на радость людям всей земле,
В ту ночь рожден, и Октябрем его народы нарекли.

1932

Перевод с армянского

Джек Алтаузен

122. ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Отрывок из поэмы

И, поднимаясь
Выше
Вместе с нами,
Вздувая домны,
В сотни труб
Трубя,
Ты всё бушуешь —
Ленинское знамя,
Из всех боев

Выносим мы
Тебя!

На выжженных
Плантациях
Китая,
Где ленинцев
Стегают,
Режут,
Жгут,—
Бушуешь ты,
Кровавый след кидая,
Из спин
Из наших
Вырезанный жгут.

Сквозь дым,
Сквозь шторм
Несется наш корабль,
Нас до зубов
Октябрь
Вооружил.
Земля,
Мы сквозь тебя
Продернем кабель —
Из самых жарких
Комсомольских жил!!!

Чтоб Косарев,
Прорвав
Чужую зону,
Минуя сотый шквал
И сотый мол,
По жилам нашим,
Как по телефону,
Приветствовал
Гавайский комсомол!

Мы выросли
В борьбе,
Не зная грани.
Кипят ковши
Расплавленных пород.
Двигатели

Ленинских сгораний
Будут долго
Двигать нас
Вперед!

Друзья мои,
Ребята!
Мы — не горстка.
Прислушайтесь:
Везде наш смех звенит.
Ядрами
Из труб Магнитогорска
Первый дым
Врывается
В зенит.

Бросается он вверх
Бросками барса,
Колотит
По небесным
Парникам.
Мы сквозь забои
Черного Кузбасса
Должны пробиться
К рурским горнякам!..

Озарены
Леса,
Луга
И шири...
Гроза и гром —
Двойной удар
Сильней...
Должны же люди
В жирном Йоркшире
Когда-нибудь восстать
Против свиней,

Камнями
Шкуры толстые
Обсыпать.
Не думал Гувер
В тишине кают,
Что волны

Разъяренной
Миссисипи
Ему под сердце
Скоро подойдут.

Пускай прошит
Иглою
Подводных лодок
Весь тихоокеанский
Водоем,—
По проводу прямому
Наших глоток
В мильоны вольт
Мы ток передаем!..

И этот ток
Найдет их
И достанет,
Всех хищных рыб
Лишит
Подводных льгот.
Земля!
Мы слышим
Первый гул восстаний
Со всех широт твоих,
Со всех долгот.

1932

Муса Джалиль

123. НАША ЛЮБОВЬ

Помнится, была весьма забавной
Наша комсомольская любовь.
Члены волостного комитета,
Ехали на съезд мы.
Вижу вновь
Красный тот вагон и пар морозный...
Мы укрылись шубою одной.
Черт возьми, тогда-то показалась
Ты, ей-богу, близкой мне, родной.
Было то в крутом году — в двадцатом.

Кто из нас не помнит той зимы?..
Тут же ты картошки наварила,
Из одной тарелки ели мы.
Помню, как мы весело смеялись,
Словно закадычные друзья.
Целовались иль не целовались —
Этого никак не вспомню я.
Резкий ветер дул из каждой щели,
Забирался и за воротник.
Ты о коммунизме говорила,
Что́ из головы, а что́ из книг...
«Тяжело еще пока живется,
Трудною дорогою идем.
Но победы все-таки добьемся,
Вот увидишь — заживем потом!
Коммунизм — великая эпоха,
Счастье человечества всего.
Мы с тобой увидим непременно
Ленинской идеи торжество.
Пусть нам нелегко, — ты говорила, —
Одолеет всё рабочий класс.
Этому учил и Маркс когда-то,
Этому и Ленин учит нас».
И стучавший в дверь вагона ветер,
И метель за ледяным окном
Звали нас к борьбе неутомимой,
Как и ты, твердили об одном.
В это время нашим фронтом были
Битвы против бунтов кулака,
Были штабом той борьбы великой
И райком и грозное Чека.
Помню, ты на съезде выступала
С гневной речью против кулаков,
Защищала яростно комбеды, —
Ты была душою бедняков.
А когда домой мы возвращались,
Ты, устав, ко мне прижалась вновь.
До чего ж тогда была смешною
Наша комсомольская любовь!
Волосы моей щеки касались...
Все точь-в-точь, как было в первый раз.
Целовались иль не целовались —
Точно уж не помню я сейчас...
Времени прошло с тех пор немало.

Светлые сбываются мечты:
Строим мы ту жизнь для человека,
О которой говорила ты.
К ней, моя хорошая, идем мы,
Трудной закаленные борьбой.
В той борьбе очистили сердца мы,
В ней и ум оттачиваем свой.
Поровну тепло и хлеб делили
Мы с тобою в пору той зимы.
И друг друга и страну любили
Настоящею любовью мы.

1932

Перевод с татарского

Вера Инбер

124. ВПОЛГОЛОСА

К годовщине Октября

1

Даже для самого красного слова
Не пытаюсь притворяться я.
Наша память — это суровая
Неподкупная организация.
Ведет учет без пера и чернила
Всему, что случилось когда-либо.
Помнит она только то, что было,
А не то, что желали бы.
Например, я хотела бы помнить о том,
Как я в Октябре защищала ревом,
С револьвером, в простреленной кожанке.
А я, о диван опершись локотком,
Писала стихи на Остоженке.
Я писала лирически-нежным пером,
Я дышала спокойно и ровненько,
А вокруг, отбиваясь от юнкеров,
Исходили боями Хамовники.
Я хотела бы помнить пороховой
Дым на улице Моховой
Возле университета.
Чуя смертный полет свинца,

Как боец и жена бойца,
Драться за власть Советов,
Невзирая на хлипкий рост,
Ходить в разведку на Крымский мост.
Но память твердит об одном лишь:
«Ты этого, друг мой, не помнишь».
История шла по стране напрямик,
Был полон значения каждый миг,
Такое не повторится.
А я узнала об этом из книг
Или со слов очевидцев,
А я утопала во дни Октября
В словесном шитье и кройке.
Ну что же! Ошибка не только моя,
Но моей социальной прослойки.
Если б можно было, то я
Перекроила бы наново
Многие дни своего бытия
Закономерно и планоно.
Чтоб раз навсегда пробиться сквозь это
Напластование фактов,
Я бы дала объявление в газету,
Если б позволил редактор:
«Меняю уютное, светлое, теплое,
Гармоничное прошлое с ванной —
На тесный подвал с золотушными стеклами,
На соседство гармоника пьяной».
Меняю. Душевной болью плачу.
Но каждый, конечно, в ответ: «Не хочу».

2

Пафос мне не свойствен по природе.
Буря жестов. Взвихренные волосы.
У меня, по-моему, выходит
Лучше то, что говорю вполголоса.
И сейчас, средь песенного цикла,
Вызванного пафосом торжеств,
К сожаленью, слаб, как я привыкла,
Голос мой. И не широк мой жест.
Но пускай не громко, неужели
Не скажу о том, что, может быть,
Есть и у поэта достижения,
О которых стоит говорить?

Он (поэт), который с неохотой
Оторвался от былой главы,
Он, который в дни переворота
С революциями был на «вы»,
Он, который, вырванный с размаху
Из своих ненарушимых стен,
Был подвержен страху смерти, страху
Жизни, страху перемен,—
Он теперь, хоть он уже не молод
И осталась жизни только треть,
Меньше ощущает жизни холод
И не так боится умереть.
И ему почти уже неведом
Страх перед последнею межой.
Это есть поэтава победа
Над своей старинною душой.
И, живя и ярче и полнее,
Тот, о ком сейчас я говорю,
Это лучшее, что он имеет,
Отдает сегодня Октябрю.

1932

Борис Корнилов

125. ОНА В ЭНСКОМ УЕЗДЕ

Пышные дни — повинная в этом,
от Петрограда и от Москвы
била в губернию ты рикошетом,
обороняясь, ломая мосты.

Дрябли губерний ленивые туши,
ныли уездов колокола,
будто бы эхом, ударившим в уши,
ты, запоздавшая на день, была...

В городе Энске — тоска и молчанье,
земские деятели молчат,
ночью — коровье густое мычанье,
утром — колодцы и кухонный чад.

Нудные думы, посылки солдату
и ожидание третьей зимы,—
ветер срывает за датую дату,
только война беспокоит умы.

А на окраине, за серой казармой,
по четвергам — неурядица, гам;
это на площади — грязной, базарной —
скудное торжище по четвергам.

Это — смешную затеяли свару,
мокрыми клочьями лезет земля,
бедность, качаясь, идет по базару —
и ужасает паденье рубля.

Словно разыграно действие по актам —
занавес дайте, довольно войны!
И революция дует по трактам,
по бездорожью унылой страны,

лезет огнем и смятением по серым,
вялым равнинам и тощим полям,—
будет работа болтливым эсерам,
земским воякам с тоской пополам.

Встали они — сюртуки нараспашку,
ветер осенний летит напрямик,
он чесучовую треплет рубашку
и освежает хотя бы на миг.

Этой же осенью, вялой и хмурой,
в черное небо подъемля штыки,
с послетифозною температурой
в город вступают фронтовики —

те, что в окопах, как тучи, синели,
черною кровью ходили в плену,
на заграждениях рвали шинели
и ненавидели эту войну.

Вот и пришли повидаться с родными
кости да кожа, покончив с войной,
передохнуть,— но стоят перед ними
земские деятели стеной.

Как монументы. Понятно заранее:
проповедь будет греметь свысока
и благородное негодование
хлынет, не выдержав, с языка.

Их, расторопных, не ловят на слове,
как на горох боязливых язей,—
так начинается битва сословий
и поражение «народных друзей».

Земец недолго щебечет героем —
звякнули пламенные штыки,
встали напротив сомкнутым строем,
замерли заживо фронтовики.

Песни о родине льются и льются.
Надо ответное слово — и вот
слово встает: «По врагам Революции,
взво-од...»

Что же? Последняя песенка спета,
дальше команда: «Отставить!»
как гром...

Кончилось лето.
Кончилось лето —
в городе дует уже Октябрем.

1932

126. ОСЕНЬ

Деревья кое-где еще стояли в ризах
и говорили шумом головы,
что осень на деревьях, на карнизах,
что изморозью дует от Невы.

И тосковала о своем любимом
багряных листьев бедная гульба,
и в небеса, пропитанные дымом,
летела их последняя мольба.

И Летний сад... и у Адмиралтейства —
везде перед открытием зимы
одно и то же разыгралось действие,
которого не замечали мы.

Мы щурили глаза свои косые,
мы исподлобья видели кругом
лицо России, пропитой России,
исколотое пикой и штыком.

Ты велика, Российская держава,
но горя у тебя невпроворот, —
ты, милая, не очень уважала
свой черный, верноподданный народ.

И, как балда — не соразмеря силы
и не поморщив белого чела, —
навозные взяла в ладони вилы
и шапками кидаться начала.

За ночью ночь — огромная и злая
беда твоя, империя, беда!
И льет тебе за шиворот гнилая
окопная и трупная вода,

окружена зеленоватой тьмью,
и над тобою вороны висят, —
вонзай штыки в расплавленную землю
и погляди, голубушка, назад...

А осень шла. Ее походка лисья,
прыжки непостоянны и легки,
и осыпались, желтые, как листья,
и оголяли фронт фронтовики.

Не дослужив до унтерских нашивок,
шагали бывшие орлы и львы —
их понесло, тифозных и паршивых,
соленым ветром, дунувшим с Невы.

Шагали, песней утешаясь дошлой —
спасением и тела и души,
и только грязь кипела под подошвой,
и только капли капали, как вши.

Пусть выдают на фронте по патрону,
по сухарю, по порции свинца
и горестно скрипят за оборону,
за гибель до победного конца.

И осень каплет над российским Ваней,
трясет дождя холодной бородой,
поганую водой увещаний,
а также и окопную водой.

Свинцовое, измызганное небо
лежит сплошным предчувствием беды.
Ты мало видела, Россия, хлеба,
но видела достаточно воды.

Твой каждый шаг обдуман и осознан,
и много невеселого вдали:
сегодня — рано, послезавтра — поздно,
и завтра в наступление пошли.

Навстречу сумрак тягостный и дымный,
тупое ожидание свинца,
и из тумана возникает Зимний
и баррикады около дворца.

Там высекают языками искры
светильники победы и добра,
они, прекраснодушные министры,
мечтают подработать под «ура».

А мы уже на клумбах, на газонах
штыков приподнимаем острие,—
под юбками веселых амазонок
смешно искать спасение свое.

Слюнявая осенняя погода
глядит — мы подползаем на локтях,
за нами — гром семнадцатого года,
за нами — революция, Октябрь.

Опять красногвардейцы и матросы —
Октябрьской революции вожди,
легли на ветви голубые росы,
осенние, тяжелые дожди.

И изморозь упала на ресницы
и на волосы старой головы,
и вновь листает славные страницы
туманный ветер, грянувший с Невы.

Она мила — весны и лета просинь,
как отдыха и песен бытие...
Но грязная, но сумрачная осень —
воспоминанье лучшее мое.

1932

Перец Маркиш

127. ВОПЛОЩЕНИЕ

И камню, может статься, не легко,
Когда его резец жестокий режет...

Быть может, отзвуком на стон его, на скрежет,
На срезах изрубцованных его
Исторгнется из тьмы и выявится в свете
Слепая клинопись тысячелетий...

Быть может, болью скрытою своей
Исходит дерево, когда, влекомы к сини,
Под натиском весны бушуют в древесине
И раздирают ствол зародыши ветвей.

Но только нам, владыкам из владык,
Наследникам времен и поколений,
Дано постичь материи язык
И мудрые законы воплощений.

Быть может, плачет глина в тишине,
Пока ваятель бьется над замесом
И плоть аморфную то сплющивает прессом,
То на медлительном калит огне...

Но только нам, единственным из всех,
Питомцам бурь и песнопевцам штормов,
Дано осмыслить боль, и сдвиги ветхих вех,
И выплеск вещества сквозь косный панцирь формы.

Не мерим чисел мы и времени не числим,
Как счета им стрела в полете не ведет.
Как ей на тетиву закрыт обратный лет,
Так нам возврат к исходным дням немислим.

Уж даль распахнута. И, ею окрылясь,
Нам стелют вихри путь по судьбам, по годинам...
Мы смотрим в прошлое лишь в помысле едином:
Не для того, чтоб с ним свою упрочить связь,
А чтоб в грядущее стремительней войти нам.

Да, может быть, и камень терпит боль,
Когда его резец жестокий режет...

И только нам доверено судьбой,
И только мы единственные в силе
На стыке тьмы и светоносных зорь
Прославить и осмыслить скорбь
И в воплях, в скрежете, в стенаньях укоризны
Расслышать первый вскрик рождающейся жизни.

1932

Перевод с еврейского

Тициан Табидзе

128. ЗДРАВИЦА

Здесь когда-то Григол Орбелиани
Начал здравицу давних дней,
Или «Пир возле стен Еревана»,
После битвы победной своей.

«Там, где битва гремела, бушуя,
Тихий сумрак вечерний лежит,
У костров бивуачных, пируя,
Победившее войско сидит».

Ереванская крепость упала,
И турецкий сардар убежал,
Долго пламя войны полыхало,
Над руиною черной дрожа.

И лежали под каменной кручей
Трупы беженцев, втопанных в грязь,
Ливни мыли их, щебнем колючим
Ветер их засыпал, торопясь.

И в Аракса неистовом шуме
Вопль сиротский к Араксу приник,
И отец проклинал, обезумев,
День рожденья детей-горемык.

В горных дебрях зима их кончала,
Враг в долине приканчивал их,
Волчья стая по следу рычала
И бросалась на еле живых.

Стала яма в ущелье знакомом,
Словно зверю нора, дорогá,
Человек называл ее домом,
От ужасного прячась врага.

Разоритель крестьянского мира,
Поджигатель и деспот большой,
Назывался он Карабекиром,
За жестокость был прозван «пашой».

Но не только здесь турки сжигали,
И не надо искать за горой,
И свои здесь своих убивали,
Брату брат рыл могилу порой.

Чтобы крови поток этот лился,
Верно, кто-то на небе решил.
Вот тогда человек и явился,
Человек этот Лениным был.

Нынче курд с армянином не в ссоре,
Тюрк в грузинах не видит врагов,
О вражде, как о прошлом позоре,
Пионер рассказать вам готов.

Пионерская дробь барабана,
Слышен в поле пастуший рожок,
Сон веков над грозой Еревана,
Над Иракли-тапа глубок.

Нет, мы Карса, как предки, не брали,
Новым людям дан новый удел,
Но зачтутся им в будущих далях
Героических тысячи дел.

Вот оно, столкновение классов, —
Поколение вступает в борьбу,
Мы с ним вместе, и сборище масок
Темных происков будет в гробу.

Вот то место, где сам Орбелиани
Свою здравицу написал,
Или «Пир возле стен Еревана»,
Где он с войском своим пировал.

И вблизи Еревана мы тоже,
Сад Сардарский нам пир украшал,
В новой здравице сад этот ожил,
Но новее всех здравиц — ваша!

Мы поэты Кавказа! Не книзу —
Путь наш в гору и только вперед,
Где фундамент социализма
Так уверенно строит народ.

Кто видал разоренные страны,
Где в ущельях из трупов редут,
Превращенные в хаос поляны
И долины, где царствовал труд?

Это кладбище — крик без ответа,
Сотни верст, где пустыне лежать,
Да, друзья, это долг наш — об этом
Поколеньям о всем рассказать.

Здесь не здравицы гордое слово,
Тут и слезы и дрожь! А потом —
Кто светлей нас, нежней и суровей,
Лучше нас скажет миру о том!

Пусть и голос свирели чудесной
Для народа звучит до конца,
А за нами, товарищи, песня,
Что надежду вселяет в сердца!

1932

Перевод с грузинского

Толпы — с поезда. Ну и народ! Впрямь
как с шабаша

Прут и прут, не допрутся пока...

«Тише! Бабку затискали! Что тебе,
бабушка?»

— «Мне б Петрушу...» — «Которого это?»

— «Сынка...»

Бултыхает старуха баулом и чайником.

У возниц, у шоферов, у публики — смех:

«Это что ж за петрушка такая?» — «Начальник

он...»

— «Тут начальников много...» — «Так мой —

выше всех»

Уморила!

Над сборищем этим, над сонмом

Гогот, хохот, шибаящий в пот.

Вдруг один кучерок — как смекнет да

как вспомнит,

Что начальник строительства —

Правильно — Петр!

Кулаком по мордám

Лошадей задремавших,

Чтоб стояли,

Чтоб выглядели, как орлы!

Сено — в ноги. Кнут — в руки:

«Садитесь, мамаша!..»

Ой железные шины круты и круглы!

Ты качайся, на клевере вскормленный мерин!

Вороня кобылка, пластайся в разлет!

Обернется, башкой помотает и — верит,

И — не верит.

А бабушка носом клюет.

Кацавейка на ней не по-летнему — ватная.

Ишь! — горбатая... Ишь! — неприглядная вся...

Загорелая, старая и рябоватая...

...У начальника в комнате —
Карты висят.
На кровати начальника — простыни взрты.
Шторы — настежь,
И солнце —
По всем косякам,
Книгам, стеклам, приборам...
Слепящая бритва
Пышет в зеркало,
А перед зеркалом — сам.

Крепкий, свежий, еще не успел приодеться,
Напевает чего-то в усы и под нос,
Пена шлепается на полотенце...
Входит возчик:
«Мамашу в порядке доvez...»

А за возчиком
В белом платочке и валенках
Что-то давнее-давнее и не узнать...
Вспоминал... вспоминал... вспоминал...
Вспомнил: мамонька!
«Я, Петруша! Я, милый! Я, кровный!
Я — мать...»

Отобрал у нее узелки и баулы,
Рассовал под столы, оглянулся мельком,
Усадил, оглядел ее всю —
И пахнуло
Детством — речкой, репейником, молоком,
Молодыми рябинами над огородами,
Рубашонкой в заплатках, сестренкой в соплях...

«Мама! Мамонька!
Чем же тебя мне порадовать?
Ты, наверно, с дороги устала, приляг...»

Уложил ее, старенькую, на топчанике,
Одеялом, коротенькую, до бровей...
«Самоварчик?
У нас, понимаешь ли, — чайники...
В церкву хочешь?
А я и не строил церквей.

Ну, да ты не волнуйся! Ты мало грешила.
Я тебя от любого греха излечу.
Знаешь, мамонька, что?
У меня есть машина.
Я тебя по строительству прокачу.

Ты посмотришь, чего мы настроили... Дела ж
До сих пор полон рот — и какие дела!
Покатаемся? Хочешь?»
— «Что ты! И где уж!»

Два денечка поохала
И померла.

А начальника мы уважали.
Не с ним ли
Возвели комбинат за четыре зимы?
Вышло так, что мамашу его хоронили
Всем строительством, всеми бригадами — мы.

В полдень, как по сигналу,—
Сойтись и собраться!
В разогретый асфальт —
Многотысячный шаг.
Тихо, тихо прошел в голове демонстрации
Пятитонный, задернутый черным, «фомаг».

Там четыре партийца
Почетною вахтою
Охраняют стоймя,
Не опершись на борт,
Загорелую, старую и рябоватую
Мать начальника наших работ.

Мы проходим, работоупорные жители,
Мимо ясных от яркого света громад.
Автогеном мерцает
Машиностроительный,
И бесшумно работает
Химкомбинат.

Мерны медные трубы
Оркестра умелого.
На девчонках платочки —
Весенних цветов...

Ничего не видала
И мало что сделала
За семь с лишним десятков
Бедняцких годов.

На голодной степи — у дороги — песочек.
Бабий голос — еще молодой — одинок...

Сын приехал
С уральских заводов
Вальцовщиком,
Прогармонил недельку
И смылся сынок.

А у ней, как и встарь, догнивает под дождем
Ощетиненный малоколосистый снопок...

Сын приехал,
Бежавши из ссылки
Подпольщиком,
Ночевал на овине —
И скрылся сынок.

А она — со скотом поднимается раненько.
Уж от старости пальцы пускаются в пляс...

Сын приехал
С гражданского фронта
Израненный,
Отдохнул — и на фронт!
А она осталась...

Протащилась,
Не чуя ни горя, ни времени,
Через двадцать беременностей и смертей...

...Мы положим тебя,
Аграфена Ефремовна,
В парке отдыха
У пионерлагерей.

Через светлые,
Через стеклянные версты
Сын тебя провожает,
Как через века...

Это строили мы
Под его руководством —
Инженера, начальника, большевика.

Это мы возводили,
Чтобы крепче дышалось,
Чтобы легче работалось,
Лучше жилось,
Чтобы с ног не валила
Ни хворь

Ни усталость...

Мы положим тебя
У веселых берез,
Изможденную, темную мать неимущих,
Всех, кто новым и властным хозяином встал.

Пусть в оркестре
Все трубы играют:
«Замучен
Тяжелой неволей...»
И — «Интернационал!».

⟨1933⟩

Николай Ушаков

130. ГЕРОЙ

1

Когда-нибудь за пять минут
тебя тромбоны отпуют.

И на гражданской панихиде
оратор по наряду
выйдет

и скажет слово как-нибудь,

что в жизни,

а не в смерти суть,

что жизнь воспринимают разнo
у нас

и в странах буржуазных.

И вновь задрезбит оркестр
над хвоей —

пальмой здешних мест,

над хвоей
с бантами из стружек.
Погода станет хуже, хуже.
И гроб несут.
И тот охрип.
И этим угрожает грипп.
И в страусовых перьях лошадь
косит,
но сена не предложат.

Ухабы,
ямы
там и тут, —
того гляди — перевернут.
И сам покойник понимает,
как стыдно умереть не в мае.
Другое дело у Довженко.
Стоишь,
а за тобою стенка,
и пули скачут,
о тебя
свои головки затупя,
и в мамонтовых тыквах ветер,
и гроб
увозят
на лафете.

Не увозили мертвых этих.
Красноармеец и краском —
они раскинулись крестом.
Над заводским двором и лужей
погода становилась хуже.

От юнкера спешил петух.
Он от сплошных дождей опух,
он убегал
в сырые палки
подсолнухов,
и было жалко
его
и двор,
который дрог
под тучами больших дорог.

А через лужи конных трое
шахтера гнали под конвоем.
Достигнув рынка,
он бежал...

2

Был дом в четыре этажа.
И в доме лесенка витая —
вела,
за полы вас хватая,
в не слишком вежливый парник
чиновниц,
кошек
и портних.
И на прохожих
шумной синькой
рвалась за двери
керосинка.

Перил волнистая черта
вела и выше —
на чердак,
где звезды, полные покоя,
в окно глядели слуховое.

Ах, слуховые окна!

Вы

калитки темной синевы.
Как много гроз
и грустных грозок
встречали вы,
в летучих росах
качая рукава рубах.

И ливень свежий стиркой пах,
шумел
и уходил куда-то
за линию степных закатов,
где на Бердянск
и на Ростов
скользили тени поездов,
длинней
не видели которых.

И счетовод проснулся:
«Воры!»

О, этот тихий стук шахтера!

Ему ответил счетовод,
комодом заграждая вход:
«Нехорошо тревожить сонных,
к тому же я в одних кальсонах».

И думал:

вьюшек стукотня,
и в тучах
лунный ветер воет,—
в ночной рубашке
под конвоем
погонят вместе с ним меня.

Но дверь открыл он,
образцово
железным не гремя засовом.

Луной брандмауэр обрисован.
Секретным язычком ночник
не будит сторожей ночных
и любознательной соседки.

Проскачет
ординарец редкий.

Уже и не слышать
копыт.

Морковный чай уже допит,
и 56-ю пробу
яичницы
признали оба.

А счетовод
четвертый день
сходил по лесенке
лишь в темь,
не подходить стараясь близко
к разведке

местной
и английской,
пока,

сквозь первый снег застав,
по коням
бурки распластав,

не взял предместья
полк матросов.
А снег всё шел,
от зарев розов.

Шахтер собрался в полчаса,
прощаясь,
обещал писать.
Но писем не было. Тем лучше:
молчанье — знак благополучья.

3

И вот уже снежок на сучьях.
И смотришь,
снегу на аршин.
И ночь
как зеркальце в глуши.

И дома — зеркальце худое.

Оно тебя не беспокоит,
и без него ты знаешь сам
о первом снеге в волосах,
о первой роковой морщине.

Как полагается мужчине,
от полотенца и воды
как будто молодеешь ты,
не чувствуя проклятых нервов,
могил не замечая первых
своих друзей,
но недалек
академический паек.

И заводской кирпичный домик
уже в иных гигантах тонет,
вещающая мраморной доской
о прежней жизни заводской.

Но жив мой счетовод.

И даже
в Москву собрался...

С саквояжем.
с подушкой,

с зонтиком своим,
волной туристов выносим,
он вышел с Курского вокзала.

Москва в дыму дождей блистала,
Охотным рядом озаря
канун
Седьмого ноября.
Я помню лунные колонны,
я помню строй краснознаменный
президиума.

Счетовод
в четырнадцатый ряд идет
и занял место в ряде этом,
согласно выданным билетам.
О нем забыли.

Лишь краском
его сверлил косым глазком.
И мысль, как лесенка витая,
уже в других местах витая,
его вела
в дурной парник
чиновниц,
кошек
и портних.
И полночь,
память беспокоя,
в окно взглянула слуховое.

Но не могла закрыть она
ни ромб его,
ни ордена.
И орден с пурпурной эмалью
при магнии
казался мальвой.

Краском блеснул,
над креслом встав,
конспектом предыдущих глав
и кончил
дверью
и комодом.
На сцену звали счетовода.

Семен Семеныч меж знамен
смущался,
славой осенен.

«Юпитер»
раскаленным чаном
глядел в глаза
однополчанам,
сопел,
шипел
и вдруг поблек.
И зал зардел,
как уголек,
и рдели
в крепкой строчке кромок
зеркальные ремни из хрома.

4
Вновь прежний город.
И ночник
не будит сторожей ночных,
соседок,
кошек,
домочадцев.

Ты гостя ждешь —
и не стучатся.

Ты гостя ждешь —
он не идет.

Как одуванчик,
счетовод
каким-то пухом
веет
старым.
Побриться бы!

Комод — татарам!
Дверь настезь!

Ветром молодым
пройтись по лесенкам витым
и время, лучшее на свете,
еще за воротами
встретить!

Да здравствует сырая осень —
скороговорка ливней в просе,
глухие тучи в три ряда,
столбы, столбы
и провода...

Они спешат,
спешат куда-то
под бледным лучиком заката,
который теплится,
дыша
под тучами в три этажа.

23 апреля — 7 мая 1933

Сабит Муканов

131. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОСЕНЬ

Шестнадцать лет
Живет, цветет страна,
Чья осень каждая —
Как ранняя весна.

Так здравствуй, большевичка молодая,
И в ясный день рожденья твоего
Прими в подарок песнь: она простая,
Она — родник из сердца моего.

Твоим теплом теплы слова поэта,
Твоей зарей знамена зажжены.
Октябрьским солнцем ласково согреты
Фабричный дым и нежный смех жены.

Прости, родная, если я припомню
Весну другую, мачеху-весну:
Она швыряла нас в каменоломни
И вешала на ближнюю сосну.

Она тарантулом вливалась в губы,
Нагих, бездомных в каторгу гнала.
Смеялась вслед. Ей, видно, были любы
Жестокие, кровавые дела.

Руками беспощадными за шею
Хватала и душила. Я синел.
Но я не знал, как мне бороться с нею,
И слова против вымолвить не смел.

К себе простоволосая кликуша,
Скосив глаза, раскрыв беззубый рот,
Скликала беков, баев — всех, кто душит,
Кто обирает, мучает народ.

В семнадцатом ее Октябрь прикончил!
И ты взошла на гребень баррикад,
Твой смелый смех балтийских льдинок звонит,
Когда весна их гонит на Кронштадт.

Твоими первыми словами были:
«Я большевичкой выросла в борьбе.
Зажжем мы солнце, чтоб лучи светили
Всем, кто борьбу избрал в удел себе!»

И с той поры с тобой мы неразлучны,
И, верю, вечно так мы будем жить,
И, что ни год, дружнее жить и лучше,
И нас уж никому не разлучить!

Так и растем мы — вместе со страной,
И небеса всё голубее, чище.
Пройди, подруга, по стране родной
И посети рабочие жилища.

Иди в аулы и колхозы; там
По-новому дехканину живет.
Степнячка, что доверилась мечтам,
Ждет с песней тракториста у колодца.

Имена и ханские дворцы
Мы заняли... Вот это перемена!
В своих огнистых галстуках юнцы —
Детишки наши — слушают Шопена.

Ты на площадки, в ясли загляни,
Взгляд удержи на материнских лицах.
Смех юности послушай, что звенит
На зависть нашим самым певчим птицам.

Ты иосмотри, подруга, в закрома:
Там просто горы золотого хлеба.
Коровники утеплены... Зима
Нам не страшна, когда нагрнет с неба.

Народа неустанная рука
Плотины строит, школы и заводы,
Взвивает стратостат за облака
И на воду спускает теплоходы.

Она ласкала и тебя, сестра,
Как яблоню на утреннем откосе.
С тобою потептели вечера.
Сторонкою идет, сутулясь, осень...

Цвети и пой! Но забывать нельзя,
Что время битв еще не миновало.
По всей земле живут твои друзья,
Но и врагов живет еще немало.

Ты не боишься? Да, ты прав, мой друг.
Не бойся их — они тебя пугают.
Винтовок верных никогда из рук
Твои защитники не выпускают.

Учением Ленина страна озарена.
Нас партия ведет вперед, и это
Порукою, что не свернет страна
С великой магистрали пятилеток.

Мы до конца сумеем пронести
Октябрьский стяг, что освящен борьбою.
Шестнадцать солнц встречало нас в пути,
Шестнадцать солнц, добытых нами с бою!

1933

Перевод с казахского

132. МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Нател!
Так, до ленты молодой,
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Всё готово к нападенью,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!» —
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.
Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

1933

133. ПЕСНЯ О КАХОВКЕ

Каховка, Каховка — родная винтовка...
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет...

Под солнцем горячим, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Так вспомним же юность свою боевую,
Так выпьем за наши дела,
За нашу страну, за Каховку родную,
Где девушка наша жила...

Под солнцем горячим, под ночью слепую
Немало пришлось нам пройти.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

(1934)

Борис Корнилов

134. КОМАНДАРМ

Вот глаза закроешь —
и полвека
на рысях пройдет передо мной,

половина жизни человека,
дымной опаленная войной.
Вот глаза закроешь только —
снова
синих сабель полыхает лед,
и через Галицию до Львова
конница Республики идет.
Кони в яблоках и вороные,
дробь копыт размашистых глуха,
запевают песню головные,
все с кубанским выдохом на ха:
— гады отовсюду, но недаром
длинных сабель развернулся ряд,
бурка крыльями над командармом,
и знамена грозные горят.
Под Воронежем
и под Касторной
всё в пороховом дыму серо,
и разбиты Мамонтов
и черный
наголову
генерал Шкуро.
Это над лошажьей мордой дикой
на врага,
привстав на стремяна,
саблею ударила
и пикой
полстраны,
коли не вся страна.
Сколько их сияло,
сабель острых,
сколько пик поломано —
о том
может помнить Крымский полуостров,
Украина, и Кубань, и Дон.
Не забудем, как в бою угарно,
как ходили красные полки,
как гуляла сабля командарма —
продолжение его руки.
Командарм —
теперь такое дело —
свищет ветер саблею кривой,
пятьдесят сражений пролетело
над твоею славной головой.

И опять — под голубую высью
через горы, степи и леса,
молодость раскачивая рысью,
конные уходят корпуса.
Песня под копытами пылится,
про тебя дивизия поет —
хлеборобу ромбы на петлицы
только революция дает.
Наша революция,
что с бою
всё взяла,
чей разговор не стих,
что повсюду и всегда с тобою
силою луганских мастерских.
И когда ее опять затронут
яростным дыханием огня —
хватит песен,
сабель
и патронов,
за тобой мы сядем на коня
и ударим:
«С неба полуденного...»
Свистнут пальцы с левого крыла —
это значит — песня про Буденного
впереди Конармии пошла.

1934

Аркадий Кулешов

135. ТАБУНЫ

В реке, как росчерк
Солнца и весны,—
Трепещут рощи,
Люди, табуны.

Зимы следы
Растаяли, как сон,—
Где плыли льды,
Плывет усатый сом.

А в роще тупо,
Словно дрожь идет,
О корень дуба
Конь копытом бьет.

И этот звук
Напомнил о былом:
Себя ты вдруг
Увидел пареньком.

Себя ты вдруг
Увидел батраком:
Хозяйский луг
И в белых вишнях дом.

Ты резал плугом
Влажный чернозем.
Ходил в дерюге,
Топал босиком;

Коней объезженных
На водопой
Водил ты вешнею
Лесной тропой;

Служа у сытых,
Голодал не раз,
Терпел обиды,
Бит бывал подчас.

Не мог коровам
Угодить чужим
Ни добрым словом,
Ни прутом кривым...

*

День нынче росный.
Солнце реки пьет.
Копытами табун колхозный
Бьет.

Припоминаешь ты
Двадцатый год.

Ты шел с сестрой, чуть заалел восход,
Жать хлеб хозяйский.
Дятел поутру
Высоко на сосне долбил кору.

Вы знали, что хозяин ваш ведет
Карателей туда, где меж болот
В лесной чащобе, на пушистых мхах
Спят хлопцы-партизаны.

Долгий шлях
От хутора до первой той сосны
Прошла твоя сестра...
Там спят сыны
Тех матерей, что примут смерть скорей,
Чем выдадут стоянку сыновей.
А враг уж близко.
Бор совсем притих.
Что крикнуть? Как предупредить своих?
«Ку-ку!.. Ку-ку!..» — раздалось поутру.
«Ку-ку!.. Ку-ку!..» — отозвалось в бору.
И окрик злой услышала сестра:
«Кукушки здесь кукуют до Петра,
А нынче жатва...» —
И в глухом бору
Расстегивал каратель кобуру.

Пан офицер прицелился:
«Пся крэв!..»¹
И вот на мох упала меж дерев
Твоя сестра.
А где-то за селом
Далеких пушек прокатился гром.

*

Над полем песня —
Вестница весны.
На перелесках
Наши табуны.

¹ Псиная кровь (польск.). — *Ред.*

Сестрица, встанем,
Поглядим на сад.
По росам ранним
Здесь идет твой брат.

Счастливым стал
Твой брат теперь во всем.
Табун пригнал,
Чтоб накормить овсом;

Чтоб конь дороден
И вынослив был,
Чтоб он троих в работе
Заменял;

Чтоб щедрым даром
Вырос урожай —
В пятьсот гектаров,
Только убирай!

Чтоб конь крылатый
В час военных гроз
Врагам расплату,
Саблю смерти нес.

1934

Перевод с белорусского

Иосиф Уткин

136. КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Мальчишку шлепнули в Иркутске.
Ему семнадцать лет всего.
Как жемчуга на чистом блюде,
Блестели зубы
У него.

Над ним неделю измывался
Японский офицер в тюрьме,
А он всё время улыбался:
Мол, ничего «не понимаю».

К нему водили мать из дому.
Водили раз,
Водили пять.
А он: «Мы вовсе незнакомы!..»
И улыбается опять.

Ему японская «микада»
Грозит, кричит: «Признайся сам!..»
И били мальчика прикладом
По знаменитым жемчугам.

Но комсомольцы
На допросе
Не трусят
И не говорят!
Недаром красный орден носят
Они пятнадцать лет подряд.

...Когда смолкает город сонный
И на дела выходит вор,
В одной рубашке и в кальсонах
Его ввели в тюремный двор.

Но коммунисты
На расстреле
Не опускают в землю глаз!
Недаром люди песни пели
И детям говорят про нас.

И он погиб, судьбу приемля,
Как подобает молодым:
Лицом вперед,
Обнявши землю,
Которой мы не отдадим!

1934

Михаил Голодный

137. ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.

Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

Он шел на Одессу,
А вышел к Херсону —
В засаду попался отряд.
Полхлеба на брата,
Четыре патрона
И десять последних гранат.

«Ребята, — сказал,
Повернувшись к отряду,
Матрос-партизан Железняк, —
Штыком и гранатой
Мы снимем засаду,
И десять гранат — не пустяк!»

Сказали ребята:
«Херсон перед нами,
И десять гранат — не пустяк!»
Прорвались ребята,
Пробились штыками,
Остался в степи Железняк.

Веселые песни
Поет Украина,
Веселая юность цветет.
Подсолнух высокий,
И в небе далекий
Над степью кружит самолет.

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Овеянный славой,
Матрос Железняк, партизан.

⟨1935⟩

138. ПОКОЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

Опять земля открыта песням нашим...
Я речь о тех сегодня поведу,
кто молодостью славною украшен,
кто родился в семнадцатом году.
Тюрьма над вами не свистела плетью,
и пули не визжали вам вослед...
Сегодня ваше совершеннолетье,
сегодня ваши
восемнадцать лет.
С рождения решающего мига
вам по-другому жить.
В конце концов
для вас теперь история и книга —
еще не конченная жизнь отцов.
Сегодня пиво радостное в кружках...
Сидят отцы,
один, усатый, встал,
и вот поют на дружеских пирушках
они про Александровский централ.
Воспоминаний тягостные тени
невероятны,
злы
и тяжелы...
Опять гремят от Омска до Тюмени
тоска,
негодование,
кандалы.
Отцы поют
о каторжных лопатах,
о часовых,
о ночи на дворе...
Отцы поют
о битве на Карпатах,
на той,
на неудачливой горе...
Отцы поют
о страшной воле класса,
о том, что каждый
в битвах постарел.
Струится кровь

казацкого лампаса.
Команда офицерская —
расстрел.
О контрразведках Крыма,
о расстрелах,
о том, как шли
с Буденным напролом,
о черных,
о зеленых
и о белых
отцы поют сегодня за столом.
Вам всё понятно в песнях их?
Едва ли!
Их песня и угрюма и жестка.
Вы ничего такого
не видали,
вам незнакома
ихняя тоска.
Вы мало видели,
хоть видели немало,
у вас другая,
светлая судьба,
но все-таки,
но бритвы не знавала
смешная ваша
верхняя губа.
Другие,
молодые песни, где вы?
Их распевает
новая страна,
у вас с отцами
разные напевы,
но одинаковые ордена.
Мягка, темна волна
волос пушистых,
но крепкая
и верная рука.
Парашютистов
и парашютисток —
орденоносцев слава велика.
Былое, злое
сгибло, в пропасть канув,—
нагайка,
блеск казачьих эполет.

Они тебя приветствуют,
Стаханов,
и каждому —
по восемнадцать лет.
Они сейчас поют
в вечернем легком дыме:
«Хорошие...»
— «Смешные...»
— «Молодцы...»
С усами тараканьими,
седыми
подвыпившие хвастают отцы.
Покрытый вечным
старческим загаром,
отец смеется,
заглушая гул.
«За сына, следовательно,
недаром
меня казак
у Львова рубанул».
А песня за окном неистошима,
и трубы, трубы,
грохот о гранит —
там восемнадцатая годовщина
Октябрьской революции гремит!
В чаду войны
прошли вторая, третья,
тоску и боль
глубоко затая...
Справляй сегодня
совершеннолетье,
красавица осенняя моя.
Товарищи!
Мы пережили много,
мы за нее
прошли огонь и дым.
И вот — под ней
открытая дорога,
листом посыпанная золотым —
осиной,
и березою,
и кленом...
Они, волнуясь,
радуясь,

любя,
стоят всегда
и шелестят в зеленом,
но золотые —
только для тебя.

<1935>

Айбер

139. ИЗБАВЛЕНИЕ

Нет, слишком много горя накопело;
Всему свой срок — и, гнета не стерпев,
Бедняк берется за оружие смело,
И разряжается народный гнев,
Что исподволь сгущался черной тучей,
Ударом грома, молнией летучей!

Клинок и палка, камень и топор —
Всё пригодится; ширится восстанье,
Оно выносит смертный приговор
Кровавым баям — нет им оправданья:
За море слез, за вековое зло
Суровое возмездие пришло.

Мятежный клич вздымая к небосводу,
Неудержимо, словно ураган,
Ты поднялся, дехканин, за свободу —
Долой несправедливость и обман!
Пусть даже горы встанут пред тобою,
Ты справишься с преградой Любою.

Пусть весь твой ужин — горстка толокна,
Приправленного мутною водою,
Пусть труден путь и ночь темным-темна —
Товарищи твои всегда с тобою.
Расправой угнетателям грозя,
Шли за тобой восставшие друзья.

Ты превозмог лишения и голод,
Рабочий класс помог тебе в бою,
И с этих пор скрещенный серп и молот

С его судьбой соединил твою.
Стальная, несгибаемая сила —
Вас воедино Партия сплотила!

Рассветными лучами озарен,
Исполненный особого значенья,
В цветенье трав и шелесте знамен
Пришел желанный день освобожденья,
Пришел затем, чтоб сгинула нужда,
Чтоб спину разогнул ты навсегда.

Ты трудишься, забыв, как все дехкане,
Про тяжкие обиды и долги.
Спокоен ты: твоих завоеваний,
Весны твоей не отберут враги,
И никогда не возвратится снова
Зловещий сумрак рабства векового.

В домах просторный яркий свет горит,
И жизнь вокруг всё краше и чудесней,
И радость лучезарная парит
Над кишлаком ширококрылой песней,
И в школу новую спешит с утра
Веселая, живая детвора.

Колхозный труд, счастливый и свободный,
Принес богатство в твой цветущий край,
И каждый год на ниве плодородной
Обильный созревает урожай,
А там, где раньше чах кустарник дикий,
Теперь шумят веселые арыки.

Прошли года, твой сын не стал рабом.
Он ничего на свете не боится;
Легко и смело в небе голубом
Он управляет краснозвездной птицей.
К вершинам знания путь тяжел и крут,
Но дочь твоя кончает институт.

На много верст вокруг благоухает
Водю напоенная земля,
Шумят комбайны, хлопок убирая,
И трактора выходят на поля,
И взрослые рассказывают детям,
Как прежде полз омач по землям этим.

Так оглянись же с гордостью, мой друг,
И в переливах солнечного света
Увидишь ты, как далеко вокруг
Цветет земля, лучистым днем согрета,—
Родные дали, вольные края,
Твоя отчизна, родина твоя!

1935

Перевод с узбекского

Михаил Голодный

140. ПЕСНЯ О ЩОРСЕ

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем
Командир полка.
Голова обвязана,
Кровь на рукаве,
След кровавый стелется
По сырой траве.

«Хлопцы, чьи вы будете,
Кто вас в бой ведет?
Кто под красным знаменем
Раненый идет?»
— «Мы сыны батрацкие,
Мы за новый мир,
Щорс идет под знаменем —
Красный командир.

В голоде и в холоде
Жизнь его прошла,
Но недаром пролита
Кровь его была.

За кордон отбросили
Лютого врага,
Закалились смолоду,
Честь нам дорога».

Тишина у берега,
Смолкли голоса,

Солнце книзу клонится,
Падает роса.
Лихо мчится конница,
Слышен стук копыт,
Знамя Шорса красное
На ветру шумит.

1935

Михаил Исаковский

141. ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
«Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай».

И родная отвечала:
«Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой».

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой».

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
«А еще тебя прошу я,—
Напиши мне письмо».

«Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?»
— «Всё равно,— сказал он тихо.—
Напиши... куда-нибудь».

1935

142. БУДЕННОВСКАЯ

Возвращались из похода
В славе поднятых знамен.
Возле мельницы, у брода,—
Шум приветственных знамен.

Ой, знамена — буря бурей,
Ярче крови полотно!
Пан барон и пан Петлюра
С ног валились от аллюра,
И Деникин заодно.

Возвращались из похода
Перед алым светом дня.
Возле мельницы, у брода,
Ожидала их родня.

Ой, знамена — воля волей,
Золотая сторона,—
Светлый дол, большое поле,
Тополиное раздолье
Да в колосьях ярина!

Возвращались из похода,
Выступая бить врагов,
Возле мельницы, у брода,
Оставляли след подков.

Ой, знамена — шум шелковый!
По сверкающей росе
Мчатся кони, бьют подковы —
То буденновский, знакомый,
Марш гремит во всей красе.

Возвращались из похода,
Веял флаг по сторонам,
Возле мельницы, у брода,
Припадали к стремянам.

Ой, знамена, словно солнце,
Да родная сторона!

Вырастают наши хлопцы,
Не устали наши хлопцы,
Не сносились знамена.

1935

Перевод с украинского

Алексей Сурков

143. Конармейская песня

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги.
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях, на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1935

144. СМОЛЕНЩИНА

Жизнью ни голодною, ни сытой,
Как другие многие края,
Чем еще была ты знаменита,
Старая Смоленщина моя?

Бросовыми землями пустыми,
Непроезжей каторгой дорог,
Хуторской столыпинской пустыней,
Межами и вдоль и поперек...

Помню, в детстве, некий дядя Тихон,—
Хмурый, враспояску, босиком,—
Говорил с безжалостностью тихой:
«Запустить бы всё... под лес... кругом...»

Да, земля была, как говорят,
Что посеешь — не вернешь назад...

И лежали мхи непроходимые,
Золотые залежи тая,
Черт тебя возьми, моя родимая,
Старая Смоленщина моя!..

Край мой деревянный, шитый лыком,
Ты дивишься на свои дела.
Слава революции великой
Стороной тебя не обошла.

Деревушки бывшие и села,
Хуторские бывшие края
Славны жизнью сытой и веселой,—
Новая Смоленщина моя.

Хлеб прекрасный на земле родится,
На поля твои издалека —
С юга к северу идет пшеница,
Приучает к булке мужика.

Расстоянья сделались короче,
Стали ближе дальние места.
Грузовик из Рибшева грохочет
По настилу нового моста.

Еду незабытыми местами,
Новые поселки вижу я.
Знаешь ли сама, какой ты стала,
Родина смоленская моя?

Глубоко вдыхаю запах дыма я.
Сколько лет прошло? Немного лет...

Здравствуй, сторона моя родимая!
Дядя Тихон, жив ты или нет?!

1935

Борис Корнилов

145. РАЗГОВОР

Верно, пять часов утра,
не боле.
Я иду —
знакомые места...
Корабли и яхты на приколе,
и на набережной пустота.
Изумительный властитель трона
и властитель молодой судьбы —
Медный всадник
поднял першерона,
яростного, злого,
на дыбы.
Он, через реку коня бросая,
города любит красой,
и висит нога его босая, —
холодно, наверное, босой!
Ветры дуют с оста или с веста,
всадник топчет медную змею...
Вот и вы пришли
на это место —
я вас моментально узнаю.

Коротко приветствие сказали,
замолчали,
сели покурить...
Александр Сергеевич,
нельзя ли
с вами по душам поговорить?
Теснотой и скукой не обижу:
набережная — огромный зал.
Вас таким, тридцатилетним вижу,
как тогда Кипренский написал.
И прекрасен
и разнообразен,
мужество,
любовь
и торжество...
Вы простите —
может, я развязан?
Это — от смущенья моего!
Потому что по местам окрестным
от пяти утра и до шести
вы со мной —
с таким неинтересным —
соблаговолили провести.
Вы переживете бронзы тленье
и перемещение светил, —
первое свое стихотворенье
я планиде вашей посвятил.
И не только я,
а сотни, может,
в будущие грозы и бои
вам до бесконечия умножат
люди посвящения свои.
Звали вы от горя и обманов
в легкое и мудрое житье,
и Сергей Уваров
и Романов
получили все-таки свое.
Вы гуляли в царскосельских соснах —
молодые, светлые года, —
гибель всех потомков венценосных
вы предвидели еще тогда.
Пулями народ не переспоря,
им в Аничковом не поплясать!

Как они до Черного до моря
удирали —
трудно описать!
А за ними прочих вереница,
золотая рухлядь,
ерунда —
их теперь питает заграница,
вы не захотели бы туда!
Бьют часы уныло...
Посветало.
Просыпаются...
Поют гудки...
Вот и собеседника не стало —
чувствую пожатие руки.
Провожая взглядом...
Виден слабо...
Милый мой,
неповторимый мой...
Я иду по Невскому от Штаба,
на Конюшенной сверну домой.

⟨1936⟩

Павло Тычина

146. ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Я сторонюсь чужих и чуждых
болот родимых, мелких бродов;
сияет радугою дружбы
мне единение народов.

Оно такой встает вершиной!
Оно таким дыханьем дышит!
Ударишь громом в сердцевину —
и гром другой в горах услышишь.

И гром другой взрывает дали
и радуется, молодея,
что встала радуга из стали,
сердца народов дружбой грея.

И сам ты вдруг — как гром над кровлей,
как молниями озаренный,
как будто выпил на здоровье
из родника воды студеной.

Ой, выпил, выпил да утерся,
и припадаешь снова, снова,
и открываешь первородство
в глубинах языка чужого.

Его коснешься ты — всё мягче,
всё легче он тебе сдается,
хоть слово сказано иначе,
но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
упругая всё гнется, гнется,
и разом вдруг — чужое слово
в родной язык родным ворвется!

То не язык, не просто звуки,
не слов блуждающие льдины,
в них слышен труд, и пот, и муки —
живой союз семьи единой.

В них шум лесов, цветенье поля
и волны радости народной.
В них разум класса, кровь и воля
от давних дней и по сегодня.

И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит всё в основу
победы пролетариата.

22 июля 1936

Перевод с украинского

147. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Нет, я не знаю, как придется
тебя на битву провожать,
как вдруг дыханье оборвется,
как за конем твоим бежать...
И где придется нам проститься,
где мы расстанемся с тобой:
на перепутье в поле чистом
иль у заставы городской?
Сигнал ли огненный взовьется,
иль просто скажет командир:
«Пора, пускай жена вернется.
Пора, простись и уходи...»
Но в ту минуту сердце станет
простым и чистым, как стекло.
И в очи Родины заглянет
спокойно, строго и светло.
И в ней, готовой к муке боя,
как никогда, почуем вновь
нас окрылявшую обоих
единую свою любовь.
И снова станет сердце чистым,
разлука страшная легка...
И разгласит труба горниста
победу твоего полка.

1936

Муса Джалиль

148. БАБУШКА САРБИ

Осенний лился леденящий дождь.
В село вошли мы. Было уж темно.
Издрогшие, усталые бойцы,
Мы постучали в низкое окно.

Старушка дверь избы открыла нам,
Расспрашивая, кто мы и зачем?
Впустила нас, молитву бормоча,
Испуганная, дряхлая совсем.

Вошли мы к ней.

Чудесное тепло

Натопленная изливала печь.
На лавке и на глиняном полу
Вполне б хватило места нам прилечь.

Три дня в степи за бандой мы гнались,
Заледенела в жилах кровь у нас,
И нам, хотя б до первых петухов,
Поспать необходимо было с час.

Когда же — кто мы — бабка поняла,
Смягчилась, стала вдруг совсем другой,
Достала, постелила на печи
Единственный тюфяк свой пуховой.

«Сынки! — она сказала.— Печь моя
Натоплена, закрыта в самый срок.
Влезайте-ка на печку и в тепле
Поспите там, как люди, хоть разок!»

Мы не заставили себя просить,
Все поместились на большой печи.
Как хорошо! Нам спину сквозь тюфяк
Блаженно прогревали кирпичи.

Рассказывала бабушка Сарби
О страшном деле.

Год тому назад

Был белыми расстрелян сын ее
Единственный, кормилец Хидият.

В грязи осенней много дней потом
Мы воевали... Беды позади,
Тепло ж от печи бабушки Сарби
Осталось навсегда у нас в груди.

Не довелось нам с бабушкой Сарби
Увидеться. Не много прожила.
Но всё же дождалась тех дней, когда
Заря Советов наконец взошла.

Впервые солнца нашего лучи
В свой смертный час увидела она.

Звезда ее взошла во мгле, в ночи,
Но солнцем смерть была озарена.

Нам больше на печь греться никогда,
Возможно, не придется залезать.
Но солнце мы заставили взойти,
Что вечно будет землю согревать.

И мы теперь в цвету его весны,
В сияющих немеркнущих лучах,
Поем о славных битвах той войны,
О сказочных ее богатырях.

Когда я проезжаю в тех краях,
На новое любуюсь, на мое.
Я вспоминаю бабушку Сарби
И ласку материнскую ее.

И не одна ведь бабушка Сарби,
А много, много добрых матерей
Встречали нас, давали нам приют,
Благословляли в бой, как сыновей.

Не потому ль с волнением таким
Мои ложатся строки, льется речь,
Что вновь я вспомнил бабушку Сарби
И теплую ее большую печь.

1936

Перевод с татарского

Михаил Исаковский

149. ПЕСНЯ О РЕВОЛЮЦИИ

На заре, на зорюшке туманной,
По скупым, неласковым полям
Это я — оратай безымянный —
Сеял хлеб с тоскою пополам.

Это я по городам и селам
Ощупью искал твоих следов;
Звал тебя я песней невеселой,
Ждал тебя я тысячу годов.

Это я холодными ночами
Думу передумывал твою.
Это я с винтовкой за плечами
Шел сражаться за тебя в бою.

Сквозь леса, сквозь дебри вековые
Ты мою услышала тоску,
Ты одна — за тыщу лет впервые —
Руку протянула мужику.

Под его нечесаную крышу
Принесла счастливое житье.
От тебя от первой я услышал
Имя настоящее свое.

И твоим дыханием согретый,
Ласкою обласканный твоей,
Прохожу я по Стране Советов
Как хозяин суши и морей.

Я не знаю, чрез какие реки,
По каким пройду еще местам,
Только знаю, что тебя вовеки
Никому в обиду я не дам.

1936

Гафур Гулям

150. МАВДЖУДА

Еще в твоей памяти горечь бывшего жива:
четыре сиротки и мать, молодая вдова,
всё время в труде, но на корку хватало едва.
Тебя вековая томила нужда, Мавджуда.

Вращался весь мир наподобие веретена:
голодные дни и унылые ночи без сна.
Судьба, точно пряжа, была и скудна и темна...
Как нити, мечты обрывались всегда, Мавджуда.

Челнок по основе летел, и худая рука
свода была, как челнок, и суха и легка.
Выпало, следишь за работой ткача-старика —
и медленно тянется дней череда, Мавджуда.

Укутана в бархат богатого казия дочь.
За жалкую плату служить ей должна день и ночь
вдова, чтоб детей прокормить и нужду превозмочь.
Богатых и бедных извечна вражда, Мавджуда.

И всё это — печальная повесть минувших времен.
Теперь кипарисом свободы твой путь осенен.
Табогою партии, шелком октябрьских знамен
повиты твои молодые года, Мавджуда.

Навеки здоровья лишились и сна богачи.
Светило с небес на свободных бросает лучи.
В безводной пустыне забили живые ключи.
Зажглась над тобою свободы звезда, Мавджуда.

Ты ловкой рукою приводишь в движение станки.
Зидорно сверкают в глазах у тебя огоньки.
Струится, как плавные волны свободной реки,
поток твоего молодого труда, Мавджуда.

Ткачиха искусна, красива, проворна, ловка.
Подруги ее разодеты в цветные шелка.
И песня о счастье звучит, широка, глубока.
Наполнены ею сады, города, Мавджуда.

Прядешь ты надежную нить небывалой длины,
но более прочную нитью сердца скреплены.
Ты — славная дочь трудовой обновленной страны.
Республика наша, как ты, молода, Мавджуда.

В тебе отразилась великой Отчизны краса
и солнце ее, озаряющее небеса.
На выборах дружно тебе отдадим голоса.
Недаром Отчизна тобою горда, Мавджуда.

1937

Перевод с узбекского

151. ГИМН ОКТЯБРЮ

В руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен — домбру,
В сторону гляну — и песня моя
Льется, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим,
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн.
Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, который дает
Славу поэту, а песне полет.
Этот источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем...
Помню я горькие дни в пустырях.
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И как иссохшее русло реки
Песня была. Помутнели лады...
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно, и мне суждено
Где-то украсить голодную степь
Белым своим ожерельем костей.
Громами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан.
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган...
Радостен в радостной песне Джамбул.
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд,
В песне народные думы живут.

Если источник на свет не проник,
Разве струится гремучий родник?
Если прилив не зальет берега,
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в степи не прорыть,
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земля,
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем!

1937

Перевод с казахского

Алексей Сурков

152. ОКТЯБРЬ

Вот — конец предыстории,
Завязка начал:
Тьма и сырость на взморье,
Гранитный причал,
Флотских лент полосатые радуги.
Пар шипел,
Трап скрипел,
Ветер шлюпки качал,
Непокорный,
Холодный,
С Ладоги.

Жгли махорку.
Затворы трогали.
Примыкали штыки.
Говорили:

«На улице Гоголя —
Броневики».

Говорили:

«В Зимнем засели
Юнкера»
— «Ладно... Справим там новоселье
До утра».

Шли к мостам
Без шутки, без песни.
Раз-два... раз...
Раз-два... раз...
Старый Лесснер,
Новый Лесснер,
Парвиайнен,
Айваз...

Шли с Путиловского завода,
С «Вестингауза»,
От «Скорохода»,
Шли из колпинской дали,
Шли от Торнтона,
Шли от Паля,
Шли в рядах боевых
Из Обухова,
С Пороховых.

Нет конца боевому порядку,
Каждый ряд из гранита высечен.
Человек к человеку,
Десяток к десятку,
Сотня к сотне.
Тысяча к тысяче.

«Подровняйте ряды,
Затворы проверьте!»
Настежь двери в завтра откроем!
Это Красная гвардия
Входит в бессмертье
Большевистским
Железным строем.

С моря дыханье ночи сырое.
Сдвинулся влево времени руль.
Мерно и твердо шагают трое —
Красногвардейский патруль.

Трое с винтовками.
Этой тройке
Время вручило на власть мандат.
Шаг отмеряя от Невского к Мойке,
Тихо рассказывает солдат:

«Был на побывке... Вышел в поля —
Как на ладони лежит округа.
Вся в сорняке, тоскует земля,
Ждет не дождется нашего плуга.
Барин в именье злой, как волк,
Ждет и грозит бедноте окольной.
Всё я обдумал и вывел полк
Большевикам на подмогу — в Смольный».

Снова мерность шагов.
И снова
Ветер, черная рябь канала.
И в беседу вставляет слово
Старый слесарь из Арсенала:

«Если вслушаться в ночь, как будто
Только наши звенят шаги,
Будто время нынче обуто
В семиверстные сапоги.
Подошли к последней черте —
Каждый миг ожиданья долог...»

Ночь.
Шаги.

Молодой мечте
Отвечает студент-технолог:
«Как мы к Смольному шли с утра,
Камни пели и сердце пело.
Если Ленин сказал:
„Пора...“,
Значит, время наше пришло...»

Дрогнули в окнах
Железные шторы,
В страхе попадали в ночь фонари.
Шестидюймовая глотка «Авроры»
Взревела:

«Исполнился срок!

Бери!...»

Над жизнью нашей,
Темной и бедной,
Над нашей
Втопанной в грязь судьбой,

Гневной грозой,
Песней победной,
Зовущей к бессмертной славе трубой
Эхо гремит:
«Это есть
наш последний
и решительный
бой...»

1937

Владимир Сосюра

153. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Перед взором счастливого сына
западные проходят края...
Моя Западная Украина,
ты вольна, мать вторая моя.

То идут миллионы без счета,
села рады им и города,
мы — не два разобщенных народа,
мы в единой семье навсегда.

Не кручинься, плакучая ива,
лист зеленый, не вянь, не желтей.
Нет мне жизни без слов и мотива,
ярче зорь, алых роз горячей,

чтоб прославить народ наш могучий,
нашу землю и звезды над ней,
и того, кто несметные тучи
поборол ярким блеском мечей,

и всех тех, кто сражался бесстрашно,
чтоб не сгинул замученный брат,
кто за родину пал в рукопашной,
встретил пулю, попал под снаряд,

и всех тех, кто придет из похода,
кто обнимет подругу свою,
кто служил и кто служит народу,
не боится погибнуть в бою.

Вспоминаю, как шли мы в двадцатом
своих западных братьев спасать,
как товарищи падали рядом,
пенье пуль вспоминаю опять...

Ах, тот год, щедро залитый кровью,
всё в крови — и сердца, и штыки...
Аисты — на покинутых кровлях,
трупы, трупы, поля, ветряки...

Наши трупы... Ведь мы отступали...
Тяжко, тяжело идти нам назад...
И обломки металла стонали,
и рыданье неслось к нам из хат...

«На Гусятин!» В нем — белополяки...
Нам они перерезали путь.
И, казалось, устали во мраке
пушки хрипло надсаживать грудь...

Над Збручом, потускнев от печали,
плыло солнце. Сияли штыки,
и кольцо огневое прорвали
наших армий победных полки.

«Мы вернемся...». А годы летели...
И сдержали мы клятву свою.
Полны счастья и сил, одолели,
победили сегодня в бою.

Сердце, солнце, и шелест чудесный
трав, и зеркалом блещет река...
Я б хотел сочинять свои песни
для народа века и века...

Чтоб, как солнечный голос металла,
в той грядущей, счастливой дали
моя песня потомкам звучала,
как звучит в наши грозные дни.

Шумны улицы дальнего Львова,
Днестр — бурливая наша река...
Ты свободна, мы встретились снова,
голубая отчизна Франка.

Перед взором счастливого сына
западные проходят края...
Здравствуй, здравствуй, моя Украина,
мир тебе, мать вторая моя.

Сентябрь 1939

Перевод с украинского

Михаил Кульчицкий

154. МАЯКОВСКИЙ

(Последняя ночь государства Российского)

Как смертникам, жить им до утренних звезд,
и тонет подвал, словно клиппер.
Из мраморных столиков сдвинут помост,
и всех угощает гибель.
Вертинский ломался, как арлекин,
в ноздри вобрав кокаина,
офицеры, припудрясь, брали Б-Е-Р-Л-И-Н,
подбирая по буквам вина.
Первое пили борщи Бордо,
багрового, как революция,
в бокалах бокастей, чем женщин бедро,
виноградки шипая с блюда.
Потом шли: эль, и ром, и ликер —
под маузером всё есть в буфете.
Записывал переплативший сеньор
цифры полков на манжете.
Офицеры знали, что продают.
Россию. И нет России.
Полки. И в полках на штыках разорвут.
Честь. (Вы не смейтесь, Мессия.)
Пустые до самого дна глаза
знали, что ночи — остаток.
И каждую рюмку — об шпоры,
как залп
в осколки имперских статуй.
Вошел
человек
огромный,
как Петр,

петроградскую
ночь
стряхнувши,
пелена дождя ворвалась с ним.

Пот

отрезвил капитанские туши.
Вертинский кричал, как лунатик во сне:
«Мой дом — это звезды и ветер...
О черный, проклятый России снег,
я самый последний на свете...»
Маяковский шагнул. Он мог быть убит.
Но так, как берут бронепоезд,
воздвигнулся он на мраморе плит,
как памятник и как совесть.
Он так этой банде рявкнул: «Молчать!»,
что слышно стало:

пуст

город.

И вдруг, словно эхо в дале-е-еких ночах,
его поддержала «Аврора».

12 декабря 1939

Аркадий Кулешов

155. ВИНТОВКА

Здесь не подняться больше рубежу —
Спалили мы плетень его колючий.
Бой за деревню шел.
И там был случай —
Без выдумки о нем я расскажу.

У снайпера
От пули разрывной
Рука немела —
Тяжко был он ранен.
Тем временем он видит,
Что крестьянин
Бежит к нему истоптанной стерней.

Бежит мужик под проливным огнем
На свет звезды багряной, про какую
Сны радостные видел в ночь глухую...
И эта радость впредь не будет сном.

А будет сном
И нищета, и голь,
И темная его курная хатка...
И снайперу он шепчет:
«Родной... братка...»
И сам к винтовке тянется:
«Позволь».

Давать свое оружие никому
Боец не смеет,
Что там ни стряслось бы...
Так что ж теперь крестьянину тому
Он, раненный,
Ответить мог на просьбу?

Он заглянул в глаза ему на миг,
«Бери! Ложись!» —
Скомандовал сурово.
И взял винтовку у бойца старик,
И рядом лег,
И не сказал ни слова.

1939

Перевод с белорусского

Владимир Луговской

156. ЛОЗОВАЯ

Бронепоезда взывают вдруг,
Стылый ветер грудью разрывая,
Бронепоезда идут на юг
Вдоль твоих перронов,
Лозовая!

Звезды первую звезду зовут.
Дым заката холоден и розов,

Блещет украинский Звездный Воз,
Русские осенние Стожары.
Конница звенит,
скрипит обоз.

Дальние
качаются пожары.

Мчится полночь
бурая, как йод,
Имена дивизий называя,—
Это молодость моя
встает
На твоих перронах,
Лозовая!

Шелестит Тайницкий сад в Кремле,
Карты стелятся в штабном вагоне,
И по всей ночной степной земле
Ходят пушки
и топочут кони.

Армия идет на юг, на юг,
К морю Черному,
на Каспий,
в Приазовье,
Заливая ширь степей вокруг
Плавленным свинцом и алой кровью.

И на проводах дрожит звезда,
Запеваает сталь полосовая.
Громяхают бронепоезда
Вдоль твоих перронов,
Лозовая!

1939

157. ВДОВИЙ ФЛАГ

У вдовы у многодетной
В честь товарищей-бойцов
Головной платок заветный,
Береженный — над крыльцом.

Флаг — как флаг. Одно — что цветом
Отличается чуть-чуть.
Что ж, и рада бы, да нету,
Обойдется как-нибудь.

И сама стоит у хаты,
И, держась за юбку, в ряд
Лесенкой живой ребята
Босоногие стоят.

Мимо движутся колонны,
Тверд и дружен мерный шаг.
И с улыбкой, оживленно
Смотрят все на вдовый флаг.

Командир его заметил,
Придержал коня: «Хорош!..
Хорошо под флагом этим
Ты, хозяйка, заживешь.

Будет старое забыто:
Слезы, голод, панский гнет.
Наша армия в обиду
Вдов и бедных не дает.

На земле свободной краше
Вдовья жизнь пойдет со дня.
А за флаг — спасибо наше
От бойцов и от меня...»

1939

Западная Белоруссия

158. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Отрывок из поэмы «Путь большевика»

Передо мною площадь Красная,
Кровью крещенная.
О, солнечное утро ясное,
Даль озаренная!

Стоит безмолвно Кремль, сурово...
Как много, много помнит он!
Провидел ли в ночи бывшего
Он утро будущих времен?

Здесь Разина четвертовали...
И, слез и гнева полные,
Над Волгой ветры бушевали —
Друзья степные, вольные.

Стоит безмолвно Кремль, сурово...
Как много, много видел он!
Провидел ли в ночи бывшего
Он утро будущих времен?

И траурные свечи елей
Стоят, меж башен выстроясь...
Чу, слышишь — снова загремели,
Заполыхали выстрелы...

Был долог путь борьбы кровавой,
Народ к победе Ленин вел.
Еще не свергнут был двуглавый
Смертельно раненный орел.

Еще метался он порою...
Но, одолев ночную мглу,
Руками голыми герои
Свернули голову орлу.

Едва забрезжив, день свободы
Пылал боями трудными:
Еще насущный хлеб народа
Был пожираем трутнями.

Еще костлявой тенью голод
По темным городам шагал,
Но славной диктатуры молот
Победу день и ночь ковал.

Спят революции солдаты
Под траурными елями,
И красным знаменем крылатым
Могилы их оваяны.

Сияют имена пред нами,
Бессмертьем озаренные...
Для нас священо ваше знамя
И воля непреклонная!

1940

Перевод с литовского

Михаил Кульчицкий

159. ПОКОЛЕНИЕ ЛЕНИНА

Отрывок из поэмы «Самое такое»

Где никогда не может быть ничья

Тирочья

...И встанут
 над обломками Европы
 прямые,
 как доклад,
 конструкции,
 прозрачные, как строфы
 из неба,
 стали,
 мысли и стекла.
 Как моего поколения мальчики,
 фантастикой Ленина
 заманись,—
 работа в степени романтики —
 вот что такое
 коммунизм!
 И оранжевые пятаки
 отсверкали,
 как пятки мальчишек,
 оттуда
 в теперь.
 И — как в кино —
 проявились медали
 на их шинелях.
 И червь,
 финский червь сосет
 у первых трупы,
 плодя — уже для шюцкоров —
 червят.
 Ведь войну теперь начинают
 не трубы —
 сирена.

И только потом — дипломат.
Уже опять к границам сизым
составы

тайные

идут,

и коммунизм опять

так близок —

как в девятнадцатом году.

Тогда

матросские продотряды

судили корнетов

револьверным салютцем.

Самогонщикам —

десять лет.

А поменьше гадов

запирали

«до мировой революции».

Помнишь — с детства —

рисунок:

чугунные пути

Человек сшибает

с земшара

грудью! —

Только советская нация

будет

и только советской расы люди...

Если на фуражках нету

звезд,

повяжи на тулью —

марлю...

красную...

Подымай винтовку,

кровью смазанную,

подымайся

в человеческий рост!

Кто понять не сможет,

будь глухой,—

на советском языке

команду в бой!

Уже опять к границам сизым

составы тайные идут,

и коммунизм опять так близок,

как в девятнадцатом году.

Между 1939 и 1941

160. ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Сажень косяя, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучась, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,
И все-таки

пробьемся мы!

Но, людям Родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,

Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

1940—1941

Ольга Берггольц

161. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

...И да здравствует социалистическая
революция во всем мире!

*Надпись на памятнике В. И. Ленину
около Финляндского вокзала в Ленин-
граде. Это слова, сказанные Лениным
16 апреля 1917 года.*

...И вновь Литейный — зона
фронтовая.

Идут войска, идут — в который раз! —
туда, где Ленин, руку простирая,
на грозный подвиг призывает нас.

Они идут, колонна за колонной,
еще в гражданском, тащат узелки...
Невидимые красные знамена
сопровождают красные полки.

Так шли в Семнадцатом —
к тому ж вокзалу,
в предчувствии страданий и побед.
Так вновь идут.

И блещет с пьедестала
неукротимый Ленинский завет.

22 июня 1941

...Ночь, триумфальной арки колоннада,
и у костра — красногвардейский взвод...
Сегодня на защиту Петрограда
вооруженный выступил народ.

У каждого чуть видимого зданья,
на перекрестках встали, по мостам,
и невских звезд осеннее сиянье,
холодное, струится по штыкам.

О, гневные полночные дозоры,
негромкий окрик:

«Кто на фронт идет?»

А фронт за пустырем, за тем забором...
И отвечают: «Мы идем, народ».

Путиловцы, наборщики, студенты
сражаются у Пулковских высот,
не зная, что свершаются легенды,
когда вооружается народ.

И штык разит, зазубренный и ржавый,
и мечет смерть калека-пулемет.
Все в действии. На бой святой и правый
вооруженный выступил народ.

Так были смяты юнкера Краснова,
Юденич был отброшен и разбит.
И годы шли. Но враг заклятый снова
орденоносцу городу грозит.

Вот он ползет в коричневой рубашке,
в безжизненном мерцании ночей.
Он тащит плети, виселицы, плахи,
ведет тюремщиков и палачей...

Нет, врешь, не выйдет!

Врешь, еще завоешь.

И не сегодня — завтра час придет —
ты сам узнаешь, что это такое,
когда вооружается народ.

Уже в руках нагрелися приклады,
уже штыки устремлены вперед.
Железом пахнут ночи Ленинграда,
когда вооружается народ.

И страшного оружия немало
у ленинградских граждан про запас.
Да не иссякнут недра Арсенала,
открытые и щедрые — для нас.

И мужество сердцам да не изменит,
скорбь о погибших да не замолчит.
В своей крови, в своей предсмертной пене
вы сами захлебнетесь, палачи.

Вас втопчет в землю вставшая громада,
раздавит, растерзает, разотрет.
На грозную защиту Ленинграда
вооруженный выступил народ.

Октябрь 1941

Витаутас Монтвила

163. ПЕСНЯ РЕВОЛЮЦИИ

Земля навек запомнит Мак-Магона,
дверь революции закрыл убийца старый,
он залил кровью алые знамена,
что подняли в Париже коммунары.

На Пер-Лашез они погибли рано
за будущий Интернационал.
Но годы шли,
и падали тираны,
короны с королей народ срывал.

Мечты расстрелянных,
из-под земли вставая,
дух беспокойства
сеяли в умах.

Росла волна
революционно-огневая,

и вот Октябрь
в бессмертных встал боях.

Волна к волне,
волн этих — миллионы,
прорвавшись в мир, смывают все барьеры.
С дороги прочь, убийцы мак-магоны!
с дороги прочь, тираны тьеры!

Не удержать вам этих волн могучих,
не побороть вам
бури этой грозной!
Вы слышите
раскаты гроз грядущих?
Вас наводнением смочет рано или поздно!

1941

Перевод с литовского

Абулькасим Лахути

164. ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Октябрь на поле боевом
победно демонстрирует,
В огне войны, под гул и гром,
победно демонстрирует.
Как знамя, дружбу ста народов
Октябрь над миром поднял,
Он мощь свою перед врагом
победно демонстрирует;
Как лев, сражающий шакалов,
рычит он грозным рыком
И, потрясая всё кругом,
победно демонстрирует.
Народ наш с армией своей
един душой и сердцем,
Он смерть врагу в единстве том
победно демонстрирует.
Вандалов гитлеровских орды
идут чумой кровавой,
Но человек пред дикарем
победно демонстрирует.

Где бьются грозно жизнь и смерть —
народ таджикский бьется,
Он доблесть древнюю мечом
победно демонстрирует.
Друзья, я вижу, как чуму
Октябрь одолевает
И, кудри увенчав венком,
победно демонстрирует.

1941

Перевод с таджикского

Борис Пастернак

165. 1917—1942

Заколдованное число!
Ты со мной при любой перемене.
Ты свершило свой круг и пришло.
Я не верил в твое возвращенье.

Как тогда, четверть века назад,
На заре молодых вероятий,
Золотишь ты мой ранний закат
Светом тех же великих начатий.

Ты справляешь свое торжество,
И опять, двадцатипятилетье,
Для тебя мне не жаль ничего,
Как на памятном первом рассвете.

Мне не жалко незрелых работ,
И опять этим утром осенним
Я оцениваю твой приход
По готовности к свежим лишениям.

Предо мною твоя правота.
Ты ни в чем предо мной неповинно,
И война с духом тьмы неспроста
Омрачает твою годовщину.

6 ноября 1942

166. СТИХИ О ШАЛАШЕ

Мелкий лес да болото. В лиловом огне горизонт.
Грохот взрывов и дыма тяжелая грива:
Через два километра уже начинается фронт.
Облака раздробились в чешуйчатой ряби Разлива.

Нас мороз леденил, к нам в землянки врывалась вода
Снег крутил, заметал переходы и щели.
Пели пули во тьме, и свистели в ночи провода,
Прорывались враги, и прорваться они не сумели.

Это воинов долг. Это подвиг решительный наш.
Это наше единство, горячая сила порыва.
Это видевший виды, из веток сосновых, шалаш.
Это Ленин здесь жил, в шалаше у скупого Разлива.

Разжигая костер, он, прищурясь, смотрел в темноту.
В лунном свете вода отливала холодной сталью.
Сквозь застенки и ссылки он нес золотую мечту,
И мечту эту вместе мы сделали крепкою явью.

Мы стоим на часах. Тишина. Из густой темноты
Только звезды сквозь тучи и ветер, летящий над миром.
...Он обходит расчеты и, проверяя посты,
Подбодряет бойцов, наставленья дает командирам.

Мы не слышали слов, но мы чувствуем наверняка,
Что вот именно так, что иначе никак не бывает —
Этот голос и жест и на запад простерта рука,
Непременно вперед, непременно вперед призывает.

Сквозь огонь и грома, раскаленные зноем дожди,
Через рвы, через надолбы, через траншеи — на запад!
С нами вместе, в походных шинелях, вожди!
Горизонт лиловеет, горячею кровью закапан.

Он приходит, победы решительный час.
Трубы грянут тревогу. Дорога крута и открыта.
Ленин вышел и встал. И, прищурившись, смотрит на нас.
Мелкий лес да болото. Бессмертный шалаш из гранита.

167. ОКТЯБРЬСКАЯ ЗВЕЗДА

Гремит война, отчизну потрясая,
Суровый мрак окутал города.
Но ты горишь, горишь, не угасая,
Великая Октябрьская звезда.

В грозе и в буре ты взошла над нами,
И в светлый путь с тобою мы пошли,
И ты, звезда, венчала наше знамя,
Святое знамя трудовой земли.

Над родиной сверкая четверть века,
Сегодня ты особенно светла,—
За право жить, за счастье человека
Ты вновь народы в битву подняла.

Звезда земли, любимой и свободной,
Ты нас ведешь на грозный, правый бой,
Везде нам светит знак твой благородный,
И каждый воин осенен тобой.

Ты всюду с нами в битве исполинской —
И в час побед, и в тяжкий смертный час,
Отцовским словом, лаской материнской
Ты греешь сердце каждому из нас.

В тебе слились все думы об отчизне,
Весь жаркий пыл отваги молодой,—
Ведь всё, что было радостного в жизни,
Всё связано с Октябрьскою звездой.

Свободы нашей пламень пятикрылый
Не угасить злодеям никогда!
Вперед, друзья! Ударим с новой силой!
За Родину, за всё, что сердцу мило,
Веди нас в бой, Октябрьская звезда!

1942

168. БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике на море,
Там, где вокзал,
Бронзой на мраморе
Ленин стоял.
Вытянув правую
Руку вперед,
В даль величавую
Звал он народ.
Массы, идущие
К свету из тьмы,
Знали: «Грядущее —
Это мы!»

Помнится сизое
Утро в пыли.
Вражьи дивизии
С моря пришли.
Чистеньких, грамотных
Дикарей
Встретил памятник
Грудью своей!
Странная статуя...
Жест — как сверло,
Брови крылатые
Гневом свело.

«Тонко сработано!
Кто ж это тут?
«ЛЕНИН».

Ах, вот оно?

Аб!»

— «Гут!»

Дико из цоколя
Высится шест.
Грохнулся около
Бронзовый жест.
Кони хвостатые
Взяли в карьер.

Нет
статуи,
Гол
сквер.
Кончено! Свержено!
Далее — в круг
Входит задержанный
Политрук.

Был он молоденький —
Двадцать всего.
Штатский в котике
Выдал его.
Люди заохали...
(«Эх, маета!»)
Вот он на цоколе,
Подле шеста;
Вот ему на плечи
Брошен канат.
Мыльные каплищи
Петлю кропят...

«Пусть покачается
На шесте.
Пусть он отчаётся
В красной звезде!
Всплается, взмолится
Хоть на момент
Здесь, у околицы,
Где монумент,
Так, чтобы жители,
Ждущие тут,
Поняли. Видели.
«Ауф!»
— «Гут!»

Желтым до зелени
Стал политрук.
Смотрит...
О Ленине
Вспомнил. И вдруг
Он над оравую
Вражеских рот

Вытянул правую
Руку вперед —
И, как явление,
Бронзе вослед,
Вырос
Ленина
Силуэт.

Этим движением
От плеча,
Милым видением
Ильича
Смертник молоденький
В этот миг
Кровною родинкой
К душам приник...

Будто о собственном
Сыне — навзрыд
Бухтою об стену
Море гремит!
Плачет, волнуется,
Стонет народ,
Глядя на улицу
Из ворот.

Мигом у цоколя
Каски сверк!
Вот его, сокола,
Вздернули вверх;
Вот уж у сонного
Очи зашлись...
Всё же ладонь его
Тянется ввысь —
Бронзовой лепкою,
Назло зверью,
Ясною, крепкою
Верой в зарю!

1942

Действующая армия

169. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Прошло уже четверть века
С тех пор,
 как спиной к народу,
Закрыв глаза на несчастья,
Зимний стоял дворец...

Но, миру неся свободу,
Ударил выстрел «Авроры», —
Настал конец самовластью,
Застою настал конец!

Мы помним,
Как из изгнания
Вернулся в Россию Ленин:
Финляндский вокзал, и встречу,
И голос с броневика...
Промчались годы — и ныне
Сбылись его предсказания:
Настала новая эра,
Несущая свет в века.

Дымят заводские трубы,
И кажется — флаги реют...
В степную ширь устремились
Могучие трактора;
В бескрайних полях колхозных
Стеною пшеница зреет,
Сбирать урожай комбайны
Колонной идут с утра.

Горят плавильные печи,
Их отсветы — в небе чистом;
Как будто из преисподней
Течет чугуна поток...
Ты видишь: вот кран подъемный
Хватает рукой когтистой
Большую стальную балку —
Как самый сладкий кусок...

Растет за городом город,
Встает завод за заводом.

Единое сердце бьется
У всех советских людей,
Одно
 владеет стремленье
Огромным моим народом:
По ленинским жить заветам
На благо земли своей!

А ныне? Степные дали
И гор высоких громады
Охвачены дымом битвы —
И мы на борьбу встаем.
Ведь вражье хищное стадо
По землям отчизны мчится,
Грозит захватить пшеницу,
Возращенную Октябрем!

Но мы
 из великой жатвы
Зерна
 не дадим
 ни горсти!
Соломинки
 враг не вырвет
Из наших больших снопов.
Назад —
 по мостам из трупов
Уйдут незваные гости...
Земля! Глубокие ямы
Готовь для наших врагов.

Правды Октябрьской сила
Вечно владеет нами!
Жатву десятилетий
Мы ль отдадим, дрожа?
Каждый куст придорожный,
Каждый ручей и камень
Гибелью угрожают
Рыцарям грабежа!

Да! Мы к врагу питаем
Ненависть и презренье!
Пусть эти чувства в битве
Родину окрылят!

Пепел черных пожарищ,
Горе и оскорбленья
Только фашистской кровью
Можешь ты смыть, солдат!

1942

Перевод с эстонского

Всеволод Азаров

170. МАТРОС ОКТЯБРЯ

Трассы
 далеких светящихся пуль.
Мерно шагает
 Балтийский патруль.
Ветер летит,
 над Невою трубя.
Статный матрос!
 Узнаем мы тебя.
В городе непобедимом
 своем
Вахту поставлен хранить
 Октябрем.
Снова идешь ты
 вдоль фронта знамен,
Гневными лентами
 перекрещен.
Помнишь ту ночь?
 Сизый отблеск штыков.
В черных бушлатах
 десант моряков.
И на стремительном
 броневике
Парень с «Авроры»
 с гранатой в руке.
...Ветер сечет,
 пробирая насквозь.
В сером тумане
 скрывается мост.
Синие фары
 скупого огня.

«Пропуск!» —
 матрос окликает меня.
Линия света
 ложится на руль.
Грозно проходит
 Балтийский патруль.
Видится мне —
 это сам Ленинград.
В верных руках
 боевой автомат.
Впаяны в ленты,
 горят якоря.
Здравствуй,
 бессмертный матрос Октября!

7 ноября 1943

Семен Гудзенко

171. БАЛЛАДА О ЗНАМЕНИ

Летом
 на Украине
каждую ночь звездопад.
В заводях,
 в тихой тине
теплые звезды лежат.
Мы не ценили звезды
и соловьев
 ни в грош.
Пыль набивалась в ноздри,
в глотку —
 не продохнешь.
Мы дорожили махрою
и ключевой водой...
Только глаза закрою,
тянется шлях степной.
Пыльные сапожищи
черную мнут стерню.
Кажется, люди ищут
долю свою.

Глаз от земли не поднимут
други мои, нелюдимы.

2

Мы отступали.

С нами

(в ранце у земляка)

шло полковое знамя,

сорванное с древка.

Вышит на знамени

шелком

Ленина силуэт.

...Сколько прошли мы,

сколько

вынесли горьких бед!

Но по ночам

на привалах

мы собирались под ним,

нашим нетронутым алым

знаменем боевым.

Так нам тогда казалось:

труден военный путь,

сделано очень мало,

чтобы его развернуть

и под простреленным флагом

мчаться по большаку,

в город врываться —

и шагом

гордо,

рука к козырьку.

...Парень напрасно просится

у командира в бой —

нашего знаменосца

в сечи не брали с собой...

3

Трудно двадцатилетним

в самом начале войны

было ночами летними

видеть солдатские сны.

Мало быть сильным.

Мало

храбрым быть.

В первом бою
злости нам не хватало
той, что дробит броню.
Нам бы такую злобу —
мертвые шли б на танк,
так ненавидели,

чтобы
насмерть валил кулак.
Но мы еще не знали,
что у сожженных хат,
что на берлинском вокзале
девушки наши кричат...

Видно,

с солдатскими касками
горе черпать до дна.
...Город, разбитый фугасками,
полк оставлял.

Тишина.

Окна

как будто грозою
настежь распахнуты в сад.
Битым стеклом —

не росую
травы на солнце блестят.

Мертвых

пугаются лошади,
им непонятна беда.

...На разбомбленной площади
Ленин стоит,

как всегда.

Вот она,

с детства знакомая,
вытянутая рука.

(Вспомнил я военкома
гаубичного полка...)

Вот они,

очи Ленина,
мудры
и глубоки.

(Вспомнил,

как вслед смотрели нам
в Гомеле старики...)

Вот он,
как на знаменах,
самый
великий
солдат.

(Вспомнил друзей — поименно
тех,
что под Брестом лежат...)

И неумная ярость
нас захлестнула так —
немец бежал от ударов
первых контратак.
Ленин
шел вместе с нами,
слушал бойцов
в пути.
Мы развернули знамя,
чтобы вперед идти.

5

Снова снег,
третий снег,
третий год.
И туда,
где встречали войну,
нас дорога
от Волги ведет
через Днепр,
за Десну,
на Двину.
Этот край нам с июня
знаком.
Задыхаясь
в горячей пыли,
мы здесь
встретились с Ильичем,
гнев
и ненависть обрели.
Вот она,
знакомая рука,
глубина

видавших битвы
глаз.
...Генерал седой
с броневика
нам читает
сталинский приказ.

1943

Александр Твардовский

172. НАГРАДА

Два года покоя не зная
И тайной по-бабьи томясь,
Она берегла это знамя,
Советскую прятала власть.

Скрывала его одиноко,
Закутав отрезком холста,
В тревоге от срока до срока
Меняя места.

И в день, как опять задрожала
Земля от пальбы у села,
Тот сверток она из пожара
Спасла.

И полк под спасенное знамя
Весь новый, с иголочки, встал.
И с орденом «Красное Знамя»
Поздравил ее генерал.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела:
«Мне телочку дали хотя бы,
И то б я довольна была...»

1943

173. ДОМИК В ШУШЕНСКОМ

Поэма

Опять погода завернула круто.
Над Шушенским ни месяца, ни звезд.
Из края в край метелями продута,
лежит Сибирь на много тысяч верст.

Еще не в светлых комнатах Истпарта,
где даты в памяти перебирай,
а только обозначенным на картах
найдешь далекий Минусинский край.

Еще пройдут десятилетия горя
до мокрого рассвета в октябре
и пушки те, что будут на «Авроре»,
железную рудой лежат в горе.

Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени,
село до ставней вьюги замели,
но здесь, где трудится, где мыслит Ленин,
здесь, в Шушенском, проходит ось Земли.

Уж за полночь, окно бело от снега,
а он всё пишет, строчки торопя.
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
двадцатый век, он разглядел тебя.

Он знает, видит, в чем России сила
и чем грядущее озарено.
Пускай еще не высохли чернила,
словам уже бессмертие дано.

Невзрачный домик затерялся в мире.
Но на стекло морозный лег узор,
и тут вся география Сибири —
от океана до Уральских гор:

Вот серебро равнин ее широких,
вот, в иглах весь, тайгу засыпал снег,
и различимы горные отроги,
и как рога оленьи русла рек.

И на столе белеют не страницы,
а тот же русский снеговой простор,
где все губернии... где он в таблицах
учел и тот однолошадный двор —

с косым плетнем, засыпанным метелью,
где позапрошлую неделю
осталась без отца семья,
где в эту ночь родился я.

Мать — хоть от горя ослабела —
гадает о моей судьбе.
Промерзла дверь, заиндевила,
и ходит ветер по избе.

В сенях, где страх теперь таится,
то скрипнет вдруг, то звякнет тишина;
где вынута пешнею половица,
земля замерзшая видна.

На эту половицу прадед
ступал, наряженный к венцу,
а в черный день она в ограде
постругана на гроб отцу.

Но всё — и горе — он учел в таблицах.
Потрескивает на столе свеча.
Пусть ночь темна и непогода длится,
он всю Россию видит в этот час.

Крутые переулочки Казани,
библиотеки старые Москвы
и Питер, Питер вновь перед глазами —
в граните серая вода Невы.

Звонки условные — и он в квартире.
Висят часы на выцветшей стене,
и ржавой цепью тянут время гири,
секунды отбивая в тишине.

Глухи за Невскою заставой ночи.
Со следу сбив назойливых шпиков,
он снова на кружке рабочих
глядит в глаза учеников.

Пойдут на смерть — не предадут такие.
На сердце горячо от этих глаз;
в них светится мечта твоя, Россия,
в них молодость твоя, рабочий класс.

2

Какое утро! Белизна какая!
И этой белизне под стать
хребты Саянские сверкают —
сегодня их и в Шушенском видать.

Снег на катке волнистый и горбатый.
В глазах рябит от белых снежных гряд.
И, пронеся хоругвями лопаты,
ребята рядом с Лениным стоят.

Одним морозным воздухом с ним дышат,
свои следы в его вплетают след,
хоть, может, имя Ленина услышат
они впервые через много лет.

Кто ж из мальчишек первым быть не хочет,
когда, заиндевелый до бровей,
он с ними сам, как маленький, хохочет, —
и снег с лопат летит еще живей.

Необозримая лежит Россия,
до края и ветра не долетят.
Будь это шушенские, костромские —
жизнь одинаковая у ребят.

Во всех краях она, еще слепая,
уводит от отцовского крыльца.
Десятилетний паренек Чапаев —
на побегушках в чайной у купца.

В Уржуме легкая летит пороша,
видны леса — куда ни погляди.
Приютский мальчик Костриков Сережа,
что может знать он о своем пути?

Еще в зарницах первых дни глухие.
Буденновские конники лихие,
чапаевцы — еще в пеленках спят.
Их как травинок в поле — на Руси ребят.

Где в чашах заячьи петляют тропы,
где солнце в космах снеговых встает,
в избе, уткнувшейся в уральские сугробы,
на свете мальчик первый день живет.

Мать рядом спит. Ей сон тревожный снится,
ей не дойти до светлой правды той,
что и в глухую эту ночь родиться
не страшно даже сиротой.

Под окнами черствеет снег вчерашний,
святые скорбно смотрят из угла.
За сына было б матери не страшно,
когда бы знать про Ленина могла.

3

Всё те же
в той, где он бывал, квартире
висят часы...
Позеленели гири.

От времени не отставая,
на циферблате, заспанном на вид,
идет по кругу стрелка часовая,
и по орбите шар земной летит.

Исхоженные дальние дороги
ведут от детства, от плетней косых.
Годины войн и революций сроки
секундами измерили часы.

И на холодном быстром Енисее,
в еще не очень обжитом краю,
благоговейно в домике-музее
я у стола рабочего стою.

Тут Ленин жил, за этот стол садился.
Еще я только что на свет родился,
а он уже решал судьбу мою.

Поймешь и ты, праправнук, без труда,
задумавшись над ленинской строкой,
что и твоя судьба — еще тогда —
была намечена его рукой.

Прошло вихрастое, босое детство,
и после, в день великий Октября,
не двор — страну я получил в наследство:
поля и реки, горы и моря.
Я честь и славу своего народа,
как сын, под красным знаменем принял.

Пилотку, полинявшую в походах,
я с головы еще за дверью снял.
На половицы бережно ступая,
по домику я тихо прохожу.
Стоит в нем тишина святая,
я ею как бессмертием дышу.

Но эта тишина не для молитвы,
а для присяги. В этой тишине
еще слышнее грохот битвы
и поступь времени еще сильнее.

1944

Айбек

174. ПРАЗДНИК СЛАВЫ

На кукурузном поле скрип колесный.
Сияют дали в утреннем дыму —
Там плещет Зеравшан золотоносный,
Там льется легендарная Аму...
И дядя с костылем сидит усатый,—
И слушают рассказ его ребята.

На широко раскинутых хирманах
Белеет хлопок, словно облака.

Кипят работы на полях туманных,
Не молкнет песен радостных река.
Народ родной, народ многоязыкий
Встречает мирно праздник свой великий.

Октябрь — заветный день родной земли!
С тобою — в славе, мужестве и силе —
Мы солнце мира в битвах сберегли,
Под знаменем твоим мы победили!

От сталинградских грозных берегов
До Эльбы вражьи орды мы прогнали.
Мы растоптали полчища врагов,
Честь и свободу нашу отстаивали.

Победы слава нас ведет вперед.
Страна моя! Цвети пышней и краше!
Возьми, испей до дна, родной народ,
Победы златокванную чашу!

1945

Перевод с узбекского

Ярослав Смеляков

175. ПОРТРЕТ

Сносились мужские ботинки,
армейское вышло белье,
но красное пламя косынки
всегда освещало ее.

Любила она, как отвагу,
как средство от всех неудач,
кусочек Октябрьского флага —
осеннего вихря кумач.

В нем было бессмертное что-то:
останется угол платка,
как красный колпак санюлота
и черный венок моряка.

Когда в тишину кабинетов
ее увлекали дела —
сама революция это
по каменным лестницам шла.

Такие на резких плакатах
печатались в наши года —
прямые черты делегатов,
молчащие лица труда.

1945

Александр Твардовский

176. ОТЧИЗНЕ

Одной тебе под стать твои дела,
Вовек бессмертен подвиг твой исходный,
Когда себя сама ты создала
И назвала Советской и свободной.

И, защитив свободу от врагов,
Ты власть свою и волю утвердила.
И подвиг на себя взяла другой,
Что также был одной тебе под силу.

И подвиг тот — Великий перелом,
Перепахавший межи вековые, —
История сравнила с Октябрем,
Как две свои эпохи мировые.

И подвиг третий с ними наравне
Встает, свершенный в нынешние сроки, —
Твоя победа в праведной войне
На западе твоём и на востоке.

И всей земле являет нынче он
Тех первых двух твоих свершений славу,
Со славой древних дедовских времен
В себе соединив ее по праву.

1945

Александр Абашели

177. ПОТОМКАМ

В блаженные мечтанья погружен,
Как часто я душой нетерпеливой
Лечу к народам будущих времен
И упиваюсь песней их счастливой.

Пройдут года, и песнь затмят мою
Великие певцы родного края,
Но смело я пред будущим стою,
Свои стихи над миром поднимая.

Остановитесь, дети торжества,
Пронизанные светлыми лучами!
Я слышу ваши дивные слова,
Но не склоню я рукопись пред вами!

В цепи веков мне выпало звено,
Хоть малое, но полное значенья.
Всю вечность озарило нам оно
И осветило будущие звенья.

Я видел сам, как вспыхнул первый луч
Еще и ныне в яростной погоне,
Преследуя остатки черных туч,
Несутся в небе огненные кони.

Я знаю: ваш благословенный век
Затмит веков высокие примеры,
Но никогда не сможет человек
Увидеть вновь рожденье новой эры.

Мы прикасались на своем веку,
На зависть всем грядущим поколениям,
К броне «Авроры» и к броневнику,
С которого пророчествовал Ленин.

О, как еще вы будете листать
Страницы дней, которые впервые
Сумели старый мир пересоздать,
Сломав его устои вековые!

Но никому не будет уж дано
Увидеть то, что видели мы сами,
Что нам впервые было суждено
Запечатлеть для вечности стихами.

1946

Перевод с грузинского

Емилиан Буков

178. ОКТЯБРЬ НА ГРАНИЦЕ

Из-за Днестра долетело дыханье свободы...
Мне ж с колыбели достались таежные цепи.
Тени жандармов, как плети косые, в те годы
Пали на наши родные дубравы и степи.

Ветер Октябрьский будил нас мятежным призывом,
Вербы металась, осенние листья теряя.
Воды Днестра рассекали теченьем бурливым
Сердце народа, единство молдавского края.

К нам не вернуться вовеки былые невзгоды.
Встала твердыня свободы над Прутом-рекою.
Наши привольные степи и светлые воды
Мы охраняем от недруга твердой рукою.

Крепни, Молдавия, край, Октябрем обновленный,
Свежей водой напоенный из чистой криницы!
Рощи дубовые, буков могучие кроны
Строем зеленых фуражек стоят на границе.

1946

Перевод с молдавского

179. ОКТЯБРЬ

Твой стяг над миром русский взвил народ.
Ты всех народов воля и оплот.
Ты нам помог завоевать свободу
В Стране огней, где был владыкой гнет.

Ты близкой сделал радостную даль,
И мы изгнали из дому печаль.
Мечта о счастье стала явью, счастьем,
Страна окрепла и оделась в сталь.
И зацвела республика моя,—
В союзе с нею братья и друзья.

Ворвался в мир огонь твоих лучей —
И стал наш день светлей и горячей.
Взглянул я — солнце в дверь мою стучится
И ходит свет по комнате моей.
Стоят на страже света храбрецы —
Твои неодолимые бойцы.

Мы вырастили пышные сады,
Мы городами шумными горды.
Стоим, Октябрь, мы у ворот Востока
И сторожим отчизну от беды.
Тобой нам свет неугасимый дан,
Могучим сделал ты Азербайджан.

Как наглядеться мне на край родной?
Звенит с Мингечаура голос мой.
Мы рождены, чтоб воздвигать и строить,
На всей земле рассеять мрак ночной.
Принес и к нам весну ты бурным днем,
Апрель пришел вослед за Октябрем.

Враг злобу неизбывную таит,
Но всё мощнее родина стоит,
Дома вздымает выше, выше в небо.
Где степь дышала — вырос Сумгаит.
По кирпичу кладем мы счастья дом,
Отчизну поднимаем мы трудом.

Создал тебя великий русский брат.
С твоей дороги не свернем назад.
Ее в боях мы кровью оросили,
И маки в поле словно кровь горят.
Ты — наше сердце, нашей правды свет.
Нам без тебя на свете счастья нет.

1946

Перевод с азербайджанского

Дмитрий Гулиа

180. «АВРОРА»

Ни громы, ни молнии так потрясти не могли
И сушу, и воды, и самое сердце земли.
Был выстрел с «Авроры» сильней, чем раскат громовой.
Он грянул внезапно над городом и над Невой.
Он был для трудящихся голосом правды живой.

И с невских суровых, одетых в бетон берегов
Рванулись балтийцы, штурмуя гнездовье врагов,
Восстание вспыхнуло. Ветер свободы подул
Из грозных, направленных в сторону Невского дул.
Страницу событий он яростно перевернул.

Хотя в Петрограде стояла осенняя ночь,
Рабочие знали, что темень отброшена прочь,
Что кончился гнет и настала другая пора.
С винтовочным треском слилось громовое «ура»,
И ранний рассвет озарил изваянье Петра.

Усиленным эхом звучал орудийный удар;
Блеснув над Невой, он разжег небывалый пожар.
Борьба продолжалась, но в Зимнем потухли огни.
Настали суровые, неповторимые дни, —
Бессмертной страницей в историю входят они.

Проникнута мыслью, блистательна и горяча,
Народ поднимала призывная речь Ильича,
И Ленина слово дошло до несчетных сердец.

Нева встрепенулась, обстрелянный дрогнул дворец.
Неволе и гнету пришел долгожданный конец.

1947

Перевод с абхазского

Винцас Миколайтис-Путинас

181. ФРАГМЕНТЫ В ЧЕСТЬ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1

Хмурая полночь.
Глухие кварталы.
Толпы, шумящие на перекрестках.
Ходит, как ржавый резец по металлу,
По сердцу горечь речей этих жестких:
 «Разве живем мы на свете?
 Солнце — и то нам не светит,
 Не одолеть и ему
 Кузниц коптящую тьму.
 Рушатся горы не сами —
 Мы их долбим до конца.
 Ходят машины не сами —
 Наши их движут сердца.
 Строя дворцы за дворцами,
 Всё отдаем мы труду —
 Кормим богатых, а сами
 Мерзнем и терпим нужду.
 Стонут на фабриках дети,
 В саже, грязи и дыму.
 Разве живем мы на свете?
 Нет, он похож на тюрьму!
 И, громыхая цепями,
 Из нередеющей тьмы
 Мы вопрошаем ночами:
 „Разве мы люди? Кто мы?“»

2

Серое небо.
Нева и матросы.
Вождь говорит, и в октябрьские ночи

Каждое слово, что он произносит,
Молотом по наковальне грохочет:

«Люди труда, мы восстали,
Слышат нас дальние дали!
К солнцу шагая упорно,
Борозды мы провели,
Чтобы колосьями зерна
Мира и счастья взошли!
Новые силы созрели —
Недругу нас не сломать.
За справедливые цели
Жизнь мы готовы отдать.
Смело мы в битву шагаем,
И, выступая из тьмы,
Самый прямой выбираем —
Путь революции мы!»

3

В рощах, морозным туманом клубящихся,
Ветер опавшие листья метет.
Чаянья революционных трудящихся
До отдаленных домчались широт.
И не сдержать уже ярость людскую, —
Так океанский вскипает прилив, —
Рвется из каждого сердца, ликуя,
Мощный призыв:

«Здравствуй, победа, победа великая
Тех, кто к свободе тянулся из тьмы,
Кто не согнулся под тяжелой веригою
Рабства — и вышел навек из тюрьмы.
Силы, дремавшие долго, восстали,
Ринулись в битву — и пала тюрьма,
Люди, воспрянув, могучими стали
И не потерпят отныне ярма!»

Не раскололась пальбой тишина еще.
Гаснут в багровом дыму облака.
Снова удар — громовой и решающий.
Сжата в последнем усилье рука.
С песней шагают рабочих колонны,
Словно несется поток штормовой.
Старые матери, сестры и жены
Их провожают с надеждой живой.

Нет, не пройдут дни Октябрьские даром!
Нет, не остынет без жизни душа!
Сталь, закаленная кровью и жаром,
Вспашет равнины, от ржавчины старой
Землю очистить спеша.

4

Новая осень за осенью следует.
Ленинским мир озаряется гением.
Щедрый Октябрь, окрыленный победою,
Майское миру дарует цветение.

Синие дали в туманах нетающих.
В братском союзе — народы свободные.
В трудных походах и битвах решающих
Был им Октябрь звездой путеводною.

Смело шагая тропой нетореною,
Брали трудом за вершиной вершину мы.
Творчество, в каждом из нас пробужденное,
Делало сильными нас и едиными.

Мощь укрепляется в соревновании.
Светел наш путь, пятилетками пройденный.
Дальних светил затмевая сияние,
Звезды строительства сияют над Родиной.

Землю, политую потом и кровью,
Мы засеваем великой любовью.
Силу рождая
И закаляя,
Солнцем над нами горя,
С недругом в бой
Ведет нас родной
Ленин — вождь Октября!

1947

Перевод с литовского

182. ОКТЯБРЬСКИЕ МЫСЛИ

Гроза окончилась, и тучи мчатся мимо,
Пусть как угроза — гром над далями полей.
Но солнце Октября льет свет неугасимый
На землю Родины моей.

Мы поняли, кто слаб, кого колеблет ветер,
В ком сила есть, кому опасность не страшна.
Всё человечество — должник Страны Советов
И знает, что свой долг вернет оно сполна.

Как много нужно всем и разума и силы,
Чтоб подготовить мир к его грядущим дням!
Для всей земли маяк — Октябрь... Народ России
На долгие года примером будет нам.

За жертву, что принес во имя мира в мире,
Народы головы склоняют перед ним.
Я поднял ввысь плакат. Всё радостней, всё шире
Гремит вокруг салют, как гром неудержим.

Не призрак по земле, по всей Европе бродит —
Идеи Октября, — им все века светить!
Идеям Октября, ведущим мир к свободе,
Никто и никогда не преградит пути.

1947

Перевод с литовского

Николай Ушаков

183. ГОНИМ ЭМИРА

Зной ли царствовал неимоверный,
или холод царил ночной,
вслед за нами
скользили цистерны
с драгоценной водой питьевой.
Над пустыней
розовой, голой,
в розоватый

голый простор
наши летчики гатчинской школы
подымали
сверхштатный «нюпор».

От болтанки спирало дыханье,
нам в лицо ударял песок.
По верблюжьим тропам
дехкане
гнали беков
на юго-восток.

Сам эмир бежал перед нами
по дымящемуся песку.
Он бежал
и сорил деньгами,
напечатанными на шелку.

Он терял золотую посуду,
и верблюдов своих,
и жен...
Мы искали его повсюду,
он почти что
был окружен.

Но ушла
в мокрой шубе лисица,
с ней бежали
шпион
и смутьян.

Мы едва ль не у самой границы
увидали
их караван.

Он цепочкой входил в ущелье
и как будто
в лисьей норе
вдруг исчез...

То-то было веселье,
то-то праздник был
в Бухаре.

1947

184. ОКТЯБРЬ

Теперь, на склоне лет, я постоянно
О прошлой жизни думаю своей,
И жалко мне, что я родился рано,
Что сгублено так много лучших дней.

Ведь если только в прошлое взглядеться,—
До Октября, скажите, что я знал?
Я был мальчишкой — и не видел детства,
Я зрячим был, но света не видал.

Мне жаль моих друзей и однолеток,
Кого в живых уж нету, кто не смог
Увидеть столько солнечного света,
Который ты, Октябрь, в стране зажег.

1947

Перевод с аварского

Максим Танк

185. РАЗЛИВ

Здесь Ленин был. Следы его шагов
У шалаша, у этих берегов
Широкого Разлива.

И чудесным
Волна воспоминаньем здесь живет,
Шумит тростник, как будто речь ведет
О нем, и ветер с моря водит песню.
У шалаша стоим, и все одной
Объяты думой, светлой, сокровенной,
Что, может быть, увидим на мгновенье —
Ильич идет, знакомый и родной.
Но ждем напрасно мы. Его здесь нет.
Лишь лес шумит, как память бурных лет,
Да плещут волны озера привольно.
Отсюда он давным-давно ушел.
В дни Октября его увидел Смольный,

Он с партией тогда к победе вел
Восставшие народы всей России.
Спроси индусов. Он над Гангом синим,
Ответят, был.

В Китае кули

Расскажут, как он приходил в Шанхай.
Он был везде, в любом глухом ауле,
В любом краю, какой бы ни был край!
А ныне, говорят, он был и там,
У партизан, у их костров ночлежных,
У их орлиных гнезд, что по хребтам
На Пиренеях, на Балканах снежных.
И всюду, где великий Ленин был,
Вздымалось знамя праведной борьбы.
О нем сложили тысячи былин
Народы, звезды, океаны, нивы...
А это я услышал от ольшин,
Что выросли на берегу Разлива.

1947

Перевод с белорусского

Айбек

186. В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Не оскудеет родник вдохновенный,
Жизни и силы высокий исток,
Тот,
 что борьбой и прозреньем мгновенным
Он из истории гневной исторг.

Вот он лежит здесь, смежив свои очи,
Мыслью

 оставшийся в наших умах.
И от пылинки до судеб всеобщих —
Этой пылающей мысли размах.

Руки сложил на груди недвижимо,
До осиянных вершин не дойдя...
Но продолжается неудержимо
Наше движенье по зову вождя.

Залы безмолвны и мраморны своды.
Вот он лежит на груди тишины —
И остается душою народа,
Сердцем неистовым
гордой страны!

Кто восстановит живое обличье,
Жаркого,
жесткого жеста права?
Как отыскать нам слова для величья,
Что превосходит любые слова?..

Жизни законы вернувший из плена
Лжи стовекóвой,
корысти,
вреда —
Молот и серп он избрал как эмблему
Освобожденного счастья труда!

Небо весенним заполнивши громом,
Чтоб молодела и пела земля,
К каждому в дом в этом мире огромном
Он приходил
сквозь ворота Кремля.

Бури раскат среди ветреной хмури
Новую эру означил навек,
И отозвалось на дальнем Амуре,
Что прогремело на гордой Неве.

Словно прихлынувший с кручи высокой
Воздух весенний,
который мы пьем,—
Он заглянул за чачваны Востока,
Чтобы покончить с позорным тряпьем.

Нищие боги и злые законы
Прахом рассыпались,
жалкой тщетой:
Нет нам отныне родней и знакомей
Ленинской мудрости,
правды простой!

Он появился — и с этого мига
Люд подневольный почувал в себе

Мощь,
что красу континентов воздвигла,
Трепет свободы и волю к борьбе.

А паразитам, напившимся крови,
Видящим вещи иначе, чем мы,
Ленина имя — в запале злословья —
Смерти страшнее, опасней чумы!..

Пусть эти глотки охрипнут от крика —
Ленин бессмертен во веки веков!
Суть и душа твоя
в завтра открыта,
Вождь гениальный большевиков!

Впитанный партией разум твой — с нами.
Правда в сознание и пламя в крови,
Имя на знамени — имя как знамя!..
Вновь мы в походе,
и ты — впереди.

1948

Перевод с узбекского

Аркадий Кулешов

187. КОММУНИСТЫ

Коммунисты — это слово крепче стали,
Коммунисты — это слово как набат.
Маркс и Энгельс нам такое имя дали
В год рожденья наш — сто лет тому назад.

И хотя сто лет назад нас было мало,
Вышли мы на правый бой, на смертный бой.
Мы копаем — с песней — яму капиталу,
Пусть стучит земля по крышке гробовой.

Нет, не верим мы ни в бога, ни в молитвы.
И не знаем мы иных священных слов,
Кроме лозунгов, сзывающих на битвы,
Кроме песен, от каких вскипает кровь.

Поднялись мы в высоту, полны отваги.
Коммунизма даль, к тебе сердца летят.
Крылья наши — это огненные флаги,
Гнезда наши — это камни баррикад.

Коммунисты — это Ленина солдаты,
Пусть трепещут все тираны и цари —
Мы вписали знаменательные даты
Кровью собственной во все календари.

В грозных битвах мы не дрогнем от ударов,
До конца за наше дело постоим,
Знамя красное бессмертных коммунаров
Для полета нашей смене отдадим!

Так и я отдам в наследство — дар заветный —
Жар борьбы, который в сердце берегу.
«Коммунисты!..» Этот клич на бой победный
Без волнения повторять я не могу.

Этим словом, самым верным, самым чистым,
Самых близких называю не один.
Я хочу, чтоб назывался коммунистом
Сын родной мой и родного сына сын.

С каждым годом всё сильнее над планетой
Наше солнце разгорается во мгле.
Скоро будут называться — знаю это —
Коммунистами все люди на земле.

1948

Перевод с белорусского

Константин Симонов

188. НОЧЬ ПЕРЕД БЕССМЕРТИЕМ

Умер парень где-то
на земле Яванской
В душный и дождливый
зимний день январский,
Умер, не покаявшись,
не сказав ни звука,
У стены тюремной
из старого бамбука.

Умер с ясным взглядом,
умер с сердцем чистым,
Умер, как положено
это коммунистам.
А в тюремной камере
в ночь перед расстрелом
Он увидел землю
в оперенье белом;
Белые, как хлопок,
елей вереницы;
Серые, как порох,
от страданья лица.
Он увидел Горки —
русское селенье,
Где в январский снежный
день скончался Ленин.
Парень видел это
сердцем, а не глазом,
Потому что снега
не встречал ни разу,
Никогда не видел,
как качались ели,
Но он знал, что люди
там над гробом пели.
Он не знал по-русски,
по-явански знал он:
Род людской воспрянет
с Интернационалом.
Ленин был всю ночь с ним,
он не знал по-нашему.
По-явански Ленина
он всю ночь расспрашивал.
И когда товарищ
Ленин, всё ответив,
Из тюремной камеры
вышел на рассвете,
В кандалах поднявшись
с пола на колени,
На стене он кровью
нацарапал: «Ленин».
Это было зимним
утром, на рассвете,
В камере на Яве
в ночь перед бессмертьем.

Потому бессмертьем,
 что бессмертье это
Есть не только в буквах,
 видных всему свету,
У стены Кремлевской
 перед нами прямо
Врезанных навеки
 там в гранит и мрамор,
Но и в этих буквах
 после утра пыток
На стене бамбуковой,
 завтра же замытых.

1949

Ярослав Смеляков

189. ЛЕНИН

Мне кажется, что я не в зале,
а, годы и стены пройдя,
стою на Финляндском вокзале
и слушаю голос вождя.

Пространство и время нарушив,
мне голос тот в сердце проник,
и прямо на площадь, как в душу,
железный идет броневик.

Отважный, худой, бородатый —
гроза петербургских господ, —
я вместе с окопным солдатом
на Зимний тащу пулемет.

Земля как осина дрожала,
когда наш отряд штурмовал.
Нам совесть идти приказала,
нас Ленин на это послал.

Знамена великих сражений,
пожары гражданской войны...
Как смысл человечества, Ленин
стоит на трибуне страны.

Я в грозных рядах растворяюсь,
я ветром победы дышу
и, с митинга в бой отправляясь,
восторженно шапкой машу.

Не в траурном зале музея —
меж тихих московских домов
я руки озябшие грею
у красных январских костров.

Ослепли глаза от мороза,
ослабли от туч снеговых,
и ваши, товарищи, слезы
в глазах застывают моих...

1949

Владимир Солоухин

190. ЭТО БЫЛО В ДВАДЦАТОМ

Это было в двадцатом суровом году.
Были вьюги в российской советской столице.
Раскалялись морозы, от них на лету
Задохались и мертвыми падали птицы.
Были выбиты стекла в цехах заводских,
Индевели станки, и молчали моторы.
Трудно с хлебом — и резали фунт на двоих.
Трудно с топливом — шли на растопку заборы.
С перебоем в дома приходила вода.
Неожиданно свет угасал на неделю.
Но ведь это в столице, а что же тогда
От Москвы вдалеке, за февральской метелью!
Так он думал, из дальней страны человек,
Этот город суровый увидев воочью,
Перед фарами пылью крутящийся снег,
Переулки, афиш шелестящие клочья
Да никчемность трамвайных завьюженных рельс.
И над всем вековые кремлевские башни.
Был великим фантастом британец Уэллс,
Стало страшно Уэллсу от были тогдашней.
Всё он понял еще до кремлевских ворот.
Предстоящая встреча добавит немного:
Вся Россия во мгле, полудикий народ.
К омертвению и тлену прямая дорога.

Эта схватка миров не похожа на ту,
Что ему представлялась в часы вдохновений.
Не к вождю марсиан — в темноту, в пустоту
Шаг за шагом его поднимали ступени,
Двое рослых, в военной одежде, людей
От нарядных дверей до приемного зала
Проводили его коридорами, где
Под глубокими сводами свет вполнакала.
Под ногами паркет, позабывший про воск.
Распахнулась тяжелая дверь кабинета...
Что там думает этот загадочный мозг
Истощенной России, державы Советов?
У вождя кабинет протопили вчера,
Но сегодня прохладно в его кабинете.

И внакидку пальто, и сидеть до утра.
И работать с мечтой о свободной планете.
Вот британскому гостю движеньем простым
Предлагает он кресло, обитое кожей:
«Не угодно ли чаю, пока не остыл?
Удивительный чай, без варенья, но всё же...»
А по окнам струя снеговая как бич,
Без конца и без края страна за стеною...
«Ну, а все-таки, что же, Владимир Ильич,
Вы решаете делать с погибшей страной?..»
Натянулась беседы суровая нить,
Гость открыто сочувствует, смотрит жалея.
«Мы республику нашу хотим осветить,
Чтобы, знаете, было работать светлее...»
И по карте — от Пинских болот до Кремля,
От Кремля над тайгой — и руки не хватило:
«Разве может погибнуть такая земля,
Разве можно такой напроорочить могилу?»
От движенья пальто соскочило с плеча,
По просторам страны заскользила указка,
И поплыли тогда в кабинет Ильича
За виденьем виденье, за сказкою сказка.
Будто дикие реки сибирских равнин
Перекрыли плотины бетонные наши.
И струится высокая сила турбин,
И летят провода над безмолвием пашен.
Будто вся до конца задымилась тайга,
Засветилась она заводскими огнями.
Будто реки бросают свои берега

И уходят дорогой, указанной нами,
 Будто мертвую степь заливают вода
 И лимонные рощи в степи вырастают,
 А на месте пустынь — города, города,
 И над ними — машин светлокрылые стаи.
 Гость ушел раздраженным, он в Лондоне даст
 Интервью о поездке своей за границу
 И о том, что сидит утопист и фантаст
 За Кремлевской стеной в азиатской столице.
 Нам не спорить о том, к нам стучится весна.
 Нам мечтать вдохновенно и радостно строить,
 Но душа торжеством до избытка полна.
 И поэтому хочется крикнуть порою:
 «Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
 Под чугунным надгробьем, замшелым
 и ржавым,
 Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
 Нет, в сверканье и славе родная держава!
 Это знамя Советов пылает огнем,
 Освещая просторы Австралий и Азий.
 А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
 Коммунистам — и это не область фантазий!»

1950

Николай Асеев

191. НАШ ОКТЯБРЬ

Наш Октябрь —
 изумительный праздник,
 всенародной души
 торжество:
 в сотнях обликов
 разнообразных
 проявляется
 сила его!..
 Вот он дышит
 глубоко и жарко
 на селения
 и города —
 и шахтер,
 и пастух,
 и доярка

вырастают
в Героев Труда.
Он ученому
светит за полночь,
он у школьника
правит тетрадь,
он повсюду приходит
на помощь, —
как же
всю его мощь
описать?
Как припомнить,
что было сначала?
Взявши руку
большевиков,
вся страна его
в песнях встречала
и в мерцанье
солдатских штыков.
Это были
могучие годы,
человечности
взвившийся вал,
всей земли
запевали народы
эхом грянувший
«Интернационал».
От позднее
назревших событий,
от геройством
насыщенных дней
не становится он
позабытей,
а всё ярче,
звончее,
ясней!..
И в сердцах:
«...Это есть наш последний...» —
от волнения
дух захватив,
по-иному,
сильней и победней,
разрастается
тот же мотив.

В небе
 тучи осенние реют,
иней
 травы пушит, серебря...
Но вовеки
 не постареет
величавый
 рассвет
 Октября!

<1951>

Семен Ботвинник

192. В СМОЛЬНОМ

Костры. Патрули.
 И над городом — вольный,
порывистый ветер.
 И воды
в Неве у гранита вскипают,
 и Смольный —
утесом среди непогоды.

Простые,
 открытые,
 смелые лица...
В потертых шинелях,
 худы,
 бородаты,—
сюда,
 к Ильичу,
 из окопов Галиции,
с литовских полей
 приходили солдаты;
внизу,
 у костров, проверяя мандаты,
стояли рабочие
 Нарвской заставы;
втекала
 матросская
 черная лава —
и медью патронов
 сверкали бушлаты.

Бряцанье винтовок,
и дым самокруток,
и гул в коридорах,
и кипы листовок,—
тут глаз не смыкали
по четверо суток,
к последнему
бою
готовы...

Кострами,
ветрами,
штыками распорот
был вечер сырой.
И во мраке
дышал напряженно
невидимый город,
готовый к последней атаке.

И Ленин смотрел,
не скрывая волненья,
сквозь эту
тревожную,
гулкую тьму...
Событий невиданных
сердцебиенье
со всех площадей
доносилось к нему...

И где-то
за вспышками дальнего боя
пред ним
уже брезжили эти
огни
небывалого нового строя,
что виделись в первом Совете.

В тумане трубя
о победе восстанья,
дул ветер холодный
с залива —
а Ленин
потрясшие землю воззванья
писал в уголке молчаливо.

1951

193. ПОБРАТИМЫ

Михаилу Светлову

Мы шли Сталинградом, была тишина,
был вечер, был воздух морозный кристален.
Высоко крещенская стыла луна
над стрелами строек, над щебнем развалин.

Мы шли по каленой гвардейской земле,
по набережной, озаренной луною,
когда перед нами в серебряной мгле,
чернея, возник монумент Хользунова.
Так вот он, земляк сталинградцев, стоит,
участник воздушных боев за Мадрид...

И вспомнилась песня — как будто о нем,
о хлопце, солдате гражданской войны,
о хлопце, под белогвардейским огнем
мечтавшем о счастье далекой страны.

Он пел, озирая
родные края:

«Гренада, Гренада,
Гренада моя!..»

Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец — он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немислимых лет, —
он все-таки дрался за город Мадрид.
И вот он — стоит к Сталинграду лицом
и смотрит, бессмертный,

сквозь годы,

сквозь бури

туда, где на площади Павших Борцов
испанец лежит — лейтенант Ибаррури.
Пассионарии сын и солдат,
он в сорок втором защищал Сталинград,
он пел, умирая
за эти края:

«Россия, Россия,
Россия моя...»

И смотрят друг другу в лицо — на века —
два побратима, два земляка.

1952

194. Я — РОССИЯНИН

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.

Своею жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.

Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете выше! —
С моей судьбой свою соединил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
Пять жизней дай!
Но может им равняться
Моей судьбы единственная жизнь.

С башкиром русский — спутники в дороге,
Застольники — коль брага на столе,
Соратники — по воинской тревоге,
Навеки сомогильники — в земле.

Когда же целовались, как два брата,
С могучим Пугачевым Салават,
В твоей душе, что дружбою богата,
Прибавилось любви, мой русский брат.

Не русский я, но россиянин. Чести
Нет выше. Я страны Советской сын.
Нам вместе жить и подниматься вместе
К сиянию сверкающих вершин.

В душе моей — разливы зорь весенних,
В глаза мои луч солнечный проник.
На сердце — песня радости вселенной,
Что сквозь века пробилась, как родник.

И полюбил я силу в человеке,
И научился радость жизни брать.
За это всё, за это всё — навеки
Тебе я благодарен, русский брат.

Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил,
Ты мой народ, для радости народа,
С народами другими породнил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда, душа моя, гордись!
С десятком жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

Между 1951 и 1954

Перевод с башкирского

Евгений Винокуров

195. ПОСЛЕ ЗАЛПА

Когда огнем рвануло
Из пушечных отверстий,
Качнулся шпиль от гула
На Адмиралтействе.

Конь дико прынул, стоя
На двух копытах задних,
Едва сдержал уздой
Коня
могучий всадник.

С хранилища преданий
В огне у перекрестка,
С тяжеловесных зданий
Осыпалась известка.

И в грозном снаряженье
Ораторы России
Отчизны возрожденье
В ту ночь провозгласили.

Они
в раскатах, в звоне,
В распахнутых бушлатах
Кричали...

Их ладони
Лежали на гранатах.

Всю ночь о высшей мере,
О наступившем сроке,
О будущем

гремели
Плечистые пророки.

Развил знамена ветер,
Клинки блеснули сабель,
Всё стало ясно в свете
Пылающих усадеб.

И снова с мощным вздохом
Орудья разрядились...

Так началась эпоха,
В которой мы
родились!

1953

Николай Заболоцкий

196. ХОДОКИ

В зипунах домашнего покроя,
Из далеких сел, из-за Оки,
Шли они, неведомые, трое —
По мирскому делу ходоки.

Русь металась в голоде и буре,
Всё смешалось, сдвинутое враз.
Гул вокзалов, крик в комендатуре,
Человечье горе без прикрас.

Только эти трое почему-то
Выделялись в скопище людей,
Не кричали бешено и люто,
Не ломали строй очередей.

Всматривались старыми глазами
В то, что здесь наделала нужда,
Горевали путники, а сами
Говорили мало, как всегда.

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним,—
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Эти трое мало говорили.
Что слова! Была не в этом суть.
Но зато в душе они скопили
Многое за долгий этот путь.

Потому, быть может, и таились
В их глазах тревожные огни
В поздний час, когда остановились
У порога Смольного они.

Но когда радушный их хозяин,
Человек в потертом пиджаке,
Сам работой до смерти измаян,
С ними говорил накоротке,

Говорил о скудном их районе,
Говорил о той поре, когда
Выйдут электрические кони
На поля народного труда,

Говорил, как жизнь расправит крылья,
Как, воспрянув духом, весь народ
Золотые хлебы изобилья
По стране, ликуя, понесет,—

Лишь тогда тяжелая тревога
В трех сердцах растаяла, как сон,
И внезапно стало видно много
Из того, что видел только он.

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
И в руках стыдливо показались
Черствые ржаные кренделя.

С этим угощением безыскусным
К Ленину крестьяне подошли.
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли.

1954

Владимир Сосюра

197. РОССИИ

Уже в цвету пригорки и долины,
сады осыпал нежный, вешний цвет.
С теплом весны России Украина
шлет свой привет, свой братский шлет привет.

Мы любим Русь! Ей — всех сердец биенье,
она, как солнце, согревает нас.
Со дня Великого соединенья
весна пришла уже в трехсотый раз!

Не страшен враг сплотившимся народам,
нам суждены великие дела:
нам под высоким этим небосводом
стальные крылья партия дала.

Не раз врага мы вместе отражали,
не погасить наш свет в кровавой мгле!
О Русь моя! Сверкающие дали
открыла ты всем людям на земле.

Мы пронесли с тобою стяг свободы
во все края в решающей борьбе.
Недаром предки наши в час невзгоды
клялись в навечной верности тебе!

Хвала ж тебе, чьи взоры лучезарны,
за все труды твои — тебе хвала!
Навек тебе народы благодарны
за то, что ты им Ленина дала,

над горящей моей головой.
Говорит мне простое и нужное:
«Собирайся,

товарищ,

в путь.

Только ты не проси оружия —
ты оружие сам добудь».

Я встаю.

Я выдержу.

Сдюжу я!

Не сгибаясь,

весь на виду,

безоружный

иду за оружием,

без друзей

за друзьями иду!

Ни уютной тепленькой сырости,

ни сгибающим спину годам,

ни мещанской постыдной сытости

Революцию

я

не продам!

1955

Николай Браун

199. 24 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Он в этот вечер здесь, за этим
Столom, у этого окна,
Знал, перед будущим в ответе,—
Задача будет решена!
Теперь всё ясно: то, что было
Несвоевременно вчера,
Не может ждать и до утра...
Он окунул перо в чернила.
Рука торопится: пора!
Сегодня. Завтра будет поздно.
Сегодня — или никогда!
Россия ждет.
В молчанье грозном
Притихли села, города.

Россия ждет.
Иссякли сроки,
И всё висит на волоске.
Бегут уверенные строки,
Мысль горяча. Перо в руке
Не дрогнет.
Слабых убеждая,
Оно с друзьями говорит.
Но мысль, перо опережая,
Уже в грядущее глядит.
Уже расчетом полководца
Она готовит близкий бой,
Пусть это риск. Но сердце бьется.
Оно всей кровью, всей судьбой,
Всей силой высшего прозренья
Победу видит впереди —
В ней революции спасенье.
Иной дороги нет.
Веди!..

Не утихал октябрьский ветер,
Качался тополь за окном,
В тот миг единственный свидетель
Строк, переполненных огнем.
Скорей же в бурю, в ночь, в дорогу!
Он сам, как буря, окрылен.
Перо скрипит...
Еще немного —
И настезь дверь откроет он.

1956

Евгений Евтушенко

200. ОКТЯБРЬ

Над судьбами,
пути
ты в памяти, Октябрь!

...С землю под ногтями
воители в лаптях,

задумчивая ясность
ленинского
лба,
шагов матросских властность
у мраморного льва,
и в сумерках лиловых,
в кострах
и голосах,
мерцание «лимонок»
на рыжих поясах...
Дохни железным ветром
и помоги в пути,
штыков суровым светом
лицо мне освети!

За всё я отвечаю
и отвечать хочу,
но часто замечаю —
не всё мне по плечу.
Хочу,
желаю,
смею,
а остаюсь в долгу —
еще не всё
умею,
еще не всё
могу.

Ты —
мужество решений,
направленность судьбы,
и празднества свершений,
и будничность борьбы.
Ты —
чувств и мыслей зрелость,
ты —
знамя и рычаг,
и смелость,
смелость,
смелость
в поступках
и речах...

Ты сердцу верь по стуку.
Прими меня в бойцы,
веди меня повсюду
на Зимние дворцы!

1956

Михаил Исаковский

201. 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Пока еще единственная в мире...

Всё, что сбылось иль, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет! —
Всё в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму, —
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет,
Он только ярче будет разгораться!

1956

Вячеслав Кузнецов

202. ЗА СЧАСТЬЕ

Семнадцатый...
Теплушки и заплаты.
Шатает тиф
 голодную страну.
Матросы.
Бородатые солдаты,
ушедшие с войны и на войну.
Смертельный бой грохочет дни и ночи...
Не поступаясь правдою своей,
в последний бой
 идет народ рабочий
за счастье дочерей и сыновей.

А сыновья,
взрослея понемногу,
идут к штурвалам
 в мир больших тревог,
и каждый по душе берет дорогу
из самых трудных на земле дорог.
Но снова бой
 июньским утром ранним...
Суровой складки скорби у бровей.
То сыновья бессмертных ветеранов
идут в огонь
 за счастье сыновей.

...Отцы платили кровью за победу,
и вот пробил ее великий час.
Но в мир идут, как прежде, непоседы,
ни тягот, ни лишений не страшась.
Вот здесь ко мне и нужно бы придраться:
а где же счастье,

у каких дверей?
Да только есть
такое счастье —
драться
за счастье
сыновей и дочерей.

1956

Ольга Берггольц

203. ПЕРВОРОССИЙСК

Отрывки из поэмы

Нет, я не в прошлое глядела —
в твой полдень, Родина, когда
в крови поэма зазвенела,
ревниво требуя труда.

Твою борьбу, твое горенье
не скроет времени зола:
ты с самых первых дней рожденья
для мира — будущим была.

И первым в будущее брошен
и жизнью вымощен живой,—
он никогда не станет *прошлым*,
твой трудный путь, твой огневой.

Твои младенческие годы
от колыбели Октября
теперь без мук твоих народы —
без мук тягчайших — повторяют.

Так пусть же помнят, строя счастье,
как много вложено сюда
твоей мечты, и жертв, и страсти,
и неподкупного труда.

Вот почему с такою силой
во мне по-новому звучит
история Первороссийска...
Не пепел — это кровь стучит.

Не пепел — пламень новой жизни,
всю землю озаривший вновь,—
твой, Революция — Отчизна —
Россия — Партия — Любовь.

1

Шли ходоки из Питера Алтаем,
шли осенью в семнадцатом году:
искали землю — где она, такая,
под стать освобожденному труду?

Они взошли на горные массивы,—
здесь травы им достигли до бровей.
Сквозь травы незнакомая Россия
виднелась в новой прелести своей.

Не бедным полем с тонкою ракитой,
с часовнями у робких родников,—
в венце вершин, потоками увитых,
она открылась взорам ходоков.

Открылась в буйстве позднего цветенья,
всем зовом неизведанной земли,
и облака, как в первый день творенья,
под их ногами пыльными прошли.

И ветер был — орлиный, чуждый, юный,
багровых маков дыбились пучки...
«Мы отыскиали землю для коммуны»,—
писали петроградцам ходоки.

2

Ночь. Петроград. Над Невскою заставой
полярного сиянья полоса.
Кирпичный дом, и в двух окошках справа
неяркий свет, и дым, и голоса.

...Пусть подойдет со мной и пусть заглянет
мой друг в тот год, в ту комнату — сюда,
откуда луч трепещущий протянет
в сегодня наше, в завтра, в навсегда...

...Кирпичный дом — Обуховская школа.
Доска, скамейки, длинные столы,
пятилинейной лампы свет тяжелый
и сумраком сокрытые углы.

В прошедшем веке, в девяностых годах,
вот в этот дом пришли большевики,
чтобы законам правды и свободы
учить рабочих, рабству вопреки.
Стуча мелком

по доскам в клетках красных,
уроки арифметики они
вдруг превращали в митинг —
гневный, страстный,
всю видимость урока сохранив...

Здесь осенью, в одно из воскресений,
узнав от педагога своего,
что день назад скончался Фридрих Энгельс,
почтили «вечной памятью» его...

Теперь здесь штаб коммуны — в этом зданье.
Сегодня ночью заседает штаб,
чтоб подготовить к общему собранью
наглядный план коммуны и устав...

...О, пусть мой друг внимательно взглянется
сквозь дымное, туманное стекло
в их вдохновенные простые лица,
в то, что бессмертно, хоть уже прошло.
Да, в нынешнем движении победном
ты стал мудрее, чем они, сильнее,
но ты потомок их, ты их наследник.
Гордись же родословною своей.

Здесь, в этом классе, вдохновитель дела
Гремякин, техник из рабочих. Он
всегда порывист, воодушевлен,
партиец года Ленского расстрела.
Высокий, в вышитой косоворотке
(распахнут ворот — жарко, духота),
Гремякин нервно теревит бородку,—
она колечком русым завита.
Горят его обтянутые скулы
и темные глубокие глаза.

Вот он вскочил, вцепился в спинку стула, —
он хочет что-то главное сказать.

Здесь молодой Алеша, подмастерье.
Начитан парень, а уж как поет!
Большевику Гремякину поверив,
теперь всегда везде за ним пойдет.

Здесь друг Гремякина, его советчик,
Степан Клинкович, металлист-пушкарь.
Он с Пятого — испытанный пикетчик,
Гроза штрейкбрехеров, вожак, бунтарь.

Его глаза огнем мерцают синим
над бородой, занявшей пол-лица.
Приземист он, с плечами как литыми,
с тяжелыми руками кузнеца.

Здесь тетя Катя, невская ткачиха.
Клинкович молодым из-за нее
с парнями на кулачках дрался лихо,
страдал, гулял, но взял-таки свое.

Она ведь тоненькой была, как стрелка,
насмешница, заноза, егоза.
А как ткала, как бегала в горелки,
как пела песню «Карие глаза»!

*«Карие глазки, куда вы скрылись?
А-ах, мне вас больше не видать!
Куда вы скрылись? Удалились?
Навек заставили страдать...»*

Как упустить ее, такую, было?
Не упустил! Она ему сполна
вернула всё: в пикеты с ним ходила,
сидел в кутузке — бублики носила,
в беде — помощник и в дому — сильна!
Ух, как она Степана ревновала!
И было бы за что! Ведь просто так.
Дохнуть ему порою не давала.
Он невозможно счастлив был, чудак...
Теперь она грузна, могуча...

Люба

Гремякина — девчонка рядом с ней:
прижалась к Кате, чуть открыла губы,
усталая — черемухи бледней,
а кос ее высокая корона
чуть блещет медью в сумрачном огне...

...Она была подносицей камней
тогда, в Обуховскую оборону,
когда почти что детскими руками
из плотных, из булыжных мостовых
в одно мгновение вырывала камни,
чтобы бросать в солдат, в городских.

Схватив булыжник из ее подола
и обернувшись, чтобы взять другой,—
Василий вздрогнул, точно брошен в холод,
и девушку загородил собой.
Уже солдаты ружья приложили
к плечу, прищурясь, поднимая бровь...
«Как вас зовут?» — спеша, спросил Василий.
Она, не глядя, крикнула: «Любовь!»
«Любовь,— мелькнуло,— вот она какая!..»
О том, что это *имя*, он забыл;
булыжник за булыжником хватая
из рук ее, метал, что было сил.
А через день, с той баррикады прямо,
уже разбитой, кое-как они
пробрались к Любе... Та сказала: «Мама,
благословите нас, вот мой жених».

...И вот сидит, прижавшись к тете Кате,
на мужа смотрит — свечкою горит
и жадно слушает, как он, мечтатель,
о будущей коммуне говорит.

Они давно, давно ее лелеют,
сквозь гнет, и мрак, и тюрьмы пронесли —
трудящихся бессмертную идею,
мечту истории, мечту земли.

И в дни, когда еще не взяли власти,
но знали, что возьмут наверняка,
они зажглись неодолимой страстью
создать коммуну, хоть одну пока.

Всё впереди — борьба, сражений дали,
им будущее с бою надо взять,—
но ходоков они уже послали,
чтоб землю для коммуны подыскать.

Теперь Октябрь дает им власть и право
осуществить желанье до конца —
и с новой силой за глухой заставой
мысль о коммуне вспыхнула в сердцах.

О, буйный ветер Семнадцатого года!
Порвав крепчайшие из всех цепей,
как опьянен народ своей свободой —
восставший, победивший Прометей.

Везде орлов романовских сшибают,
приделывают флаги на кресты,
по-новому проспекты называют,
и все — товарищи, и все — на «ты».

Всё в нашей власти! Всё! И нет такого,
чего бы не могли мы совершить!
Еще вчера — бродячий призрак, слово,
Коммуна — жизнь! Коммуной будем жить!

Всё можно! Революции пожаром
страшнейших царств стираются черты...

...И наклонилась группа коммунаров
над самым первым чертежом мечты,
а перед ними, вычерчен красиво
на жестких, на негнущихся листах,
проект и надпись:

*«Первая Российская
Коммуна Землеробов».* И устав.

Звездоподобен светлый план селенья.
Как центр звезды — из мрамора Совет.
Устав коммуны — жестче вдохновенья:
его прообраз — ленинский декрет.
И ходоков письмо. Оно измято,—
о, сколько раз его читали здесь!
Оно как голубь, что пришел обратно,—
из будущего трепетная весть.

Но новое великое волнение
Гремякин внес сегодня ночью в штаб:
«Друзья мои... А пусть товарищ Ленин
проверит нас. А вдруг — не тот масштаб?
Вдруг размахнулись робко?»

— «Быть не может!»

— «Но если правы мы, то он тогда
нам и теперь и в будущем поможет...
Идем к нему?»

— «Идем... Конечно! Да!»

...И вновь они склоняются над планом:
вот здесь — театр... больница... детский сад.
В домах — вода... На площади фонтаны,
и фонари по вечерам горят.
А в школе — ежедневные занятия, —
все учатся, всё шире кругозор,
и рушится невежества проклятье,
привычек рабских бремя и позор!

Вот так они мечтают — всё чудесней,
всё пламеннее...

Так, что под конец
сама собою возникает песня
и рвется из распахнутых сердец:

«В Петрограде за Невской заставой,
от аптеки версты полторы,
собирались в Обуховской школе
коммунары Российской земли.
Собирались они не случайно,
но объаты идеей одной,
чтобы жить трудовой коммуной,
вместе жить пролетарской семьей...»

Огнедышаш, творящ и светел,
в эту ночь над мерзлой Невой
до рассвета носился ветер
Революции мировой...

«Владимир Ильич,
к вам пришли из-за Невской заставы
рабочие».

Встал. «Из-за Невской? Скажите — прошу».
Прошелся, одернул пиджак и дела полумира отставил,
и только рука, по привычке,
к блокноту и карандашу.
И вдруг улыбнулся, прищурясь...

Они — из-за Невской?
Оттуда, где юность была? Где начало всего?
Где Наденька Крупская

тоненькой строгой невестою
ходила к ткачихам — для первых листовок его...

На фабрику «Торнтон», одета работницей, милая,
и дома-общезитя,

в трущобы,—

их звали тогда «корабли»,—
и если порой посетители школы Корнилова
ее узнавали — не кланялись ей: берегли.

А дом в переулке,

с крылечком, скрипевшим отчаянно,
и всячею лампой — кружок собирался зимой,—
и темный трактирчик в пузатых дымящихся чайниках,
где как-то сидел,

чтоб разведать о стачке одной...

Трактирчик был полон. Все пили... И было не душно им.
Ильич засмеялся: потратил полсуток, а жаль!

Мещане бубнили,

чаями распаривши душеньку:

«Фабричных карают? И правильно!

Ты не скандаль, не скандаль!»

Он вышел с каким-то фабричным,

и оба в туман зашагали,

и Ленин спросил его: «Слышал?»

А тот: «Не робей, погоди!

Страшают? Да пусть их! А мы еще так

„поскандалим“!..»

...И радость,

как жаркий родник,

застучала в груди!

И там, на окраинах, там, за глухими заставами,
он верно к рабочему сердцу пути отыскал:

он жадно их слушал,
учил их,
права их отстаивал
и первым всю правду о русском рабочем сказал:
не столько о том, что живет в нищете и несправии,
о том, что восстанет,
низвергнувши гнет роковой,
что именно он пролетариев мира возглавит,
что он поведет к революции мир за собой.
«Они из-за Невской? Просите! Да что же там мешкают!»
И те, что вошли,— изумились,
гудя вперемешку:
с такою веселой, открытой,
доверчивой нежностью
он руки им жал,— молодой, молодой, молодой!
Как будто б давно,
по-домашнему,
близко знакомы...
«Садитесь, прошу вас... Поближе!»
Указывал место.
Как будто бы не было
у председателя Совнаркома
великих забот: голодухи, разрухи и Бреста...
«Ну, грейтесь, товарищи... Как добирались?
Конкой?»
Смущенно:
«Пытались... да встал паровик на пути —
паров не хватило!»
Смеется, как юноша, звонко:
«Так как же, друзья? Не пора ль на трамвай перейти? —
И — тихо, прищурясь:
«Подумать, за Невской —
трамваи!»
Да что там... Трущобы сметем
и сожжем „корабли“,
зальем ее светом,
застроим дворцами,—
потом не узнаем,
а конку — в музей...
чтобы дети смеяться могли».
О, как ему просто открыться,
о, как с ним мечтается бурно,
как дышится с ним — и дыханье и сердце отдай!

«Владимир Ильич, мы решили построить коммуны, коммуны рабочих... и вот — собрались на Алтай».

— «Алтай? Почему?»

— «Да уж очень свободно, красиво...»

— «А что же, под Питером мало свободной земли?»

— «Владимир Ильич, там растенья немислимой силы, нам так написали,— красивей земли не нашли...»

— «Владимир Ильич,

мы стремимся туда не напрасно,—
Гремякин промолвил,— мы трудности тоже учли,
но сделаем нашу коммуны

такую прекрасной,
чтоб люди иначе

ни жить, ни мечтать не могли!»

Клишкович добавил:

«Мы в эти далекие дали
в текущий момент собрались, полагаю, не зря:
там ссыльных видали,

а нас никогда не видали —
свободных рабочих

и гвардию Октября».

Не может молчать восемнадцатилетний Алеша:

«Мы „Первороссийском“ коммуны свою называем!»

И Ленин подумал: «Какой же парнишка хороший.

Как Бабушкин в юности...»

Эту породу мы знаем...»

«Владимир Ильич... как один — мы готовы в дорогу,
да выехать не на чем:

с транспортом гроб и конец!»

...Он смотрит на них,

он любитя ими,

жалеет немного,—
так юного сына жалеет

суровый и мудрый отец.

«Они фантазируют... Всё это слишком красиво...»

Всё будет не так... Но захвачены страстью... Пускай!

А как без фантазии

можно бы было в России
начать революцию?»

Пусть же идут на Алтай.

Пусть учатся строить на опыте трудном. Так нужно...»

И взгляд не отводит от дали,

открытой ему,

и громко:

«Согласен! А сколько берете оружия?»
— «Оружья, Владимир Ильич? Не берем... Ни к чему,
мы с мирною целью».

— «Ах, с мирной? Ну, значит, сражаться!»
Я дам приказание — выделить лучший состав
и сотню винтовок... Нет, мало.

Захватим сто двадцать
и сколько угодно патронов...»

И вдруг замолкает, привстав.
И в комнате тихо, как будто б не воздух, а струны:
коснуться опасно — порвутся...

И так — до отказа...
Но он прикоснулся:

«Друзья! Мы построим Коммуну,
построим! Но только не так и не сразу.

Россия рождает Коммуну в тяжелых терзаниях
(Ильич помолчал)... в непомерной,

обильной крови...

Но кто б от любви зарекался

на том основанье,
что роды — ужасны? Кто б видел лишь это в любви?
Коммуна!.. (Лицо Ильича озарила улыбка —
прекрасная.) Да! Мы к Коммуне идем неустанно,
идем, обучаясь,

идем, совершая ошибки,
идем с героизмом,

который сильней героизма восстаний...

И вы — поезжайте... Но будьте готовы, чтоб к лету
вам встать во главе

пробуждающейся бедноты.

Я вас посылаю —

крепить на Алтае Советы
и драться с врагами

во имя всемирной мечты...

Здесь кто-то сказал,

что рабочих, как вы, не видали
в деревне?

Мы сотни отрядов отправим туда,
рабочих отрядов,

надежнее кованой стали,
вождей бедноты,

рядовых государства труда! —

Придвинул блокнот, и рука по листку полетела: —
Возьмите... Здесь просьба моя

о содействии вам
во всем учреждениям в России.

Так что же — за дело?

Рабочий поход

никогда не осилить врагам».

Они поднимаются с мест,

возмужавшие, новые люди,

и вождем заглянувшие в дали истории новой...

«Владимир Ильич! Ваших слов никогда не забудем.

Поверьте, к такому походу готовы... готовы...

Владимир Ильич, обязательно к нам приезжайте.

Далеко, конечно, в Коммуну... но будет не худо...»

Чуть дрогнули губы вождя:

«Да, я знаю! Ну, стройте, мужайте.

Я буду в Коммуне у вас... обязательно буду».

Он провожал до двери их.

А после

встал у окна... Метель кипит в окне,
февральских сумерек синеет проседь,
и комната плывет в голубизне.

О, если б уходящие видали
тот взгляд, которым он глядит им вслед!..

А в это время по ночному снегу,
сквозь дым костров и питерский туман,
за Невскую, к холодному ночлегу
бредут посланцы первороссиян.

Бредут, порой хватаясь друг за друга
(давно трамваи встали, конок нет),
их голод валит, их качает вьюга
и — сумасшедшая! — заносит след.

Костры, костры на Старо-Невском светят,
идущих окликают патрули,
и веет им в лицо орлиный ветер
с далекой их, загаданной земли.

Они на всё готовы с этой ночи,
ни голод их, ни стужа не согнет;
они вступили в грозный свой, рабочий,
своим вождем указанный поход.

Между 1949 и 1957

204. КОСТРЫ

Пощади мое сердце
И волю мою
Укрепи,
Потому что
Мне снятся костры
В запорожской весенней степи.
Слышу — кони храпят,
Слышу — запах
Горячих коней,
Слышу давние песни
Вовек не утраченных
Дней.
Вижу мак-кровянец,
С Перекопа принесший
Весну,
И луну над конями —
Татарскую в небе
Луну.
И одну на рассвете,
Одну,
Как весенняя синь,
Чьи припухшие губы
Горячей,
Чем седая полынь.
Укрепи мою волю
И сердце мое
Не тревожь,
Потому что мне снится
Вечерней зари
Окровавленный нож,
Дрожь степного простора,
Махновских тачанок
Следы
И под конским копытом
Холодная пленка
Воды.
Эти кони истлели,
И сны эти
Очень стары.

Почему же
Мне снова приснились
В степях запорожских
Костры,
Ледяная звезда
И оплывшие стены
Траншей,
Запах соли и йода,
Летящий
С ночных Сивашей?
Будто кони храпят,
Будто легкие тени
Встают,
Будто гимн коммунизма
Охрипшие глотки
Поют.
И плывет у костра,
Бурым бархатом
Грозно горя,
Знамя мертвых солдат,
Утвердивших
Закон Октября.
Это Фрунзе
Вручает его
Позабытым полкам,
И ветра Черноморья
Текут
По солдатским щекам.
И от крови погибших,
Как рана, запекся
Закат.
Маки пламенем алым
До самого моря
Горят.
Унеси мое сердце
В тревожную эту
Страну,
Где на синем просторе
Тебя целовал я
Одну,—
Словно тучка пролетная,
Словно степной
Ветерок,
Мира нового молодость —

Мака
Кровавый цветок.
От степей зацветающих
Влажная тянет
Теплынь,
И горчит на губах
Поцелуев
Сухая полынь.
И навстречу кострам,
Поднимаясь
Над будущим днем,
Полыхает восход
Боевым
Темно-алым огнем.
Может быть,
Это старость,
Весна,
Запорожских степей забытье?
Нет!
Это — сны революции,
Это — бессмертье мое.

12—13 апреля 1957

Павел Антокольский

205. ОКТЯБРЬСКИЙ ВИХРЬ

Октябрьский вихорь спящих будит
На бурных митингах своих,
Не шутит он, а грозно судит
О всем, что было, есть и будет,—
Октябрьский вихрь, октябрьский вихрь.

Он в корабельной свищет снасти,
Казнит последышей династий,
Сулит купечеству ненастье,
Банкротов губит биржевых,
Скликает пригороды в город
И, распахнув свой потный ворот,
С одною смертью насмерть спорит
И оставляет жизнь в живых.

С ним подружились мы однажды,
Когда на Кремль солдаты шли.
Рты запеклись от жгучей жажды.
Мы были голодны. Но каждый
Мечтал о счастье всей земли.

О, тусклый отблеск туч свинцовых
На ржавой жести крыш дворцовых,
О, грязь в домах, о, страх жильцов их
Пред благодушием солдат!
О, как нам весело бывало,
Когда рядам людского шквала
История передавала
Свой наспех писанный мандат!

Гнилым низинам нет пощады
Со стороны нагих крутизн.
Пусть погибнет кров дощатый,
Пусть бездомна и нища ты,—
Ты навсегда прекрасна, Жизнь!

Твой выбор прям без оговорок.
Твой взор навеки чист и зорок.
Пройдет и двадцать лет, и сорок,
Немало будет горьких тризн.
Сегодня будем слушать речи,
Проведем ум, расправим плечи,
Но знаешь — ради первой встречи
Дай нам твое бессмертье, Жизнь!

1957

Константин Ваншенкин

206. ОКТЯБРЬ

Оставив наше мирное жилье,
В урочный час,
 в погоду, в непогоду —
Свершаем путешествие свое
К исходному семнадцатому году.

Не просто экскурсенты в выходной,
Что сквозь стекло глядят на экспонаты.

Опять,
 в который раз очередной,
Идем туда —
 под песни и гранаты.

И я с другими рядышком шагал
Сквозь дождь и снег,
 в безмолвии и в гаме,
И я Октябрь годами постигал,
Как жизнь, что постигается годами.

Он с каждым разом в облике ином
Являлся, нашей сделавшись судьбою:
Он в детстве был неясным сладким сном,
Октябрьским красным флагом и стрельбою.

Он в юности отчаянно манил
Соленым ощущением простора,
Отвагою живущих в сердце сил
И ленточкою с надписью «Аврора».

Но всё равно он был еще тогда
Лишь праздником, осенним Первомаем.
Летят года...

 И в зрелые года
Вновь для себя Октябрь мы открываем.

Мы к Октябрю сквозь время подошли,
И ясно нам,

 его путем идущим,
Что это философия Земли
Сегодня и тем более в грядущем.

...Мы вновь и вновь
 свершаем дальний путь,
Туда, где пламенеет эта дата.
И нам волнение сдавливают грудь,
Как лента пулеметная когда-то.

1957

207. ГОРЦЫ У ЛЕНИНА

В это время уже в дагестанских горах
Люди песни о нем и слагали и пели.
С этим именем на пересохших губах
Умирали бойцы в Араканском ущелье.

В тесноте наших дымных и бедных лачуг
Узнавали легенды о нем друг от друга.
И когда пел о Ленине песню ашуг,
Снова петь эту песню заставляли ашуга.

Знали имя его,
Но в горах никогда
Не видали хотя б небольшого портрета...
В Дагестане тяжелые были года,
Были жаркие битвы и жаркое лето.

Как мечтают морозной зимой о весне
И как в полдень палящий мечтают о тени,
Так уставшим, измученным людям во сне
Снился Ленин.

Им казалось:
Он был выше сосен и гор,
Вынет шашку —
Враги разбегаются в страхе.
Им казалось, что острый, как лезвие, взор
И блестит и горит из-под черной папахи.

И когда собрались в путь-дорогу к нему,
Снарядились в столицу послы Дагестана,
Насекли кубачинцы
Огромную шашку ему
И в Анди приготовили
Бурку на великана.

Повезли ему трубку
С алмазами чистой воды,
Повезли ему шитые шелком кисеты.
А еще Дагестан —
Весь,

От Каспия до Цумады,—
Передал ему теплое слово привета.

И пошли через горы, поля, города,
На ветру обжигая широкие лица,
Горцы,
Много выдавшие,
Но никогда
Не бывавшие в светлой советской столице.

А в Москве дорогой, а в Москве трудовой
От зари и до ночи кипела работа...
У Кремлевской стены молодой часовой
Отсалютовал им, пропуская в ворота.

Отворились им двери во всю свою ширь.
Всё здесь было приветливо, строго и просто,
И в приемную вышел к ним
Не богатырь,
А простой человек невысокого роста.

И в кремлевских палатах,
Средь стен расписных,
Как-то ласково шурясь от яркого света,
Словно старый их друг, он сидел среди них,
Говорил, как с друзьями,
И спрашивал даже совета.

Незаметно и быстро часы пронеслись,
И послы Дагестана так счастливы были,
Что когда уж совсем уходить собрались,
То чуть-чуть про подарки свои не забыли.

И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,
Взял и бурку, и шашку с насечкой горящей,
Взял и трубку
И, чтоб не расстроить друзей,
Им тогда не признался,
Что он некурящий.

И сказали они:
«В нашем горном краю
Никогда твоего не видали портрета.
Ты, Ильич, фотографию дай нам свою —
Самым лучшим подарком для нас будет это».

И посланцы народа спешили домой,
По пути обсуждая идеи и планы.
И несли они горцам портрет дорогой,
Где написано Лениным:
«Красному Дагестану».

1957

Перевод с аварского

Леонид Мартынов

208. ВАС НЕ БЫЛО ЕЩЕ...

Вы
Видели ее,
Когда она настала?
Она взяла свое.
Свергала с пьедестала
Всех, кто пытался влезть
Низвергнутым на смену.
Прыть, краснобайство, лезть —
Всё потеряло цену.

На пыльной мостовой
С опавшею листвою
Керенок прах мешала,
По-своему решала.
Сорила шелухой
Подсолнухов лущеных.
Казались чепухой
Сомнения ученых.
Казались пустяком
И саботаж и фронда
В сравнение с мужиком,
Упорно прущим с фронта.
И были ерундой
Европы пересуды
В сравнении с нуждой
Оборванного люда.

Шла осень горячо.
Шли толпы. Страшен гнев их.

Вас не было еще
И в материнских чревах,
Когда дрались отцы
И кровь из ран хлестала.
Вас не было, юнцы,
Когда она настала —
На горе меньшинству
И большинству на счастье,
Настала наяву,
Чтоб стать Советской властью!

1957

209

Я знаю, чем была
Ты в нимбе старой славы,
Качая величаво
Свои колокола.

Уж ты не обессудь:
Я вовсе не поклонник
Рыдающих гармоник,—
Совсем не в этом суть!

Была ты избяной,
Была ты деревянной,
Тележною и санной,
Лучинной и свечной.

Но были вместе с тем
Отели, скетинг-ринки
И всякие новинки,
Машинки всех систем.

Хоромы, терема —
Всё это были ширмы,
За ними были фирмы,
Торговые дома.

Любил народ честной
Нехитрое веселье,
Цветные карусели
Вертелись на Страстной.

538

Месила ты кисель,
Но тресты и картели
Вертели, как хотели,
Всю эту карусель,

Чтоб ты в конце концов,
Усталая от пляса,
На пушечное мясо
Пошла, страна отцов.

Пошла-то ты пошла,
Да посшибала главы
Двуглавого орла.

...Я знаю, чем была
Ты в нимбе древней славы,
Качая величаво
Свои колокола.

1957

Булат Окуджава

210. СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Е. Евтушенко

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит
и острый локоть отведет.

Надежда, я останусь цел:
не для меня земля сырая,
и для меня — твои тревоги
и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет
и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною
смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи, пускай тогда
трубач израненный привстанет,
чтобы последняя граната
меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое новое сражение
ни покачнуло б шар земной,
я всё равно паду на той,
на той далекой, на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной

1957

Ярослав Смеляков

211. ШЕСТИДЮЙМОВКА «АВРОРЫ»

Зимним утром, неспешно и праздно,
и не весел, и вроде не зол,
размышляя о мелочи разной,
я вдоль невского берега шел.

И как раз в эту самую пору —
я узнал ее всем существом! —
мне впервые явилась «Аврора»
в неподвижном величье своем.

...По-граждански нескладно одетый,
замирая от счастья тайком,
шел я тихо по палубе этой,
запорошенной мирным снежком.

И потом, оглянувшись неловко,
в тишине, словно мальчик какой,
легендарной той шестидюймовки
я несмело коснулся рукой.

Сразу пальцы недвижными стали,
я не смог их тогда развести:
ощущение бури и стали
я унес осторожно в горсти.

Что мне мелкие счастье и горе,
что с того, что сутулиться стал,
если я на самой на «Авроре»,
озаренный и бледный, стоял!

Есть ли где человек такой,
что счастливее, чем поэт?
Через сердце мое идет
караван вдохновенных лет...
Это — строки мои стихов,
воли масс отраженный свет.

Наливается силой грудь,
когда говорят — Октябрь!
И не страшен мне трудный путь,
когда говорят — Октябрь!

И знаменами праздник свой
украшаем мы каждый год.
Не вмещается в этот мир
радость всех, что в сердцах живет.
Вижу родину нашу я,
нашу партию, наш народ.

Их я вижу в сердце всегда,
когда говорят — Октябрь!
Вижу — светит Кремля звезда,
когда говорят — Октябрь!

1957

Перевод с азербайджанского

Алексей Сурков

213. ОКТЯБРЬСКИЙ ТРИПТИХ

Где раньше скользили нарядные яхты,
В Неву из Кронштадта плывет пароход.
По правому борту — причалы брандвахты,
По левому борту — Балтийский завод.

Волна набегает свинцовым накатом
И брызгами бьет по усам моряков,
По черным шинелям, по влажным бушлатам,
По остро отточенным иглам штыков.

Трепещущих выпелов ленты косые
Взлетают по фалам и падают в тень.
Ну, разве ты думал, что это Россия
Форштевнем врежется в завтрашний день?

2

Беснуется ветер лихой, окаянный.
Безлюдный, беззвездный ночной Петроград.
На ленточке надпись «Андрей Первозванный»,
Наган, и винтовка, и пара гранат.

Пришел он сюда из свеаборгской дали,
Готовый врага победить или пасть.
Его с «Первозванного» первым позвали
Отнять у буржуев Россию и власть.

Гремящими залпами слева и справа
Дорогу ему размечает стрельба.
Матрос этот — наша бессмертная слава,
В века вознесенная наша судьба.

3

Покончив с тревогами жизни подпольной,
С восставшими радость победы деля,
Он прибыл, как было условлено,
в Смольный,
Чтоб, именем партии, встать у руля.

Вот он по ступенькам взбежал торопливо.
Вон он, сквозь толпу пробираясь, идет.
Его узнают, улыбаясь счастливо,
Жмут руку ему, пропускают вперед.

В гремящем овацией актовом зале
Так тесно, что яблоку негде упасть.

Тут всем, кто стоял в коридоре, сказали:
«Ильич объявляет Советскую власть!»

1957

Та кровь, что пролита недаром
В сорокалетний этот срок,
Нет, не иссякла вешним паром
И не ушла она в песок.

Не затвердела год от года,
Не запеклась еще она.
Та кровь подвижника-народа
Свежа, красна и солона.

Ей не довольно стать зеленой
В лугах травой, в садах листвою,
Она живой, нерастворенной
Горит, как пламень заревой.

Стучит в сердца, владеет нами,
Не отпуская ни на час,
Чтоб наших жертв святая память
В пути не покидала нас.

Чтоб нам, внимая славословью,
И в праздник нынешних побед
Не забывать, что этой кровью
Дымится наш вчерашний след.

И знать, что к бою правомочна
Она призвать нас вновь и вновь...

Как говорится: «Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

1957

215. КЕМ МЫ БЫЛИ И КЕМ СТАЛИ

(Из истории нашего народа)

Киргизский народ мой! Ты с древних времен
Был вечно в тревоге, гоним, угнетен.
Еще до прихода в мой край Магомета
Ты был и покоя и счастья лишен.
Казалось, что мир необъятного света
Для нас был в игольном ушке заключен.

Бывали порой времена и другие,
Когда утихали набегι лихие.
Но коротки были счастливые дни,
Как будто сквозь сумерки эти немые
Мигали и гасли коптилок огни,
Теряя во мраке лучи золотые.

И всё, что добыто народным трудом,
Во тьме и беде забывалось потом.
Лишь знаки на камне века сохраняли,
Не смыло водой, не свело их огнем.
Теперь лишь ученые их разгадали,
Да эпос народный поет о былом.

Бывало, киргизы, согласно преданью,
Чтоб связь поддержать на большом расстоянии,
С гонцом посылали камчу и платок.
И это служило к тому указаньем,
Что верить гонцу получивший их мог
И с ним мог отправить обратно посланье.

Неграмотен был мой киргизский народ,
Не знал ничего, кроме вечных невзгод.
Людей образованных было немного —
Четыре муллы да один скотовод.
Муллы воспевали и славили бога
И новый народу готовили гнет.

Вот так проходили века за веками,
Был скован народ мой двойными цепями,
И бедам своим он не видел конца.

Два коршуна вечно летали над нами —
Нужда и невежество — два близнеца,
Нас рвали на части своими когтями.

И если б не встала над миром заря,
Не вспыхнули ярко огни Октября,
Угас бы народ мой, как гасли народы
Под игом тиранов, под властью царя.
Но поднято Лениным знамя свободы,
Взошло наше солнце, лучами горя.

И тьма отступила, не выдержав света,
Воспрянул народ мой под властью Советов,
Расправил он крылья прозревшим орлом,
И мир его встретил улыбкой привета,
И видит он друга в соседе своем.
Спасибо Компартии нашей за это.

Учиться мы начали с самых азов,—
Чтоб выразить мысль, не хватало нам слов.
Октябрь пробудил наш язык и сознание,
Сажал он за книги детей, стариков,
И всяк, приобщившись к источнику знания,
Уж ринуться в море науки готов.

Не знали кино и театра мы прежде,
В науке, искусстве мы были невежды.
Но светлые думы хранили в сердцах,
Ни ночью, ни днем не смыкали мы вежды,
Искали оазис в пустынных песках,—
Нашли... и сбылись мечты и надежды.

Неграмотных больше в стране моей нет,
Для всех засиял просвещения свет.
Кровавый режим капитала минуя,
Со скоростью новых советских ракет
Прошли этот путь мы, от счастья ликуя,
Лишь в сорок годов вместо тысячи лет.

Столетние деды считали, бывало,
Что книги нам небо само посылало,
Обертку от чая считали святой,
Хранили года, словно дар небывалый.
А ныне рассеялся мрак вековой
И солнце над нашей страной засияло.

В тех скалах, куда было страшно взглянуть,
Куда даже барс не прокладывал путь,
Нашли мы несметные груды богатства —
И уголь, и нефть, и железо, и ртуть,
И, глядя на наше великое братство,
Тянь-Шань перед нами раскрыл свою грудь.

Когда б не Октябрьское алое знамя,
Не свет просвещения — что было бы с нами?
Мы были б кочевники, дикий народ,—
И мы бы исчезли, как скифы, с годами.
А ныне Компартия в путь нас ведет
И счастье мы строим своими руками.

Как славный корабль, наш Советский Союз
Везет на борту драгоценный свой груз,—
Под знаменем дружбы сплотились народы,
И не было в мире тесней этих уз.
А спутники в небе чертят обороты,
И в сетке Земля, словно спелый арбуз.

Советский Союз! Ты мудрейший на свете,
Ты первый дал спутника нашей планете,
И светит он ей пятикрылой звездой,
Летает над нею быстрее, чем ветер,
И всем он укажет лучистой стрелой,
Что путь к коммунизму и ясен и светел!

1957

Перевод с киргизского

Булат Окуджава

216. ПЕСЕНКА О КОМСОМОЛЬСКОЙ БОГИНЕ

Я смотрю на фотокарточку:
две косички, строгий взгляд,
и мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят.
За окном всё дождик тенькает:
там ненастье во дворе.
Но привычно пальцы тонкие
прикоснулись к кобуре.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

На углу у старой булочной,
там, где лето пыль метет,
в синей маечке-футболочке
комсомолочка идет.
А ее коса острижена,
в парикмахерской лежит.
Лишь одно колечко рыжее
на виске ее дрожит.

И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом!

1958

Вадим Шефнер

217. КАМНИ ПОД АСФАЛЬТОМ

Самосвал с дымящеюся лавою,
Выхлопов летучие дымки...
Словно тучи, грузно-величавые
Двигутся дорожные катки.

К вечеру зальют асфальтом улицу —
Скроются булыжины от нас.
Молча камни на небо любятся,
Видя белый свет в последний раз.

С «москвичами», «волгами», прохожими,
Зорями, рекламами кино,
С днями, друг на друга не похожими,
Им навек проститься суждено.

Я и сам за скорое движение,
В тряске я удобств не нахожу,
Я люблю асфальт, — но с уважением
На каменя старые гляжу.

Много здесь поезжено, похожено
В давние нелегкие года,
Много в мостовую эту вложено
Горького, безвестного труда.

Крепостным голодным было любо ли
Камни эти на горбу таскать!
Если бы не их булыга грубая —
Нашему б асфальту не бывать.

Здесь рабочие за баррикадами,
Царский отражая батальон,
Замертво на эти камни падали,
Боевых не выронив знамен.

В их руках, мозолистых, натруженных,
Каждый камень яростью дышал —
Безоружных первое оружие,
Бунтарей булыжный арсенал!

В дни, октябрьским светом озаренные,
К схватке изготоясь штыковой,
Шли матросы революционные
По булыжной этой мостовой.

И, шагая в бой по зову Партии
На защиту Родины своей,
Первые отряды Красной гвардии
Шаг свой отпечатали на ней.

Помнят ночи, долгие, бессонные,
Голод, и блокаду, и войну
Эти камни, кровью окропленные,
Камни, не бывавшие в плену!..

Помнят ополченье всенародное,
Помнят, как по этой мостовой
Танки на позиции исходные
К недалекой шли передовой.

...Пусть, полна движенья, обновленная
Улица смеется и живет,
Пусть к Дворцовой площади колоннами
В праздники идет по ней народ.

Пусть поет и торжествует новое,—
Не столкнуть с пути нас никому!

Под асфальтом камни спят суровые,
Основаньем ставшие ему.

1958

Евгений Винокуров

218

О, состраданье! Нет грознее силы!
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость. Он хватает вилы
Спасать несчастных.

Он топор берет.

Кто жалости мучительный напиток
Хотя бы раз испил — уже тому
Не страшно откровенье страшных пыток.
На каторгу пойдет,

пойдет в тюрьму.

«Авроры» залп!

Встают с дрекольем села.

Но это ж началось в минуту ту,
Когда Радищев обшлагом камзола
Утер слезу,
увидев сироту.

1959

Андрей Малышко

219. МОЯ УКРАИНА

1

Проходит ночь, горит восход.
Века берут на караул:
Мой край родной идет вперед,
А позади — восстаний гул.

«Мы не рабы!» — рванулся крик
Из прошлых дней, сметая страх.
Путь революции возник.
Весь в терниях и весь в цветах.

Из светлых снов, из темных шахт
Ты поднималась, как со дна,
И сделала свой первый шаг,
Судьба моя, моя страна!

Пусть устилают твой простор
Надежды, нивы, россыпь рос,
И синь Днепра, и зелень гор,
Мой край родной, отчизна гроз!

2

За тех, что сгинули в бою,
За них, за нежных сыновей,
Ты душу нежную свою
В напев печальный перелей.

Они уснули над Донцом,
В полях Триполья, у Карпат,
Они лежат боец с бойцом,
Как с другом друг,
Как с братом брат.

В глуши черниговских лесов
Останки танков, тягачей...
Оттуда звуки голосов
Мне слышатся в тиши ночей.

В фугасной копоти, в пыли
Они приходят в сны мои —
Сыны родной моей земли,
Сыны одной со мной семьи.

Их нет...

В неведомую даль,
В зарю, в голубоватый дым
Неугасимая печаль
Плывет, как реквием по ним,

Из душ отцов и матерей,
Детей и всех, кто их любил.
И клены с пологом ветвей
Стоят над тишиной могил.
И соловей летит сюда,
Как только наступает май.
Трудясь и празднуя — всегда
Их добрым словом поминай,
Мать Украина!

3

Отстою
Труды и помыслы твои
И пронесу любовь твою
Сквозь все невзгоды и бои.

На чей бы ни ступил порог,
Я вспомню золотой рассвет,
Колокола и даль дорог,
И без тебя мне счастья нет!

Калины пламя в сентябре,
И золото осенних нив,
И рябь стальная на Днестре,
И синих заводей разлив,

А в сердце запах спелой ржи,
И зерна чувствует ладонь.
Вот так бы и летел всю жизнь
На твой немеркнущий огонь!

4

На небе пылают Стожары и в сердце пылают моем,
В семье богатырских народов мы сами до неба встаем.

Ты слышишь, проходят минуты и годы — ни шагу назад.
Ты видишь, как сад зацветает — бессмертного Ленина сад.

В нем, гордая силой великой и юная, точно весна,
Стоит вся в цвету Украина, родная моя сторона.

Гляди: то не зарево в небе, не вешняя плещет река —
То Партии алые стяги летят, словно птицы, в века.

221. ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Мои друзья летели в бурках
Зимою, в огненной пыли,
И сивки — вещи каурки —
Едва касались земли.

Мои друзья в гнилых болотах
Встречали грудью ярый шквал,
И даже спирт
луженых глоток
Моих друзей не обжигал.

Мои друзья легли на сопках,
В долинах, что горят в цвету;
Моих друзей сжигали
в топках.
Но разве можно сжечь Мечту?

Мои друзья в бои летели
И, хоть у неба на краю,
«Вставай, проклятем...»
громко пели,
Как песню первую свою.

Она могуществом напева
Срывала крышки у гробов,
И с ней вставал с великим гневом
«Весь мир голодных и рабов»,

Кого душил с рожденья голод,
Кто под железной был пятой.
И поднимался серп и молот
Как символ песни той святой!

И с каждым днем вольней и шире
Она раскинула крыла,
И нет, пожалуй, славы в мире,
Чтоб ей в подножье встать могла!

1959

Когда в семнадцатом глухой подземный гул
вдруг превратился в шторм и вздрогнула планета,
Октябрь такую мощь в сердца людей вдохнул,
глаза им озарил таким потоком света,

что показалось нам: из орудийных дул
рванулась в небеса межзвездная ракета,
и за предел земных забот перехлестнул
порыв народных масс, а с ним — порыв поэта.

В поэзии жила мечта моей земли,
поэзия стрелкам приказывала: «Пли!»,
в обмотках шла вперед по тропам каменистым.

Навечно с молотом соединился серп.
Теперь и на Луне свой утвердили герб
романтики, поэты, коммунисты.

1960

Леонид Мартынов

223. ОКТЯБРЬ

Октябрь
Опавшую листву
Топтал, швырял, кружил,
Но с грезящими наяву
Фантастами дружил.

Он звездоплывателя сны
Не посчитал за блажь,
И вот поэтому с Луны
Сияет вымпел наш.

Октябрь порвал немало уз,
И, грубо говоря,
Проветрились чертоги муз
Ветрами Октября.

Он, кривде затыкая пасть,
Обуздывал корысть.
Свободой упивалась всласть
Новаторская кисть.

И озарилась мгла кулис
Новаторским лучом.
Ведь вот откуда мы взялись
И выросли на чем!

1960

Владимир Сосюра

224

Как сине, как чисто, как тихо кругом!
Один я на круче стою.
И вербы, склонившись над сивым Днестром,
припомнили юность свою.

Срывает с них ветер сухие листки,
и смотрят им вербы вослед...
Им снятся крылатые Щорса полки,
что шли здесь дорогой побед.

Им старенький дед в те далекие дни
показывал путь через лед.
Несли на руках командира они
и шли всё вперед и вперед.

Гремел по Днестру бесконечный их шаг,
как грозного моря прибой...
То Щорс пронесился лавиной атак,
чтоб Киев спасти золотой.

Как сине, как чисто, как тихо кругом!..

Один я на круче стою.

И вербы, склонившись над сивым Днепром,
припомнили юность свою.

15 сентября 1961

Киев

Перевод с украинского

Андрей Вознесенский

225. СЕКВОЙЯ ЛЕНИНА

В автомобильной Калифорнии,
Где солнце пахнет канифолью,
Есть парк секвой.

Из них одна
Ульянову посвящена.

«Секвойя Ленина?!»

Ату!»

Столпотворенье, как в аду.

«Секвойя Ленина?!»

Как взрыв!

Шериф, ширинку не прикрыв,
Как пудель с красным языком,
Ввалился к мэру на прием.

«Мой мэр, крамола наяву.

Корнями тянется в Москву...

У!..»

Мэр съел сигару. Караул!

В Миссисипи

сиганул!

По всей Америке сирены.

В подвалах воеет население.

Несутся танки черепахами.

Орудует землечерпалка.

.

Зияет яма в центре парка.

Кто посадил тебя, секвойя?

Кто слушал дерево вековое?

...Семнадцатый год. Всё фронты да фронты.
С тобой, Революция, только на «ты»,
С тобой беспредельной России края,
И каждая красная нитка твоя
На стяге державном героической страны.

...Горит твое сердце у древней стены,
Горит, не сгорая, горит, не сгорая,
Хранимое мощью великого края,
Ракетами взятой космической бездны,
Хранимое славой дивизий железных,
От века до века землю России,
Что кровью своей мы не раз оросили...

1961

227. РЕВОЛЮЦИЯ

Ты меня повела за собой
Прямо в бой.
Научила на полную гамму ненавидеть врагов,
Ненавидеть врагов.
Реки вышли из берегов,
Покраснели от крови,
Почернели от крови.
Всё мы слышали, кроме
Тишины.
Мы на крыльях войны,
На дымно-багровых,
Летели за громом,
За молнией вслед.
Сколько было нам лет?
Восемнадцать?
Двадцать пять?
Кто землю был взят,
А кто морем,
Кто упал — не поднялся.
Августовские звезды и военные зори
Под двуколки ложились стремглав
На дорогах России,
У переправ,

На просторах Кубани,
На равнинах Придонья.
На одно лишь мгновенье закроешь ладонью
Глаза — и увидишь,
Как мчатся тачанки по лазоревым долам,
По зеленым подолом
Степей в Семиречье,
И ветра Революции плещут
И взвивают знамена,
Вдаль проходят полки,
Вдаль идут батальоны.
И не счесть, сколько далее в России,
Не окинуть их взглядом.
За Советскую власть
Шли с боями отряды.
За Советскую власть
Клали головы смолоду,
И разгромлено, стерто, размолото
Вековое вражье...
Всё во имя твое,
Мы во имя твое, Революция,
Шторм вели,
Океан поднимали на гребень,
И твои ныне песни поются
Там, где молний побольше,
Чем в небе!

1962

Андрей Вознесенский

228. ЛОНЖЮМО

Поэма

АВИАВСТУПЛЕНИЕ

*Посвящается слушателям
школы Ленина в Лонжюмо*

Вступаю в поэму, как в новую пору вступают.
Работают поршни,
соседи в ремнях засыпают.
Ночной папироской
летят телецентры

Есть много вопросов.

Давай с тобой, Время, покурим

Прикинем итоги.

Светло и прощально
горящие годы, как крылья, летят за плечами.

И мы понимаем, что канули наши кануны,
что мы, да и спутницы наши, —

не юны,

что нас провожают

и машут лукаво

кто маминым шарфом, а кто —

кулаками...

Земля,

ты нас взглядом апрельским проводишь,
лежишь на спине, по-ночному безмолвная.

По гаснущим рельсам

бежит

паровозик,

как будто

сдвигают

застежку

на «молнии».

Россия, любимая,

с этим не шутят.

Все боли твои — меня болью пронзили.

Россия,

я — твой капиллярный

сосудик,

мне больно — когда

тебе больно, Россия.

Как мелки отсюда успехи мои,

неуспехи,

друзей и врагов кулуарных ватаги.

Прости меня,

Время,

что много сказать не успею.

Ты, Время, не деньги,

но тоже тебя не хватает.

Но люди уходят, врезаая в ночные
дорог своих отроги
огненные автографы!
Векам остаются — кому как удастся —
штаны — от одних,
от других — государства.

Его различаю.
Пытаюсь постигнуть,
чем был этот голос с картавой пластинки.
Дай, Время, схватить этот профиль,
паривший
в записках о школе его под Парижем.

Прости мне, Париж, невоспетых
Россия, красавиц,
прости незамятые тропки.
Простите за дерзость,
что я этой темы
простите за трусость, касаюсь,
что я ее раньше не трогал.

Вступаю в поэму. А если сплошаю,
прости меня, Время, как я тебя часто
прощаю.

Струится блокнот под карманным
Звенит самолет не крупнее комарика.
А рядом лежит фонариком.
планета — в облаках алебастровых
как Ленин
мудра и лобаста.

В Лонжюмо сейчас лесопильня.
В школе Ленина? В Лонжюмо?
Нас распилами ослепили
бревна, бурые, как эскимо.

Пилы кружатся. Пышут пыльщики.
Под береткой, как вспышки — пыжики.
Через джемперы, как смола,
чуть просвечивают тела.

Здравствуй, утро в морозных дозах!
Словно соты, прозрачны доски.
Может, солнце и сосны — тезки?!
Пахнет музыкой. Пахнет тесом.

А еще почему-то — верфью,
а еще почему-то — ветром,
а еще — почему не знаю—
диалектикою познания!

Обнаруживайте древесину
под покровом багровой мглы.
Как лучи из-под тучи синей,
бьют

опилки

из-под пилы!

Добирайтесь в вещах до сути.
Пусть ворочается сосна,
словно глиняные сосуды,
солнцем полные дополна.

Пусть корою сосна дремуча,
сердцевина ее светла —
вы терзайте ее и мучайте,
чтобы музыкою была!

Чтобы стала поющей силищей
корабельщиков, скрипачей...

Ленин был

из породы

распиливающих,

обнажающих суть

вещей.

Врут, что Ленин был в эмиграции.
 (Кто вне родины — эмигрант.)
 Всю Россию,
 речную, горячую,
 он носил в себе, как талант!

Настоящие эмигранты
 пили в Питере под охраной,
 воровали казну галантно,
 жрали устрицы и гранаты —
 эмигранты!

Эмигрировали в клозеты
 с инкрустированными розетками,
 отгораживались газетами
 от осенней страны раздетой,
 в куртизанок с цветными гривами —
 эмигрировали!

В драндулете, как чертик в колбе,
 изолированный, недобрый,
 среди великодержавных харь,
 среди ряс и охотнорядцев,
 под разученные овации
 проезжал глава эмиграции —

Ц а р ь!

Эмигранты селились в Зимнем.
 А России
 сердце само —
 билось в городе с дальним именем
 Лонжюмо.

Этот — в гольф. Тот повержен бриджем.
 Царь просаживал в «дурачки»...
 ...Под распарившимся Парижем
 Ленин
 режется
 в «городки»!

Раз! — распахнута рубашка,
 раз! — прищуривался глаз,

раз! — и чурки вверх тормашками
(жалко, что не видит Саша!) —
Рраз!

Рас-печатывались «письма»,
раз-летясь до облаков, —
только вздрагивали бисмарки
от подобных городков!

Раз! — по тюрьмам, по двуглавым —
ого-го! —
Революция играла
озорно и широко!

Раз! — врезалась бита белая,
как авроровский фугас —
так, что вдребезги империи,
церкви, будущие берии. —
Раз!

Ну играл! Таких оттягивал
«паровозов»! Так играл,
что шарахались рейхстаги
в 45-м наповал!

Раз!..

...а где-то в начале века
человек, сощуривши веки,
«Не играл давно», — говорит.
И лицо у него горит.

4

В этой кухоньке скромны тумбочки,
и, как крылышки у стрекоз,
брезжит воздух над узкой улочкой
Мари-Роз,

было утро, теперь смеркается,
и совсем из других миров
слышен колокол доминиканский,
Мари-Роз,

прислоняюсь к прохладной раме,
будто голову мне нажгло,
жизнь вечернюю озираю
через ленинское стекло,

и мне мнится — он где-то спереди,
меж торговок, машин, корзин,
на прозрачном велосипеде
проскользил

или в том кабачке хохочет,
аплодируя шансонье?
Или вспомнил в метро грохочущем
ослепительный свист саней?

Или, может, жару и жаворонка?
Или в лифте сквозном парит,
и под башней ажурно-ржавой
запрокидывается Париж —

крыши сизые галькой брезжат,
точно в воду погружены,
как у крабов на побережье,
у соборов горят клешни,

над серебряной панорамой
он склонялся, как часовщик,
над закатами, над рекламами,
он читал превращенья их,

он любил вас, фасады стылые,
точно ракушки в грустном стиле,
а еще он любил Бастилию —
за то, что ее срыли!

И сквозь биржи пожар валютный,
баррикадами взвив кольцо,
проступало ему Революции
окровавленное
лицо,

и, глаза почему-то режа,
сквозь сиреневую майолику
проступало Замоскворечье,
всё в скворечниках и маевках,

а за ними — фронты, юденичи.
Русь ревет со звездой на лбу,
и чиркнет фуражкой студенческой
мой отец на кронштадтском льду,

вот зачем, мой Париж прощальный,
не пожар твоих маляров —
славлю стартовую площадку
узкой улочки Мари-Роз!

Он отсюда

мыслил

ракетно.

Мысль его, описав дугу,
разворачивала

парапеты

возле Зимнего на снегу!

(Но об этом шла речь в строках
главки 3-й, о «городках».)

5

В доме позднего рококо
спит, уткнувшись щекой в конспекты,
спит, живой еще, невоспетый
Серго,

спи, Серго, еще раным-рано,
зайчик солнечный через раму
шевелится в усах легко,
спи, Серго,

спи, Серго, в васильковой рубашечке,
ты чему во сне улыбаешься?
Где-то Куйбышев и Менжинский
так же детски глаза смежили.

Что вам снится? Плотины Чирчика?
Первый трактор и кран с серьгой?
Почему вы во сне кричите,
Серго?!

вырывается мир
из тьмы!
Начинаются
горы
с подножий

Начинаемся
с ЛЕНИНА
мы!
Мы
немало столетий
ждали

и вместили в себя
потому
силу
всех прошедших
восстаний!
Думы
всех Парижских
коммун!..
Неуступчивы.
Вечно заняты.

Мы идем
почти без дорог...
На истории
нет указателей:
«Осторожно!
Крутой
поворот!..»
Повороты встречались
жадные,
пробирающие как озноб.
Даже самых сильных
пошатывало.

Слабых —
вовсе
валило с ног!

Жгли
сомнения.

Шли
опасности,
с четырех
надвигались
сторон...

Но

была на планете
партия —
та,
которую создал
он!
Мир
готов за нее
поручиться
перед будущим
наверняка!
И лежит
на пульсе Отчизны —
вечно! —
ЛЕНИНСКАЯ
РУКА.

Он —
ровесник всех поколений.
Житель Праг,
Берлинов,
Гаван.
По широким
ступеням
столетий
поднимается ЛЕНИН
к вам!
Представляю
яснее ясности,
как смыкают
ваши
ряды
люди
ЛЕНИНСКОЙ
гениальности,
люди
ЛЕНИНСКОЙ
чистоты.
Не один,
не двое,
а множество!
Вырастающие,
как леса.
И по всей Вселенной
разносятся
их спокойные голоса...

Что ж,
для этого
мы и трудимся.
Терпим холод.
Шагаем в зной...
Ведь еще только начал
раскручиваться
и раскачиваться
шар земной!
Прозвучи,
сигнал наступления!
Солнце
яростное,
свети!..
Всё еще
впереди!
И ЛЕНИН,
БУДТО МОЛОДОСТЬ,
ВПЕРЕДИ!

1963—1964

Евгений Евтушенко

230. БРАТСКАЯ ГЭС

Отрывки из поэмы

МОЛИТВА ПЕРЕД ПОЭМОЙ

Поэт в России — больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит
гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

Поэт в ней — образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него.

Сумею ли? Культуры не хватает...
Нахватанность пророчеств не сулит...
Но дух России надо мной витает
и дерзновенно пробовать велит.

И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая глаголом жечь.

Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра —
лампада тайного добра.

Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музыки твоей —
у парадных подъездов, у рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.

О, дай мне, Блок, туманность вещую
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.

Дай, Пастернак, смещение дней,
смушение веток,
сращение запахов, теней
с мучением века,
чтоб слово, садом бормоча,
цело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.

Есенин, дай на счастье нежность мне
к березкам и лугам, к зверью и людям
и ко всему другому на земле,
что мы с тобой так беззащитно любим...

Но вновь,
 оттирая правду назад,
неправда к власти протискивается.
И вот,
 пирамида,
 взгляни:
 Петроград.
Временное правительство.

* * *

Под вихрь витийственных словечек,
о славе грезя мировой,
скакнул в премьеры человек
с вертлявой полой головой.

Он восклицал о прошлом горько.
Он лясы лисонькой точил,
а потихоньку-полегоньку
всё то же прошлое тащил.

«Народ! Народ!» —
 кричал под марши,
но лучше уж бесстыдный гнет,
чем угнетать народ,
 как раньше,
крича
 «Да здравствует народ!».

Следили Зимнего колонны
ловчилу в шулерском дыму
с крапленной мастерски колодой
министров, надобных ему.

Он передергивал шикарно,
но пальцы чувствовали крах.
Так шла игра. Менялись карты,
но оставался тот же крап.

А в Зимнем всё еще банкеты.
Бокалы узкие звенят,
и дарят девочки букеты,
как это дамы им велят.

И в залах звон, как будто бал там,
и подхорунжий с алым бантом
при николаевских усах
стоит у двери на часах.

И вот, подняв бокал с шампанским,
встает премьер с лицом шаманским,
с просветом в хилых волосах.

Здесь революцией клянутся,
за революцию здесь пьют,
а сами ссорятся, клютятся
и всё на свете продают.

У них интриги и раздоры,
хоть о единстве и галдят,
и Ярославли и Ростовы
на них презрительно глядят.

Их презирают и солдаты,
и те, кто сеют и куют,
и человеки, что салаты,
им, изгибаясь, подают.

С усмешкой сумрачной и странной,
сосредоточен, хитроват,
на их машины под охраной
глядит рабочий Петроград.

Он видит, видит их бессилье.
Еще немного — и пора...
Игра в правительство России —
всегда опасная игра.

* * *

Глядит пирамида,
как тяжело,
огромно,
сопя,
разворачивается «Аврора»,
как прут на Зимний орущие тысячи...
Глядит пирамида
всё так же скептически:
«Я вижу:
мерцают в струенье дождя

штыки — с холодной непримиримостью,
но справедливость, к власти придя,
становится несправедливостью.
Людей существо — оно таково...
Кто-то из древних молвил:
чтобы понять человека,
его
надо представить мертвым.
Тут возразить нельзя ничего.
Согласна, но лишь отчасти.
Чтобы понять человека,
его
надо представить у власти».

Но Братская ГЭС
в свечении брызг
грохочет потоком вспененным:
«А ты в историю снова всмотришь.
Тебе я отвечу Лениным!»

ИДУТ ХОДОКИ К ЛЕНИНУ

Проселками
и селеньями
с горестями,
болями
идут
ходоки
к Ленину,
идут
ходоки
к Ленину.
Метели вокруг
свищут.
Голодные волки рыщут.
Но правду крестьяне ищут,
столетьями
правду ищут.
Столькие их поколения,
емелек и стенок видевшие,
шли,
как они,
к Ленину,
но не дошли,
не выдюжили.

Идут ходоки,
зальделые,
всё, что наказано, шепчут.
Шаг
за себя делают.
Шаг —
за всех недошедших.
А где-то в Москве
Ленин,
пришедший с разинской Волги,
на телеграфной ленте
их видит
сквозь все сводки.
Он видит:
лица опухли.
Он слышит хрипучий кашель.
Он знает:
просят обувки
несуществующей каши.
Воет метель,
завывает.
Мороз ходоков
корежит,
и Ленин
себя забывает —
о них
он забыть
не может.
Он знает,
что все идеи —
только пустые «измы»,
если забыты на деле
русские слезные избы.
...Кони по ленте скачут.
Дети и женщины плачут.
Хлеб
кулаки
прячут.
Тиф и холера маячат.
И, ветром ревающим
накрениваемые,
по снегу,
строги и суровы,
идут ходоки

к Ленину,
похожие на сугробы.
Идут
 ходоки полями,
идут
 ходоки
 лесами,
Ленин —
 он и Ульянов,
и Ленин —
 они сами.
И сквозь огни,
 созвездья,
выстрелы,
 крики,
 моленья,
невидимый,
 с ними вместе
идет к Ленину
 Ленин...

А ночью ему не спится
под штопаным одеялом.
Метель ворожит:

 «Не сбыться
великим твоим идеалам!»
Как заговор,
 вьется поземка.

В небе
 за облака
месяц,
 как беспризорник,
прячется
 от ЧК.

«Не сбыться! — скрежещет разруха. —
Я всё проглочу бесследно!»
— «Не сбыться! —

 как старая шлюха,
неправда гнусит. —

 Я бессмертна!»
— «В грязь!» —
 оскалился голод.

«В грязь!» —
 визжат спекулянты.

«В грязь!» —

деникинцев гогот.
«В грязь! — шепоток Антанты.
Липкие,
 подлые,
 хитрые,
всякая разная мразь
ржут,
 верещат,
 хихикают:

«В грязь!
 В грязь!
 В грязь!»
Метель панихиду выводит,
но вновь — над матерью Волгой
идет он

 просто Володей
и дышит простором,
 волей.
С болью невыразимой
волны взметаются,
 брызжут.

В них,
 как в душе России,
Стенькины струги брезжат.
Волга дышит смолисто.
Волга ему протяжно:
«Что,

 гимназист из Симбирска,
тяжко быть Лениным,
 тяжко?!»

Не спится ему,
 не спится,
но сквозь разруху, метели
он видит живые лица,
словно лицо идеи.

И за советом к селеньям,
к горестям

 и болям
идет

 ходоком
 Ленин,

идет
 ходоком

 Ленин...

Гремит

«Авроры» эхо,
пророчествуя нациям.
Учительница Элькина
на фронте

в девятнадцатом.

Ах, ей бы Блока, Брюсова,
а у нее винтовка.

Ах, ей бы косы русые,
да целиться неловко.

Вот отошли кадеты.

Свободный час имеется,
и на траве как дети
сидят красноармейцы.

Голодные, заросшие,
больные да израненные,
такие все хорошие,
такие все неграмотные.

Учительница Элькина
раскрывает азбуку.

Повторяет медленно,
повторяет ласково.

Слог

выводит

каждый,
ну, а хлопцам странно:
«Маша

ела

кашу.

Маша

мыла

раму».

Напрягают разумы
с усилиями напрасными
эти Стеньки Разины
со звездочками красными.

Учительница, кашляя,
вновь долбит упрямо:

«Маша

ела

кашу.

Маша

мыла

раму».

Но, словно маясь грыжей

от этой кутерьмы,

винтовкой стукнул

рыжий

из-под Костромы:

«Чего ты нас мучишь?

Чему ты нас учишь?

Какая Маша!

Что за каша!»

Учительница Элькина

после этой речи

чуть не плачет...

Меленько

вздрагивают плечи.

А рыжий

огорчительно,

как сестренке, с жалостью:

«Товарищ учителка,

зря ты обижаешься.

Выдай нам,

глазастая,

такое изречение,

чтоб схватило за сердце,—

и пойдет учение...»

Трудно это выполнить,

но, каноны сламывая,

из нее

выплыло

самое-самое,

как зов борьбы,

врезаясь в умы:

«Мы не рабы...

Рабы не мы...»

И повторяли,

впитывая

в себя до конца,

и тот,

из Питера,

и тот,

из Ельца,

и тот,
из Барабы,
и тот,
из Костромы:
«Мы не рабы...
Рабы не мы...»
...Какое утро чистое!
Как дышит степь цветами!
Ты что ползешь,
учительница,
с напрасными бинтами?
Ах, как ромашкам бредится —
понять бы их,
понять!
Ах, как березкам брезжится —
обнять бы их,
обнять!
Ах, как ручьям клокочется —
припасть бы к ним, припасть!
Ах, до чего не хочется,
не хочется
пропасть!

Но ржут гнедые,
чалые...
Взмывают стрепета,
задев крылом
печальные,
пустые стремяна.
Вокруг ребята ранние
порубаны,
постреляны...
А ты всё ищешь раненых,
учительница Элькина?
Лежат,
убитые,
среди чебреца
и тот,
из Питера,
и тот,
из Ельца,
и тот,
из Барабы...
А тот, из Костромы,

уголь рубали.
На поклон мы не шли...
Никогда,
никогда
коммунары не будут рабами!
Поднимались Шатура,
Магнитка,
Кузбасс,
и буржуи затылки чесали...
Так за что же доносы писали на нас,
в лагеря
и в тюрьмы бросали?!
Но в тебе, Колыма,
и в тебе, Воркута,
мы хрипели, смиряя рыдания:
«Даже здесь —
никогда,
никогда,
никогда
коммунары не будут рабами!»
И во имя России и дальних Гренад
против танков с крупповской маркой
шли в тельняшках
с последнею связкой
гранат,
затянувшись последней сигаркой.
Пусть над многими нет ни звезды,
ни креста,
но полыню,
бурьяном, хлебами
повторяют они:
«Никогда, никогда
коммунары не будут рабами!»

В МИНУТУ СЛАБОСТИ

Когда
в тупом благоденствии
мозолит глаза
прохиндейство,
мне хочется
в заросли девственные,
куда-нибудь,

хоть к индейцам.
Но нету девственных зарослей.
Индейцы
давно повымерли.
И сердце тоской терзается,
словно телок —

по вымени.
Но стыдно, ей-богу,
плакаться,
что столько подонков,
дескать.

Стыдно
от времени
прятаться —
надо
его
делать!

Разные водятся пряточки:
прячутся в гогот,
в скулеж,
прячутся в мелкие правдочки,
прячутся в крупную ложь.
Прячутся в лжезаботы,
в танцы,
футбол,
вино,
в рыбалки
и анекдоты,
в карты
и домино.

Прячутся,
словно маленькие,
в машину и дачу свою,
в магнитофоны,
в марки,
в службу,
друзей,
семью.

Но стыдно —
кричу я криком —
прятаться даже в природу,
даже в бессмертные книги,
даже в любовь и работу!

Я знаю,
 сложна эпоха
и трудно в ней разобраться,
но если в ней что-то плохо,
то надо не прятаться —
 драться!

Не в одиночку драться,
а вместе со всем народом,
вместе с рабочими Братска,
с физиком
 и хлеборобом!

И я,
 если мучат сомнения,
ища
 от них
 исцеления,

иду
 ходоком
 к Ленину,

иду
 ходоком
 к Ленину...

Многие страны я видел.

Твердо
 в одном
 разобрался:

ждет нас
 всеобщая гибель
или всеобщее братство.

В минуты самые страшные
верую,

 как в искупенье:
всё человечество страждущее
объединит

Ленин.

Сквозь войны,
 сквозь преступления,
но всё-таки без отступления
идет человечество

 к Ленину,
идет человечество
 к Ленину...

1963—1965

231—232. <ИЗ ЦИКЛА «ГОДЫ»>

Вот проходят —
Цель для них близка —
Революционные войска.

Над рядами песня-поводырка
Где-то замирает в синеве,
Я иду, и шапка-богатырка
На моей веселой голове.

Я иду.
Винтовка на ремне.
Я иду по русской стороне,
В грозном девятнадцатом году
Я иду,
У всего-то мира на виду
Прохожу —
Солдат и комиссар —
И кидаю вызов небесам!

Мы идем,
Лавиной мы идем,
Нам всё ближе,
Краше оком,
И дорога наша не узка,
Революционные войска!

Мы идем.
Винтовка на ремне,
Перед нами горизонт в огне.
Мы ложимся
В каменных степях,
Земь под нами,
Ветер в головах!
Мы встаем,
Геройский наш отряд,
Впереди нас бури говорят!

В девятнадцатом — в год
 Распашной, молодой —
 Я носил богатырку
 С кумачной звездой.

Я носил ее в стужу,
 Носил ее в зной,
 Я тонул с ней в болотах,
 Под вьюгой шальной.

Я склонялся к воде, —
 Отражала вода,
 Как в своем пятилучье
 Алела звезда!

Сердце сжав в лютой муке,
 Я верил в звезду
 И не знал, что я с нею
 В бессмертье иду,

В то великое время,
 Что в решительный бой,
 Богатырку надев,
 Нас вело за собой.

Мы и в седлах качались,
 И в тачанках летя,
 Пулеметною строчкой
 Всюду белых крестя!

Выцветая от зноя
 Иль от снега бела —
 Всей династии впору
 Богатырка была!

В девятнадцатом — в год
 Распашной, молодой —
 Я носил богатырку
 С кумачной звездой.

В отовсюду гремящем шел
 В грозном году
 И не знал, что я с нею
 В бессмертье иду!

Леонид Мартынов

233. ВО ДНИ ПЕРЕВОРОТА

Вообразите
Оторопь всесильных
Вчера еще сановников надменных.
Вообразите возвращенье ссыльных,
Освобождение военнопленных.

Вообразите
Концессионеров,
Цепляющихся бешено за недра,
Их прибылью дарившие столь щедро.

Вообразите коммивояжеров
В стране, забывшей вдруг о дамских тряпках.

Вообразите всяких прокуроров,
Полусмиривших свой суровый нор
И как бы пляшущих на задних лапках
Уж не в своих, но в адвокатских шапках.

Представьте на волках овечью шкуру.
Вообразите дикий вихрь газетный
И запрещенную литературу,
Считаться переставшую запретной
Еще впервые!

И представьте город,
Как будто бы расколот и распорот
В часы, когда звенели, звезденели
Расшибленные стекла на панели
И прыгали с трибун полишинели,
Как будто их сметала и сдувала

Ко всем чертям, ликуя небывало,
Душа народа, вырвавшись на волю
Из самого глубокого подполья
Для вольного и дальнего полета
Во дни Октябрьского переворота.

⟨1967⟩

Павел Антокольский

234. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Отрывок из поэмы

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Всё сначала, с красной строки,
Что бы ни было, но сначала,—
Лишь бы жизнь крепчала и мчала
Всем приличиям вопреки,
С крупных контуров и азов!
Мир пылает в огне грозовом,
На полвека мобилизован,
Откликается нам на зов.

В столкновеньях разных начал,
В разноречиях истин разных
Я встречаю сегодня праздник,
Как и в молодости встречал.
Значит, память стучит в виски.
Значит, некогда одряхлеть ей.
Все тревоги полустолетья
Ей, как в молодости, близки.

Полстолетья тому назад,
Не застыв бетоном иль бронзой,
Начиналась эпоха грозно
Пересвистом пуль из засад.
Начиналась — и началась!
Дерзновенно, легко, широко
Передвинула раньше срока
Стрелки века на звездный час.

А звезда Венера над ней
Зеленела в рассветной дымке,
В легкой шапочке-невидимке
Она стала к утру бледней.
Разве снилось кому-нибудь,
Что в далеком будущем... впрочем,
Мы не будущее пророчим,
Прямо в прошлое держим путь.

Только вышли мы из ворот —
И в глаза нам свежо и ярко
Автогенной ударил сваркой
Социальный переворот —
Разогнал проныр и деляг
И, прикладом гремя ружейным,
Всех снабжает Воображеньем:
«Получай рацион, земляк!»

Ни кола у нас, ни двора,
Ни чинов, ни знаков отличья.
Что касается до величья, —
Не пришла еще та пора.
Только утренним сквозняком,
Только будущим даль продута
И продумана. И как будто
Каждый с каждым давно знаком.

Каждый каждому верный друг,
Однокашник, однополчанин,
Простодушен, мудрен, отчаян,
То Бродяга, то Политрук.
Не прочел он и сотни книг,
Слишком мало прожил на свете,
Но за всех и за всё в ответе,
Всем учитель, всем ученик.

Может быть, это мой двойник
На рассвете проснулся первым.
Только путь его жизни прерван
В тот же миг, когда он возник.
С той поры у меня в мозгу,
Как пчела в янтаре, сохранна
Его молодость, его рана —
С ней расстаться я не могу.

Невесомый призрак парит
Над равнинами, над горами,
По направленной стенограмме
Запинаясь он говорит:
«Я мечтал всем чертям назло
В первый день всемирного братства
С буржуазною контрой драться,
Да не вышло, не повезло.

Только встали мы к рубежу,
Был мой кубок на землю вылит,
Был я в сердце ранен навывлет,
На булыжном камне лежу,
Не дышу, не двинусь, чуть жив,
Но в последних секундах смертных,
Словно в россыпи звезд несметных,
В веренице жизней чужих —

Различаю свой слабый след,
Перекинутый через пропасть,
Через молодость... (*длинный пропуск*)
Через сотню и больше лет.
И пускай остался во рту
Только хрип сожженной гортани,—
Завещаю братьям братанье,
Добрым девушкам — доброту».

Смертный час, как всегда, суров.
Но, пока боец погибает,
Артиллерия вышибает
Из Хамовников юнкеров.
Там встают Бромлей и Гужон,
Семь застав и Замоскворечье.
Бурный паводок просторечья.
Праздник. Встреча мужей и жен.

Там — в раскрытых настезь мирах,
В грозных лозунгах и легендах,
В пулеметных крест-накрест лентах —
Металлург, Солдат и Моряк
Поднялись — а за ними все,
Кто знаком с бедой и обидой,
Стар и Мал, Живой и Убитый,
В цвете лет, в нетленной красе.

Это есть разлом и разлад,
И восторженность восхожденья,
И зачатие, и рожденье
Полстолетья тому назад.
Полстолетья назад Москва
В серых сумерках пред рассветом
Подхватила: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!» —
Молодые эти слова.

Полстолетья прошло. Гляди —
У всего свое продолженье.
Всё в движенье, в жженье, в броженье,
Полстолетия — впереди.
Так встречаются даль и близь.
Древний город тих и огромен.
Желтоглазья его хоромин
Жадно в будущее впились.

1967

Михаил Дудин

235. ЗЕРНА

Поэма

1

На площади Жертв Революции — Марсовом поле —
В гранитном квадрате огонь негасимый горит.
Здесь время, как крейсер, застыло на вечном приколе,
Впечатав себя в угловатый карельский гранит.

Всё добыто кровью. Багровое пламя, как знамя,
Святыня святыни, высокому солнцу родня,
Бушует, и плещет, и мечется в кованой раме,
Своей справедливостью яростный мир осеня.

Над Марсовым полем клубятся осенние тучи,
Как кручи твердынь Революции сторожевых.
И знает земля, что погибшие в битвах живучи
И нет без них жизни для новой победы живых.

Я твой, Революция, старый солдат и ровесник,
Крещенный в твоём беспощадном и светлом огне.
И песня моя — продолжение начатой песни,
По праву наследства тобою оставленной мне.

Законы родства для моих сотоварищей строги.
Мы выпили чашу восторга и гнева до дна.
Проверь, Революция, наши пути и дороги,
Проверь наши судьбы — в них верность Присяге одна

Нам волосы треплет восстания крепнувший ветер,
Когда мы стоим над печальным и вечным огнем.
Мы кровью платили и жизнью своею ответим
За подвиг героев, начавших к вершине подъем.

Волна набегаёт на тёплый гранит парапета.
И ластится тихо к зелёной траве-мураве.
И новая юность в лёгчайшую дымку рассвета
По Марсову полю выходит к широкой Неве.

В туманной росе, как наплывы лилового дыма,
Над Марсовым полем чадит по куртинам сирень.
Есть таинство клятвы. И юности необходимо,
Встречая рассвет, заглянуть в наступающий день.

На белых рубашках, на свежести кофточек белых,
Над пламенем верности галстуков красных концы
Как вечный огонь. Пополняем рядов поределых
Вас к новым победам напутствуют ваши отцы.

Ты знаешь об этом, моя Революция. Зерна
Твоей справедливости, воли железной твоей,
Бессмертием мужества корни пустили упорно
В неистовых душах вернейших твоих сыновей.

Мы всё пережили: обиду и холод осады,
В блокадные ночи бессменные ставя посты.
Мы губы кусали в голодном бессилье досады,
Своими костями к победе мостили мосты.

И мы победили. Мы вырвались к солнцу из ночи.
Мы сделали то, что не в силах живым превозмочь.
Вглядись в этот мир. Соловьёного свиста короче
Над сонной Невею колдует молочная ночь.

О мать-Революция! Вечна твоя эстафета.
И в пену времен зарывается нос корабля.
И молнии хлещут над хлябью ревушей. И в лето
Расцвета гармонии юная входит Земля.

Прекрасных плодов по весне начинается завязь.
Приходит любовь, соловьиною песней звеня.
Предчувствие боя, тревога и светлая зависть
К идущим по следу сегодня терзают меня.

Итавай со мной рядом! Над площадью Марсова поля
С моею ладонью сведи молодую ладонь.
Одна у нас песня. Одна у нас кровная доля.
И в нашей крови Революции вечен огонь.

2

Старый парус романтики вьется над рубкою судна.
Шторм идет океаном. Гремит о форштевень волна.
В удивительной жизни героев бывает секунда
Неизбежности жертвы — векам по значенью равна.

Не над всеми могилами есть надмогильные плиты.
Не о каждом герое зарубка в истории есть.
Навсегда Революцией души людские открыты,
И в народной душе — Революции правда и честь.

Не суглинком, а кровью краснеет за нами дорога.
Не ковыль на курганах — чубы ветерок шевелит.
И не надо из Ленина делать всевышнего бога.
Он земной, человеческой волей и правдой велик.

В Революции нашей лежит человечества опыт.
Опыт преданных людям бесстрашных в познание людей.
Скорость века растет и тревожное время торопит.
И победе сопутствует гибкая точность идей.

Есть расчет и уверенность — новой победы основа
Перед светом звезды, никогда не гасимой вдали.
Революция светит прообразом братства земного
Племенам и народам на всех континентах Земли.

Как судьбою положено, светлого мужества сыну
Под прицелом врага — миллионы твоих сыновей,
Мать-Россия, не гнули пред гибелью спину,
Утверждая надежду единственной жизнью своей.

Не у жертв — у мучителей в страхе дрожали колени
Перед мужеством верности, словно под градом трава.
С эшафотов и виселиц, через глухие застенки
В наши уши кричат завещаний последних слова:

«Погибая, я верую жизнью в грядущее племя.
В силу храброго духа, в его всенародный подъем».
И над ними не властно ракетой летящее время,
Потому что мы сами бессмертьем героев живем.

Есть у труса — жестокость. У храброго есть благородство.
Храбрость с песней уходит. А трус умирает стократ.
Песней подвига учит всегда Революция род свой
Присягающих ей командиров ее и солдат.

И пером и штыком огневая написана повесть
Жизни братства людей, навсегда отвергающих ложь.
На разъезде Касторной путиловский бьет бронепоезд,
И летит с Перекопа охрипшее слово: «Даешь!»

И — «За мной!» — впереди эскадронов Чапая папаха,
И как молния — сабля над гривой его дончака.
Партизанские кедры морозными лапами страха
Подступают вплотную к застывшим глазам Колчака.

Власть Советская входит в дома. И, как дома,
По-хозяйски решает, ей в деле беда — не беда.
И не спят по ночам телефоны ее Совнаркома,
Правосудия рыцарей и комиссаров труда.

Еще враг не добит. Он последнею злобою бешен.
Но рабы разогнули позор векового горба.
И орлами надежды кремлевские мчатся депеши,
И братается с Молотом Серп на сияющем солнце Герба.

Еще голод и холод гуляют по градам и весям.
И «буржуйка» не греет, и хлеб пополам с лебедой.
На весах справедливости чашу весов перевесил
Не «последний», как в песне, а самый «решительный» бой.

Никому никогда наша правда не сдастся на милость,
В неприкрашенной страсти со всех горизонтов видна.
Всё меняется в мире, но нашей любви справедливость
Неизменна вовеки, и верность дороге — одна.

Перед боем в траншее, в затишье холодном и мгlistом,
 Всё на свете припомнив, предчувствуя миг роковой,
 Мы писали штыками: «Считайте меня коммунистом!» —
 И прикладах винтовок и шли на удар штыковой.

Между жизнью и смертью был выбор солдату свободен.
 Начинала атаку горниста оглохшая медь.
 Полагалось солдату за милую Родину родин,
 За Свободу свободы единственный раз умереть.

Вся земля клокотала. Тряслись, осыпаясь, воронки.
 Сталь горела и плавилась. Кровью слипалась трава.
 Материнское горе на смятом листке похоронки
 Размывало слезой государственной скорби слова.

Палачи из гестапо, заплечные горя и муки,
 На глазах материнских, в морозном мерцании звезд,
 Партизанской девчонке крутили веревками руки
 И по белому снегу вели босиком на помост.

«Смерть немецким захватчикам!» — самой последнею
 болью

Эта девочка крикнет, и крик оборвется в петле.
 Всенародную местью незримо к ее изголовью
 Встанет мужество храбрых, рожденных на этой земле.

Эта месть перемесит дорожную супесь и глину
 Каблуками и траками на боевых скоростях,
 И кометы «катюш» с разворота хлестнут по Берлину,
 И победное знамя как солнце взойдет на рейхстаг.

Солнце нашей Победы! Развесит салют канделябры
 В дымном куполе неба сиянием радужных звезд.
 И над братской могилой своих сотоварищей храбрых
 В Трептов-парке храбрейший займет несменяемый пост

Эти дни ликованья в легендах останутся живы,
 И народ сохранит беззаветных сынов имени.
 Встаньте в строй, ветераны! Победных боев старожилы!
 В блеске славы военной наденьте свои ордена!

Вместе с вами я временем, ходом его озадачен,
 Приближением бурь и виденьем пустых площадей.

Долг спасения Родины грозной ценою оплачен —
Двадцатью миллионами жизней советских людей.

Слишком длинны раздумий бессонные темные ночи,
Слишком медленно всходит в тумане холодном зари,
Нашим подвигом жизни закон наступленья упрочен.
И по старому миру «Аврора» стреляла не зря.

Слава спевшему песню! И слава взрастившему сад свой!
Слава тем, кто побеги плодовых деревьев сберег.
Только труд укрепит всенародное доброе братство —
Хлеб и Соль увенчают его дружелюбный порог.

И с сегодняшним днем в наступающем многое схоже
В перевалах, в ущельях дорогу сыскать мудрено.
Чем труднее Победа, тем сердцу людскому дороже
Человеческой Истины, жизни живое зерно.

Чтобы с Жизнью Победа вовек договор не расторгла,
Чтобы души людей становились мудрей и родней —
Горечь тяжких потерь и сладчайшие слезы восторга
Промывают глаза — и грядущее мира видней.

4

Есть просчет в нашей жизни. И памяти неблагоприятно
Перед совестью времени тупо об этом молчать,
Потому что в глубинах истории жизни народной
Никогда и ничем не смываема эта печать.

Коммунизм не приманка — закон неизбежный эпохи.
Едим потом и кровью в боях утвержденный закон.
И ростки его истины вытеснят чертополохи,
И его не удержишь решеткой стальной и замком.

Только Правда прямая грядущее мужеству учит.
Нет пробелов в Истории. Ждет откровения лист.
Недосказанность путает мысли людские и мучит, —
Это знает народ, это помнит любой коммунист.

Революции Совесть, исполнись людского доверья,
Пусть тебя не придавит признанья просчета плита.
Не забудь, как скрипели доносчиков тонкие перья.
Как на дерево Веры ползла саранчой клевета.

Дорогой мой товарищ, нам вместе задуматься впору,
Разобраться во всем, не точка на других топоры.
Ты пригнал в лаптях на пустую Магнитную гору,
Землекоп и Поэт знаменитой Магнитной горы.

И тебя величало своим комсомольское братство,
Танцевалой задора, задирой, сорвиголовой.
Ты юность твоя. Это наше с тобою богатство.
Ты прочный фундамент и камень его угловой.

И честных песнях своих ты доверья раскидывал зерна.
Ликовал, переполненный всходами новых побед.
Почему ж я поверил врагам нашим общим покорно
И осужденье твое на пятнадцать томительных лет?

И пока я не вынесу зло подноготное к свету,
Не очищу от тины рули на своем корабле,
Нет прощенья мне, оправданья беспечности нету.
И не будет покоя на милой земле и в земле.

Этих горьких раздумий ночами в вине не утопишь.
И попробовал это, да кончился плохо запой.
Ты прошел через всё и опять свою строчку торопишь
О судьбе поколенья, не бредишь в ночи Колымой,—

Там, где песня твоя, задыхаясь, стонала под кляпом,
Пробиваясь на свет через мерзлого слоя дерно,
Там, где вместе с тобою понуро брели по этапам
Командармы и жулики, чистая Честь и дерьмо.

И читаю твои благородные светлые песни.
Вижу подвиг народа, раскрытый на все времена.
Для судьбы Революции нет сыновей неизвестных,
Есть у каждого имя, и есть у врагов имена.

Животворный огонь откровения ленинской искры
Возвеличил сердца, из раба создавая борца.
Полной правдою Жизни живут на земле коммунисты.
С полуправдой мирится трусливая суть подлеца.

Взвейся соколом, песня! Судьба наша, соколом взвейся!
Я не меньше, чем ты, и лишений и слез перенес.
Пусть мелькают столбы, и к коммуне по ленинским
рельсам,
Набирая пары, не буксуя летит паровоз.

Никому никогда наша Правда не сдастся на милость,
Неприкрашенной страстью со всех горизонтов видна,
Всё меняется в мире, но нашей любви справедливость
Неизменна вовеки и верность дороге одна.

5

Табунятся скворцы, и к отлету готовятся цапли.
От обильной росы холодней и прозрачней заря.
Глухо падают с веток тяжелые красные капли.
Начинается медленный яблочный дождь сентября.

Сочно зябкие ночи созревшей антоновкой пахнут.
Старый филин тревожно кричит в одиноком дупле.
Мир вселенской души на глазах человека распахнут,
И высокие звезды спускаются к спелой земле.

Начинается таинство вечной гармонии, связи
Меж плодов и планет, торжествующий праздник родства
И томит бесконечность живой человеческий разум
Жаждой новых разгадок путей своего естества.

О законах вселенной написаны мудрые книги.
Человеческий разум, как яблоко, зреет в тиши.
Боги в сказки уходят. Вериги старинных религий,
Словно старая кожа, сползают с пытливой души.

Проверяется время законами точности голой.
Нет предела движенью, и нету границ для ума.
Беспощадностью правды, познания высоким глаголом
Человека и Мир Революция сводит сама.

Еще Ленин о Мире декрет не подписывал в Смольном,
Еще в Зимний дворец не врвался матрос Железняк,
Циолковский в Калуге, в лачуге своей, недовольный
Бесконечным расчетом, просчета заметил пустяк.

Но пустяк для мыслителя — новых открытий стихии.
И не прост от лаптей до Луны перекинутый мост.
Революция шла через кровь по голодной России,
Шлемом с красной звездой касаясь заоблачных звезд.

Слушай, мальчик. Запомни: чураются подвиги славы.
И мечта есть мечта. И ты мужеством смелости прав.
Нашей кровью окрашены наших путей переправы.
Что стоит на дорогах грядущих твоих переправ?

Слушай, мальчик, ты знаешь, как воздух эпохи угарен.
Пограничные реки шуршат перемолом шуги.
Первый шаг от Земли во вселенную сделал Гагарин.
Это только начало, а дальше опасней шаги.

Но я верю в тебя искушенным судьбою понятем.
И душою с тобой на борту твоего корабля.
И прошу тебя, крикни с Луны озабоченным братьям:
«Осторожней ступайте! Под вами живая Земля!»

Не костями, а песней мостите свои переправы,
Откровенье друзей откровеньем своим одаря.
С веток падают яблоки в сонные жухлые травы.
Начинается медленный яблочный дождь сентября.

Сказка — связка мечты с предназначенным в будущем
делом.

Разум, жадный к познанию,— луч маяка ножевой.
Вызрей яблоком жизни, высоко мужество в смелом
Человеке Грядущего, стань его сутью живой.

Что там будет? Огонь или холод пустыни несносный —
Будь готов ко всему и неправде иди вперерез.
С грозной бурей встречаются первыми рослые сосны,
Гибнут в сполохе молний, спасая от гибели лес.

1967

Семен Курсанов

236. СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Я наблюдал не раз
жизнь
старых фотографий,
родившихся
при нас
в Октябрьском Петрограде.

В начале наших дней
в неповторимых сценах
остановился

миг
на снимках драгоценных.

Они скромнее книг,
но душу мне тревожит
печаль и боль,

что миг
продлиться в них не может...

Как пожелтел листок
из тонкого картона!
Вот

людям раздают
винтовки и патроны.

Вот,

выставив штыки,
глазасты и усаты,
глядят с грузовика
восставшие солдаты...

Вот

площадь у дворца,
и, может, выстрел грянул —
так строго

в объектив
красногвардеец глянул...

Вот

наискось летит
матрос, обвитый лентой,
и то,

что он убит,
всем ясно.

всем заметно...

Вот

женщина в толпе
перед могилой плачет,
но мокрые глаза
она под шалью прячет...

Вот
 парень на столбе
над невским парашетом,
он машет картузом,
крича:
 «Вся власть Советам!»

Вот
 понесли плакат
две молодых студентки...

Вот
 Ленин над листком
склонился на ступеньке...

Вот
 первый наш рассвет
и длань Петра чернеет,
а девушка
 декрет
на черный мрамор клеит...

Но почему они
на снимках неподвижны, —
они,
 которых жизнь —
начало новой жизни?

Не верю,
 что навек
мгновение застыло!
Товарищи!
 Скорей
вставайте с новой силой!

И кто посмел сказать:
«Остановись,
 мгновенье»?

Вдруг
 будто пронеслось
по снимкам дуновение,

Как будто
 некий маг
в фуражке-невидимке

вдруг палочкою мах-
нул —

и очнулись снимки!

Вот

поднялся матрос
и лег живой на цоколь,
чтоб грудью отстоять
от немцев

Севастополь...

Сошли с грузовика
солдаты из отряда
с гранатами —

в окоп,

в обломки Сталинграда...

И две студентки,

две

наивных недотроги,
снаряды повезли
по ледяной дороге...

Теперь они сдают
экзамен в институте —
другие,

но они,

такие же по сути...

Вот

женщина сошла
со снимка

в час суровый

и в школьный зал вошла
учительницей новой...

И парень

на столбе

телевизьонной вышки
приваривает сталь
под молнийные вспышки...

И глянул в объектив
нестрого и неловко

похожий
на того
прохожего с винтовкой,

но он держал чертеж
в конверте из картона —
ракеты,

что взлетит
звездой десятитонной!

О, снимки!
Снова в них
заулыбались лица!

Но я и знал,
что миг
не мог остановиться,

что Ленин
написал
под новью наших планов
знакомые слова:
«Согласен.

В. Ульянов...»

Я прихожу в музей,
я прикоснусь
вправе
к листовкам первых дней,
к квадратам
фотографий.

Они глядят со стен
и подтверждают сами,
что тот,
кто был ничем,
стал всем
и всеми нами!

1967

237. ЛЕНИН, ТОМ 54

Отрывок из поэмы

...себя

под Лениным чиню

В. Маяковский

В пятьдесят четвертый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят письма, записки и телеграммы, написанные в ноябре 1921 — марте 1923 года...

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 1

Берегите же их...

Этих дней и металл, и огонь,

И расстрелянных люстр этот хруст под ногой

на паркете,

Эти алые прапоры,

Эти хриплые крики погонь.

Это — нового мира рождение, его появление

на свете.

Вот он. Веки открыл, ему жаждою губы спекло,

И винтовка в руках от стрельбы еще

не отдышалась.

И он жаждет тепла,

Чтобы жить, ему нужно тепло,

Чтоб тепло в его жилах с железом и сталью

смешалось.

Так вот почки древесные ждут первых весенних

дождей —

Приморозит их утренниками иль поколотит

их градом.

...Еще свежие шрамы на лицах солдат и вождей,

Счет еще не окончен загубленным продотрядам.

Еще серый и сирый рассвет,

Но встает

Из холодной росы, поднимаясь над маревом

сонным,

По ступеням взметенных клинков раскаленных

проносит сиянье свое,

Тышекратно повторено в сабельных отблесках

солнце.

Легендарное солнце...
Но дым выедаёт глаза,
А о нем ни полслова в легендах, он сладким
покажется завтра.
В тот сияющий мир не молитва ведет,
не слеза —
Только праведный гнев,
Только сила, рожденная правдой.
Берегите же их!
Разгибаются спины людей,
Как засохшие струпья, с них страх вековой
опадает,
И — сквозь шелест страниц, и — сквозь гром
площадей
Вырастают они — и раба в себе побеждают.
Берегите же их!
Вы ведь знаете, что и почему
В этом взорванном мире, что полон надежды
и боли.
Поднимается люд, пусть из сшибок и схваток
он выйдет, сплочен
Вашей честной, и чистой, и твердой, и страстною
волей.
Берегите же их —
от штыков и от ласки врагов,
От холуйского духа и чванного высокомерья.
Как весной наполняются соком побеги стволов,
Так людские сердца наполняются нынче доверьем.
Миллионы встают.
От земли поднимают свой взгляд
И глядят на зарю,
Что впервые для них заалела,
И не маленькие —
а великие люди стоят,
Да,
великие люди в борьбе за великое дело.

1967

Перевод с украинского

238. РОЖДЕНИЕ

К концу подходило крещение
Горластых российских ребят,
И древние гасли реченья,
И гаснул старинный обряд.

Ударили в окна шрапнели,
А пуля икону прожгла,
И женщина в жесткой шинели
В уездную церковь вошла.

Смеркалось в приделах священных,
Но вспыхнул окладов металл.
Ребенка смущенный священник
Безропотно ей передал.

Тяжелые, властные руки
Легко подхватили меня
Во имя всеобщей поруки,
Во имя всеобщего дня.

Чуть двинула в ласке губами,
Услышав над крышей разрыв,
Свое огневое дыхание
С ребячьим дыханием слив.

Упали уездные стены,
Ни тени от них, ни угла...
По страшным просторам вселенной,
Спеша, Революция шла.

А в глуби бездонной России,
В глубины всемирной любви
Ее провожали пустые,
Святые глазенки мои.

Держа рукоятку нагана,
Как ангел, в грозе и грязи,
Куда она вдаль прошагала
По нашей жестокой Руси?

А может, она и жесточе,
А может, и мягче ее?
Всё дольше ей путь... Всё короче
Короткое время мое.

И я, на путях ее крестных
Не зная иного креста,
Влюблен, долгопамятный крестник,
В ее огневые уста.

На свежих путях поколений,
Обдумав жите и бытие,
Шепчу: «Революция, Ленин,
Россия —
Крещенье мое!»

1967

239. 1920

Нет, не своим... Но чутким, зорким взглядом,
Зорчайшим взглядом матери своей,
Вгляжусь в тот год. И он возникнет рядом,
Живей живого, нового новей.

Застыл в сугробах городок уездный,
И чудится, что он со всех сторон
Холодной, вьюжной, непроглядной бездной
От остального мира отделен.

Но в закоулке свет желтит сквозь ставни.
И злой махоркой старый дом пропах.
К нам на постой солдаты нынче встали,
Все, как с плаката,— в звездах и ремнях.

Ни дать ни взять как во всемирном штабе,
Сидят они за кухонным столом.
И спорят только в мировом масштабе,
Мирятся тоже только в мировом.

Доспорили. И, отодвинув кружку,
Тот, с глоткой что оркестровая медь,
Огромный, протолкнулся в боковушку,
Стараясь сапогами не греметь.

Ведом ему лишь ведомою целью,
Сажень косая — грозен и смешон,
Над детской склонился колыбелью
И загудел торжественным шмелью:

«Ну, будет жизнь! Глядеть не наглядеться.
И — всё тебе... Для тела и души!»
— «Чего ты агитируешь младенца,
Цигарку лучше, дьявол, притуши...»

Он вышел. И как будто перед строем,
Но — шепотом! — товарищам своим
Сказал: «Мы наш, мы новый мир построим
И этому мальцу передадим!»

Глядят они, смеючись, друг на друга,
Хмельным-хмельны без браги и вина.
Стихает утомившаяся вьюга,
Идет к концу гражданская война!

1967

Иосиф Нонешвили

240. Я СЛАВЛЮ ОКТЯБРЬСКОЕ ЗНАМЯ

Я славлю Октябрьское знамя!

Хочу я пшеницу в степи,
сады,

виноградники,

зданья

ему посвятить,

как стихи!

За то, что окрепли побеги,

за то, что мы стали сильнеей,

я славлю

отцов

победы

от имени их сыновей!

Иных не застали награды,

но памяти их

мы верны,

в Арагви их крови накрапы
на спинах форелей видны.
Бессмертье их —

нивы,

селенья,

доверье открытых дверей,
и синие волны сирени,
и сильные волны морей!

Мы знали великие муки,
но были упрямо честны,
и наши рабочие руки —
в земле и мазуте —

чисты.

И мы знаменосцами стали.

Рабочая хватка крепка —
в древко наши пальцы вращали
и сделались частью древка.

И, всё это помня и зная,
не смея забыть ничего,
я славлю Октябрьское знамя
и руки,

что держат его!

1967

Перевод с грузинского

Сергей Орлов

241. ОКТЯБРЬСКИЙ ПАТРУЛЬ

Земля была всё той же, небо то же
Меж затененных каменных громад.
И по бедру легко стучали ложи
Патрульных, обходивших Петроград.
Пальтишки настезь. Холодок осенний
Был нипочем на утренней заре.
День начинался. Первый день творенья
В семнадцатом, восьмого, в ноябре.
Был город тем же. Но над ним на Зимнем
Горел, плескался, вился алый стяг
На тонком древке в небе блекло-синем,
И был патрульных скор и весел шаг.

От Смольного по каменным ступеням
Они спустились и пошли смеясь.
Из кабинета глянув вслед им, Ленин
Свет погасил. Заря в окно лилась.
И шли они счастливые, как дети,
По середине улицы втроем,
И эхо их шагов по всей планете
Уже катилось, как весенний гром.
Ломались троны, падали короны,
Горел разбитый бомбами рейхстаг.
Был Невский тих, снежком посеребрённый,
И по нему патруль чеканил шаг.
Балтийский ветер дул с реки морозной,
Шагал патруль, по Невскому шагал.
И космодром, нацеленный на звезды,
Гагарину скафандры примерял.
Вниз на Гавану с гор спускался Кастро,
Меконг с сампанов вел огонь в зенит.
Шагал патруль уверенно и властно,
Зажав в багровых кулаках ремни.
Над Африкой гремели барабаны,
Знамена поднимали племена,
И сотрясались города и страны,—
Такой была на Невском тишина.
Вдали, у Александровского сада,
Проснулись птицы, плыл костра дымок,
И самый юный, с сердцем нету сладу,
Пел песенку веселую, как мог.
Земля была всё той же, небо то же,—
Но он не тот. Не бог и не герой.
На внуков и детей своих похожий,
Он с песней шел, как будто брат с сестрой.
Был первый день. Еще был молод Ленин,
Немногим больше сорока пяти.
Шагал патруль, и, разгоня тени,
Вставало солнце на его пути.
С «Путилова», а может быть, с «Айваза»,
С Обуховского, знать наверняка,
Шагал и пел он, юный, синеглазый,
Девчонкой не целованный пока.
Я с ним сойду в одном окопе вместе —
Блокаду прорывать в сорок втором.
Он будет мой товарищ и ровесник,
Мы встанем с ним на бруствер и пойдем

Под пулями и минами как надо.
 И я себя почувствую, что вдруг
 В семнадцатом году по Петрограду
 Иду на розовеющем ветру.
 Что жив еще и молод в Смольном Ленин,
 Он в синее окно глядит нам вслед.
 Мы только что спустились по ступеням
 И двинулись с винтовками в рассвет.
 Еще на свете первый день творенья.
 Горят огни на рострах. Спит вода.
 Стоят в метро вагоны без движенья,
 И лишь патруль идет через года.

1967

Александр Прокофьев

242—243. *(ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ О РЕВОЛЮЦИИ)*

1

Революция,
 Ты полюбила мой город великий,
 Боевая, Октябрьская
плещет мне в сердце пора,
 И сейчас ударяют мне в уши
победные клики,
 И гремит, и не гаснет, не стихает
«ура!».
 Юнкера отступают, сдаются, качается Зимний,
 И тогда, побеждая нависшую темень, разят,
 На куски разрывая ее,
 Гудят светоносные ливни,
 Через мрак и ненастье взлетает:
 Зимний пал!
 Зимний взят!
 Зимний взят!

2

Революция,
 Ты полюбила мой город тревожный,
 Ты полюбила —
 Его разлюбить невозможно!

Ты увидела мой город
С площади самой просторной,
Ты полюбила его,—
И сердце зажглося восторгом.
Светом душа всколыхнулась,
Как будто бы птицы запели,
Вырвалось солнце из плена
В краю, где гуляют метели.

1967

Давид Самойлов

244. БЛОК. 1917

В тумане старые дворцы
Хирели.
Красногвардейские костры
Горели.
Он вновь увидел на мосту
И ангела и высоту,
Он вновь услышал чистоту
Свирели.

Не музыка военных флейт,
Не звездный отблеск эполет,
Не падший ангел, в кабарет
Взлетевший — сбросить перья...
Он видел ангела, звезду,
Он слышал флейту, и на льду
Невы он видел полынью
Рождественской купелью.

Да, странным было для него
То ледяное рождество,
Когда солдатские костры
Всю ночь во тьме не гасли.
Он не хотел ни слов, ни встреч.
Немела речь.
Не грела печь.
Студеный ветер продувал
Евангельские ясли.

Волхвы, забившись в закутки,
Сидели, кутаясь в платки,—
Пережидали хаос.
И взглядывали из-за штор,
Как полыхал ночной костер,
Как пламя колыхалось.

«Волхвы! Я понимаю вас!
Как трудно в этот грозный час
Хранить свои богатства,
Когда веселый бунтовщик
К вам в двери всовывает штык
Во имя власти и земли,
Республики и братства.

Дары искусства и наук,
Сибирских руд, сердечных мук,
Ума и совести недуг —
Вы этим всем владели.
Но это всё не навсегда,
Есть только ангел и звезда,
Пустые ясли и напев
Той ледяной свирели».

Да, странным было для него
То ледяное рождество
Семнадцатого года.
Он шел и что-то вспоминал,
А ветер на мосту стенал,
И ангел в небе распевал:
«Да здравствует свобода!»

На мосте грелись мужики,
Веселые бунтовщики.
Их тени были велики.
И уходили патрули
Вершить большое дело.
Звезда сияла. И во мгле
Вдали тревогу пел сигнал.
А рядом «Интернационал»
Свирель тревожно пела.

Шагал патруль. Вот так же шли
В ту ночь седые пастухи

За ангелом и за звездой,
Твердя чужое имя.
Да, странным было для него
То ледяное рождество,
Когда солому ветер греб
Над яслями пустыми.

Полз броневик. Потом солдат
Угрюмо спрашивал мандат.
Куда-то прошагал отряд.
В котле еда дымилась.
На город с юга шла метель.
Замолкли ангел и свирель.
Снег запорашивал купель.
Потом звезда затмилась...

1967

Владимир Соколов

245. ОКТЯБРЬ

1

Октябрь сады задумчиво листает.
Дай почитать. Я тоже знать хочу,
Как тополя живут, как листья тают,
Что клен шепнул последнему грачу.

И он дает мне эту книгу в руки.
И я тотчас ловлю себя на том,
Что я совсем иные слышу звуки,
Не те, что в этом парке городском,

Совсем не хруст, не отзвук первой льдинки,
Не шелест лип... А треск таких ветров,
Какие слышались при поединке,
При самой первой схватке двух миров.

2

...Мне видятся не листья эти,
Летящие за поворот,
А тот перекричавший ветер
Матрос: «Товарищи! Вперед!»

И топот ног бесповоротный.
И страхом скошенные рты
Бессильных от неправоты
Перед шеренгой этой плотной.

«За Ленина!» По этажам,
По навощенному паркету!
Россия вся в минуту эту
Присутствовала грозно там,

Коля штыком, валя прикладом,
Шла по коврам и по врагам,
По комнатам, по анфиладам.
И вот последняя! А там...

А там — такая, в общем, малость! —
Проглатывая страха ком,
Правительство уж не справлялось
И с собственным-то языком!

Ах, вольных голосов раскат!
О, ширь свободы! Уж по струнке
Вытягивался бледный юнкер
Перед солдатом.

Зимний взят!

Так власть народная вступила
В права. И видела страна,
Как временность на нет сходила
И наступали Времена.

1967

Алексей Сурков

246. ЗНАМЕНА ОКТЯБРЯ

Настороженный, темный Петроград.
Штык юнкера у царского крыльца.
Березовые плахи баррикад
Перед фасадом Зимнего дворца.

И вскинутый на мачту красный флаг.
И корабельной пушки разворот.
И по торцам осклизлым грозный шаг
Готовых в бой красногвардейских рот.

Крик выстрела среди кромешной тьмы.
Раскат «ура!» сквозь пулеметный шквал.
Так этой мгливой ночью взяли мы
Истории великий перевал.

Так взяли мы в бессмертие билет,
Прорвавшись к жизни всем смертям назло.
...Как я поверю, что полсотни лет
С тех пор в сраженьях и трудах прошло?

Как будто эта ночь была вчера,
И не умолкли посвисты свинца,
И жар красногвардейского костра
Осенний дождь еще не смыл с лица.

И Ленин только-только объявил
Конец господской власти навсегда,
И только-только дерзким взмахом крыл
Взлетел над Смольным красный флаг труда.

Еще в Кронштадте ревуны баяют,
Бушлатников скликая на совет.
...И всё ж с тех пор минуло пятьдесят
Неповторимых, легендарных лет.

Полсотни лет мы шли по целине,
Сквозь ветер, на виду у всей земли,
От стройки к стройке, от войны к войне
Свои знамена красные несли.

Сквозь эти годы, месяцы и дни
Нас ленинская мудрость провела.
И мы сегодня в мире не одни,
И крепко в землю наша новь выросла.

Не охладела кровь большевиков.
Пусть злобится, как прежде, старый враг.
Ведь навсегда в историю веков
Врубили мы красногвардейский шаг.

Как отблеск нашей верности, в Кремле
Рубиновые звезды высоки.
Быть счастьем коммунизма на земле
Всем бурям и невзгодам вопреки.

1967

247

На эпоху нам пенять негоже —
С отрочества жили на юру,
Гладили винтовочное ложе,
Жгли в окопах крепкую махру.

Привыкали к резким граням стали,
Смерть носили в нарезном стволе,
Бóсье, голодные, мечтали
О всеобщем счастье на земле.

Разметали снег матросским клешем,
Прикипали к ржавым стременам.
И таким-то солнечным, хорошим
Представлялось будущее нам!

Жизнь пытала нас жестокой былью,
Сталкивала наземь с высоты,
Но она не надломила крылья
Нашей устремленной ввысь мечты.

Через пади и крутые горки
Шли мы к нашей цели. И в пути
Постигали мудрость поговорки:
«Жизнь прожить — не поле перейти».

Строили и шли на штурм науки.
Выходных не требовали дней.
Сна не знали. И, однако, внуки
Будут нам завидовать, ей-ей!

Потому что, дерзостью усилий
Убыстряя времени разбег,
Мы для человечества открыли
Путь-дорогу в справедливый век.

1967

Анатолий Чегуров

248. НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Не жертвы — герои лежат

Надпись на памятнике

Не жертвы лежат — а герои...
Впечатано в камень навек.
И пламя не гасят живое
Ни дождь, ни мятущийся снег,
Ни ветер, что красные листья
Сейчас по осенним полям
Несет, как отцовские письма
Из огненных лет к сыновьям.

1967

Анатолий Поперечный

249. ЖЕЛЕЗНЫЕ МАТРОСЫ

Запомнившие Ленина в лицо,
Одеты в черный клеш не для парада,
Суровы, темнобровы, как Лазо,
Железные матросы Петрограда.
Проходите вы ныне предо мной
Не просто в мимолетном представленьи,
Отчетливо я вижу лиц волненье,
Рук напряженье,
Как пред штыковой
Атакой...

Ветром набок — бескозырка.
И лоб — для пули.
Рот открыт для вскрика.
И ощущают и мои уста
Горячее,
Железное
«Ура!»...
Багровое
«Ура»,
Как песнопенье

Идущего в атаку
Поколенья,
Звучи,
Не распыленное,
В веках!
Живи
В цветах,
Не в траурных венках!
И не в подобострастном
Цепененье.
Веди в атаку и мои слова.
Они горчат порою,
Словно слезы.
Мне жаль —
Уходят от меня матросы...
Смертельная синееет синева.

Лишь ленточки —
Во тьме
За поворотом —
Сверкнули якорьками...
Где ты?

Что там?!
Железный
Революции матрос
Под сводами метро
Как будто врос.

Его плечами мы порой толкаем,
Спешим,
Не замечая в суете.
А он,
Спокоен и непроницаем,
Непостижим в железной красоте.

1968

250. ПЕТЕРБУРГСКАЯ КУРСИСТКА

Бестужевка. Курсистка. Петербургский
Туман, как плед, окутал всю тебя.
Век начался войною англо-бурской.
На острова рысак промчался бурый,
Лед на мостах копытами дробя.
Хочу вообразить тебя: поповна?
На медные училась пятаки?
Иль древний блеск дворянской родословной
Отбросила одним движеньем, словно
Изношенные башмаки?
С утра урок в семействе либеральном,
Там девочку в гимназию готовь.
Потом к себе, в свой переулочек дальний,—
И ляжет на станок копировальный
Еще листовка — боль твоя и кровь.
Знать наизусть конспиративных явок
Все адреса. Агентом «Искры» быть.
Ждать у аркад гостинодворских лавок —
Пришлет связного Невская застава.
И мысль живую с ленинскою слить.
В столичном мире, мертвенно-холодном,
Где человечьи поправы права,
Быть с будущим отважно и свободно!
Как пристальны, нежны, чуть старомодны
Социализма ранние слова!
Как буднична такая ежедневность —
Съезжать с квартир, входить в чужой уют
И в спорах быть то сдержанной, то гневной,
Но юности в тебе живет напевность,
Товарищ Анна,— терпеливый труд
На Выборгской, на Охте и на Ржевке...
А случай выпадет — и наяву
С товарками по-девичьи, по-женски
Так аплодировать Комиссаржевской —
Всей молодой России божеству.

Что впереди? Тюрьма и ссылка. Люди
И там помогут. И в метель — побег.

Из края в край встают иные судьбы.
Твоя судьба счастливей многих судеб:
Семнадцатый. Октябрь. И — новый век!

1969

Николай Браун

251. СЛУШАЯ ГОЛОС ЛЕНИНА

Он возникает как-то сразу
На полный звук и в полный рост.
Еще не успевает разум
Понять, что он предельно прост,

Предельно временем наполнен —
Стремительнее всех времен,
Предельно чист, как росчерк молний,
И в будущее устремлен.

Что в этом яростном стремленьи
Не только дерзкой мысли суть,
Что там, за ним — сердцебиенье,
Живая, дышащая грудь,

И вдох и выдох до отказа,
И жажда взять любой барьер,
Его особенная фраза,
Его особенное «эр»,

И где летят, а не ложатся
Слова. И в них — такой нагрев,
Что цифра гордая «семнадцать»
Встает за ними, как запев

Той революции, что алый
Над миром вымпел подняла
И что дорогой небывалой
Вперед Россию повела.

Вперед, вперед...

За словом слово,
Как бы распарывая ложь,
И вслед за паузою снова
В нее вонзаются, как нож.

И речь быстрее. И голос выше.
Он весь волненьем напоен,
И где-то здесь вот, рядом, дышит
Не речь, но он, незримый он.
Вот-вот сюда он ступит зримо,
На сцену, сам, к толпе лицом,
И жест руки неукротимый
Взлетит, как приговор весом,

И воздух надвое разрубит,
Как мир, что надвое разъят.
И мысль опять ныряет в глуби —
В грядущий день,
В цветущий сад,
Чтоб снова вынырнуть для прозы,
Где трудный бой, и кровь, и пот,
Чтоб очистительные грозы
Вспоили сад цветущий тот.

1970

Елена Вечтомова

252. ДЕРЕВЬЯ ИЛЬИЧА

Расти! Не жди, пока тебе позволят,
Расти, пренебрегая болью,
Расталкивая камни, находя
Корнями капли соли и дождя!

Вот сад шумит...

Мой друг и мой ровесник,
Как богатырь, возникнувший из песни,
Мне говорит: «Мы много лет назад
В день Ильича сажали этот сад».

Мы в девятнадцатом детдомовцами были.
Заботу родины впервые ощутили.
А сколько после бурь, смертей и гроз
Над непокорной Ригой пронеслось!

Чужие сапоги ее топтали,
Но люди здесь, мужая, вырастали,
И вера нас держала горяча:
Они растут — деревья Ильича!

И мы росли, не сломленные болью,
И крепло большевистское подполье.
И словом Ленина, как соками земли,
Сердца питались — значит, жить могли.

И, новых рощ лояя прибой могучий,
Растут дубы, расталкивая тучи.
И дружба наша, братья, горяча —
Растут, растут деревья Ильича!

1970

Евгений Евтушенко

253. КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отрывки из поэмы

МОСТ

Спасибо, девочка из города Казани,
за то, что вы мне доброе сказали.

Возникли вы в берете голубом,
народоволка с чистым детским лбом,
с косою жгутом, с осанкой благородной, —
не дочь циничной бомбы водородной,
а дочь наивных террористских бомб.

Казань, Казань, татарская столица,
предположить ты даже не могла,
как накрепко Россия настоится
под крышкою бурлящего котла.

И в пахнувший казарменными щами,
Европою приправленный настой
войдут Державин, Лобачевский, Шапов,
войдут и Каракозов, и Толстой.

Шаляпина ты голосом подаришь
и пекаря чудного одного
так пончиками с сахаром придавишь,
что после Горьким сделаешь его.

Казань — пекарня душная умов.
Когда Казань взяла меня за жабры,
я, задыхаясь, дергался зажато
между томов, подшивок и домов.

Читал в спецзалах, полных картотек,
лицо усмешкой горькой исковеркав,
доносы девятнадцатого века
на идолов твоих, двадцатый век.

Я корчился на смятой простыне.
Кусал подушку. Всё внутри болело:
так неуклюже торкалась поэма,
ну хоть грызи известку на стене.

Я около вокзала жил тогда.
Был запах шпал в том тесном, одинарном,
и по ночам, летя над одеялом,
по ребрам грохотали поезда.

В ячейках алюминиевых пиво
плясало, пооббив себе бока.
Россия чемоданы облупила,
играя в „подкидного дурака“.

И пели хором, и храпели хором.
Бужил командировочный Ноздрев,
и пьяные гармошки переходов
рыдали под удары буферов.

И поезда по-бабьи голосили,
мне позвонки считая на спине...
Куда ты едешь все-таки, Россия?
Не знаю я, но знаю, что по мне.

Я мост. По мне, всё тело сотрясая,
холопов дровни, розвальни малют,
с боярыней Морозовою сани,
теплушки и пролетки, танки прут.

По мне ползут с веригами калеки.
По мне, махая веером возам,
скользит императрицына карета
вдоль ряженных потемкинских пейзаж.

Я вижу клейма, кандалы и язвы.
Я русской кровью щедро угошен.
В моих кишках колесами увязла
телега, та, где в клетке — Пугачев.

На мне Волконской выпавший флакончик
еще у следа пошевной лежит,
и Пушина крамольный колокольчик
набатом-крошкой к Пушкину спешит.

Еще дышу я пушкинской крылаткой,
еще дышу радищевской дохой,
заплеванный, залусканный треклятой
булгаринской газетной шелухой.

Нет, не пропало, что упало с воза.
С меня не смоем никаким дождем
пот бурлаков, солдаток вдовьи слезы
и кровь крестьян, забитых батошьем.

Я мост. Я под тобой хриплю, Россия.
По мне, тебя ломая и лепя,
твой гений едет в Питер из Разлива,
прикрыв мазутной кепкой глыбу лба.

И по себе, такому и сякому,
на копоть и на тряску не ворча,
я на подножке мчащего сегодня
во имя завтра еду во вчера.

Назад — чтобы с грядущим рядом встать!
Назад не означает — на попятный.
Бездумное «вперед» толкает вспять,
и вдаль бросает трезвый ход обратный.

Назад, художник! Харкая, сипя,
на поручнях вися, в пыли и саже,
и там, где черт, а может, бог подскажет,
стоп-кран,
срывая пломбу, —
на себя!

Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь.

Из речи А. Ульянова на процессе

Ау, либералы!
 Так бойко выпендривались
 и так растерялись вы,
 судари!
 Какая сегодня погода в империи?
 Гражданские сумерки.
 Когда прикрывали
 журнал Щедрина
 правители города Глупова,
 Щедрин усмехнулся:
 «Ну хоть бы одна
 свинья либеральная хрюкнула».
 Прощайте,
 «Отечественные записки»!
 Завяли курсистки,
 коллеги закисли.
 Какая в империи нынче картина?
 Тина.
 Хитря,
 прогрессистки прячутся в омут:
 «Быть может, не тронут».
 Спасенье одно —
 под коряги,
 на дно.
 Но так ли премудро пескарство,
 когда всё равно,
 всё равно,
 всё равно
 найдет и на дне
 государство.
 Журнал проглотило оно,
 не давясь,
 а завтра проглотит,

читатели, вас.
В постели Щедрин.
Он измученно желт,
и мысль неотвязная
давит и жжет:
«Неужто наивностью я одержим?
Неужто, российский читатель,
ты только заемным умом гражданин,
а собственным —
обыватель?»
Но в двери звонят.
Провороты звонка
то дерзостны,
то нерешительны.
Хозяин встает:
«Молодая рука...
Надеюсь,
не утешителя».
Но кто же он —
юноша в косоворотке,
с пушком на крутом волевом подбородке,
с манерами
чутьочку провинциальными,
с глазами
такими нацеленно-дальними,
горящими
всполохом грозовым?
Читатель России,
ее гражданин.
На лбу ни морщинки еще,
ни усталинки,
но тень обреченности,
словно клеймо.
«Не жмите так руку.
Мне больно.
Я старенький», —
смеется Щедрин,
но ему не смешно.
Он, может, предвидит,
жалея любовно,
что Саша Ульянов —
и зря и не зря —
оклеит бумагой когда-нибудь бомбу,
по образу книги ее сотворя.

где террор —
 государственный быт,
 невинно растоптанным быть —
 не достоинство,
 уж лучше —
 за дело растоптанным быть!
 Пусть лучше
 под реквиемное пение
 твое,
 шлиссельбургская тишина,
 намылят веревку
 державною пеною,
 сорвавшейся
 с медной губы скакуна.
 Лишь тот
 настоящий Отечества сын,
 кто, может быть,
 с долей безуминки,
 но все-таки был до конца
 гражданин
 в гражданские сумерки.

ФЕДОСЕЕВ

Сегодня во время гулянья
 я нашел перо вальдшнепа. Ве-
 роятно, бедняжка прельстился
 березами и, напуганный светом,
 ударился в белую стену. Посы-
 лаю Вам это перышко...

Н. Е. Федосеев — Сергиевскому

По-над тюрьмой Владимирской
 запах весны и пороха.
 Падает в руки льдиночкой
 вальдшнепа белое перышко.
 Маленький да удаленький,
 из-за обмана зрения
 он, словно ангел, ударился
 грудью о стену тюремную.
 Нету сильней агитации,
 нету сильней нелегалщины,
 если на тюрьмы кидаются
 самоубийцами вальдшнепы.
 Хорканье в небе истошное...

Что вы задумались, узники,
 в самоубийцах восторженных
 сами собою узнаны?

Кровью
 земля
 обрызгана
 после полета вашего.

Тяга к свободе убийственна,
 будто бы тяга вальдшнепов.
 Над молодой повиликою,
 мятою и сурепкою
 хлещет вас дробь,
 перелитая
 из тридцати сребреников.

Но, улетев от охотника,
 что вы бросаетесь на стену?
 Сколько вас дробью ухлопано,
 сколько о стены разгваздило!

И над весенними реками
 в мире, еще не оттаявшем,
 хорканье вальдшнепов —
 реквием —
 собственным крыльям
 отчаянным.

Но, как письмо от подпольщика,
 переданное с воли,
 вальдшнепа белое перышко
 у Федосеева Коли.

Жесткие руки империи
 взяли семнадцатилетнего,
 Коля,
 тебя не первого,
 Коля,
 тебя не последнего.

В путь, никому не завидуя,
 снежные тракты утапывая!
 Совести русской планидою
 стала планида этапная.

Крылья о стены каменные
 бьются, не сдавшись на милость,
 Лучше крылатость в камере,
 чем на свободе бескрылость.

Наши марксисты первые,
 в тюрьмы спокойно идущие,

вальдшнепов белыми перьями
письма писали в грядущее.
Были они еще мальчики
даже

в мужской суровости.
Были в одном догматики —
не предавали
совести.

Что же случилось, Коля,
если в себя ты выстрелил,
павшич упав на корни
всеукрывающих лиственниц?
Губы ответить стараются,
а на лице — ни кровиночки,
и муравей взбирается
к сердцу по алой тропиночке.

Тюрьмы, этапы выдюжил
с детской улыбкой Мышкина.
Лишь одного не выдержал —
подлости единомышленника.

Спишь с восковыми веками.
Ты застрелился,
первый марксист,
сломался,
оклеветанный
братом своим во Марксе.

Лиственницы разлапые,
что вы шумите невесело?
Вальдшнепы, стены разламывая,
станут еще буревестниками!

Ну а пока что —
валится
снег над тобой, империя,
словно разбившихся вальдшнепов
тусклые,
мертвые перья.

Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которых поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности...

*Из петиции казанских студентов
4 декабря 1887 года*

В Москве или Казани,
нафабривши усы,
преподают казаки
историю Руси.

Студентов кони давят,
и, сжата в пятерне,
нагайка смачно ставит
отметки на спине.

И что призыв к прогрессу,
и что наивный бунт,
когда в нагайке весу,
пожалуй, целый фунт.

Нагаечка, нагайка,
казаческая честь.
В России власть — хозяйка,
пока нагайка есть.

И против нагаек,
штыков,
государственной страшной
махиныши

студенты,
мальчишечки.

Но если боится чего-то
такая машина,

то, значит, лишь сверху тверда,
а внутри — как мякниш,

От страха —
в ручищах лабазников ломы и гири,

от страха — цензура,
от страха — остроги Сибири.

Боятся суков,
на которых сидят,

своих же шпиков
 и своих же солдат.
 И Зимний дворец —
 как штыками утыканный торт,
 где морды сидят
 за оградой из морд.
 Гитара поет,
 притишая струну,
 в студенческой тесной каморке:
 «О, если б все морды сложились в одну
 и дать бы по морде той морде!»
 И кто-то кричит в молодом озорстве,
 заусеницы кусая:
 «Пощечину славно вlepили в Москве,
 а что мы, безруки в Казани?!»
 На сходку!
 Еще не загнул народ,
 пока среди рабства и скотства
 в нем дочь новгородского веча живет —
 студенчества русского сходка!
 «Хотят кнутовище нагайки
 засунуть нам в глотку?»
 — «На сходку! На сходку!»
 — «Россию навек уподобить хотят околотку?»
 — «На сходку! На сходку!»
 — «Политзаключенных по тюрьмам вгоняют в чахотку?»
 — «На сходку! На сходку!»
 — «Забрали и право и власть,
 а народу оставили водку?»
 — «На сходку!
 На сходку!»
 И юная лава,
 кипящая неудержимо,
 и слева и справа
 летит на Помпею режима.
 И гневно,
 упрямо
 в котле мятежа,
 в клокотанье
 Володя Ульянов
 со вскинутыми кулаками.
 И в актовом зале,
 как будто бы в зале Конвента,
 за выкриком выкрик

взлетают несметно,
кометно:

«Клянитесь спасти наш народ,
историческим рабством клейменный!»

— «Клянемся!
Клянемся!»

— «Клянитесь,
что в этой борьбе не допустит никто вероломства!»

— «Клянемся!
Клянемся!»

Инспектор Потапов,
примите награду почетную —
пощечину!

И выстрел «Авроры»
над питерскими проспектами
как эхо пощечины,
влепленной в морду инспектору!

Студенчество мира,
лети по-казански вулканно
на морды и мифы
со вскинутыми кулаками!

Уже не нагайку —
дубинку суют полицейские в глотку,
но ты продолжаешь
казанскую вечную сходку.

И юно и яро,
отчаянно прыгнувший с полки,

Володя Ульянов
бушует в Мадриде и Бёркли.

В ответ на несущие смерть
самолеты, эсминцы, подлодки!
от сходки студентов —
до всечеловеческой сходки!

Все морды планеты
сложились в глобальную сальную морду.

К черту!
Тряситесь от страха,
все морды планеты.

Вы душите правду,
но, вам вопреки,—

мой Ленин —
бессмертно семнадцатилетний,
поднявший тогда
и на вас кулаки!

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Для спасения благомыслящих
не щадите негодяев.

*Телеграмма министра просвещения
И. Д. Делянова в Казань после
студенческой сходки*

Как георгиевскому кавалеру
самый памятный —
первый крест,
так и революционеру
самый памятный —
первый арест.

Арестованный —
это званье.

Круг почета —
тюремный круг.

Арестованным быть —
признание
государством твоих заслуг.

Где один человек настоящий
не под слежкой —
ну хоть бы один?!

В подозрительных не состоящий
подозрителен
как гражданин.

В государстве рабов и хозяев
поднят лозунг незримый на щит:
«Для спасения негодяев
благомыслящих не щадить».

Косит глазом конь буланный
и копытами частит.

Арестованный Ульянов
не особенно грустит.

Почему должно быть грустно,
если рот хотят зажать?
Пусть грустят в России трусы,
кого не за что сажать.

Рот пророческий, зажатый
полицейским кулаком, —
самый слышимый глашатай
на России испокон.

Страшно, брат, забыть о чести,
душу вывалить в дерьме,
а в тюрьме не страшно, если
цвет отечества в тюрьме.

В дни, духовно крепостные,
в дни, когда просветов нет,
тюрьмы — совести России
главный университет.

И спасибочко, доносчик,
что властям, подлец, донес,
и спасибочко, извозчик,
что в тюрьму, отец, довез.

Вот уже ее ворота.
Конь куражится, взыграв.
Улыбается Володя.
Арестован — значит, прав.

Благодушный рыхлый пристав
с ним на «вы», а не на «ты».
У него сегодня приступ
бескорыстной доброты.

Мальчик мягкий, симпатичный,
чем-то схож с его детьми.
Сразу видно — из приличной,
из начитанной семьи.

Замечает пристав здраво:
«Тюрем — много, жизнь — одна.
Что бунтуете вы, право?
Перед вами же стена».

Но улыбка озорная
у Володи:
«Да, стена,
только, знаете, — гнилая.
Ткни — развалится она».

Обмирает пристав, ежась:
«Это слышу я стрезва?
Неужели есть возможность,
что она того... разва...»

Для него непредставимо,
что развалится режим,
как давным-давно для Рима,
что падет прогнивший Рим;

как сегодня на Гаити
для тонтонов Дювалье,
и в Мадриде на корриде,
и на греческой земле.

Топтуны недалнозорки.
Заглянуть боясь вперед,
верят глупые подпорки,
что стена не упадет.

А смеющийся Ульянов
ловит варежкой снег,
и летит буланый, прынув,
прямо в следующий век.

Там о смерти Че Гевары,
как ацтеки о богах,
мексиканские гитары
плачут, струны оборвав.

Но за ржавую решеткой
нацарапано гвоздем
по-Володиному четко:
«Мы пойдем другим путем».

Может, слышно в Парагвае:
«Перед вами же стена...» —
а в ответ звучит: «Гнилая...
Ткни — развалится она».

И в отчаянном полете
карусельного коня
продолжается, Володя,
вечно молодость твоя.

Бедный пристав, дело скверно.
Не потей — напрасный труд.
Что ломает стены? Вера
в то, что стены упадут!

Спасибо, стены города Казани,
за то, что вы мне столько рассказали.

Мне вновь планида оказала милость,
и, вновь даря свой выстраданный свет,
как в Братской ГЭС,

Россия мне раскрылась
в тебе, Казанский университет.

Фантазия моя весьма слаба.
Я верю только фактам. Я не мистик.
История России есть борьба
свободной мысли с удушением мысли.

История — не в тезоименитствах,
а в скрытых соках матери-земли,
и, сколько ни рождалось бы магницких,
в России Лобачевские росли.

...Апрель в Казани. Ледоход на Волге.
Жизнь продолжает вечную игру,
и девочка с лицом народоволки
прощается со мною на углу.

Чистейшая, как выдох твой, природа,
она летит по воздуху легко.
Два голубых осколка ледохода
заполнили всё ее лицо.

Она — как веткой по небу рисунок,
а с крыш гремит серебряный каскад:
блистательная временность сосуллек
кончается раздрызгом об асфальт.

Ах, молодость, лети, хрусти по льдинкам,
живи и властвуй в мире молодом
и будь всегда прекрасным поединком
души с бездушьем и огня со льдом.

Но нарастает на душе короста,
и постаренья ход неуследим.
Быть молодым, когда ты молод, — просто,
и подвиг — быть бессмертно-молодым.

Прошло сто ледоходов, сто цветений
с тех пор, когда над грохотом реки
родился тот апрельский русский гений
и вскинул над планетой кулаки.

Склонимся же у входа в Мавзолей.
Склонимся у незримых пьедесталов
тех дочерей страны и сыновей,
кто в зрелости не предал идеалов
вольнoлюбивой юности своей.

Люблю тебя, Отечество мое,
не только за частушки и природу —
за пушкинскую тайную свободу,
за сокровенных рыцарей ее,
за вечный пугачевский дух в народе,
за доблестный гражданский русский стих,
за твоего Ульянова Володю,
за будущих Ульяновых твоих.

1970

Александр Житинский

254—255. П У Т Ь

Пока он шел по Петрограду
Среди казачьих патрулей,
За голову его награду
Хранил надежно казначей.

Лежали деньги, как доносы,
Написанные от руки,
Пока балтийские матросы
К орудьям ладили замки.

Пока патроны проверяли
И жгли у Смольного костры,
Казалось, деньги ожидали
Своей назначенной поры.

И те, что, запирая двери,
Таились в собственных домах,
Хранили полное доверье
К всесилью банковских бумаг.

Не батальоны и не роты
Их защищали в этот час,
А только мятые банкноты,
В шкафах укрытые от глаз.

Им оставалось меньше суток,
Когда он мимо проходил,
Но этот краткий промежуток
Россию надвое делил.

На острие высокой битвы
Кончалось прошлое Земли,
И были жалки, как молитвы,
Пред нею стертые рубли.

2

Я этот путь представил ясно:
Литейный, залитый дождем,
Блестят перила, и опасность
Подстерегает за углом.

Он на мосту как на ладони,
Но пуля мимо пролетит.
От выстрела и от погони
Его история хранит.

Я задержу минуту эту,
Чтобы окинуть с высоты
Единым взглядом всю планету:
Дороги, рощицы, кусты.

Отсюда и до Сахалина
Моя страна передо мной
Покачивается, как льдина,
В своей накидке снеговой.

Каратели
его,
израненного,
брали.
Заржавленным прутом
испытывали силу.
Умаялись.
Потом
велели
рыть могилу...
Надутый,
будто еж,
увешанный оружием,—
«А может,
ты споешь?..» —

смеясь,
спросил хорунжий...
Луна ползла,
как тиф.
Безжизненно.
Сурово...

И вздыбился
мотив!
И прозвучало
слово!
Пел
песню
комиссар.

Пел,
выбрав гимн из гимнов.
Пел,
будто воскресал.
Пел,
голову закинув.
Пел,
будто пил вино.
Пел,
хвастаясь здоровьем.
«Мы наш,—
он пел,— мы но-
вый мир,—
хрипел,—
построим!»

Был темным,
как земля.

И мокрым,
как из бани.

Пел,
еле шевеля
разбитыми губами.

Шептал слова
не в такт,
упрямо повторялся...

И получалось так,
что он не пел,
а клялся!

Литые фразы
жгли,
с зарей перемежаясь...
Хорунжий крикнул:

«Пли!»

А песня
про-дол-жа-лась.
Была грозе

сродни,
светилась
и трубила!..

В руках у солдатни
плясали
карабины.

Дрожали молодцы —
ни стати
и ни прыти...

Великие певцы,
пожалуйста,

замрите!..
Пусть видит комиссар,
как в озаренье алом
встает

высокий зал
с «Интернационалом»!
И солнечно в судьбе.
И ощущаешь гордость.
И веришь,

что в тебе —
тот
комиссарский голос!

1970

1. СТЕПНАЯ БАЛЛАДА

Сверкая, снег летит крупчатый,
Клубится белым дымом след...
«Который век идет?»

— «Двадцатый!»

— «Который год идет?»

— «Двадцатый!»

— «А лет вам сколько?»

— «Двадцать лет!»

Спрошу качающихся мерно
В шеренге той передовой:
«Кто здесь?»

— «Твоя, товарищ, верность!»

— «А он?»

— «Твоя, товарищ, смелость!»

— «А ты?»

— «А я... отец я твой!»

Так вот они какими были!
Слышал, а свидетелься не мог.
Отец коня над степью вздыбил,
Заиндевелый сжал клинок:
«Ты жди нас...»

Гикнули,
И снова
Всё стало зыбким и глухим,
Лишь ветры кычут, словно совы,
То над одним, то над другим...

По следу яркому искали
Отряд, затерянный во мгле.
И шепчут мне:
«Не доскакали...»
Я припаду, прильну к земле.
Распознаю —
В метельном стоне
Степной колючею верстой
Летят серебряные кони,
Над ними — шапки со звездой!

Летят —
И ночь дрожит в смятенье,
Сияют сабли на весу,—
Простреленное донесенье
Через года ко мне несут!

Сверкая, снег летит крупчатый,
Клубится белым дымом след...
«Который век идет?»

— «Двадцатый!»

— «А лет вам сколько?»

— «Двадцать лет!»

2. ПОЭТАМ ГРАЖДАНСКОЙ

С прокуренными глотками,
С пустыми животами,
Обмотаны обмотками,
Закручены бинтами.
Бредут они ночами,
Летят они наметом,
Трясутся на тачанках,
Дрожат у пулеметов.
Влекомые боями,
Ни дня, ни сна не знают,
И засыпают ямбы,
Хореи замерзают.
Но как ни погибают,
В каком бреду ни вязнут,
Стихи вдруг проступают,
Как кровь на их повязках!

3. АТАКА

Наседают казачьи ватаги,
Мы не спим уже двести верст,
Нам оружия не хватает,
Не хватает на шапки звезд.

Я у друга беру — горячую
От осколка — в крови живой.
Зубы стисну, а не заплачу.
Приколю я звезду — и в бой!

Пулемет рычит в исступлении:
Пули острые — в землю ложись!
Разве кончено наступление?
Наступление — это жизнь!

Так вперед!
В драной куртке, небритый,
Со звездой — одной на отряд,
Первым встану над полем изрытым,
Поднимая усталых ребят.

И лечу, рассекая воздух,
Я навстречу взрывной волне...
Говорят, над Кремлем будут звезды,
Расскажите им обо мне...

1970

Ирина Мальярова

260—261. *(ИЗ ЦИКЛА «УЛИЦА
ЧЕРВОННОГО КАЗАЧЕСТВА»)*

1. КОМПАС

Гул подков постепенно стихает,
Наступает иная пора.
И в музейной тиши отдыхает
От бессонных ночей кобура.

И кисеты, что мерзли и мокли,
Под стеклом вспоминают бои,
На столах полевые бинокли
Затуманили очи свои.

От бросков ускакавшего племени
В картах памяти рубежи...
Но, как сердце бессонного времени,
Стрелка компаса дышит в тиши.

То ли отсвет пожара на лицах,
То ли луч от крылатой звезды...
Как целительно нынче напиться
Этой давней живой воды!

Припадаю к следам человека,
Закаленного в том огне...
Компас Времени, компас Века
Я с собою везу по стране.

2

А я в седле ни разу не сидела,
Но в красных казаках была родня.
И вот во сне припоминает тело
Широкий шаг надежного коня.

Полынный ветер осушает губы,
Приклад ружья теплеет за спиной,
Звучат в ушах неистовые трубы,
И знамя пламенеет надо мной.

Мелькают мимо города и даты,
Звенит мой конь подковками по льду...
И если я жила уже когда-то —
То, право, в восемнадцатом году!

Несу то время я в себе подспудно,
Ему согласна лучшая струна,
Его законам честь моя подсудна,
Его приказам жизнь моя верна.

А я в седле ни разу не сидела,
Но в красных казаках была родня.
И вот во сне припоминает тело.
Широкий шаг надежного коня.

1969—1971

262. ОКТЯБРЬ

В Армении вода — это жизнь.
Подвиг героя увековечивается
созданием источника. Это — па-
мятник и благодарность одновре-
менно.

Из путеводителя

Ереван в октябре — огнебурий тюльпан,
В сердцевине которого бьется фонтан.
Пульс нагретого камня, живая душа,
Та вода, словно истина, вечно свежа.

Ереван, сквозь полдневные стены твои
Шелестящего времени светят струи,
И летит, и сквозит над моей головой
Мой стремительный век, водомет голубой.

Сосчитаю источники... Ах, никогда!
Вдоль проспектов растет, как деревья,— вода,
Жажде наших отцов обелиском — вода!
Нашей собственной жажде и риску — вода...

Там, за Каспием, в мертвый песчаный туман
Канул с пулею в сердце Степан Шаумян...
Здесь, на этой дороге, из каменных плит
В небо грянул родник и раздвинул гранит.

Причащение водой. Поднимаю ладонь.
Подставляю ладонь под студеной огонь.
Припадаю губами и пью навсегда.
Точно невская — радостна эта вода.

1971

263. СУРОВОСТЬ

Слушайте музыку Революции.

А. Блок

А город ветрами и ночью объят!
Скрипят и стонут флюгарки.
Двенадцать апостолов красных
стоят,
досмаливают сигарки.
Сыпнотифозный мерещится мрак,
ночная мечется нечисть!
И под прицелом Двенадцати —
враг,
осели под золотом плечи.
И вот осветился и ахнул двор!
И, через зубы дыша,
комиссар огласил приговор
окнам зашторенным:
«Ша!..»
...Революционные ветры
кружат
сдутые с неба созвездия.
И Блок без шляпы.
И к сердцу прижат
терновый венец
Возмездия...

1971

Константин Симонов

264

Навеки врублен в память поколений
Тот год в крови,
Тот снег
И та страна,
Которой даже мысль была странна —
Что можно перед кем-то — на колени...
Страна, где жил

И где не умер Ленин.
Хоть помним и другие имена,
И в чем — заслуга их,
И в чем — вина.

1971

Анатолий Жигулин

265. «КОММУНА»

Синим шрифтом
На серой бумаге,
В четверть
Прежде большого листа,
В год великой беды
И отваги
Мне газета
Запомнилась та.

Там развалины
Таяли в дымке
И ряды
Атакующих рот.
И пугали
Неясные снимки
Необычным:
Воронежский фронт.

А в полях
За Рождественской Хавой
В вековой
Черноземной пыли
Бой тяжелый,
Неравный,
Кровавый
Сотрясал
Основанье земли.

И мальчишка
Двенадцатилетний
В блиндаже
За горящей избой

Был уверен:
Тот самый — последний,
Легендарный
Решительный бой.

Полыхали
Пожары в округе.
Громыхали
Войска за мостом.
Из калиток
Седые старухи
Осеняли колонны
Крестом...

И являлись
Тревожно и ново
Эти руки,
Глаза и уста,
И такое
Обычное слово
На углу
Голубого листа.

1973

Богдан Истру

266. ПЕСНЯ О КОТОВСКОМ

Чьи там сабли звенят на рассвете?
Переполнена звоном река.
Кто, смеясь, на скаку ловит ветер?
Сам Котовский напал на врага.

Что за облако пыли несется?
Чей в пыли затуманился лик?
Что сверкнуло вдали, словно солнце?
Это выхватил саблю комбриг.

Чье там плещется смелое знамя?
Чей там слышен победный галоп?
Сам Котовский с бойцами-орлами
Скачет в бой за рабочий народ.

У Днестра он ослабил поводья,
Боевого коня расседлал.
Оглядел он родные уголья
И слезу торопливо согнал.

«Поклянемся!»
И слышит: «Клянемся
Всею жизнью, любовью, землей,
Что мы в наши долины вернемся,
С Октябрем мы вернемся домой!»

На прощанье его обнимают
Помутневшие волны Днестра.
Прямо с марша он бой принимает,
И летит над холмами «ура!».

...Отгремела боев канонада.
Партизаны вернулись с войны.
И Котовского встала бригада
Под знамена на стройки страны.

Видит завтрашний день издалека,
С высоты пьедестала, комбриг.
И летит боевая дорога
Через буковый лес напрямик.

1973

Перевод с молдавского

Зиновий Вальшонок

267. ПЛОЩАДЬ КРАСНЫХ ЛАТЫШСКИХ СТРЕЛКОВ В РИГЕ

На гранитные контуры лиц и штыков
набегают рассветные блики.
Я принес к монументу Латышских стрелков
ярко-алые эти гвоздики.

Тишь...
Расчесаны острой гребенкою крыш
облака с розоватым прибором.
Величавый петух, неподвижен и рыж,
караул свой несет над собором.

Сонмы сосен увязли в прибрежных песках,
просветленные солнцем непылким.
Только чудится мне: на гранитных висках
чуть заметно пульсируют жилки.

С прибалтийским акцентом со мной говорят
Эйдеман, и Вацетис, и Қалнынь.
И я чувствую кожей дыханье солдат,
облаченных в шинели из камня.

Я к ногам их живые соцветья кладу.
И всё явственней, как на экране,
вижу их то в ЧК, то в окопном аду,
то в бессонной кремлевской охране.

Не забыть молчаливой воде Сиваша
и каховским травинкам дремотным
осеняющий крест на груди латыша,
крест из праведных лент пулеметных.

Непреклонны в решеньях и скупы в речах
эти Роберты, Карлы и Яны.
Революцию гордо носили в очах
и презренье к врагам окаянным.

Били контру в дыму городов и станиц,
прикипая к гашеткам «максимов».
Что-то вскрикнув по-своему, падали ниц
головами к российским осинам.

Был их взор обращен на траншеи врагов,
и в зрачках леденеющих юных
застывали наметы уральских снегов,
так похожих на дальние дюны.

И ютились в солдатском худом вещмешке
меж патронов и черствой горбушки,
прислоняясь, как будто щекою к щеке,
переплетами — Райнис и Пушкин.

...Даугава пылает, светясь изнутри
отражением утренней выси.
Прижимаю к губам уголочек зари,
словно знамя латышских дивизий.

268. ЗА ТЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ

Если даже совсем
 не притронется ветер к траве,
Не шелохнет в листах
 паутины тончайшие нити,
Всё равно над гранитом
 колеблется трепетный свет,
Всё равно беспокоен огонь на граните.

Беспокоен огонь
 над покоем нарядной земли.
Беспокоен огонь,
 озаренный легендой прекрасной:
От костров Революции
 люди его пронесли,
И поэтому он никогда не погаснет.

Он, как память людская,
 от сердца до сердца летит.
Неоглядная даль
 для такого полета открыта.
Центр Марсова поля.
 Стою в окружении плит.
На скупом языке говорят эти плиты.

Строки так коротки:
 имена, имена, имена.
Буквы слишком строги,
 чтобы их позолотою трогать.
Но за ними вся жизнь
 до последнего мига видна,
И в сегодняшний день ей открыта дорога.

Вот встает полководец на бруствер окопа:
 «За мной!»
Увлекает в атаку
 свою краснозвездную лаву.
Как сама Революция —
 он молодой-молодой...
И не знает о том,
 что такое посмертная слава.

Продармеец
 почувствовал пули жестокий удар,
Как детей, заслоняет мешки с отвоеванным хлебом.
А за тысячи верст
 молодой-молодой комиссар
Справедливую саблю
 вздымает в горячее небо.

И за ним
 эскадроны рванутся в деникинский тыл,
На слепящих клинках пронося
 Революции ветер.
Комиссар на скаку
 у своей, у последней черты,
Увлеченный победой,
 и смерти своей не заметит.

Имена,
 имена...
 На граните строка за строкой,
Словно жизнь, коротка.
 Только память не знает границы:
Шли герои твои
 за тебя, Революция, в бой,
Чтоб в сердцах у живых
 на века, навсегда поселиться.

1974

Анатолий Аквилев

269. ОГОНЬ РЕВОЛЮЦИИ

Поэма

1

Упал мальчонка, и заплакал,
и увидал ружейный дым,
и закачался Исаакий,
как черный колокол,
над ним.

И ахнул ангел на Дворцовой,
и кровь на камень пролилась,
и, вздрогнув под пургой свинцовой,
моя поэма
началась.

Она вставала вместе с веком,
подняв упрямое чело,
а на страницы
красным снегом
с Дворцовой площади
мело.

В расстрелах задыхалась Пресня,
вздымаясь сотнями гробов,
но ни на миг
не смолкла песня
среди голодных и рабов.

«Вставай, проклятьем
заклейменный»,—
вновь над Дворцовой вознес
перепоясанный
патронной
тяжелой лентою
матрос.

В штыках,
в «Интернационале»
на Зимний двигалась гроза,
и окна Смольного
пылали,
как прозорливые глаза.

От бури всё загромыхало:
как будто бы земную ось
вдруг повернули —
и сначала
землевертенье
началось.

И, от бессонницы усталый,
встал над трибуною Ильич...
Над всей планетою
светало.

Россия
бросила свой клич.

2

Листаю красные страницы —
историю моей страны.
Костры высвечивают лица
бойцов,
что Ленину верны.

Костры высвечивают время
своим негаснущим огнем.
Оно не властвует
над теми,
кто в травы упадет потом.

Их имена на камне выбьют,
как шли они —
за рядом ряд.
Живые за бессмертных выпьют,
когда воротятся
назад...

Молчат расседланные кони,
и ветер яростный притих —
он после утренней погони
в тяжелых гривах
спит
у них.

Устало голову откинув,
разбросив руки,
в сладком сне
отец рассказывает сыну
о голубой своей весне.

Дрожит росинка на ресницах.
Среди зеленой тишины
бойцу его Россия снится,
его Россия
без войны.

Он, над землей свободной стоя,
упершись в синий небосвод,
«Мы наш, мы новый мир построим»,
с друзьями лучшими поет.

За Революцией,
за юной,
покуда ноша по плечу,
пойдет он до самой Коммуны,
сверяя шаг
по Ильичу...

Плывут над степью незабудки,
знамена красные летят.
Всю ночь
до утренней побудки
с грядущим
говорит солдат.

3

О Революция!
Сначала,
где ветер крепок и свинцов,
в горячих седлах ты качала
и дедов наших, и отцов.

Над пулеметною тачанкой
с ее отчаянной пальбой
трубач взывает
спозаранку
своею солнечной трубой.

А я еще не родился.
Еще для битв мне — свой черед.
Еще войну по черным рельсам
и тиф
Антанта к нам везет.

Еще клинок сверкает грозно
над головой —
не над лозой.
И перед топкой паровозной
стоит несломленный Лазо.

Еще желанную победу
отцу в сраженьях добывать.
И, нецелованная,
где-то
живет на белом свете
мать.

Она меня потом проводит,
сказав:
«Сынок, чуть-чуть постой!» —
туда,
где смерти хороводят
почти над каждой высотой.

Мильоны шпал перелистает
летающий на войну состав —
и мать,
как веточка,
растает
вдали,
у волжского моста...

Сурово спросит время:
«Кто ты?»
И я припомню тронный зал:
«Я сын того, кто брал высоты
и никогда
не отдавал!»

4

Как в Революцию стреляли!
Но ей над смертью власть дана:
не зря вся грудь ее —
в металле
и в звездах выжженных —
спина!

Почти четыре года
солнце,
вставая,
упиралось вновь
не в полевые колокольца,
а в человеческую кровь.

Вставало солнце в черной гари
и видело в железной мгле,
как порожденные им твари
жизнь убивали
на земле.

Дышал Майданек страшным зноем.
(О, если б это только миф!)
Вели на виселицу Зою,
до хруста
руки заломив.

В зрачках отважных краснодонцев,
сдержавших клятву до конца,
запечатлелось
то же солнце,
что под Каховкой
у бойца.

Над всей землею разливаясь,
гремит «Интернационал»...
Гордись, боец,
созрела завязь —
не зря цветок
отполыхал.

5

Я не глобальную поэму
о нашем времени пишу,
но мчатся всадники
сквозь тему,
летят к седому Сивашу.

И светлым днем, и ночью черной
на грудь израненной земли
они сердца роняют —
зерна,
чтоб новые ростки взошли.

Бойцов в знаменах алых вижу,
и взгляда мне не отвести:
они всё ближе,
ближе,

ближе,
мы скоро встретимся в пути.

Шагнув сквозь пламенные маки,
я к командиру подойду,
скажу:
«Я тоже был в атаке,
оставьте место мне
в ряду!»

Одной дорогой пролетали,
одной судьбою с вами жил,
один вселенский планетарий
над нами
огненно кружил!»

Пускай мне всё приснится это,
но это будет славный сон...
Живи,
земная эстафета
событий, фактов и времен!

Живи,
рожденный над Невою
Октябрь стремительных атак!
Как сердце Ленина живое,
над нами бейся,
красный флаг!

У Сиваша и на Амуре,
взойдя космическим огнем,
цветут костры
на Байконуре
под каждым звездным кораблем.

Созрела солнечная завязь.
Где травы, как клинки, остры,
с Семнадцатым перекликаясь,
горите,
вечные костры!

1975

270. РАЗГОВОР С ЛЕНИНЫМ

Стоял ноябрь. Под крупным снегопадом
Плескалась незамерзшая Нева.
Над праздничным осенним Ленинградом
Любимых песен реяли слова.

И вот я у Финляндского вокзала,
Где Ленин смотрит вдаль с броневика,
Где людям путь когда-то указала
В грядущее простертая рука.

Заговорил я. А вокруг багряно
Горели флаги, ветер их вздымал,
И было мне ни чуточки не странно,
Что по-якутски Ленин понимал.

«Я сын земли, где к пастбищам оленьим
Большое солнце летом склонено,
Где знает каждый это имя — Ленин,
Ведь с новой жизнью связано оно.

...Там зимы не по-здешнему суровы,
Но посильней, чем пламя в камельке,
Нам души греет ленинское слово
На нашем, на якутском языке.

Да, были мы бесправнее неправных —
Совсем иными стали мы теперь.
Всё наше с нами: и свершений славных
Великий опыт, и печаль потерь.

Враг шел на нас, ощериваясь люто,
Свой замысел коварный обнажив.
Не раз — не скрою — в трудные минуты
Твердили мы: «О, был бы Ленин жив!»

И чтобы в испытаньях не сломиться,
Устало не поникнуть головой,
Читали мы бессмертные страницы
И верили, что с нами он — живой.

И мы тогда, не дрогнув, шли в сраженья.
Мы выстояли грозам вопреки,
И путь наш нынче словно продолженье
В века простертой ленинской руки!»

Так говорил я, помнится. И рядом
Был Самый Человечный Человек.
Наш праздник наступал. Над Ленинградом
Шел чистый снег, чистейший белый снег.

Нева текла величественно, словно
Немеркнущие думы Ильича,
И ветер дул напористо и ровно,
Как в паруса, в полотна кумача.

1976

Перевод с якутского

Анатолий Чепуров

271. БАКЕНЩИК

Всё запоминаю...
Утро встало
И затрепетало
В дыми вод.

Где-то за кустами
Краснотала,
Сказывают,
Бакенщик живет.

По Амуру
Ходят разговоры,
Что к нему
Он всей душой прирос,

Что Семен Иванович
С «Авроры» —
С огненного крейсера
Матрос.

Так ли всё?
Не ведаю, не знаю.
Пусть молва,
Но трогает меня.

А пословиц
Тоже не меняю:
Дыма не бывает
Без огня.

Значит, людям надо,
Чтобы рядом
С ними жил
Авроровский матрос.

И живет.
И мерит воду взглядом.
И не укрывается
От гроз.

Он живет,
Не сетуя на годы,
Не считая
Месяцы и дни.

Проплывают
Мимо теплоходы,
Светятся
На бакенах огни.

Велика река.
То перед нею
Сопок
Голубые купола,

То скала,
Кедровником темнея,
Чуть не к середине
Заплыла,

То стихия
Норов свой покажет.
Но среди
Кромешной темноты

Она в ущелье кровью истекала,
Но не свалилась на землю, пока
Среди огня на гребне перевала
Не водрузила знамени полка.

И ничего, что в ссадинах и шрамах
Осколками пробитая нога,—
Для нас, счастливых,
яростных, упрямых,
Была, как жизнь, свобода дорога.

Ты скажешь —
это просто к разговору,
Но я, ей-ей, солгать себе не дам:
Мне снилась не любимая
в ту пору —
Мне виделась Свобода по ночам.

Я с детства не ленился,
не бродяжил,
Я в батраках ходил немалый срок.
Но две овцы всего себе я нажил
И мяса их попробовать не смог.

Одну я продал,
чтоб была двустволка,
Чтоб бить белогвардейцев наповал.
Другую, не раздумывая долго,
На фото Ленина я променял.

Навстречу зною, стуже и метели
Мы, смерть поправ,
всему наперекор,
В сраженья шли и песню нашу пели,
Я песню эту помню до сих пор:

«Наши Советы,
Наш красный Кавказ
С горами — навеки
Родными для нас.

В сердце — свобода,
Ликующий день.
Пусть враг перед нами
Растает, как тень!»

Мы эту песню сочинили сами,
Живет она, былой огонь храня.
А ты что скажешь?» —
Острыми глазами
Старик, как шилом, уколол меня.

И понял я:
 над ним не властны годы,
Он и поныне юностью согрет.
И этот разговор мне слаще меда,
И по душе мне песня давних лет.

И хоть в ответ
 я не сказал ни слова,
Но, на лету перехватив мой взгляд,
«Я думаю,—
 старик промолвил снова,—
В народе справедливо говорят:

Пока с отцом —
 обзаведись друзьями,
Пока с конем —
 объезди белый свет.
Под стать коню,
 горячему, как пламя,
Загнал я юность, худа в этом нет».

Спешила юность, песня зарева,
Туда, где шел за будущее спор,
Пилу и молоток в руке сжимая,
К бедру ремнями привязав топор.

Была в ней нерастроченная сила,
И отступала перед нею мгла.
Она Сулак бурлящий укротила,
Она огни над Волгою зажгла.

Невозвратима молодость,
 но, к счастью,
Большие ею сделаны дела.
Служила молодость
 Советской власти
Бесхитростно и честно, как могла.

1977

Перевод с кумыкского

Борис Ластовенко

273. АТАКУЮЩИЙ КЛАСС

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс...

В. Маяковский

«Это время гудит телеграфной струной...»
Это ветры подули с Балтийского моря,
это зыбь на Неве, это мгла за кормой,
это волны ударили в корпус «Авроры»!
Я холодному ветру подставлю лицо —
и расступятся годы светло и безмолвно:
я увижу себя перед Зимним дворцом,
я услышу свой голос в ликующем Смольном.
Я — кровинка твоя, атакующий класс!
Мы с «Интернационалом» выходим на улицы,
и Ленин напишет потом, что Донбасс
не заштатный район, а часть Революции.
Высокие звезды на наших копрах,
работают люди, а слава живая
стахановским углем идет на-гора
и светится плавкой Макара Мазая.
Ноябрьское небо светлеет к утру,
по улицам сонным шагает бригада,
а мне показалось: шагает патруль,
рабочий патруль, как тогда, в Петрограде.
И есть неизменная, вечная связь
в понятиях этих, что ставятся рядом:
рабочая смена, рабочая власть,
рабочая честь и рабочий порядок!

1977

Пилен Панченко

274. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ

Измерил Минск я вдоль и поперек...
О, сколько их на улицах центральных,
И в тупиках, и в переулках дальних,
Мемориальных памятных досок!

Стою, читаю, подступаю близко...
И революционный ветерок
На тихих улицах ночного Минска
Вновь веет от чеканных строгих строк.

Суровых дней возвышенное вече,
Волнуешь ты меня не первый раз.
Вот здесь Свердлов
Нам передал навечно
И ленинскую правду,
И наказ...

Отсюда Фрунзе посылал отряды
Разоружать жандармов...
А вон там
Минчане возводили баррикады,
Своею жизнью
Путь торили нам...

Проходит с шумом молодое племя...
Я упрекнуть ни в чем их не хочу.
Державные дела —
Наступит время —
Им, юным,
Верю,
Будут по плечу...

От их шагов лишь гулкий отголосок...
Но повзрослеют скоро —
В добрый час! —
И остановятся еще не раз
Они у этих незаметных досок.

1977

Перевод с белорусского

275. <ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНИ НОВОЕ НАЧАЛО»>

...В апрельские дни 1917 года,
по приезде в Петроград, с бал-
кона особняка Кшесинской
В. И. Ленин начал выступать пе-
ред питерцами.

Охвачены кругами урагана,
Кружились всероссийские края,
И людям было сказочно и странно:
Здесь, в Питере, на площади стоять
И чувствовать, как раскаленно дышит —
Хоть и апрель — столичный этот град,
И каждый знал, придя не наугад,
Что речь такую он сейчас услышит —
И он услышал как грозы разряд!

Тут были все: рабочие, матросы,
Интеллигент, решающий вопросы,
И серая шинель фронтовика,
И в разноцветье бабьего платка
Работница с подругою курносой,
Китаец, продающий папиросы,
И инвалид со шрамом у виска,
И женщины в одежде всех сословий,
При грозовом проснувшиеся слове.

А это слово обладало силой
Лететь туда, где все края кружило,
И в Питере грозою обернуться,
Чтоб всем казалось — стоит лишь нагнуться,
И ты с земли поднимешь правду эту,
Своей рукой всему покажешь свету
И станешь сразу и могуч и волен,
Всех темных сил сильнее, сильнее боен,—
Ты — Революции социальный воин,
Так будь ей верен и ее достоин!

И слушали впервые во вселенной,
И этот день такой обыкновенный,
Грозою обожженный так мгновенно,
Он стал и днем истории нетленным

И в памяти народа незабвенным!
И в этот день со скромного балкона
Во имя Революции закона
И большевистской правды откровений
На Петроградской в этот день весенний
Свой разговор с народом начал Ленин!

1977

Али Туде

276. САД ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

Бакинский скверик —
Камень и цветы,
Среди домов
Зеленый уголочек.
У вечных плит
Стоишь, задумчив, ты:
Они — живой истории кусочек.
Нетленна память Двадцати шести.
Она вас окликает отовсюду.
Звенит роса у лепестка в горсти —
Самой природой созданное чудо...
И реквием торжественной волной
Над изголовьем мраморным восходит.
Цветы зимой, и летом, и весной,
В любое время,
При любой погоде.
На памятники мужеству взгляни! —
В них прошлое резец увековечил,
Увековечил памятные дни,
Признанием заслуженным отмечен.
Помедли, Время, проходя у сквера,
Державный шаг немного придержи —
Во славу жизням,
Отданным за веру
В сегодняшние наши рубежи!
Сюда приходят часто октябрюта,
Веселый непоседливый народ,
Они стоят со стариками рядом,
Закат напоминая и восход.
Из городов далеких и селений

Озона Революции вдохнуть
Сюда идут посланцы поколений,
И солнце им высвечивает путь.
Так длится нескончаемая встреча
Былых и наступающих времен...
Огонь, зажженный над гранитом,— вечен,
И вечна память
Дорогих имен!

1977

Перевод с азербайджанского

Ясыр Шиваза

277. КОММУНИСТ

Сейчас прогремит винтовочный залп —
И жизнь навек оборвется.
В последний раз он открыл глаза,
Чтобы увидеть солнце.
И прокричал палачам он: «Врешь!
Нас миллионы —
Всех не убьешь!»

Глох он от взрывов и слеп в дыму,
Дрался на баррикадах.
Рот заливали свинцом ему —
Он не просил пощады.
Харкая кровью, хрипел он: «Врешь!
Нас миллионы —
Всех не убьешь!»

Даже когда у него на лбу
Выжгли звезду огнем,
Он не молил о жизни судьбу,
Не было страха в нем.
Губы кусая, шептал он: «Врешь!
Нас миллионы —
Всех не убьешь!»

Нет, он не сгинул в кромешной мгле,
В огненной круговерти.
С верой в жизнь он идет по земле,

Яростен и бессмертен.
И никому его не убить,
И никогда его не сломить,
В сердце отважном не погасить
Вечный огонь Революции!

1977

Перевод с дунганского

Шухрат

278. ДЕНЬ ОКТЯБРЯ

Ты родился, великий день, и я
Вслед за тобою в новый мир явился,—
В мир, где надежды светоч засиял
Для тех, кто с горем в одиночку бился.

Ты родился, и мир помолодел,—
Ведь Ленин встал у колыбели века!
И, горький, рабский позабыв удел,
Стал человек отныне человеком.

В свободе — гордости его исток,
Он мир дивит могучею судьбою!
Великий день пришел, и мой Восток
Увидел птицу счастья над собою.

Мальчишка, не встречал я грозных лет,
Но пуля след на люльке прочертила.
Был жертвами отмечен путь побед,
Грядущее сквозь бури нам светило!

С Востока я. Да, это мой Восток,
Что слово Ленина, как знамя, поднял!
Тот край, где доллар властвует, жесток,
Недаром нам завидует сегодня.

Иду с тобой, и нет пути назад,
Служу тебе, тебя я воспеваю,
И край родной, чудесный, пышный сад,
Рожденным в Октябре я называю.

Крутые зубцы на Кремлевской стене —
будто шлемы

витазей.

И Спасская башня —
правофланговым

в этом строю...

Скоро на башне,
в часах городских и домашних
размножась,

пересчитав скрупулезно
вереницу минут и секунд,

стрёлки курантов
сойдутся,

как лезвия ножниц,
и безвозвратно прожитый мной
час

отстригут.

Прожитый час

жизни моей.

Час без названья.

Бывшее время,
в котором осталось

мое «помоги!...».

В это мгновенье,

как молотом по наковальне,

хлестко и гулко
вдруг зазвучали
шаги!..

Грохот сердца.

Квадратных плечей разворот.

Каждый час

пред глазами друзей и врагов
начинаются

прямо от Спасских ворот

эти —

памятные —

двести десять шагов...

(Это я потом

шаги подсчитал.

А тогда в ночи

стоял — оглушен.

А тогда в ночи

я ответа

ждал.

И остаток века
над миром

шел...

Это я потом

шаги подсчитал.

Приходил сюда
наяву и во сне.

Будто что-то

заранее

загадал,

что-то самое
необходимое мне...

Я глядел в глубину

огромной стены,

будто в темное море

без берегов,

веря в то,

что соединиться должны

время жизни моей

и время

шагов!..)

Грохот сердца.

И высохших губ немота.

Двести десять шагов

до знакомых дверей,

до того —

опаленного славой —

поста,

молчаливого входа

в его Мавзолей...

Под холодную дымкой,

плывущей с реки,

и торжественной дрожью

прижнутых штыков,

по планете,

вбивая в гранит

каблуки,—

двести десять

весомых,

державных шагов!

Их много.
Куда ни взгляни...
Но если бы,
 если бы только здесь!

Если бы
только они!
А то —
 повсюду!

И голос дрожит.
И я закрываю глаза.
Помнить об этом
 труднее, чем жить.

Не помнить об этом —
нельзя!..
Последнюю зависть к живым затая,
лежат,
как во мгле полыни,
твои,
 Революция,
 сыновья —

любимые дети твои.
В поющих песках
 и в молчащих снегах,
в медлительном шелесте трав.
У сонных колодцев,
 в немых сквозняках
пронизанных солнцем
дубрав.
Там,
 где тоскуют перепела,
там,
где почти на весу
легкая,
 утренняя пчела
пьет из цветка
росу.
Где клены
 околицу сторожат
и кукушка
пророчит свое...
В безбрежной планете
 солдаты лежат,
изнутри
согревая
ее...

Они —
фундамент.
Начало начал.
Вслушиваясь в тишину,
держат они

на своих плечах

эту стену
и эту страну.
Единственным знаменем
осенены,—

гордость и боль моя...

Пылает
на плитах Кремлевской стены

алфавит

от «А» до «Я»...

И, задохнувшись,

я говорю:

отныне —

и каждый день —

по этому

каменному

букварю

я бы учил

детей!

Нет, не по буквам,

не по складам,

а по этим жизням

учил!

Я бы им

главное передал.

Вечное

поручил...

Мы мало живем.

Но живем

не зря!..

Веет ветер

с Москвы-реки.

Пред лицом

гранитного букваря

караул

чеканит шаги.

1975—1978

280. ПОЖАРЫ

Пожары над страной
всё выше, жарче, веселей.
Их отблески плясали в два притопа, три прихлопа,
но вот судьба и время
пересели на коней,
а там в галоп, под пули в лоб —
и мир ударило в озноб
от этого галопа.

Шальные пули злы,
глупы и бестолковы,
а мы летели вскачь —
они за нами влет.
Расковывались кони,
и горячие подковы
летели в пыль на счастье тем,
кто их потом найдет.

Увертливы поводья, словно угри,
и спутаны и волосы, и мысли на бегу,
а ветер дул и расправлял нам кудри
и распрямлял извилины в мозгу.

Ни бегство от огня,
ни страх погони — ни при чем,
а время подскакало, и —
фортуна улыбалась.
И сабли седоков
скрестились с солнечным лучом.
Седок — поэт,
а конь — Пегас,
пожар померк, потом погас,
а скачка разгоралась.

Еще не видел свет подобного аллюра!
Копыта били дробь.
Трезвонила капель.
Помешанная на крови, слепая пуля-дура
прозрела,
поумнела вдруг
и чаще била в цель.

Ты — созидатель, обновивший землю,
Ты — сотканный из радуги ковер...
Твои лучи Отечество объемлют
От океанских волн до снежных гор.

Не в честь ли Октября хозяйка-осень
Так щедро сыплет золото листвы?..
А сын твой знамя Ленина возносит
Под необъятный купол синевы.

Он впереди. За ним шагают братья
Колонной победителей в труде:
На лацканах, на разноцветных платьях —
По вылитой из золота звезде.

Гром в облаках от голоса карная,
Гул над землей, когда поет сурнай...
Как хороша земля моя родная —
Да здравствует вовеки отчий край!

Мой дед тебя назвал ковчегом братства,
Отец с тобою слил судьбу свою,
Мой старший брат шел за тебя сражаться,
А я тебя, как коммунист, пою.

Октябрь, ты — мой отец, а мать — держава,
Как верный сын, скажу вам, не тая:
«Когда в мой уголок заглянет слава,
То это — слава ваша, не моя!»

Октябрь, ты — огненное знамя века,
Всю землю охватившая заря!..
Звени, дутар, о счастье человека,
Рожденного под солнцем Октября!

1980

Перевод с узбекского

283. ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)

Кричи, белокрылая чайка, кричи!
Пусть слышат и море, и горы!
Настала минута... Уже на «Керчи»
Стоят по местам комендоры.

Прости и прощай, голубая волна,
Сегодня от горя — седая!..
Грохочет, гремит над страной война,
Не видно конца ей и края.

По всей Украине пожаров огни.
Повсюду Вильгельма солдаты.
В Одессе они, и в Херсоне они,
Пылают крестьянские хаты...

В Крыму на причалах немецкая речь,
Германцы свирепствуют люто.
Своих кораблей нам уже не сберечь,
Прощанья настала минута.

Цемесская бухта, к тебе мы пришли
Эскадрой своею могучей,
Тебе отдадим мы свои корабли,
Враги их от нас не получат.

Не видеть им «Воли» во веки веков!
Не видеть «Свободной России»!
Не плавать у наших родных маяков
В туманной предутренней сини!

Республика наша уверена в нас.
Пусть горько! Мы в горе сильнее.
Мы выполним этот последний приказ.
Эй, там, на «Керчи», поживее!

Сейчас по своим... Бронебойными... Пли!
Расступятся волны... Сомкнутся...
Уйдут и осядут на дно корабли.
Уйдут, но врагам не сдадутся.

Шагать нам теперь под свинцовым дождем
По суше,
По огненным верстам.
Не скоро мы к нашим причалам придем,
Но мы к ним ворвемся норд-остом!

Тогда уж держитесь! Мы вспомним тогда
Матросское горькое горе.
...Уже и над «Керчью» сомкнулась вода.
Прощай, наше Черное море!

«Всем. Всем. Погиб, уничтожив корабли
Черноморского флота, которые предпочли
гибель позорной сдаче Германии.

Эскадренный миноносец «Керчь».
18 июня 1918 года».

1984

Николай Грибачев

284. И Я — ОТ НИХ

Порой, когда на улице ненастье
И ветер словно бы таранит дом,
Я думаю:

а что такое счастье?
Что в муках ищем? Для чего живем?

Ведь не затем же, чтобы есть да спать нам,—
Хоть без того, понятно, ни на шаг.
Шло пламя по помещичьим усадьбам,
Пал трон,
встал ДнепрогЭС
и взят рейхстаг!

Ведь не затем во времени далеком
Нес Прометей с небес огонь для нас,

Чтоб всё сводилось
к джинсам и дубленкам
И к стенкам с хрустальными напоказ?

Не прост ответ. Не дважды два — четыре.
И, веря и не веря мудрецам,
Уже

немало
повидавший в мире,
Всё на себя примериваю сам.

Не обладая богатырской силой
Ни в юные, ни в зрелые года,
Я по земле

суровой,
горькой,
милой,
Упорно шел и, в общем, знал куда.

Не с тем, что соблазнил речами кто-то,
Что стал игрушкой чьей-то заводной, —
Отца и деда трудная работа
Жила во мне и властвовала мной.

Сводя концы с концами еле-еле,
Измаяны, как лошадь хомутом,
Они свои приглядывали цели
На год,

на два,
на двадцать,
на потом.

Случалось, плакали, случалось, пили,
Но верили в неведомый им час,
Чтоб навсегда от жизни отступили
Грязь, голод, нищета, лучинный чад.

И не было у них мечты превыше,
Чтоб хлеб — от новины до новины,
Чтоб свет в дому,
чтоб в грамотеи вышли

Не сами, нет, хоть дочки да сыны.

И я — от них.

И я по их велению,

285. МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ РЕВОЛЮЦИИ

Молодые поэты
Революции:

Маяковскому — 24,

Хлебникову — 32,

Асееву — 28,

Есенину — 22...

Революция невероятна,
неожиданна и молода.
Молодые поэты, годные
на бессонные ночи, на
космические замыслы,
и уверенные по молодости —
Революция не завершена!
Молодые поэты — голодные,
голосистые,
планетарные.
Революция — дело задорное,
не суконное,
не утилитарное.
Да, такое же, как поэзия.
Молодые поэты Революции,
совершившие невероятное —
Великую Октябрьскую
Поэтическую Революцию.

1986

Олег Цакунов

286. ВЕСЕННИЙ ОКТЯБРЬ

Алый флаг в рассветном озаренье —
Ветровой, порывистый, живой.
Я читаю, как стихотворенье,
Свет, и тень, и трепет огневой.

Вижу — след смертельного металла
И салюта отблеск шелк несет...

Про Октябрь написано немало,
Но еще написано не всё.

Где-то пропуск, или текст невнятен.
На Октябрьской карте наших дней
Разве не заметим белых пятен?
А на красном белое видней.

Как же так: о близком, воспаленном,
Знаем меньше мы, чем о былом?
Если время революционным
Мы зовем, то суть его и в том,

Чтоб раскрылись сейфы умолчаний,
Чтобы пафос праздничных колонн
Не глушил негромких примечаний,
Не теснил событий и имен,

Чтоб понять, чем истинно гордиться,
Но и то поведать — всё, как есть! —
Где такие горькие страницы,
Что без слез, наверно, не прочесть.

Надо, до последней капли надо
Прошлое испить и стать мудрей.
Но какая все-таки громада —
Семьдесят советских Октябрей!

И Поэту-главарю двадцатых,
Зная путь страны, которым шел,
Я из наших лет, весной объятых, —
«Хорошо, — отвечу, — хорошо!»

Хорошо, что не таим ошибок,
Ибо врачеваний нет иных,
Чтобы от скептических улыбок
Исцелить грядущих молодых.

Им нести, век новый постигая,
Флаг, неотвратимый, как заря.
И пускай в дороге помогает,
Убеждает, предостерегает
Яростная Правда Октября!

ПРИМЕЧАНИЯ

В советской поэзии издавна сложилась традиция в издании стихотворных сборников и антологий на тему Великой Октябрьской социалистической революции. У истоков этой традиции — четырехстраничная брошюра «Да здравствует Красный Октябрь!» (Пролеткульт. 1917—1918), выпущенная в Петрограде в грозные дни 1918 г. Вслед за ней в том же Петрограде выходит сборник «Красный звон»,¹ насчитывающий уже около ста страниц текста. Позднее были опубликованы: «Сборник революционных стихов для декламации» (М., 1921), «Октябрь в поэзии» (Л., 1924), «Октябрьские дни» (Л., 1926), «Поэзия Революции» (М., 1930)² и многие др. Издатели и составители названных книг руководствовались не слишком четкими критериями для отбора произведений на тему общенародной важности. Не случайно в подобные сборники попадали стихотворения с более чем скромными литературными качествами. С другой стороны, зачастую там не находили себе места произведения достаточно емкие по смыслу и художественно оригинальные. Отрицательно сказывалась, конечно, и поспешность, с которой выпускались такие книжки, в чем никоим образом нельзя обвинять их инициаторов, искренне стремившихся как можно скорей донести до читателя строки новой поэзии, рождающейся в огне классовых битв.

Чем дальше во времени отодвигались события Октября 1917 г., тем большее число даровитых поэтов, пишущих на русском языке и языках народов СССР, отдавало дань этой неисчерпаемой теме, тем подробней и разносторонней она запечатлевалась в их стихах и поэмах. В результате уже в 30-е гг. в нашей литературе стала складываться богатейшая поэтическая летопись революционной эпохи, дополнявшаяся почти ежегодно новыми примечательными и яркими страницами.

Однако первым опытом широкой демонстрации Октябрьской темы, взятой в историческом разрезе, явилась книга Большой серии «Библиотеки поэта», выпущенная в 1967 г. к 50-летию Октября.³ В этом издании

¹ Издан группой новокрестьянских поэтов; авторами сборника были С. Есенин, Н. Клюев, П. Орешин, А. Ширяевец.

² Составителем сборника «Октябрь» был М. Светлов, «Поэзия Революции» — И. Уткин. В 20-е гг. издавались также сборники прозаических и стихотворных произведений, посвященных Октябрьской революции: «Вехи Октября: Литературно-художественный альманах». М., 1923, «За власть Советов». М.; Л., 1925, «В боях за Октябрь: Повести, рассказы и стихи». М., 1927 и др.

³ Октябрь в советской поэзии / Вступ. статья Л. А. Плоткина. Сост. И. В. Кудровой и Л. А. Плоткина, подготовка текста, биографические справки и примеч. И. В. Кудровой. Л., 1967.

была сделана попытка четко обозначить границы темы. Главное место в книге заняли произведения, изображающие поступь революции в ее важнейших событиях, или передававшие ее обобщенный смысл, или призывавшие к служению ее целям. В 1977 г. издательство Московского гос. университета выпустило к 60-летию Советской власти обширную антологию.¹ Привлекательная сторона этого свода — многоаспективное разветвление Октябрьской темы. При всем том чересчур широкое раздвигание границ темы лишило ее в какой-то мере своей определенности. Ведь почти вся советская поэзия в той или иной степени связана с революцией, ее завоеваниями, идеалами и нравственными ценностями.

Принадлежа к числу непрерывных тем нашей поэзии, тема Октября в своем развитии отразила своеобразие разных этапов в эволюции советской поэзии и всего советского общества. Отсюда периодическое обновление трактовки темы, привлечение новых документальных материалов, переосмысление того, что уже не раз изображалось, и т. д.

Все изложенные обстоятельства по возможности были учтены составителями настоящего сборника при его формировании.

Основную часть корпуса книги образуют стихотворения и поэмы о борьбе ленинской партии, рабочего класса, крестьянских демократических масс народов России за победу Советской власти, о ее защите от могущественных врагов в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Видное место отведено в книге произведениям, раскрывающим духовную энергию братских наций в строительстве социализма, в солидарности новых общественных отношений между людьми, в утверждении новых норм гуманизма и морали. Как правило, из многих стихотворений и поэм, достойно отразивших эти явления, отбирались те, в которых отчетливо проступала связь с породившей эти процессы причиной, независимо от того, упоминается Октябрьская революция в данном произведении или только подразумевается. Особый слой книги — это стихи о героизме и самоотверженности советского человека, подчинившего свою жизнь благородным идеалам социальной справедливости.

Теснейшая связь Октябрьской темы с Ленинской показана в этом сборнике на сравнительно небольшом материале, так как перспективным планом третьего издания Большой серии «Библиотеки поэта» предусматривается выпуск специальной антологии «В. И. Ленин в советской поэзии». И, наконец, определенное место занимают произведения, обращенные к предыстории Октября, вплоть до экскурсов в освободительное движение XIX — начала XX в., подготовившее победу пролетарской революции.

Сборник «Октябрь в советской поэзии» в обновленном (третьем) издании Большой серии дополнен по сравнению с предыдущим сборником (во втором издании Большой серии) произведениями, созданными в период 1967—1987 гг. Вместе с тем существенно пересмотрен состав прежней книги: опущены стихотворения, чересчур декларативные или повторяющие своими мотивами произведения художественно более значительные. Увеличено количество произведений выдающихся мастеров поэзии — таких, как А. Твардовский, А. Прокофьев, Б. Корнилов, В. Луговской, Л. Мартынов, О. Берггольд, Гафур Гулям, Айбек, Х. Алимджан, В. Сосюра и др. Включено несколько произведений, незаслуженно оставшихся за

¹ Поэзия Октября: Стихи советских поэтов (1917—1976) / Сост. и коммент. Н. А. Богомолова и С. А. Шуняевой. Вступ. статья и общая ред. В. А. Зайцева и Е. П. Любаревой. М.: Изд-во Московского университета, 1977.

пределами ранее выпущенного сборника: стихи Н. Деметьева, Н. Клюева, П. Васильева, Л. Первомайского, А. Кулешова, М. Джалиля и др.

В итоге настоящее издание объединяет произведения около 160 авторов, из которых 57 являются представителями культур 23-х народов нашей страны. Произведения, написанные на языках братских социалистических наций, публикуются в русских переводах. Справка о том, с какого языка осуществлен перевод, дается непосредственно под текстом перевода. Сведения о переводчиках (среди них немало выдающихся мастеров русской советской поэзии) приводятся в оглавлении.

Лимитированный объем издания, естественно, не позволил включить в него ряд капитальных произведений советской поэзии, например «Мистерию-буфф» и «150 000 000» Маяковского, поэмы «Выра» Н. Тихонова, «Триполье» Б. Корнилова, «Сабля Котовского» П. Тычины, «Семен Проскаков» Н. Асеева, «Страна Муравия» А. Твардовского, «Хамза» Айбека и ряд других. По этой же причине в книгу включено немногим более десятка поэм. В иных случаях — там, где это казалось целесообразным, — публикуются отрывки из поэм (например, фрагменты из поэм «Владимир Ильич Ленин» Маяковского, «Первороссийск» О. Берггольц, «Братская ГЭС» и «Казанский университет» Е. Евтушенко, «Ленинградская поэма» А. Акупяна и т. д.).

Материал в сборнике сгруппирован в пяти хронологических разделах: «1917—1921» (годы революции и гражданской войны до образования СССР), «1922—1940» (период восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социалистических отношений в городе и деревне), «1941—1945» (годы Великой Отечественной войны), «1946—1966» (послевоенный период восстановления и дальнейшего развития социалистического государства), «1967—1987» (период развитого социализма). Место произведений внутри разделов также определяется хронологией, причем те из них, у которых известен лишь год первой публикации (в этих случаях он заключается в угловые скобки), предшествуют произведениям с датами написания. Если год их написания совпадает, они располагаются в пределах данного года согласно алфавиту авторов. Поэмы и переводы в особые разделы не выделяются.

Характер примечаний обусловлен спецификой издания. После порядкового номера в примечании дается ссылка на первую публикацию текста, затем — после точки и двойного дефиса — указывается окончательный вариант текста, по которому он воспроизводится в настоящем издании. Если указана только одна публикация, значит, текст либо не перепечатывался, либо перепечатывался без каких бы то ни было смысловых изменений. Для переводных произведений дается ссылка на одно из последних авторитетных изданий, по которому приводится текст перевода. После этого — там, где представлялось возможным, — оговаривается наличие более ранней публикации перевода. В таких случаях отмечается и отличие этой публикации перевода от основной (другая редакция текста, иное заглавие, другой переводчик).

В примечаниях перед названиями книг отдельных авторов (персональные сборники поэтов, сборники избранного, собрания сочинений и т. д.) фамилия автора опускается, так как она всегда указывается в тексте издания над порядковым номером произведения, к которому относится примечание. В отличие от журналов, газет, антологий и альманахов, авторские книги всегда обозначаются без кавычек.

В соответствии с профилем издания в биографических справках об авторах, представленных в нем, внимание акцентируется на фактах гражданского, политического значения. Как правило, сведения о литературной биографии поэтов (кроме данных о выходе первого сборника стихов

и присуждении Ленинских или Государственных премий СССР) не обобщаются.

Тексты произведений под № 1—106; 107—158; 159—288 подготовлены к печати соответственно И. В. Кудровой, Н. И. Кузнецовой, Л. Г. Чащиной. Ими же написаны примечания к указанным частям сборника. Большинство биографических справок написано И. В. Кудровой, Н. И. Кузнецовой написаны справки об Айбеке, Блоке, Брюсове, Есенине, Гафуре Гуляме, П. Васильеве, Маяковском и Первомайском. Л. Г. Чашиной написаны справки об Аджиеве, Азарове, Аквилеве, Бирюкове, Ботанике, Вальшонке, Вечтомовой, Вознесенском, Высоцком, Вышеславском, Галушко, Гоппе, Гудзенко, Данилове, Жигулине, Житинском, Истру, М. Кариме, Коротиче, Вяч. Кузнецове, Куклине, Ластовенко, Максимове, Маларовой, Наровчатове, Нонешвили, Ойфе, Окуджаве, С. Орлове, Панченко, Поперечном, Рагиме, Сайяре, Самойлове, Смелякове, В. Соколове, Сулове, М. Танке, Туде Али, Цакунове, Чепурове, Шивазе, Шухрате.

Л. Чащина
Н. Кузнецова

Условные сокращения,
принятые в примечаниях

ГАА — Гафур Гулям, Айбек, Хамид Алимджан. Стихотворения и поэмы
Л., 1980 (Б-ка поэта, БС).

ДП — ленинградский сборник «День поэзии».

Зв — журнал «Звезда».

Зн — журнал «Знамя».

Избр. — Избранное.

Изв — газета «Известия».

ИП — Избранные произведения.

КрГ — «Красная газета».

КПр — газета «Комсомольская правда».

ЛГ — «Литературная газета».

ЛПр — газета «Ленинградская правда».

МГв — журнал «Молодая гвардия».

НМ — журнал «Новый мир».

Пр — газета «Правда».

СиП — Стихотворения и поэмы.

СС — Собрание сочинений.

ст. — стих, стихи.

Ю — журнал «Юность».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1917—1921

1. «Пламя». 1918, № 27. -- Все сочиненное Владимиром Маяковским. Пг., 1919. *Блаженный стропила соборы тщетно возносит.* В октябрьские дни 1917 г. в Москве был поврежден снарядами собор Покрова пресвятой богородицы, называемый также храмом Василия Блаженного. «Слава» — военный корабль Балтийского флота, героически погиб в бою с немецкой эскадрой в октябре 1917 г. *Гонишь седых адмиралов... в Гельсингфорсе.* Накануне 25 октября 1917 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) вспыхнуло восстание матросов против контрреволюционно настроенного командования.

2. СиП. М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС). *Мойка* — река в Петрограде. *Скиталец-Моряк* — герой морских легенд, капитан, осужденный вместе со своим судном на вечные скитания по морям. Легенда послужила основой для либретто оперы Р. Вагнера «Летучий голландец» (1841).

3. Звучаль веснеянки: Стихи. М., 1918. *Торжествуем марсельезно*. «Марсельеза» — французская революционная песня на слова и музыку К. Ж. Руже де Лиля, получившая популярность во время французской буржуазной революции конца XVIII в.

4. «Красная нива». 1929, № 46.

5. Избр. Л., 1952 (Б-ка поэта, МС).

6. КрГ. 1918, 11 июля, под загл. «Мы — братья». -- Красный мост: Стихи 1914—1918 гг. Пг., 1919. Датируется по Избр. стихи. Л., 1948.

7. Динамо-стихи. Пг., 1918.

8. «Знамя труда». 1918, 18 февр. (3 марта н. с.). При жизни автора поэма вышла отд. книжкой (вместе со стихотворением «Скифы») в изд-ве «Революционный социализм», Спб., 1918 и трижды в изд-ве «Алконост» (первое и второе изд. 1918 г. были иллюстрированы художником Ю. Анненковым). Поэма была начата 8 янв. и вчерне закончена 28 янв. 1918 г. В «Записке о „Двенадцати“» (1920 г.) поэт признавался: «В январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или марте 1914 г. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)». Далее Блок отметил: «...поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносающийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства» (Блок А. Собр. соч. Л., 1960. Т. 3. С. 474). Г. П. Блок, двоюродный брат поэта, приводит слова А. А. Блока, сказанные в 1920 г.: «„Двенадцать“ — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому, что тогда я жил современностью» (Блок Г. Герои «Возмездия» // «Русский современник». 1924. № 3. С. 184). *Двенадцать*. К названию поэмы близкое отношение имеют две пометы Блока в черновике рукописи: первая в начале гл. 7: «Двенадцать (человек и стихотворений)», вторая — в гл. 10: «И был с разбойником. Жило двенадцать разбойников» (последняя фраза — измененная цитата из «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова). По евангельским преданиям, у Христа было 12 апостолов. 12 человек насчитывал в поэме Блока и красногвардейский патруль на улицах революционного Петрограда. «*Вся власть Учредительному собранию*». Учредительное собрание — парламентское учреждение, собравшееся 5 (18) янв. 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде. Контрреволюционное большинство его не признало декретов Советской власти. Постановлением ВЦИК Учредительное собрание было распущено. «Под лозунгом „Вся власть Учредительному собранию“, — писал В. И. Ленин, — скрывается лозунг „долой Советскую власть“» («Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 9 (19) января 1918 г.» // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 242). *Бубновый туз* — в царской России знак каторжника, нашивка на спине. *Керенки* — денежные знаки, выпущенные Временным правительством

и быстро обесценившиеся, которые народ называл «керенками» — от фамилии Керенского (см. примеч. 45). *Не слышно шума городского* и т. д. — парафраз начальных строк популярного романса «Узник» на слова Ф. Глинки. *Невская башня* — здание б. Городской думы на Невской проспекте. *Вперед, вперед, вперед, рабочий народ!* — измененная строка из революционной песни «Варшавянка» (вольный перевод с польского Г. М. Кржижановского). *Впереди — Иисус Христос*. По словам К. И. Чуковского, Блок в ответ на замечание Н. С. Гумилева (в лекции о поэзии Блока) о том, что «внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект», сказал: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И в тогда же записал у себя: „к сожалению, Христос“» (Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. Пг., 1924. С. 27—29). 18 февр. 1918 г. Блок отметил в записной книжке: «Что Христос идет перед ними (красногвардейцами) — несомненно. Дело не в том, «достойны ли они его», а страшно то, что опять он с ними, и другого пока нет: а надо Другого?» (Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 388—389).

9. «Знамя труда». 1918, 20 (7) февр. Ст-ние написано сразу же после окончания поэмы «Двенадцать» и вместе с поэмой составило книгу, вышедшую в 1918 г. в изд-ве «Революционный социализм». Эпиграф — неточная цитата из ст-ния В. С. Соловьева «Панмонголизм». *Тьма* — в древнерусском языке: сотни тысяч, неисчислимое множество. *Прошла и Лиссабона, и Мессины!* Столица Португалии Лиссабон дважды была разрушена землетрясением — в XIV и XVIII вв.; в 1908 г. подземными толчками был уничтожен и южноитальянский город Мессина. *Пестум* — древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX в. арабами. *Эдип* — герой древнегреческого мифа, разгадавший загадку фантастического существа Сфинкса (с телом льва и головой человека) и тем самым спасший родной город от несчастья. *Галльский* — французский. *Гунн* — кочевник, племена гуннов в IV—V вв. опустошили страны Западной Европы; в переносном значении: варвар, насильник.

10. «Эпоха». М., 1918. Кн. 1. *Мессина* — см. примеч. 9. *Мартиника*. В 1902 г. на о-ве Мартиника (Вест-Индия) произошло сильнейшее извержение вулкана.

11. «Грядущее». 1918, № 4. -- Железный Мессия: Стихи о революции (1917—1920). М., 1921. *Железный Мессия* — пролетариат, преобразующий мир; Мессия — божественный, по Библии, посланец, который должен явиться на земле для уничтожения зла и установления «царства божия».

12. Изв (Рязань). 1918, 18 авг., без ст. 21—28, с эпиграфом «Прощай, прощай, прощай, масленица (песня)». -- Сельский часослов. М., 1918. *Иорданская голубица* — по евангельским легендам, голубь, паривший над головой Христа во время его крещения в реке Иордан. *Апостол Андрей* — ближайший ученик Иисуса, брат апостола Петра. По летописным сказаниям, апостол Андрей проповедовал в Древней Руси. *Древняя тень Маврикия... Нас посетил Авраам*. Комментарием к этой строфе могут служить слова Есенина из его трактата «Ключи Марии» (М., 1920): «Символическое древо, которое означает „семью“... в Иудее носило имя Маврикийского дуба, под которым Авраам встречает св. Троицу».

цу». Авраам — по Библии, образец благочестия, патриарх, переселившийся в обетованную землю, где стал родоначальником многих племен.

13. «Пролетарский сборник». М., 1918. Кн. 1, без гл. 4. -- Годы: Избр. стихи. Л., 1932.

14. «Зарево заводов». Самара, 1919. Кн. 1. Ст. 1—12 написаны М. П. Герасимовым, ст. 13—25 — С. А. Есениным, остальные — С. А. Клычковым. «Кантата» посвящена памяти бойцов, павших в Москве в боях за Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и написана к открытию 7 нояб. 1918 г. на Кремлевской стене мемориальной доски, исполненной скульптором С. Т. Коненковым. На торжестве открытия мемориальной доски выступал В. И. Ленин (см.: Ленин В. И. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6. С. 208—209).

15. Ю. 1957, № 11.

16. СС. М., 1973. Т. 3. «Марсельеза» — см. примеч. 3.

17. «Беднота». 1918, 15 дек., в тексте стихотворной повести «Красноармейцы» (гл. 9).--СС. М., 1937. Незадолго до создания песни состоялась беседа Д. Бедного с В. И. Лениным. «Вам следует,— говорил, по словам поэта, Ленин,— в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, „распроклятая злодейка служба царская“, а теперь служба рабоче-крестьянскому, советскому государству,— раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг,— прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое... и т. д.» (Бедный Д. Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1954. Т. 5. С. 287). В 1922 г. песня была положена на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем. *Малюта* — имя Скуратова-Бельского (ум. 1573), главы так называемого опричного террора в царствование Ивана IV; в нарицательном значении: палач.

18. «Вестник путей сообщения». 1918, № 13. -- Железное цветенье. М.; Пг., 1923. *Стожары* — русское народное название звездного скопления Плеяды. *Орион* — созвездие сев. неба.

19. Окт. приложение к КрГ. 1918, 25 окт., с подзаг. «Октябрьским героям».-- Зори грядущего: Стихи: Изд. 3-е. Пг., 1919.

20. Песнослов. Пг., 1919. Т. 2. *Гамаюн* — фантастическое существо, птица с человеческим лицом, изображенная на картине В. М. Васнецова «Гамаюн»; в трактовке А. А. Блока (ст-ние «Гамаюн — птица вещая») предвещала приближение революционных событий. *Шапка Мономаха, царьградские бармы* — предметы парадного одеяния русских великих князей и царей, символизировавшие высшую власть.

21. КрГ. 1918, 11 авг., веч. вып. -- Песни Красного Звоняря. Пг., 1919. Ст-ние было положено на музыку А. С. Митюшиным и стало популярной революционной песней. По свидетельству Н. К. Крупской, это ст-ние любил слушать В. И. Ленин в последние месяцы жизни (Крупская Н. К. Что нравилось Ильичу в художественной литературе // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5-ти т.: изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 603).

22. КрГ. 1918, 8 окт. *Будет буря,— мы поспорим* — строка из ст-ния Н. М. Языкова «Пловец», ставшего песней.

23. «Петроградская правда». 1918, 12 нояб., подпись: Самобитов — На перевале: Стихи. Пг. 1921. Кн. вторая.

24. Советская земля. Харьков, 1921. *Пять хлебов*. Имеется в виду евангельская притча о пяти хлебах, насытивших пять тысяч человек. *Разин* Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак; с отрядами казацкой гольтыбы совершил походы на Волгу и Яик, а также в Персию. В 1670 г. возглавил крестьянскую войну, проявил себя талантливым военачальником и организатором; казнен в Москве. *Скинни* — по библейскому сказанию, переносный храм, здесь: святилище, священное место. *Совдены* — Советы рабочих и солдатских депутатов.

25. «Горн». 1919, № 2/3. Написано под впечатлением демонстрации трудящихся в первую годовщину Октябрьской революции.

26. Стихи. М., 1964.

27. ЛГ. 1957, 19 окт. *Кружало* — кабак.

28. «Красная панорама». 1929, № 45, без двух последних ст. Ю. 1957, № 11.

29. «Красный воин» (Астрахань). 1918, 6 нояб., под загл. «Война всем», др. ред. — Творения. М., 1986, где напечатано по беловому автографу.

30. «Недра». М., 1923. Кн. 1 *Иван Великий* — колокольня в Московском Кремле.

31. «Коммунар». 1918, 16 окт.

32. «Всходы». 1918, № 7. *Ваал* — древнее семитское божество, в литературе нового времени — символ всепоглощающей жажды богатства и бесчеловечной власти капитала. *Гунны* — см. примеч. 9.

33. «Искусство коммуны». 1919, 12 янв. Ст-ние было прочитано автором в матросском театре б. Гвардейского экипажа 17 дек. 1918 г. Слушателями поэта были революционные моряки Балтийского флота. *Британский лев*. В гербе Великобритании изображен лев. *Антанта* — Тройственное соглашение, империалистический блок Великобритании, Франции и царской России, оформившийся в 1904—1907 гг.; в годы первой мировой войны к нему присоединилось более 20 государств, в том числе США, Япония, Италия и др. В 1918—1920 гг. войска Антанты осуществили интервенцию против молодой Советской Республики.

34. Изв (Вытегра). 1919, 23 февр. *Жернов горя С Архангельском Кавказ*. Имеется в виду иностранная интервенция против молодой Советской Республики: высадка на Севере англо-франко-американского десанта, после чего в августе 1918 г. был захвачен Архангельск; вторжение (с августа 1918 г.) английских, а затем и германо-турецких войск в Закавказье. Вопиющим фактом террора оккупантов явилась казнь 26-ти бакинских комиссаров в сентябре 1918 г. *Кивач* — водопад в Карелии на реке Суна. *Олонец* — город в бывшей Олонецкой губ., ныне районный центр Карельской АССР.

35. «Пламя» (Петроград). 1919, № 52.

36. «Антология эстонской поэзии». М.; Л., 1959. Т. 2.

37. СиП. Л., 1975 (Б-ка поэта, БС). Написано в связи с объявленным конкурсом на текст для гимна Советской Украины. *Скрижали* — в Библии священные заповеди, высеченные на каменных досках; здесь — традиционные установления старого мира.

38. «Коммунистический труд». 1920, 23 июня, под загл. «В республике труда». - - В такие дни: Стихи (1919—1920). М., 1921.

39. «Красная Армия» (Самара). 1919, № 3. *От Мюнхена и до Байкала*. Имеется в виду революционное движение, возникшее в странах Запада (Баварская советская республика 1918 г.) и Востока под влиянием Октябрьской революции (см. примеч. 83). *Башня Эйфеля* была построена в Париже в 1889 г. по проекту инженера А. Эйфеля к открытию Всемирной выставки.

40. Листовка: «1917 — Октябрь — 1919». [Пг., 1919]. - - На перевале: Стихи. Кн. вторая. Пг., 1921.

41. Джансугуров И., Сейфуллин С. СиП. Л., 1973 (Б-ка поэта, БС). Ранее: Сейфуллин С. Избр. Алма-Ата, 1950, в переводе М. Львова. «*Марсельеза*» — см. примеч. 3.

42. «Антология латышской поэзии». Рига, 1955.

43. «Искусство» (Омск). 1922, № 2. - - «День поэзии». М., 1980. В разных источниках даты: 1919 и 1920. Написано под впечатлением изгнания из Омска в нояб. 1919 г. войска *Колчака* (см. примеч. 72). *Пьеро, Арлекин* — традиционные персонажи французского и итальянского народного театра; в данном случае их именами обозначены представители буржуазно-артистических кругов, примкнувших к Колчаку и поверивших в его могущество. «*Максим*» — название станкового пулемета по имени конструктора — американца Максима Хайрема Стивенса (1840—1916); пулемет этой системы нашел широчайшее применение в годы гражданской войны.

44. Раздумия. Пг., 1922.

45. Повесть печ. отрывками в газетах: «Деревенская правда». 1917, 14, 15, 18 окт.; «Рабочий путь». 1917, 18, 21, 23, 26, 28, 31 окт.; Пр. 1917, 10, 11, 13 нояб. Ранее — отдельными страницами: «Разрыв-трава» — «Рабочий и солдат», 1917, 1 авг., со сноской: «По народному поверью разрыв-трава цветет только в полночь под Ивана Купалу, и тот, кто получит цвет разрыв-травы, приобретет власть над всеми тайными кладами»; «Похороны» — «Рабочий». 1917, 8 сент., подпись: «Покойник»; «Барские слезы (Побывальщина)» — Пр. 1917, 25 нояб., подпись: «Мужик вредный». Первое отдельное изд. повести: Пг. 1917—1918 (с рис. худ. Замирайло); 2-е изд.: М., 1920—1921, где текст пополнен другой стихотворной повестью — «Батраки», печатавшейся в Пр. 1918, с 30 июня по 25 авг. и одновременно в газ. «Беднота». Из повести «Батраки» в часть 5 повести «Про землю, про волю, про рабочую долю» вошли гл. 11—13. - - Печ. по СС. М., 1937. Произведение Д. Бедного — один из первых откликов на Октябрьскую революцию, поэтическая летопись событий, ей предшество-

вавших. Большое место в повести занимают «вставные номера»: злободневные сатирические стихи, басни, фельетоны, шуточные песни, эпиграммы, сопровождающие рассказ о жизненном пути главных героев повести — солдата Ивана, рабочего-коммуниста Клима и Маши — невесты Ивана, в прошлом батрачки, а к концу повести — большевистского агитатора в Москве. 1. «Правда». Созданная по инициативе петербургских рабочих газета «Правда» начала выходить с 22 апр. (5 мая) 1912 г. в Петербурге. 2. *Эсеры* — партия социалистов-революционеров (с. р.), в 1917 г. эволюционизировала от мелкобуржуазной революционности к союзу с помещиками и буржуазией; после Октября эсеры стали злейшими врагами большевиков и Советской власти. 12. «*Стенька Разин*» — популярная песня «Из-за острова на стрежень...» (1883) Д. Н. Садовникова. 14. *Суворовская* — Суворовский проспект в Петербурге — Ленинграде, выходит к Смольному. *Смольный*. Осенью 1917 г. в Петрограде, в здании б. Смольного института для благородных девиц, помещался Центральный Комитет партии большевиков и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов с Военно-революционным комитетом. *Милюков* Павел Николаевич (1859—1943) — лидер партии кадетов, министр иностранных дел во Временном правительстве. Прозвище Дарданелльский было дано Милюкову за его политику продолжения войны. Дарданеллы — один из черноморских проливов, который старались захватить империалистические круги России. *Церетели* Ираклий Георгиевич (1881—1959) — один из лидеров меньшевиков, министр почт и телеграфов во Временном правительстве. *Авксентьев* Николай Дмитриевич (1878—1943) — лидер эсеров, министр внутренних дел во Временном правительстве после июля 1917 г. *Каледин* Алексей Максимович (1861—1918) — атаман казачьего Войска Донского, возглавивший контрреволюцию на Дону. *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870—1918) — верховный главнокомандующий русской армии, в 1917 г. безуспешно пытался установить в стране военную диктатуру. Поход Корнилова на Петроград был сорван большевиками. 15. *Керенский* Александр Федорович (1881—1970), адвокат по профессии, эсер; был депутатом IV Гос. думы, занимал ряд министерских постов во Временном правительстве; после июльских дней 1917 г., ознаменовавших конец «двоевластия», стал во главе коалиционного кабинета, проводил политику «войны до победного конца»; в ноябре 1917 г. бежал за границу. *Ставка* — имеется в виду телеграмма верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, потребовавшего от Временного правительства в августе 1918 г. передачи ему полномочий военного диктатора России. 17. *Предпарламентик* — предпарламент, Временный Совет республики, был образован эсерами и меньшевиками 21 сент. 1917 г. *Коемуждо* (церк.-слав.) — каждому. *Идет сражение*. Имеется в виду Октябрьское восстание в Петрограде. 18. *День Космы и Дамиана* — по церковному календарю 1 (14) ноября. *Ирод* — здесь: нарицательное значение имени иудейского царя, по евангельской легенде губителя младенцев. *Заключение*. *Шмара* — тина; здесь: отбросы общества.

46. «Красный воин». 1921, 28 июля, под загл. «Три парки в Москве». -- В такие дни: Стихи (1919—1920). М., 1921. *Парки* (римск. миф.) — три сестры-старухи, в чьих руках находятся нити человеческой судьбы. Одна из сестер держит пряжу, другая прядет нить жизни, третья отрезает ее. *Кудель* — льняное волокно, сырье для пряжи. *Калита* Иван I Данилович (ум. 1340) — московский князь (с 1325), собиратель русской земли.

47. Альм. «Художественное слово». М., 1921. Кн. 2.

48. «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск). 1921, 6 февр. *Львиным садником — мчись!* Подразумевается библейский апокалипсический садник, вестник грядущего обновленного мира.

49. «Антология татарской поэзии». Казань, 1957. Ранее: Стихи. М., 1940, в переводе П. Панченко; Избр. Уфа, 1944, в переводе М. Шехтера; Стихотворения. Казань, 1947, в переводе Л. Мартынова. *Ты, Царицын отстоявший*. Имеется в виду героическая оборона г. Царицына (ныне Волгограда) с июня 1918 по июль 1919 г., когда Красная Армия и рабочие Царицына отразили наступление белоказацких войск генерала Краснова и Добровольческой армии Деникина (см. примеч. 72).

50. Ладомир. Харьков, 1920, литограф. изд. - - «ЛЕФ». 1923, № 2, др. сокращ. ред. - - Неизданный Хлебников. М., 1928. Вып. 4, где, согласно воле поэта, выраженной в более поздних текстах, приведена полная ред. Первоначальное загл. поэмы — «Восстание». *Ладомир* — неологизм, означающий: мировой лад. *Лобачевский* Николай Иванович (1792—1856) — математик, создатель неевклидовой геометрии. Открытия Лобачевского, подлинное понимание которых пришло спустя много лет после их опубликования, совершили переворот в представлениях о природе пространства. *Заменивший Д на Т* — т. е. слово «дворяне» на «творяне». *Разин* — см. примеч. 24. *И будет молния рыдать, Что вечно носится слугой*. Здесь и далее Хлебников пишет о грядущих научных открытиях и преобразованиях природы. *Из всех писем изгонят ять*. Этот ст. подсказан реформой русской орфографии 1918 г., отменившей, в частности, употребление буквы ять. *Нам руку подали венгерцы*. В 1919 г. в Венгрии произошла пролетарская революция, в результате которой 21 марта 1919 г. была провозглашена Венгерская советская республика, просуществовавшая до 1 авг. 1919 г. *Свой замок цен, рабочий, строй Из камней ударов сердца*. Хлебников считал, что в будущем единицей измерения труда станет удар сердца. *Перуном плывут по Днепровью* и т. д. Киевский князь Владимир Святославич, принявший в 988 г. христианство в качестве государственной религии Руси, повелел в день крещения сбросить в Днепр деревянных языческих идолов, в частности громадное изваяние Перуна.

51. МГв. 1922, № 3. - - Звон солнца: Стихи и поэмы. М., 1923.

52. Бомба. Владивосток, 1921. *Красные ворота* — название триумфальной арки в центральной части Москвы; просуществовала до 1928 г. *Калита* — см. примеч. 46.

53. Тучелет. М., 1921.

54. Пр. 1921, 6/7 нояб.

55. Под каменистым дождем. Пг., 1923. *Эвмениды* (греч. миф.) — богини-мстительницы.

56. СиП. Л., 1982 (Б-ка поэта, БС). 1. *Лисичанск* (Лисичье) — город Ворошиловградской обл. на Северском Донце; здесь в 1916 г. на шахте работал Сосюра. *Третья Рота* — старое название с. Верхнее, ныне слившегося с г. Лисичанском. *Сущенко* — подрядчик, разрабатывал карьеры в Лисичанске. *Клуня* — рига, гумно. *Белая гора* — гора неподалеку от Лисичанска: на поверхность ее выходили меловые отложения. *Пеглюра* Симон Васильевич (1879—1926) — главарь контрреволюцион-

ного националистического движения (петлюровщины) на Украине. В поэме Сосюра подразумевает выступление рабочих Донбасса против петлюровцев. 2. «Чумак» — украинская народная песня. *Сестра печальная* — сестра поэта Зоя Николаевна Сосюра. *Сражаться с юнкерами*. Юнкера — бывшие воспитанники военных училищ, существовавших при царском режиме. Во время гражданской войны большая часть юнкеров примкнула к силам контрреволюции. 3. *Рубежная, Володино, Кабанье, Святого* — железнодорожные станции на Донбассе. 5. *Завод* — содовый завод в Лисичанске. 6. *Милый брат* — младший брат поэта, скончался в начале 20-х гг. 8. *Недавно были здесь и греки и зуавы*. Имеются в виду англо-французские интервенты, оккупировавшие 27 нояб. 1918 г. Одессу. В составе оккупационных войск находились греческие части и формирования зуавов (зуавы — название арабских племен в Алжире). 6 апр. 1919 г. Одесса была освобождена от захватчиков.

57. Полвека: Стихи и поэмы. Тбилиси, 1959. *Аргонавты* (греч. миф.) — отважные мореплаватели, в поисках золотого руна приплывшие в Колхиду на корабле «Арго»; в переносном значении: отважные разведчики неизведанного. *Фазис* — древнегреч. название реки Риони.

58. Брага: Вторая книга стихов (1921—1922). М.; Пг., 1923. *Осет* (нем.) — восток. *Кегельбан* — игра спортивного типа, в процессе которой шарами сбивают кегли, а также само оборудование для этой игры — площадка с бортиками.

59. Пр. 1922. 7 нояб., без двух начальных ст. - - СС. М., 1937. В 1927 г. в Ленинградской гос. консерватории была осуществлена инсценировка поэмы. Постановка С. Масловского, музыка М. Михайлова и Д. Шостаковича.

1922—1940

60. Пр. 1922, 1 янв., под загл. «Алая дорога». - - Россыпь огней. М., 1922.

61. Изв (Одесса). 1922, 7 нояб. *Певни* (укр.) — петухи. *Тыны* — заборы.

62. МГв. 1922, № 1/2, с нотами, пометой под текстом: «с немецкого» и примеч. редакции: «„Молодая гвардия“ — любимая песня немецких юных пролетариев — должна стать также и нашим гимном».

63. СиП. М., 1965. Т. 1.

64. Избр. М., 1963.

65. «Красная новь». 1922, № 5.

66. «Россия», 1922, № 1. *Биплан* — самолет с двумя парами крыльев, расположенных одно над другим.

67. Изв. 1922, 7 нояб. *Архангельская труба*. Согласно библейской легенде, трубы архангелов оповещают о приближении «конца света» и Страшного суда. *Александр Благословенный* — А. А. Блок, автор поэмы «Двенадцать»; эпитет Благословенный — официальное наименование царя Александра I. *Иные на Урал бежали*. Речь идет о тех, кто не принял Октября и бежал в Сибирь, где собирал контрреволюционные силы гене-

рал Колчак (см. примеч. 72). *Гетманская булава* — диктаторская власть (с апр. по дек. 1918 г.) генерала П. П. Скоропадского (1873—1945), объявленного «гетманом» Украины, но фактически являвшегося ставленником германских империалистов. *На Дону крепчала сила*. В 1918—1919 гг. на Дону генерал Краснов П. Н. (1869—1947) провозгласил независимое «государство», ставшее прибежищем для контрреволюционеров. *Махно* Нестор Иванович (1884—1936) — один из главарей мелкобуржуазной контрреволюции на Южной Украине в гражданскую войну, анархист. *О взятии Владивостока*. В 1922 г. Владивосток был освобожден революционными войсками от японских интервентов. *На Волхове, в Кашире*. В этих местах были заложены первые советские гидроэлектростанции.

68. «Станок» (Одесса). 1921, 7 нояб., часть 2; Изв (Одесса). 1923, 7 нояб., обе части.--«Моряк». 1924, 7 нояб., часть 1, под загл. «Октябрь». -- КрГ. 1928, 7 нояб., часть 1. *Путиловцы* — рабочие б. Путиловского завода (ныне Ленинградское объединение «Кировский завод»). *Под Гатчиной осенней Худой и бритый человек* — Керенский (см. примеч. 45), который руководил из Гатчины контрреволюционными силами, вместе с генералом Красновым пытаясь 26—30 окт. 1917 г. (ст. ст.) захватить столицу и свергнуть Советскую власть. 31 окт. революционные войска Петрограда отбросили части Керенского — Краснова к Гатчине и разгромили их.

69. Изв. 1923, 7 нояб. *Товарищ немец* и т. д. В 1923 г. революционное движение немецкого пролетариата охватило важнейшие области Германии — Баварию, Саксонию, Силезию, Рур.

70. «Пролетарская правда». 1923, 21 окт.

71. «Красная нива». 1924, № 44, под загл. «Семь лет». -- Октябрьские песни. М., 1925. *Карат* — мера веса (0,2 г), используемая в ювелирном деле. *Качнуло Японию*. В 1923—1925 гг. в Японии произошло несколько сильнейших землетрясений. *Бои у Никитских ворот*. Никитские ворота — старое название площади, выходящей на Тверской бульвар в Москве. Здесь шли ожесточенные бои в период так называемой «октябрьской недели» 1917 г.

72. «Заря Востока» (Тифлис). 1924, 14 сент. -- Русь Советская: Стихи. Баку, 1925. *Губчека* — губернское отделение ВЧК (см. примеч. 123). «*Яблочко*» — матросская песня (частушка), популярная в 20-е гг. *Врангель* Петр Николаевич (1878—1928), барон — белогвардейский генерал, один из главарей контрреволюции на юге России. Армия Врангеля была разгромлена в нояб. 1920 г. в результате Перекопско-Чонгарской операции Красной Армии, под командованием М. В. Фрунзе. Крым был очищен от белогвардейцев, а Врангель бежал за границу. *Деникин* Антон Иванович (1872—1947) — царский генерал, один из столпов контрреволюции; с апр. 1918 г. — командующий белой Добровольческой армией; с янв. 1919 — «главком вооруженными силами юга России». После поражения своих армий Деникин в 1920 г. бежал за границу. *Колчак* Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал царского флота, глава контрреволюционной военной диктатуры, установленной в нояб. 1918 г. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Колчаку, провозгласившему себя «верховным правителем России», подчинялись все вооруженные силы контрреволюции. К началу 1920 г. армии Колчака были полностью разгромлены, а сам он расстрелян. *Явор* — г. Яворов на Украине, недалеко от Львова. *Ногата, резань* — древние русские монеты.

73. Изв. 1924, 7 нояб. Отмечая годовщину Октябрьской революции, трудящиеся вспоминали и январские дни прощания с В. И. Лениным.

74. Текст отрывка впервые опубликован: «Бюллетень Прессбюро ЦК РКСМ». 1924, 23 окт.; Изв. 1924, 7 нояб.; «Гудок». 1925, 9 янв. Впервые полностью — отд. изд. М.; Л., 1927. Поэма была закончена в первый числах окт. 1924 г. 21 окт. Маяковский прочел ее партийному активу МК РКП (б). Газ. «Рабочая Москва» 23 окт. 1924 г. писала об этом выступлении поэта: «В открывшихся прениях... ряд товарищей говорили, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное большинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности, Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции». *Поля нобельца и воля путиловца*. Имеются в виду рабочие Петроградского машиностроительного завода А. Нобеля (ныне «Русский дизель») и Путиловского завода (см. примеч. 68), активно участвовавшие в революционных событиях 1917 г. *Власть Советам! Земля крестьянам! Мир народам!* Имеются в виду первые декреты Советской власти — о переходе всей власти в руки Советов, о земле и о мире, — принятые 26 окт. 1917 г. съездом Советов по предложению В. И. Ленина. *Духовник* Николай Николаевич (1876—1917) — один из главных столпов контрреволюции, главнокомандующий царской армии. *Корнилов* — см. примеч. 45. *Гучков* Александр Иванович (1862—1936) — лидер буржуазно-помещичьей партии октябристов, в 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства. *Керенский* — см. примеч. 45. *Мы и кухарку каждую выучим управлять государством!* В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917) В. И. Ленин писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Но мы... требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии богатые или из богатых семейств взятые чиновники» (Полн. собр. соч. Т. 34. С. 315). *Ротация* — речь идет о листовках, призывавших к прекращению империалистической войны. *Вильгельмов сапог*. Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король (до 1918 г.). *Эсеры* — см. примеч. 45. *Возьмем передышку похабного Бреста*. Имеется в виду выступление В. И. Ленина на VII экстренном съезде партии по вопросу о заключении мира с Германией: «Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали... я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом» (Полн. собр. соч. Т. 36. С. 26—27). *С гидрой плакаты*. На плакатах эпохи гражданской войны контрреволюция изображалась в виде многогололой гидры. «*Мы смело в бой пойдём...*» — слова революционной песни периода гражданской войны. *Ты знаешь путь на завод Михельсона? Найдешь по крови из ран Ильича*. У завода Михельсона в Москве (ныне Завод им. Владимира Ильича) 30 авг. 1918 г. эсерка Фанни Каплан выстрелом из револьвера отравленной пулей тяжело ранила В. И. Ленина. *Николаевки* — денежные знаки периода царствования Николая II. *Керенки* — см. примеч. 8. *Продотряды* — продовольственные отряды вооруженных рабочих и беднейших крестьян, созданные органами Наркомпрода, а также местными Советами, проводили на селе продразверстку в 1918—1921 гг. Во главе продотрядов зачастую стояли моряки Балтфлота. Продразверстка (продовольственная разверстка) — система заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1919—1921 гг., предусматривавшая

сдачу государству по твердым ценам всех излишков хлеба и других продуктов. С введением нэпа заменена продовольственным налогом. *Нэп* (новая экономическая политика) начал осуществляться в 1921 г. по решению X съезда партии, завершился во второй половине 20-х гг.; представлял собой целый комплекс политических и экономических мер, обеспечивших восстановление народного хозяйства и подготовивших его социалистическую перестройку. *РКП* (РКП/б/) — Российская Коммунистическая партия (большевиков).

75. НМ. 1927, № 1, отрывок. Первое отд. изд. поэмы: М., 1927. - - Избр. произв. М., 1956. Т. 1. Поэма повествует о разгроме кулацкого восстания во главе с атаманом Улялаевым в годы гражданской войны. «*Сакс*», «*севр*» — художественные изделия производства фарфоровых заводов — немецкого в Мейсене (Саксония) и французского в Севре. *Мазур* — Мазурские озера в Польше. *Стоход* — район в Полесье, места ожесточенных боев в годы первой мировой войны. *Орлена казна* — здесь: орлений (т. е. с клеймом) ствол ружья, ружье вообще. *Старая Руза, Красный Кут* — крупные населенные пункты в Московской губ. и в Донбассе. *На ширмах Петрушка*. Имеется в виду балаганное кукольное представление.

76. «Заря Востока». 1926, 7 марта. *Над омраченным Петроградом* — ст. из «Медного всадника» А. С. Пушкина. *Учредилка* (Учредительное собрание) — см. примеч. 8.

77. «Антология украинской поэзии». М., 1958. Т. 2.

78. Из тьмы к свету: Деревенские были. М.; Л., 1926, др. ред. - - Северное сияние. М., 1968.

79. «Шквал». 1925, № 20. «*Потемкин*» — «Князь Потемкин Таврический» — эскадренный броненосец Черноморского флота, на котором 14—24 июня 1906 г. произошло революционное восстание матросов. *Лейтенант Шмидт* Петр Петрович (1867—1906) — лейтенант Черноморского флота, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. Расстрелян весной 1906 г. на о-ве *Березань*, расположенном при входе в Днепровский лиман. *Матюшенко* Афанасий Николаевич (1879—1907) — предводитель восставших матросов на «Потемкине». *Можете в Румынию уплыть*. Восставшая команда броненосца «Потемкин», не поддержанная другими военными судами, сдалась в г. Констанца румынским властям.

80. КПр. 1925, 7 нояб. - - Первая книга стихов: 5-е изд. М.; Л., 1927.

81. МГв. 1926, № 11.

82. КрГ. 1925, 20 дек., веч. вып. *Богатырка* — головной убор красноармейцев в годы гражданской войны и в 20—30-е гг., по форме напоминающий шлем. *Колчак* — см. примеч. 72. *Голод на поволжской шири*. В 1921—1922 г. Поволжье переживало жестокий голод. *Буг* — подразумевается река Зап. Буг. *Осьмилеток* — солдат Красной Армии, находящийся в ее рядах с момента основания (февр. 1918). *Вайгач* — советский о-в к югу от Новой Земли. *Моздокские ямщики*. Моздок — уездный город б. Терской губ. (ныне райцентр Сев.-Осетинской АССР), в прошлом был известен ямщицким промыслом.

83. КПр. 1927, 20 февр., в цикле «Песни о Ладог», под загл. «Третья». — Собр. соч. М.; Л., 1965. Т. 1. Датируется по автографу. Мы добывали Мурман, Каспийские пески. В годы гражданской войны Красная Армия вела ожесточенные бои с интервентами и белогвардейцами на Мурман (Кольский полуостров), а также и за территории, прилегающие к Каспийскому морю. Солнцем в Будапеште — см. примеч. 50. Солнцем над Баварией. 7 апр. 1919 г. в результате Ноябрьской революции 1918 г. в Германии была провозглашена Баварская советская республика (свергнута 1 мая 1919 г.).

84. «Красная панорама». 1926, № 45, под загл. «Октябрь 25/X — 7/XI». — Собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1927. Т. 5. «Вставай, проклятая ем...» — начальные слова «Интернационала», международного пролетарского гимна, текст Э. Потье, музыка П. Дегейтера. Перевод на русский язык осуществлен в 1902 г. поэтом А. Я. Коцем. В 1918—1943 гг. — гимн Советского государства.

85. КПр. 1926, 27 июня (гл. 1—3, без эпитафии) и 4 июля (гл. 4—8 и эпилог). — «Красная новь». 1926, № 10, с вар. и посвящ. Д. Петровскому, участнику гражданской войны, другу автора. — Отд. изд. [М.], 1932. «Над „Думой про Опанаса“, — писал Э. Багрицкий, — я работал долго, месяцев восемь. Мне хотелось написать ее стилем украинских народных песен, как писал Тарас Шевченко. Для этого я использовал ритм его „Гайдамаков“. Мне хотелось показать в ней историю крестьянина, оторвавшегося от своего класса и попавшего к махновцам. Рассказать о нем и его гибели. Мне кажется, что мне это удалось, поскольку эта вещь выдержала испытание времени: она была написана в 1926 г. и до сих пор еще печатается всюду» (Багрицкий Э. Как я пишу // «Пионер». 1933, № 15. С. 12). По «Думе» в начале 30-х гг. Э. Багрицкий было написано литературное либретто предполагаемой оперы. Эпитафия — строки из эпилога поэмы Т. Шевченко «Гайдамаки». 1. Балта — город на Украине, ныне райцентр Одесской обл. Звездный Воз — украинское народное название созвездия Большой Медведицы. Махно — см. примеч. 67. «Армия» Махно имела черное знамя, знаками принадлежности к «армии» были черные банты или черные папахи. Продотряд — см. примеч. 74. 2. Гуляй-Поле — городок на Украине, в котором родился Махно. Некоторое время был штаб-квартирой махновских войск и носил название «Махноград». Вапнярка — городок в Винницкой обл.; в мае 1920 г. в районе Вапнярки части Красной Армии принудили к отступлению белопольских интервентов. 3. Каганец — светильник, род глиняного горшка, в который налито сало и помещен фитиль. Певни — см. примеч. 61. 4. Сыромаха (укр.) — волк. Катюга (укр.) — палач. 5. Котовский Григорий Иванович (1881—1925) — герой гражданской войны, командир кавалерийского корпуса, успешно вел военные действия против Махно. За чумацкими возами. Чумаки — украинские извозчики на волах, занимавшиеся торговлей. Бунчужный — здесь, согласно разъяснению автора, — помощник атамана. Брежут рыжие лисицы на чумацкий табор. Этот ст. подсказан фразой из «Слова о полку Игореве» («Лисицы брешють на чърленья шиты»). Див — фантастическое существо, демон, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 7. Кавун (укр.) — арбуз. Гайсин — город Винницкой обл.

86. «Бизнес: Сборник литературного центра конструктивистов». [М., 1929], под загл. «Поезд». — ИП. М., 1956. Т. 1. Улагай Сергей Георгиевич (1875 — после 1945) — белогвардейский генерал, в авг. 1920 г. руково-

дил так называемым «улагаевским десантом» на Кубани. *Семиречье* (Джетьесу) — территория в юго-вост. части Казахстана. Название происходит от семи главных рек этого района. *Колчак* — см. примеч. 72. *Лабуда* (лабута) — несуразица, бестолковщина. *Красноярск* был освобожден от колчаковцев 6 янв. (у Луговского дата неточна) 1920 г. 5-й армией Восточного фронта и партизанскими соединениями. *Залчы шапки* — здесь: партизаны, носившие шапки из заячьего меха. «Эх, шарабан мой, американка!» и т. д. — строки из песни, распространенной во время диктатуры Колчака в Сибири.

87. Изв. 1926, 7 нояб. *Почище японских землетрясений*. См. примеч. 71. *Англия бастующих шахт*. В 1926 г. бастовали английские шахтеры. *Кантон* — южный порт Китая, один из центров национально-освободительного движения 20-х гг. *РКП* (Рабкрин) — Рабоче-крестьянская инспекция, орган гос. контроля в Советском государстве в 1920—1934 гг.

88. КПр. 1926, 29 авг. *Гренада* (Гранада) — город в южной Испании, центр одноименной провинции. «Яблочко» — см. примеч. 72. *Александровск* — старое название г. Запорожье.

89. «Сибирские огни». 1927, № 6.

90. Изв. 1927, 11 нояб.

91. СиП. М.; Л., 1966 (Б-ка поэта, БС). Рансе: Избр. стихи. М., 1935, в переводе С. Родова, под загл. «Борцам за Октябрьскую революцию». *Каледин*, *Корнилов*, *Колчак*, *Деникин* — см. примеч. 45 и 72. *Чемберлен Остин* (1863—1937) — английский министр, консерватор, один из инициаторов разрыва дипломатических отношений Англии с СССР в 1927 г.

92. Отрывки и отдельные главы поэмы печ. в 1927 г. в различных журналах: «Новый Леф». 1927, № 6 и 7; «Красная новь». 1927, № 8; МГв. 1927, № 10—11; «На литературном посту». 1927, окт., № 20; в газетах: КПр. 1927, 23, 28 сент. и 16 окт.; ЛПр. 1927, 15 окт.; «Вечерняя Москва». 1927, 1 окт. и др. Первое отдельное изд.: Хорошо! Октябрьская поэма. М.; Л., 1927. - - То же. М.; Л., 1928. Целый ряд отрывков опубликовала в 1927 г. периферийная пресса. Маяковский приступил к работе над поэмой в дек. 1926 г. В начале 1927 г. велись переговоры с Управлением ленинградских академических театров, предложившим поэту написать текст для спектакля к десятилетию Октябрьской революции. Вначале поэма называлась «Октябрь», затем «25 октября 1917 года», и лишь к осени 1927 г., когда она была закончена, появилось название «Хорошо!». Тогда же Маяковский устранил деление поэмы на части. Гл. 2—8 поэмы (первая часть) были инсценированы. Спектакли шли в октябрьские дни 1927 г. в Ленинградском Малом оперном театре. В конце 1927 — начале 1928 г. Маяковский неоднократно выступал с чтением «Хорошо!». Одно из первых чтений поэмы состоялось 18 окт. 1927 г. в Красном зале МК ВКП(б) для актива московской партийной организации. В автобиографии Маяковский писал: «„Хорошо!“ считаю программной вещью, вроде „Облака в штанах“ для того времени. Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала. Иронический пафос в описании мелочей, но могущих быть и верным шагом в будущее („сыры не засижены — лампы сияют, цены

снижены“), введение для перебивки планов фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций („Разговор с Блоком“; „Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут...“)» (Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 1. С. 28—29). 1. *За февраль* — за Февральскую революцию 1917 г., свергнувшую царя. *Гучков* — см. примеч. 74. *Родзянко* Михаил Владимирович (1859—1924) — монархист, председатель III и IV Гос. дум. *Керенский* — см. примеч. 45. 3. *Растрелли* Варфоломей Варфоломеевич (Франческо Бартоломео) (1700—1771) — русский зодчий, построил Зимний дворец в Петербурге. *Корнилов* — см. примеч. 45. *Совет* — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. *В Лондон, к королю Георгу*. Георг V был двоюродным братом Николая II. Временное правительство намереналось отправить свергнутого монарха в Англию. *Репин* Илья Ефимович (1844—1930) и *Бродский* Исаак Израилевич (1883—1939) писали портрет Керенского летом 1917 г. 4. *Кускова* Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — политическая деятельница, близкая к кадетам; после революции — ярый враг Советской власти. *Миллюков* — см. примеч. 45. «*Не спится, няня...*». Здесь и дальше дается иронический парафраз разговора Татьяны с няней из гл. 3 «Евгения Онегина». *Михаил* Романов (1878—1925) — брат Николая II, в пользу которого Николай отрёкся от престола. 5. «*Селект*» — гостиница в Петрограде на Лиговском проспекте. *От Вильгельма кресты да ленты*. Буржуазная печать писала о политических эмигрантах, вернувшихся в Россию после Февральской революции, как об агентах немецкого кайзера Вильгельма II (см. примеч. 74). *Кресты* — тюрьма в Петрограде. *В пломбированном* — в железнодорожном вагоне, запечатанном пломбами. *Бронштейн* — Троцкий Лев Давыдович (1879—1940); в дни Октября председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; в начале 1918 г. назначен Наркомвоенмором. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) исключен из партии за разрыв с ленинизмом; в 1929 г. как враг Советской власти выслан из СССР. *Каледин* — см. примеч. 45. *Челядь чайники бесшумно подавала*. Под видом чаю подавалось спиртное, так как в военное время торговля спиртными напитками была запрещена. *Выборгская сторона* — рабочий район Петрограда. *Литейный* — мост через Неву, соединяющий центр города с Выборгской стороной. *Лашевич* Михаил Михайлович (1884—1928) — член Военно-революционного комитета Петроградского Совета, на него возлагалось руководство захватом почты, телеграфа и телефона. *Сегодня, говорит, подыматься рано*. Согласно рассказу Джона Рида, записанному со слов М. М. Володарского, на историческом совещании вождей большевиков 21 окт. (3 нояб.) 1917 г. Ленин сказал: «24 октября будет слишком рано действовать... С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать... Мы должны действовать 25 октября в день открытия Стюда <Советов>, так чтобы мы могли сказать ему: „Вот власть! Что вы с ней делаете?“» (Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 66—67). *Александра Федоровна* — игра слов: так звали жену Николая II, хотя имеется в виду Александр Федорович Керенский. 6. *Троицкий* (ныне Кировский) — мост через Неву. *За Гатчину забившись, улепетывал бывший*. После взятия Зимнего дворца и ареста Временного правительства Керенский бежал из столицы в надежде поднять контрреволюционный мятеж (см. примеч. 68). «*В рог бараний! Взбунтовались ребята!*» Из выступления Керенского в апр. 1917 г. на совещании делегатов фронта. *Мильонная* — улица (ныне ул. Халтурина), прилегающая к Зимнему дворцу. *Кексгольмцы* — солдаты Кексгольмского полка, вставшего на сторону революции. *Ильич гримированный*. Скрываясь от агентов Временного правительства, Ленин пришел в Смольный 24 окт. загримиро-

ванным. Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—1939), *Подвойский* Николай Ильич (1880—1948) — члены Военно-революционного комитета Петроградского Совета, командовавшие отрядами при взятии Зимнего. *Павловцы* — солдаты Павловского пехотного полка, вставшего на сторону революции. *Бочкаревские дуры*. В числе защитников Временного правительства был Первый петроградский женский батальон, сформированный в июне 1917 г. М. Л. Бочкаревой. *Михайловцы, константиновцы* — юнкера (см. примеч. 56) артиллерийских училищ. *Проконнович* Сергей Николаевич (1871—1935) — министр продовольствия во Временном правительстве. *Из-за Николаевского чугунного моста*. Николаевский мост после революции переименован в мост Лейтенанта Шмидта. *Коновалов* Александр Иванович (1875—1948) — министр торговли и промышленности, председательствовал на последнем заседании Временного правительства. *Тринадцать* — число министров Временного правительства. 7. *Здравствуйте, Александр Блок* и т. д. Откликаясь на смерть Блока, Маяковский писал: «Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: „Нравится?“ — „Хорошо“, сказал Блок, а потом прибавил: „У меня в деревне библиотеку сожгли“. Вот это „хорошо“ и это „библиотеку сожгли“ было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме „Двенадцать“» («Умер Александр Блок» // Собр. соч. М., 1959. Т. 12. С. 21—22). *Незнакомки, дымки севера*. «Незнакомка» — название ст-ния и лирической драмы Блока. *По воде шагающего Христа*. По евангельской легенде, Христос прошел по водам Генисаретского озера. В поэме Блока «Двенадцать» образ Христа появляется в заключительных ст. *Стенька* — Степан Разин, см. примеч. 24. *«Эх, яблочко...»* — см. примеч. 72. 9. *Такого отечества такой дым*. Перефразировка афористической строки из «Горя от ума». 10. *Из «сюрте генераль», из «интеллидженс сервис», «дефензивы» и «сигуранцы»* — названия контрразведок Франции, Англии, Польши, Румынии. В *Новороссийск плывут из Марселя, из Дувра плывут к Архангельску*. Речь идет о начале интервенции против Советской Республики войсками Англии и Франции. *Сверхдредноуты*. Дредноут — линейный корабль с мощной броней и десятью башенными орудиями. *Гидро* — здесь: гидросамолет, поднимающийся в воздух с палубы военных кораблей. *Бульдожья Британия*. В гербе Великобритании изображен лев, напоминающий бульдога. *Юденич* Николай Николаевич (1862—1933) — царский генерал, один из главарей контрреволюции; в окт.— нояб. 1919 г. возглавил белогвардейский поход на Петроград; был разбит Красной Армией и отступил в Эстонию. *Колчак* — см. примеч. 72. *Голубые чехи*. Поднявшие в мае — ноябре 1918 г. мятеж против Советской власти военнопленные чехи были одеты в голубые мундиры. *Врангель* — см. примеч. 72. *Перекоп*. Белогвардейские войска генерала Врангеля осенью 1920 г. укрепились на Перекопском перешейке; эта оборона была прорвана советскими войсками Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе в нояб. 1920 г. *Как Мурманск... Двина-река*. Подразумевается оккупация в 1918 г. англо-франко-американскими интервентами Мурманска и Архангельска, расположенного на берегу Сев. Двины. *«Итс э лонг узэй...»* — начальные слова популярной среди английских солдат песни: «Долог путь до Типперэри, далеко шагать...» (Типперэри — графство и городок в Ирландии). *«Фраттернитэ»* и *«эгалитэ»* (фр.) — «братство» и «равенство» — лозунги Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. *«Янки дудль дит об»* и т. д. — начальные слова американской песенки «Янки, простодушья, не унывай...». 11. *Живу в домах Стахеева я, теперь Везсэнха*. Домы

золотопромышленника Стахеева были национализированы Советской властью; Везээнха — Высший Совет народного хозяйства. «*Трансвааль, Трансвааль, страна моя*» и т. д. — песенка времен англо-бурской войны (1899—1902), получившая распространение в России в дни первой мировой войны и революции. 12. *Главтоп* — Главное управление топливной промышленности. *Филиппов И. М.* — владелец булочных и кондитерских в дореволюционной Москве. *У Зунделовича* — частная столовая в доме, где жил Маяковский. *Анатолий Васильич* — Луначарский (1875—1933), в 20-х гг. — нарком просвещения РСФСР. 13. *Лиля, Ося* — Лиля Юрьевна (1891—1978) и Осип Михайлович Брик (1888—1945), друзья Маяковского. *Ярославский* — вокзал в Москве. 14. *Боли волжской*. См. примеч. 82. *Оля* — Ольга Владимировна Маяковская (1890—1949), сестра поэта. *Пресня* — район в зап. части Москвы (ныне — Краснопресненский), где во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. шли ожесточенные бои между повстанцами района и карательными отрядами правительства. 15. *Деникин подходит к самой, к тульской, к пороховой сердцеvine*. В сент.—окт. 1919 г. армиям Деникина (см. примеч. 72) удалось продвинуться к Москве, создав угрозу захвата Тулы, снабжавшей Красную Армию оружием. В результате контрнаступления войск Южного фронта в окт. 1919 г. под Орлом и Воронежем белогвардейцы потерпели поражение. *Керенки* — см. примеч. 8. *Мамонтов* Константин Константинович (1869—1920) — белоказачий генерал, возглавил рейд по тылам советских войск Южного фронта; в ноябре 1919 г. корпус Мамонтова был разбит корпусом С. М. Буденного. *Из-под пули Каплан*. Речь идет о покушении на В. И. Ленина (см. примеч. 74, с. 710). *Лапа класса лежит на хищнике*. 2 сент. на заседании ВЦИК было принято решение о красном терроре против контрреволюции. *Лубянская лапа Че-ка*. ЧК, точнее: ВЧК (см. примеч. 123) находилась на Лубянской площади в Москве. *Нас не трогайте — мы цыпленки* и т. д. Намек на объявленную блатную песенку «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...». 16. *Павел Ильич Лавут* (1898—1939) — организатор литературных выступлений Маяковского в 1926—1930 гг. *Бегут добровольцы*. Разбитые части белогвардейской Добровольческой армии Врангеля бежали из Крыма на кораблях. *Кадеты* — здесь: воспитанники закрытых военно-учебных заведений в дореволюционной России. «*Алмаз*» — крейсер, на котором бежал Врангель. *Галлиполийцы* — белогвардейцы, высадившиеся на полуострове Галлиполи (европейская часть Турции). *Ол райт* (англ.) — очень хорошо, ладно. *Наши с песней идут от Джанкоя*, т. е. гонят разгромленную армию Врангеля; Джанкой — город в Крыму. «*И с нами Ворошилов...*» — измененная строка из песни «Марш Буденного» (слова А. Д'Актиля). 18. *Лобное место* — каменный помост на Красной площади в Москве; построен в XVI в., использовался для объявления указов. *Степа — и женщина со знаменем склонилась*. Мемориальная доска работы С. Т. Коненкова над братской могилой погибших в окт. дни 1917 г. в Москве. *Красин* Леонид Борисович (1870—1926) — деятель Коммунистической партии, первый посол Советской России во Франции в 1924 г. *Дорио* Жорж (1893—1945) — деятель рабочего движения Франции, впоследствии оппортунист. *Войков* Петр Лазаревич (1888—1927) — полпред СССР в Польше, убит в Варшаве 7 июня 1927 г. 19. *Молодцы — венцы*. В июле 1927 г. в Вене вспыхнуло восстание рабочих. *Зер гут* (нем.) — очень хорошо.

93. Зв. 1927, № 11, без загл., с эпиграфом: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет» (из ст-ния Ф. Тютчева «29 января 1837»), с разделением текста на четыре главки, с двумя дополнительными

строфами после строфы 4. - - Поверх барьеров: Стихи разных лет. М.; Л., 1929. *Бризантный* — фугасный. *Корпия* — перевязочный материал — нащипанные из тряпок нитки, которые употреблялись раньше вместо ваты и бинта. *Инженерный* (Михайловский) замок в Петрограде — Ленинграде, расположенный вблизи *Литейного* проспекта. *Чумы, юрты* — название переносных жилищ кочевых и полуседлых народов. *Гольтепа* — голь, беднота. *Противный стереотип*. Имеется в виду свергнутая власть царской правительственной бюрократии. *Сизиф* (греч. миф.) — царь Коринфа; за свои пороки и корысть был осужден богами вечно вкатывать на гору тяжелый камень, который всякий раз скатывался вниз; выражение «сизифов труд» означает бессмысленное занятие, не приводящее ни к какому результату. *Куртина* — группа деревьев или кустарников. *Оборонцы* — сторонники оппортунистического течения во II Интернационале во время первой мировой войны; русские оборонцы — правые эсеры, меньшевики и их скрытые союзники — центристы — поддерживали лозунги Временного правительства о «защите отечества» и «войне до победного конца». *Хром* — здесь: сорт мягкой и тонкой кожи.

94. «Красная панорама». 1928, дек., под загл. «Расставание с молодостью», др. ред. - - Город на Неве: Стихи о Ленинграде: 2-е дополн. изд. Л., 1978. *Летний сад* — сад в Петербурге — Ленинграде, примыкающий к Неве; разбит в 1704 г. по приказу Петра I. *Слова с броневика*. Вернувшийся 3 апреля 1917 г. из эмиграции, В. И. Ленин на площади перед Финляндским вокзалом с башни броневика произнес речь, в которой призвал к разрыву с революционной борьбой за социализм.

95. МГв. 1927, № 11.

96. ИП. Л., 1970 (Б-ка поэта, БС).

97. ГАА. *Дервиш* — мусульманский монах; в переносном смысле — странник, нищий.

98. Изв. 1928, 7 нояб., под загл. «Одиннадцатый год», с двумя дополнит. ст. - - Северное сияние. М., 1968. *Семилетка* — семилетняя общеобразовательная школа.

99. Слава. Ашхабад, 1952.

100. Гранитный сад: Книга лирики (1925—1928). Л., 1929. - - Город на Неве: Стихи о Ленинграде: 2-е изд., дополн. Л., 1978. *Рвал орел живую плоть страны*. Герб Российской империи (и царствующей династии Романовых) изображался в виде двуглавого орла — символа могущества и единства европейской и азиатской частей страны. *Дрожали адвокаты* — намек на Керенского (см. примеч. 45), адвоката по профессии.

101. КПр. 1928, 7 нояб. *Муки Поволжья* — см. примеч. 82. *Перекоп* — см. примеч. 204.

102. Прощание: Стихи и поэмы. М., 1971.

103. Работа над стихом. Л., 1929.

104. ИП. М., 1960. Т. 1.

105. «Красная новь». 1930, № 7, под загл. «Родившимся в 1903 г.» -- Соч. М.; Л., 1959. Т. 1. Из-за Нарвской — из рабочего района — Нарвской заставы — в Петрограде (Ленинграде).

106. Избр. М., 1956. Эпиграф — из «Медного всадника» А. С. Пушкина. Там, где неукротимы львы и т. д. Имеется в виду дом кн. А. Я. Лобанова-Ростовского, построенный в 1817—1818 гг. по проекту Монферрана; парадное крыльцо особняка украшено мраморными фигурами «сторожевых» львов. Об этих львах идет речь в «Медном всаднике», герой которого, согласно сюжету поэмы, спасается на одном из них во время петербургского наводнения 7 нояб. 1824 г. *Амазонский батальон* — женский ударный батальон, охранявший Зимний дворец 25 окт. 1917 г. (см. примеч. 92). Там, поближе к разъяренным львам... в сырой простор. Здесь описаны здание Сената и Синода, а также памятник Петру I («Медный всадник») на Сенатской площади (ныне пл. Декабристов). Там, недалеко от столпа. Подразумевается «Александровская колонна», воздвигнутая на площади перед Зимним дворцом в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. Тяжелый неприступный дом — здание Смольного, см. примеч. 45.

107. «Сибирские огни». 1930, № 7. ТЭЖЭ — московский трест высшей парфюмерии, жировой и костеобрабатывающей промышленности, существовавший в 20—30-х гг. «Ундервуд» — пишущая машинка американской фирмы «Ундервуд». *Обывательский ЦИК* — ироническое наименование власти мецанской стихии.

108. Гл. 17 — «Земля советская». 1932, № 12, под загл. «Занеж концевой (Отрывок из поэмы „Песня о гибели казачьего войска“), со сноской: «Вся поэма печатается в альманахе „Год Шестнадцатый“». (в альм. поэма не была опубликована). -- СИП. Л., 1968 (Б-ка поэти, БС), где напечатано по гранкам сб. «Стихи», подготовленного автором, но не вышедшего в свет. *Анненковцы* — казачьи части белогвардейского атамана Анненкова Бориса Владимировича (1889—1927), чинившие жестокие расправы с населением в период гражданской войны в Семипалатинской и Семиреченской обл. Весной 1920 г. Анненков бежал в Китай, в 1926 г. проник на территорию СССР. По приговору военного трибунала был расстрелян. «Яблочко» — см. примеч. 72. *Черные знамена бегут на Зайсан*. Под черными знаменами выступали анархисты. Зайсан — озеро и город в Вост. Казахстане. *Латыши* — латышские стрелковые части, созданные в 1915 г. (см. примеч. 267). *Виль* — ночная болотная птица из семейства цапель. *Кудерь* — прядь волос, кудри.

109. Избр. стихи. Тбилиси, 1938. - - Стихи. Тбилиси, 1967. *Загэс* — Зелю-Авгальская ГЭС им. В. И. Ленина на реке Куре. Построена в 1923—1926 гг.

110. ГАА. Ранее: Иду с Востока. Ташкент, 1943, др. ред. перевода. Стих написан под непосредственным впечатлением от поездок поэта на строительство Турксиба (Туркестано-Сибирской железной дороги), одной из важнейших строек молодой Страны Советов; главный участок магистрали был проложен в 1927—1929 гг. *Руми Искандар* — прозвище Александра Македонского (356—323 до н. э.), героя многих восточных преданий. *Чингис* — Чингисхан (ок. 1155—1227). *Джучи* (ум. 1226) — старший сын Чингисхана, монгольский полководец. *Тимур* (Тамерлан, 1336—1405) — среднеазиатский полководец, основатель громадной им-

перни со столицей в Самарканде. Его завоевания сопровождалось массовыми истреблениями покоренного населения, разорением городов и стран. *Каландар* — странствующий дервиш (см. примеч. 97); в переносном смысле: странник, нищий. *Кон Фу-цзы* (или Конфуций, ок. 551—479 до н. э.) — китайский мыслитель, политический деятель и педагог, основатель конфуцианства. *Лама* — буддийский монах в Тибете и Монголии. *Бурхан* — монгольский идол. *Далай-Нор* — озеро на сев.-вост. Китая. *Хмара* (укр.) — гуча. *Аждыхар* — дракон в мифологии среднеазиатских народов. *Ханка* — озеро на границе СССР и Китая. *Рум* — так на Востоке называли Византию; в более широком смысле — весь Запад. *Камские булгары* — волжско-камские булгары (болгары), народ иранотюркского происхождения, обитавший с IX по XIII в. в Поволжье. *Батыр* — богатырь. *Тулпар* — сказочный скакун. *Нар* — верблюд-самец; олицетворение силы и мужества. *Фата-моргана* (ит.) — призрак, мираж. *Дугар* (тат.) — щипковый двухструнный музыкальный инструмент.

111. Первая книга. Л.; М., 1931. «Юнкера-голубчики...» и т. д. Слова из «блатной» песенки 20-х гг. «Чубарики-чубчики...». Юнкера — см. примеч. 56. *Карачун* — внезапная смерть, конец.

112. Зв. 1930, № 2, др. ред. - - Улица Красных Зорь. М.; Л., 1931. *Сан-Диего* — город на Тихоокеанском побережье США. *Мы били белых под Орлом*. Речь идет об Орловско-Курской операции (окт.— нояб. 1919 г.), в результате которой советские войска разгромили главные силы Добровольческой армии Деникина (см. примеч. 72). Успех этой операции положил начало общему наступлению на Южном и Юго-Вост. фронтах. *Жмеринка* — город и железнодорожная станция близ Винницы. В этом районе в янв.— февр. 1920 г. 12-я и 14-я армии вели бои за изгнание из Правобережной Украины деникинцев. Победа этих армий принесла освобождение Правобережной Украине и вернула республике порты Херсон, Николаев и Одессу.

113. Сотворение мира. М.; Л., 1931. *Ударницы* — Первый петроградский женский батальон, сформированный М. Л. Бочкаревой (см. примеч. 92, с. 715). *По всем орлам и решкам*. Речь идет об изображении двуглавого орла (см. примеч. 100) на всех монетах царской чеканки.

114. СС. М., 1981. Т. 1. Ранее: Избр. стих. М., 1935, др. ред. перевода. В переводе А. Кленова: Избр. М., 1949.

115. ЛОКАФ. 1931, № 10. *АМО* (Автомобильное московское общество) — марка советских грузовых автомобилей и автобусов, выпускавшихся в 1924—1934 гг. московским заводом АМО (ныне Завод им. И. А. Лихачева). *Гуверова благодать*. Гувер Герберт Кларк (1874—1964) — президент США в 1929—1933 гг. от республиканской партии. В 1919—1923 гг. — основатель и руководитель АРА — Американской администрации помощи странам, пострадавшим от первой мировой войны; АРА поддерживала антисоветскую деятельность и реакционные режимы в европейских странах. *Рот фронт* (нем.) — Красный фронт.

116. СиП. М., 1955. Ранее: «Лит. Ленинград». 1936, 17 окт., др. ред.

117. Лирика. М., 1944.

118. «Красная новь». 1936, № 1.-- Стихотворения. М., 1963.

119. «Огонек». 1932, № 7. *Тара* — город и пристань на Иртыше в Омской обл. *Охраняемый каменной бабой форштадт*. Форштадт (нем.) — предместье. Каменная баба — скульптура, принадлежавшая древним культурам кочевых народов, часто встречается в Сибири.

120. Избр. М.; Л., 1950. Ранее: Избр. М., 1935, др. ред. перевода. В переводе Л. Хаустова: Избр. Л., 1973 (Б-ка поэта, БС). *Кат* — палач. *Восстал проклятым заклеянный* — измененная строка «Интернационала» (см. примеч. 84).

121. СиП. Л., 1981 (Б-ка поэта, БС). *Эх, ухнем!* — слова из русской народной песни «Дубинушка». *Владыкой мира будет труд!* — из песни «Красное знамя» («Слезам залит мир безбрежный...»), текст которой приписывается соратнику В. И. Ленина по революционной борьбе Г. М. Кржижановскому; в основе текста — ст-ние польского поэта Б. Червенского «*Czerwony Sztandar*». *Керенский* — см. примеч. 45.

122. МГв. 1932, № 8/9. *Косарев* Александр Васильевич (1903—1939) — деятель коммунистического молодежного движения, с марта 1929 г. был генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ. *Магнитогорск* — город в Челябинской обл., возникший в 1929—1931 гг. в связи со строительством Магнитогорского металлургического комбината. *Кузбасс* — Кузнецкий металлургический комбинат им. В. И. Ленина в г. Новокузнецке Кемеровской обл. Строительство началось в 1929 г. Это первые стройки молодого Советского государства, предпринятые в связи с планами индустриализации страны. *Должны пробыться к уральским горнякам!* Иместеи в виду восстание трудящихся Рурского угольного бассейна Германии в марте — апр. 1920 г. против бесчеловечной эксплуатации их труда и сил внутренней реакции. Под руководством компартии здесь была создана Красная армия, которая овладела крупнейшими городами района. Воспользовавшись разладом среди участников восстания, правительством жестоко его подавило. *Йоркшир* — графство в Англии, в котором была выведена особая порода свиней. *Гувер* — см. примеч. 115.

123. ИП. Л., 1979 (Б-ка поэта, БС). Ранее: Стихи. М., 1935, авториз. перевод А. Миниха. *Чека* — ВЧК, Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, учрежденная постановлением СНК по инициативе В. И. Ленина 7 (20) дек. 1917 г. Председателем ВЧК по рекомендации Ленина был назначен Ф. Э. Дзержинский. В 1922 г. ВЧК была преобразована в Объединенное гос. политическое управление (ОГПУ). *Комбеды* — комитеты бедноты, организации деревенской бедноты, опорные пункты диктатуры пролетариата в деревне; учреждены по инициативе В. И. Ленина в июне 1918 г.; в нояб. 1918 г. слились с сельскими Советами.

124. ЛГ. 1932, 5 нояб., с сокращениями, с примеч. ред.: «Вся вещь идет в октябрьском номере КрН». - - «Красная новь». 1932, № 11. *Остоженка*, *Моховая* — улицы Москвы. *Хамовники* — улица в Москве, где с 1882 по 1901 г. жил Л. Н. Толстой.

125. Зв. 1932, № 10/11. *Земские деятели* — либерально-помещичьи круги в царской России, игравшие все более контрреволюционную роль по мере упрочения завоеваний Октября. «*Народные друзья*». Речь идет о мелкобуржуазных партиях, в особенности партии эсеров.

126. КрГ. 1932, 6 нояб., веч. вып. *Летний сад* — см. примеч. 94. *Адмиралтейство* — здание Главного Адмиралтейства Петербурга, выстроенное по проекту архитектора А. Д. Захарова в 1806—1823 гг. *Сегодня — рано, послезавтра — поздно*. См. примеч. 92, с. 714. *Веселые амазонки* — ироническое прозвание женского ударного батальона (см. примеч. 92 и 113).

127. ИП. М., 1960. Т. 1.

128. СиП. М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС). Ранее: Избр. М., 1936, в переводе Б. Брика. *Орбелиани* Григол (1804—1883) — грузинский поэт-романтик. *Пир возле стен Еревана* — измененный подзаг. ст-ния Г. Орбелиани «Заздравный тост, или Пир после Ереванской битвы», написанного в честь победы русских войск над персами в Армении (1828). Вторая строфа — цитата из этого ст-ния. *Сардар* — титул персидских сановников. *Карабекир-паша* — командующий турецкой армией на Закавказском фронте во время первой мировой войны. *Сон веков над грозой Еревана*. Имеется в виду многовековая борьба за земли Армении; начиная с захвата ее Александром Македонским в 328 г. до н. э., она была предметом постоянных притязаний со стороны многих держав, особенно Турции. *Иракли-тапа* (гора Ираклия) — гора близ Еревана, названная в честь грузинского царя Ираклия II. *Карс* — крепость в турецкой Армении, была взята русскими войсками в 1877 г. *Сад Сардарский*. Видимо, имеется в виду какой-либо из многих садов, окружавших Сардарабад — крепость, выстроенную в 1819 г. близ Еревана и ныне не сохранившуюся.

129. Пр. 1933, 27 июня, с подзаг. «Рассказ в стихах». *Химкомбинат* — имеется в виду Бобринский химкомбинат. Н. Дементьев сотрудничал в газете «Подмосковный гигант», издававшейся на этом комбинате, и вел большую общественную работу на его строительстве. «*Фомаг*» — марка грузового автомобиля. *Замучен тяжелой неволей* — первый ст. ст-ния Г. А. Мачтета (1851—1901), написанного на смерть участника революционного движения студента Чернышева. Став революционной песней, оно исполнялось в качестве похоронного гимна. Одна из любимых песен В. И. Ленина.

130. Мир для нас. М., 1935. *Довженко* Александр Петрович (1894—1956) — украинский сов. режиссер и писатель. Имеется в виду его фильм «Арсенал» о восстании рабочих на киевском заводе «Арсенал». *Брандмауэр* — стена из огнеупорного материала, строится в противопожарных целях. *56-я проба* — имеется в виду проба золота. *Охотный ряд* — улица в Москве (ныне проспект Карла Маркса). *Краском* — красный командир. «*Юпитер*» — название мощных электрических осветительных приборов. *Комод — татарам!* Под «татарами» здесь имеются в виду старьевщики.

131. СиП. Алма-Ата, 1960. Ранее: Тулпар. М., 1934, др. ред. перевода. *Дехканин* — крестьянин. *Шестнадцать солнц* — до 1936 г. в СССР было 16 республик.

132. «Лит. Ленинград». 1933, 7 нояб. *Литейный* — проспект в Ленинграде.

133. Пр. 1934, 24 нояб., без подписи, под рубрикой «Новая граммафонная пластинка» (печ. также в журн. «Работница». 1936, № 32,

с нотами: муз. И. О. Дунаевского; «Крестьянка». 1937, № 56, с подзаг. «Из фильма „Три товарища“»). — Избр. стихи. М., 1948. Во время гражданской войны в авг. 1920 г. Красной Армией велись героические бои на Каховский укрепленный плацдарм на левом берегу Днепра. Бои под *Каховкой* способствовали разгрому Врангеля. *Иркутск и Варшава, Орск*. Под Иркутском была разбита армия Колчака (см. примеч. 72), под *Варшавой* — белополяки, под Орлом — войско Деникина (см. примеч. 72). Песня была написана для кинофильма «Три товарища» (1935) и положена на музыку И. О. Дунаевским. В исполнении артиста МХАТа Н. П. Баталова (1899—1937) стала широко известна в грамзаписи.

134. Изв. 1934, 24 нояб. (опубликовано в 15-ю годовщину разгрома армии Деникина). *Галиция, Львов, Воронеж, Касторная* — этими городами обозначен победоносный путь Первой Конной армии, которой командовал в 1919 г. С. М. Буденный. *Выдохом на на*. Здесь заимствование у И. Сельвинского, который много экспериментировал в области стиховой эфонии и считал, что для передачи песенной интонации и придыхания, свойственного песне, нужно ввести звук «h» (латинское «ха»). *Мамонтов* — см. примеч. 92, с. 716. *Шкуро* Андрей Григорьевич (1887—1947) — белогвардейский генерал, совершал разбойничьи налеты на города и селения Сев. Кавказа; командовал 3-м кубанским конным корпусом в армии Деникина (см. примеч. 72). *Может помнить Крымский полуостров, Украина, и Кубань, и Дон* — места, где Красной Армией велись особенно кровопролитные бои во время гражданской войны. *С небам полуденного* — первая строка популярной песни о Первой Конной армии, в основе которой — стихи Н. Н. Асеева «Конная Буденного» (1923), музыка А. А. Давиденко.

135. СиП. Л., 1983 (Б-ка поэта, БС).

136. Изв. 1934, 24 июня, без строфы 7. - - Зн. 1934, № 6. *Микада* — микадо, титул японского императора; в данном случае — собирательное обозначение японских интервентов.

137. Пр. 1935, 24 авг., др. ред. - - Стихи. М., 1947. *Железняк* — Железняков Анатолий Григорьевич (1895—1919), командир Красной Армии. С 1915 г. — матрос Балфлота, командовал отрядом, шедшим на штурм Зимнего дворца. В ночь с 5 на 6 янв. 1918 г., будучи комендантом Таврического дворца, по приказу Советского правительства объявил о роспуске заседавшего во дворце Учредительного собрания. С февралем 1918 г. сражался на Южном фронте гражданской войны. Был смертельно ранен при прорыве из окружения у станции Верховцево (на Украине). Положено на музыку М. Блантером, Г. Крейтнером.

138. «Смена». 1935, 7 нояб. Написано в 18-ю годовщину Октябрьской революции. *И вот поют... они про Александровский централ*. Подразумевается дореволюционная песня неизвестного автора «Александровский централ» («Далеко в стране Иркутской...»). Александровский централ — каторжная тюрьма в царской России близ Иркутска. *Битва на Карпатах*. Имеются в виду либо Карпатская операция русских армий Юго-Зап. фронта против австро-венгерских и германских армий в январе — апреле 1915 г., либо Львовская операция Красной Армии (с участием Первой Конной армии) против белопольских интервентов в июле — августе 1920 г. *Черные* — так назывались отряды анархистов, которые во время гражданской войны раскололись на различные отряды и банды; часть из

них создала подпольные вооруженные отряды «черной гвардии», к которым примкнуло значительное число уголовных элементов и белогвардейских офицеров. *Зеленые* — анархистские шайки из деклассированного сброда, в том числе дезертиров; в 1919—1920 гг. на Украине зверствовала банда атамана Зеленого, в бою с которой трагически погиб партийно-комсомольский отряд Украины (см. примеч. 98). Зеленые были источником пополнения контрреволюционных кулацких банд (махновских, антоновских, петлюровских). *Стаханов* Алексей Григорьевич (1905—1977) — Герой Социалистического Труда. В 1935 г. на шахте «Центральная-Ирмино» в Донбассе установил рекорд, добыв за смену 14 норм угля. Почин Стаханова вызвал в стране массовое движение за высокую производительность труда — «стахановское движение».

139. ГАА. 3-е ст-ние из цикла «Избавление». *Дехканин* — крестьянин. *Омач* — соха.

140. Пр. 1935, 31 июля, др. ред., с нотами, под загл. «Песня об отряде Щорса».- Стихотворения. М., 1947. Положено на музыку И. Шишовым, М. Блантером. *Щорс* Николай Александрович (1895—1919) — командир Красной Армии, герой гражданской войны. В сент. 1918 г. из отдельных партизанских отрядов сформировал 1-й Украинский советский полк им. Богуна. С марта 1919 г. — начальник 1-й Украинской советской дивизии. Погиб в бою под Коростенем.

141. «Большевицкий молодняк» (Смоленск). 1936, 4 февр., ранняя ред. с примеч.: «Тема стихотворения заимствована из фильма „Подруги“». - - Песни. Смоленск, 1938.

142. СиП. М., 1955. Ранее: Прокофьев А. Стихи товарищей. Л., 1937, под загл. «Песня», др. ред. *Пан барон* — Врангель (см. примеч. 72). *Петлюра* — см. примеч. 56. *Деникин* — см. примеч. 72. *Ярина* — яровой хлеб.

143. КПр. 1936, 17 нояб. Положено на музыку Дм. и Дан. Покрассами, Н. Леви и др. *Замостье* — город в Вост. Польше, место боев Красной Армии с белопольскими интервентами в 1920 г.

144. «Рабочий путь» (Смоленск). 1935, 10 янв.- Книга лирики. [М.], 1949. *Хуторской стольпинской пустыни*. Намек на пагубные последствия реакционной аграрной реформы П. Н. Столыпина (1862—1911), проводившейся в 1906—1911 гг. с целью стимуляции буржуазных отношений в деревне. Одним из последствий реформы было то, что многие крестьяне-бедняки покидали свои малопродуктивные наделы — хутора, продавая их кулакам, отчего стало убывать население этих мест.

145. «Юный пролетарий». 1936, № 19/20 (весь номер посвящен столетию со дня смерти А. С. Пушкина). *Всадник топчет медную змею*. Имеется в виду памятник Петру I в Ленинграде (Медный всадник). *Першерон* — порода лошадей. *Ост, вест* (нем.) — восток, запад. *Кипренский* Орест Адамович (1782—1836) — художник, написавший в 1827 г. портрет А. С. Пушкина. *Уваров* Сергей Семенович (1786—1855) — с 1834 г. министр народного просвещения, реакционер, враг Пушкина. *Романов* — Николай I (1796—1855). *Аничков* — дворец в Петербурге, в котором устраивались придворные балы. *На Конюшенной сверну домой*. Б. Корнилов жил на наб. канала Грибоедова, в доме № 9, который одним

крылом выходит на Малую Конюшенную (ныне ул. Софьи Перовской). *Я иду по Невскому от Штаба*, т. е. от здания Главного штаба, находящегося в начале Невского проспекта.

146. СиП. Л., 1975 (Б-ка поэта, БС). Ранее: Избр. М., 1946, в переводе Б. Турганова.

147. МГв. 1936, № 6, под загл. «Другу». - - Лирика. М., 1955.

148. ИП. Л., 1979 (Б-ка поэта, БС).

149. «Большевицкий молодец» (Смоленск). 1936, 1 мая, др. ред. - - Стихи и песни. М., 1938.

150. ГАА. Ранее: Избр. Ташкент, 1953. *Казий* — судья, судивший по законам шариа (неписанный свод мусульманских законов, основанных на Коране). В ст-нии речь идет о знатной ткачихе Мавджуде Аминовой.

151. ИП. Алма-Ата, 1958. *Той* — пир. *Дунгане* — народ в Казахской и Киргизской ССР. *Сайга* (сайгак) — степная антилопа.

152. Зн. 1938, № 1. *Старый Лесснер и Новый Лесснер* — ныне станкостроительный завод им. Я. М. Свердлова и машиностроительный им. Карла Маркса. *Парвайнен* — бывший чугуно-литейный завод на Васильевском острове (ныне не существует). *«Айваз»* — акционерное общество и завод (ныне Ленинградское научно-производственное объединение «Светлана»). *Путиловский завод* — см. примеч. 68. *Вестингауз* — механический завод (ныне не существует). *Скорород* — акционерное общество и обувная фабрика (ныне Ленинградское производственное объединение «Скорород»). *Шли из колпинской дали*. Колпино — южная окраина Петрограда, где находился колпинский металлический завод (ныне Ижорский завод им. Жданова). *Торнтон* — фабрика шерстяных изделий на правом берегу Невы (ныне Комбинат тонких и технических суконов им. Э. Тельмана). *Паль* — Александро-Невская мануфактура (ныне Прядильно-ткацкая фабрика им. Ногина). *Обухово, Пороховые* — рабочие окраины Петрограда. Первый район известен в истории Обуховской обороной (см. примеч. 203). *Это есть наш последний и решительный бой* — слова из «Интернационала» (см. примеч. 84).

153. СиП. Л., 1982 (Б-ка поэта, БС). Ранее: Избр. Киев, 1951, в переводе В. Бугаевского. Ст-ние посвящено воссоединению Зап. Украины с УССР, которое произошло в сент. 1939 г. *Гусятин* — город на реке Збруч Тернопольской обл., УССР. *Збруч* — река в Зап. Украине, до 1939 г. — водный рубеж, по которому проходила граница УССР с Польшей. *Отчизна Франка* — имеется в виду Зап. Украина. Франко Иван Яковлевич (1856—1916) — украинский поэт-демократ, ученый, публицист, родился в селе Нагуевичи (ныне Ивано-Франковская обл.).

154. Рубеж. М., 1973. *Вертинский* Александр Николаевич (1889—1957) — артист эстрады, поэт, композитор и киноактер. В 1915—1918 гг. выступал на эстраде и в салонах в костюме Пьеро в жанре музыкальной новеллы, с присущими ей чертами декаданса. В 1919 г. эмигрировал. В 1943 г. вернулся на родину, продолжал концерттировать с новой программой, снялся в нескольких кинофильмах. *Эль* — крепкое английское вино. *Бордо* — в этом французском городе производилось

одноименное вино; здесь, видимо, подразумевается темно-красный цвет такого вина.

155. Сип. Л., 1983 (Б-ка поэта, БС).

156. «Литературно-эстрадный сборник». М., 1940, под загл. «Станция Лозовая». -- Лирика. М., 1958. *Лозовая* — город в Харьковской обл., крупный ж.-д. узел. *Звездный Воз* (Возничий), *Стожары* — народные названия созвездий. *Тайницкий сад* — от названия одной из кремлевских башен.

157. Сб. «Фронтовые стихи». Изд. красноармейской газ. «Часовой Родины». 1939. -- СС: В 4-х т. М., 1959. Т. 1. Написано в результате участия автора в освободительном походе Красной Армии 1939 г. в Зап. Белоруссию.

158. Стихи. М., 1961. *Разин* — см. примеч. 24.

1941—1945

159. Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС). *Турочкин* Николай Карпович (1918—1940) — поэт, товарищ М. Кульчицкого по Лит. институту им. А. М. Горького; псевдоним: Николай Отрада. Погиб в марте 1940 г. на финском фронте. В качестве эпиграфа к главе Кульчицкий использует заключительную строку из ст-ния Турочкина «Футбол» (1939). *Шюцкор* — член военизированной организации финской буржуазии. *Продотряды* — см. примеч. 74. *Корнет* — младший обер-офицерский чин в русской кавалерии, соответствовал чину прапорщика и подпоручика.

160. «Журнал молодых». 1956, № 1. В дальнейшем публиковалось и как отдельное ст-ние, и как часть неоконченного романа в стихах. *Сажень косая* — старинная мера длины, определявшаяся расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали.

161. Ленинградская тетрадь. М., 1942, без загл. -- Лирика. М., 1955. *Литейный* — см. примеч. 132.

162. «Красный Балтийский флот». 1941, 17 окт., под загл. «Вооруженный народ». -- СС: В 3-х т. Л., 1973. Т. 2. *Триумфальной арки колоннада*. Имеются в виду Триумфальные (ныне Нарвские) ворота на Нарвской площади (ныне — площадь Стачек), через которые красногвардейцы шли на защиту Петрограда от белогвардейских войск. *Путиловцы* — см. примеч. 68. *Пулковские высоты* — цепь холмов, расположенных к югу от Ленинграда. Господствующее положение этих высот, позволявшее вести наблюдение за прилегающим районом вплоть до Ленинграда, определило их стратегическое значение во время гражданской и Великой Отечественной войн. В нояб. 1917 г. Красная гвардия разбила в районе Пулковских высот конный корпус контрреволюционного генерала Краснова (см. примеч. 67), а в окт. 1918 г. остановила наступавшую на Петроград ударную группировку генерала *Юденича*, которая 26 окт. была разгромлена. Николай Николаевич Юденич (1862—1933) — главнокомандующий белогвардейской Сев.-Зап. армией, организатор двух походов на красный Петроград (в мае — авг. и окт. 1919 г.). *Коричневые рубахи* — униформа членов фашистских штурмовых отрядов —

полувоенных соединений национал-социалистской партии в Германии в 1921—1945 гг. *Арсенал* — военное учреждение для хранения и выдачи войскам вооружения и боеприпасов.

163. Избр. М., 1956. *Мак-Магон* Мари Морис (1808—1893) — маршал Франции, командовал контрреволюционной армией версальцев, жестоко расправившейся с участниками Парижской коммуны в 1871 г. *Пер-Лашез* — кладбище в Париже, у сев.-вост. стены которого 27 мая 1871 г. были расстреляны пленные коммунары. *Интернационал* — в данном случае I Интернационал — Международное товарищество рабочих, первая массовая международная организация пролетариата, основанная в 1864 г. К. Марксом и Ф. Энгельсом. *Тьер* Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель. В февр. 1871 г. возглавил наступление реакционных сил на Парижскую коммуну; в нарицательном значении Тьер — палач революции.

164. Избр. М., 1946. *Вандалы* — племена вост. германцев, разграбивших в 455 г. Рим и уничтоживших многие памятники античной культуры; в переносном значении — варвары.

165. НМ. 1965, № 1.

166. «Красный Балтийский флот». 1942, 4 июля. - - Переправа. Л., 1945. *Разлив* — станция под Петроградом (Ленинградом). В июле — августе 1917 г. В. И. Ленин, скрывавшийся от преследований Временного правительства, жил в шалаше за озером, называемым, как и станция, Разлив.

167. КПр. 1942, 6 нояб. - - Вперед, к победе. М., 1943.

168. «Большевик» (Краснодар). 1942, 27 янв. - - Стихотворения. М., 1967. В основе ст-ния — подлинное происшествие. Будучи офицером Сев. Кавказского фронта, вспоминал автор, во время пребывания в освобожденной от врага Керчи, «жители города рассказывали мне, что на шесте, торчавшем из цоколя, фашисты в издевку повесили молоденького политрука. Но политрук держал себя мужественно, и, когда на его шею набросили петлю, он вытянул правую руку вперед, повторяя позу монумента, и крикнул: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... Политрук превратился в легенду. Об этой легенде я и написал мою балладу» («Костер». 1968, № 9. С. 14). *Аб* (нем.) — приказ, означающий: долой (в данном случае сбросить памятник с пьедестала). *Ауф* (нем.) — команда поднять вверх, т. е. повесить.

169. «Поэты Советской Эстонии». М., 1956.

170. «Страж Балтики». 1957, 30 мая. - - Голоса моря. М., 1959.

171. Зн. 1944, № 1/2. - - Битва. М., 1948. Датируется по: Избр. М., 1957. *Стерня* (или жнивье) — нижняя часть стеблей зерновых культур, остающаяся на корню после уборки урожая.

172. Зн. 1946, № 1. - - Книга лирики. М., 1962.

173. «Красноармеец». 1944, № 16.-ИП. М., 1965. Т. 1. *Шушенское* — поселок, ныне центр Шушенского района Красноярского края.

С 8 мая 1897 г. по 29 января 1900 г. здесь отбывал ссылку В. И. Ленин, завершивший в это время свой труд «Развитие капитализма в России» (1896—1899). В 1938 г. в Шушенском был открыт Дом-музей, в 1970 г. — мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». *Истпарт* — комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), созданная в авг. 1920 г. *Пешня* — железный лом с трубкой, в которую вставлена деревянная рукоять. *Хоругви* — прямоугольные или треугольные полотнища наподобие знамен с изображением Христа или святых. *Чапаев* Василий Иванович (1887—1919) — герой гражданской войны, командир 25-й стрелковой дивизии; погиб в бою с колчаковцами в сент. 1919 г. *Костриков* — подлинная фамилия Сергея Мироновича Кирова (1886—1934). Родился в г. Уржуме Вятской губ. (ныне Кировская обл.). Семи лет Киров потерял родителей и воспитывался в приюте.

174. ГАА. *Зеравшан* — река в Средней Азии, долина которой густо заселена. *Хирман* — ток, площадка в поле, куда сносят собираемый урожай. *Аму* — Амударья.

175. Зн. 1945, № 12, без загл., в подборке «Шесть стихотворений». - - Работа и любовь. М., 1960. *Как красный колпак санкюлота*. Санкюлотами во время Великой французской революции конца XVIII в. именовали людей из городской бедноты, в дальнейшем так стали называть себя революционеры. Красный колпак — эмблема свободы.

176. Пр. 1945, 5 нояб. - - СС: В 5-ти т. М., 1966. Т. 1.

1946—1966

177. «Антология грузинской поэзии». М., 1958. *К Броневнику, с которого пророчествовал Ленин* — см. примеч. 94 и 270.

178. «Огонек». 1946, № 42/43. По реке *Прут* проходит граница между СССР (главным образом, по территории Молд. ССР) и Румынией после возвращения СССР Бессарабии в июне 1940 г.

179. Избр. М., 1950. *Мингечаур* — город в Азербайджанской ССР; возник в 1945 г. в связи со строительством на реке Куре гидроэнергетического комплекса. *Апрель пришел вслед за Октябрем*. В ночь с 27 на 28 апр. 1920 г. в Баку Временным революционным комитетом Азербайджана было поднято восстание, свергнувшее мусаватистскую буржуазно-помещичью власть, после чего Азербайджан был провозглашен Советской республикой. *Сумгаит* — город в Азербайджане, на сев.-зап. побережье Апшеронского полуострова; возник в 1949 г. на месте небольшого селения в связи с развитием химической и металлургической промышленности в республике.

180. «Антология абхазской поэзии». М., 1958. *Изваянье Петра*. Речь идет о так называемом Медном всаднике, памятнике Петру I, созданном французским скульптором Э. М. Фальконе (1716—1791) и установленном в 1782 г. на Сенатской площади (ныне площадь Декабристов).

181. «Поэзия Литвы». Вильнюс, 1950.

182. Избр. М., 1951. *Не призрак по земле, по всей Европе бродит* — приблизительно воспроизведенная фраза, открывающая «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (дек. 1847 — янв. 1848).

183. «Огонек». 1947, № 37. - - Новые путешествия. Киев, 1948. *Эмир* — здесь: эмир бухарский, являвшийся вассалом русского императора. *Летчики гатчинской школы*. Единственная в дореволюционной России летная школа находилась в Гатчине, в 45 км от Петрограда. «*Ньюпор*» — марка самолета. *Дехкане* — крестьяне. *Бек* — титул знатных и богатых людей в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока. *Бухара* в 1920—1924 гг. была центром Бухарской народной советской республики.

184. СиП. Л., 1978 (Б-ка поэта, МС).

185. Избр. стихи. Л., 1948.-- ИП. М., 1971. Т. 1. *Кули* — название низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих в Китае (до 1949 г.), в Индии, странах Вост. и Юго-Вост. Азии.

186. ГАА. *Молот и серп он избрал как эмблему*. В центре Государственного герба СССР, утвержденного В. И. Лениным 6 июля 1923 г., изображены серп и молот, символизирующие союз рабочих и крестьян — основу общенародного государства. *Чачван* — сетка из конского волоса, закрывающая лицо женщины; обязательное дополнение к женской одежде в дооктябрьской Средней Азии.

187. СиП. Л., 1983 (Б-ка поэта, БС). *В год рожденья наш — сто лет тому назад*. Имеется в виду образование в 1847 г. международной коммунистической организации — Союза коммунистов, создателями и руководителями которой были К. Маркс и Ф. Энгельс.

188. Зн. 1949, № 1. - - СС: В 6-ти т. М., 1966. Т. 1. *Ява* — остров в Малайском архипелаге, главный экономический район Индонезии, народ которой в 1945—1949 гг. боролся за свою независимость против голландских колонизаторов. В результате этой борьбы было создано федеративное государство — Соединенные Штаты Индонезии. *Горки Ленинские* — поселок Ленинского района Московской обл., место, где работал и отдыхал В. И. Ленин в последние годы жизни. *Род людской воспрянет с Интернационалом* — слова из «Интернационала» (см. примеч. 84).

189. «Год XXXII. Альманах второй». М., 1949, под загл. «В музее Ленина». - - Работа и любовь: 3-е, доп. изд. М., 1973. *На Финляндском вокзале* — см. примеч. 94.

190. «Огонек». 1950, № 4. - - Имеющий в руках цветы. М., 1962. Уэллс Герберт (1886—1946) — английский писатель, автор научно-фантастических романов, в том числе и романа «Война миров» (1898), повествующего о нашествии марсиан на Землю. В 1920 г. Уэллс приезжал в Советскую Россию, беседовал с В. И. Лениным; возвратившись в Англию, выпустил книгу «Россия во мгле», в которой назвал Ленина «кремлевским мечтателем». *Пинские болота* — расположены около г. Пинска Брестской обл.

191. «Смена». 1951, № 20. - - СС: В 5-ти т. М., 1964. Т. 4. *Это есть наш последний* — цитата из «Интернационала» (см. примеч. 84).

192. Зв. 1951, № 1. Печ. с поправками автора. *Из окопов Галиции, с литовских полей приходили солдаты*. Речь идет о солдатах первой мировой войны. Галиция — территория зап. украинских земель (современные Львовская, Ивано-Франковская, Тернопольская обл.). В 1914—1918 гг. была ареной ожесточенных сражений между австро-германскими и русскими армиями. *Нарвская застава* — см. примеч. 105.

193. ЛГ. 1952, 26 нояб. - - Лирика. М., 1955. *Светлов* — см. о нем биогр. справку. *Крещенская луна*, т. е. луна в день христианского праздника крещения 6 (19) янв. — дата, с которой в народе обычно связывалось резкое усиление мороза. *Хользунов* Виктор Степанович (1905—1939) — авиатор, родился в Царицыне, переименованном в Сталинград (ныне Волгоград); с 1937 г. — командующий авиационным соединением, Герой Советского Союза; добровольцем воевал в Испании против фашистов. «*Гренада моя!*» — цитата из ст-ния М. Светлова «Гренада» (см. примеч. 88). Лейтенант *Ибаррури* Рубен (1920—1942) — сын Долорес Ибаррури (р. 1895), выдающейся деятельницы испанского и международного коммунистического движения. Рубен Ибаррури погиб, защищая Сталинград; посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

194. *Время* — конь крылатый. М., 1972.- СС: В 3-х т. М., 1983. Т. 1. *Салават Юлаев* (1752 — после 1797) — сподвижник Емельяна Пугачева (ок. 1742—1775) во время крестьянской войны 1773—1775 гг.; талантливый военачальник, возглавлявший отряд башкир до тысячи человек; в 1774 г. был пленен и заключен в одну из крепостей в Эстонии.

195. «Октябрь». 1953, № 3, под загл. «В ту ночь...». - - Синева. М., 1956. *Адмиралтейство* — см. примеч. 126. *Едва сдержал уздою Коня могучий всадник*. Речь идет о Медном всаднике — см. примеч. 180.

196. «Дружба народов». 1955, № 11. Датируется по: СиП. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС). *Зипун* — русская народная домотканая одежда типа кафтана, без воротника, с длинными рукавами.

197. СиП. Л., 1982 (Б-ка поэта, БС). *Великое Соединенье* — воссоединение Украины с Россией было провозглашено 8 янв. 1654 г. в Переяславле (ныне Переяслав-Хмельницкий) на собрании (Переяславская рада) представителей украинского народа, созванном Б. Хмельницким.

198. Стихи разных лет. М., 1959. *Комсомольцы Триполья*. В июне 1919 г. партийно-комсомольский отряд Украины выбил из села Триполье (в 50 км от Киева) банду атамана Зеленого (см. примеч. 138), которой после того удалось внезапно напасть на отряд. Почти все героически сражавшиеся советские воины погибли в неравном бою. Этому трагическому эпизоду посвящена поэма Б. П. Корнилова «Триполье» (1933—1934). *Голоса красnodонские откликаются из-под земли*. Речь идет о трагической гибели членов подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», действовавшей во время Великой Отечественной войны в г. Краснодоне Ворошиловградской обл. В янв. 1943 г. большинство членов организации было арестовано. Более 70 молодогвардейцев фашисты сбросили — частью живыми, частью расстрелянными — в шахту.

199. «Нева». 1956, № 8. *Сегодня. Завтра будет поздно* — см. примеч. 92, с. 714.

200. НМ. 1955, № 11. *У мраморного льва* — изваяние льва у парадного входа особняка вблизи Дворцовой пл. (см. примеч. 106). «Лилмонка» — ручная осколочная граната.

201. Пр. 1956, 8 нояб.

202. МГВ. 1959, № 1. - - *Кровь отцов*. М., 1961. *Но снова бой юнкерским утром ранним*. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война.

203. Зн. 1950, № 11. - - *Поэмы*. Л., 1974. «Первороссийск» — одно из капитальных произведений О. Берггольц, работа над которым продолжалась в течение многих лет. К написанию поэмы, посвященной рабочим Невской заставы (где родилась и долгое время жила сама О. Берггольц), решившим создать на Алтае хлеборобскую коммуны, поэтесса готовилась еще в середине 30-х гг. Воплощению этого замысла предшествовала длительная исследовательская работа, изучение материалов о В. И. Ленине, о самих коммунарах. Текст поэмы уточнялся, дополнялся и сокращался на протяжении восьми лет; 1957 г. — дата последней радикальной переработки, отдельные изменения вносились в поэму и позже. В 1950 г. поэма «Первороссийск» была удостоена Государственной премии. В 1967 г. на киностудии «Ленфильм» режиссером А. Г. Ивановым был поставлен фильм «Первороссияне» по сценарию О. Берггольц. 2. *Обуховская школа* (или Корниловская) — воскресно-вечерние классы для рабочих Невской заставы; в руководстве школой в 1894—1895 гг. принимал участие В. И. Ленин; здесь в эти же годы преподавала Н. К. Крупская. *Ленский расстрел*. Речь идет о кровавой расправе 4 (17) апр. 1912 г. отряда царских войск над бастовавшими рабочими Ленских золотых приисков. *Штрейкбрехер* — лицо, используемое предпринимателем для срыва забастовки. *Обуховская оборона*. Одно из первых открытых политических выступлений рабочего класса; в мае 1901 г. в ответ на репрессивные акции администрации военного Обуховского завода против рабочих — участников первомайской демонстрации — на заводе вспыхнула всеобщая забастовка, сопровождавшаяся 7 мая кровопролитным столкновением с полицией и войсками. Расправа с обуховцами вызвала забастовки на других заводах Петербурга. Вторая стачка на Обуховском заводе произошла в июле того же года и была жестоко подавлена властями. *Победивший Прометей* — здесь: герой, освободившийся от оков. Прометей, согласно древнегреч. мифу, за любовь к людям был, по воле Зевса, прикован к скале на Кавказе. *Еще вчера — бродячий призрак* — отзвук фразы, которой начинается «Манифест Коммунистической партии» (см. примеч. 182). *Везде орлов романовских сшибают*. Об орле см. примеч. 100. Во время революции восставший народ уничтожал эти знаки свергнутой власти. 3. *Горитон* — см. примеч. 152. *Брест* (до 1939 г. Брест-Литовск) — город на зап. границе Белоруссии, где 3 марта 1918 г. был заключен мирный договор Советской России с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. *Конка* — городской железнодорожный транспорт с конной тягой, в начале 20-х гг. в Петрограде замененной паровым двигателем. *Бабушкин Иван Васильевич* (1873—1906) — один из первых рабочих социал-демократов, потом большевик.

204. ЛГ. 1957, 28 мая. *Перекоп*. В нояб. 1920 г. части Красной Армии под руководством М. В. Фрунзе прорвали мощные укрепления белогвардейцев на Перекопском перешейке в Крыму. В результате этого был освобожден Крым и ликвидирован последний крупный фронт гражданской войны. *Фрунзе* Михаил Васильевич (1885—1925) — выдающийся полководец, под руководством которого были разгромлены белогвардейские армии Колчака и Врангеля, ликвидировано сопротивление сил контрреволюции в различных частях страны (от Украины и Крыма до Средней Азии). С 1925 г. Фрунзе — председатель Реввоенсовета СССР и народный комиссар военных и морских дел. *Махновские тачанки*. Имеются в виду отряды махновцев, часть которых составляла пехота на тачанках — рессорных повозках с открытым легким кузовом для парной упряжки. *Сиваш* — система мелководных заливов у зап. берега Азовского моря.

205. ЛГ. 1957, 19 окт. - - Мастерская. М., 1958. *Когда на Кремль солдаты шли*. Речь идет об Октябрьском вооруженном восстании в Москве 25 октября — 2 ноября (7—15 ноября) 1917 г.

206. НМ. 1957, № 11.

207. Избр. М., 1964. Т. 1. *Араканское ущелье* — место кровопролитных боев партизан с белогвардейцами в горах Дагестана. *Ашуг* — народный поэт-певец у тюркских народов. *Кубачинцы* — жители селения Кубачи, известного на Кавказе мастерством своих златокузнецов, гравиров, ювелиров. *Анди, Цумада* — селения в Дагестане. *И несли они горцам портрет дорогой*. В феврале 1921 г. делегация трудящихся горцев Дагестана посетила В. И. Ленина. По просьбе членов делегации В. И. Ленин подарил дагестанскому народу свой фотоснимок с дарственной надписью.

208. ЛГ. 1957, 5 нояб. *Керенки* — см. примеч. 8.

209. Ю. 1961, № 11. *Скейтинг-ринк* — площадка для катания на роликовых коньках. *Страстная* — площадь в Москве (ныне Пушкинская). *Картель* — ряд промышленных капиталистических предприятий, объединенных в одну группу. *Двуглавый орел* — см. примеч. 100.

210. Острова. М., 1959, под загл. «Сентиментальный романс». - - Стихотворения. М., 1984. *Евтушенко* — см. о нем биограф. справку.

211. НМ. 1957, № 11. - - Разговор о главном. М., 1959. *Шестидюймовка* — орудие на крейсере «Аврора», из которого был сделан исторический выстрел по Зимнему дворцу 25 октября (7 ноября) 1917 г.

212. Избр. Баку, 1959. *Саз* — струнный щипковый музыкальный инструмент у тюркских народов.

213. Восток и Запад. М., 1957. *Триптих* — произведение поэзии из трех частей, объединенных общей идеей. *Причалы брандвахты* — причалы вспомогательных и сторожевых судов порта. *Фал* — трос для подъема сигнальных флагов. *Форштевень* — прочный брус по контуру носового заострения, на котором замыкается наружная обшивка набора корпуса судна. «*Андрей Первозванный*» — линейный корабль Балтийского флота, экипаж которого принимал участие в Октябрьской революции в Петрограде. *Свеаборгские дали*. Свеаборг — морская крепость при Гельсинг-

форском порту (Хельсинки), где в 1917 г. находились корабли Балтийского флота.

214. Пр. 1957, 24 нояб. - Стихи из записной книжки. М., 1961. «Дело прочно, Когда под ним струится кровь» — цитата из стиха Н. А. Некрасова «Гражданин».

215. Избр. стихи, поэмы. М., 1958. *Еще до прихода в мой край Магомета*. В странах Средней Азии мусульманство было насильственно введено в VII—VIII вв. арабскими завоевателями. Магомет — устаревшая транскрипция имени Мухаммеда, основателя ислама. *Камчя* — плеть.

216. Март великодушный. М., 1967. Датируется по: Стихотворения. М., 1984.

217. Нежданный день. Л., 1958. - Стихотворения. Л., 1965.

218. Лицо человеческое. М., 1960.

219. Стихи и поэмы. М., 1962. *Триполье* — см. примеч. 198. *Стожары* — см. примеч. 18.

220. Изв. 1959, 13 дек. - СС: В 4-х т. М.; Л., 1965—1966. Т. 3. *О мире принят был декрет*. Один из первых декретов Советской власти — о мире — был принят 26 октября (8 ноября) 1917 г.

221. «Огонек». 1959, № 50. - СС: В 4-х т. М.; Л., 1966. Т. 3. «*Вставай, проклятьем...*», «*Весь мир голодных и рабов...*» — строки из «Интернационала» (см. примеч. 84).

222. ЛГ. 1960, 1 марта. Стихотворение из цикла «Звездные сонеты». *И на Луне свой утвердили герб*. Речь идет о доставке на Луну 14 сент. 1959 г. советской космической ракетой мемориального вымпела с изображением герба СССР.

223. Ю. 1961, № 11.

224. СиП. Л., 1982 (Б-ка поэта, БС). *Щорс* — см. примеч. 140. Полк, которым командовал Щорс, отличился в феврале 1919 г. в освобождении Киева от войск контрреволюционной Директории, выражавшей интересы буржуазных националистов Украины.

225. Изв. 1961, 16 дек. *Секвойя* — вечнозеленое хвойное дерево. *Шериф* — в Англии и США должностное лицо, выполняющее административные, полицейские и некоторые судебные функции.

226. «Нева». 1961, № 10, с подзаг. «Из цикла „Посвящения“». - Стихи с дороги. М.; Л., 1963. *Рид Джон (1887—1920)* — деятель американского рабочего движения, писатель и публицист. В авг. 1917 г. приехал в Россию. Горячо приветствовал Октябрьскую революцию. В марте 1919 г. в США была издана книга Д. Рида «10 дней, которые потрясли мир». За короткий срок она приобрела всемирную известность, получила высокую оценку В. И. Ленина. В окт. 1919 г. Рид снова приехал в Москву, принимал участие в работе 2-го конгресса Коминтерна. Умер от тифа. Похоронен у Кремлевской стены.

227. «Огонек». 1962, № 45. *Семиречье* — см. примеч. 86.

228. Пр. 1963, 13 окт. - - Ахиллесово сердце. М., 1966. *Лонжюмо* — местечко под Парижем, где в 1911 г. В. И. Ленин организовал школу по подготовке партийных кадров. 2. *Охотнорядцы* — купцы и торговцы Охотного ряда — части старого рынка в Москве. В годы первой русской революции и позже многие охотнорядцы были сторонниками и членами самых реакционных партий в России. 3. *Бридж* (англ.) — карточная игра. *Саша* — старший брат Ленина Александр Ильич Ульянов (см. примеч. 253, с. 738). *Бисмарк* Отто (1815—1898) — канцлер Германской империи в 1871—1890 гг.; выступил организатором интервенции против Парижской коммуны. *Рейхстаг*. Речь идет о здании имперской канцелярии в Германии. Воздвужение советского знамени над рейхстагом в мае 1945 г. стало символом Победы над фашистским государством. 4. *Мари-Роз* — улица в Париже, где жил Ленин во время эмиграции с июля 1909 по июнь 1912 г. *Доминиканцы* — монашеский католический орден, основанный в XIII в. *Шансонье* (фр.) — певец. *И под башней ажурно-ржавой*. Имеется в виду Эйфелева башня (см. примеч. 39). *Бастилия* — крепость в Париже. С XV в. использовалась в качестве государственной тюрьмы. Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. восставшим народом явилось началом Великой французской революции. Через год Бастилия была полностью снесена. *Юденич* — см. примеч. 92. *На кронштадтском льду*. Во время подавления Кронштадтского мятежа в 1921 г. отряды петроградских рабочих во главе с делегатами X съезда партии проползли несколько километров по ненадежному весеннему льду Финского залива. 5. *Рококо* — архитектурный стиль, получивший развитие в европейских странах в 1-й пол. XVIII в.; характеризуется пышностью и усложненностью форм. *Серго* — партийная кличка Григория Константиновича Орджоникидзе (1886—1937), профессионального революционера, советского государственного деятеля. Он был одним из слушателей школы Ленина в Лонжюмо. Похоронен у Кремлевской стены. *Куйбышев* Валериан Владимирович (1888—1935) и *Менжинский* Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — видные деятели Коммунистической партии и Советского государства. *Плотины Чирчика*. Гидроэлектростанция на реке Чирчик в Узбекистане — одна из крупных строек первых пятилеток. «*Философские письма*», 18-й том. В 18-й т. Полн. собр. соч. В. И. Ленина вошел его философский труд «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1908). *Его скульптор лепил*. Речь идет о встрече Ленина в Париже со скульптором Аронсоном Н. Л. (1872—1943). *В Ленина бил отравленный пистолет*. См. примеч. 74, с. 710. *Верлен* Поль (1844—1896) — французский поэт.

229. Изв. 1963, 6 сент.-- Радиус действия. М., 1965. Датируется по СС: В 3-х т. М., 1985. Т. 2.

230. ЛГ. 1964, 3 марта, главы «Казнь Стеньки Разина» и «Идут ходоки к Ленину».-- Ю. 1965, № 4, полностью.-- СС: В 3-х т. М., 1983. Т. 1. *Молитва перед поэмой. Глаголом жечь* — реминисценция ст-ния Пушкина «Пророк» (1826). *Боль иссеченной музы*. Этой теме посвящено ст-ние Н. А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848). *У парадных подъездов*. Намек на ст-ние Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858). *У рельсов* — намек на ст-ние Некрасова «Железная дорога» (1864). *В просторах лесов и полей* — реминисценция поэмы Некрасова «Саша» (1854—1855). *Бурлаки идут бечевой* —

цитата из ст-ния Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» *Два кренящихся крыла*. Очевидно, этот образ подсказан строками поэмы А. А. Блока «Возмездие». *Товарищи-потомки* — цитата из вступления к поэме В. В. Маяковского «Во весь голос» (1928—1930). *Централы* — тюрьмы. *Расстрел на Лене*. См. примеч. 203. *Девятое января* — дни называемое «Кровавое воскресенье», день массового расстрела 9 (21) января 1905 г. по приказу царского правительства мирного шествия петербургских рабочих. Весть об этом расстреле послужила началом Первой русской революции. *Скакнул в премьеры человек*. Министром-председателем Временного правительства в России с 8 (21) июля 1917 г. был А. Ф. Керенский (см. примеч. 45). *Подхорунжий* — чин в казачьих войсках, соответствовавший чину подпрапорщика в регулярных войсках. *Емелька* — Пугачев Емельян Иванович. *Стенька* — Разин Степан Тимофеевич (см. примеч. 24). *Идут ходоки к Ленину*. *Антанта* — см. примеч. 33. *Струг* — старинное плоскодонное парусно-гребное речное судно. На стругах передвигалась по Волге рать Степана Разина. *Симбирск* — дореволюционное название г. Ульяновска. *Азбука революции*. *Кадеты* (конституционные демократы) — члены либерально-монархической буржуазной партии; во время гражданской войны вели ожесточенную борьбу против Советского государства в составе белогвардейских войск. *Тот, из Барабы* — уроженец г. Барабинска в Новосибирской обл., расположенном в Барабинской степи — равнине в южн. части Зап. Сибири. *Коммунары не будут рабами*. *Под Херсоном, в Поволжье*. Из Херсона оккупационные войска Антанты и денкинские части были выбиты Красной Армией в марте 1919 г. Важнейшей страницей истории гражданской войны на Поволжье явилась оборона Царицына (см. примеч. 49). *Триполье* — см. примеч. 198. *«Никогда, никогда, Никогда, никогда коммунары не будут рабами»* — цитата из ст-ния В. В. Князевы «Песня Коммуны» (1918). *Шатура* — Шатурская электростанция в г. Шатура Московской обл., одна из первых крупных промышленныхстроек Советской России. *Кузбасс* — см. примеч. 122. *Гренада* — см. примеч. 88. *Крупновская марка*. Имеется в виду германский металлургический и машиностроительный концерн «Крупп», который во время второй мировой войны был одним из ведущих поставщиков вооружения, в том числе и танков, для фашистской Германии.

231—232. Цикл «Годы» окончательно был сформирован в Зв. 1966, № 11, до этого многие его части печатались как самостоятельные произведения. 1 — «Боевая вахта». 1966, 7 нояб. - - Прощание с Приморьем. Л., 1969. *Богатырка* — см. примеч. 82. 2 — Зв. 1966, № 11. - - Прощани с Приморьем. Л., 1969.

1967—1987

233. Пр. 1967, 9 нояб. - - Людские имена: Книга стихов. М., 1969. *Полишинель* — традиционный персонаж французского народного театра; здесь в нарицательном смысле: крикливый фразер, политический комедиянт.

234. «Лит. Россия». 1967, 3 нояб. *Повесть временных лет* — рукописный памятник древнерусской литературы, созданный летописцем Нестором в Киеве во 2-м десятилетии XII в. *Артиллерия вышибает из Хамовников юнкеров*. В окт. 1917 г. красногвардейцы Замоскворецкого и Хамовнического районов Москвы вели бои с юнкерами. Юнкера — см. примеч. 56. *Бромлей* — московский машиностроительный завод (ныне

станкостроительный завод «Красный пролетарий» им. А. И. Ефремова). *Гужон* — металлургический завод в дореволюционной Москве (ныне завод «Серп и молот»).

235. ЛПр. 1967, 3 нояб., без гл. 4, др. ред., с эпиграфами ко всей поэме и к каждой гл., с датой: «сентябрь 1967». - - Все с этим городом навек. Л., 1985. - - Печ. с авторским исправлением и иной разбивкой текста на стихи. 1. *Марсово поле* — площадь в Петербурге — Ленинграде. В марте 1917 г. здесь в общей братской могиле были похоронены погибшие в дни Февральской буржуазно-демократической революции участники восстания. В 1918 г. тут же были погребены павшие в битвах с контрреволюцией борцы за Советскую власть. Вечный огонь на Марсовом поле был зажжен в 1957 г. 2. *Форштевень* — см. примеч. 213. *Касторная* — поселок в Курской обл., железнодорожный узел. Под Касторной в нояб. 1919 г. был наголову разбит Красной Армией белоказачий корпус К. К. Мамонтова. *Путиловский бьет бронепоезд*. Имеется в виду бронепоезд, сооруженный на Путиловском заводе (см. примеч. 68) в Петрограде. *Перекоп* — см. примеч. 204. *Чапай* — Василий Иванович Чапаев (см. примеч. 173). *Дончак* — донская порода верховых лошадей. *Колчак* — см. примеч. 72. *И братается с Мологом Серп* — см. примеч. 186. *Не «последний», как в песне, А самый «решительный» бой* — парафраза строк «Интернационала» (см. примеч. 84). 3. *Гестапо* — тайная полиция в фашистской Германии, методы расправы которой с людьми отличались исключительной жестокостью. *Рейхстаг* — см. примеч. 228. *Трептов-парк* — парк в Берлине, где установлен памятник советским воинам, павшим в боях за Берлин. 5. *О мире декрет* — см. примеч. 220. *Железняк* — см. примеч. 137. *Циолковский* Константин Эдуардович (1857—1935) — советский ученый, изобретатель, основоположник космонавтики, сделавший крупнейшие открытия в области аэро- и ракетодинамики. С 1892 г. проживал в Калуге. *Гагарин* Юрий Алексеевич (1934—1968) — Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, впервые в мире совершивший 12 апр. 1961 г. полет в космос.

236. Зн. 1967, № 11. *Длань Петра*. О памятнике Петру I в Ленинграде см. примеч. 180. *Остановись, мгновенье* — слова из драматической поэмы И.-В. Гёте «Фауст».

237. ЛГ. 1967, 13 сент. - - Зеленый виноградник. М., 1975. *Я себя под Лениным чищу* — цитата из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин». *Продотряд* — см. примеч. 74, с. 710. *Прапор* (укр.) — знамя.

238. НМ. 1967, № 9, с подзаг. «1919». - - Избр. М., 1980.

239. НМ. 1968, № 3. Датируется по: СиП. Л., 1985 (Б-ка поэта, БС). *Городок уездный* — Хвалынский Саратовской обл., в котором С. Наровчатов родился. *Сажень косая* — см. примеч. 160. «*Мы наш, мы новый мир построим*» — цитата из «Интернационала» (см. примеч. 84).

240. «Лит. Грузия». 1967, № 10/11. *Арагви* — река в Вост. Грузии.

241. «Лит. Россия». 1967, 3 нояб. - - Белое озеро. М., 1975. *Рейхстаг* — см. примеч. 228. *Фидель Кастро Рус* (р. 1927). В янв. 1959 г. повстанческая армия, возглавляемая Ф. Кастро, свергла диктаторский режим, существовавший на Кубе. С февр. 1959 г. Ф. Кастро стал премьер-министром Революционного правительства Кубы. *Меконг с сампанов вел*

огонь в зенит. Речь идет о борьбе вьетнамских партизан с американскими колонизаторскими войсками. Меконг — река в Юго-Вост. Азии. Сампан — общее для Вост. и Юго-Вост. Азии название различных дощатых плоскодонных лодок. *Александровский сад* — бульвар, сад им. М. Горького в Ленинграде возле Адмиралтейства (см. примеч. 126). *«Путилов»*, *«Айваз»*, *Обуховский* — см. примеч. 68, 152. *Огни на рострах*. Имеются в виду Ростральные колонны в Ленинграде, установленные на Стрелке (вост. оконечности) Васильевского острова; в праздничные дни на них зажигаются огни. Ростры — архитектурное украшение в виде носовой части древних кораблей.

242—243. Зв. 1967, № 11.

244. НМ. 1967, № 12, под загл. «Александр Блок в 1917-м». — Равноденствие. М., 1972. *Увидел на мосту и ангела и высоту*. С Дворцового моста в Ленинграде видна Александровская колонна, стоящая в центре Дворцовой площади и увенчанная бронзовой фигурой ангела. *Кабарет* — кабаре. *Видел полынью Рождественской купелью*. Здесь сравнение с сосудом для крещения означает приобщение к священной цели. *Евангельские ясли*. В Евангелии говорится, что Иисус Христос родился в яслях — стойле для скота. Рождению Христа сопутствовало появление на небе звезды, которая указала волхвам (предсказателям, гадателям) место нахождения младенца. В ст-нии под волхвами подразумеваются церковнослужители.

245. Вторая молодость. М., 1971.

246. Ю. 1967, № 11. — СС: В 4-х т. М., 1979. Т. 2. *В Кроштадте ревуны баят* — см. примеч. 228.

247. Избр. стихи. М., 1974. Т. 1.

248. «Вечерний Ленинград». 1967, 5 нояб., как вторая часть цикла «Алый свет». — СиП. Л., 1972. *Марсово поле* — см. примеч. 235. *Не жертвы — герои лежат*. Памятник «Борцам революции» был установлен на Марсовом поле в 1917—1919 гг. по проекту Л. В. Руднева. Автор текста — А. В. Луначарский.

249. «День поэзии». М., 1968. *Лазо* Сергей Георгиевич (1894—1920) — герой гражданской войны на Дальнем Востоке. Был захвачен в плен японскими интервентами и после пыток сожжен в паровозной топке. *Железный Революции матрос Под сводами метро*. В 1967 г., в честь 50-летия Октябрьской революции, на станции «Площадь Революции» Московского метрополитена был установлен памятник революционным матросам.

250. ДП. 1969. *Бестужевка* — слушательница Бестужевских курсов, женского высшего учебного заведения, основанного в Петербурге в 1878 г. и получившего свое название в честь учредителя курсов, профессора русской истории К. Н. Бестужева-Рюмина (1829—1897). *Век начался войною англо-бурской*. Англо-бурская война 1899—1902 гг., империалистическая война Англии против бурских республик — Южно-Африканской республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой республики). *На острова рысак помчался*. Каменный, Еллинг остров и другие издавна были излюбленным местом отдыха петербургских жителей. *«Искра»* — первая общерусская марксистская нелегальная газета, созданная В. И. Лениным; издавалась с 1900 г. Ее агентами

назывались члены групп помощи редакции газеты, содействовавших ее выпуску и распространению в России. У аркад гостинодворских лавок, т. е. у здания Гостиного двора на Невском проспекте. *Невская застава*, *Выборгская*, *Охта*, *Ржевка* — рабочие районы Петербурга, в которых особенно активно велась революционная пропаганда. *Комиссаржевская* Вера Федоровна (1864—1910) — драматическая актриса. В 1904 г. она организовала в Петербурге свой театр, в репертуаре которого важную роль играли пьесы М. Горького и других демократических авторов. Была любимой актрисой свободомыслящей интеллигенции.

251—252. ДП. 1970.

253. «Комсомолец Татарии». 1970, главы из поэмы (в сокращенном виде): «Мост» (12 апр.); «Александр Ульянов» (15 апр.); «Федосеев», «Сходка», «Первый арест», «Эпилог» (22 апр.). - «Сов. Татария». 1970, 18 апр., главы: «Сходка», «Первый арест», «Эпилог». - НМ. 1970, № 4, полностью. - СС: В 3-х т. М., 1984. Т. 2. Публикациям в «Комсомольце Татарии» (12 апр.) было предпослано авторское предисловие: «Ровно год назад я приехал в Казань для сбора материала к поэме «Казанский университет». Хотя перед моим приездом я довольно основательно поработал в архивах, непосредственное ощущение вашего города, где все улицы дышат самой историей, необыкновенно помогло мне. В моей работе мне помогали и научные работники, и журналисты, и все люди, с которыми я встречался здесь. Я закончил поэму. Я счастлив, что выполняю свое обещание, высказанное на страницах «Комсомольца Татарии», впервые опубликовать в этой газете столь важную для меня работу. Счастлив тем, что прочитал эту поэму в том самом актовом университетском зале, где когда-то юноша Володя Ульянов впервые вступил на арену революционной борьбы во имя нас, наших потомков». *Мост*. *Державин* Гаврила Романович (1743—1816) — поэт, бывший, по определению А. С. Пушкина, «бичом вельмож»; находился в Казани с полком, действовавшим против повстанцев Пугачева. *Лобачевский* — см. примеч. 50. *Шанов* Афанасий Прокофьевич (1831—1876) — историк и публицист. В 1860—1861 гг. читал курс истории в Казанском университете. В 1864 г. по подозрению в связях с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым был выслан в Сибирь. Умер в Иркутске от туберкулеза. *Каракозов* Дмитрий Владимирович (1840—1866) — участник революционного движения, член Ишутинского кружка. Учился в Казанском (с 1861 г.) и в Московском (с 1864 г.) университетах. 4 апр. 1866 г. стрелял в Александра II у ворот Летнего сада, но промахнулся. Был казнен на Смоленском поле в Петербурге. *Толстой* Лев Николаевич (1828—1910) учился в Казанском университете в 1844—1847 гг. *Шалапина ты голосом подаришь*. Шалапин Федор Иванович (1873—1938) родился в Казани. *Горький* Алексей Максимович (1868—1936) в юности долго работал «в людях» в разных городах России, в том числе и в Казани. *Ноздрев* — персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (1842), хвостун и скандалист. *Малюта* — см. примеч. 17. *Боярыня Морозова* Феодосия Прокофьевна (1632—1675) — деятельница раскола (старообрядчества), сподвижница протопопа Аввакума. На известной картине В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (1887) запечатлен отъезд Ф. П. Морозовой в ссылку, в Боровской Пафнутьев монастырь (Калужская обл.), где ее уморили голодом в земляной тюрьме. *Вдоль ряженных потемкинских пейзаи*. Имеются в виду «потемкинские деревни», т. е. ложные деревни, красивые декорации, построенные по приказу фаворита Екатерины II фельдмаршала Г. А. Потемкина для того, чтобы внушить путешествующей по стране императрице впечатление

полного благоденствия крестьянской жизни. Пейзане (фр.) — крестьяне *Пугачев* — см. примеч. 194. *Волконская* Мария Николаевна (1805—1863), княгиня — жена декабриста С. Г. Волконского, дочь героя Отечественной войны 1812 г. генерала Н. Н. Раевского. Одной из первых среди жен декабристов последовала за мужем в Сибирь, где пробыла до 1855 г. *Пошеври* (обл.) — широкие сани, розвальни. *И Пуцина крамольный колокольчик набатом-крошкой к Пушкину спешит*. Пуцин Иван Иванович (1798—1859) — декабрист, преданный друг А. С. Пушкина с лицейских времен, посетил поэта в 1825 г., когда Пушкин находился в Михайловской ссылке. *Радищев* Александр Николаевич (1749—1802) за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) был сослан в Илимский острог в Сибири. *Булгаринской газетной шелухой*. Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — реакционный писатель и журналист, издатель одноименной газеты «Сев. пчела» (1825—1859); был осведомителем III Отделения, писал доносы на писателей. *Твой гений едет в Питер из Разлива*. Речь идет о В. И. Ленине. Разлив — см. примеч. 166. *Александр Ульянов*. *Ульянов* Александр Ильич (1866—1887) — старший брат В. И. Ленина, один из организаторов поздней народофильской группы, готовившей покушение на Александра III в 1887 г. 1 марта 1887 г. был арестован как участник покушения, 8 мая 1887 г. — казнен в Шлиссельбургской крепости. *Журнал Щедрина* — «Отечественные записки», которыми М. Е. Салтыков-Щедрин руководил вплоть до запрещения этого издания в 1884 г. *Правители города Глупова* — образы градоначальников вымышленного города Глупова в цикле очерков Щедрина «История одного города» (1861—1862), явившихся беспощадной сатирой на правителей России. *Но так ли премудро пескарство*. Речь идет о трусливой обывательской психологии выжидания, высмеянной Салтыковым-Щедриним в сатирической сказке «Премудрый пескарь» (1883). *Оклеит бумагой бомбу*. Участник покушения на царя Александра III И. Д. Лукашевич (1863—1923) «изобрел бомбу в форме книги» (см.: Говорухин О. М. Воспоминания о террористической группе Александра Ильича Ульянова // «Октябрь». 1927, № 4. С. 148). *Раскольников* — герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), совершивший убийство по «идейным соображениям». *Медный, безжалостный конь* — символ самодержавия и всепоглощающей государственности; одна из первых трактовок в литературе этого символа — пушкинский «Медный всадник» (1833). *Федосеев*. *Федосеев* Николай Евграфович (1871—1898) — пропагандист марксизма в России. Учился в Казанской гимназии. С 1888 г. стал организатором марксистских кружков в Казани (с окт. 1888 г. по май 1889 г. в один из них входил В. И. Ленин). В 1889 г. был арестован. Покончил жизнь самоубийством в г. Верхотенске (Иркутская обл.). *Сергиевский* Николай Львович — революционер, марксист, товарищ Федосеева. *Тюрьма Владимирская* — тюрьма, находящаяся на этапном пути арестованных, пересылаемых от Москвы через г. Владимир в Сибирь. Через нее прошли тысячи политических заключенных, и в память о революционерах Владимирское шоссе в 1919 г. было переименовано в шоссе Энтузиастов. *Тридцать сребреников*. Согласно евангельской легенде, Иисуса Христа предал за 30 сребреников Иуда Искариот. В переносном значении «30 сребреников» означают вероломное предательство. *Мышкин* — главный герой романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868). *Сходка*. Глава посвящена революционному выступлению студентов Казанского университета в декабре 1887 г. Активным участником этого выступления был Владимир Ульянов, вследствие чего он был исключен из университета и арестован. *Новгородское вече* — народное собрание в Новгородской феодальной республике, существовавшей на Руси

в XII—XV вв. Все насущные проблемы Новгородской республики решались путем свободной подачи голосов. В данном случае новгородское вече означает: народовластие. *Помпеи* — город в Южной Италии, уничтоженный в 79 г. до н. э. при извержении Везувия. В контексте поэмы Помпея — обреченное на гибель общество. *Конвент* — высший законодательный и исполнительный орган первой Французской Республики. Был избран после народного восстания 10 авг. 1792 г., свергнувшего монархию. *Потанов* — инспектор Казанского университета, представивший ректору докладную записку с требованием об исключении из числа студентов тех, кто участвовал в сходке. *Беркли* — город на Западе США, в котором находится Калифорнийский университет. **Первый арест.** В. И. Ленин был арестован в ночь с 4 на 5 (с 16 на 17) дек. 1887 г. *Делянов* Иван Давыдович (1818—1898) — министр народного просвещения в 1882—1897 гг. При нем, в 1884 г., был введен новый университетский устав, лишивший университеты прежней автономии. Деляновым был подписан циркуляр от 18 июня 1887 г., которым ограничивался прием детей недворянского происхождения в гимназии. *Георгиевский кавалер* — военный служащий русской армии, награжденный за боевые подвиги Георгиевским крестом. *Дювалье Франсуа* (1907—1971) — правитель *Гаити*. В 1957 г. добился избрания президентом страны. Установил кровавый режим диктатуры. Правил, опираясь на отряды *тонтон-макутов* (личная охрана) и на полицию. *Че Гевара* (1928—1967) — латиноамериканский революционер, один из руководителей Кубинской революции 1959 г. После победы революции обратился с письмом к Ф. Кастро, выразив желание продолжать участвовать в революционной борьбе одной из стран мира. В нояб. 1966 г. прибыл в Боливию. В окт. 1967 г. созданный им партизанский отряд был разгромлен. Раненый Гевара был захвачен в плен и убит. *Ацтеки* — наиболее крупная индейская народность Мексики, имевшая до завоевания Америки испанцами развитую культуру. *«Мы пойдем другим путем»* — слова В. И. Ленина, сказанные им, по свидетельству родных, в 1887 г., после казни старшего брата, народовольца Александра Ульянова. *Что бунтуете вы, право? Перед вами же стена.* Такой вопрос был задан Ленину сопровождавшим его приставом. Согласно воспоминаниям В. В. Адоратского, Ленин ответил, что эта стена гнилая, которая непременно рухнет от удара (Адоратский В. В. За восемнадцать лет // Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1984. Т. 2. С. 168). Эпилог. *Сколько ни рождалось бы магницких.* Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844) — проповедник обскурантизма. Проводя ревизию Казанского университета, предложил его закрыть и даже «торжественно разрушить» университетское здание. В 1826 г. за растрату казенных денег и превышение власти был уволен в отставку.

254—255. ДП. 1970 (№ 254 под загл. «Деньги»)-- Печ. с измененным автором загл. *Им оставалось меньше суток.* Поздно вечером 24 окт. (6 нояб.) 1917 г. В. И. Ленин с Выборгской стороны Петрограда через Литейный мост нелегально прибыл в Смольный и взял в свои руки непосредственное руководство вооруженным восстанием. *Литейный* — см. примеч. 132.

256. Изв. 1970, 9 мая. - - «Смена». 1970, № 10. *Хорунжий* — младший офицерский чин в казачьих войсках, соответствовавший чину подпоручика в пехоте или корнета в кавалерии. *«Мы наш, мы новый мир построим»* — строка «Интернационала» (см. примеч. 84).

257—259. 1 — ДП. 1972; 2 и 3 — ДП. 1970. - - ЛПр. 1985, 7 нояб., цикл в полном составе.

260—261. 1 — ДП. 1971; 2 — «Смена». 1969, 11 мая; всюду вне цикла. По данным автора, эти и ряд др. ст-ний относятся к циклу «Улицы Червоного казачества».

262. ДП. 1971. *Полдневные* — южные. *Шаумян* Степан Георгиевич (1878—1918) — видный деятель революционного движения на Кавказе. С апр. 1918 г. был председателем Бакинского Совета Народных Комиссаров. Расстрелян 20 сент. 1918 г. в числе 26 бакинских комиссаров.

263. Созвездие Весов. Л., 1980. Эпиграф — цитата из статьи А. А. Блока «Интеллигенция и Революция» (1918). *Флюгарка* — часть корабельного прибора для определения направления ветра и измерения его скорости. *Возмездие* — название поэмы А. А. Блока.

264. «Сибирские огни». 1972, № 8, под рубрикой «Из цикла „Память“». Датируется по: СиП. Л., 1982 (Б-ка поэта, БС).

265. «Лит. Россия». 1973, 9 нояб. «Коммуна» — воронежская обл. газета. *Рождественская Хава* — село в Воронежской обл. *Тот самый — последний, Легендарный Решительный бой* — перефразировка строк «Интернационала» (см. примеч. 84).

266. Сын земли. М., 1975. Датируется по автографу на русском языке из авторского архива. *Котовский* — см. примеч. 85.

267. Пр. 1974, 6 нояб. *Латышские стрелки* — латышские стрелковые части, сформированные во время первой мировой войны, в 1915 г. В период Октябрьской революции и гражданской войны активно содействовали установлению Советской власти. В авг. 1918 г. 5-й латышский Земгальский полк за героическую оборону Казани был первым среди воинских частей награжден Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК. *Эйдеман* (Эйдеманис) Роберт Петрович (1895—1937) — советский военачальник, герой гражданской войны, член ВЦИК нескольких созывов. *Вацетис* Иоаким Иоакимович (1873—1938) — советский военный деятель, командарм 2-го ранга. В окт. 1917 г., командуя 5-м латышским стрелковым полком, перешел на сторону Советской власти вместе с солдатами. С апр. 1918 г. командовал Латышской стрелковой дивизией, с сент. 1918 г. — главнокомандующий Вооруженными силами Советской Республики. *Калнынь* — Калнин (Калниньш) Оскар Юрьевич (1895—1920), герой гражданской войны, один из руководителей Красной гвардии в Москве, участник Октябрьского вооруженного восстания; погиб в бою. *Сиваш* — см. примеч. 204. *Каховским травинкам* — см. примеч. 133. «Максим» — см. примеч. 43. *Райнис* Ян — псевдоним Яниса Плиекшанса, латышского поэта, драматурга, общественного деятеля (1865—1929).

268. «Искорка». 1974, № 11. - - Взаимость. Л., 1983. *Марсово поле* — см. примеч. 235. *Продармеец* — боец продотряда (см. примеч. 74, с. 710).

269. ДП. 1975.-- Береги огонь. Л., 1977. 1. Исаакий — Исаакиевский собор в Ленинграде. *И ахнул ангел на Дворцовой* — см. примеч. 244. *Красным снегом с Дворцовой площади мело.* Речь идет о «Кровавом

воскресении» — см. примеч. 230. *Пресня* — см. примеч. 92, с. 716. Среди «голодных и рабов», «Вставай, проклятьем заклейменный», «Мы наш, мы новый мир построим» — строки из «Интернационала» (см. примеч. 84). 3. *Антанта* — см. примеч. 33. *Лазо* — см. примеч. 249. 4. *Майданек* — предместье г. Люблина в Польше. Осенью 1941 г. здесь был создан один из немецко-фашистских «лагерей смерти». По данным Нюрнбергского процесса, в Майданеке было истреблено около полутора миллионов человек разных национальностей. В 1944 г. оставшиеся в живых узники этого концлагеря были освобождены войсками Красной Армии. *Вели на виселицу Зою*. Космодемьянская Зоя Анатольевна (1923—1941) — ученица 10 класса, добровольно вступила в партизанский отряд. В нояб. 1941 г. была схвачена фашистами в деревне Петрищево Московской обл. при выполнении боевого задания. Несмотря на чудовищные пытки, не выдала товарищей и не открыла своего настоящего имени. 29 нояб. была повешена гитлеровцами. *Краснодонцы* — см. примеч. 198. *Каховка* — см. примеч. 133. 5. *Сиваш* — см. примеч. 204. *Байконур* — советский космодром.

270. «Октябрь. 1976, № 11. *И вот я у Финляндского вокзала, Где Ленин смотрит вдаль с броневика.* Речь идет о памятнике Ленину, изображающем вождя революции на башне броневика. Установлен в 1926 г. в память о возвращении Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. и о его исторической речи на площади у Финляндского вокзала, носящей теперь имя Ленина (см. также примеч. 94). *Самый Человечный Человек* — цитата из поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924).

271. «Огонек». 1977, № 29.

272. «Москва». 1977, № 11. *Сулак* — река в Дагестанской АССР.

273. «Дон». 1977, № 12. Эпиграф — цитата из поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924). «*Это время гудит телеграфной струной*» — цитата из поэмы Маяковского «Хорошо!» (1927). *Копры* — сооружения над шахтой для установки подъемников. *Стахановским углем*. Стаханов — см. примеч. 138. *Мазай* Макар Никитович (1910—1941) — рабочий-новатор, сталевар Мариупольского (ныне Ждановского) металлургического завода им.Ильича, зачинатель социалистического соревнования за качество стали в 30-х гг.

274. ИП. М., 1984. Т. 2. *Свердлов* Яков Михайлович (1885—1919) — деятель Коммунистической партии и Советского государства. *Фрунзе* — см. примеч. 204.

275. Зн. 1977, № 11. *Обособняк Кшесинской*. С марта по июнь 1917 г. в бывшем особняке балерины Кшесинской М. Ф., находящемся на Петроградской стороне, размещались ЦК и Петроградский (городской) комитет РСДРП(б). В. И. Ленин выступал с балкона этого особняка 4 (17) апр. 1917 г., через несколько часов после возвращения из эмиграции. С 1957 г. в этом здании находится ленинградский Музей Великой Октябрьской социалистической революции.

276. «Лит. Азербайджан». 1977, № 11. *Двадцати шести*. Имеются в виду 26 бакинских комиссаров, революционных деятелей Закавказья, расстрелянных 20 сент. 1918 г. на 207-й версте Закаспийской железной дороги эсерами и английскими интервентами. *Бакинский скверик* —

мемориал с Вечным огнем в Баку, созданный в память о трагической гибели 26 комиссаров.

277. «Лит. Киргизстан». 1977, № 6.

278. «Звезда Востока». 1977, № 11.

279. КПр. 1978, 17 дек. *Дзержинский* Феликс Эдмундович (1877—1926) — деятель Коммунистической партии и Советского государства; до окт. 1917 г. — один из активнейших революционеров, участник разгрома Корниловского мятежа (см. примеч. 45), с дек. 1917 г. — руководитель ВЧК (см. примеч. 123), а с 1921 г. — одновременно народный комиссар путей сообщения и комиссар внутренних дел, с 1924 г. — председатель Высшего совета народного хозяйства. *Гагарин* — см. примеч. 235. *Куйбышев* — см. примеч. 228. *Рид* — см. примеч. 226. *Чкалов* Валерий Павлович (1904—1938) — Герой Советского Союза, летчик, комбриг, участник беспосадочных перелетов из Москвы в Петропавловск-на-Камчатке и из Москвы до Ванкувера (США). Погиб при испытании нового истребителя. *Жуков* Георгий Константинович (1896—1974) — маршал Советского Союза. 8 мая 1945 г. в Карлсхорсте (Берлин) Жуков принял капитуляцию фашистской Германии. *Артем* — партийный псевдоним Сергеева Федора Андреевича (1883—1921), государственного и партийного деятеля, одного из организаторов советского машиностроения.

280. Нерв. М., 1981.

281. ДП. 1980. *Цюрупа* Александр Дмитриевич (1870—1928) — государственный и партийный деятель; с февр. 1918 г. был наркомом продовольствия РСФСР.

282. «Звезда Востока». 1980, № 11. *На трудовых дехканских дастарханах* — на цветущих полях, в садах. Дехкане — крестьяне; дастархан — скатерть. *Карнай, сурнай, дутар* — музыкальные инструменты, широко распространенные в странах Средней Азии.

283. Сб. «Шла гражданская война». Л., 1987. Эпиграф — резолюция В. И. Ленина от 24 мая 1918 г. на докладной записке начальника Морского Генерального штаба Советской республики (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 707). «*Керчь*», «*Воля*», «*Свободная Россия*» — боевые корабли Черноморского флота. *Вильгельм II* — см. примеч. 74. *Цемеская бухта* — Новороссийская бухта в Черном море, у сев. части Кавказского побережья.

284. Да не умрет! М., 1985. - - Время твое и мое. М., 1986.

285. «Трудовая новь» (орган Рассказовского Горкома КПСС, Городского и Районного советов народных депутатов Тамбовской обл.). 1987, 21 марта.

286. Пр. 1987, 25 мая.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК АВТОРОВ¹

Абашели Александр Виссарионович — псевдоним Исаки Виссарионовича Чочиа (1884—1954). Родился в с. Сачочио Кутанской губ., в семье бедного крестьянина. В 1905 г. за участие в революционном движении был выслан в Вологодскую губ., где находился до 1908 г. В 1913—1914 гг. посещал Народный университет Шанявского в Москве. С победой Советской власти в Грузии стал активным участником литературной жизни республики. Первый сборник стихов «Смех солнца» вышел в 1913 г. <> (№ 177)

Аджиев Анвар Абдулгамидович родился в 1914 г. в селении Костек (ныне Хасавюртовского района Даг. АССР), в семье кумыкского крестьянина. Первый сборник стихов «Обновление» вышел в 1934 г. Многие стихи А. Аджиева положены на музыку и бытуют как песни. <> (№ 272)

Азаров Всеволод Борисович родился в 1913 г. в Одессе, в семье врача. В 1935 г. окончил филологический факультет Ленинградского гос. университета. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот», членом оперативной группы писателей Политуправления Балтийского флота. Первая книга стихов «Мужество» вышла в 1932 г. <> (№ 170)

Айбек — псевдоним Мусы Ташмухамедова (1905—1968). Родился в Ташкенте, в семье ткача. С 1925 г. после окончания Педагогического техникума учился на экономическом факультете Среднеазиатского гос. университета. В 1927 г. перешел в Ленинградский институт народного хозяйства и одновременно посещал вечерние литературные курсы. Через некоторое время вернулся в Ташкент и в 1930 г. закончил Среднеазиатский гос. университет, где был оставлен в качестве преподавателя политической экономии на экономическом факультете. В 1926 г. вышел сборник стихотворений Айбека «Чувство». За роман «Навои» (1945) удостоен Государственной премии СССР. Народный поэт Узбекистана (с 1965 г.). Депутат Верховного Совета СССР двух созывов. <> (№ 102, 139, 174, 186)

Айни — псевдоним Садриддина Саид-Мурад-заде (1878—1954). Родился в с. Соктар (ныне Гиджуванского района Бухарской обл.), в семье крестьянина. Учился в сельской школе, затем в бухарском медресе (мусульманском духовном училище). Преследуемый бухарскими властями за пропаганду просветительских идей, он в 1917 г. был приговорен к телесному наказанию и заключен в тюрьму. Освобожденный из заточения русскими солдатами, Айни переселился в Самарканд. Здесь он сотрудничал в первом советском таджикском журнале «Пламя революции». Айни — основоположник таджикской советской литературы, первый президент Академии наук Таджикской ССР, автор многих романов и повестей. За художественно-автобиографическую книгу «Воспоминания» в 1950 г. был удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 16)

Аквилев Анатолий Александрович (1923—1985) родился в г. Агрыз Тат. АССР, в семье железнодорожника. Окончил школу ФЗУ, работал слесарем, диспетчером машинно-путевой станции. Во время Великой Отечественной войны был водителем тяжелого танка на 2-м Белорусском фронте. С 1948 по 1958 г. работал на новостройках Крайнего Севера. Первая книга стихов «Ровесники» вышла в Ленинграде в 1956 г. <> (№ 269).

¹ В конце каждой справки в скобках указывается номер произведения данного автора, под которым оно помещено в книге.

Акопян Акоп (1866—1937) родился в г. Гянджа (ныне г. Кировабад АзССР), в семье бедного ремесленника. С 1886 г. жил в разных городах Кавказа, в том числе Баку и Тифлисе, сменил ряд профессий. В 1904 г. вступил в РСДРП. Акопян перевел на армянский язык пролетарский гимн «Интернационал». За участие в революционном движении несколько раз подвергался обыскам и арестам. В 1921 г. в Советской Грузии был назначен комиссаром банков города Тифлиса, членом городского ревкома, избран членом ЦК Закавказской федерации. С 1922 г. — редактор журнала «Дарпноц» («Кузница»), председатель первой Армянской ассоциации пролетарских писателей. В 1923 г. ему присвоено звание Народного поэта Армении и Грузии. Первый сборник — «Стихотворения» — вышел в 1899 г. <> (№ 121)

Александровский Василий Дмитриевич (1897—1934) родился в с. Баскаково Смоленской губ., в семье крестьянина-бедняка. Окончив сельскую начальную школу, уехал на заработки в Москву. В 1916 г. после мобилизации с фронта работал в правлении Московско-Казанской железной дороги. В конце октября 1917 г. принял участие в борьбе за власть Советов в Москве. Стихи Александровского публиковались в пролетарских газетах «Правда», «Луч», «Рабочая газета». После революции Александровский — активный член московского Пролеткульта. Его стихи часто печатались на страницах центральных газет, в журналах и сборниках Пролеткульта. В 1920 г. Александровский — один из организаторов московского литературного объединения «Кузница». В 1919 г. вышли его первые книги стихов «Рабочий поселок», «Север» и «Восстание». <> (№ 13, 51, 60)

Алимджан Хамид (1909—1944) родился в г. Джизак, (ныне Сырдарьинская обл.), в семье крестьянина-бедняка. В 1931 г. окончил Узбекскую педагогическую академию в Самарканде. Работал в редакции газеты «Молодой ленинец», затем в журнале «Стройка», в Научно-исследовательском институте культурного строительства, в издательстве учебно-педагогической литературы. Критик, публицист, переводчик Хамид Алимджан в 1939—1944 гг. занимал пост председателя Союза писателей Узб. ССР. Член-корреспондент АН Узб. ССР. Первый сборник стихов «Весна» вышел в 1929 г. <> (№ 97)

Алтаузен Джек (Яков Моисеевич) (1907—1942) родился на одном из Ленских (Федосьевском) приисков в Сибири, в семье старателя. 11-ти лет ушел из дома. Жил в Харбине, Шанхае, где в 1919 г. вступил в подпольную комсомольскую организацию. Плавал на пароходе, ходившем между Шанхаем и Гонконгом. Работал на кожевенном заводе в Иркутске. В 1920 г. вернулся в Иркутск. В 1923 г. поступил на Высшие литературно-художественные курсы в Москве, затем на факультет общественных наук 1-го Московского гос. университета. Работал в «Комсомольской правде». С начала Великой Отечественной войны ушел на фронт. В 1942 г. погиб под Харьковом. Первая поэма «Отпускник Артем», написанная в соавторстве с А. Ясным и Б. Ковыневым, вышла в 1925 г. <> (№ 122)

Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978) родился в Петербурге, в семье адвоката. Окончив в 1915 г. гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, одновременно посещал драматическую студию, руководимую Е. Б. Вахтанговым. С 1920 по 1934 г. был режиссером в Театре им. Вахтангова. Выезжал вместе с театром в Германию, Швецию, Францию. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом, руководил фронтовой бригадой актеров. Изве-

стен и как переводчик французских поэтов и поэтов народов СССР. Первая книга «Стихотворения» вышла в 1922 г. Удостоен Государственной премии СССР за поэму «Сын» (1943). <> (№ 205, 234)

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) родился в г. Львов Орловской губ., в семье страхового агента. Закончив Курское реальное училище, в 1909 г. поступил в Московский коммерческий институт. Одновременно в качестве вольнослушателя посещал лекции на филологическом факультете в Московском университете. Входил вместе с В. Хлебниковым и Б. Л. Пастернаком в литературную группу «Центрифуга». С 1916 по 1917 г. был на военной службе. В 1917 г. участвовал в установлении Советской власти на Дальнем Востоке, был литсотрудником во Владивостоке, затем редактором местной газеты. Состоял членом группы «Творчество». По инициативе А. В. Луначарского был вызван в Москву в 1922 г. Работал в журнале «ЛЕФ», возглавлявшемся Маяковским. Асеев — автор многочисленных поэтических сборников, поэм. Одна из них — «Маяковский начинается» (1940) — была отмечена Государственной премией СССР. Первый сборник стихов «Ночная флейта» вышел в 1914 г. <> (№ 52, 71, 103, 191)

Багрицкий Эдуард — псевдоним Дзюбина Эдуарда Георгиевича (1895—1934). Родился в Одессе, в еврейской семье. Учился в Одесском реальном училище, затем на землемерных курсах. После пребывания (с осени 1917 г.) в Персии, в составе русской армии, Багрицкий в 1918 г. вернулся в Одессу. В 1919 г. вступил в Красную Армию, находился в рядах Особого партизанского отряда им. ВЦИК. В 1920 г. работал в Одессе в ЮгРОСТА (Украинском отделении РОСТА). В 1925 г. переехал в Москву. Был членом редколлегии «Литературной газеты», активно участвовал в работе журнала «Новый мир». Первый сборник стихов «Юго-Запад» вышел в 1928 г. <> (№ 61, 68, 85)

Бажан Микола (Николай Платонович) (1904—1983) родился в г. Каменец-Подольск, в семье военного топографа. Учился в Уманской гимназии, затем в Киевском кооперативном институте, Институте внешних сношений. В годы Великой Отечественной войны редактировал газету «За Советскую Украину», издававшуюся для населения оккупированных областей. С 1943 г. Бажан занимал пост заместителя председателя Совета Народных Комиссаров УССР, с 1946 по 1949 г. — пост заместителя председателя Совета Министров республики. Бажан перевел на украинский язык произведения Ш. Руставели, Д. Гурамишвили, Навои, Пушкина, Маяковского. Произведения военных лет («Клятва», «Даниил Галицкий», «Сталинградская тетрадь») в 1946 г. были удостоены Государственной премии СССР. Первый сборник стихов «Семнадцатый патруль» вышел в 1926 г. <> (№ 77)

Бедный Демьян — псевдоним Придворова Ефима Алексеевича (1883—1945). Родился в дер. Губовка Херсонской губ., в семье крестьянина. Закончил сельскую, а в 1900 г. — Киевскую военно-фельдшерскую школу. По окончании срока военной службы учился в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. С 1911 г. регулярно выступал в большевистской печати, сотрудничал в «Правде» с первого ее номера (5 мая 1912). В годы революции и гражданской войны произведения поэта играли выдающуюся агитационную роль. В 20—30-х гг. агитфельетоны Д. Бедного на самые разнообразные темы регулярно появлялись на страницах периодической печати. В годы Великой Отечественной войны выступал с патриотической лирикой, делал под-

писи к «Окнам ТАСС». Первый сборник стихов «Басни» вышел в 1913 г. <> (№ 17, 45, 59)

Безыменский Александр Ильич (1898—1973) родился в Житомире, в семье мелкого торгового служащего. В 1916 г. окончил гимназию во Владимире, затем учился в Киевском коммерческом институте. Был участником Октябрьской революции в Петрограде. После Октября — один из организаторов первых союзов молодежи. Редактировал газету «Красная молодежь» (орган ЦК РКСМ), был секретарем Владимирского губкома РКСМ, членом первого состава ЦК РКСМ. В 1922 г. вошел в литературные группы «Октябрь» и «Молодая гвардия». С конца 20-х гг. работал в выездных редакциях «Правды» и «Комсомольской правды» на заводах и новостройках. В дни Великой Отечественной войны — корреспондент фронтовых газет. Первая книга стихов «Октябрьские зори» вышла в 1920 г. <> (№ 62)

Белый Андрей — псевдоним Бугаева Бориса Николаевича (1880—1934). Родился в Москве, в семье профессора математики. В 1903 г. окончил естественное отделение математического факультета Московского университета. Принадлежал к символистам «младшего поколения». В 1910—1916 гг. находился за границей. После Октябрьской революции вел в Пролеткульте занятия с молодыми писателями. Выпускал журнал «Записки мечтателей» (1922). Белому принадлежит ряд стихотворных сборников, романов (наиболее известен «Петербург»), большое количество литературно-критических и стиховедческих статей. Первый сборник стихов «Золото в лазури» вышел в Москве в 1904 г. <> (№ 10)

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) родилась в Петербурге, в семье врача. В 1930 г. закончила филологический факультет Ленинградского гос. университета. В 1929—1931 гг. работала разъездным корреспондентом и литературным сотрудником газеты «Советская степь», издававшейся в Казахстане. С 1931 по 1934 г. — редактор комсомольской страницы газеты завода «Электросила» (Ленинград). В дни Великой Отечественной войны работала в Ленинградском радиокомитете. Выступления О. Берггольц по радио вошли в книгу «Говорит Ленинград» (1946). Помимо стихов перу Берггольц принадлежат рассказы, очерки, пьесы. Первая стихотворная книга «Как Ваня поссорился с баранами» (стихи для детей) вышла в 1929 г., первый сборник лирики «Стихотворения» — в 1934 г. За поэму «Первороссийск» (1950) поэтесса была удостоена Ленинской премии. <> (№ 147, 161, 162, 193, 203)

Бирюков Сергей Евгеньевич родился в 1950 г. в дер. Торбеевка Тамбовской обл. Окончив школу, служил в армии. Учился на филологическом факультете Тамбовского пед. института. Работал в областной газете «Комсомольское знамя». Первая книга стихов «Долгий переход» вышла в 1980 г. <> (№ 285)

Блок Александр Александрович (1880—1921) родился в Петербурге. Его отец был профессором государственного права Варшавского университета. Мать — писательница, дочь ученого-ботаника, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова. В 1898 г. после окончания гимназии поэт поступил на юридический факультет Петербургского университета, в 1901 г. перешел на филологический факультет, славяно-русское отделение которого закончил в 1906 г. В 1905 г. вышла первая книга Блока «Стихи о Прекрасной Даме», создавшая автору репутацию художника-символиста. Революцию 1905—1907 гг. поэт воспринял как событие исключительной важности. В 1916 г. Блок был призван в армию. После Февральской революции 1917 г. участвовал в редактировании стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии по де-

лам бывших царских министров. После Октября создал произведения, проникнутые утверждением высокой исторической миссии революционной России. В 1918 г. состоял в комиссии по изданию русских писателей-классиков, был председателем репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса. В 1919 г. возглавил режиссерское управление Большого драматического театра, участвовал в работе издательства «Всемирная литература». В 1920 г. был избран председателем Петроградского отделения Союза поэтов. <> (№ 8, 9)

Ботвинник Семен Вульфович родился в 1922 г. в Петрограде, в семье служащего. В 1945 г. окончил Военно-морскую медицинскую академию. Во время Великой Отечественной войны служил в составе Сводного стрелкового батальона под Ленинградом, с 1943 г. — на Северном флоте, затем на Балтике. После окончания войны продолжал заниматься медицинской и литературной деятельностью. В течение ряда лет — председатель секции поэтов Ленинградского отделения Союза писателей. Первый сборник стихов «Начало» вышел в 1948 г. <> (№ 192)

Браун Николай Леопольдович (1902—1975) родился в с. Парахино Тульской губ., в семье учителя. В 20-е гг. учился на литературном отделении Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена. С 1924 г. состоял в редакциях ленинградских журналов «Литературный современник» и «Звезда». С 1936 г. плотворно работал над переводами произведений украинских и белорусских поэтов. В годы Великой Отечественной войны служил в Военно-Морском Флоте, участвовал в обороне Таллина и Ленинграда. Первый сборник стихов «Мир и мастер» вышел в 1926 г. <> (№ 199, 251)

Бровка Петрусъ (Петр Устинович) (1905—1980) родился в дер. Путилковичи Витебской губ., в семье крестьянина-бедняка. С 1924 г. занимался комсомольской работой. В 1931 г. окончил Белорусский гос. университет. В годы Великой Отечественной войны работал в партизанской и фронтовой печати. Народный поэт Белоруссии (с 1962 г.). Член-корреспондент АН БССР. Первый сборник стихов «Годы как шторм» вышел в 1930 г. За ряд стихотворений в 1947 г. удостоен Государственной премии СССР, а за сборник стихов «Дорога жизни» (1950) — второй Государственной премии СССР. Ленинская премия присуждена поэту за сборник стихов «А дни идут...» (1961). <> (№ 114)

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) родился в Москве, в купеческой семье. Учился в гимназии известного пушкиниста Л. Поливанова. В 1889 г. окончил Московский университет (историко-филологический факультет). В 1895 г. вышла книга стихов поэта «Chefs d'œuvre» («Шедевры»). С начала 1900-х гг. Брюсов — признанный вождь русских символистов, один из руководителей издательства «Скорпион», а затем журнала «Весы». На революционные события 1905 г. откликнулся рядом стихотворений. В 1914—1915 гг. — фронтовой корреспондент газеты «Русское слово». Октябрьскую революцию принял безоговорочно. В 1920 г. вступил в Коммунистическую партию. В 1917—1919 гг. Брюсов возглавил Комиссариат по регистрации произведений печати (с 1918 г. — Московское отделение Книжной палаты), в 1918—1919 гг. — Отдел научных библиотек Наркомпроса, а в 1920—1921 гг. — руководил Литературным отделом Наркомпроса. Он — автор ряда документов и проектов постановлений Советской власти. Поэт работал в Госиздате, Московском гос. университете. В 1921 г. организовал Высший литературно-художественный институт (впоследствии ВЛХИ им. В. Я. Брюсова). Обширное литературное наследие Брюсова содержит поэзию, прозу, критические и литературоведческие работы. <> (№ 38, 46, 47, 48)

Буков Эмилиян Несторович (1909—1984) родился в г. Новая Кишия в Южн. Бессарабии, в семье садовода. Окончил Кишиневский лицей, а в 1936 г.— литературно-философский факультет Бухарестского университета. Был участником подпольного революционного движения в Румынии. После возвращения Бессарабии Советскому Союзу (июнь 1940 г.) принял активное участие в общественно-литературной жизни Молдавии. Работал заместителем председателя Совета Министров Молд. ССР. В 1966—1971 гг.— главный редактор журнала «Нистру». Первая книга стихов «Труд кипит» вышла в 1932 г. <> (№ 178)

Вальшонок Зиновий Михайлович родился в 1934 г. в Харькове, в семье рабочего. В 1960 г. окончил филологический факультет Харьковского гос. университета. Работал преподавателем русского языка и литературы, корреспондентом Харьковского телевидения. Первый сборник стихов «Поиск» вышел в Харькове в 1964 г. <> (№ 267)

Ваншенкин Константин Яковлевич родился в 1925 г. в Москве, в семье инженера. В годы Великой Отечественной войны служил в десантных частях. В 1946 г. поступил в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. В 1948—1953 гг. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Первая книга стихов «Песня о часовых» вышла в 1951 г. <> (№ 206)

Васильев Павел Николаевич (1910—1937) родился в г. Зайсан (ныне Восточно-Казахстанской обл.), в семье учителя. Детские и школьные годы поэт провел в казахских городах Атбасаре, Петропавловске (Северо-Казахстанской обл.) и Павлодаре. В 1926 г. во Владивостоке поступил на факультет восточных языков Дальневосточного университета (японское отделение), но вскоре ушел в плавание матросом. С 1927 г. жил в Новосибирске, где печатал свои стихи в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни». С 1928 г. жил в Омске. Работал старателем на Зейских золотых приисках и в Витиме, плавал на баржах и пароходах по Оби, Енисею, Амуру, был рулевым на судах. Осенью 1929 г. Васильев поселился в Москве, где поступил на Высшие литературные курсы, печатался в столичных журналах и газетах. При жизни поэта кроме двух очерковых книг отдельным изданием вышла поэма «Соляной бунт» (1934). <> (№ 89, 107, 108, 119)

Вечтомова Елена Андреевна родилась в 1909 г. в Казани, в семье научного работника. В 1930 г. окончила филологический факультет Ленинградского гос. университета. В 30-е гг. была литературным консультантом ленинградских журналов «Резец» и «Звезда», с 1934 по 1940 г. работала секретарем «Звезды». Во время Великой Отечественной войны была корреспондентом фронтовых газет. Первый сборник стихов «Песнь о радости» вышел в 1936 г. <> (№ 252)

Винокуров Евгений Михайлович родился в 1925 г. в Брянске, в семье военнослужащего. В 1943 г. поступил в Севастопольское училище зенитной артиллерии. Воевал на 4-м Украинском фронте. После демобилизации в 1946 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького, окончил его в 1951 г. С 1968 г.— преподаватель Литературного института, руководитель творческого семинара. Первая книга «Стихи о долге» вышла в 1951 г. <> (№ 195, 218)

Вознесенский Андрей Андреевич родился в 1933 г. в Москве, в семье инженера. В 1957 г. окончил Московский архитектурный институт. За книги стихов избран почетным членом нескольких зарубежных академий

искусств и литературы. Первые сборники стихов «Парабола» и «Мозлика» вышли в 1960 г. За книгу «Витражных дел мастер» (1976) был удостоен Государственной премии СССР; в этом же году стал лауреатом Международного форума поэтов. <> (№ 225, 228)

Высоцкий Владимир Семенович (1938—1980) родился в Москве. Учился в Инженерно-строительном институте, затем — в Школе-студии МХАТа, окончил ее в 1960 г. Работал в столичных театрах, с 1964 г. — в Театре на Таганке. Широко известен как автор и исполнитель песен, как киноактер. Первый сборник стихов «Нерв» вышел в 1981 г. <> (№ 280)

Вышеславский Леонид Николаевич родился в 1914 г. в г. Николаеве, в семье инженера. В 1936 г. поступил на филологический факультет Киевского гос. университета. После его окончания работал заведующим литературным отделом в киевской газете «Юный пионер». Во время Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовой печати. С 1948 г. — главный редактор альманаха «Советская Украина», в дальнейшем — главный редактор, член редколлегии журнала «Радуга». На протяжении ряда лет был членом правления Союза писателей СССР, членом Президиума правления Союза писателей Украины. Большое место в творчестве поэта занимает переводческая деятельность. Первый сборник стихов «Здравствуй, солнце!» вышел в 1938 г. <> (№ 222)

Галушко Татьяна Кузьминична родилась в 1937 г. в Ленинграде, в семье служащего. В 1960 г. окончила историко-филологический факультет Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена. С 1960 г. работает научным сотрудником Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Первый сборник стихов «Монолог» вышел в 1956 г. <> (№ 262)

Гамзатов Расул Гамзатович родился в 1923 г. в аварском селении Цада (ныне Хунзахского района Даг. АССР), в семье поэта Гамзата Цадасы. Работал учителем. С 1945 по 1950 г. занимался в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Народный поэт Дагестана (с 1959 г.). С 1951 г. возглавляет Союз писателей республики. Депутат Верховного Совета нескольких созывов. Первый сборник стихов «Пламенная любовь и жгучая ненависть» вышел в 1943 г. В 1952 г. за книгу стихов и поэм «Год моего рождения» (1950) удостоен Государственной премии СССР, за сборник стихов «Высокие звезды» (1962) — Ленинской премии. <> (№ 207)

Гаприндашвили Валериан Иванович (1888—1941) родился в г. Кутаиси, в семье учителя. Учился в Кутаисской классической гимназии. В 1914 г. закончил юридический факультет Московского университета. Был одним из основателей группы грузинских символистов «Голубые роги». Раньше других поэтов «голуборожцев» встал на платформу советской литературы. Первый сборник стихов «Сумерки» вышел в 1919 г. <> (№ 109)

Гафур Гулям — псевдоним Гафура Гулямовича Гулямова (1903—1966). Родился в Ташкенте, в семье крестьянина-бедняка. Первая книга — поэма «Кукан-батрак» — была напечатана в 1930 г., а в 1931 г. вышел первый сборник стихов поэта «Динамо». Вместе с Хамзой (см.) Г. Гулям явился реформатором узбекского стихосложения. Переводил на узбекский язык Пушкина, Лермонтова, Маяковского и др. русских классиков. Народный поэт Узбекистана (с 1963 г.). За книгу стихов «Иду

с Востока» (1943) и «Итог» (1967) удостоен Государственной и Ленинской премий СССР. <> (№ 110, 150)

Гафури Мажит — псевдоним Гафурова Габдулмажита Нурганиевича (1880—1934). Родился в дер. Елем-Караново в Башкирии, в семье учителя. Окончив сельскую церковную школу, продолжил образование в Троицке, в городском медресе. Летом работал на золотых приисках, учительствовал в казахских кочевьях. В 1905 г. переехал в Казань и поступил в медресе «Мухаммадия». За участие в революционном движении 1905—1907 гг. подвергался преследованиям царской охранки. С 1907 г. переселился в Уфу, закончил высшее полусветское медресе «Галия». Восторженно приветствовал Октябрьскую революцию. В 1923 г. Гафури было присвоено звание Народного поэта Башкирии. Первая книга — поэма «Сибирская железная дорога, или Положение нации» — вышла в 1903 г. <> (№ 49)

Герасимов Михаил Прокофьевич (1889—1939) родился близ г. Бугуруслан Самарской губ. (ныне Оренбургской обл.), в семье железнодорожного рабочего. Учился в Кинельской двухклассной школе, затем в Самарском железнодорожном училище. В 1905 г. был арестован за революционную деятельность. В 1907 г. эмигрировал. Во Франции и Бельгии работал слесарем, шахтером, электриком, кочегаром. В 1907 г. встретился в Гельсингфорсе с В. И. Лениным. В 1914 г. вступил волонтером во французскую армию. В 1915 г. был выслан за антивоенную пропаганду в Россию. После Октябрьской революции был председателем Самарского Совета солдатских депутатов. В годы гражданской войны был комиссаром в Самаре, командовал отрядами Красной гвардии на Оренбургском фронте. Герасимов — один из основателей литературной группы «Кузница». Первый сборник стихов «Вешние зовы» вышел в 1917 г. <> (№ 14, 18, 39)

Голодный Михаил — псевдоним Эпштейна Михаила Семеновича (1903—1949). Родился в г. Бахмут Екатеринославской губ. (ныне г. Артемовск Донецкой обл.), в рабочей семье. С 12-ти лет работал на фабрике штамповщиком, упаковщиком на мануфактурном складе в г. Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Окончил городское училище. В 1924 г. переехал в Москву, учился на рабфаке, а затем в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. Входил в литературное объединение «Молодая гвардия». Первая книга стихов «Сваи» вышла в 1922 г. <> (№ 137, 140)

Гоппе Герман Борисович родился в 1926 г. в Ленинграде, в семье инженера. В 1955 г. окончил учительское отделение Ленинградского гос. института им. А. И. Герцена, в 1958 г. — Высшую школу профдвижения. В 1941—1945 гг. воевал на Ленинградском и 3-ем Прибалтийском фронтах. С 1958 г. был литературным консультантом газеты «Смена», с 1977 г. — ответственный секретарь комиссии по работе с молодыми литераторами при Ленинградской писательской организации. Первая книга — поэма «Анхелита» — вышла в 1961 г. <> (№ 268)

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) родился в Петербурге, в семье писателя-этнографа. В 1902 г. окончил гимназию, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Принимал активное участие в организации литературного объединения «Цех поэтов», стал одним из первых поэтов-акмеистов. В годы первой мировой войны — корреспондент «Русского слова» на Кавказском фронте. После Октябрьской революции работал в культурно-просветительных

учреждениях Тифлиса и Баку. В 1921 г. руководил литературной частью Театра Революции в Москве, заведовал литературным отделом в редакции «Известий». Первая книга стихов «Ярь» вышла в 1907 г. <> (№ 78, 98)

Грибачев Николай Матвеевич родился в 1910 г. в с. Лопуше (ныне Брянской обл.), в семье крестьянина. Закончив в 1932 г. гидромелиоративный техникум, некоторое время работал в изыскательских партиях на Севере. Был литсотрудником газеты «Красная Карелия» (Петрозаводск). В 1936 г. переехал в Смоленск. Участвовал в 1939 г. в освобождении Красной Армией Зап. Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны был командиром саперного батальона, военным корреспондентом. В 1950—1954 и с 1956 г.— главный редактор журнала «Советский Союз». Секретарь правления Союза писателей СССР. Первый сборник стихов «Северо-Запад» вышел в 1935 г. За поэмы «Колхоз „Большевик“» (1947) и «Весна в „Победе“» (1948) удостоен двух Государственных премий СССР. За участие в книге «Лицом к лицу с Америкой» (1959) Грибачеву была присуждена Ленинская премия. <> (№ 284)

Гудзенко Семен Петрович (1922—1953) родился в Киеве, в семье инженера. С 1939 г. учился в Московском институте философии, литературы и искусства. В июле 1941 г. добровольцем ушел на фронт. Служил рядовым бойцом парашютно-десантных войск. С июля 1942 г., после ранения, становится сотрудником фронтовой газеты «Победа за нами». Пробыл на фронте до конца войны. В 1951—1953 гг.— специальный корреспондент «Литературной газеты». Первый сборник стихов «Однополчане» вышел в 1944 г. <> (№ 171)

Гулиа Дмитрий Иосифович (1874—1960) родился в селении Уарча Гумистинского участка (ныне Сухумский район Абхазской АССР), в семье крестьянина. Учился в Сухумской городской школе, затем некоторое время в Закавказской учительской семинарии. В 1891 г. принял участие в составлении первой абхазской азбуки. Работал преподавателем и переводчиком. С 1924 г. преподавал абхазский язык в Тифлисском университете, возглавил Абхазскую академию языка и литературы. Депутат Верховного Совета СССР двух созывов. Народный поэт Абхазии (с 1937 г.). Первый сборник стихотворений вышел в 1912 г. <> (№ 180)

Гусев Виктор Михайлович (1909—1944) родился в Москве, в семье служащего. Закончив среднее образование, он некоторое время занимался в Драматическом училище при Театре Революции в Москве. С 1926 по 1930 г. учился на Высших литературных курсах, затем в 1930—1931 гг.— на факультете литературы и искусства Московского гос. университета. В 30-х гг. получил широкую известность как поэт-песенник, драматург (пьеса «Слава» и др.) и кинодраматург. В 1939 г. был политработником в Зап. Украине. В годы Великой Отечественной войны занимал пост начальника литературного отдела Всесоюзного радиокомитета. Первая книга стихов «Поход вещей» была издана в 1929 г. Лауреат Государственных премий СССР за киносценарии «Свинарка и пастух» (1941) и «В шесть часов вечера после войны» (1944). <> (№ 115)

Данилов Семен Петрович (1917—1978) родился в одном из глухих селений Якутии (ныне Мытахский сельсовет Горного района Якут. АССР). В 1957 г. окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Данилов — автор рассказов, поэм, книг для детей. Первый его сборник стихов «Моя родина» издан в 1949 г. <> (№ 270)

Дементьев Николай Иванович (1907—1935) родился в Москве, в семье учителя. Высшее образование получил на литературном факультете Московского гос. университета. В годы первой пятилетки работал на строительстве химкомбината в Бобриках. Н. Дементьев — автор книг для детей. Первый сборник стихов «Шоссе Энтузиастов» вышел в 1930 г. <> (№ 129)

Джабаев Джамбул (1846—1945) родился в Семиречье (сев.-вост. Казахстан) у подножья горы Джамбул, в семье кочевника. Талант певца-импровизатора пробудился у Джамбула рано. С пятнадцати лет мальчик участвовал в айтысах — песенных состязаниях. Учителями Джамбула были замечательные народные певцы Суюмбай, Шоже, Майкот. После Октябрьской революции имя Джамбула, которому исполнилось 70 лет, стало известно всей стране. Казахский акын выступал с песенными импровизациями на партийных и профсоюзных съездах и совещаниях, откликался на значительные события в жизни социалистического государства. В 1941 г. был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР за свою песенно-поэтическую деятельность. <> (№ 151)

Джалиль Муса — псевдоним Джалилова Мусы Мустафиевича (1906—1944). Родился в дер. Мустафа Оренбургской губ., в семье крестьянина-бедняка. Учился в деревенской школе, позднее в Оренбурге в медресе «Хусания». В 1931 г. окончил филологический факультет Московского гос. университета. Работал в Татаро-Башкирском бюро ЦК комсомола, редактировал детские журналы «Юные товарищи», «Дитя Октября». Был одним из организаторов Татарского театра оперы и балета. С 1939 г. возглавил Союз писателей Татарии. В первые дни Великой Отечественной войны ушел на фронт. В июне 1942 г., тяжело раненный, был взят в плен. Вел подпольную работу в концентрационном лагере, за что был переведен в Моабитскую тюрьму (Берлин). В 1944 г. казнен гитлеровцами. Первая книга стихов М. Джалиля «Мы идем» вышла в 1925 г. В 1956 г. поэту посмертно присвоены звание Героя Советского Союза, а в 1957 г. — Ленинская премия за сборник стихотворений, написанных им в тюрьме, — «Моабитская тетрадь». <> (№ 123, 148)

Дудин Михаил Александрович родился в 1916 г. в дер. Клевнево Ивановской губ., в семье крестьянина. Закончил школу крестьянской молодежи, затем Ивановскую текстильную школу. Работал литературным сотрудником в ивановских газетах «Всегда готов», «Ленинец», «Рабочий край». С 1935 г. учился на вечернем отделении Ивановского пед. института. С 1939 по 1945 г. — в армии, участник обороны Ханко. С начала Великой Отечественной войны работал в газете «Красный Гангут» (Ленинградский фронт). Первый сборник стихов «Ливень» вышел в 1940 г. Герой Социалистического Труда. <> (№ 166, 235)

Евтушенко Евгений Александрович родился в 1933 г. на станции Зима Иркутской обл., в семье геолога, в том же году переехавшей в Москву. Во время Великой Отечественной войны Евтушенко был в эвакуации на станции Зима. В 1944 г. возвратился в столицу, где после окончания десятилетки учился с 1951 по 1954 г. в Литературном институте им. А. М. Горького. Евтушенко известен и как переводчик произведений поэзии братских народов СССР, зарубежных поэтов. Ему принадлежат две книги прозаических и публицистических произведений. Широкой известностью пользуются песни на слова Евтушенко. Первая книга стихов «Разведчики грядущего» вышла в 1952 г. <> (№ 198, 200, 230, 253)

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) родился в с. Константиново Рязанского уезда и губ. (ныне Рыбновского района Рязанской обл.), в крестьянской семье. Учился в Константиновском земском училище (1904—1909), в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе (1909—1912), затем в Москве на историко-филологическом отделении Народного университета А. Л. Шанявского (1913—1914), курс которого не закончил. В 1915 г. Есенин переезжает в Петроград, знакомится с А. Блоком, С. Городецким, Н. Клюевым. В 1916 г. вышел первый его сборник стихов «Радуница». Вскоре поэт был призван на военную службу и зачислен в Царскосельский полевой военно-санитарный поезд, с которым ездил на фронт. В марте 1917 г. Есенин покидает армию. После Октября пишет ряд произведений, прославляющих путь своей родины к социализму. В 1918 г. предпринимает попытку образовать при Пролеткульте крестьянскую секцию. Вместе с А. Белым, С. Клычковым и др. организует Московскую трудовую артель художников слова (1918—1920). С 1922 г. до самой смерти много ездил по стране и за рубежом (США, Германия, Франция, Италия). <> (№ 12, 14, 72, 76)

Жаров Александр Алексеевич (1904—1984) родился в дер. Семеновской Московской губ., в семье крестьянина. Учился в сельской школе, затем в реальном училище в Можайске. С 1918 г. — секретарь уездного комитета РКСМ, член Московского губкома комсомола. Учился в 1-м Московском университете на факультете общественных наук, занимался в поэтическом семинаре В. Я. Брюсова. Был одним из организаторов литературного объединения «Молодая гвардия». В качестве корреспондента «Комсомольской правды» побывал на многих индустриальных новостройках страны. В годы Великой Отечественной войны служил в Военно-Морском Флоте. Первая книга стихов «Слово о Поволжье» вышла в 1921 г. <> (№ 73, 90)

Жигулин Анатолий Владимирович родился в 1930 г. в Воронеже, в семье служащего. После окончания средней школы до середины 50-х гг. работал в Сибири, на Колыме, на лесозаготовках и рудниках Крайнего Севера. В 1960 г. окончил Воронежский лесотехнический институт. В 1963—1965 гг. был слушателем Высших литературных курсов при Союзе писателей СССР. В 60—70-е гг. — сотрудник редакции «Литературной газеты», журнала «Дружба народов». В последнее время вел семинары поэзии в Литературном институте им. А. М. Горького. Первый сборник стихов «Огни моего города» вышел в 1959 г. <> (№ 265)

Житинский Александр Николаевич родился в 1941 г. в Симферополе, в семье военного. В 1965 г. окончил Ленинградский политехнический институт. Занимался научной работой. Первый сборник стихов «Утренний снег» вышел в 1976 г. <> (№ 254, 255)

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) родился в Казани, в семье агронома, переехавшей в 1910 г. в с. Сернур Уржумского уезда Вятской губ. (ныне Кировской обл.). С 1913 по 1920 г. учился в Уржумском реальном училище. В 1920 г. поступил на историко-филологический факультет 1-го Московского университета; одновременно учился на медицинском факультете 2-го Московского университета. В 1921 г. переехал в Ленинград и здесь в 1925 г. закончил Ленинградский гос. пед. институт им. А. И. Герцена. В 1926—1927 гг. служил в Красной Армии. Позже работал в Ленинграде, в детской редакции Госиздата и редакциях дет-

ских журналов «Чиж» и «Еж». С 1938 г. работал строителем, чертежником на Дальнем Востоке, в Алтайском крае и Караганде. В 1946 г. вернулся в Москву. В 40—50-е гг. много переводил, в особенности поэтов Грузии. Первая книга стихов для детей «Хорошие сапоги» вышла в 1928 г., сборник лирики «Столбцы» — в 1929 г. <> (№ 196)

Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973) родился в с. Николаевский Городок Саратовской губ., в семье учителя. В 1915 г. окончил юридический факультет Петроградского университета. С 1918 по 1923 г. служил в Красной Армии. С 1923 г. работал в издательстве «Земля и фабрика». Зенкевич переводил произведения Ф. Фрейлиграта, В. Шекспира, В. Гюго, У. Уитмена, многих современных поэтов Европы и США. Первый сборник стихов «Дикая порфира» вышел в 1912 г. <> (№ 79)

Инбер Вера Михайловна (1890—1972) родилась в Одессе, в семье владельца книгоиздательства. Окончив гимназию, поступила на одесские Высшие женские курсы, на историко-филологический факультет, но вскоре уехала в Зап. Европу (Швейцария, Франция), где провела в общей сложности четыре года. В 1914 г. вернулась в Одессу; в 1922 г. переехала в Москву. В 20—30-х гг. в качестве журналистки много ездила по Советскому Союзу и Зап. Европе. Инбер — автор книг путевых записок и очерков. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Первая книга стихов «Печальное вино» вышла в Париже в 1914 г. За поэму «Пулковский меридиан» (1943) удостоена Государственной премии СССР. <> (№ 124)

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) родился в дер. Глотовка Смоленской губ., в семье крестьянина-бедняка. Закончил начальную земскую школу, учился в Смоленской и Ельнинской гимназиях. В 1919 г. — редактор уездной газеты г. Ельня. С 1921 по 1930 г. сотрудничает в смоленской газете «Рабочий путь». С 1931 г. — редактор журнала «Колхозник», выходившего в Москве. Многие стихи Исаковского положены на музыку и пользуются общенародной известностью. Одна из первых книг стихов «Провода в соломе», вызвавшая похвалу М. Горького, вышла в 1927 г. Исаковский дважды удостоен Государственных премий СССР: в 1943 г. — за тексты ряда песен, в 1949 г. — за сборник «Стихи и песни». <> (№ 141, 149, 201)

Истру Богдан — псевдоним Богдана Спиридоновича Бодарева. Местность, где он родился в 1914 г. в семье кузнеца, ныне называется с. Пиструены Теленештского района Молд. ССР. В 1932 г. закончил учительскую семинарию. После Великой Отечественной войны окончил историко-филологический факультет Кишиневского пед. института. Народный писатель Молдавии, член-корреспондент Академии наук Молд. ССР. Первый сборник стихов «Заклинание» вышел в 1937 г. <> (№ 266)

Каменский Василий Васильевич (1884—1961) родился близ Перми, в семье мастера по рудничным работам на Уральских золотых приисках. Окончил Пермское городское училище. Работал с 16-ти лет конторщиком, таксировщиком, актером. В 1905 г. был председателем революционного стачечного комитета в Нижнем Тагиле. За участие в забастовке был арестован. С 1907 г. учился на Высших сельскохозяйственных курсах в Петербурге. В 1910—1914 гг. принимал участие в первых авиационных

полетах, стал летчиком-профессионалом. Как писатель примыкал к футуристам. Вместе с Д. Бурлюком и В. Маяковским разъезжал по России с чтением лекций и стихов. Во время гражданской войны служил в Высшей военной инспекции. В 1931 г. принял участие в колхозном строительстве на Урале. Первый сборник стихов «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» вышел в 1914 г. <> (№ 3)

Карим Мустай — псевдоним Каримова Мустафы Сафича. Родился в 1919 г. в дер. Кляшево (ныне Чишминского р-на) Башкирской АССР. В 1940 г. окончил факультет языка и литературы Башкирского пед. института. Участник Великой Отечественной войны. Депутат Верховного Совета РСФСР двух созывов. В течение многих лет был секретарем правления Союза писателей РСФСР. Народный поэт Башкирской АССР (с 1963 г.). Первый сборник стихов «Отряд тронулся» (в соавторстве с В. Нафиковым) вышел в 1938 г. <> (№ 194)

Кекилов Шали (1906—1943) родился в ауле Кеши близ Ашхабада, в семье крестьянина-бедняка. Закончив в 1925 г. педагогические курсы, работал учителем в одном из аулов Копетдага. С 1931 по 1932 г. работал в Республиканском радиокomiteе, в 30-х гг. был литературным сотрудником ашхабадского журнала «Советская литература», выходившего на туркменском языке. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. Умер от ран, полученных в бою. Первый сборник стихов «Просьба девушек» вышел в 1928 г. <> (№ 99)

Кириллов Владимир Тимофеевич (1890—1943) родился в дер. Харинно Смоленской губ., в крестьянской семье. Учился в смоленской начальной школе. С 9-ти лет работал учеником в сапожной мастерской, затем юнгой плавал на судах Черноморского флота в Турцию, Грецию, Египет. Принимал участие в революционном движении 1905—1906 гг. За это был арестован и сослан на три года в г. Усть-Сысольск (Вологодской губ.). В 1914 г. был призван в армию. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Был одним из активных деятелей петроградского Пролеткульта. В 1920 г., поселившись в Москве, вошел в литературную группу «Кузница». В 1925 г. был избран председателем Российской ассоциации пролетарских писателей. Первый сборник Кириллова «Стихотворения» вышел в 1918 г. <> (№ 11, 19)

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) родился в Одессе, в семье портного. В 1925 г. окончил филологический факультет Одесского института народного образования. В 1924 г. познакомился с Маяковским, многое воспринял от него, сотрудничал в журнале «ЛЕФ». В 1927—1928 гг., уже будучи москвичом, вместе с Маяковским выступал на вечерах в разных городах Союза. В годы первых пятилеток неоднократно выезжал на индустриальные новостройки страны. Во время Великой Отечественной войны работал фронтовым корреспондентом. Один из руководителей литературной группы, выпускавшей «Окна ТАСС». Первый сборник стихов «Прицел» вышел в 1926 г. За стихотворную повесть «Макар Мазай» (1947—1950) удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 236)

Клюев Николай Александрович (1884—1937) родился в дер. Коштуги Олонецкой губ. (ныне Вологодская обл.), в крестьянской семье. Окончил двухклассное городское училище в г. Вытегра, затем учился в Петрозаводской фельдшерской школе. В 1905 г. принимал участие

в революционном движении крестьян Олонецкой губ.; за распространение прокламаций был арестован и в 1906 г. отбыл шестимесячное тюремное заключение. Ключев время от времени проживал в Петербурге, путешествовал по стране. В 1915 г. сблизился с С. Есениным. Вскоре после Октябрьской революции вступил в партию большевиков, написал и поставил в Вытегре пьесу из революционной жизни «Красная пасха». В 1920 г. за приверженность к религии был исключен из партии. В 1918 г. написал цикл стихотворений «Ленин». Первый сборник стихов «Сосен перезвон» (с предисловием В. Я. Брюсова и посвящением А. А. Блоку) вышел в 1911 г. <> (№ 20, 34, 82)

Князев Василий Васильевич (1887—1937) родился в г. Тюмень, в купеческой семье. Учился в гимназии г. Екатеринбург (ныне г. Свердловск), затем в учительской семинарии в Петербурге, откуда был исключен за участие в революционном движении 1905 г. Острозлободневные, разоблачительные стихи Князева появлялись в разных сатирических листках и журналах 1900—1910-х гг.: «Поединок», «Скандал», «Стрекоза», «Серый волк», «Будильник», «Сатирикон» и др. После Октябрьской революции Князев стал активным сотрудником «Красной газеты». В дни обороны Петрограда от контрреволюционных войск поэт вступил в Красную гвардию. Князеву принадлежит несколько изданий частушек и пословиц. Первый сборник его стихов «Сатирические песни» вышел в 1910 г. <> (№ 21, 22)

Коган Павел Давыдович (1918—1942) родился в Киеве, в семье служащего. С 1922 г. жил в Москве, где в 1936 г. поступил в Институт философии, литературы и искусства. В 1939 г. перешел в Литературный институт им. А. М. Горького. Во время Великой Отечественной войны работал военным переводчиком, затем помощником начальника штаба стрелкового полка по разведке. Убит под Новороссийском. При жизни не печатался. <> (№ 91)

Колас Якуб — псевдоним Мицкевича Константина Михайловича (1882—1956). Родился на хуторе Акинчицы Минской губ., в семье безземельного крестьянина-лесника. В 1894 г. окончил народную школу, в 1902 г. — Несвижскую учительскую семинарию. Несколько лет работал учителем. За революционную работу среди крестьян был заключен в минскую тюрьму (1908—1911). С 1912 г. работал учителем приходской школы в г. Пинске. В 1915 г. эвакуировался в Московскую губ. и там же был мобилизован в армию. Революцию встретил в Курской обл., где до 1921 г. (г. Обоянь) работал школьным инструктором. В 1921 г. переехал в Минск. Первая книга стихов «Песни печали» вышла в 1910 г. Дважды удостоен Государственной премии СССР: в 1946 г. — за стихотворения о народной борьбе с немецкими захватчиками и в 1947 г. — за поэму «Хата рыбака». <> (№ 91)

Корнилов Борис Петрович (1907—1938) родился в с. Покровское Нижегородской губ., в семье учителя. В 1926 г. переехал в Ленинград, вступил в литературное объединение при журнале «Смена». Учился в 1927—1928 гг. на курсах при Институте истории искусств в Ленинграде. Первая книга стихов «Молодость» вышла в 1928 г. <> (№ 111, 125, 126, 134, 138, 145)

Коротич Виталий Алексеевич родился в 1936 г. в Киеве, в семье служащего. В 1959 г. окончил Киевский медицинский институт, работал врачом. С 1986 г. главный редактор журнала «Огонек». Первый сборник «Золотые руки» вышел в 1961 г. <> (№ 237)

Крайский Алексей Петрович — псевдоним Кузьмина Алексея Петровича (1892—1941). Родился в Новгороде, в семье рабочего. С 14-ти лет начал трудовую жизнь, был ремонтным рабочим, весовщиком, учеником на телеграфе. Слушал лекции в Новгородском народном университете. В 1911 г. переехал в Петербург, где служил приказчиком и конторщиком. После Октябрьской революции принимал участие в работе петроградского Пролеткульта. Первый сборник стихов «Улыбки солнца» вышел в 1919 г. <> (№ 4)

Кузнецов Вячеслав Николаевич родился в 1932 г. в поселке Джакуль Актюбинской обл., в семье врача. В 1956 г. окончил Ленинградскую военно-воздушную академию им. А. Ф. Можайского, служил в армии. В 1960 г. закончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Много лет работает заведующим отделом поэзии журнала «Звезда». Первая книга стихов «Мечта» вышла в 1954 г. <> (№ 202)

Куклин Лев Валерианович родился в 1931 г. в г. Новозыбкове Брянской обл., в семье геолога. В 1954 г. окончил Ленинградский горный институт, работал инженером-геологом. Автор ряда прозаических произведений и киносценариев. Первый сборник стихов «Соседям по жизни» вышел в 1958 г. <> (№ 281)

Кулешов Аркадий Александрович (1914—1978) родился в местечке Самотеевичи (ныне Могилевской обл. БССР), в семье учителя. С 1927 по 1929 г. учился в Педагогическом техникуме. В 1931 г. поступил на литературный факультет Минского пединститута. В годы Великой Отечественной войны работал в армейских газетах. Первый сборник стихов «Расцвет земли» вышел в 1930 г. Поэмы «Знамя бригады» (1942) и «Новое русло» (1948) были отмечены Государственными премиями СССР. <> (№ 135, 155, 187)

Кульчицкий Михаил Валентинович (1919—1943) родился в Харькове, в семье литератора. Окончил десятилетку, работал плотником, чертежником на Харьковском тракторном заводе. В 1937—1939 гг. учился в Харьковском гос. университете, в 1939—1941 гг. — в Литературном институте им. А. М. Горького. В начале Великой Отечественной войны, закончив пулеметно-минометное училище, ушел на фронт. Погиб под Сталинградом в январе 1943 г. Печататься начал в 1935 г. <> (№ 154, 159)

Купала Янка — псевдоним Луцевича Ивана Доминиковича (1882—1942). Родился на хуторе Вязынка близ Виленска, в семье крестьянина-арендатора. В 1898 г. окончил народное училище в с. Беларучи (около Минска). В поисках средств существования сменил ряд профессий. С 1907 г. сотрудничал в белорусской газете «Наша нива», с 1909 по 1912 г. учился в Петербурге на общеобразовательных курсах А. Черняева. С 1914 г. — редактор газеты «Наша нива» до мобилизации в 1915 г. в армию. После Октябрьской революции вел активную общественную и литературную работу. Первый сборник стихов «Жалейка» вышел в 1908 г. В 1925 г. удостоен почетного звания Народного поэта Белоруссии. За книгу стихов «От сердца» (1940) присуждена Государственная премия СССР. <> (№ 120)

Ластовенко Борис Яковлевич родился в 1946 г. в г. Старомайске Донецкой обл. После окончания средней школы работал в колхозе, слу-

жил в Советской Армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Первый сборник стихов «Осокори» вышел в 1969 г. <> (№ 273)

Лахути Абулькасим Ахмедзаде (1887—1957) родился в Керманшахе (в Зап. Иране), в семье ремесленника. В 1905—1911 гг., будучи учеником тегеранской школы, включился в революционное движение. В 1914 г. за революционную деятельность Лахути был приговорен к смертной казни, от которой его спасла эмиграция в Турцию. Вскоре он возвратился на родину и принял участие в партизанской войне против иностранных войск, оккупировавших Иран. В начале 20-х гг. был одним из руководителей вооруженного восстания в Тебризе (Иранский Азербайджан). После поражения восстания эмигрировал в СССР. Активно сотрудничал в газетах и журналах Таджикистана. Первая книга стихов «Кремль» вышла в 1923 г. <> (№ 164)

Лебедев-Кумач Василий Иванович — псевдоним Лебедева Василия Ивановича (1898—1949). Родился в Москве, в семье сапожника. Закончив гимназию, в 1917 г. поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. С 1918 по 1921 г. служил в Бюро печати Управления Реввоенсовета Красной Армии и в военном отделе «Агит-РОСТА»; писал фельетоны, сатиры, рассказы, лозунги для агитвыступлений в воинских частях. С 1922 по 1934 г. был фельетонистом, секретарем редакции, замредактора «Крокодила». В конце 30-х гг. — член редколлегии «Литературной газеты», журнала «Знамя». Внес заметный вклад в развитие советской массовой песни. Во время Великой Отечественной войны работал во флотской и армейской печати, на радио. Первая книга поэта — стихотворная сказка «Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался» — вышла в 1923 г. Первый сборник стихов «Книга песен» вышел в 1938 г. <> (№ 167)

Луговской Владимир Александрович (1901—1957) родился в Москве, в семье учителя. Окончив гимназию, продолжал образование в Главной школе всеобщая; в 1921 г. закончил Военно-педагогический институт. С 1922 г. служил в Управлении делами Кремля и в военной школе ВЦИК. Много путешествовал по Советскому Союзу и странам Зап. Европы. В 1939 г. — военный корреспондент в освободительном походе Красной Армии в Зап. Белоруссию и Зап. Украину. В 1941—1944 гг. находился в Средней Азии. Первая книга стихов «Сполохи» вышла в 1926 г. <> (№ 86, 156, 204)

Максимов Виктор Григорьевич родился в 1942 г. в г. Иваново, в семье военного. Работал слесарем. В 1964—1968 гг. учился на филологическом факультете Ленинградского гос. университета. Первый сборник стихов «Открытие» вышел в 1966 г. <> (№ 263)

Малышко Андрей Самойлович (1912—1970) родился в с. Обухово на Киевщине, в семье сапожника. С 1929 по 1932 г. учился на литературном факультете Киевского института народного образования. Работал учителем в г. Овруч, затем сотрудничал в редакциях газет и журналов Киева и Харькова. В годы Великой Отечественной войны работал во фронтовых газетах. Первый сборник стихов «Родина» вышел в 1936 г. Трижды лауреат Государственных премий СССР: в 1947 г. — за поэму «Прометей» и сборник «Лирика», в 1951 г. — за сборник стихов «За синим морем»; в 1969 г. — за цикл стихов «Дорога над яворами» из одноименного сборника (1964). <> (№ 219)

Малырова Ирина Александровна родилась в 1934 г. в Ленинграде, в семье служащих. После окончания средней школы занималась литературной работой. На протяжении многих лет руководила объединениями ленинградских молодых поэтов, была литературным консультантом газеты «На страже Родины», журнала «Нева». Первый сборник стихов «Месяц-рыболов» вышел в 1963 г. <> (№ 260, 261)

Марниенгоф Анатолий Борисович (1897—1962) родился в г. Нижний Новгород (ныне г. Горький), в семье служащего. Окончив Пензенскую гимназию, с 1916 г. находился на Зап. фронте в инженерно-строительной дружине. С 1919 г. работал в Москве в издательстве ВЦИК литературным секретарем. В 20-х гг. был одним из лидеров группы имажинистов, придававших самоценное значение формальным художественным эффектам. Одно время был близок к С. Есенину. С 1928 г. жил и работал в Ленинграде, выступая преимущественно как драматург. Первая книга стихов «Витрина сердца» вышла в 1918 г. <> (№ 53)

Маркиш Перец Давидович (1895—1952) родился в местечке Полонное на Волини. С отроческих лет был певчим в синагоге, затем банковским служащим в Бердичеве, Одессе; посещал Народный университет А. Л. Шанянского в Москве. В годы первой мировой войны был мобилизован в армию. Во время революции сблизился с еврейскими поэтами так называемой киевской группы (Шварцман, Гофштейн и др.). В 1921 г. уехал за границу, жил в Польше, Германии, Франции, Англии. В 1926 г. возвратился в СССР, в 30-х гг. с энтузиазмом приветствовал социалистические преобразования в стране. Первая книга стихов «Вольны» вышла в 1918 г. <> (№ 104, 127)

Мартынов Леонид Николаевич (1905—1980) родился в Омске, в семье техника путей сообщения. Учился в 1-ой Омской гимназии, затем в советской школе. Играл заметную роль в омской литературной жизни. В 20-е гг. участвует в Балхашской экспедиции Уводстроя, работает сборщиком лекарственных растений на Алтае, книгоношей, корреспондентом сибирских газет. Первая книга очерков «Грубый корм» вышла в Москве в 1930 г. С 1932 по 1935 г. работал в Вологде сотрудником местной газеты, затем вернулся в Омск. С 1946 г. постоянно жил в Москве. Мартынов — не только автор оригинальных стихов, но и плодовитый мастер стихотворного перевода с языков народов мира и СССР. Первая книга «Стихи и поэмы» вышла в 1939 г. Удостоен Государственной премии СССР за сборник стихов «Гиперболы» (1972). <> (№ 43, 63, 208, 209, 223, 233)

Маширов-Самобытник Алексей Иванович (1884—1943) родился в Петербурге, в семье ремесленника. Окончив городское училище, с 12-ти лет стал работать на фабрике металлических изделий. С 16-ти лет начал революционную деятельность. В 1908—1909 гг. занимался на вечерних общеобразовательных курсах Лиговского народного дома. Активно содействовал организации литературных кружков среди рабочих и выпуску сборников пролетарских поэтов. Неоднократно подвергался арестам, в 1915—1917 гг. был в сибирской ссылке. После Февральской революции, возвратившись в Петроград, вел большую работу по организации петроградского Пролеткульта. В 1918—1920 гг. — член редколлегии журнала «Пролетарская культура», в 20-х гг. — председатель Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), в 1926—1928 гг. — редактор журнала «Рабочий и театр»; в последние годы жизни — директор Гос. научно-исследовательского института театра и музыки (в Ленинграде). Первый сборник стихов «Под красным знаменем» вышел в 1918 г. <> (№ 23, 40)

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) родился в с. Багдади (ныне с. Маяковский), в Грузии, в семье лесничего. В 1905 г., в период учебы в Кутанской гимназии, участвовал в гимназической забастовке, в уличных демонстрациях. В 1906 г. переехал в Москву. Выполнял поручения подпольной рабочей московской организации РСДРП(б). В 1908—1909 гг. трижды был арестован. В 1911—1914 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1915—1919 гг. жил в Петрограде. В марте 1919 г. снова переехал в Москву. В годы гражданской войны развертывает громадную работу в «Окнах РОСТА». В 1922—1928 гг. возглавляет литературную группировку «ЛЕФ» и одноименный журнал, который под редакцией поэта выходил в 1923—1925 гг. В 1922—1929 гг. неоднократно выезжал за рубеж: в Германию, Францию, США, Чехословакию, Польшу. Кроме стихов писал пьесы, киносценарии, статьи, рекламу. Первый сборник стихотворений «Я!» вышел в 1913 г. <> (№ 1, 33, 74, 84, 87, 92)

Миколайтис-Путинас — псевдоним Миколайтиса Винцаса (1893—1967). Родился в дер. Пилиотишкяй (ныне Приенайского района Лит. ССР), в крестьянской семье. Учился в Петроградской католической духовной академии, в Мюнхенском университете; окончил университет во Фрейбурге (Швейцария). С 1923 г. преподавал литературу в Каунасском, затем, с 1940 г., — в Вильнюсском университетах. Один из лучших литовских переводчиков. Автор пьес и романов. Народный писатель Литвы (с 1963 г.). Первый сборник стихов «Красные цветы. Князь Жвайнис» вышел в 1917 г. <> (№ 181)

Монтвила Витаутас (1902—1941) родился в Чикаго (США), в семье рабочего-эмигранта. В 1906 г. возвратился вместе с семьей в Литву. В 1912—1913 гг. посещал школу, которую из-за бедности не смог окончить. Батрачил, был пастухом. В 1928 г. окончил Марьямпольскую учительскую семинарию. В 1929 г. за антифашистскую деятельность был осужден на 10 лет тюрьмы. В 1940 г. активно участвовал в установлении Советской власти в Литве. Расстрелян гестаповцами 19 июля 1941 г. под Каунасом (в Девятом форту). Первый сборник стихов «Ночи без ночлега» вышел в 1933 г. <> (№ 163)

Муканов Сабит (1900—1973) родился в одном из аулов Кызылжарского уезда Акмолинской обл. (ныне Джамбульский район Северо-Казахстанской обл.), в семье батрака. Активно участвовал в борьбе с кулацкими бандами за установление Советской власти в Казахстане. Закончил Оренбургский рабфак в 1926 г. С 1930 по 1935 г. учился на литературном факультете Института красной профессуры в Москве. В течение многих лет редактировал республиканские и областные литературные журналы. С 1936 по 1951 г. — председатель Союза писателей Каз. ССР. Автор прозаических и драматургических произведений. Первый сборник стихов издан в 1925 г. <> (№ 131)

Нарбут Владимир Иванович (1888—1944) родился на хуторе Нарбутовка Черниговской губ., в семье мелкого помещика. Закончив гимназию в г. Глухове, поступил в Петербургский университет. В 1912 г. примкнул к литературной группе акмеистов «Цех поэтов». В 1918—1919 гг. редактировал в Воронеже газету «Известия» и журнал «Сирена». В 1922 г. переехал в Москву, был директором издательства «Земля и фабрика». Первая книга «Стихи» вышла в 1910 г. <> (№ 24)

Наровчатов Сергей Сергеевич (1919—1981) родился в г. Хвалынске Саратовской губ., в семье служащего. В 1937 г. поступил в Московский

институт философии, литературы и искусства (МИФЛИ). В декабре 1939 г. вместе с группой студентов ушел добровольцем на войну с белофиннами. В 1941 г. окончил МИФЛИ и Литературный институт им. А. М. Горького. Когда началась Великая Отечественная война, вновь ушел добровольно в армию, воевал на Волховском, Ленинградском и других фронтах. После войны неоднократно избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, был членом МК КПСС, секретарем правлений Союза писателей СССР и РСФСР. В 1974—1981 гг. был главным редактором журнала «Новый мир». Состоял членом редколлегии «Библиотеки поэта». Герой Социалистического Труда. Первый сборник стихов «Костер» вышел в 1948 г. <> (№ 238, 239)

Нерис Саломея — псевдоним поэтессы Бачинской-Бучене Саломеи (1904—1945). Родилась в дер. Кирший (ныне Вилкавишский район Лит. ССР), в крестьянской семье. В 1928 г. окончила Каунасский университет. Некоторое время работала учительницей в гимназиях. Была связана с подпольной Коммунистической партией Литвы. Входила в группу антифашистски настроенных писателей «Третий фронт». В 1936—1937 гг. жила во Франции. С 1941 г. — депутат Верховного Совета СССР. Первый сборник стихов «Ранним утром» вышел в 1927 г. С. Нерис посмертно было присвоено звание Народной поэтессы Литвы, ей (также посмертно) была присуждена Государственная премия СССР за сборник «Мой край» (1947). <> (№ 158)

Нечаев Егор Ефимович (1859—1925) родился в с. Харитоново Тверской губ. (ныне Калининской обл.), в семье рабочего-хрустальщика. С 9-ти лет начал трудовую жизнь на стеклоплавильных заводах, на которых проработал до 1916 г. В 1902 г. был в числе основателей Московского товарищеского кружка писателей из народа, переименованного в Суриковский литературно-музыкальный кружок. Участвовал в ряде изданий кружка. В 1920 г. поэт вошел в состав литературной группы «Кузница». Первый сборник «Трудовые песни» вышел в 1909 г. <> (№ 35)

Нонешвили Иосиф Элиозович родился в 1918 г. в с. Карданахи (ныне Гурджаанского района Груз. ССР). В 1942 г. окончил филологический факультет Тбилисского гос. университета. Участник Великой Отечественной войны. С 1962 по 1966 г. — главный редактор газеты «Литературная Грузия». В течение многих лет являлся секретарем Союза писателей Груз. ССР, избирался депутатом Верховного Совета республики. Первый сборник стихов вышел в 1940 г. <> (№ 240)

Обрадович Сергей Александрович (1892—1956) родился в Москве, в семье рабочего. Окончил городское училище, работал учеником, мастером-стереотипером в типографии. Посещал Народный университет А. Л. Шанявского. В 1914 г. был призван в армию. Вернувшись в 1918 г. в Москву, работал в типографии, на железной дороге. С осени 1918 г. начал заниматься в литературной студии Пролеткульта. В конце 1919 г., порвав с ним, Обрадович стал одним из организаторов литературного объединения «Кузница». В 20-е гг. избирался секретарем правления Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Переводил на русский язык поэзию народов СССР. Первые сборники стихов «Взмах», «Сдвиг» и «Стихи о голоде» вышли в 1921 г. <> (№ 54)

Ойунский — псевдоним Слепцова Платона Алексеевича (1893—1939). Родился в Таттинском улусе Якутии (ныне Алексеевский район

Якут. АССР), в крестьянской семье. В 1916 г. вступил в нелегальный большевистский кружок. Учился в Якутском городском училище и Якутской учительской семинарии, которую окончил в 1917 г. В августе 1918 г. участвовал в борьбе с колчаковцами, которыми был сослан в Томскую губ. В 1921 г. председатель Губревкома Якутии. Был заместителем председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Якутске, первым председателем Якутского ЦИК, депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, председателем Союза писателей Якут. АССР. Основоположник современной якутской литературы. Первый сборник стихов «Песни свободы» вышел в 1922 г. <> (№ 64)

Ойфа Петр Наумович (1907—1987) родился в Елизаветграде (ныне Кировоград), в семье банковского служащего. В 1926 г. окончил среднюю школу в Киеве. С 1931 г. жил в Ленинграде. Участник финской кампании и Великой Отечественной войны. Первая книга стихов «Пионерская почта» вышла в 1931 г. <> (№ 250)

Окуджава Булат Шалвович родился в 1924 г. в Москве, в семье партийного работника. В 1942 г., после девятого класса, ушел добровольцем на фронт. Был минометчиком. В 1950 г. окончил филологический факультет Тбилисского гос. университета. Работал учителем и редактором. Широко известен как автор и исполнитель лирических песен, многие из которых стали органической частью других видов искусства: театральных и кинематографических произведений. Автор нескольких повестей и романов на темы русской истории. Первый сборник «Лирика» вышел в 1956 г. <> (№ 210, 216)

Орлов Сергей Сергеевич (1921—1977) родился в с. Мерга Вологодской губ., в семье сельских учителей. В 1940 г. окончил среднюю школу и поступил на исторический факультет Петрозаводского гос. университета. В 1941 г. ушел добровольцем в действующую армию. Сначала служил в истребительном батальоне, затем в танковых частях. В 1954 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1970 г. являлся секретарем правления Союза писателей РСФСР. Первый сборник стихов «Третья скорость» вышел в 1946 г. <> (№ 241)

Панченко Пимен Емельянович родился в 1917 г. в Таллине, где в поисках работы поселились его родители — обедневшие крестьяне. В 1920 г. они вернулись в Белоруссию. В 1939 г. Панченко окончил Минский учительский институт, работал преподавателем в сельских школах. Участник освободительного похода Красной Армии 1939 г. в Зап. Белоруссию и Великой Отечественной войны. Был главным редактором журналов «Советская отчизна» и «Молодежь», секретарем правления Союза писателей БССР. Народный поэт Белоруссии (с 1973 г.). Первый сборник стихов «Уверенность» вышел в 1938 г. Книга стихов «При свете молний» (1966) удостоена Государственной премии БССР. <> (№ 274)

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) родился в Москве, в семье художника Л. О. Пастернака. Окончив гимназию, поступил в 1909 г. в Московский университет на историко-филологический факультет (закончил в 1913 г.). Летом 1912 г. занимался один семестр в Марбургском университете (Германия), тогда же ездил в Италию и Швейцарию. Входил в примыкавшую к футуризму группу «Центрифуга». После Октябрьской революции некоторое время работал в библиотечном отделе Наркомпроса. В поэме «Высокая болезнь» (1933) с большим мастерством запечатлел образ В. И. Ленина. Автор революционно-исторических поэм

«Девятьсот пятый год» (1925—1926) и «Лейтенант Шмидт» (1926—1927). В 20-е гг. примыкал к руководимому Маяковским объединению «ЛЕФ», из которого вышел в 1928 г. С 30-х гг. регулярно занимался переводческой деятельностью (переводил грузинских поэтов, Шекспира, Гёте, Шиллера, Клейста, Рильке, Верлена и др.). Первая книга стихов «Близнец в тучах» вышла в 1914 г. <> (№ 93, 165)

Пегельман Ханс (1875—1938) родился в Вильяндимаа в Эстонии, в семье крестьянина. Учился в приходской школе. С 1892 г. работал учителем в Пииствере, затем переехал в Вильянди, где работал почтовым служащим. С 1903 по 1905 г. учился в Коммерческом институте в Лейпциге. Возвратившись в 1905 г. в Эстонию, вступил в РСДРП, вел партийную работу в Таллине, в Тарту и деревнях. В 1907 г. руководил конференцией эстонских социал-демократов. Затем эмигрировал; жил в Хельсинки, Париже, Лондоне. В 1908 г. нелегально вернулся на родину. В апреле 1908 г. был арестован и сослан в Сибирь. В 1911 г. бежал в Америку, редактировал там эстонскую газету «Новый мир». После Февральской революции, возвратившись на родину, работал в редакциях эстонских большевистских газет. Входил в правительство Советской Эстонии (1918—1919). После захвата власти в стране буржуазией переселился в Петроград. Первая книга стихов «Голубые наброски» вышла в 1910 г. <> (№ 36)

Первомайский Леонид Соломонович — псевдоним Гуревича Ильи Шлёмовича (1908—1973). Родился в Константинограде (ныне Краснодар Харьковской обл.), в семье переплетчика. Участвовал в украинских литературных объединениях «Плуг» и «Молодняк». Первомайский — автор пьес, переводчик зарубежных писателей. В 1941—1945 гг. военный корреспондент фронтовых газет и газеты «Правда» (с 1943 г.). Первая книга на русском языке — сборник «Обращение к горе» (1934). За книги стихов военных лет «День рождения» (1943) и «Земля» (1943) удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 116, 142)

Полетаев Николай Гаврилович (1889—1935) родился в г. Одоев Тульской губ. Окончил в Москве торговую школу. С 1905 г. работал на Брянской железной дороге, был табельщиком, маркировщиком, весовщиком и т. д. В 1918—1919 гг. активно работал в профсоюзе железнодорожников. С основания московской студии Пролеткульта Полетаев принимает в ее работе деятельное участие. В 1920 г. вошел в литературную группу «Кузница», много печатался в московских газетах и журналах. Первая книга «Стихи» вышла в 1919 г. <> (№ 25)

Полонская Елизавета Григорьевна (1890—1969) родилась в Варшаве, в семье инженера. В 1906—1908 гг. вела агитационную работу среди рабочих Невской заставы в Петербурге. В 1907—1914 гг. училась в медицинской школе Сорбоннского университета (в Париже). Закончила образование в Юрьевском (Тартуском) университете в 1914 г. Во время первой мировой войны работала врачом на Юго-Зап. фронте. С 1917 по 1931 г. работала в медицинских учреждениях Ленинграда. С 1931 г. занималась только литературной деятельностью. Вновь работала врачом в годы Великой Отечественной войны. Первый сборник стихов «Знамя» вышел в 1921 г. <> (№ 55)

Поперечный Анатолий Григорьевич родился в 1934 г. в г. Новая Одесса Николаевской обл. Учился в Николаевском педагогическом институте. Первый сборник стихов «Полнолуние» вышел в 1959 г. <> (№ 249)

Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) родился в с. Кобона на Ладого (Петербургской губ.), в семье крестьянина-рыбака. Учился

в трехклассной сельской школе, в 1913 г. поступил в Петербургскую учительскую семинарию. Начавшаяся война прервала занятия. Вступив в 1919 г. в члены РКП(б), Прокофьев по партийной мобилизации сражался против армии Юденича. В 1920 г. окончил Учительский институт Красной Армии им. Н. Г. Толмачева, служил политработником в армии. В 1922 г. занимался в литературной группе Пролеткульта, руководимом А. П. Крайским (см.). С 1922 по 1930 г. Прокофьев исполнял обязанности сотрудника полномочного представителя ВЧК—ОГПУ в Ленинградском военном округе. С июля 1941 г. по август 1945 г. он — военный корреспондент Политуправления Ленинградского, Волховского и Западного фронтов. В 1945—1948 и 1955—1965 гг. возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. Многие годы состоял членом редколлегии «Библиотеки поэта». Первая книга стихов «Улица Красных зорь» вышла в 1931 г. Лауреат Государственной премии за поэму «Россия» (1944), лауреат Ленинской премии за книгу «Приглашение к путешествию» (1960). <> (№ 83, 112, 113, 132, 220, 221, 226, 227, 231, 232, 242, 243).

Рагим Мамед — псевдоним Гусейнова Рагима Аббас оглы. Родился в 1907 г. в Баку. В 1931 г. окончил литературный факультет Азербайджанского института. Участник Великой Отечественной войны, сотрудничал в армейских газетах. Заслуженный деятель искусств (с 1940 г.), народный поэт Азербайджана (с 1964 г.). Первый сборник стихов «Желания» вышел в 1930 г. В 1949 г. за поэтическую трилогию «Над Ленинградом» удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 179)

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977) родился в Царском Селе (ныне г. Пушкин), в семье учителя. Получил образование в Царскосельской гимназии, затем, с 1914 г., на историко-филологическом факультете Петроградского университета. Весной 1918 г. вступил в Красную Армию, принял участие в защите Петрограда от наступавшей на город осенью 1919 г. армии Юденича. Как поэт-переводчик работал в издательстве «Всемирная литература». В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом армейских газет Ленинградского и Волховского фронтов. Вс. Рождественский известен и как оперный либреттист. Был членом редколлегии «Библиотеки поэта». Первая книга стихов «Гимназические годы» вышла в 1914 г. <> (№ 94, 100)

Рождественский Роберт Иванович родился в 1932 г. в с. Косиха Алтайского края, в семье военнослужащего. В 1950 г. поступил в Петрозаводский гос. университет, потом перешел в Литературный институт им. А. М. Горького. Окончил его в 1956 г. Первая книга стихов «Флаги весны» вышла в 1955 г. В 1979 г. за несколько циклов стихов и поэму «Двести тысяч шагов» (1978) удостоен Ленинской премии СССР. <> (№ 229, 256, 279)

Рудерман Михаил Исаакович родился в 1905 г. в Харькове, в семье ремесленника. С 1921 по 1925 г. учился на литературном отделении Харьковского института народного образования. В 1925 г. переехал в Москву. В дни Великой Отечественной войны работал во фронтовой газете «В бой за Родину». Первый сборник стихов «Эстафета» вышел в 1930 г. <> (№ 101)

Рыльский Максим Фаддеевич (1895—1964) родился в Киеве, в семье этнографа. Учился в гимназии, затем в Киевском университете, сначала на медицинском, потом на историко-филологическом факультете. С 1919 по 1929 г. учительствовал. Некоторое время читал лекции на раб-

факе Киевского университета и в Украинском институте лингвистического образования. В 1943 г. поэт возглавил Союз писателей УССР, а с 1944 г. — Институт искусствоведения, фольклора и этнографии. Известен как выдающийся переводчик на украинский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича. Первая книга стихов «На белых островах» вышла в 1910 г. В 1950 г. его перевод поэмы Мицкевича «Пап Тадеуш» был отмечен Государственной премией СССР. В 1960 г. за сборники стихов «Розы и виноград» (1957) и «Далекие небосклоны» (1959) Рыльский был удостоен Ленинской премии. <> (№ 117)

Садофьев Илья Иванович (1889—1965) родился в Петербурге, в семье сезонного рабочего. С 13-ти лет начал трудовую жизнь: работал на петербургских заводах и фабриках. В 1905 г. принимал участие в революционном движении, неоднократно подвергался репрессиям властей. Накануне революции печатался в большевистских изданиях. В октябре 1917 г. написал поэму «Поступь Октября». После революции был деятельным членом Пролеткульта. В годы гражданской войны заведовал издательством Политотдела Юго-Зап. фронта, работал в УкрРОСТА. После демобилизации с 1924 по 1928 г. возглавлял Ленинградское отделение Союза поэтов. В годы Великой Отечественной войны сотрудничал в газете «Уральский рабочий», писал лозунги к «Окнам ТАСС». Первые сборники стихов «Динамо-стихи» и «Песни Митьки» вышли в 1918 г. <> (№ 7)

Сайяр — псевдоним Сайорпулата Файзуллаева. Родился в 1934 г. в Ташкенте, в семье служащих. В 1962 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1962 г. работает в аппарате Союза писателей Узб. ССР. Первая книга «Жар души» вышла в 1960 г. <> (№ 282)

Самойлов — псевдоним Кауфмана Давида Самуиловича. Родился в 1920 г. в Москве, в семье врача. Окончив в 1939 г. среднюю школу, поступил в Московский институт философии, литературы и искусства. В первые дни Великой Отечественной войны ушел на фронт. Воевал пулеметчиком на Волховском фронте, служил в разведке. После войны долгое время выступал в качестве переводчика произведений поэзии с языков народов СССР и народов мира. Первый сборник стихов «Ближние страны» вышел в 1958 г. <> (№ 244)

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) родился в дер. Ива-нушкинская Иркутской губ., в семье политических ссыльных. В 1917—1919 гг. учился на общеобразовательных курсах, потом, с 1922 по 1925 г., в Ленинградском гос. университете. Служил в Красной Армии (1925—1926). В 1931—1933 гг. под руководством М. Горького работал в журнале «Литературная учеба», был членом редколлегии «Библиотеки поэта» с момента ее основания в 1934 г. В Великую Отечественную войну работал в Политуправлении Ленинградского фронта. Был корреспондентом ленинградской печати на процессе главных военных преступников в Нюрнберге. Автор повестей и романов. Первая книга стихов «Фартовые годы» вышла в 1926 г. В 1949 г. удостоен Государственной премии СССР за роман «Небо и земля». <> (№ 105)

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) родился в г. Екатери-нослав (ныне г. Днепрпетровск), в бедной еврейской семье. Окончил начальное городское училище. С 1919 г. назначен заведующим отделом печати Днепрпетровского губкома комсомола. Был редактором первого

на Украине комсомольского журнала «Юный пролетарий». В 1920 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Демобилизовавшись, работал в Харькове в отделе печати ЦК комсомола Украины. В 1922 г. переехал в Москву, учился на литературном факультете 1-го Московского университета, в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом на Сев.-Зап. и 1-м Белорусском фронтах. Известен и как драматург. Первый сборник стихов «Рельсы» вышел в 1922 г. За книгу «Стихи последних лет» автору посмертно, в 1967 г., присуждена Ленинская премия. <> (№ 88, 95, 118, 133)

Сейфуллин Сакен (Садвокас) (1894—1939) родился в кочевом ауле Нильдинской волости Акмолинской обл. (ныне Жанаркинский район Карагандинской обл.), в семье скотовода. Учился в аульском медресе, затем в начальной русской двухклассной школе в Акмолинске. В 1916 г. окончил Омскую учительскую семинарию. Принимал участие в революционном движении в Казахстане. В 1917—1918 гг. работал совместно с русскими большевиками в Акмолинском Совдепе. В 1918 г. был схвачен контрреволюционерами и заключен в «вагон смерти» атамана Анненкова, откуда бежал в 1919 г. В 20-х гг. Сейфуллин занимал ответственные посты: был первым председателем Совнаркома Каз. ССР, заместителем наркома просвещения, членом Казахского ЦИК и ВЦИК. Сейфуллин — зачинатель казахской советской литературы. Первый сборник его стихов «Минувшие дни» вышел в 1910 г. <> (№ 41)

Сельвинский Илья Львович (1899—1968) родился в Симферополе, в семье меховщика. Учился в Евпаторийской гимназии, затем в Таврическом университете на медицинском факультете. В 1918 г. — боец красногвардейского партизанского отряда. В 1920 г. участвовал в боях за Перекоп. В 1923 г. окончил юридический факультет 1-го Московского гос. университета. С 1924 по 1930 г. был руководителем «Литературного центра» конструкторов, с 1922 по 1926 г. работал разъездным инспектором Центросоюза и Сельскосоюза по экспорту пушнины. В годы первой пятилетки работал на московском электрозаводе сначала сварщиком, затем агитатором. В 1933—1934 гг. — специальный корреспондент «Правды» на ледоколе «Челюскин». Интересный экспериментатор стиха, Сельвинский с 1928 г. руководил (с перерывами) поэтическим семинаром на Высших литературных курсах и в Литературном институте им. А. М. Горького. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. Литературное наследие Сельвинского весьма обширно: романы в стихах и прозе, повести, поэмы, пьесы, стиховедческие исследования и многое др. Первый сборник стихов «Рекорды» вышел в 1926 г. <> (№ 75, 168)

Семпер Иоханнес Хансович (1892—1970) родился в Тухалаане (ныне Вильяндиский район ЭССР), в семье сельского учителя. Слушал лекции в Петербургском и Берлинском университетах, в Рижском политехникуме. Закончил в 1928 г. Тартуский университет, в котором затем преподавал с 1928 по 1940 г. Одновременно работал редактором журнала «Творчество». С 1940 г., после крушения буржуазной диктатуры в Эстонии, Семпер вошел в народное правительство. С 1941 по 1948 г. он — начальник управления по делам искусств; в 1946—1950 гг. — председатель правления Союза советских писателей ЭССР. Выступал и как прозаик, драматург, литературный критик, переводчик. Первый сборник стихов «Пьеро» вышел в 1917 г. Народный писатель Эстонии (с 1964 г.). <> (№ 169)

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) родился в Петрограде, воспитывался в семье военного. Окончил семилетку в Саратове. Учился в ФЗУ, работал токарем. С 1934 по 1938 г. учился в Литературном институте им. А. М. Горького. В 1939 г., во время боев на Халхин-Голе, работал в армейской газете «Героическая красноармейская» (Монголия). В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом «Красной звезды», прошел с Советской Армией длинный путь до Берлина. В течение ряда лет был редактором «Литературной газеты» (в 1950—1954 гг.), журнала «Новый мир» (в 1946—1950 и 1954—1958), секретарем правления Союза писателей СССР (в 1954—1959 гг.). Герой Социалистического Труда (с 1974 г.), Симонов был депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов. Его творческое наследие включает в себя художественную прозу, драмы, лирику, поэмы, переводы, публицистику и критику. Первая стихотворная книга писателя — поэма «Победитель» — вышла в 1937 г. Его пьесы («Парень из нашего города», «Русские люди», «Русский вопрос», «Чужая тень») удостоены четырех Государственных премий СССР в 1942, 1943, 1947 и 1950 гг., пятой Государственной премией СССР (1946 г.) отмечен роман «Дни и ночи», шестой (в 1949 г.) — сборник стихов «Друзья и враги». Ленинская премия в 1974 г. присуждена Симонову за трилогию «Живые и мертвые». <> (№ 188, 264)

Смеляков Ярослав Васильевич (1913—1972) родился в г. Луцк Волинской губ., в семье служащего. Закончил семилетку, затем, в 1931 г., полиграфическую школу ФЗО в Москве. Работал в разное время бригадиром землекопов, лесорубом, газетчиком, наборщиком в типографии. В первые месяцы Великой Отечественной войны рядовым солдатом воевал в Карелии, попал в окружение, до 1944 г. находился в финском плену. В послевоенные годы много работал как поэт и как переводчик с языков народов СССР. Первая книга стихов «Работа и любовь» вышла в Москве в 1932 г. За сборник стихов «День России» (1967) удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 175, 189, 211)

Соколов Владимир Николаевич родился в 1928 г. в г. Лихославль Калининской обл., в семье инженеров. В 1952 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В 1955—1957 гг. был секретарем секции поэтов Московской писательской организации. В 1963—1970 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького. Первый сборник стихов «Утро в пути» вышел в 1953 г. В 1983 г. за книгу стихов «Сюжет» (1980) был удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 245)

Солоухин Владимир Алексеевич родился в 1924 г. в с. Алепино Владимирской губ., в крестьянской семье. После окончания средней школы поступил во Владимирский механический техникум. В годы Великой Отечественной войны был на фронте. В 1951 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал корреспондентом-очеркистом в журнале «Огонек». Автор повестей, романов, публицистических произведений. Первый сборник стихов «Дождь в степи» вышел в 1953 г. <> (№ 190)

Сосюра Владимир Николаевич (1898—1965). Родился в г. Дебальцево (Донбасс), в семье шахтера. С 11-ти лет работал на содовом заводе, в шахте. С осени 1918 г. вступил в ряды украинской рабочей дружины, затем, с 1920 г., служил в Красной Армии. В 1922—1923 гг. учился в Коммунистическом университете им. Артема в Харькове, затем на рабфаке Харьковского института народного образования. В годы Великой Отече-

ственной войны был корреспондентом фронтовых газет. Первая книга «Стихи» вышла в 1921 г. За сборник стихов «Чтобы сады шумели» (1948) удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 56, 153, 197, 224)

Стальский Сулейман — псевдоним Гасанбекова Сулеймана (1869—1937). Родился в ауле Ашага-Стал (ныне Кусумкентского района Даг. АССР), в семье бедного крестьянина. С 13-ти лет батрачил на виноградниках, был чернорабочим на строительстве железной дороги в Средней Азии, работал на нефтяных промыслах в Баку. Тридцати лет вернулся в родной аул, где вновь батрачил. С 1900 г. начал выступать как народный певец. В песнях Стальский выражал протест против социального гнета и несправедливости. Горячо приветствовал победу Октябрьской революции. Стал основоположником советской литературы Дагестана. В 1925 г. избран членом Дагестанского ЦИК. Народный поэт Даг. АССР (с 1934 г.). <> (№ 5)

Судрабкалн Ян — псевдоним Арвида Карловича Пейве (1894—1975). Родился в Инчукалесе близ Риги, в семье арендатора корчмы. Гимназии не закончил из-за недостатка средств. Во время первой мировой войны был рядовым, затем фельдшером в русской армии. После Февральской революции 1917 г. работал в газете латышских стрелков, печатался в большевистской газете «Циня» («Борьба»), издававшейся в Риге. В годы Великой Отечественной войны проживал в Москве, печатался в латышских фронтовых газетах. Первый сборник стихов «Крылатая армада» вышел в 1920 г. За книгу стихов «В братской семье» (1947) удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 26)

Сулейман Рустам — псевдоним Сулеймана Али-Аббас оглы Рустам заде. Родился в 1906 г. в Баку, в семье кузнеца. Окончил среднюю школу в Баку, учился в Азербайджанском (с 1927 г.) и в Московском (с 1929 г.) гос. университетах. Один из организаторов общества молодых поэтов «Красные перья» при бакинской газете «Коммунист» (1926). Известен как переводчик на азербайджанский язык поэзии народов Востока и Кавказа. В течение многих лет был председателем Верховного Совета Аз. ССР. Первый сборник стихов «От печали к радости» вышел в 1927 г. Народный поэт Аз. ССР (с 1960 г.). Лауреат Государственной премии СССР за сборник стихов «Два берега» (1949). <> (№ 212)

Сурков Алексей Александрович (1889—1983) родился в дер. Среднево Ярославской губ., в семье крестьянина. Окончил сельскую начальную школу. С 1912 по 1917 г. служил «мальчиком» в магазинах и конторах Петербурга, работал в столярных мастерских. С 1918 г. ушел на фронт гражданской войны. Около года находился в плену у белоэстонцев, после освобождения из плена принимал участие в ликвидации банд Антонова в Тамбовской губ. Демобилизовавшись, с 1922 по 1924 г. жил в родной деревне: был избачом, волостным политпросветорганизатором. В конце 20-х гг. переехал в Москву, где в 1928 г. был избран в правление и секретариат РАППа. Окончил в 1934 г. Институт красной профессуры, два года после этого был заместителем редактора журнала «Литературная учеба». В 1939 г., в дни освободительного похода Красной Армии в Зап. Белоруссию, а также во время войны с белофиннами и Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом армейских газет. В 1953—1959 гг. — первый секретарь правления Союза писателей СССР. Много лет состоял членом редколлегии «Библиотеки поэта». Первая книга стихов «Запев» вышла в 1930 г. Ряд стихотворений фронтовых лет в 1946 г. отмечен Государственной премией СССР. Сборник стихов

«Миру — мир» удостоен Государственной премии СССР 1951 г.
<> (№ 143, 152, 213, 246, 247)

Суслов Вольт Николаевич родился в 1926 г. в Ленинграде, в семье служащих. В 1953 г. окончил филологический факультет Ленинградского гос. университета. Во время Великой Отечественной войны был на Ленинградском фронте. В 1954—1975 гг. работал в редакции газеты «Ленинские искры», был редактором журнала «Искорка». Заслуженный работник культуры РСФСР. В течение нескольких лет — секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР. Первая книга стихов «Хитрый еж» вышла в 1960 г. <> (№ 283)

Табидзе Галактион Васильевич (1892—1959) родился в с. Чквииси близ Кутаиси, в семье сельского учителя. С 1908 г. учился в Тифлисской духовной семинарии. Рано обратил на себя внимание как поэт-новатор. Поддерживал творческий контакт с видными русскими поэтами. Во время Октябрьской революции был в Петрограде. Впечатления этих дней отразились в поэзии Табидзе. После победы Октября принимал деятельное участие в становлении Советской власти в Грузии. Первый сборник стихов вышел в 1914 г. Народный поэт Груз. ССР (с 1933 г.). В 1944 г. избран в члены АН Груз. ССР. <> (№ 57)

Табидзе Тициан Юстинович (1895—1937) родился в с. Шуамат (ныне Ванского района Груз. ССР). Учился в Кутаисской гимназии, с 1913 по 1917 г. — на филологическом факультете Московского университета. Один из основателей группы грузинских символистов «Голубые роги». В послеоктябрьские годы активно поддерживал Советскую власть в Грузии. Вел большую общественно-литературную и политическую работу. Первая книга — «Поэмы» — вышла в 1930 г. <> (№ 2, 128)

Танк Максим — псевдоним Евгения Ивановича Скурко. Родился в 1912 г. в дер. Пильковщина (ныне Мядельского района Минской обл.), в семье крестьянина. Был активным участником революционного движения в Зап. Белоруссии, неоднократно подвергался арестам. После освобождения Зап. Белоруссии в сентябре 1939 г. работал в областной газете. Во время Великой Отечественной войны — сотрудник фронтовой и партизанской печати. После войны в течение многих лет — первый секретарь правления Союза писателей БССР. Депутат Верховного Совета СССР нескольких созывов. Герой Социалистического Труда. Первый сборник «На этапах» вышел в 1936 г. За книгу стихов «Чтобы ведали» (1948) был удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 185)

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) родился в дер. Загорье Смоленской губ., в семье кузнеца. Учился в сельской школе. С 1928 г. работал в смоленской областной газете. Продолжил образование в Смоленском пед. институте. В 1936 г. переехал в Москву. В 1939 г. окончил Московский институт философии, литературы и истории. Участвовал в освободительном походе Красной Армии в Зап. Белоруссию и в финской кампании 1939—1940 гг. как специальный корреспондент армейской печати. Во время Великой Отечественной войны работал во фронтовых газетах. В 1950—1954 гг. и 1958—1970 гг. — главный редактор журнала «Новый мир». Первая книга — поэма «Путь к социализму» — вышла в 1931 г. Твардовский четырехкратный лауреат Государственных премий СССР: в 1941 г. — за поэму «Страна Муравия», в 1946 г. — за поэму «Василий Теркин», в 1947 г. — за поэму «Дом у дороги», в 1971 г. — за книги «Стихи из записной книжки» (1961) и «Из

лирики этих лет. 1959—1967». В 1961 г. его поэма «За далью — даль» была удостоена Ленинской премии. <> (№ 144, 157, 172, 176, 214)

Тильвитис Теофилис Юстинович (1904—1969) родился в дер. Гайд-жай (ныне Утенского района Лит. ССР), в семье крестьянина. В 1922 г. был исключен из гимназии за выпуск антиклерикальной школьной газеты. В 1923 г. переехал в Каунас. Входил в группу литовских футуристов. В стихах и прозе Тильвитиса 20—30-х гг. преобладала сатира, критика буржуазных нравов. В 1940 г., после установления в Литве Советской власти, работал заместителем редактора журнала «Раштай» («Сочинения»). Первая книга стихов — сборник пародий «Три гренадера» — вышла в 1926 г. Народный поэт Литов. ССР (с 1954 г.). Лауреат Государственной премии СССР за поэму «На земле литовской» (1949). <> (№ 182)

Тихомиров Никифор Семенович (1888—1945) родился в дер. Девятино-Покровское Ярославской губ., в семье крестьянина. Окончил три класса сельской школы. Рано начал трудовую жизнь. Работал в Петербурге в чернильной мастерской, в типографии, на граммофонной фабрике, на заводе «Треугольник». Поступив в 1914 г. на 1-ю петроградскую электростанцию, работал на ней до конца жизни. Сотрудничал в петроградских газетах и журналах. Умер в колхозе «Первое мая» (Осьминский район Ленинградской обл.), куда был направлен для проведения первого послевоенного сева. Первая книга стихов «Красный мост» вышла в 1919 г. <> (№ 6)

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) родился в Петербурге, в семье ремесленника. Учился в общеобразовательной, затем в Торговой школе, работал писцом в Главном морском хозяйственном управлении. С 1915 г. — на фронте первой мировой войны, служил гусаром. В 1918 г. в рядах Красной Армии сражался против белогвардейских банд Юденича под Петроградом. Много путешествовал по Кавказу, Средней Азии. В годы Великой Отечественной войны возглавлял группу писателей при Политуправлении Ленинградского фронта. С 1949 г. — председатель Советского комитета защиты мира, с 1950 г. — член Всемирного Совета Мира. В 1957 г. — лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Многие годы был членом редколлегии «Библиотеки поэта». Первая книга стихов «Орда» вышла в 1922 г. Дважды лауреат Государственной премии СССР: за поэму «Киров с нами» (1941) и цикл стихов «Грузинская весна» (1948). Удостоен Ленинской премии за книгу повестей и рассказов «Шесть колонн» (1968). <> (№ 15, 27, 28, 58, 65, 66, 275)

Токомбаев Аалы родился в 1904 г. в ауле Чон-Кемин в Сев. Киргизии, в бедняцкой семье. В 1916 г., спасаясь от репрессий, семья Токомбаева вместе с киргизскими повстанцами бежала в Китай. После Октябрьской революции Токомбаев вернулся на родину. В 1922 г. поступил в совпартшколу в Ташкенте, затем, с 1923 по 1927 г., учился в Среднеазиатском коммунистическом университете в Ташкенте. Академик АН Кирг. ССР. В 1934—1949 гг. — председатель правления Союза писателей Кирг. ССР. Первый сборник стихов «О Ленине» вышел в 1927 г. <> (№ 215)

Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939) родился в Латвии в г. Кульдиге, в семье учителя. В 1915 г. окончил юридический фак. Московского университета. Участвовал в гражданской войне на Дальнем Востоке. В 1919—1922 гг. работал в дальневосточных большевистских газетах

«Красное знамя», «Дальневосточный телеграф» и др. В 1922 г. переехал в Москву, где сотрудничал в журнале Маяковского «ЛЕФ» и в Первом рабочем театре Пролеткульта. Активно проявил себя как драматург. В 1924 г. выехал в Китай, в течение полутора лет преподавал в Национальном университете в Пекине русскую литературу. Написал антиколониальную пьесу «Рычи, Китай» (1926). Был постоянным корреспондентом «Правды». Вернувшись на родину, активно участвовал в коллективизации сельского хозяйства. Третьяков известен и как киносценарист. Первая книга стихов «Железная пауза» вышла в 1919 г. <> (№ 69)

Туде Али — псевдоним Али Кулы оглы Джавадзаде. Родился в 1924 г. в Баку, в рабочей семье. Окончил в 1952 г. филологический факультет Азербайджанского гос. университета. Работал редактором в издательстве, в редакциях республиканских газет. Первый сборник стихов «Южные песни» вышел в 1950 г. <> (№ 276)

Тычина Павел Григорьевич (1891—1967) родился в с. Пески на Черниговщине, в семье сельского дьяка. После учебы в бурсе поступил в Черниговскую духовную семинарию и закончил ее в 1913 г. В 1917 г. окончил Киевский коммерческий институт. В 1929 г. Тычина избирается членом АН УССР. Депутат Верховного Совета СССР всех созывов. С 1943 по 1948 г. — министр просвещения УССР. С 1953 по 1959 г. — председатель Верховного Совета УССР. Герой Социалистического Труда. Первый сборник стихов «Солнечные кларнеты» вышел в 1918 г. Удостоен Государственной премии СССР за книгу стихов «Чувство семьи единой» (1938). <> (№ 37, 146)

Упит Андрей Мартынович (1877—1970) родился в г. Скривери (ныне Огрского района Латв. ССР), в семье безземельного крестьянина. После окончания сельской школы самостоятельно подготовился к экзаменам и получил в 1896 г. звание учителя. До 1908 г. был учителем начальной школы в Риге. После Февральской революции 1917 г. избран в Совет рабочих депутатов в Риге. В 1918 г. был заключен в тюрьму германскими оккупантами. В 1919 г., в период Советской власти в Латвии, руководил деятельностью культурных учреждений. В 20—30-х гг. выступал как писатель и литературный критик. Был фактическим руководителем периодического журнала «Домас» («Мысли»). В 1940 г., с установлением Советской власти в Латвии, возглавил Союз советских писателей Латв. ССР. Упит — основоположник латышской советской литературы. Его заслуги отмечены званиями Народного писателя Латв. ССР (с 1943 г.) и Героя Социалистического Труда (в 1947 г.). Первый сборник стихов «Маленькие драмы» вышел в 1911 г. За роман «Земля зеленая» (1945) удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 42)

Уткин Иосиф Павлович (1903—1944) родился на станции Хинган Хабаровского края, в семье служащего. Учился в Иркутском городском училище, которое не закончил из-за нужды. Чтобы прокормить семью, продавал газеты, разносил телеграммы, служил на кожевенном заводе. Участвовал в антиколчаковском восстании в Иркутске. В 1920 г. ушел добровольцем в Красную Армию, участвовал в гражданской войне в Сибири. С 1922 г. — репортер Иркутской газеты «Власть труда». В 1927 г. окончил Московский институт журналистики. В 20-х гг. работал в «Комсомольской правде». В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. Погиб во время авиационной катастрофы. Первая книга — поэма «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, равнине Исайе и комиссаре Блох» — вышла в 1926 г. <> (№ 80, 136)

Ушаков Николай Николаевич (1899—1973) родился в г. Ростове Ярославской губ., в семье военного. В Киеве окончил гимназию, а затем, в 1924 г., юридический факультет Института народного хозяйства. В начале 20-х гг. печатался в киевской газете «Красная Армия», затем работал кинорецензентом. Во второй половине 20-х гг. достигает признания своего таланта в столичных литературных кругах и сотрудничает в журналах «Молодая гвардия», «Новый мир», «Октябрь», «Красная новь» и др. Много и плодотворно Ушаков трудился над переводами произведений поэзии с языков братских народов СССР. Первый сборник стихов «Весна республики» вышел в 1927 г. <> (№ 70, 81, 130, 183)

Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) родился в Коканде, в семье лекаря. Учился в медресе. В 1911—1915 гг. открыл в Коканде, затем в Маргелане светскую начальную школу, написал первые на узбекском языке пособия для начальной школы. Октябрьская революция открыла широкие просторы для деятельности Хамзы, ставшего основоположником советской узбекской литературы. Он написал ряд революционных песен, в середине 1918 г. организовал в Фергане передвижную театральную труппу, для которой писал пьесы. В конце октября 1919 г. вместе с труппой вступил в ряды Красной Армии, вел пропагандистскую работу. В 1926 г. Хамзе присвоено звание Народного поэта Узб. ССР. В 1929 г. зверски убит фанатиками-мракобесами в кишлаке Шахимардан. <> (№ 96)

Хлебников Велимир (Виктор) Владимирович (1885—1922) родился в с. Тундутово Астраханской губ., в семье ученого-натуралиста. В 1903 г. окончил гимназию в Казани и поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Принимал участие в студенческих демонстрациях, за что был арестован и заключен в тюрьму. В 1908 г. переехал из Казани в Петербург, был зачислен на третий курс физико-математического факультета Петербургского университета. В 1916 г. был призван на военную службу. Оставил ее в 1917 г. В годы революции и гражданской войны работал в Политпросвете, в «Окнах РОСТА» (Бакинское отделение). В 1920—1921 гг. находился на Кавказе, потом в Персии, куда он выехал в связи с нарастанием революционного движения в этой стране. В декабре 1921 г. вернулся в Москву. Первая книга «Игра в аду», написанная в соавторстве с А. Крученых, вышла в 1912 г. <> (№ 29, 50)

Цадаса Гамзат (1877—1951) родился в ауле Цада (ныне Хунзахского района в Аварии), в семье крестьянина-бедняка. С 8-ми лет остался сиротой, был отдан в медресе. Из-за бедности вынужден был работать сплавщиком леса, чернорабочим в Грозном. С 1914 г. служил в родном ауле священнослужителем-дибиром. В 1916 г. сложил с себя сан священника. После революции активно сотрудничал с Советской властью: был избран комиссаром народного хозяйства Хунзахского района Аварского округа. С 1921 г. работал в первой аварской газете «Красные горы». Первая книга стихов поэта «Метла адатов» вышла в 1934 г. За сборник «Избранное» (1950) был удостоен Государственной премии СССР. <> (№ 184)

Цакунов Олег Александрович родился в 1936 г. в Ленинграде, в семье служащих. Окончил в 1959 г. Ленинградский горный институт, работал геологом. С 1978 г. был редактором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». В 1983 г. избран секретарем партийной

организации Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР. Первая книга стихов «Голос гранита» вышла в 1973 г. <> (№ 257, 258, 259, 286)

Чаренц Егише — псевдоним Согомоняна Егише Абгаровича (1897—1937). Родился в г. Карс (с 1878 по 1918 г. входил в состав Российской империи), в семье торговца. Учился в Карсской русской гимназии. В 1915 г. добровольцем ушел на фронт. С конца 1915 по 1917 г. жил в Москве. В 1918—1919 гг. боец Красной Армии. В 1924 г. по поручению правительства Советской Армении ездил в Турцию, Францию, Италию, Германию. В 1922 г. в Москве был издан двухтомник сочинений Чаренца на армянском языке. Известен как переводчик на армянский язык Пушкина, Маяковского, Есенина, У. Уитмена, Э. Верхарна. Чаренцу принадлежит и перевод «Интернационала». Первый сборник стихов поэта «Три песни печально-бледной девушки...» вышел в 1914 г. <> (№ 106)

Чепуров Анатолий Николаевич родился в 1922 г. в г. Духовщина Смоленской губ. В 1940 г. поступил на филологический факультет Ленинградского гос. университета, откуда в первые дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем в ополчение, затем был сотрудником дивизионной газеты. После войны окончил отделение русского языка и литературы Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена. С 1975 г.— первый секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей, секретарь Союза писателей СССР и РСФСР. Депутат Верховного Совета РСФСР. Первый сборник стихов «Путь-дорога» вышел в 1947 г. Лауреат Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького за книгу «Стихотворения. Поэмы» (1978). <> (№ 248, 271)

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894—1956) родился в г. Темрюке (ныне Краснодарского края), в семье адвоката. В 1919 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. В 1925—1927 гг.— председатель Союза поэтов. Известен как переводчик поэзии западноевропейских стран (Верхарн, Байрон, Гюго) и как теоретик русского стиха. Примыкал к акмеизму. Первая книга стихов «Розы с кладбища» вышла в 1914 г. <> (№ 67)

Шефнер Вадим Сергеевич родился в 1915 г. в Петрограде, в семье пехотного офицера. Рано лишившись отца, был беспризорным. Учился при химическом комбинате в Ленинграде. В 1937 г. закончил рабфак при Ленинградском гос. университете. Работал на ленинградских заводах «Пролетарий», «Электроаппарат» и др. кочегаром, теплотехником, чертежником. В годы Великой Отечественной войны был на Ленинградском фронте, вначале рядовым, затем корреспондентом армейской газеты «Знамя победы». Первая книга стихов «Светлый берег» вышла в 1940 г. <> (№ 217)

Шиваза Ясыр Джумазович родился в 1906 г. в с. Александровка (ныне Московского района Кирг. ССР), в семье кузнеца. В 1930 г. окончил физико-математический факультет Института просвещения в Ташкенте. В 1930—1938 гг. работал в Киргизгосиздате редактором, в 1954—1957 гг.— главным редактором. Был секретарем Союза писателей Кирг. ССР в 1938—1942 и 1946—1954 гг. Первый сборник стихов «Утренняя звезда» вышел в 1931 г. <> (№ 277)

Ширяевец Александр Васильевич — псевдоним Абрамова Александра Васильевича (1887—1924). Родился в с. Ширяево Симбирской губ., в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу, затем два

года учился в Самарском городском училище. Рано начал трудовую жизнь: служил чернорабочим на бумагокрасильной фабрике в Самаре, состоял писцом у казенного лесничего. В 1905 г. переехал в Среднюю Азию, работал до 1919 г. в Ташкенте, в почтово-телеграфном ведомстве. Первая книга «Ранние сумерки» вышла в 1916 г. <> (№ 30)

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930) родился в дер. Печатники под Москвой, в бедной крестьянской семье. Сотрудничал в товарищеских сборниках писателей из народа, был постоянным членом Суриковского литературно-музыкального кружка. Во время революции 1905 г. принимал участие в Московском вооруженном восстании, сражался на баррикадах Пресни; организовал совместно с М. Л. Леоновым издательство революционной литературы «Искра». В период между революциями 1905 г. и Октябрьской 1917 г. Шкулев занимался разнообразной издательской деятельностью, за которую в 1911 г. был заключен на несколько месяцев в тюрьму. Вскоре после выхода из нее он в 1914 г. переехал в Архангельск, где работал сотрудником газеты «Северное утро». Первый сборник стихов «Думы пахаря» вышел в 1895 г. <> (№ 31, 32)

Шухрат — псевдоним Алимова Гуляма Аминджановича. Родился в 1918 г. в Ташкенте, в семье кустика. В 1940 г. окончил отделение языка и литературы Ташкентского пед. института. Был на преподавательской и журналистской работе. Первый сборник стихов «Дыхание жизни» вышел в 1949 г. <> (№ 278)

Щипачев Степан Петрович (1899—1980) родился в дер. Щипачи (ныне Свердловской обл.), в семье крестьянина. Полтора года проучился в церковно-приходской школе. С 9-ти лет работал по найму: был в забое на асбестовых приисках, батраком, «мальчиком» и приказчиком в книжной лавке. В 1917 г. был призван в армию. Вернувшись домой в 1918 г., оказался на территории, оккупированной Колчаком. С 1919 г. сражался в рядах Чапаевской дивизии. С 1922 по 1925 г. служил в Крыму армейским политработником. С 1929 по 1931 г. был заместителем редактора журнала «Красноармеец». В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент «Правды», журнала «Красноармеец». Первый сборник стихов «По курганам веков» вышел в 1923 г. За книгу «Стихотворения» (1948) и поэму «Павлик Морозов» (1950) был удостоен Государственных премий СССР. <> (№ 173)

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) родился в Киеве, в семье инженера. Учился в 1-й Московской гимназии. В 1907 г. вошел в Московскую организацию большевиков, был арестован за революционную работу. После выхода из тюрьмы в 1908 г. уехал в Париж. Во время первой мировой войны был военным корреспондентом на франко-германском фронте. Вернулся в Россию в 1917 г. До 1921 г. работал в различных советских учреждениях. Весной 1921 г. вновь уехал во Францию, путешествовал по странам Европы, Азии, Америки. В 1936—1939 гг. в качестве военного корреспондента был в Испании. В 1941—1945 гг. работал корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», завоевал репутацию страстного антифашиста. Член Всемирного Совета Мира. Первая книга «Стихи» вышла в Париже в 1910 г. За роман «Падение Парижа» (1941) был удостоен Государственной премии СССР. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1952). <> (№ 44)

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- 1). С. 73. И. Новинский. Красная молния. Эскиз плаката 1919 г. Центральный гос. архив литературы и искусства.
- 2). С. 87. Ю. Анненков. Илл. к поэме А. А. Блока «Двенадцать» (отд. изд. поэмы, Пг., 1918).
- 3). С. 117. В. Дени (Денисов). Капитал. Плакат. 1919 г. С левой стороны плаката в прямоугольной врезке текст: «Всякий срывающий этот плакат или заклеивающий его афишей — совершает контрреволюционное дело». Под плакатом помещено след. ст-ние:

Да не будут тебе божи инии разве мене

1

Любуюсь дивною картиной,
Рабы, склонитесь предо мной!
Своей стальной паутиной
Опутал я весь шар земной.
Я — воплощенье КАПИТАЛА,
Я — повелитель мировой.
Волшебный блеск и звон металла —
Мой взгляд и голос властный мой.

2

Тускнеют царские короны,
Когда надену я свою.
Одной рукой ломаю троны,
Другой — я троны создаю.
Моя рука чертит законы,
И отменяет их она.
Мне все «отечества» — загоны,
Где скот — людские племена.

3

Хочу — пасу стада в долинах,
Хочу — на бойню их гоноу.
Мой взмах — и области в руинах,
И храмы преданы огню.
Средь всех твердынь — моя твердыня
Стоит незыблемой скалой.
Храм биржевой — моя святыня,
Конторский стол — мой аналой.

4

Мое Евангелье — балансы,
Богослужение — «игра»,
Дары священные — финансы,
Жрецы мои — бухгалтера.
Я в этом храме — жрец верховный,
Первосвященник ваш и вождь.
Свершая подвиг мой духовный,
Я золотой собираю дождь.

5

Мои сокровища несметны.
Их не отдам я без борьбы.
Да будут вечно ж безответны
Мной усмиренные рабы!
Да будут святы им ступени,
Где жду я жертвы их трудов!
Да склоняют все они колени,
Целуя прах моих следов!

Демьян Бедный

- 4). С. 123. Илл. Эл. Лисицкого к «Левому маршу» В. Маяковского в книге стихов поэта «Для голоса» (Берлин, 1923. с. 7).
- 5). С. 205. А. Апсит. Грудью на защиту Петрограда! Плакат. 1919 г.
- 6) С. 258. Окно Главполитпросвета, № 146. 1921 г. Рис. и текст В. Маяковского.
- 7). С. 288. Афиша, извещающая о выступлении В. В. Маяковского с чтением поэмы «Хорошо!» в здании Политехнического института.

Между с. 352 и 353. Цветные вклейки.

- I. На первой странице тетради иллюстраций помещены выдержки из ст-ний: «Революция» А. И. Маширова-Самобытника, «Гудят мятежные раскаты...» и «Набат» В. Т. Кириллова, «Старому миру» Н. И. Колоколова, «Флаг кумачовый на скудном шесте...» В. Т. Кириллова, «Стихи о Ленинграде» Н. С. Тихонова. В наст. изд. перечисленные ст-ния не вошли (они напечатаны в изд.: «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи». Л., 1959 и Николай Тихонов. Стихотворения и поэмы. Л., 1981 — оба изд. в БС Б-ки поэта).
- II. Н. Кочергин. Враг у ворот!!! Все на защиту Петрограда. Плакат. 1918 г.
- III. Д. Моор. Ты записался добровольцем? Плакат. 1919 г.
- IV. А. Петров. Кто не работает, тот да не ест. Плакат. 1918 г.
- V. А. Соколов. Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Плакат. 1922 г.
- VI. В. Дени (Денисов). «Спешите пана покрепче вздуть, барона тоже не забудь». Плакат. 1920 г. (под «паном» имеется в виду интервенция в 1920 г. панской Польши, ее буржуазно-империалистические круги, захватившие власть в стране; под «бароном» подразумевается белогвардейская армия барона Врангеля, угрожавшая в том же 1920 г. молодой Советской Республике с юга).
- VII. Н. Кочергин. Бой красноармейцев с махновцами. Акварель. 1920 г. Гос. Ордена Октябрьской Революции Музей Октябрьской социалистической революции.
- VIII—IX. Окно РОСТА. № 241. 24—31 августа 1920 г. История про бублики и про бабу, не признающую республики. Текст В. Маяковского, рисунки М. Черемных.
- X. В. Лебедев. Демонстрация. Плакат. 1920 г.
- XI. Н. Кочергин. Да здравствует братство всех народов Кавказа! Плакат. 1921 г.
- XII. Неизвестный автор. Свободный труд — праздник. Плакат. 1919 г.
- XIII. А. Страхов. 1870—1924. В. Ульянов (Ленин). Плакат. 1924 г.
- XIV. И. Симмаков. Да здравствует пятая годовщина Великой пролетарской революции! Плакат. 1922 г.
- XV. К. Юон. Первомайская демонстрация на Красной площади в 1929 г. Гос. Третьяковская галерея.
- XVI. В. Каракашев. Владыкой мира будет труд. Плакат. 1963 г.

В части тиража на суперобложке сборника воспроизведен рис. художника С. Чехонина на обложке книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» (М., 1923).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Тема Октября в советской поэзии. *Вступительная статья Г. В. Филиппова*

5

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я . П О Э М Ы

1917—1921

1. Владимир Маяковский. Ода революции	69
2. Тициан Табидзе. Петербург. <i>Перевод с грузинского Б. Пастернака</i>	70
3. Василий Каменский. Чудо-республика — Россия	71
4. Алексей Крайский. Декреты	72
Сулейман Стальский. Погибни, старый, мертвый мир! <i>Перевод с лезгинского С. Липкина</i>	74
6. Никифор Тихомиров. Братья	75
7. Илья Садофьев. Всемирный товарищ	76
8. Александр Блок. Двенадцать	78
9. Александр Блок. Скифы	90
10. Андрей Белый. Современникам	92
11. Владимир Кириллов. Железный мессия	93
12. Сергей Есенин. Иорданская голубица	94
13. Василий Александровский. Восстание	97
14. Михаил Герасимов, Сергей Есенин, Сергей Клычков. Кантата	101
15. Николай Тихонов. Перекресток утопий	102
16. Садриддин Айни. Марш свободы. <i>Перевод с таджикского И. Сельвинского</i>	103
17. Демьян Бедный. Проводы. <i>Красноармейская песня</i>	104
18. Михаил Герасимов. «Мы победим, клокочет сила...»	106
19. Владимир Кириллов. Матросам	107
20. Николай Клюев. «Солнце Осьмнадцатого года...»	108
21. Василий Князев. Песнь Коммуны	109
22. Василий Князев. Звон перед бурей	110
23. Алексей Маширов-Самобытник. Красный цветок	112
24. Владимир Нарбут. Россия	113
25. Николай Полетаев. Красная площадь	113
26. Ян Судрабкалн. Походная песнь пролетариата. <i>Перевод с латышского В. Невского</i>	114
27. Николай Тихонов. О России	115
28. Николай Тихонов. Банкир	116
29. Велимир Хлебников. О свободе	118
30. Александр Ширяевец. Кремль	119
31. Филипп Шкулев. Гимн коммунаров	119
32. Филипп Шкулев. Памяти борцов, павших в октябрьские дни 1917 г.	121
33. Владимир Маяковский. Левый марш	122
34. Николай Клюев. Гимн Великой Красной Армии	124
35. Егор Нечаев. Свобода	126
36. Ханс Пегельман. Гимн революции. <i>Отрывок. Перевод с эстонского Н. Яворской</i>	127
37. Павло Тычина. Революционный гимн. <i>Перевод с украинского Л. Шерешевского</i>	128
38. Валерий Брюсов. Только русский	129

39. Михаил Герасимов. Красная звезда	130
40. Алексей Маширов-Самобытник. Россия	131
41. Сакен Сейфуллин. Марсельеза казахской молодежи. <i>Перевод с казахского П. Карпа</i>	132
42. Андрей Упит. Коммунары. <i>Перевод с латышского В. Шефнера</i>	134
43. Леонид Мартынов. «Бегут вассалы Колчака...»	135
44. Илья Эренбург. России	136
45. Демьян Бедный. Из повести «Про землю, про волю, про рабочую долю»	137
46. Валерий Брюсов. Парки в Москве	162
47. Валерий Брюсов. Третья осень (1917—1920)	163
48. Валерий Брюсов. К русской революции	164
49. Мажит Гафури. Дай руку, товарищ!.. <i>Перевод с башкирского Я. Козловского</i>	165
50. Велимир Хлебников. Ладомир. <i>Отрывок из поэмы</i>	166
51. Василий Александровский. Будни. <i>Отрывок из поэмы</i>	168
52. Николай Асеев. Кумач	170
53. Анатолий Мариенгоф. Застольная беседа. <i>Отрывок из поэмы</i>	171
54. Сергей Обрадович. Октябрь (1917—1921)	172
55. Елизавета Полонская. Октябрь	172
56. Владимир Сосюра. Красная зима. <i>Перевод с украинского Н. Ушакова</i>	173
57. Галактион Табидзе. Аргонавты новой эпохи. <i>Перевод с грузинского П. Антокольского</i>	177
58. Николай Тихонов. Баллада о гвоздях	177
59. Демьян Бедный. Главная улица. <i>Поэма</i>	178

1922—1940

60. Василий Александровский. «Верю я — мы грядущее вынаничим...»	184
61. Эдуард Багрицкий. Октябрь	185
62. Александр Безыменский. Молодая гвардия	186
63. Леонид Мартынов. «Между домами старыми...»	187
64. Платон Ойунский. Песня свободы. <i>Перевод с якутского А. Кафанова</i>	188
65. Николай Тихонов. Песня об отпуском солдате	189
66. Николай Тихонов. Баллада о синем пакете	190
67. Георгий Шенгели. Пять лет	192
68. Эдуард Багрицкий. Освобождение. <i>Отрывки из поэмы</i>	195
69. Сергей Третьяков. Марш-плакат	199
70. Николай Ушаков. Бронепоезд	200
71. Николай Асеев. Поэма	201
72. Сергей Есенин. Песнь о великом походе. <i>Отрывок из поэмы</i>	203
73. Александр Жаров. Седьмой Октябрь	207
74. Владимир Маяковский. Владимир Ильич Ленин. <i>Отрывок из поэмы</i>	208
75. Илья Сельвинский. Улялаевщина. <i>Отрывок из эпопеи</i>	216
76. Сергей Есенин. Воспоминание	219
77. Микола Бажан. Песня бойца. <i>Перевод с украинского В. Джравина</i>	220
78. Сергей Городецкий. Делегатка	221
79. Михаил Зенкевич. Матрос с «Потемкина»	223
80. Иосиф Уткин. Октябрь	224

81. Николай Ушаков. Ночь на 25-е	225
82. Николай Клюев. Богатырка	226
83. Александр Прокофьев. Третья песня о Ладогe	227
84. Владимир Маяковский. Октябрь. 1917—1926	228
85. Эдуард Багрицкий. Дума про Опанаса. <i>Поэма</i>	231
86. Владимир Луговской. Песня о ветре	243
87. Владимир Маяковский. Не юбилейте!	246
88. Михаил Светлов. Гренада	250
89. Павел Васильев. Октябрь	252
90. Александр Жаров. Осенняя прелюдия	254
91. Якуб Колас. Борцам за Октябрь. <i>Перевод с белорусского</i> <i>А. Кленова</i>	255
92. Владимир Маяковский. Хорошо! <i>Октябрьская поэма</i>	256
93. Борис Пастернак. К Октябрьской годовщине	331
94. Всеволод Рождественский. Расставанье с юностью	335
95. Михаил Светлов. Боевая Октябрьская	337
96. Хамза Хаким-заде Ниязи. Песня свободных женщин. <i>Перевод</i> <i>с узбекского Л. Хаустова</i>	338
97. Хамид Алимджан. Восток. <i>Перевод с узбекского П. Семь-</i> <i>нина</i>	339
98. Сергей Городецкий. СССР	342
99. Шали Кекилов. Старое не вернется! <i>Перевод с туркменского</i> <i>А. Жарова</i>	344
100. Всеволод Рождественский. Октябрьская погода	344
101. Михаил Рудерман. Октябрь	346
102. Айбек. Комсомольская песня. <i>Перевод с узбекского С. Вилен-</i> <i>ского</i>	348
103. Николай Асеев. Она продолжается	348
104. Перец Маркиш. Октябрьские стихи. <i>Перевод с еврейского</i> <i>О. Колычева</i>	351
105. Виссарион Саянов. «Семнадцатилетние мальчишки...»	352
106. Егише Чаренц. 25—26 октября 1917 года. <i>Отрывок. Перевод</i> <i>с армянского Н. Ушакова</i>	354
107. Павел Васильев. Октябрьский ветер	358
108. Павел Васильев. Песня о гибели казачьего войска. <i>Отрывки</i> <i>из поэмы</i>	360
109. Валериан Гаприндашвили. Октябрьские строки. <i>Перевод с</i> <i>грузинского Б. Пастернака</i>	365
110. Гафур Гулям. На путях Турксиба. <i>Перевод с узбекского</i> <i>В. Державина</i>	365
111. Борис Корнилов. Военная песня	370
112. Александр Прокофьев. Мы	371
113. Александр Прокофьев. Октябрь	372
114. Петрусь Бровка. Земля. <i>Перевод с белорусского Б. Ясенского</i> <i>Б. Ясенского</i>	373
115. Виктор Гусев. Октябрьский смотр	375
116. Леонид Первомайский. Большая молодость моя. <i>Перевод</i> <i>с украинского А. Прокофьева</i>	378
117. Максим Рыльский. Тень вождя. <i>Перевод с украинского</i> <i>Б. Турганова</i>	379
118. Михаил Светлов. Песня («Ночь стоит у взорванного моста...»)	380
119. Павел Васильев. Строится новый город	380
120. Янка Купала. Великому Октябрю. <i>Перевод с белорусского</i> <i>С. Липкина</i>	382
121. Акоп Акопян. Ленинградская поэма. <i>Фрагмент 4. В ту ночь.</i> <i>Перевод с армянского Я. Хелемского</i>	383

122.	Джек Алтаузен. Первое поколение. <i>Отрывок из поэмы</i>	384
123.	Муса Джалиль. Наша любовь. <i>Перевод с татарского В. Звягинцевой</i>	387
124.	Вера Инбер. Вполголоса. <i>К годовщине Октября</i>	389
125.	Борис Корнилов. Она в энском уезде	391
126.	Борис Корнилов. Осень	393
127.	Перец Маркиш. Воплощение. <i>Перевод с еврейского Л. Руст</i>	396
128.	Тициан Табидзе. Здравница. <i>Перевод с грузинского Н. Тихонова</i>	397
129.	Николай Дементьев. Мать	400
130.	Николай Ушаков. Герой	404
131.	Сабит Муканов. Большевицкая осень. <i>Перевод с казахского Н. Сидоренко</i>	411
132.	Александр Прокофьев. Матрос в Октябре	414
133.	Михаил Светлов. Песня о Каховке	415
134.	Борис Корнилов. Командарм	415
135.	Аркадий Кулешов. Табуны. <i>Перевод с белорусского Я. Хелемского</i>	417
136.	Иосиф Уткин. Комсомольская песня	420
137.	Михаил Голодный. Партизан Железняк	421
138.	Борис Корнилов. Поколение Октября	423
139.	Айбек. Избавление. <i>Перевод с узбекского С. Виленского</i>	426
140.	Михаил Голодный. Песня о Щорсе	428
141.	Михаил Исаковский. Прощание	429
142.	Леонид Первомайский. Буденновская. <i>Перевод с украинского А. Прокофьева</i>	430
143.	Алексей Сурков. Конармейская песня	431
144.	Александр Твардовский. Смоленщина	432
145.	Борис Корнилов. Разговор	433
146.	Павло Тычина. Чувство семьи единой. <i>Перевод с украинского Н. Брауна</i>	435
147.	Ольга Берггольц. Предчувствие	437
148.	Муса Джалиль. Бабушка Сарби. <i>Перевод с татарского В. Державина</i>	437
149.	Михаил Исаковский. Песня о революции	439
150.	Гафур Гулям. Мавджуда. <i>Перевод с узбекского В. Потаповой</i>	440
151.	Джамбул Джабаев. Гимн Октябрю. <i>Перевод с казахского П. Кузнецова</i>	442
152.	Алексей Сурков. Октябрь	443
153.	Владимир Сосюра. Освобождение. <i>Перевод с украинского А. Кушнера</i>	446
154.	Михаил Кульчицкий. Маяковский. Последняя ночь государства Российского	448
155.	Аркадий Кулешов. Винтовка. <i>Перевод с белорусского Н. Кислика</i>	449
156.	Владимир Луговской. Лозовая	450
157.	Александр Твардовский. Вдовий флаг	453
158.	Саломея Нерис. Красная площадь. <i>Отрывок из поэмы «Путь большевика»</i> . <i>Перевод с литовского В. Державина</i>	454

1941—1945

159.	Михаил Кульчицкий. Поколение Ленина. <i>Отрывок из поэмы «Самое такое»</i>	456
160.	Павел Коган. Лирическое отступление	458

161.	Ольга Берггольц. Первый день	459
162.	Ольга Берггольц. Стихи о вооруженном народе	460
163.	Витаутас Монтовила. Песня революции. <i>Перевод с литовского Л. Озерова</i>	461
164.	Абулькасим Лахути. Двадцать четвертая годовщина Октября. <i>Перевод с таджикского В. Левика</i>	462
165.	Борис Пастернак. 1917—1942	463
166.	Михаил Дудин. Стихи о шалаше	464
167.	Василий Лебедев-Кумач. Октябрьская звезда	465
168.	Илья Сельвинский. Баллада о ленинизме	466
169.	Иоханнес Семпер. Четверть века. <i>Перевод с эстонского С. Ботвинника</i>	469
170.	Всеволод Азаров. Матрос Октября	471
171.	Семен Гудзенко. Баллада о знамени	472
172.	Александр Твардовский. Награда	476
173.	Степан Щипачев. Домик в Шушенском. <i>Поэма</i>	477
174.	Айбек. Праздник славы. <i>Перевод с узбекского В. Державина</i>	481
175.	Ярослав Смеляков. Портрет	482
176.	Александр Твардовский. Отчизне	483

1946—1966

177.	Александр Абашели. Потомкам. <i>Перевод с грузинского Н. Заболоцкого</i>	484
178.	Емилиян Буков. Октябрь на границе. <i>Перевод с молдавского В. Потаповой</i>	485
179.	Мамед Рагим. Октябрь. <i>Перевод с азербайджанского И. Оратовского</i>	486
180.	Дмитрий Гулна. «Аврора». <i>Перевод с абхазского Л. Длигача</i>	487
181.	Винцас Миколайтис-Путинас. Фрагменты в честь Великого Октября. <i>Перевод с литовского А. Ойслендера</i>	488
182.	Теофилис Тильвитис. Октябрьские мысли. <i>Перевод с литовского Л. Озерова</i>	491
183.	Николай Ушаков. Гоним эмира	491
184.	Гамзат Цадаса. Октябрь. <i>Перевод с аварского Н. Гребнева</i>	493
185.	Максим Танк. Разлив. <i>Перевод с белорусского А. Прокофьева</i>	493
186.	Айбек. В Мавзолее Ленина. <i>Перевод с узбекского А. Наумова</i>	494
187.	Аркадий Кулешов. Коммунисты. <i>Перевод с белорусского Я. Смелякова</i>	496
188.	Константин Симонов. Ночь перед бессмертием	497
189.	Ярослав Смеляков. Ленин	499
190.	Владимир Солоухин. Это было в двадцатом	500
191.	Николай Асеев. Наш Октябрь	502
192.	Семен Ботвинник. В Смольном	504
193.	Ольга Берггольц. Побратимы	506
194.	Мустай Карим. Я — россиянин. <i>Перевод с башкирского М. Дудина</i>	507
195.	Евгений Винокуров. После залпа	508
196.	Николай Заболоцкий. Ходоки	509
197.	Владимир Сосюра. России. <i>Перевод с украинского Б. Турганова</i>	511
198.	Евгений Евтушенко. Разговор с Революцией	512
199.	Николай Браун. 24 октября 1917 года	513
200.	Евгений Евтушенко. Октябрь	514
201.	Михаил Исаковский. 25 октября 1917 года	516

202.	Вячеслав Кузнецов. За счастье	517
203.	Ольга Берггольц. Первороссийск. <i>Отрывки из поэмы</i>	518
204.	Владимир Луговской. Костры	530
205.	Павел Антокольский. Октябрьский вихрь	532
206.	Константин Ваншенкин. Октябрь	533
207.	Расул Гамзатов. Горцы у Ленина. <i>Перевод с аварского Н. Гребнева</i>	535
208.	Леонид Мартынов. Вас не было еще...	537
209.	Леонид Мартынов. «Я знаю, чем была...»	538
210.	Булат Окуджава. Сентиментальный марш	539
211.	Ярослав Смеляков. Шестидюймовка «Авроры»	540
212.	Рустам Сулейман. Моя песня. <i>Перевод с азербайджанского Н. Алибеговой</i>	541
213.	Алексей Сурков. Октябрьский триптих	543
214.	Александр Твардовский. «Та кровь, что пролита недаром...»	545
215.	Аалы Токомбаев. Кем мы были и кем стали (Из истории нашего народа). <i>Перевод с киргизского П. Ювенской</i>	546
216.	Булат Окуджава. Песенка о комсомольской богине	548
217.	Вадим Шефнер. Камни под асфальтом	549
218.	Евгений Винокуров. «О, сострадание! Нет грознее силы!..»	551
219.	Андрей Малышко. Моя Украина. <i>Перевод с украинского Ю. Вронского</i>	551
220.	Александр Прокофьев. День второй	554
221.	Александр Прокофьев. Первая песня	555
222.	Леонид Вышеславский. «Когда в семнадцатом глухой подземный гул...»	556
223.	Леонид Мартынов. Октябрь	556
224.	Владимир Сосюра. «Как сине, как чисто, как тихо кругом!..» <i>Перевод с украинского Н. Старшинова</i>	557
225.	Андрей Вознесенский. Секвойя Ленина	558
226.	Александр Прокофьев. Джону Риду	559
227.	Александр Прокофьев. Революция	560
228.	Андрей Вознесенский. Лонжюмо. <i>Поэма</i>	561
229.	Роберт Рождественский. Письмо в тридцатый век. <i>Отрывок из поэмы</i>	570
230.	Евгений Евтушенко. Братская ГЭС. <i>Отрывки из поэмы</i>	573
231—232.	Александр Прокофьев. <Из цикла «Годы»>	589

1967—1987

233.	Леонид Мартынов. Во дни переворота	591
234.	Павел Антокольский. Повесть временных лет. <i>Отрывок из поэмы</i>	592
235.	Михаил Дудин. Зерна. <i>Поэма</i>	595
236.	Семен Кирсанов. Старые фотографии	603
237.	Виталий Коротич. Ленин. Том 54. <i>Отрывок из поэмы. Перевод с украинского Е. Храмова</i>	608
238.	Сергей Наровчатov. Рожденье	610
239.	Сергей Наровчатov. 1920	611
240.	Иосиф Нонешвили. Я славию Октябрьское знамя. <i>Перевод с грузинского Е. Евтушенко</i>	612
241.	Сергей Орлов. Октябрьский патруль	613
242—243.	Александр Прокофьев. (Из цикла стихов о революции)	615
244.	Давид Самойлов. Блок. 1917	616
245.	Владимир Соколов. Октябрь	618

246. Алексей Сурков. Знамена Октября	619
247. Алексей Сурков. «На эпоху нам пенять негоже...»	621
248. Анатолий Чепуров. На Марсовом поле	622
249. Анатолий Поперечный. Железные матросы	622
250. Петр Ойфа. Петербургская курсистка	624
251. Николай Браун. Слушая голос Ленина	625
252. Елена Вечтомова. Деревья Ильича	626
253. Евгений Евтушенко. Казанский университет. <i>Отрывки из поэмы</i>	627
254—255. Александр Житинский. Путь	643
256. Роберт Рождественский. Баллада о бессмертии	645
257—259. Олег Цакунов. <Из цикла «Звезды гражданской»>	648
260—261. Ирина Малярова. <Из цикла «Улица Червоного Казачества»>	650
262. Татьяна Галушко. Октябрь	652
263. Виктор Максимов. Суровость	653
264. Константин Симонов. «Навеки врублен в память поколений...»	653
265. Анатолий Жигулин. «Коммуна»	654
266. Богдан Истру. Песня о Котовском. <i>Перевод с молдавского Э. Балашова</i>	655
267. Зиновий Вальшонок. Площадь Красных Латышских Стрелков	656
268. Герман Гоппе. За тебя, Революция	658
269. Анатолий Аквилев. Огонь Революции. <i>Поэма</i>	659
270. Семен Данилов. Разговор с Лениным. <i>Перевод с якутского И. Фоякова</i>	666
271. Анатолий Чепуров. Бакенщик	667
272. Анвар Аджиев. Песня давних лет. <i>Перевод с кумыкского Я. Серпина</i>	669
273. Борис Ластовенко. Атакующий класс.	673
274. Пимен Панченко. Мемориальные доски. <i>Перевод с белорусского Б. Спринчана</i>	673
275. Николай Тихонов. <Из цикла «Жизни новое начало»>	675
276. Али Туде. Сад Двадцати шести. <i>Перевод с азербайджанского В. Зайцева</i>	676
277. Ясыр Шиваза. Коммунист. <i>Перевод с дунганского М. Ронкина</i>	677
278. Шухрат. День Октября. <i>Перевод с узбекского З. Тумановой</i>	678
279. Роберт Рождественский. Двести десять шагов. <i>Отрывки из поэмы</i>	679
280. Владимир Высоцкий. Пожары	685
281. Лев Куклин. Слово о наркоте	686
282. Сайяр. Песня Октября. <i>Перевод с узбекского Е. Лавренича</i>	687
283. Вольт Суслов. Гибель эскадры	689
284. Николай Грибачев. И я — от них	690
285. Сергей Бирюков. Молодые поэты революции	693
286. Олег Цакунов. Весенний Октябрь	693
Примечания	695
Биографический справочник авторов	743
К иллюстрациям	775

Октябрь в советской поэзии: Сборник. Вступ. ст. Г. В. Филиппова; Сост., подгот. текста и примеч. И. В. Кудровой, Н. И. Кузнецовой, Л. Г. Чащиной. — Л.: Сов. писатель, 1987. — 784 с., ил. 16. (Б-ка поэта, Большая серия).

В сборник включены избранные произведения советской многонациональной поэзии, посвященные теме Октябрьской революции. Кроме стихотворений в книгу вошли поэмы — некоторые полностью, некоторые в отрывках. Среди авторов антологии — выдающиеся мастера советской поэтической классики. Материал в издании расположен в хронологической последовательности с выделением пяти разделов: «1917—1921», «1922—1940», «1941—1945», «1946—1966», «1967—1987».

О $\frac{4702010200-135}{083(02)-87}$ 422—87

ББК 84.Р7

ОКТЯБРЬ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1987 г. 784 стр.

План выпуска 1987 г. № 422

Художник *В. В. Еремин*

Худож. редактор *Б. А. Комаров*

Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*

Корректоры *Е. Я. Лапкин* и *Р. М. Данциг*

ИБ № 6153

Сдано в набор 6.02.87. Подписано к печати 23.07.87. М 15026. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 42,0. Уч.-изд. л. 44,62. Тираж 75 000 экз. Заказ № 842. Цена 4 р. 30 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

1900

COLEMAN
MCCARTHY